

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Доброва Светлана Ивановна

**ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ ОБРАЗНОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА
В ЖАНРАХ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА**

Специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Воронеж 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Глава 1. Теоретические основания и современное состояние исследования эволюции языка фольклорных памятников	23
1.1. Образный параллелизм как отражение эволюции языка русского фольклора в системе русского языка, в зеркале традиционной культуры и этнической ментальности	23
1.2. Мифологические и философские аспекты эволюции языковых основ образного параллелизма как универсального феномена	42
1.3. Основные компоненты теории развития образного параллелизма в жанрах русского фольклора.....	54
Выводы из первой главы	65
Глава 2. Эволюционная семиология образного параллелизма	68
2.1. Образный параллелизм как знак вторичной моделирующей системы	68
2.2. Семиотическая система репрезентации культурных смыслов в образном параллелизме.....	84
2.3. Структурный аспект семиотической системы	85
2.3.1. Семиотическая вертикаль образного параллелизма.....	86
2.3.2. Гипертема образного параллелизма.....	89
2.3.3. Семантический инвариант образного параллелизма	103
2.3.4. Структурная инвариантная модель образного параллелизма	107
2.3.5. Варианты текстовых реализаций образного параллелизма.....	120
2.4. Функциональный аспект семиотической системы	133
2.4.1. Гетерогенные механизмы репрезентации культурных смыслов в образном параллелизме	134
2.4.2. Гомогенные механизмы репрезентации культурных смыслов в образном параллелизме	134
Выводы из второй главы	138
Глава 3. Эволюционная морфология образного параллелизма	141

3.1. Эволюция типов символической образности, созданных на основе образного параллелизма.....	142
3.1.1. Типы символической образности.....	142
3.1.2. Образ-символ как тип символической образности	146
3.1.3. Символическое действие как тип символической образности	163
3.1.4. Символическая картина как тип символической образности	170
3.1.5. Эволюция семантического комплекса типов символической образности	175
3.1.6. Каталог типов символической образности и их эволюционно-ментальный аспект	179
3.2. Эволюция структурно-семантических модификаций образного параллелизма...	179
3.2.1. Структурно-семантические модификации образного параллелизма.....	179
3.2.2. Классический тип образного параллелизма.....	181
3.2.3. Трансформация формы образного параллелизма.....	189
3.2.3.1. Антропоморфизация макрокосмических объектов.....	189
3.2.3.2. Пластика образов параллелей.....	195
3.2.4. Трансформация содержания образного параллелизма	201
3.2.4.1. Параллелизм образов макрокосма и микрокосма.....	202
3.2.4.2. Параллелизм образов макрокосма.....	207
3.2.4.3. Параллелизм образов микрокосма	211
3.2.4.4. Образный параллелизм в составе счетных рядов.....	216
3.2.5. Формализация образного параллелизма.....	225
3.2.5.1. Ядро формализованного образного параллелизма.....	228
3.2.5.1.1. Формализованный образный параллелизм на основе классического типа	232
3.2.5.1.2. Формализованный образный параллелизм на основе трансформации его формы и содержания	233
3.2.5.2. Периферия формализованного образного параллелизма	245
3.2.5.2.1. Образный параллелизм сравнений.....	245
3.2.5.2.2. Образный параллелизм в формуле отсылки болезни.....	248
3.2.5.2.3. Образный параллелизм в формулах обмена	266

3.2.5.2.4. Троичный образный параллелизм	281
3.2.5.2.5. Образные параллелизмы-перечни (полиномы)	287
3.2.5.2.6. Образный параллелизм обращений	300
3.2.5.2.7. Концентрический образный параллелизм.....	303
3.2.5.2.8. Образные параллелизмы-биномы	323
3.2.5.2.9. Параллелизмы с образным уподоблением	342
3.2.5.2.10. «Затрудненный» образный параллелизм.....	361
3.2.5.2.11. Композитный образный параллелизм.....	366
3.2.5.2.12. Звукосимволический образный параллелизм	370
3.2.5.2.13. Образный параллелизм метаморфоз-репрезентаций	388
3.2.5.2.14. Имплицитный образный параллелизм.....	404
3.2.5.2.15. Дистантный образный параллелизм	408
3.2.6. Каталог структурно-семантических модификаций образного параллелизма и их эволюционно-ментальный аспект	411
3.3. Эволюция моделей соотношения синтаксической организации образного параллелизма с его содержательной стороной	414
3.3.1. Типология разновидностей синтаксической организации образного параллелизма	414
3.3.2. Типология моделей соотношения синтаксической организации образного параллелизма с его содержательной стороной и ее эволюционно- ментальный подтекст.....	425
Выводы из третьей главы	435
Глава 4. Системные характеристики развития образного параллелизма как отражение динамики народного мировосприятия.....	438
4.1. Эволюционные цепи формирования образного параллелизма как отражение многослойности фольклорного текста.....	438
4.2. Эволюционные эффекты формирования образного параллелизма как отражение многослойности фольклорного текста.....	441
4.2.1. Кумулятивный эффект эволюции образного параллелизма.....	442
4.2.2. Кольцевой эффект эволюции образного параллелизма.....	444

4.2.3. Зеркальный эффект эволюции образного параллелизма	446
4.2.4. Генеративно-порождающий эффект эволюции параллелизма	448
4.2.4.1. Соотношение инварианта и образных вариантов как матрица структурообразования образного параллелизма, отражающая эволюцию семиотических основ фольклорного текста	449
4.2.4.2. Устойчивые словесные комплексы как матрицы структурообразования образного параллелизма, отражающие эволюцию семантических основ фольклорного текста	455
4.2.4.3. Способы-модели построения синтаксического единства как матрицы структурообразования образного параллелизма, отражающие эволюцию синтаксических основ фольклорного текста.....	462
4.2.4.4. Абстрактные модели связного текста как матрицы структурообразования образного параллелизма, отражающие эволюцию фольклорного текстообразования	472
Выводы из четвертой главы	488
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	490
Список источников исследования	503
Список использованной литературы.....	519
Приложение 1. Типология структурных инвариантных моделей образного параллелизма по характеру соотношения модальных планов его частей.....	581
Приложение 2. Образные параллелизмы как знаки разных типов в жанрах русского фольклора.....	583
Приложение 3. Типы символической образности образного параллелизма	583
Приложение 4. Типы символической образности образного параллелизма в жанрах русского фольклора	585
Приложение 5. Типология структурно-семантических модификаций образного параллелизма.....	586
Приложение 6. Структурно-семантические модификации образного параллелизма в жанрах русского фольклора	588

Приложение 7. Общежанровые структурно-семантические модификации образного параллелизма	590
Приложение 8. Межжанровые структурно-семантические модификации образного параллелизма.....	591
Приложение 9. Внутрижанровые структурно-семантические модификации образного параллелизма	592
Приложение 10. Статус структурно-семантических модификаций образного параллелизма в жанрах русского фольклора.....	592
Приложение 11. Количественные и процентные показатели структурно- семантических модификаций образного параллелизма в жанрах русского фольклора	593
Приложение 12. Модели соотношения синтаксической организации образного параллелизма с его содержательной стороной в жанрах русского фольклора.....	593

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено проблемам изучения **истории развития и функционирования языка русских фольклорных памятников**, «тектонические сдвиги» в котором системно отражают «мыслительную революцию: переход общества <...> от первобытного мифологического мышления к современному логическому мышлению» [Кретов 2020: 191]. Фольклор явился основной моделирующей системой традиционной народной культуры. Система культурных смыслов фольклора служит планом *содержания* традиции, а язык фольклора – планом *выражения*. Образный параллелизм как **художественная микросистема** [Селиванов 1990: 219] комплексно отражает динамику соотношения плана содержания и плана выражения традиции, поскольку в нем запечатлен «<...> прогресс мысли и запросы нарастающего самонаблюдения, жаждущего созвучий в тайнах макроkozма» [Веселовский 1940: 133]. Создание **эволюционно-генетической теории** развития образного параллелизма в жанрах русского фольклора способствует решению разнообразного круга проблем системной организации и эволюции языка, взаимосвязи языка, мышления и культуры на разных этапах формирования этноса.

Системный подход к решению обозначенной проблемы состоит в принятии научных положений системной лингвистики, сформулированных В. Гумбольдтом, И.И. Срезневским, А.А. Потебней, И.А. Бодуэном де Куртенэ и существенно развитых в XX веке Г.П. Мельниковым и в XXI веке А.А. Кретовым [Гумбольдт 2000; Срезневский 1899; Потебня 1914; 1993; Бодуэн 1963; Мельников 1978; Кретов; 2020; 2020а; 2022; 2023]: идея изменчивости языка не может быть отделена от идеи системности языка; язык, будучи системой возможностей, реализуется в речи под влиянием коммуникативных потребностей носителей языка; отсутствие элемента системы в речи не означает отсутствия этого элемента в языке; элементы системы изменяются не поодиночке, а только с изменением системы в целом [Кретов 2023: 4].

Актуальность исследования определяется рядом факторов:

1) важностью для современной русистики, теоретической, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, сопоставительной и кросскультурной лингвофольклористики исследования языка русского фольклора как особой, эстетически маркированной формы русского национального языка, содержащей объективные знания о мире и человеке, на материале образного параллелизма как ведущего приема художественного мышления народа;

2) реализацией в изучении эволюции образного параллелизма, отражающего динамику человеческой мысли и разнообразные в плане соотношения содержания и формы традиции способы ее представления с помощью языка, ключевых для современной лингвистики идей антропоцентричности, изменчивости и системности языка фольклора в контексте уникального соотношения диахронии и синхронии;

3) отсутствием специальных обобщающих комплексных исследований по проблемам формирования и развития языковых основ образного параллелизма на обширном материале жанров русского фольклора;

4) необходимостью уточнения и совершенствования методики комплексного анализа эволюции языковых основ образного параллелизма, запечатлевшего в своих структурно-семантических характеристиках этническое мировосприятие в его историческом развитии и современном состоянии;

5) значимостью для русского языка и русского национального сознания образного параллелизма как универсальной речемыслительной и этнопоэтической константы, занимающей ключевое место в художественной речевой практике народа и системно воплощающей различные этапы освоения действительности с учетом их национально-культурной и конкретно-исторической специфики.

Объект исследования – русские фольклорные памятники: обрядовые и необрядовые песни, плачи-причитания, былины, баллады, исторические песни, частушки, заговоры и заклинания, пословицы и поговорки, загадки, приметы, былички и бывальщины, сказки и др., представленные в авторской коллекции устно-поэтических образных параллелизмов, аккумулятивной сплошной и специальной выборкой из обладающих исключительной историко-культурной и научной ценностью авторитетных собраний Т.А. Агапкиной, М.К. Азадовского, С.Н.

Азбелева, В.П. Аникина, Л.А. Астафьевой, А.М. Астаховой, А.Н. Афанасьева, А.А. Барсова, Е.В. Барсова, А.Е. Бурцева, З.И. Власовой, А.Ф. Гильфердинга, А.А. Горелова, А.Д. Григорьева, С.И. Гуляева, В.И. Даля, Кирши Данилова, Б.М. Добровольского, Е.Н. Елеонской, А.С. Ермолова, П.С. Ефименко, Б.Б. Ефименковой, С.Н. Жаркова, А.А. Ивановой, В.И. Игнатова, П.В. Киреевского, Н.П. Колпаковой, А.И. Кретьева, Ю.Г. Круглова, М.С. Крюковой, С.Г. Лазутина, А.М. Листопада, Л.Н. Майкова, В.Н. Мансикки, А.В. Маркова, В.В. Митрофановой, В.Н. Морохина, Н.Е. Ончукова, Б.Н. Проценко, Б.Н. Путилова, Т.Ф. Пуховой, М.А. Рыбниковой, Г.Д. Рыженкова, Н.И. Савушкиной, Д.Н. Садовникова, И.П. Сахарова, Ф.М. Селиванова, К.Н. Селянгиной, В.И. Симакова, А.И. Соболевского, А.Н. Стрижева, А.Л. Топоркова, В.К. Харченко, И.А. Худякова, О.А. Черепановой, В.И. Чернышева и др. Репрезентативная авторская коллекция включает **более 50.000** единиц, извлеченных из текстов **двенадцати** жанров русского фольклора. Привлечение для анализа произведений прозаического и стихотворного фольклора учитывает их специфику, обозначенную этимологией терминов *проза* (*oratio prosa* < *prorsa* < *proversa* 'речь, направленная прямо') и *стих* (*versus* 'возврат'), а также квалификацию поэзии и прозы как «возвращающейся речи», в которой «возвращение» происходит неодинаково [Маклакова 2010: 151; Смирнов 1987; Якобсон 1987]. В качестве **фонового материала** привлекались собрания болгарских заговоров И.Ф. Амроян и И. Тодоровой-Пирговой, данные собранной диссертантом коллекции библейских и индивидуально-авторских конструкций образного параллелизма (в том числе с привлечением данных сайта «Цитаты и афоризмы» – <https://citaty.su/> (дата обращения: 30.06.2024) и феномены разговорной речи.

Предмет исследования – процессы формирования и развития языковых основ образного параллелизма, являющегося ведущим композиционным принципом организации текстов разных жанров русского фольклора и воплощающего в своих символических модификациях динамику народного мировосприятия.

Гипотеза исследования состоит в том, что многогранность компонентного состава и структуры эволюционно-генетической **теории** развития образного параллелизма в жанрах русского фольклора обусловлена длительностью

формирования его языковых основ, отражающих субстанциональную многослойность фольклорного текста, универсальностью природы композиционного принципа организации фольклорного текста, его системным характером, неразрывной связью с архаическими основами традиции и тенденциями ее развития, с историей русского народа, русского языка и русской ментальности.

Цель диссертационного исследования – на обширном фактическом материале текстов разных жанров русского фольклора создать и обосновать **эволюционно-генетическую теорию развития языковых основ образного параллелизма**, отражающего в своей субстанциональной многослойности основные этапы формирования художественного мышления русского народа.

Достижение цели предполагает последовательное решение следующих **задач**:

1) изучить теоретические вопросы, связанные с проблемами исследования эволюции языка фольклорных памятников как отражения динамики народного мировосприятия, определить адекватные подходы к их решению и уточнить понятийно-терминологический аппарат исследуемой области научного знания;

2) вскрыть **языковые механизмы эволюционных процессов** в структуре образного параллелизма, проанализировать в сопоставительном аспекте на фактическом материале разных фольклорных жанров особенности его формирования и развития как воплощения динамики восприятия мира этносом;

3) разработать и экспериментально проверить инновационную **многоаспектную методику комплексного изучения и описания динамических процессов в языке русского фольклора** на материале образного параллелизма с учетом неоднородности и многослойности фольклорно-языковой субстанции, сохраняющей в синхронном срезе разные этапы постижения мира этносом, отражающей диахронию в синхронии;

4) разработать на материале различных жанров русского фольклора комплексную **эволюционно-генетическую теорию развития образного параллелизма** как универсального феномена; интерпретировать взаимообусловленность ее **базовых компонентов**: эволюционной семиологии и эволюционной морфологии;

5) выявить **динамику семиотических основ** образного параллелизма и разработать **эволюционную семиологию образного параллелизма** посредством реконструкции семиотической системы репрезентации в его границах культурных смыслов; определить типологические характеристики элементов системы, особенности ее структурной организации, системных связей и отношений между элементами; охарактеризовать жанровые особенности семиогенеза образного параллелизма;

6) выявить **динамику языковых основ** образного параллелизма и разработать **эволюционную морфологию образного параллелизма** посредством создания интегрированного каталога его модификаций, отражающих в разных жанрах русского фольклора типовые модели мироустройства и их эволюционно-ментальный подтекст; определить жанровые особенности морфогенеза образного параллелизма;

7) определить **статус и особенности системогенеза образного параллелизма**, являющегося значимым средством реализации характерных черт языка русского фольклора как эстетически специализированной подсистемы в общезыковой системе русского народа, и доказать обусловленность динамики языковых основ образного параллелизма историей русского народа, русского языка и русской ментальности.

Теоретической базой исследования выступают труды ученых в области теории языка (Ю.Д. Апресян, Е.Б. Артеменко, Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, В.А. Белошапкова, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.В. Бондарко, Е.В. Брысина, В.В. Виноградов, В. Гумбольдт, Ф. Данеш, Т.Н. Данькова, О. Есперсен, Г.А. Заварзина, О.В. Загоровская, Н.В. Иванов, Г.Ф. Ковалев, Л.М. Кольцова, А.А. Кретов, Е.С. Кубрякова, О.А. Лаптева, С.В. Лебедева, Ю.М. Лотман, М.М. Маковский, В. Матезиус, И.А. Меркулова, О.И. Москальская, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, Ч.С. Пирс, З.Д. Попова, В.И. Собинникова, В.З. Санников, Э. Сепир, Ф. де Соссюр, И.И. Срезневский, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Топоров, Б. Уорф, А.Б. Шапиро, А.А. Шахматов, Р.О. Якобсон и др.), фольклористики (Т.А. Агапкина, С.Б. Адоньева, В.П. Аникин, Л.А. Астафьева, А.Н. Афанасьев, А.К. Байбурин, П.Г. Богатырев, Ф.И. Буслаев, Е.В. Вельмезова, А.Н. Веселовский, Л.Н. Виноградова, З.И. Власова, В.М. Гацак, В.И. Даль, А.П. Евгеньева, Т.Я. Елизаренкова, В.М. Жирмунский, М.В. Завьялова, Вяч.Вс. Иванов, В.Л. Кляус, А.И. Кретов, Ю.Г. Круглов, Н.В. Крушевский, А.В. Кулагина, М.А. Кулькова, С.Г.

Лазутин, Е.Е. Левкиевская, Ю.М. Лотман, Г.И. Мальцев, Е.М. Мелетинский, В.В. Митрофанова, С.Ю. Неклюдов, С.Е. Никитина, Е.С. Новик, Н.Ф. Познанский, А.А. Потебня, В.Я. Пропп, Г.Л. Пермяков, Б.Н. Путилов, Т.Н. Свешникова, Ф.М. Селиванов, А.П. Скафтымов, Б.М. Соколов, Ю.М. Соколов, Н.И. Толстой, С.М. Толстая, А.Л. Топорков, В.Н. Топоров, Т.В. Топорова, В.И. Харитонов, К.В. Чистов, М.И. Шахнович, С.Н. Шафранов и др.), лингвокультурологии (Н.Ф. Алефиренко, Е.В. Брыкина, А. Вежбицкая, Ю.Н. Караулов, Е.В. Красильникова, В.В. Красных, Л. Леви-Брюль, Н.А. Лемякина, К. Леви-Строс, А.Ф. Лосев, В.А. Маслова, В.И. Постовалова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, О.М. Фрейденберг, М. Элиаде и др.), лингвофольклористики (И.Ф. Амроян, Е.Б. Артеменко, М.А. Бобунова, М.А. Венгранович, А.П. Евгеньева, В.И. Еремина, И.С. Климас, С.А. Кошарная, А.А. Кретов, И.А. Осовецкий, Н.В. Патронева, М.М. Плисецкий, С.П. Праведников, Т.С. Садова, З.К. Тарланов, Е.Е. Тонкова, Н.Н. Фаттахова, В.К. Харченко, А.Т. Хроленко, И.П. Черноусова и др.).

Большой пласт работ по истории исследования параллельных построений представлен трудами отечественных исследователей (В.И. Абаев, Е.Б. Артеменко, М.А. Венгранович, А.Н. Веселовский, А.С. Десницкий, С.А. Кошарная, А.В. Кулагина, С.В. Маркина, Н.В. Патронева, А.А. Потебня, С.М. Толстая, Р.О. Якобсон) и зарубежных исследователей Т. Бойса, Р. Мейне, В. Штейница [Boys 1824; 1825; Meyer 1889; Steinitz 1934] и др. Предметом изучения становилось формирование образного параллелизма в песенной лирике (Е.Б. Артеменко, Л.А. Астафьева, М.А. Венгранович, А.Н. Веселовский), в песенном эпосе (М.М. Плисецкий, Ф.М. Селиванов, К. Тиандер, Л.Е. Скрыпникова), в пословицах (Т.В. Басанова, Б.Х. Борлыкова, Б.В. Меняев, М.В. Мудрая, Н.Р. Ойноткинова), в частушках (С.Г. Лазутин, А.В. Кулагина, А.И. Кретов), в заговорах (Т.А. Агапкина, В.П. Аникин, И.Ф. Амроян, А.Н. Веселовский), в загадках (А.П. Квятковский, В.В. Митрофанова), в приметах (Е.Е. Тонкова, В.К. Харченко), в библейских текстах (А.С. Десницкий), в мифоритуальных текстах (Р. Ковалева), в индивидуально-авторском творчестве (В.А. Мальцев, О.А. Сергеева, М.С. Федорова) и др.

Степень разработанности темы исследования. К анализу образного параллелизма в фольклоре обращались многие исследователи. Однако изучение специальной классической и новейшей литературы и ее критическое осмысление

позволяют утверждать, что в настоящее время в лингвистике и лингвофольклористике отсутствуют обобщающие исследования, в которых на материале разных жанров фольклора представлен системный анализ устно-поэтического образного параллелизма как способа отражения эволюции исконной ментальности, квалификация параллелизма не имеет единых оснований и результаты разысканий в этой области еще не сложились в целостную системно-типологическую концепцию, отсутствует **единая универсальная номенклатура** систематизированных по характеру стадияльных изменений структурно-семантических модификаций образного параллелизма, применяемая в качестве основы межжанровых исследований его эволюции. Создание эволюционно-генетической теории развития образного параллелизма устраняет этот пробел в научных исследованиях.

Образный параллелизм как композиционный принцип организации фольклорных текстов [Оссовецкий 1975; 1979] зиждется на фундаментальных принципах народной эстетики – повторе, симметрии, равновесии [Пропп 1955; Калашникова 1998; Амроян 2005; Громогласова 2011; Ковалева 2009; Сергеева 2012; Федорова 2011], выражении внутреннего через внешнее [Мальцев 1989], постигаемого через наблюдаемое [Доброва 2004] и обуславливает жанровую специфику фольклорных произведений [Лазутин 1989].

В настоящем исследовании образный параллелизм (др.-греч. *παράλληλισμος* – расположение рядом, соположение) (ОП) квалифицируется как принципиально многослойный феномен, выражающий **содержательное сходство субстанционально различных явлений**: образов вселенского макрокосма и человеческого микрокосма.

«Учитывая специфику классических научных подходов и новейшие достижения русистики и лингвофольклористики, представляется целесообразным определить **образный параллелизм макрокосма и микрокосма** как композиционный принцип сопоставления на основе содержательного сходства образов разных по субстанциональной природе явлений вселенского макрокосма и человеческого микрокосма, которое формируется в сознании человека на базе ассоциативных связей параллельных рядов образных представлений, объединенных общей гипертемой, и получает свое выражение в текстах с бинарной структурой, объективирующих сопоставление образов параллельных

макрокосмических и микрокосмических миров с целью мультиплицирования культурных смыслов» [Доброва 2022в: 96]. Содержательную основу образного параллелизма составляет психологический параллелизм образных представлений; структурную основу – синтаксический параллелизм. Методологическую значимость имеет разграничение психологического параллелизма как мировоззренческой формы и образного параллелизма как ее стилистического выражения.

При существующем в науке терминологическом разночтении под образным параллелизмом понимаем **содержательное соответствие** сопоставляемых в бинарном (классическом или мультиплицированном; реальном или виртуальном, эксплицитном или имплицитном) построении образов, **воплощающих гипертему** с привлечением данных **разносубстанциональных миров**. Формально-структурное соответствие факультативно и инструментально по отношению к содержательному, что в целом восходит к классическим толкованиям параллелизма [Веселовский 1940].

В диссертации с целью модернизации «инструментария для выявления культурных смыслов в единицах языка» [Хроленко 2004: 49] экспериментально проверена созданная автором **инновационная методика комплексного изучения и описания динамических процессов в языке русского фольклора**, теоретической основой которой послужили основанные на современных научных данных классификации методов лингвистики, представленные в трудах А.Т. Хроленко, В.Д. Бондалетова, Ю.С. Степанова [Хроленко 2004а: 421–480; Степанов 2003].

Методология и методика исследования базируются на комплексном подходе к описанию и анализу системной организации образного параллелизма. **Комплекс трех групп** взаимодополняющих качественных и количественных методов и приемов, обоснованный на современном этапе развития науки эффективностью их интеграции в границах единой концепции [Арапов 1987; Коростелева 2013; Пиотровский 1977; Степанов 2003; Тулдава 1987], включает **общенаучные методы**: анализ, синтез, сравнение (сопоставления фактов одного порядка), корреляция (сопоставление фактов разного порядка), аналогия, обобщение, описание, дедукция, индукция, интерпретация, экстраполяция и др.; **общелингвистические (частнонаучные) методы**: описательный метод с

методиками лингвистического наблюдения и лингвистического эксперимента; таксономический метод с методиками классификации, дистрибутивного анализа, компонентно-дефиниционного анализа, лингвистический метод анализа по непосредственным составляющим, метод контекстного анализа, метод анализа лексической сочетаемости слов, метод полевой стратификации, компонентно-оппозитивный метод, метод анализа тема-рематической прогрессии, метод лексикографического анализа; лингвогенетический метод с методикой сравнения образного параллелизма, взятого на разных ступенях его эволюции, и методиками относительной хронологии и внутренней реконструкции; структурно-типологический метод с сопоставительными и классификационными методиками, метод комплексного анализа; формально количественные методы с элементами методики количественного анализа; технические приемы графического представления результатов исследования применены для систематизации в разноаспектных каталогах модификаций образного параллелизма; **оригинальные методы**, апробируемые в диссертации: метод параллелистического анализа со специфическими методиками аппликации компонентного состава частей; аппликации структурных инвариантных моделей и вариантов текстовых реализаций с целью типологизации указанных феноменов и определения присущих им эволюционно-ментальных характеристик.

Личный вклад автора заключается в выборе темы, постановке цели и задач, формулировании основных положений и интерпретации результатов исследования; критическом анализе научной литературы; отборе и систематизации эмпирического материала; создании и экспериментальной проверке методики изучения полистадиальных изменений в языке фольклора; разработке эволюционно-генетической теории развития образного параллелизма в жанрах русского фольклора, выявлении тенденций развития исследуемой предметной области научного знания; обсуждении результатов, подготовке публикаций в научных изданиях и представлении на научных мероприятиях разного уровня, в том числе международных, докладов по теме работы, апробации результатов исследования.

Достоверность результатов и обоснованность выводов обеспечиваются изучением теории вопроса на базе классических и новейших исследований;

применением современных, в том числе авторских, методов и приемов анализа языковых явлений с учетом взаимопроверяемости данных, полученных посредством разных методов; привлечением авторитетного в научном отношении обширного эмпирического материала.

Соответствие диссертации научным специальностям. По заявленным целям и задачам, материалу исследования, методам анализа и полученным результатам диссертация С.И. Добровой «Теория развития образного параллелизма в жанрах русского фольклора» соответствует Паспортам научных специальностей 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России (филологические науки) и 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

На защиту выносятся следующие основные положения.

1. Образный параллелизм, будучи ведущей художественной формой русских фольклорных памятников, является значимым средством реализации характерных черт языка русского фольклора как эстетически специализированной подсистемы в общезыковой системе русского народа. Развитие языковых основ образного параллелизма как композиционного принципа организации фольклорных текстов разных жанров детерминировано историей и культурой русского народа, русского языка и русской ментальности и является адекватным материалом для исследования проблемы эволюции художественных форм русского фольклора как отражения динамики народного мировосприятия.

2. Сущностная и функциональная природа образного параллелизма состоит в символизации образов гетерогенного человеческого микромира в образах гетерогенного вселенского макромира и внутри гетерогенных миров. Образный параллелизм представляет сложноорганизованное единство, эволюция формирования языковых основ которого отражает характерные черты динамических процессов в языке русского фольклора как эстетически маркированной подсистеме в общезыковой системе русского народа с учетом проявления в многослойной фольклорно-языковой субстанции диахронии в синхронии.

3. Эволюционно-генетическая теория развития языковых основ образного параллелизма представляет собой учение о системном динамическом

устройстве ведущей художественной формы русского фольклора, обладающей высокой продуцирующей способностью, и включает два базовых компонента: эволюционную семиологию и эволюционную морфологию образного параллелизма, которые находятся друг с другом в системных динамических отношениях. Компонентный состав теории обусловлен универсальной природой образного параллелизма как единицы оформленного фольклорного знания, приема фольклорного мышления, этнопоэтической константы традиционной народной культуры и ведущей художественной формы русского фольклора. Экспериментальная проверка разработанной **методики комплексного изучения и описания динамических процессов в языке русского фольклора** на материале образного параллелизма объективирует многослойность фольклорно-языковой субстанции, сохраняющей в синхронном срезе разные этапы постижения мира этносом.

4. Эволюционная семиология образного параллелизма как компонент эволюционно-генетической теории его развития изучает системный характер эволюции его семиотических основ, ментальный подтекст семиогенеза образного параллелизма посредством реконструкции семиотической системы репрезентации в его границах культурных смыслов. Культурно-семиотический анализ раскрывает знаковую природу и знаковый **статус образного параллелизма как знака и техники вторичной моделирующей системы, т. е. системы символов.** Структурный и функциональный аспекты семиотической системы определяются типологическим своеобразием составляющих ее элементов и особенностями ее структурной организации. Главный признак семиогенеза и семиозиса образного параллелизма – «диахронная глубина» как сложная система фольклорной памяти, объясняющая полипластовость и поликодовость фольклорного текста.

5. Эволюционная морфология образного параллелизма как компонент эволюционно-генетической теории его развития изучает системный характер эволюции его морфологических основ, ментальный подтекст морфогенеза образного параллелизма, закономерности формообразования и идентификационные показатели этапов развития продуцируемых им модификаций. Эволюционная морфология представлена детализированным

каталогом общежанровых, межжанровых и внутрижанровых фольклорных модификаций с доминированием первых двух. Эволюция типов символической образности объективирует процессы формирования абстрактной и свободно-поэтической символики. Эволюция структурно-семантических модификаций отражает динамику миромоделирования. Эволюция моделей соотношения синтаксической организации и содержательной стороны образного параллелизма демонстрирует эволюционно-ментальный подтекст стремления к симметрии посредством создания псевдосимметричных построений.

6. Интеграция данных семиогенеза и морфогенеза образного параллелизма выявляет структурно-типологические характеристики его **системогенеза**. Эволюционные цепи формирования и кумулятивный, кольцевой, зеркальный и генеративно-порождающий эволюционные эффекты функционирования образного параллелизма комплексно отражают развитие семиотических, семантических, синтаксических и композиционных основ многослойного фольклорного текста.

7. Многогранность базовых компонентов эволюционно-генетической теории развития образного параллелизма обусловлена субстанциональной многослойностью образного параллелизма как универсального феномена, его неразрывной связью с архаическими основами и тенденциями развития традиции, с историей русского народа, русского языка и русской ментальности.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней **впервые** реализован системный подход к изучению истории становления, развития и современного состояния образного параллелизма в жанрах русского фольклора и разработана эволюционно-генетическая теория его развития; экспериментально проверен модернизированный лингвофольклористический инструментарий исследования: обоснованы результаты применения многоуровневой методики комплексного изучения и описания динамических процессов в языке русского фольклора на материале образного параллелизма; произведена стратификация (вычленение эволюционных слоев) создаваемой умножением смысла многослойной субстанции фольклорного текста на основе данных семиогенеза, морфогенеза и системогенеза образного параллелизма; интегрированы лингвокультурологический и эволюционно-

генетический подходы к исследованию образного параллелизма; объединены традиционные и новейшие подходы к определению универсального статуса образного параллелизма; интегрированы культурно-семиотический и психолингвистический подходы к определению знаковой природы и знакового статуса образного параллелизма; разработана теория формирования, развития и функционирования символической образности как результата продуцирующей способности образного параллелизма; создана типология эволюционирующих модификаций образного параллелизма, в которой структурно-таксономические формы представлены в неразрывном единстве с формирующей их языковой субстанцией; каталогизированы символические модификации образного параллелизма в соответствии с их эволюционно-генетическими характеристиками; реализован сопоставительный аспект изучения устно-поэтического образного параллелизма с учетом выявления его общежанровых, межжанровых и внутрижанровых особенностей, в том числе с привлечением фоновых данных авторской коллекции библейских, индивидуально-авторских конструкций параллелизма и феноменов разговорной речи.

Теоретическая значимость диссертации определяется разработкой на материале устно-поэтического образного параллелизма положений эволюционно-генетической теории развития языка фольклора, теории исторического развития его художественных форм, теории символа в фольклоре, теории системной организации языка русского фольклора как подсистемы в системе общенационального русского языка. Результаты исследования существенно детализируют научные представления о тенденциях развития языка русского фольклора, об особенностях его системной организации на современном этапе развития русского языка. Теоретическую значимость имеет разработка терминологического аппарата изучения динамических процессов в языке фольклора: эволюционная семиология, семиогенез; эволюционная морфология, морфогенез; системогенез художественной формы. В работе представлены результаты теоретического осмысления целостного фрагмента отраженной в образных параллелизмах фольклорно-языковой картины мира, описание которой в эволюционно-ментальном аспекте играет важную роль в решении проблем теории языка, русистики, лингвокультурологии, лингвофольклористики, этнолингвистики, антропоцентрической

лингвистики, системной лингвистики, формирует базу для словаря образных параллелизмов по данным разных фольклорных жанров и этнических традиций.

Практическая значимость исследования. Материалы настоящей работы могут быть использованы в практике преподавания русского языка, при разработке лекционных и практических курсов по основным проблемам современной русистики, теории языка, при проведении спецкурсов по лингвокультурологии, этнолингвистике, сопоставительной и кросскультурной лингвофольклористике, а также в лексикографическом описании устно-поэтической речи. Применение методики комплексного изучения динамических процессов в языке фольклора модернизирует исследовательский инструментарий лингвофольклористики: в диссертации методика экспериментально проверена как инструмент сопоставительной лингвофольклористики для анализа образного параллелизма в разных жанрах русского фольклора; как инструмент кросскультурной лингвофольклористики для сопоставительного анализа образного параллелизма в русских и болгарских лечебных заговорах; а также для анализа библейских текстов. Методика может быть экстраполирована на исследование иного фактического материала: индивидуально-авторского творчества с целью изучения репрезентации на материале образных параллелизмов эволюционно-ментальных характеристик индивидуально-авторской картины мира.

Апробация работы.

Результаты диссертационного исследования обсуждены на заседаниях кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы гуманитарного факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет».

Апробация работы осуществлялась в виде докладов на научных конференциях разного уровня; на **конгрессах и форумах**: Первом, Втором, Третьем, Четвертом и Пятом Всероссийских конгрессах фольклористов (Москва 2006, 2010, 2014, Тула 2018, Рязань 2022), VII Конгрессе этнографов и антропологов России «Многоэтнические общества и государства» (Саранск 2007), II Конгрессе Российского общества преподавателей русского языка и литературы «Русский язык и культура в пространстве Русского мира» (Санкт-Петербург 2010), Первом Форуме Института русского языка и культуры «Русский язык и культура во времени и пространстве»

(Санкт-Петербург 2010), IX Конгрессе этнографов и антропологов России (Петрозаводск 2011), III Международном форуме по когнитивному моделированию «The III-rd International Forum on Cognitive Modeling» (Болгария, Варна 2015), Научно-практическом форуме «Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России. Актуальные проблемы филологии» (Воронеж 2019–2024); **международных:** «Типология фольклорной традиции: актуальные проблемы полевой фольклористики» (Москва 1999), «Славянская традиционная культура и современный мир» (Москва 2005–2011, 2015, 2017), «Славянские языки и культура» (Тула 2007), «Живодействующая связь языка и культуры» (Москва, Тула 2010), «Традиции и новаторство в развитии лингвистической и методической мысли» (Самара 2010), «Эйхенбаумовские чтения» (Воронеж 2010, 2014), «Русский язык в контексте национальной культуры» (Саранск 2012), «Русское национальное сознание в его языковом воплощении: прошлое, настоящее, будущее. XXX Распоповские чтения» (Воронеж 2012), «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики» (Волгоград 2012), «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики» (Екатеринбург 2012), «Фольклорный текст в современном культурном контексте: традиция и ее переосмысление» (Орел 2016), «Рябининские чтения – 2011» (Петрозаводск 2011), «Aktualne problemy nowoczesnych nauk – 2012» (Польша, Пшемысль 2012), «Dny vědy – 2012: Filologické vědy» (Чехия, Прага 2012), «Cognitive Modeling in Science, Culture, Education» (Болгария, Варна 2015), «Cognitive Modeling in Linguistics» (Болгария, Варна 2015), «Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий» (Воронеж 2005, 2007, 2009, 2011, 2013, 2015, 2017, 2019, 2024), «Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и говорах» (Орел 2010), «Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: концепции и перспективы» (Волгоград 2012), «Язык как функционирующая система» (Самара 2013), «Актуальные направления научных исследований: от теории к практике» (Чебоксары 2015, 2016), «Славянские чтения» (Республика Башкортостан, Стерлитамак 2017), «Перспективы развития высшей школы» (Тюмень 2022, 2023), «Донецкие чтения» (Донецк 2022, 2023); «Фольклор: тексты и культурные контексты» (Курск, 2023), «Проблемы преподавания литературы, русского и

иностранного языков в современной школе» (Воронеж 2008, 2010–2013), «Современные проблемы теории и практики эффективного управления организациями и человеческими ресурсами» (Саратов 2021), «Лингвофольклористика на рубеже XX-XXI вв.: итоги и перспективы» (Петрозаводск 2007), «Воронежская филологическая школа: история и современное состояние» (Воронеж 2024); **всероссийских**: «Язык и национальное сознание» (Воронеж 1999), «Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников» (Воронеж 2001, 2006), «Проблемы преподавания литературы, русского и иностранных языков в современной школе» (Воронеж 2004, 2005, 2006, 2007), «Культурология: пересечение научных сфер» (Воронеж 2010), «Фольклорная картина мира» (Кемерово 2011), «Болховитиновские чтения» (Воронеж 2010, 2011), «Духовно-нравственное воспитание современной молодежи: проблемы и перспективы» (Воронеж 2010), «Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности» (Иркутск 2012), Кирилло-Мефодиевские Чтения «Славянское слово в контексте времени» (Ишим 2012); с международным участием «Актуальные проблемы современной когнитивной науки» (Иваново 2010), «Русское слово: прошлое, настоящее, будущее» (Арзамас 2012); «Русский язык III тысячелетия в зеркале лингвистической науки: XXXIX Распоповские чтения» (Воронеж 2022), «Третьи Щеулинские чтения: Жизнь языка. Жизнь в языке» (Липецк 2023); «Славянский мир в прошлом и настоящем» (Липецк 2023), «Народная культура и проблемы ее изучения» (Воронеж 2004, 2006, 2008, 2010, 2012, 2014, 2016, 2018, 2020, 2022).

Публикации по теме исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в 93 научных работах, в том числе монографии, общим объёмом 75,44 п.л., из которых 17 (объёмом 14,61 п.л.) – в журналах, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников исследования (157 позиций), списка использованной литературы: словарей и энциклопедий (23 позиции), литературы (618 позиций) и систематизированных в соответствии с задачами исследования приложений (12 позиций).

Глава 1. Теоретические основания и современное состояние исследования эволюции языка фольклорных памятников

1.1. Образный параллелизм как отражение эволюции языка русского фольклора в системе русского языка, в зеркале традиционной культуры и этнической ментальности

Динамические процессы в языке фольклорных памятников обусловлены природой и статусом языка русского фольклора в системе русского языка, в зеркале традиционной духовной культуры и этнической ментальности.

Первые труды по исследованию языка фольклорных памятников относятся к концу XVIII века – началу XIX века. В период 40–50-х годов XX века оформились базовые направления в изучении языка фольклора и были заложены основы новой научной дисциплины – *лингвофольклористики* [Хроленко 2010]. Современный этап развития науки характеризуется комплексным подходом к изучению языка фольклора как особой системы и целенаправленным увеличением объема исследовательской базы. Активно функционируют лингвофольклористические школы: Воронежская (Е.Б. Артеменко), Курская (А.Т. Хроленко), Петрозаводская (З.К. Тарланов), Московская (С.Е. Никитина), Липецкая (И.П. Черноусова).

Яркой чертой фольклорной семантики и фольклорного синтаксиса, а также языка фольклора в целом служит **образный параллелизм (ОП)** – классический композиционный принцип двучленной организации фольклорного текста, согласно которому образы из мира природы и мира человека сопоставлены «как нечто единое целое» [Лазутин 1981: 67]: «вначале дается природная, символическая картина, а затем следует картина – образ из человеческой жизни» [Лазутин 1981: 65; Веселовский 1940].

С.Г. Лазутин в широком смысле определяет открытый А.Н. Веселовским поэтический параллелизм как одну из **композиционных форм** повтора. Ученый разграничивает **композиционные принципы** повтора, параллелизма и цепочного построения и **композиционные приемы** ступенчатого сужения образов и выделения, посредством которых реализуются указанные принципы.

Композиционные принципы являются основой целого фольклорного произведения. Композиционные приемы используются в отдельных его частях. Композиционные принципы и приемы генетически связаны с синтаксическими явлениями и феноменами разговорной речи. При этом **композиционное развитие** фольклорных произведений разных жанров в аспекте максимального усиления их идейно-функциональной направленности достигается как основными принципами их построения, так и отдельными приемами. Поэтому композиционные принципы и приемы находятся во взаимосвязи и взаимопроникновении [Лазутин 1981].

Отсутствие четкого **разграничения принципов и приемов** композиционной организации фольклорных текстов, признание факта их взаимопроникновения, обуславливают необходимость упорядочить терминологическое разночтение и соотнести термины между собой. Определение ОП как **принципа** композиционной организации фольклорных текстов разных жанров восходит к философской трактовке принципа (лат. *prīncipium* – первоначало, основа, исходный пункт) в качестве некоей субстанции, закона, которые лежат в основе мироздания и объясняют все существующее [https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3084/ (дата обращения: 30.06.2024)]. Определение ОП как **приема** представляет способ, манеру использования средств композиционного «устройства», организации устно-поэтического произведения [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/4144/> (дата обращения: 30.06.2024)]. Определение ОП как композиционной **формы (фигуры)** фольклорного текста обозначает результат его композиционной организации.

Таким образом традиционное терминологическое разнообразие фактически отражает **универсальную природу ОП в ее эволюционно-генетическом аспекте**. ОП как **принцип** есть первооснова композиционной организации фольклорного текста. ОП как **прием** есть способ ее осуществления. ОП как **форма (фигура)** представляет результат композиционной организации фольклорного текста или его фрагмента.

Традиционно несвойственно единообразие и атрибутивной части терминологического обозначения. **Психологический** параллелизм образных представлений есть способ раннего анимистического мышления и мировосприятия, составляющий содержательную основу ОП. **Синтаксический** параллелизм есть

генетическая структурная основа ОП. **Поэтический** параллелизм есть композиционный принцип организации поэтического текста на материале образов параллельных миров. Каждый термин имеет прямое отношение к ОП, но отражает лишь один из его аспектов: ментальный, структурный или жанрово-композиционный. В настоящем исследовании в качестве универсального, интегрирующего указанные аспекты используем термин **образный параллелизм**, который **комплексно** обозначает многоаспектную сущность исследуемого объекта как композиционного соположения символических и реальных **образов** в фольклорном тексте или его фрагменте.

ОП представляет принципиально многослойный феномен, **содержательное сходство субстанционально различных явлений**: образов вселенского макрокосма и человеческого микрокосма. В обозначенном контексте традиционное, классическое (по А.Н. Веселовскому, С.Г. Лазутину и др.) соотношение **образов природы и человека** оказывается содержательно ограниченным и требующим **принципиального расширения образного ряда** с целью достижения исчерпывающей квалификации исследуемого объекта. В качестве основополагающих в теории объекта вводим с соответствующей им детализацией понятия **гетерогенного вселенского макрокосма** (природного, артефактного, сверхъестественного, христианского миров, мира мертвых, мира болезни и др., внешних по отношению к человеку) и **гетерогенного человеческого микрокосма** (внешнего, физического, телесного, плотского и внутреннего, психического, духовного миров). Элементы ОП как двучлена обозначаются терминами композиционная часть (параллель, член), а их составляющие – компонент (компонентный состав) параллели, часть компонента параллели.

В ходе исследования выявлены **семь признаков образного параллелизма макро- и микромиров**, определяющих его самодостаточный статус: 1) иномирная, разносубстанциональная природа вовлеченных в процесс сопоставления явлений; 2) онтологическое сосуществование сопоставляемых явлений различных макро- и микромиров; 3) содержательное сходство сопоставляемых образов макро- и микромиров, обусловленное наличием общей гипертемы; 4) ассоциативная основа сопоставления образов разных миров, формирующая в сознании параллелизм объединенных гипертемой образных представлений (по А.Н. Веселовскому,

«переносы в сознании»); 5) бинарная симметричная (или стремящаяся к симметрии) структура текста (геср. функциональное и позиционное сходство компонентов частей), объективирующая и фиксирующая параллелизм представлений; 6) смысловая аксиологическая симметрия компонентов параллелизма как реализация фундаментального культурного канона гармонизирующей равнозначимости; 7) смысловое умножение как результат порождающей способности параллелизма образных представлений и его вербальных воплощений.

Свойства параллелизма как многослойного феномена отличаются гетерогенностью (от греч. ἕτερος – другой + γένω – род) природы: **онтологические свойства** – разнособстанциональная природа сопоставляемых явлений и факт их сосуществования; **ментальные свойства** – содержательное сходство сопоставляемых образов на уровне гипертемы и ассоциативная основа сопоставления образов миров; **языковые свойства** – закреплённость результатов ассоциативного связывания в бинарных симметричных (или стремящихся к симметрии) структурах фольклорного текста; **социокультурные свойства** – смысловая равнозначимость сопоставляемых компонентов и смысловое умножение (мультиплицирование). Иноприродное воплощение, рядоположенность (онтологическая, ментальная, структурно-текстовая) и содержательное сходство на уровне гипертемы сопоставляемых образов составляют **три сущностные свойства**, без которых образный параллелизм не может существовать.

Универсальный по своей природе ОП обуславливает признанную в науке большую устойчивость фольклорно-языкового строя по сравнению с другими проявлениями общезыковой системы, обеспечивает устный и коллективный характер народного творчества, конституирует формы бытия фольклорного произведения, репрезентирует значимые факторы стабильности устно-поэтической традиции.

Исследование эволюционно-генетических основ ОП зиждется на истории изучения статуса и специфики языка фольклора, которая изобилует разными точками зрения, «имеющими своей целью <...> исследование этого языка как целостной и самобытной системы, одной из разновидностей общенародного языка» [Венгранович 2011: 7]. Язык фольклора квалифицируется как «литературная» форма диалекта; как язык наддиалектный; как сложное явление системного характера,

принципиально не отличающееся от языка художественной литературы. «Сопоставление фольклорного языка с нефольклорным не является самоцелью, оно должно способствовать уяснению специфики устно-поэтической речи» [Тарланов 1981: 18].

Язык фольклора является сложным по генезису образованием, статус которого **в системе русского языка** определяется отношением фольклорно-языкового строя к локально ограниченным явлениям и устно-разговорной стороне диалектной речи и развитием генетических основ его функциональной направленности.

Отношение языка фольклора к **локально ограниченным явлениям территориальных диалектов** обусловлено его сущностной связью с понятием диалекта, а черты общности языка в фольклоре разных областей – художественным методом устного народного творчества, направленного на отбор из системы местного говора и обобщение существенных элементов общенародного языка. В указанном ракурсе соотношение между устно-поэтической и обиходно-бытовой речью рассматривается как внутрдиалектное. П.Г. Богатырев дифференцирует разговорную и устно-поэтическую речь. Первую определяет как диалект в его обиходно-коммуникативной функции. Вторую – как диалект в его эстетической функции [Богатырев 1973; Русское народное поэтическое творчество 1956; Собинникова 1969]. Язык фольклора получает квалификацию диалекта в его функционально-стилистической разновидности [Богословская 1985].

Язык фольклора взаимодействует с литературным языком. Оба имеют своей базой общенародный язык и являются обработанными наддиалектными структурами. Поэтому в трудах А.П. Евгеньевой, И.А. Осовецкого язык фольклора получает квалификацию литературной формы народных говоров [Евгеньева 1963; Осовецкий 1957; 1975; 1979]. Академик В.В. Виноградов увидел в языке фольклора форму устно-литературного выражения [Виноградов 1959; 1963]. В сопоставлении с обиходно-бытовой речью выявлены отличительные черты народнопоэтической речи [Баранникова 1967], исследованы наддиалектные формы устной речи [Десницкая 1970].

И.А. Осовецкому принадлежит **идея специфичности языка фольклора** как идиоматичной, имманентной, замкнутой в себе системы художественного языка, которая как целое за пределами фольклорных произведений не представлена

[Оссовецкий 1979: 205]. В программной статье П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона «Фольклор как особая форма творчества» язык фольклора впервые квалифицирован как **подсистема в системе устно-речевой коммуникации** [Богатырев 1971: 369–383; Якобсон 1962]. Обозначенный подход получил последовательное воплощение в трудах С.Б. Адоньевой, С.Ю. Неклюдова, К.В. Чистова [Адоньева 2004; 2004а; 2005; Неклюдов 1999; Чистов 1963; 1983; 1986] и других фольклористов.

Эволюционно-генетические основы языка фольклора обусловлены его **отношением к устно-разговорной стороне диалектной речи**. Разговорный тип диалектной коммуникации как спонтанного речепроизводства в исконной функции служит орудием неподготовленного общения, поэтому возникает необходимость противопоставления языка фольклора и диалектной речи с целью выявления специфики первого в плане преодоления свойств, порождаемых разговорным характером диалектной речи [Артеменко 1977; 1977а; 1988; 1990; 1992а; 1994].

Язык фольклора подвергся тщательной обработке с целью преодоления свойств конситуативности и спонтанности разговорной речи, формирования языкового строя, модифицированного в плане функционального переосмысления и структурного преобразования порождаемых феноменом неподготовленности построений [Лотман 1970: 125]. Спонтанно обусловленные построения были переосмыслены народными мастерами как материал, обладающий эстетическим потенциалом, и трансформированы в художественно маркированные элементы фольклорно-языкового строя.

Образный параллелизм «соответствует установке устной поэзии на заданную традицией неспонтанность и воспроизводимость извлекаемой из памяти в **готовом виде грамматической архитектоники**» [Патроева 2018: 27], идеализированных общенародных образцов представления культурных смыслов. Ярким примером служат составляющие основу образного параллелизма паратактические конструкции, которые отражают присущую фольклорно-языковому строю тенденцию к предикативному оформлению связей внеязыковой действительности. Указанная тенденция восходит к спонтанной разговорной речи, отражающей благодаря своей ассоциативной природе реальный мир как цепь последовательно разворачивающихся и информативно равноценных кадров [Артеменко 1977; 1992; Писарева 1992]. В

фольклорном произведении указанное явление, сохраняя свои структурные признаки, утратило спонтанный характер и было переосмыслено как форма изложения, создающая рельефную подачу каждой детали художественной ситуации.

В отношении фольклорно-языкового строя «К.Д. Ушинский первым <...> определенно высказался в пользу его наддиалектности» [Хроленко 2010: 5]. **Эволюция феномена наддиалектности фольклорно-языкового строя** демонстрирует его неоднородный характер. Дифференцированы **наддиалектность первого порядка**, которая обусловлена отвлечением от узколокальных элементов и черт отдельных говоров, и **наддиалектность второго, более высокого, порядка**, которая достигается отвлечением от конситуативности и спонтанности как универсальных разговорных свойств диалектной речи и создается «выходами» языка фольклора не только за пределы систем отдельных местных говоров, но и за пределы диалектной речи в целом [Артеменко 1977]. Язык фольклора есть построение, **диалектное по материалу и наддиалектное по его организации**. Принципиальное структурное несходство свидетельствует о том, что язык фольклора и диалект представляют разные системы. Язык фольклора является особым образом **обработанной подсистемой в общезыковой системе русского народа, по отношению к которой диалекты играют роль языкового субстрата**.

Эволюционно-генетические основы фольклорно-языкового строя обусловлены **развитием функциональной специализации фольклора** от генетически первичной социорегламентирующей функции, направленной на утверждение в обществе канонов традиции, до производной от нее эстетической функции [Артеменко 2001; 2004; 2004а; 2006; 2006а; 2006б; 2012; 2015; 2015а]. Эстетическая специализация фольклорно-языкового строя реализуется посредством формирования функционально маркированных структур на всех его уровнях и определяется тем, что устно-поэтический «вербальный текст – это завершенная в содержательном и структурном плане самостоятельная единица, организуемая по законам и правилам той микросистемы, к которой она принадлежит, и обращающаяся в культурной сфере по законам как той же **микросистемы**, так и **целостной фольклорной макросистемы**. Отсюда сложнейший пучок

взаимозависимостей текста с другими текстами, со всей микросистемой и её составляющими, с общефольклорной макросистемой и, наконец, с невербальными текстами и системами» [Путилов 1994: 154; Соколов 1938; Праведников 2010]. Лингвофольклористика «имеет дело с запечатленным фольклорным словом» [Хроленко 2013: 87], стремящимся «к **парности** – этому важному стилистическому показателю устно-поэтической речи» [Хроленко 2010: 25]. Парность выражена прежде всего в бинарных построениях образного параллелизма, анализ которого позволяет осуществить реконструкцию «символического «языка» культуры и культурных механизмов *восприятия мира и человека*» [Толстая 2015: 43–44; Толстой 1995а].

Интерпретация развития устно-поэтического образного параллелизма в контексте константности традиционной народной культуры обусловлена характером мировидения ее носителей, связанного с архаическим восприятием действительности в системе тождеств и повторений, в режиме эстетики тождества и инвариант-вариативного функционирования фольклорного произведения [Маслова 2001].

Системное изучение ОП **в зеркале традиционной культуры** требует разграничения его иконологического смысла и иконографического описания [Мальцев 1989: 104]. Совокупность параллельных формул как «традиционных элементов устно-поэтического канона фольклорного типа» [Мальцев 1989: 23–24] образует сложную виртуальную систему. Эта система одновременно существует в недрах традиции (иконологический инвариантный смысл) и в недрах языка фольклора (иконаграфическое вариативное описание), соотношение которых в ОП проявляется в том, что внешняя иконографическая принципиальная открытость вариативных макро- и микрокосмических образов восполняется их константным внутренним иконологическим смысловым единством. В ОП соединяются два противоположных, но взаимообусловленных свойства: структурная открытость и смысловая целостность. Будучи «органической клеткой живой традиции», параллельная формула принципиально открыта и представляет «импульс возможностей, открытый класс реализаций как морфологических, так и семантических» [Мальцев 1989: 13–15]. Сущностным свойством ОП является постоянство традиционного смысла, а не морфологическая стабильность [Мальцев

1989: 53]. Иконология компенсирует иконографию, герп. формульную «оправу» культурного смысла. Общие законы семантизма и формообразования в **эволюционном аспекте** свидетельствуют о том, что **смена морфологического статуса формулы не влечет утраты традиционной семантики**. Более того, сохранение традиционной семантики является тем качественным свойством системы, которое становится обоснованием абсолютной значимости традиционной семантики ОП при вариативности поля его формальных репрезентаций. Действующий в ОП принцип координации (сочинения/соположения, а не субординации) его образных частей способствует оптимальному взаимодействию фольклорного текста с традицией. ОП есть непосредственное воплощение вертикали традиции, когда «связность элементов текста мотивируется на уровне традиции, а не на уровне самого текста» [Мальцев 1989: 146]. Гипертема ОП как «аккумулятор значений» [Мальцев 1989: 89] осуществляет **«встречу»** смыслов, воплощенных в образах параллельных миров. Функционирование ОП выявляет **взаимодействие культурных смыслов**, а свободный порядок соположения частей в линейной последовательности связан с их нелинейными отношениями, представляющими традицию, глубинный уровень которой является потенциально неисчерпаемым содержательным центром, «иррадиирующим» значения [Мальцев 1989: 65–70].

В условиях фольклорной традиции в ОП устанавливается «эквивалентность» между его **одновременными и последовательными** образными компонентами. ОП – **линейно-нелинейная конструкция**, одновременное и последовательное соотнесение макро- и микрокосмических частей с установленной традицией эквивалентностью, в которой «внутреннее сцепление образов» [Соколов 1926: 38] определяет различие в ОП «глубинной» и «поверхностной» композиции [Мальцев 1989: 107].

Поскольку традиция является категорией фольклорной эстетики, а основным принципом ОП служит мимезис (др.-греч. μίμησις – подобие, воспроизведение, подражание), возникает вопрос о миметическом статусе ОП. Репрезентация реалий миров, получающая в ОП формульную «огранку», соотносится с устно-поэтическим каноном. Миметический статус ОП определяется принадлежностью изображаемой в его

границах действительности к универсуму фольклорной традиции, которая «суммирует в себе мировоззренческий опыт <...> в самых общих формах» [Аникин 1975: 31].

Разработка теории ОП через призму теории фольклорной формульности погружает исследование в более широкий культурный контекст. Категориальный характер формульной природы ОП определяется необходимостью различать формулу как определенный морфологический тип (от одного слова до стереотипной ситуации) и формулу как категорию, обобщающую многообразные типы констант фольклорной традиции. Содержательным основанием обобщения является не просто повторяемость и устойчивость форм («внешняя» традиционность), но проявляющаяся в этих фактах эстетическая доминанта («внутренняя» традиционность), которая создает саму устойчивость форм и мотивирует их повторяемость. Эта доминанта, обусловленная творческим методом и эстетической природой народного творчества, позволяет категориально обобщить разнотипные факты как однопорядковые явления фольклорной художественной системы. Повторяемость есть результат реализации сущностных свойств параллельной формулы с ее постоянным обращением к традиционным художественным ценностям, выражаемым набором традиционных форм значительной обобщающей силы [Патроева 2022; 2023; 2023a].

Сущность ОП выявляется на глубинно-семантическом уровне в контексте закономерностей мировоззренческого субстрата устно-поэтического канона. Стремление к гомеостазисному тождеству различных состояний порождает стереотипы и формулы представлений, организующие восприятие. Широта возможностей отождествления определяется эстетикой типизации и обобщения и традиционностью как мерой и критерием всех сфер действительности. Циклическое переживание жизни в обрядах и ритуалах есть возвращение к «изначальным образцам», которые наполнены традиционным содержанием. ОП реализован в контексте эстетики «вечного возвращения» как художественная форма, нивелирующая различие между единичностью свершившегося, воплощенного в стремящихся к бесконечности параллелях, и синкретическим единством аккумулированных гипертемой традиционных смыслов. Эстетика идеи «вечного

возвращения» делает ОП средством эстетической апперцепции (термин Н.И. Конрада [Конрад 1974]), проявляющейся в наличии устойчивых моделей восприятия.

В отношении субъект-объектной квалификации частей традиционная формула образного параллелизма иконически уравнивает активное (субъект) и пассивное (объект), является средством перехода от индивидуального к всеобщему, ведь «чем искусство древнее, тем меньше разницы между активными и пассивными формами художественного сознания» [Фрейденберг 1978: 166–167].

Природа и статус образного параллелизма системно раскрываются **в зеркале этнической ментальности** [Алефиренко 2010; Брысина 2003; 2003а; Бронштейн 2009; Вежбицкая 1996; Лихачев 1984; Лемякина 2004]. «В широком смысле ментальность – это все варианты проявления менталитета (resp. мироощущения, мировосприятия, миропонимания). По А.Я. Гуревичу, ментальность – это способ видения мира, тот уровень сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания. Менталитет – категория, которая отражает внутреннюю организацию и дифференциацию ментальности, склад ума, склад души народа. Менталитеты представляют *психо-лингво-интеллекты* разномасштабных лингвокультурных общностей [Маслова 2001: 49]. С ментальностью связана идея картины мира [Шестак 1996: 113–114; Роль человеческого фактора... 1988: 135, 139]» [Доброва 2004: 11]. Фольклорные тексты «коллективно-анонимны, минимально субъективны, традиционно устойчивы, являются "исповедью народа" и представляют собой образцы высокой культуры» [Хроленко 2000: 120–121].

Изучение динамики многослойной субстанции фольклорно-языкового строя как «объективного источника исконного менталитета» [Черноусова 2015: 3], «наиболее яркого и беспримесного выражения национальной ментальности» [Климас 2005: 5; 2005а] на материале ОП позволяет интерпретировать его структурно-семантические модификации как *проявление эволюции народного менталитета* и способствует постижению русской ментальности, поскольку «весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове» [Ушинский 1968: 327–328].

Методологически значимым для анализа динамических процессов в языке фольклора является сформулированное И.А. Оссовецким и развитое в работах

современных лингвофольклористов суждение о необходимости подходить к изучению фольклорно-языковой субстанции «<...> с учетом **генетического аспекта**» [Оссовецкий 1975: 76] с целью определить, «что со временем изменяется в фольклорном тексте (эволюционный аспект)» [Хроленко 1981: 162].

Квалификация динамических процессов в языке фольклорных произведений и ОП как их неотъемлемой части обусловлена **диалектикой соотношения синхронии и диахронии**. «Снятие противопоставления **синхронного описания и диахронического исследования эволюции** <...> стало характеристикой всего современного научного знания» [Иванов 1988а: I, 5]. Теоретический фундамент исследования составляет сформулированное И.А. Бодуэном де Куртенэ положение о том, что «язык <...> представляет результат своеобразного развития в разные периоды. <...> Такие **результаты работы различных периодов, заметные в данном состоянии известного объекта**, в естественных науках называются слоями: применяя это название к языку, можно говорить о **слоях языка**, выделение которых составляет одну из главных задач языковедения» [Бодуэн 1963: I, 67]. «Ось одновременности (синхрония) не противопоставлена оси времени (диахронии)» [Степанов 2003: 303], поэтому «хорошее [синхронное] описание языка повторяет в снятом виде его диахронный анализ» [Чурганова 1973: 12]. «**Любой язык в любом данном состоянии гетерохронен**, т. е. представляет <...> не одну синхронию, а целую этажерку (систему) синхроний» [Кретов 2020а: 5]. «Комплексный синхронно-диахронический анализ» [Заварзина 2015: 10] применен к различным слоям русской лексики [Данькова 2010; Заварзина 2015; 2019 и др.]. Гетерохронность языка фольклора трактуется как «сочетание архаических и более поздних элементов» [Бекасова 2001: 283; 2008; Садова 2004: 37], отражающее «более ранние стадии языковой эволюции» [Патроева 2018: 24].

Язык русского фольклора является особой формой русского национального языка, содержащей объективные знания о мире и человеке, и ценным источником для целенаправленного исследования этапов преобразования человеческого сознания. Формирование фольклорной традиции определило «полистадиальный

характер фольклорного текста, аккумулировавшего в своей структуре элементы различных временных пластов» [Венгранович 2005: 30; Черноусова 2022: 3–4]. Фольклорный текст содержит «различные полистадиальные наслоения, которые и репрезентируют разные картины мира» [Баянова 2020: 4]. Мифологическая и религиозная картины мира сосуществуют, определяя многослойные модели мироустройства и присущие им свойства: недифференцированность первобытного сознания, невычленение человеком себя из окружающей среды, иллюзорное представление о мире, свойственные первой, взаимодействуют с объединяющей сверхъестественное и рукотворное дуалистичностью бытия, манифестируемой второй [Славянская мифология 1995; Славянские древности 1995; 1999; 2004; 2009; 2012]. Актуальная (синхронная) потребность обратиться к «заветному» обуславливает формульную организацию фольклорного текста. Фольклорная формула, способная «причастить к идеалу, пережитому и переживаемому всеми и общему для всех» [Мальцев 1989: 89], является центром «семантической гравитации, на который оседают духовные ценности целых эпох» [Мальцев 1989: 89].

Вопрос о выявлении особенностей языковых слоев фольклорного произведения связан с определением критериев разграничения стадиальных преобразований, поиском объективных оснований квалификации перехода от одного качественного состояния системы динамических преобразований в языке фольклора к другому, обусловленного «диалектическим единством качественных и количественных характеристик объекта»: «переход от количественных изменений (внутри старого качества) к качественным» осуществляется «через нарушение меры» [Кретов 2023: 4], «в пределах которой данное качество может модифицироваться, сохраняя при этом свои существенные характеристики» [<http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/fc/slovar-204-2.htm#zag-1479> (дата обращения: 30.06.2024)]. Диалектика развития такова, что количественные изменения после нарушения меры приводят к коренным качественным сдвигам, которые обуславливают новые количественные преобразования [Кретов 2023: 5].

Исследование эволюции образного параллелизма базируется на выявленном Е.М. Мелетинским **критерии изоморфизма** его частей с соответствующим ему

разграничением «точного» и «неточного» параллелизма. «Точным» является параллелизм, основанный на строгом изоморфизме частей: семантическим, морфологическим, синтаксическим и позиционным характеристикам каждого элемента первой параллели соответствуют аналогичные характеристики элементов второй. Степень строгости параллелизма, определяемая качественно-количественными показателями нарушения изоморфизма конструкции, различна. Ученый указывает на регулярные формы неточного изоморфизма, до известной меры не нарушающие впечатления точности параллелизма: незначительные различия грамматического характера, изменение порядка слов. Грубое нарушение изоморфизма репрезентирует сопоставление двух понятий в одной строке и одного – в другой. Разрушение морфолого-синтаксической структуры приема образует построения, в которых корреспондирует общий смысл и невозможно выделение элементов, сходных по структуре. «Процессы разрушения структуры параллелизмов меньше всего захватывают область перечислений» [Мелетинский 1968: 37] и больше всего – область вариативных параллелизмов. Продуктивным для анализа ОП является определение критериев разграничения жесткого, смягченного и мягкого (содержательного) тождества повторяющихся фольклорных единиц и текстов [Кретов 2013: 219–245].

Эволюционные преобразования в языке всегда имеют системный характер: «Диахрония есть у системы (и подсистем) языка, по никак не у каждого отдельного элемента этой системы» [Кретов 2023: 5]. В проекции на цели и задачи исследования значимым является положение о том, что элементы системы, будучи результатом ее развития, способны хранить диахронию в синхронии. Квалификация характера эволюционных структурно-семантических преобразований ОП зависит от количественного определения меры старого качества с последующей дифференциацией сочетания модификаций ОП как проявления старого качества системы и – соответственно – образования новой модификации как проявления нового качества системы. Дифференциация осуществляется посредством анализа динамики качественно-количественной организации многослойной субстанции языка фольклора в соответствии с идентификационными показателями этапов развития ОП.

Идея эволюции языка фольклора получила развитие в трудах ученых-лингвофольклористов [Аникин 1971; 1980; 1984; Бобунова 1990; Скафтымов 1958; Тиандер 1896 и др.]: «фольклорная речь, являющаяся *свидетельством и хранилищем многовековой истории общенародного языка*, позволяет проследить становление многих <...> феноменов» [Патроева 2018: 23; Лаптева 1969: 22–41].

Отражение динамики мыслительных процессов в языке фольклора представлено новаторскими идеями маркемного анализа и **маркемной революции** в трудах А.А. Кретова [Кретов 2020]. Маркемный метод исследования текстов является сравнительно новым [Кретов 2007; 2008, 2010; 2012; Кашкина 2013, Артемова 2020; Фаустов 2017] способом проникновения в содержательную специфику текста через его форму. Неоднородные по времени образования и структуре сказки А.А. Кретов дифференцировал в соответствии с общепринятой в фольклористике классификацией [Пропп 2000; 2003]: отдельно подверг анализу сказки о животных (самые архаичные), волшебные (отражающие поздний этап развития мифологического мышления) и бытовые (наиболее близкие к нам по времени) сказки и тем самым получил возможность исследования их маркемных сходств и различий. В сказках о животных преобладают натурфакты и обозначения животных, тогда как человек и производимые им артефакты занимают последние места. В волшебных сказках «маркемы» класса натурфактов и животных сохраняют свои позиции, по классы растений и ментефактов меняются местами. Самые большие изменения происходят в бытовых сказках: на первое место выходят человек и ментефакты, а натурфакты, растения и животные следуют за ними. Применение маркемного анализа к текстам народных сказок привело ученого к выводу, что выявленные «тектонические сдвиги маркем можно с полным основанием назвать «маркемной революцией», отражающей мыслительную революцию: переход общества от мышления по принципу неисключенного третьего к мышлению по принципу исключенного третьего. Иногда этот переход называют переходом от первобытного мифологического мышления к современному логическому мышлению» [Кретов 2020: 191].

Исследование проблемы динамических проявлений в языке фольклорных произведений на материале образных параллелизмов имеет **ряд аспектов**.

Типологический аспект представлен изучением этапов формирования модификаций ОП на основе разграничения типов сопоставления: положительного, отрицательного и положительно-отрицательного параллелизмов; психологического, синтаксического и ритмико-синтаксического параллелизмов [Артеменко 1977; Веселовский 1940; Жирмунский 1964; Маркина 2010; Плисецкий 1962 и др.].

Жанровый аспект представлен изучением фольклорно-языкового строя на разных исторических этапах на материале ОП в одном жанре фольклора с учетом динамики его субжанровых разновидностей и в сопоставлении текстов разных фольклорных жанров [Власова 1971; Калецкий 1936: 192; Кретов 1956: 131–140; Кулагина 2000: 52; Лазутин 1962: 270]. Исследователи отмечают необходимость построения системы параллелизмов как основы межжанровых исследований динамических проявлений в языке фольклора [Кулагина 2000: 94]. Обозначенный пробел устраняется результатами настоящего исследования.

Формульный аспект представлен исследованием генезиса параллельных формульных построений в разных фольклорных жанрах [Мальцев 1989; Артеменко 2003]. Нерасчлененность первобытного сознания с отличающими его представлениями о мире организует фольклорное произведение по принципу **тотального параллелизма** в его эволюционирующих модификациях [Веселовский 1940, Якобсон 1987; Артеменко 1977; 1986; 1988; 2004; 2004а; Артеменко 2000; Кузнецова 2003; Борлыкова 2022; Ойноткинова 2008].

Закономерным этапом изучения эволюции языка фольклора явилось осмысление **комплекса факторов**, определяющих гетерохронность языковых основ образного параллелизма с целостным сопряжением разнородных явлений и выражением одной мысли несколькими способами [Десницкий 2010: 8].

Разносубстанциональность языка фольклорного произведения определяется неразрывной генетической связью параллельных построений с **фактором первобытного синкретизма** [Мелетинский 1968; Чистов 1986], их обусловленностью обрядом как гегемоном в формальном синкретизме искусств и мифом как гегемоном в идеологическом синкретизме [Мелетинский 1994: 4–5], вхождением словесного текста как составной части в сложное, композитное

образование акционально-вербально-реального магического текста, каждая из частей которого (выполнение действий, произнесение слов и использование предметов) выражает один и тот же мифологический смысл средствами разных параллельных символических кодов [Толстой 1995а]. Символика фольклорного произведения восходит к ритуально-мифологическим представлениям на этапе сопоставления состояния природы и души человека и на стадии разновекторных преобразований мифологических ассоциаций вследствие утраты ими первоначального характера «партиципации» [Мелетинский 1994: 7].

Параллелизм является общим названием приемов, адекватно отражающих **фактор цикличности, повторяемости**, обусловленный подчиненностью жизни человека и его мировосприятия циклическому распорядку. Психологический параллелизм, осцилляция и импульсная природа повтора стимулируют и объясняют возникновение синтаксического параллелизма с учетом разных сторон коммуникации [Солодова 1993]. В процессе порождения речевого акта психологический параллелизм вызывает синтаксический параллелизм [Веселовский 1940; Мальцев 1976]. В процессе восприятия параллелизма действуют осцилляция и импульсная природа повтора. Синтаксический параллелизм как генетическая структурная основа образного параллелизма в художественном тексте квалифицируется исследователями как фигура синтаксиса равновесия [Новикова 1992]. В эволюционном аспекте параллелизмы в меньшей мере, чем повторы, связаны с верой в магическую силу слова. ОП создает эффект бинокулярного зрения, «отражает определенные модели речи, изначально присущие человеческому мышлению» [Десницкий 2007: 80], опирается на фундаментальные свойства человеческого восприятия, мышления и общения, поскольку стремление строить речь по определенным повторяющимся моделям признается общим свойством речевого поведения человека [Доброва 2008]. Цикличность процесса конструктивной интерпретации высказывания в кратковременной памяти также способствует формированию параллелизма [Новикова 1992]. Риторический, лингвистический и культурологический этапы изучения параллелизма [Десницкий 2010: 21–22] свидетельствуют о том, что

параллельные построения в устной и письменной речи стали естественным мнемотехническим приемом, облегчающим воспроизведение традиционных текстов, а в период их письменной фиксации – способом структурирования текста.

А.С. Десницкий актуализирует **фактор многоуровневости** параллелизма, который понимает как действующую на всех уровнях систему соположения элементов текста, в которой значение текста в значительной мере определяется парадигматическими отношениями между ними [Десницкий 2010: 27]. «Элементы <...> на разных уровнях находятся между собой в состоянии параллелизма» [Лотман 1996: 95]. Установление парадигматических связей между частями ОП реализует механизм создания нелинейности текста и его глубинной структуры [Десницкий 2010: 26]. Фольклорный, библейский, литературный, публицистический, научный материал дает основание **масштабировать** типы параллелизмов по объему, в том числе с выявлением параллелизма, объем которого меньше границ слова [Десницкий 2010: 16].

Исследование эволюции образного параллелизма опирается на **фундаментальную научную идею системного характера развития языка** [Артеменко 1977; 1988; Бобунова 1990; Влияние социальных факторов... 1988; Заварзина 2015; 2019; Загоровская 2014; Данькова 2010; Кретов 2010; 2020; 2022; 2023; 2023б; Меркулова 2017; Осовецкий 1975; 1979; Патроева 2018; Хроленко 1991; 2000; 2004а; 2010 и др.]. В процессе эволюции языка осуществляется развитие его внешней функциональной и внутренней структурной сторон [Хроленко 2004а: 375]. Аспект влияния в целом рассматривается *от внешнего к внутреннему* [Бичакджян 1992; Влияние социальных факторов... 1988; Будагов 1977; Гамкрелидзе 1998; Журавлев 1982; Крысин 1989; Костомаров 1994; Николаева 1991; Серебренников 1968; Стернин 2015]. Вслед за А.Т. Хроленко и В.Д. Бондалетовым, «пренебрегая смысловыми нюансами, мы используем в своем изложении термины «развитие» и «эволюция» как абсолютные синонимы» [Хроленко 2004: 374]. Термин *генезис* (по данным БСЭ, СИСРЯ) в широком смысле понимаем как зарождение и последующий процесс развития объекта [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/159757/> (дата обращения: 30.06.2024)]. В монографии «Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики

народного мировосприятия» [Доброва 2004: 4–18] автором диссертации сформулирована идея исследования эволюции языковых основ ОП посредством интеграции *лингвокультурологического подхода*, который получает реализацию в соединении его *структурно-стилистического и мировоззренческого аспектов*, и *эволюционного подхода*, сущность которого определяется изучением эволюции многослойной в синхронном состоянии языковой субстанции как отражения динамики народного миропонимания не в строго хронологическом, а в **качественно-субстанциональном аспекте**.

В структурно-стилистическом аспекте заявленных научных подходов значимо принятое в науке **положение о генетической связи поэтических средств** с учетом различия квалификации последовательности этих связей [Кулагина 2000: 13]. Аналитический обзор представлен в монографии [Доброва 2004: 6–8]. «Однако в целом различные точки зрения фактически совпадают в том, что образный параллелизм и складывающаяся в его структуре символика представляют собой *переходное, срединное звено в развитии символической образности*, которое, с одной стороны, тесно связано с хронологически более ранней мифологической символикой и строится на ее основе <...>, а с другой стороны, <...> играет важную роль в образовании более поздней символики индивидуально-авторского творчества» [Доброва 2004: 8; Ковалев 2022; 2023].

Динамические процессы в языке фольклора исследуются посредством выявления **этапов в развитии фольклорной образности**: от мифологического тождества макрокосмического и микрокосмического через сопоставление и выделение в фольклоре – к индивидуализации в индивидуально-авторском творчестве. В ОП традиционный смысл устанавливает «ассоциативную связь между символом и символизируемым, обеспечивает двуплановость связи представлений в тексте» [Венгранович 2011: 232; 255–256]. **В соответствии с хронологическим принципом** общность механизма построения фольклорного образа на основе ассоциативной связи представлений интегрирует в единую цепь символических форм фольклора художественные персонификации, образный параллелизм, метафору и сравнение. ОП как медиальное звено согласно кумулятивному эффекту эволюции

художественных форм объединяет предшествующие и последующие символические формы. Ассоциативная связь представлений порождает присущую разным символическим формам бинарность. Метафора и сравнение, основанные на сопоставлении действий, состояний и качеств внешнего мира и человека, **сохраняют** связь с формально утраченной образной параллелью, образуют параллельные образные планы, порождают в сознании целостный, параллельный сопоставляемому образ [Венгранович 2011: 234; Фольклор как искусство слова 1981].

Исследование эволюции мировоззренческих основ ОП выявляет отражение в его структурно-семантической и синтаксической организации различных этапов эволюции народного мировосприятия [Доброва 2004: 8; Белый 1994].

Итогом исследования явилась разработанная автором теория развития образного параллелизма, модель которой отражает его базовые эволюционные процессы.

1.2. Мифологические и философские аспекты эволюции языковых основ образного параллелизма как универсального феномена

Комплексный анализ мифологических и философских аспектов языковых основ образного параллелизма дает основание квалифицировать его как **универсальный феномен**: единицу оформленного фольклорного знания, универсальный прием фольклорного мышления, этнопоэтическую константу традиционной народной культуры и ведущую художественную форму фольклора. П.А. Флоренский справедливо утверждал, что различными путями мысль человека приходит к одному и тому же древнему признанию идеального родства человека – малого мира, микрокосма и окружающего его космического универсума – большого мира, макрокосма, их взаимообусловленности и пронизанности друг другом [Флоренский 1999: 440; 1994; Антипенко 2009: 16–22; Лебедев 1989; Тихонов 2003; Шахнович 1971; Этнопоэтика и традиция 2004]. Образный параллелизм имеет универсальный характер, поскольку выявлен на всех текстовых уровнях, во всех жанрах фольклора как в качестве основного композиционного принципа организации фольклорного текста, так и в качестве вспомогательного приема, конституирующего отдельную его часть.

Научные подходы, интерпретирующие значимые **мифологические аспекты языковых основ образного параллелизма**, сформулированы автором диссертации в монографии «Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия» [Доброва 2004]. «Ученые признают, что фонд мифологического наследия явился одной из генетических основ фольклора.

1. Мифы в примитивных обществах тесно связаны с магией и обрядом и функционируют как средство поддержания природного и социального порядка и социального контроля. <...> мышление древнего человека было направлено не на осознание объективных отношений вещей <...>, а на *«психологическую адаптацию к окружающему миру»* (см.: [Мелетинский 1983]).

2. Фундаментально важной видится идея многомерности мифологического сознания, включавшего в себя и конкретно-чувственное мышление, и мышление понятиями, и волевые импульсы, и эмоциональную сферу, и духовно-практическую деятельность, и неосознанные, неорганизованные, непосредственные импульсы, богатые инстинктом [Андреев 1988; Маковский 1996; Фрейденберг 1978; Леви-Строс 1985; Леви-Брюль 1994; 2000; Лосев 1991; Мифы в искусстве старом и новом... 1993; Мифы народов мира 1980; 1982; Карасев 1991; Туровский 1991 и др.]. <...> Специфика преемственности эволюционного развития психики в процессе *генезиса первичного (мифологического) сознания* заключается в том, что соподчиненная связь всех ступеней генезиса сознания обусловила такое положение, при котором низшие формы отражения «входили» в высшую в качественно преобразованном виде [Андреев 1988: 166]. Формировавшийся духовный мир человека очень долго носил синкретический, двойственный, переходный, пластичный характер <...> [Андреев 1988: 362; Мелетинский 1983; 1986; 1991 и др.]. <...> *в основе мифа лежит аффективный корень* <...> [Леви-Брюль 1994: 20–28; Лосев 1991: 26; 1982; 1988; Маковский 1996 и др.].

3. Мифотворчество является своего рода символическим «языком», в терминах которого человек моделировал, классифицировал и интерпретировал мир, общество и себя самого <...>.

4. Мифология не знает хронологий, и главнейший источник для объяснения мифических коллективных представлений заключается в языке [Афанасьев 1988: 94; 1996; Потебня 1989 и др.]. <...> [Новичкова 1990: 142; Савчук 1991: 26; Гулыга 1989: 93; Раджабов 1991 и др.]] [Доброва 2004: 13–15].

«Миф как когнитивная парадигма предстает в виде системы элементов, подчиненных одному системообразующему принципу отражения реальности – принципу гомеоморфизма (подобия всего всему). Следствием гомеоморфизма является то, что мифологический образ возникает в результате отождествления двух различных сущностей. Отождествление элементов происходило не на уровне номинаций, а на уровне самих объектов действительности, но следствием этого явилось то, что универсальный закон уподобления транспонируется с мифа на естественный язык, положив начало его символизации» [Кошарная 2002: 12; 2002а; 2014].

Научные подходы, интерпретирующие **философские (онтологические, гносеологические и аксиологические) аспекты языковых основ образного параллелизма**, сформулированы автором в статье «Параллелизм мира природы и мира человека в свете философской теории познания» [Доброва 2015: 307–311].

В контексте настоящего исследования значимо охарактеризовать параллелизм макро- и микромиров в философском плане и в связи с эстетической стороной языка (языком фольклора), дифференцировать философский феномен и воплощающий его художественный принцип. Параллелизм – общий принцип построения и воспроизведения сосуществующих в тексте двух онтологий в бытийном аспекте, двух мировоззрений в гносеологическом аспекте, двух позиций в аксиологическом аспекте [Осокина 2013; 2015; <http://lenazar.narod.ru/strussa08.htm>]. **Онтологический ракурс** организует построение адекватной онтологической интерпретации параллелизма макро- и микрокосма, его философское осмысление через призму всеобщих основ, структуры и закономерностей бытия. **Гносеологический (эпистемологический) ракурс** организует философское осмысление параллелизма макро- и микрокосма в свете теории познания. **Аксиологический ракурс** организует философское осмысление параллелизма макро- и микрокосма в свете теории ценностей, определяющей структуру ценностного мира.

«Как дом стоит на фундаменте, так и научная теория опирается на какую-то систему представлений о мире» [Кретов 2020: 7]. Результаты настоящего исследования позволяют утверждать, что эволюция образного параллелизма макро- и микромиров в русском фольклоре концептуально направлена на **универсальное преодоление хаотической гетерогенности среды** и репрезентируется **пятью положениями**: 1) мироустройство представляет собой целостный феномен; 2) мироустройство отличается свойством гетерогенности и в упрощенно формальном виде имеет бинарный характер: состоит из многослойных макро- и микромиров; 3) параллелизм снимает антиномичность присущих мироустройству свойств целостности и гетерогенности; 4) единство мироустройства воплощается в общности гипертемы частей образного параллелизма макро- и микромиров; 5) гетерогенность бинарного мироустройства выражается в макро- и микрокосмических составляющих образного параллелизма.

Сущность образного параллелизма состоит в том, что онтологическое сосуществование, гносеологическое функциональное соположение с топовой бинарной фиксацией образов макро- и микромиров формируют феноменальное образное единство, обретающее аксиологическую ценность в продуцирующей способности приема к умножению смысла. Образный параллелизм есть смыслопорождающая и саморазвивающаяся структура. Многослойность миров бесконечна, ее выражение в смысловом мультиплицировании также стремится к бесконечности, что формирует специфический хронотоп образного параллелизма. Пересечение-схождение образов есть гипертема, или точка фиксации, которую можно извлечь из бесконечности образов, воплотить в ОП и направить в бесконечность посредством образного умножения смысла.

Понимание **феномена параллелизма** сформировалось в недрах философии как науки древности, или протонауки, «в контексте идеи параллелистического взаимодействия проблематики микро- и макрокосма» [Соколов 2010: 102; Алексеев 2000]. Параллелизм между природой и человеком есть двунаправленная модель познания действительности [Лосев 1963; Постовалова 1985]. Исследователи

в разные эпохи давали параллелизму миров неодинаковые трактовки. Обозначим исходные философские положения и изложим выводы, сделанные на их основе.

1. **Терминологический аппарат** включает **два базовых понятия**: природный макрокосм (μακρός большой и κόσμος порядок, мир, вселенная), макрокосмос, макромир – большой мир (природа, Вселенная, универсум, космос, мир, понимаемый как целое); человеческий микрокосм (от греч. μικρός малый и κόσμος порядок, мир, вселенная), микрокосмос, микромир – малый мир (человек как обладающая душой часть универсума, зеркало и символ мира).

2. **Структурно-упорядоченное понимание целостности** бинарного (диакосмического) устройства мира (большой и малый диакосмосы).

Макро- и микрокосмос есть составные части мира. Макрокосмос подчинен действию тех же законов, что и микрокосмос, представляющий отражение макрокосмоса. Определены онтологическая каноническая упорядоченность миров, гносеологическое осмысление порядка и признание его аксиологической ценности: вселенная – человеческий организм в увеличенном виде, человек – вселенная в миниатюре. Номинации параллельных миров содержат слово *космос* (от др.-греч. κόσμος – порядок). В дофилософском понимании оно имело антропоморфную нагрузку и обозначало «украшение, наряд». В древнегреческой философии фундаментальный термин *космос* воплотил упорядоченное понимание целостности мира. Демокрит впервые определил человека как «малый мир», а также вслед за Левкиппом ввел обозначения «Большой диакосмос» и «Малый диакосмос», актуализируя идею бинарности мироустройства и онтологической множественности космосов в беспредельном вселенском пространстве. «Малый мирострой» (Mikros diakosmos) есть параллель «Большого миростроя» (Megas diakosmos) [Соколов 2010: 82, 101]. Соотношение макро- и микромиров определяется понятием *гетерокосмос* (греч. ἑτερος другой, иной), обозначающим гетерогенность мироустройства [Мимоход 2003]. В контексте диалогических подходов бытие (инкарнация) художественного смысла понимается как целостное эстетическое *со-бытие* [Подковырин 2011: 138].

Диадный принцип структурированного мышления выражен в бинарных оппозициях, представляющих субстанцию и структурную организацию миров.

3. Характер связи составных частей мироустройства.

В философии постулируется тождество, аналогия, параллелизм миров, которые рассматриваются в статическом и динамическом аспектах.

В *статическом аспекте* постулат аналогии макро- и микрокосмоса развивается в двух направлениях. В построении рассуждений от макрокосма к микрокосму аналогия послужила основанием для доказательства их одинакового устройства: по аналогии с макрокосмосом моделируется устройство человека. В построении рассуждений от микрокосма к макрокосму аналогия явилась основанием для наделения макромира антропоморфными чертами: душой, разумом, моральными качествами. В *динамическом аспекте* постулат аналогии макрокосмоса и микрокосмоса реализуется в эволюционно-генетическом анализе его трансформаций: характерная для мифологического мировоззрения мысль о полном отождествлении макро- и микрокосмосов преобразуется в признание их параллелизма [Соколов 2010], отражающего социальные достижения человека.

Сократ противопоставил человеческий микрокосм как субъект и природный макрокосм как объект и определил **фундаментальную триаду** их соотношения: **тождество, параллелизм и противопоставление**.

4. Детализация компонентного состава миров.

Детализации миров подтверждает факт многослойности мироустройства, утверждает различную степень опосредованности механизмов выстраивания параллелей в отношении материальных и идеальных феноменов: в трактовке микрокосма «философы понимают не только его [человека] тело, связь коего с природным макрокосмосом непосредственно очевидна, но также, конечно, и душу как совокупность жизненных и познавательных способностей, соотношение коих с макрокосмосом более сложно, не столь очевидно» [Соколов 2010: 66]. Определен характер связи биологической и мыслящей составляющих микрокосма с макрокосмом: «в чувственной стороне познания особенно очевидна связь микрокосма с макрокосмом. Ею следует в первую очередь объяснять <...>

познание «подобного подобным», <...> тождественных начал в микро- и макрокосме» [Соколов 2010: 67]. Выявлены эволюционность, продуцирующая способность и субъектность как свойства души. Гераклит разработал теорию развития души от ее природно-физиологического состояния (примитивный влажный уровень души, присущий толпе и связанный с водной стихией) до ее индивидуально-личностного, персонифицирующего начала (сухая мудрейшая душа, свойственная личности и связанная с огненной стихией мироздания).

Детализация и характер соотношения компонентов определяется идеями пропорции (*analogia*) и соизмеримости (*symmetria*) [Соколов 2010: 74]: сбалансированное сочетание обуславливает благо, нарушение равновесия – зло.

5. Универсальный характер постулата аналогии макро- и микромиров.

Учение о параллелизме макрокосма и микрокосма – одна из древнейших натурфилософских концепций, выраженная уже в древнеиндийских Ведах, в космогонической мифологеме «вселенского прачеловека», из плоти которого возникла земля, из костей – камни, из крови – реки, из волос – деревья, из дыхания – ветер и т. д. В демифологизированном виде аналогия макрокосма и микрокосма представлена в натурфилософии досократиков, традиции космологического биоморфизма, концепции Платона, стоической концепции космоса как живого организма. Псевдогиппократовский трактат «О седмицах», сходный с космогоническим трактатом «Бундахишн» (IX в., основан на утраченной части «Авесты»), является образцом воплощения параллелизма макрокосма и микрокосма.

Универсальный характер аналогии макро- и микромиров выражен в учениях, охватывающих историю цивилизации: в древнеиндийской мифологии и философии, древнегреческой философии, средневековой философии, видениях Хильдегарды из Бингена (XII в.), в которых устанавливаются детальные соответствия между движениями небесных тел, ветрами, элементами, жидкостями и телесными и душевными состояниями индивида, натурфилософии Возрождения XV–XVI вв., немецкой натурфилософии XVIII – начала XIX в., мировой воле Шопенгауэра в XIX в., теософии конца XIX – начала XX в. с актуализацией эволюционного параллелизма. Интерес к оккультизму обуславливает

возрождение учения о макро- и микрокосме в эзотерических учениях и астрологии. Идея реализована в противоположных учениях. Последовательный параллелизм макрокосма и микрокосма явился средством аргументации в христианском учении, утверждавшем, что человеческий микрокосмос отражает универсум природных и божественных связей, и в пантеистических космогониях, отождествлявших сущность Бога и мира [Словарь философских терминов 2005].

Выводы, сделанные на основе исходных философских положений.

1. Тотальный характер аналогий макро- и микромиров в ОП.

Макрокосм наделяет микрокосм аналогичными внешними структурными чертами, микрокосм наделяет макрокосм аналогичными внутренними свойствами. В результате отзеркаливания миров аналогия приобретает тотальный характер, получает обоснование на уровне структурных элементов и специфики их связей. Понятия макрокосма и микрокосма обозначают «единую систему, соединяющую в себе и бесконечную Вселенную, Материю, Универсум, и ту ее частичку (прежде всего человека), которая с наибольшей полнотой отражает в себе (в сознании), содержит в себе (в теле, в функциях организма) все богатство, всю сложность Вселенной и сама для себя является неисчерпаемой Вселенной и по физическим, и по химико-биологическим, и по духовным критериям» [Словарь терминов и понятий по обществознанию 2013: 197–198]. Телесные параметры микрокосма соотносятся с физическим устройством мира, функции организма (способность к отражению) – с аналогией духовных внутренних свойств и способностей.

2. Детализация компонентного состава миров способствует накоплению моделей отождествления («цивилизационных аналогий»).

Макромир – внешний объективный мир. Микромир – внутренний субъективный мир человеческого сознания, с помощью которого «человек «выходит» за пределы самого себя, <...> вторгается в дали космоса и глубины микромира, куда не может проникнуть физически, <...> творит то, чего нет в природе, – мир культуры» [Спиркин 1972: 3]. Макромир является поставщиком знакового материала для объективации явлений микромира. Отличие микромира состоит в его пластичности, динамичности, способности осуществлять взаимодействие с константным,

циклическим макромиром. Продуцируемое сознанием очеловечивание вещей обусловлено признанием онтологического параллелизма макро- и микромира и происходит посредством переноса по аналогии свойств одного мира на другой.

Мыслительная способность микрокосма наделяет в параллельных моделях аналогичной способностью и природный макрокосм. Мыслящая составляющая микрокосма наиболее отдалена от макрокосма, в отличие от биологической стороны души, и связана с ним не непосредственно, а опосредованно. Параллелизм природы и человека объясняется наличием у человека и животных чувственной части души. Поскольку телесность души совпадает в определенном измерении с телесностью природы, человеческая душа становится перекрестком, где **«микрокосм переплетен с макрокосмом»**. О телесности ума, которому присуща ограниченная демиургичность, можно говорить в минимальной степени: он не творит, а упорядочивает. Биологический аспект и чувственная сторона души сближали микрокосм с макрокосмом. Гносеологический аспект, умноженный на моральную аксиологическую компоненту души, способность к мышлению, рефлексии, сближали микрокосм с божественным макрокосмом.

Единый фундамент философских учений составляет механизм аналогии, а их несходство определяется составом отождествляемых явлений. Развитие учений способствовало детализации миров, накоплению цивилизационных аналогий и моделей отождествления иномирных, разнотелесных феноменов.

Модели отождествления («цивилизационных аналогий») делятся на две группы. **I. Отождествление макро- и микромира:** а) отождествление компонентного состава миров; б) отождествление способности к самодвижению компонентов миров; в) отождествление природного мира и абстракции как продукта микромира. **II. Отождествление составляющих микромира:** а) отождествление тела и души; б) отождествление компонентов души; в) отождествление компонентов души и абстракции как продукта микромира.

3. Характер отождествлений феноменов параллельных миров.

Механизм ассоциативного связывания отождествляемых феноменов разных миров носит **нестрогий и произвольный характер**, обусловленный слабой

дифференцированностью античной мысли, доминированием интенции целостности бытия, значимостью идеи пропорции и соизмеримости, культурным принципом категоризации мира не по первичным, понятийным признакам, а по признакам вторичным, бесчисленность которых увеличивает возможности их сопоставления [Кассирер 1998; 2000а; Соболева 2001; Леви-Строс 1985; 1999; Малиновский 1998; Артеменко 2004; 2012; Кубрякова 1995; 2009], онтологическим принципом равновероятности («равноправия»), в силу которого возможность и действительность отождествляются [Соколов 2010: 81, 87], оборотнической «логикой» мифологического мировоззрения, формирующей бесчисленные бинарные оппозиции. Ценность подобных механизмов определялась формированием художественного мировосприятия, мимезиса, второго параллельного мира.

4. Динамика философских воззрений в контексте параллелизма.

Поэтапное осмысление эволюции компонентного состава души, обладающей телесным, познавательным и моральным аспектами и выполняющей физиологическую, интеллектуальную и социальную функции отражает развитие философских воззрений и воплощается в ОП. Эволюция онтологических, гносеологических и аксиологических принципов интерпретации параллелизма миров коррелирует с триадой чувственно-эмоциональной, интеллектуальной и волевой составляющих сознания человека. Выявлены философские доминанты миров: в природном макрокосме преобладает онтологический (бытийный) ракурс, в человеческом микрокосме доминирует гносеологический (познавательный) ракурс, в божественном макрокосме – аксиологический (ценностный) ракурс.

5. Специфический хронотоп параллелизма.

Хронотоп параллелизма представлен стереоскопически-объемной и системно-размеренной картиной фольклорного универсума. Широкие вариативные возможности перечневого параллелизма на разных языковых уровнях являются неисчерпаемым источником его перспективоуказующих свойств [Комаров 1992]. Максимальная обобщенность миров и последовательное детализированное сопоставление их феноменов формируют универсальный и всеобъемлющий характер хронотопа параллелизма как воплощения разнообразных цивилизационных аналогий.

Стремление античных философов познать устройство мира в единстве его составляющих обусловило отсутствие разделения знаний об окружающем мире на различные области. В процессе освоения и интерпретации окружающего мира из общего знания стали вычленяться отдельные науки. Дальнейшее осмысление феномена параллелизма в разных сферах научного знания связано с оформлением **принципа системности**. Системный подход к изучаемым объектам основывается на диалектическом законе, утверждающем всеобщую связь предметов и явлений одновременно, параллельно **как в природе, так и обществе**. Систему, в том числе систему языка, понимаем как внутренне организованное и упорядоченное единство элементов, связанных между собой устойчивыми отношениями. Система существует и развивается в результате взаимодействия **трех главных ее атрибутов: субстанции, структуры и функции – при ведущей роли функции**.

Неизменный интерес к исследованию феномена параллелизма, обусловленного общечеловеческой и универсальной природой передачи знаний, получил реализацию **во всех без исключения сферах научных знаний: в точных науках** [Акимова 2009; Берзигияров 2001; Вирбицкайте 2001; Горбунова 2001; Заручевская 2008; Инютин 2001; Копысов 2006; Миллюкова 2004; Терехов 2010 и др.], **естественных науках** [Заварзин 1986; Зайцева 2000; Василенко 2005; Мухамедьяров 2020; Силаева 1998; Тахтеев 2001 и др.], **гуманитарных науках** [Абаев 1956; Абилкаламова 2011; Веселовский 1940; Воробьев 2012; Гура 2012; Зеленина 2013; Кравченко 2000; Лопатин 1895; Муллаянов 2017; Нечитайлов 2003; Рассел 1997; Родионов 1998 и др.]. Параллелизм выявлен **в двух основных аспектах**: параллелизм подходов к изучению сходных феноменов и изучение самих параллельных построений. В разных сферах знания имеет место **методологическое сходство научных подходов** к исследованию параллелизма.

1. Признано наличие феномена параллелизма в разнотеланциональных саморегулирующихся системах: автоматических устройствах, организации живой и неживой природы, человеческом организме, человеческом обществе.

2. **Теории параллелизма** созданы в разных сферах научного знания: в естественных науках [Заварзин 1986], в точных науках [Вирбицкайте 2001], в гуманитарных науках [Веселовский 1940] и др.

3. Исследованы вопросы **происхождения, сущности и статуса параллелизмов** в разных сферах знания [Воробьев 2012: 4]. Выявлен их **системный и универсальный характер**: функционально аналогичные разнособстанциональные системы отличаются сходным построением [Воробьев 2012] и мощной продуцирующей способностью [Вирбицкайте 2001; Заручевская 2008: 3; Заварзин 1986; Веселовский 1940 и др.].

4. Определены **критерии и факторы** разнособстанциональности частей, **атрибуты параллельности**: одновременность, противопоставленность последовательности, подчеркивается их относительность со сменой систем измерений [Рассел 1997: 307]. Для параллелизма характерны параллельная обработка информации, операторы дуальности и «параллельной композиции», копирующая стратегия, динамическая мультипликативная логика, мультипликативные связки, двунаправленная коммуникация [Нечитайлов 2003: 6–7, 22–23].

5. Параллелизм связан с **понятиями мироустройства, многомирности и иномирности**. Определен **разнонаправленный характер связей между его компонентами**: автономность, непроницаемость, независимость, сосуществование, соположение компонентов и неавтономность, проницаемость, взаимозависимость с непосредственной и опосредованной связью компонентов [Нечитайлов 2003: 11].

6. Доказано наличие **свойства-инварианта**, интегрирующего части параллелизма, констатируется значимость разработки алгоритма его получения [Нечитайлов 2003: 15–16; Федяев 1997; Зайцева 2000: 3; Абилкаламова 2011].

7. Констатирован факт **эволюционного характера параллелизма** в разнособстанциональных саморегулирующихся системах. Разработаны **методы его структурного и семантического анализа** в саморегулирующихся системах на материале эволюции макро- и микрообъектов [Кравченко 2000; Абилкаламова 2011; Веселовский 1940; Силаева 1998; Мухамедьяров 2020: 3–4].

Анализ философского аспекта языковых основ образного параллелизма позволяет квалифицировать его части как явления одной сущности: образные варианты воплощают единую инвариантную содержательную основу. Кажущееся бесконечным разнообразие параллелей требует тщательного лингвистического анализа и сведения их в **строгую и исчерпывающую типологию**.

1.3. Основные компоненты теории развития образного параллелизма в жанрах русского фольклора

«Наиболее заметная черта лингвистики конца XX – начала XXI вв. – это параллельное и нередко одновременное изучение языка в нескольких направлениях и аспектах, как вполне традиционных <...>, так и совершенно новых» [Хроленко 2004а: 97].

Теория развития образного параллелизма в жанрах русского фольклора зиждется на **системном подходе** к предмету исследования [Аверьянов 1985: 9].

На основе анализа дефиниций понятия *теория* (греч. θεωρία, от θεωρέω – рассматривать, исследовать) [Касавин 2009; Краткая философская энциклопедия 1994; Новейший философский словарь; Философский энциклопедический словарь 2007; Энциклопедия эпистемологии и философии науки 2009] выделены критерии, характеризующие научные теории как наиболее развитые формы организации научного знания, дающие целостное представление о закономерностях и связях определённой области действительности – объекта теории. Формирующееся в настоящем исследовании концептуальное построение удовлетворяет критериям, характеризующим научные теории: 1) представляет комплексную систему взглядов, дающих целостное представление о системных закономерностях организации и эволюции образного параллелизма в жанрах русского фольклора; 2) базируется на четко сформулированных методологических принципах и методах научного исследования, интегрированных в апробируемой методике комплексного изучения и описания динамических процессов в языке русского фольклора; имеет адекватные задачам исследования понятийно-терминологический аппарат и теоретико-методологический инструментарий; 3) имеет исходную обширную эмпирическую основу, аккумулированную в репрезентативной коллекции образных параллелизмов; 4) исследование фактов обосновывает выведение совокупности теоретических положений и создание эволюционно-генетической теории развития образного параллелизма; 5) на основании выведенных положений создана теоретическая эволюционно-генетическая модель развития образного параллелизма. Теория

объясняет сущностные признаки образного параллелизма и позволяет прогнозировать его развитие, что составляет ее экспланаторный и прогностический потенциал.

Эволюционно-генетическая теория развития образного параллелизма как отражения динамики народного мировосприятия представляет собой учение о его **системном устройстве** и включает **два базовых взаимообусловленных компонента**: *эволюционную семиологию и эволюционную морфологию* образного параллелизма с учетом данных его *системогенеза*. В разработанной теории представлена номенклатура используемых для создания ОП языковых средств и описаны тенденции их моделирования и системного функционирования.

Разграничены **три аспекта эволюции ОП как гетерогенного системного образования**, представляющего ограниченное множество взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов: системный, надсистемный и метасистемный. Определены элементы, структура (синтагматические, парадигматические и иерархические отношения элементов) и функциональное назначение систем, тенденции и закономерности их эволюции, внешние связи и роль среди других систем.

Системный аспект эволюции реализован в исследовании ОП как знаковой системы. Результаты представлены в *разделе 2.1. Образный параллелизм как знак вторичной моделирующей системы*. Выявлен **общефольклорный** статус системы.

Надсистемный аспект эволюции реализован в исследовании ОП как надсистемы его семиотических модификаций и исследовании ОП как надсистемы его морфологических модификаций. Под *модификацией* (позднелат. *modificatio* – установление меры) понимаем качественно различные состояния чего-л. [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/108750> (дата обращения: 30.06.2024)]. Результаты представлены во *второй главе «Эволюционная семиология образного параллелизма»* и в *третьей главе «Эволюционная морфология образного параллелизма»*. Дифференцированы **общежанровый, межжанровый и внутрижанровый фольклорные статусы** исследуемых надсистем.

Метасистемный аспект эволюции реализован в исследовании **общих для исследуемых систем характеристик** развития ОП на структурно-типологических пересечениях-взаимодействиях данных семиогенеза с данными

морфогенеза ОП. Данные системогенеза ОП комплексно отражают эволюцию семиотических, семантических, синтаксических и композиционных основ многослойного по своей субстанции фольклорного текста. Результаты представлены в *четвертой главе «Системные характеристики эволюции образного параллелизма как отражение динамики народного мировосприятия»*. Выявлен **общефольклорный** статус исследуемых метасистемных характеристик эволюции ОП.

Методология исследования. Ведущими в исследовании являются **методологические принципы** объективности, системности, принцип единства теории и практики, принципы доказательности и открытой науки.

Объективный подход к исследованию реализован путем «от материала к методу». Достижение поставленной цели обеспечивается комплексным применением как классических методологических подходов, так и созданной диссертантом инновационной многоаспектной методики комплексного изучения динамических процессов в языке фольклора. Основным **методологическим ориентиром** является определение имманентной логики перманентного воспроизводства ОП как композиционного принципа организации фольклорного текста в синхроническом и диахроническом срезах культуры.

Методологическую базу исследования составили три научных подхода, которые определяют сущность эволюционно-генетической теории ОП. Обозначенные подходы сформулированы автором диссертации в монографии «Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия» [Доброва 2004: 16–18].

1. «Анализируемый материал в результате некоторого методологически обоснованного упрощения рассматривается как одно состояние, один синхронный срез» [Доброва 2004: 16] многослойной по своей природе фольклорно-языковой системы. Эволюционно-генетическая направленность диссертационной работы обеспечивается установлением происхождения ряда художественных форм образного параллелизма на базе его исторически более ранних разновидностей, а также их генетической связи с обиходно-разговорной речью, кроме того, произведены наблюдения над судьбами параллельных построений в современную эпоху, в том числе на материале афоризмов.

2. «Мифология, составляющая одну из генетических основ фольклора, является хранилищем архетипов (универсальных основ культуры). Архетип всегда коллективен, т. е. он является общим для отдельных народов и эпох. Это положение дает основание ученым сделать вывод о том, что наиболее важные *мифологические мотивы общи для всех времен и народов*. В этом контексте настоящее исследование в первую очередь отражает общечеловеческую (надэтническую) и в определенном смысле вневременную компоненту культуры, которая входит как часть в процесс универсального развития художественной мысли. Поскольку ОП анализируется на обширном материале (разных жанров русского фольклора – С.Д.), то в центре внимания находится специфика мировосприятия и миропонимания русского человека, вскрываются черты русского этнического менталитета, возможно, *в его общечеловеческом, универсальном, надэтническом, а не идиоэтническом проявлении*. И этот факт предопределен именно генетической (восходящей к универсальным архетипическим основам мифологии) природой исследуемого приема поэтического мышления.

3. Линии развития ОП отражают динамику освоения человеком мира, в том числе, и своего внутреннего, и увеличение воздействия на мир. В обозначенном контексте важно оговорить некоторое методологически обусловленное сокращение, упрощение, вероятно, более сложных связей в подходах к исследовательскому материалу. Как известно, русские фольклорные тексты записаны довольно поздно, они запечатлели различные исторические срезы миропостижения в весьма опосредованных формах. В процессе освещения первого этапа эволюции точнее было бы говорить о возможности освоения, использования текста, непосредственно связанного с обрядом, с иными целями, в том числе, эстетическими, при которых меняется представленное в тексте отношение человека и мира. Однако в дальнейшем человек для выражения своих чувств обращался уже не к обрядовому тексту, а непосредственно к самой природе и «черпал» необходимую информацию из ее недр. В результате формировались совершенно новые конструкции ОП, в корне отличные от традиционных обрядовых образцов и отражавшие непосредственное взаимодействие с природой, в результате

которого человек познавал ее объекты <...>, а затем переосмыслял их в эмоционально-эстетическом ключе. Поэтому в процессе освещения второго этапа эволюции приема необходимо говорить именно об одном из способов освоения внешнего мира природы и внутреннего мира человека, отраженном в тексте.

ОП является тем минимальным текстом, который дает возможность увидеть разнообразие способов соотнесения человека и мира в народных эстетически обработанных текстах, поскольку в фольклоре в синхронном срезе запечатлены хронологически разные этапы эволюции народного менталитета и системы художественно-языковых средств народного творчества. Такой подход позволяет исследовать явление ОП одновременно и на уровне микроанализа с его повышенным вниманием не только к каждому слову, но и к каждому нюансу его употребления, и на уровне макроанализа, когда языковая структура рассматривается в контексте мировой мифологии, этнической ментальности и художественного творчества» [Доброва 2004: 17–18].

Эволюционно-генетическая теория развития образного параллелизма зиждется на комплексе научных принципов языкознания: знаковости языка, асимметрии языкового знака, системно-структурной организации языка, изоморфности разных ярусов и единиц языковой системы, социальной обусловленности языка, динамическом характере и исторической изменчивости языка, «принципе системности языковых явлений, эксплицирующей системность ментального представления бытия» [Кошарная 2002: 7]. Исследование выполнено с опорой на являющийся аксиомой современной науки тезис об ограниченности любого метода: «Познаваемые объекты настолько разнообразны, многоаспектны и связаны между собой такими многообразными отношениями и связями, что полностью постичь их **природу, функцию и генезис** при помощи одного – пусть самого эффективного – метода невозможно» [Хроленко 2004а: 427]. Включенность метода в методологию научного познания интегрирует его с философскими и общенаучными принципами.

В настоящем исследовании разработана и экспериментально проверена **инновационная многоаспектная методика комплексного изучения и описания динамических процессов в языке русского фольклора** на материале

ОП с учетом неоднородности и многослойности фольклорно-языковой субстанции, сохраняющей в синхронном срезе разные этапы постижения мира этносом.

Теоретической основой методики комплексного изучения и описания динамических процессов в языке русского фольклора послужила базирующаяся на современных научных данных классификация методов лингвистики, представленная в трудах А.Т. Хроленко, В.Д. Бондалетова, Ю.С. Степанова [Хроленко 2004а: 421–480; Степанов 2003]. Выбор качественных и количественных методов осуществлялся путем интеграции двух научных подходов: стремлением свести многообразие речевых фактов к одному языковому закону и тщательным сбором и систематизацией речевого материала [Степанов 1988: 22–23].

Для решения поставленных в исследовании разноаспектных задач применялся **комплекс трех групп взаимодополняющих методов и приемов.**

1. Общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение (сопоставления фактов одного порядка), корреляция (сопоставление фактов разного порядка), аналогия, обобщение, описание, дедукция, индукция, интерпретация, экстраполяция и т. д.

2. Общелингвистические (частнонаучные) методы.

Описательный метод представлен методикой лингвистического наблюдения с выделением, накоплением и систематизацией данных репрезентативной авторской коллекции образных параллелизмов и сведением их в совокупности с целью включения в обиход научного исследования. В результате применения описательного метода накоплен большой объем расклассифицированного и интерпретированного эмпирического материала. Методика лингвистического эксперимента применена в процессе трансформации гетерогенных и гомогенных метафорических моделей в параллельные построения с указанием ассоциированных образов, экспериментального моделирования конструкций имплицитных и дистантных образных параллелизмов, преобразования параллельного построения с учетом его модификаций и т. д.

Таксономический метод применялся при установлении иерархических отношений в системной многослойной организации образного параллелизма для его представления не только в виде исчерпывающей номенклатуры модификаций, но и в виде функционирующего системного образования. Методика

классификации применена для систематизации параллельных построений и обобщения их в классы с целью установления связей и иерархических отношений между компонентами образного параллелизма и создания системы категорий для его описания и анализа. Для исследования механизмов структурно-семантической организации образного параллелизма, определения компонентного состава его композиционных частей применялся лингвистический метод анализа по непосредственным составляющим, релевантность использования которого определяется логикой анализа от наиболее прочных связей к предельно свободным как инструментом идентификации векторов эволюции приема. Методика дистрибутивного анализа применялась для изучения окружения (распределения) отдельных компонентов в границах композиционных частей ОП, при разграничении значений компонентов частей. Методика компонентно-дефиниционного анализа применялась для исследования и квалификации плана содержания образного параллелизма. Метод контекстного анализа использовался при систематическом выделении матрицы контекстов исследуемой гипертемы параллельного построения по данным производных тем с целью ее квалификации по данным контекстов. Метод анализа лексической сочетаемости слов применялся для определения синтагматических связей компонентного состава параллелей и связей между частями ОП. Метод полевой стратификации применялся при вычленении ядерных и периферийных элементов и модификаций образного параллелизма на разных этапах его организации и функционирования. Компонентно-оппозитивный метод использовался при анализе объединений и противопоставлений компонентного состава параллелизма. Метод анализа тема-рематической прогрессии применен для определения матриц структурообразования приема под углом зрения их генетической обусловленности моделями связной речи с целью исследовать в аспекте диахронической (генетической) интерпретации приема его речевые основы.

Методики лексикографического анализа применялись при составлении словарей репрезентантов разных фольклорных миров [Климас 2000; 2005] с учетом их образных воплощений. В лингвофольклористике XXI века изучение языка фольклора осуществило новый виток развития, предполагающий корпусный подход и

лексикографизацию методов [Бобунова 2004; 2004а; Хроленко 2010; Хроленко 2004 и др.]. Словник как лексикографический продукт представляет «перечень слов для словаря» [Большой толковый словарь русского языка 2000: 1210; Ахманова 2004] и коррелирует с перечневыми параллельными построениями. Разработана типология словников номинаций, репрезентирующих образы параллельных миров и отражающих значимые аспекты фольклорно-языковой картины мира в их связях и отношениях: артефактный [Доброва 2019: 238–244]; перцептивный [Доброва 2020б: 146–151; 2023з: 167–175], признаковый [Доброва 2023и: 363–379; 2023к: 416–429; 2023ж: 430–443], процессуальный [Доброва 2023л: 358–404], гендерный [Доброва 2017в: 175–181; 2023е: 338–348; Мудрая 2021] и др. миры. Корпус системно организованных словников (алфавитных, частотных, тематических; сводных и узконаправленных) является эффективным инструментом, адекватным для изучения воплощенных в ОП феноменов фольклорно-языковой картины мира [Доброва 2019: 238–244]. Структура, содержание и функции словников позволяют произвести многоаспектный анализ системной организации номинаций образов параллельных миров в разных фольклорных жанрах. Словники являются аппаратом ориентировки, фиксируют показатели частотности, композиционную закреплённость и тематическую дифференциацию номинаций образов параллельных миров и т. д. Данные отражают степень прорисовки деталей фольклорно-языковой картины мира, выраженной в ОП на разножанровом фольклорном материале с учетом его территориальной специфики [Бобунова 2016; 2019; Ларина 2018 и др.].

Лингвокультурологический метод применен с целью выявления социокультурной обусловленности представления образов макро- и микрокосма в ОП.

Лингвогенетический метод, основанный на диахронном подходе к языку, привлечен для анализа многослойной фольклорно-языковой субстанции, в которой **существуют** относящиеся к разным этапам истории языка факты: «В любой момент язык включает в себя и остатки прошлого, и зачатки будущего» [Хроленко 2004а: 451]. Применена методика сравнения образного параллелизма, взятого на разных этапах его развития. Методика относительной хронологии позволяет установить, какая из двух модификаций образного параллелизма предшествовала другой. Методика внутренней

реконструкции, базирующаяся на положении о системном характере языка, дает основания для «диахронических выводов, которые можно сделать из синхронического анализа языковых данных» [Общее языкознание 1973: 82].

Структурно-типологический (сопоставительный) метод, направленный на сравнение образных параллелизмов в их сходстве и различии, применен для осуществления разноаспектной типологизации образованных в его границах символических форм, результат которой представлен в каталогах модификаций, систематизированных в соответствии с целями и задачами исследования. Сопоставительные и классификационные методики использованы с целью создания типологий отдельных модификаций, типологии подсистем организации и функционирования образного параллелизма и выявления отношений между ними. Метод комплексного анализа применен при определении характерных черт системогенеза ОП с учетом данных его семиогенеза и морфогенеза. Типологический метод применен для сопоставительного изучения сходств и различий организации и функционирования ОП в русских и болгарских лечебных заговорах. Типологический метод, обладающий прогнозирующей силой [Серебренников 1974], позволяет квалифицировать генеративно-порождающий эффект эволюции ОП.

В ходе анализа таксономический метод явился логическим продолжением описательного и составил основу для сопоставительного и лингвогенетических методов. Результаты, полученные применением лингвогенетических методов, корректировались при помощи типологического метода, который позволил объяснить причины языковых изменений образного параллелизма.

Элементы методики количественного анализа применены при квантитативном анализе данных интегрированных каталогов символических форм ОП, при анализе набора версий образных параллелей в структурных инвариантных моделях и вариантах текстовых реализаций и дают основания для определения закономерностей организации и функционирования ОП, выявления его языковых характеристик, которые объективируются количественными отношениями. Соотношение количественной и качественной сторон ОП является объективным критерием лингвистической категории продуктивности его

структурно-семантических модификаций, объективирующих взгляды народа на мир [Арапов 1988]. Применение формально количественных методов [Хроленко 2004а: 473] позволяет определить причины, результаты и перспективы эволюции языковых основ ОП, длительность эволюционных процессов и их относительную хронологию.

Технические приемы графического представления результатов исследования применены для систематизации и оформления в таблицах разноаспектных каталогов модификаций образного параллелизма.

Сочетание качественных и количественных методик служит адекватному описанию системной организации и функциональных характеристик образного параллелизма. Ограниченность применения формально количественных методов объясняется отсутствием в языке однородности и постоянства [Лосев 1983]: «чистое становление <...> не имеет границ» [Шпенглер 1993: 35, 112], поэтому «точность нужна в той мере, в какой она допускается природой материала» и не является «помехой для <...> понимания существа дела» [Лихачёв 1981: 196–197].

3. Оригинальные авторские методы, апробируемые в диссертации.

В ходе решения исследовательских задач разработана и экспериментально проверена **методика параллелистического анализа** [Доброва 2018д: 97–108], которая реализует пошаговое, покомпонентное, спектральное изучение эволюционно-генетических аспектов языковых основ устно-поэтического образного параллелизма как механизма продуцирования разнообразных художественных форм фольклора и умножения культурного смысла, являющихся манифестантами народного мировидения, объективирующих особенности этнической культуры и обуславливающей ее этнической ментальности на материале текстов разных фольклорных жанров и различных этнических традиций с целью исследования системных характеристик динамических процессов в языке фольклора и художественном мышлении народа. Термином **параллелистический анализ** обозначен метод структурного и содержательного разделения (расчленения) построения на параллельно организованные и сопоставляемые в композиционных частях ОП составные части (компоненты), репрезентирующие кванты умноженного культурного смысла в их единовременном

соотнесении с общей гипертемой и вариативном воплощении на материале образов макро- и микромиров, а также в диалектике их взаимодействия; совокупность приемов и операций исследования ОП в многослойной субстанции фольклорного текста с целью выявления эволюционно-ментального подтекста образованных в ОП художественных форм. В диссертации апробируются специфические методики аппликации структурных инвариантных моделей приема и вариантов их текстовых реализаций с целью типологизации указанных феноменов и определения присущих им эволюционно-ментальных характеристик.

Комплекс общенаучных, общелингвистических и оригинальных методов системно применен на **четырёх этапах** отбора, структурирования и анализа материала исследования. **Первый этап** нацелен на отбор и структурирование эмпирических данных. Результаты представлены в авторской коллекции ОП, систематизированных в соответствии с целями и задачами работы. **Второй этап** нацелен на установление данных семиогенеза ОП. Результаты отражены во второй главе «Эволюционная семиология образного параллелизма». **Третий этап** нацелен на установление данных морфогенеза ОП. Результаты отражены в третьей главе «Эволюционная морфология образного параллелизма». **Четвертый этап** нацелен на установление данных системогенеза ОП. Результаты представлены в четвертой главе «Системные характеристики эволюции образного параллелизма как отражение динамики народного мировосприятия».

Максимальный диапазон колебаний объема ОП определяется от параллелизма внутри слова на уровне семантики и фоносемантики до параллелизма целых фольклорных текстов. Объем ОП обуславливает применение **оптики (макро- и микрошквал)** параллелистического анализа. Исследование на **уровне макротекста (макросистема, макроуровень [Boys 1824; 1825])** выявляет масштаб и многослойность ОП. Исследование **на уровне микротекста (микросистема, микроуровень [Boys 1824; 1825])** является объективным инструментом определения жанровых особенностей эволюции языковых основ ОП. Применение **«атомарной» методики [Десницкий 2010: 41] микротекстового анализа** выявляет системные отношения между компонентами ОП, когда «любое слово или предложение, попав в построенное на последовательном параллелизме <...> произведение, сразу же

вовлекается под давлением этой системы в плотную шеренгу связанных друг с другом грамматических форм и компонентов смысла» [Якобсон 1987: 127]. Микротекстовой подход создает основу для применения **методики макротекстового анализа** и «понимания феномена параллелизма <...> на более высоком уровне» [Десницкий 2010: 41; Уемов 1970] с учетом взаимодействия макро- и микротекстового подходов.

Применение методики комплексного изучения и описания динамических процессов в фольклорно-языковой субстанции модернизирует исследовательский инструментарий сопоставительной и кросскультурной лингвофольклористики. В настоящем исследовании методика параллелистического анализа экспериментально проверена как инструмент сопоставительной лингвофольклористики для анализа ОП в двенадцати жанрах русского фольклора, на материале библейского текста [Доброва 2013: 207–215]; как инструмент кросскультурной лингвофольклористики на материале болгарских лечебных заговоров [Амроян 2005; 2012; Сборник за български народни умотворения и книжнина 1889–1983; Тодорова-Пиргова 2003] для исследования формулы отсылки болезни в сопоставлении с русской заговорной традицией [Доброва 2018б: 230–241], эволюции структурно-семантических модификаций ОП [Доброва 2023п: 112–143] и абстрактных моделей связного текста как матриц структурообразования ОП в болгарских лечебных заговорах (результаты представлены в материалах Международной научно-практической конференции «Фольклор: тексты и культурные контексты», посвященной 85-летию Ю.И. Юдина (Юдинские чтения-2023, Курск).

Методика может быть экстраполирована на анализ иного фактического материала, в том числе индивидуально-авторского творчества с целью изучения репрезентации на материале ОП индивидуально-авторской картины мира и ее эволюционно-ментальных характеристик, а также применена для кросскультурного сопоставления эволюции модификаций ОП в разных этнических традициях.

Выводы из первой главы

1. Эволюционно-генетическая теория развития ОП зиждется на исследовании в языке фольклорных памятников стадийных динамических процессов,

обусловленных природой языка русского фольклора и его статусом в системе русского языка, в зеркале традиционной культуры и этнической ментальности.

2. Язык русского фольклора является сложным по генезису образованием, диалектным по материалу и наддиалектным по его организации, и представляет собой **эстетически специализированную подсистему в общезыковой системе русского народа**, по отношению к которой территориальные диалекты играют роль языкового субстрата. Эволюционно-генетические основы языка фольклора детерминированы развитием **функциональной специализации фольклора** от генетически первичной социорегламентирующей функции, направленной на утверждение канонов традиции, до производной от нее эстетической функции.

3. ОП как яркая черта фольклорной семантики и фольклорного синтаксиса, а также организации фольклорно-языкового строя в целом служит средством воплощения характерных черт языка русского фольклора, обуславливает признанную в науке большую устойчивость фольклорно-языкового строя по сравнению с другими проявлениями общезыковой системы, обеспечивает устный и коллективный характер народного творчества, конституирует формы бытия фольклорного произведения, репрезентирует факторы стабильности устно-поэтической традиции.

4. Эволюция морфологического статуса параллельной формулы, интегрирующей структурную открытость и смысловую целостность, не влечет утраты традиционной семантики при множественной вариативности поля ее формальных репрезентаций.

5. Образный параллелизм на глубинно-семантическом уровне воплощает закономерности мировоззренческого субстрата устно-поэтического канона, стремление к гомеостазисному тождеству разных состояний. Объективируемая в ОП эстетика идеи «вечного возвращения» делает его средством эстетической апперцепции с присущими ей стереотипами образного миромоделирования.

6. Стадиальные динамические процессы в языке фольклорных произведений обусловлены диалектикой соотношения синхронии и диахронии и имеют системный характер. Квалификация критериев разграничения многослойных преобразований ОП зависит от количественного определения меры старого качества с последующей

дифференциацией сочетания модификаций ОП как проявления старого качества системы и образования новой модификации как проявления нового ее качества.

7. Исследование развития ОП осуществлено интеграцией *лингвокультурологического подхода*, объединяющего *структурно-стилистический и мировоззренческий аспекты*, и *эволюционного подхода*, определяющего развитие многослойной в синхронном состоянии языковой субстанции как отражения динамики миропонимания не в строго хронологическом, а в качественно-субстанциональном аспекте.

8. Мифологические и философские аспекты языковых основ ОП обуславливают определение образного параллелизма как **универсального феномена**: единицы фольклорного знания, универсального приема фольклорного мышления, этнопоэтической константы традиционной народной культуры и ведущей художественной формы фольклора. Эволюция ОП в русском фольклоре направлена на универсальное преодоление хаотической гетерогенности среды.

9. Эволюционно-генетическая теория развития образного параллелизма как отражения динамики народного мировосприятия представляет собой учение о **системном устройстве** образного параллелизма и включает **два компонента**: *эволюционную семиологию и эволюционную морфологию* ОП с учетом данных его *системогенеза*. Применение трех групп взаимодополняющих общенаучных, общелингвистических и оригинальных методов обосновано в проекции на четыре этапа отбора, структурирования и анализа материала.

10. Критический анализ классической и новейшей научной литературы свидетельствует о том, что определение эволюционных показателей ОП усложняется отсутствием в науке **единой универсальной номенклатуры** систематизированных по характеру стадийальных изменений структурно-семантических модификаций ОП, применимой к произведениям разных фольклорных жанров, что обуславливает значимость ее разработки как основы межжанровых исследований динамических проявлений в языке фольклорных памятников.

Глава 2. Эволюционная семиология образного параллелизма

Эволюционная семиология образного параллелизма – это учение об эволюции образного параллелизма как знаковой системы, то есть системном характере его семиогенеза. Как компонент эволюционно-генетической теории развития образного параллелизма эволюционная семиология изучает системный характер эволюции его семиотических основ, ментальный подтекст семиогенеза посредством реконструкции семиотической системы организации и функционирования образного параллелизма, репрезентации культурных смыслов как в границах отдельной символической формы, так и во взаимосвязанной цепи эволюционных преобразований символических форм образного параллелизма как единого целого.

В лингвофольклористической науке термин **семиогенез** (греч. σημείο(v) – знак и γένεσις – рождение, творение) в применении к образному параллелизму обозначает эволюцию его семиотических основ, которая имеет системный характер и отражает развитие символической знаковости параллельного построения, динамические характеристики этапов формирования его семиотической вертикали, развитие материальной и идеальной сторон, эволюцию формы (означающего) и содержания (означаемого).

Эволюционная семиология образного параллелизма позволяет решить ряд задач. Во-первых, определить знаковую природу и знаковый статус ОП. Во-вторых, охарактеризовать этапы порождения и восприятия ОП как символического знака. В-третьих, определить типологические характеристики и жанровый статус элементов семиотической системы репрезентации в ОП культурных смыслов. В-четвертых, выявить особенности ее структурной организации, системных связей между элементами. В-пятых, охарактеризовать особенности семиогенеза и семиозиса ОП.

2.1. Образный параллелизм как знак вторичной моделирующей системы

Сущностная характеристика ОП раскрывается посредством определения его знакового статуса. Основные положения эволюционной семиологии изложены

автором диссертации в статье «Эволюция семиотических основ образного параллелизма макро- и микрокосма в фольклорном тексте» [Доброва 2022в: 94–113].

«Применение семиотических подходов к исследованию эволюции <...> языковых основ художественных форм русского фольклора, разработка семиологии, анализ семиогенеза и семиозиса <...> образного параллелизма макро- и микрокосма развивают идею С.Ю. Неклюдова и Е.Б. Артеменко о **наибольшем соответствии культурно-семиотического анализа** сущностной природе фольклорных формульных построений [Неклюдов 1999: 54–62; Артеменко 2006: 138–150; Апресян 1966; Соссюр 1977; Шатин 2015] и базируются на достижениях науки, связанных с анализом **фольклорных текстов как знаковых образований** [Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора 1988: I; 1988а: II]: пословица как знак [Артеменко 2007: 90–98; Пермяков 1970; 1979; 1988], примета как знак [Христофорова 1998: 30–47], загадка как знак [Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст 1994; 1999; Головачева 1988: 121–124; Кривенко 1999: 128–147; Топоров 1999: 54–68; Левин 1970; 1990; 1998], заговор как знак [Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор 1993; Ожегова 1988] и др. Разноаспектный анализ классической и новейшей научной литературы свидетельствует о традиционной закреплённости за образными параллелизмами статуса формульного образования, которое является предметом самостоятельного научного исследования. Тем не менее до настоящего времени культурно-семиотический анализ не был применен для изучения знаковой природы ОП, в отечественной лингвофольклористике отсутствуют комплексные исследования семиотических основ ОП, не предпринята попытка их эволюционно-ментальной интерпретации с целью определения особенностей семиогенеза и семиозиса ОП.

Теоретический фундамент изучения знаковой эволюции художественной формы составили следующие идеи: идея двухуровневого характера ментальных репрезентаций в речемыслительной деятельности; идея интегрирующей роли инварианта и транзитивности варианта; идея стадийности порождения и восприятия смыслов; идея соединения психолингвистического и семиологического

подходов к анализу эволюции художественной формы [Лебедева 2011: 112–120; Иванов 2002; 2010; 2017; 2020]. <...> Память фольклорного текста, функционирование которого как знака определяется зависимостью от культурно-исторического и социального контекста, чрезвычайно глубока, и «творческие правила порождения текста могут основываться на его почти неизменной передаче из поколения в поколение» [Иванов 1988а: I, 6]. Интеграция структурно-семантической внешней устойчивости и внутренней динамики (<...> «внутренней вибрации» [Чистов 1986]) бинарных параллельных построений во всех фольклорных жанрах позволяет исследовать семиотические основы образного параллелизма в их эволюционно-генетическом аспекте. Основу интерпретации приема как объекта семиотического исследования составил <...> теоретический аспект понимания идеи параллелизма макрокосмического (мира) и микрокосмического (человека) [Топоров 1988а: I, 24; 1988: I, 29]» [Доброва 2022в: 94–95].

Разножанровый фольклорный материал дает основание утверждать, что «параллельные формулы имеют сходство и в логическом содержании, и в способе передаваемых ими отношений между феноменами макро- и микрокосма и представляют собой знаки этих отношений» [Доброва 2022в: 96]. ОП как микротексты, имеющие знаковый статус, отражают «диахронию в синхронии, интеграцию «природно-космологического» и «культурно-антропологического» кодов [Елизаренкова 1984: 22], «мифологическую концепцию <...> физических сил природы, переходящую в концепцию моральных качеств человека» [Фрейденберг 1973: 514], восхождение от «мира вещей» к «миру идей» [Кривенко 1999: 147]» [Доброва 2022в: 96]. Сущностную основу ОП составляет «процесс символизации микрокосма в образах макрокосма» [Доброва 2004: 19]. Изучение «механизмов фольклорного мышления, архаичного и современного одновременно» [Садова 2004: 11–12], учитывает тот факт, что «символ есть прежде всего некий знак» [Гегель 1969: 14].

Основываясь на определении культуры в трудах Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, К.В. Чистова, Е.Б. Артеменко [Лотман 1967; 1973; 1996; 2001; Успенский 1996; Чистов 1963; 1983; 1986; Артеменко 2006; 2012], определяем **культуру** как ненаследственную информацию («память коллектива»), которая фиксирует в

материальных и духовных формах социально-исторический опыт народа и передает его по синхроническому и диахроническому каналам, «репрезентируется <...> в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [Доброва 2004: 10]. В широком семиотическом смысле культура «понимается как система отношений, устанавливаемых между человеком и миром. <...> эта система отношений определяет то, как человек моделирует мир – и самого себя. <...> язык, которым пользуется человек, моделирует как воспринимаемый мир, так и воспринимающего субъекта» [Успенский 1996: 5–6; Сепир 1960; 1960а; Уорф 1960]. Основная функция культуры, состоящая в организации человеком окружающего мира, реализуется через социальные коды культуры, так называемые моделирующие системы культуры. Семиотические системы отражают, организуют действительность через призму социального опыта народа в форме обусловленного этим опытом этнического миропонимания или в форме картины мира культуры. Смысловое конструирование мира осуществляется в соответствии с логикой мировидения и воплощается в картине мира этноса как специфическом императиве общественного бытия, орудии репрезентации культуры в этническом сознании [Артеменко 2015; 2015а; Никитина 1993; 1999; Роль человеческого фактора в языке... 1988; Арчимачева 2010: 473–476; Бланшу 2005; Буров 2008]. Будучи духовной сущностью, картина мира производит смысловое миромоделирование и регламентирует жизнь социума посредством **системы духовных стереотипов, т. е. культурных смыслов**, которые отражают и воплощают социальный опыт в формах характерного для данной культуры народного мировоззрения. Картина мира формируется моделирующими системами определенного типа культуры.

Моделирующие системы (культурные модели) делятся на первичные (естественные языки) и вторичные (мифология, фольклор, религия, философия, наука, художественная литература) [Барт 1989; Зализняк 1962; Лотман 1964; 1967; 1970; 1973; 1994; 1996; 1996а; 1998; 2001; 2008; Успенский 1962; 1995; 1996; Бабушкин 1996; 2001; 2017]. Вторичные культурные модели объективируются средствами первичных, то есть средствами языка. Система культурных смыслов вторичных моделей является планом содержания (означаемым), первичные

культурные модели – планом выражения (означающим). Структура вторичных семиотических моделирующих систем включает в себя подсистемы разных порядков [Лотман 1996]. Степень моделирующей способности каждой из семиотических систем неодинакова. Различие моделирующих систем служит средством исследования и реконструкции мифов, фольклорных и авторских текстов. Вторичные моделирующие системы с их различными системами культурных смыслов как явление плана содержания оказывают влияние на язык как на план своего выражения. В пределах разных систем указанное взаимодействие реализуется в неодинаковых формах. При этом влияние культуры на ее языковые основы нигде не проявилось в таких специфических формах, как в области взаимоотношения фольклора с его языковой субстанцией [Леви-Строс 1985; 1999; Лотман 1996; Маслова 2001; Артеменко 2004; 2006; 2006а; 2012; Черноусова 2015; 2022].

Фольклорная картина мира квалифицируется лингвофольклористами как «**идеализированный** образ ирреального (**параллельного, подобного** земному) мира, лежащий в основе мировидения носителей фольклорной традиции» [Черноусова 2015: 14]. Социально-исторический опыт патриархального земледельческого общества традиционная народная культура передавала в форме **синкретической картины мира**, интегрирующей элементы мифоязыческого и народноправославного мировоззрений. Традиция служила мировоззренческой основой общественного бытия.

Понятие **традиции** восходит к древней эпохе циклического понимания времени и сформировавшегося на его основе циклического мировосприятия. Природные временные циклы (смена дня и ночи, времен года, годовые циклы, циклы человеческой жизни (детство, юность, зрелость, старость), вегетативные циклы, циклы в земледелии) и значимость природных циклических процессов для общественной жизни стимулировали понимание времени и жизненного уклада как образца стабильной типической основы повторяющихся циклов. Посредством традиции осуществляется «накопление, отбор и стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем воспроизводятся» [Чистов 1986: 108]. Для культуры архаического типа фольклор был единственной связанной с языком

формой ее существования: «Духовная культура архаического типа еще не знает нефольклорных форм, связанных с языком» [Чистов 1986: 34].

Устно-поэтическое творчество служило средством трансляции, представления и утверждения в общественном сознании традиции, освященных и предписываемых ею принципов общественной жизни. Фольклор явился **основной моделирующей системой традиционной народной культуры**, орудием осуществления **главной и изначальной** социорегулятивной функции традиции. «В системе отношений традиционного общества, строго регулировавшегося нормами, запретами, предписаниями, вербальный (словесный) фольклор оказывался способом формулирования и узаконивания проповеди этих норм» [Путилов 1994: 58].

Эволюционно-генетический анализ фольклорно-языкового строя показал, что его организация является результатом действия социорегламентирующей функции, направленной на утверждение в обществе канонов традиции. Фольклор осуществлял регламентацию жизни патриархального общества по канонам традиции в **структурно-иконической** и **идеализированно-содержательной** формах выполнения им социорегламентирующей функции [Артеменко 2003; 2004; 2004а; 2006; 2006а; 2006б; 2015; 2015а]. Каждая форма получила выражение (непосредственное или посредством эстетической функции) в реализации образного параллелизма и в языке фольклора в целом.

Структурно-иконическая форма представляла фольклор как явление структурно адекватное традиции. Она внешним способом утверждала традицию как основу общественного бытия и воспроизводила структуру традиции в иконически изоморфной ей организации фольклорно-творческого процесса. Обозначенное положение определило реализацию **трех взаимосвязанных и взаимообусловленных разнособстанциональных уровней параллелизма**.

Во-первых, параллелизм структуры циклических природных и производственных процессов обусловил параллелизм двух составных частей традиции. Структурная модель традиции объединила стабильное базовое ядро, исходный повторяющийся образец-инвариант и его вариативное циклическое воспроизведение в окружающем человека мире и в его социальной жизни.

Во-вторых, фольклор преобразовал эту структурную модель традиции в модель продуцирования устно-поэтических текстов по принципу вариативного воспроизведения заранее заданного типизированного образца-инварианта.

В-третьих, образный параллелизм на указанной основе реализовал в фольклорном тексте свою семиотическую вертикаль через вариативное воспроизведение в макро- и микрокосмических образах инвариантной гипертемы.

Устно-поэтические образцы-инварианты выполняли роль регулярно воссоздаваемых стабильных элементов традиции. Их постоянное вариативное воспроизведение, в том числе на материале образов макро- и микромиров, в ходе исполнения фольклорного текста дублировало процесс циклического возвращения к константам традиции. К примеру, циклическая структура традиции получила выражение в кумулятивных сказках, которые строятся в виде повтора одного цикла событий с последовательным включением в него разных персонажей – представителей параллельных миров [Кретов 1994; 2013].

Идеализированно-содержательная форма выполнения фольклором социорегламентирующей функции традиции проявляется в **идеализации устно-поэтической картины мира**. Главным орудием внедрения в сознание патриархального общества традиционных идей мироустройства, форм и норм социальной жизни служила фольклорная картина мира. Эффективность воздействия на членов патриархального социума обеспечивалась ее идеализацией, стимулировавшей неуклонное следование традиционным образцам. Идеализация осуществлялась в планах содержания и выражения фольклорного текста. В новой исторической обстановке устно-поэтические произведения включались в нетрадиционный контекст. Происходило формирование вторичной формы бытования фольклора и выдвижение эстетического элемента на позицию ведущей функции.

Образный параллелизм явился универсальным средством овеществления системы духовных стереотипов фольклора как вторичной моделирующей системы. Опора на традицию Тартуско-Московской семиотической школы в анализе ВМС дает основание определить ОП как **знак и технику вторичной моделирующей системы, то есть системы символов**. ОП объективирует в своей

символической бинарной знаковой субстанции технику ВМС, отражает влияние культуры на ее языковые основы в области взаимоотношения фольклора с его языковой субстанцией. Соответствие диалектической природы образного параллелизма сущности вторичных моделирующих семиотических систем определяется построением с их помощью **модели мира или его фрагментов**.

Система культурных смыслов фольклора как основной моделирующей системы традиционной народной культуры служит планом *содержания* традиции, а язык фольклора – планом *выражения*. Образный параллелизм комплексно отражает соотношение плана содержания и плана выражения традиции и объективирует результаты их эволюции в фольклорном тексте. ОП относится к «сложным» знаковым системам. Системная реализация ОП в фольклорном тексте фактически формирует фольклор как вторичную моделирующую систему. ОП как особый механизм мышления и техника объективации его результатов отвечает на вопрос, чрезвычайно интересовавший А.А. Потебню [Потебня 1914; 1989; 1993]: как люди мыслят. В контексте настоящего исследования – как русские люди мыслят. Образный параллелизм как техника вторичной моделирующей системы объективирует переходный от мифологического к метафорическому тип мышления. Мифологический тип мышления [Голосовкер 1987] осуществляется по **закону не-исключенного третьего**. Современный тип мышления – по логическому **закону исключенного третьего** [Кретов 2020: 191]. То, что не укладывалось в логическую систему мышления, было осмыслено как художественный прием – троп, символ. В параллелизме, в отличие от тождества и полной разделенности, актуализируется состояние аналогии [Веселовский 1940: 125]. Параллелизм представляет **образный двучлен**, в котором одна часть познается через вторую, являющуюся аналогом первой: имеет именно те общие черты, которые выделяются для **познания** в первом члене. Первый и второй члены не идентичны, приравнивание их в каком-либо определенном отношении позволяет судить о первом по свойствам и поведению второго члена. В параллелизме на уровне слов и словосочетаний между членом-объектом и членом-моделью возникают **отношения тропа**, ибо так называемое переносное значение и есть **установление аналогии** между двумя понятиями. ОП

является структурой, все элементы которой на разных уровнях находятся в состоянии параллелизма и имеют определенную смысловую нагрузку. ОП оказывается максимально семантически и структурно приспособленным к моделированию и передаче таких **сложных динамических смысловых структур**, которые посредством естественного языка непередаваемы [Лотман 1996а].

В диссертации получила развитие идея **эволюции отношения «форма – значение»** как сущностной основы эволюции символических словесных форм фольклора [Иванов 2002; 2010; 2020]. Система форм мыслится как то, что создаёт «значимость/ценность» элементов системы. ОП исследован в единстве его формы и содержания, поскольку именно отношение формы к содержанию ОП создает его значение. Обоснованность подхода подтверждается данными современной науки, согласно которым «в сферу исторического семиогенеза попадает все разнообразие видов культурно-символических форм: все возможные формы искусства, культурно обусловленные формы поведения, нравственные и ценностные общественные предрассудки, ритуалы, мифологические, религиозные и **фольклорные образы**, все виды языковых обозначений» [Иванов 2020: 9].

В современных работах исследована эволюционная проблематика символических форм от мифа к языку, предложена общая **модель семиогенеза символических форм**, изучены факторы и определены критерии семиогенеза как знаковой эволюции от сигнала к символу и языковому знаку [Иванов 2002].

В рамках фольклорно-филологической традиции определение общей направленности **генетической эволюции символических форм от мифа к абстрактной знаковости** не получило глубинного лингвистического, культурологического и философского обоснования. Эволюция символических форм квалифицировалась как затухание живых народных образов. Исследователями не был оценен факт высвобождения в недрах формирования фольклорного символического образа **личностного начала** [Доброва 2004; Доброва 2008а; Иванов 2010]. Идея гиперонимизации процесса эволюции символических форм выражает стремление определить в них **главное, составляющее основу их эволюционной взаимосвязи**. Для А.А. Потебни сущностную основу эволюционной

связи символических форм составил образ, эволюционирующий от мифологического или аллегорического изображения до абстрактного смыслового представления во внутренней форме слова [Потебня 1914; 1989]. Ф.И. Буслаев и А.Н. Афанасьев рассматривали в качестве сущностной основы эволюционной генетики словесных форм «метафорическое уподобление» [Топорков 1997: 209–217; Буслаев 1861; 1941; 1987; Афанасьев 1865; 1868; 1869]. Категории образа и метафоры как критерии эволюционной иерархии словесных символических форм [Иванов 2010: 5] представляют две основные эволюционные модели: широкий подход в **модели эйдогенеза** (греч. εἶδος – идея и γένεσις – происхождение) по материалам теории образа [Потебня 1914; 1989; 1993] и узкий подход в **модели тропогенеза** (греч. τρόπος – поворот, изменение и γένεσις – происхождение), когда троп понимается как образный оборот речи, в котором слово или выражение употребляется в переносном значении на основе сопоставления двух феноменов, связанных смысловыми отношениями [Буслаев 1861; 1941; 1987; Афанасьев 1865; 1868; 1869; Веселовский 1940; От слова к смыслу 2001; Франк-Каменецкий 2001]. Модели эйдогенеза и тропогенеза обладают объяснительными возможностями и находят применение в науке, но в **целостной онтологии семиогенеза** отличаются недостаточной онтологической глубиной [Иванов 2010], поскольку ограничиваются смысловой природой словесной формы без учета ее знаковой природы. В результате эволюционный ряд символических словесных форм оказывается лишенным полноты.

Применение данных **общей модели семиогенеза символических форм** к исследуемому материалу выявляет закономерности в функционировании образного параллелизма как символического знака, изучение эволюции которого опирается на положение о наличии единой сущности, интегрирующей эволюционное многообразие словесных форм [Иванов 2010], развивает идею генетической эволюции символических форм от мифа к абстрактной знаковости и подтверждает идею эволюции отношения «форма – значение» как **сущностной основы эволюционной генетики символических словесных форм**.

Теоретической основой реализации обозначенных подходов послужили принятые в науке положения. Исследование эволюции базируется на выделении

синтезирующего смыслового начала, объективирующего генетическую взаимосвязь словесных форм; семиогенез выявляет связь означающего (формы) и означаемого (содержания); в границах семиогенеза осуществляется поиск критериев иерархии символических форм и выделяются этапы их эволюции; исследование семиогенеза осуществляется с учетом его философского и культурологического обоснования.

Новизна реализуемых в диссертационном исследовании научных подходов определяется анализом символического симметричного знака с **двуплановым воплощением и формы, и содержания в образах параллельных миров**. Семиогенез ОП демонстрирует отсутствие противоречия между аналитизмом формы и синкретизмом содержания. В семиотической вертикали ОП восприятие осуществляется от первоначального аналитизма бинарной формы к обусловленному единством гипертемы синкретизму, от различия к тождеству и слиянию. Параллелизм нивелирует смысловое подавление одного значения другим, избегает «метафорического насилия» (В.В. Виноградов), узаконивает исключаящую первенство гармонию формы и содержания, демонстрирует стремление к симметрии, преодоление асимметрии знака посредством образования псевдосимметричных параллельных построений.

Семиогенез понимается как процесс культурной эволюции знака и знаковости [Кассирер 1998; 2000; 2000a]; знаковая эволюция символа [Иванов 2010: 15]. «Неизменным в трех эволюционных видах знаковости: знак-индекс (сигнал), иконический знак (символ) и языковой знак [Peirce 1965: 153–162; Мечковская 2004: 130–135] – остаётся общее функциональное условие семиозиса, которым является переход к инобытию (категорию инобытия как бытия в другом <...> в научный обиход философии впервые ввёл Г.В.Ф. Гегель [Гегель 1969]). В исследуемом материале параллелизм образов макро- и микромиров демонстрирует объективацию категории инобытия в границах параллельного знака. Бинарная структура ОП репрезентирует единую гипертему на материале двух <...> инобытийных образов макро- и микромиров в параллелях с «образно-переносным» и «обобщенно-концептуальным» содержанием [Артеменко 2007: 90–98]» [Доброва 2022в: 100]. Исследование семиогенеза параллельного знака

через **категорию инобытия** раскрывает языковые механизмы создания символа как «узурпатора» чужого бытия [Иванов 2002: 78] и его эволюции от классического до свободно-поэтического, от конкретного до абстрактного.

Общей тенденцией эволюции и критерием ее квалификации считается **усиливающееся абстрагирование формы от содержания** [Иванов 2010: 16]. Тенденция объективируется в цепи структурно-семантических преобразований классических, трансформированных и формализованных модификаций ОП. В терминах отношения «форма – содержание» эволюцию можно представить как амбивалентный процесс, когда на различных этапах семиогенеза **параллельно друг другу** выделяются иррациональный и рациональный аспекты [Иванов 2010: 17]. «Развитие знаковости (семиогенез) идет по пути ослабления и деградации функции замещения – материальной стороны знака, которая становится все более условной и формальной. Вместе с этим, усиливается роль идеальной стороны знака, реализующей процесс понимания» [Иванов 2020: 12]. «В исследуемом материале симметрия приравнивания друг другу формы и содержания характеризует статику знака в классической модификации приема. Асимметрия формы и содержания отличает динамику знака в трансформированных и формализованных модификациях приема с ослаблением материальной стороны знака и усилением его идеальной стороны. Ослабление материальной стороны знака осуществляется по двум разнонаправленным эволюционным сценариям: по направлению минимизации формы и по направлению накопления разносубстанциональных формальных воплощений культурного смысла. В первом сценарии сужение спектра символических связей, подготавливаемое в разнообразных трансформированных и достигающее своего апогея в формализованных модификациях приема, демонстрирует формализацию и минимизацию материальной стороны знака вплоть до ее сжатия в границах образного параллелизма-бинома [Доброва 2013а: 192–198] как минимального по объему реализации параллельного построения и усиление роли идеальной стороны знака, поскольку связь с гипертемой «проясняется» на уровне компонентного состава частей приема, в аспекте понимания происходит

актуализация из общей недифференцированной картины наиболее значимых в реализуемом контексте компонентов приема, очевидным становится первостепенное. В другом сценарии формализация приема в образных параллелизмах-перечнях [Доброва 2018г: 34–37; 2021а: 42–59], не ограниченных по количеству в их составе компонентов, демонстрирует определенную степень свободы формы от содержания, асимметрию бесконечных возможностей разнособстанциональных формальных воплощений на материале различных миров при стабильном культурном смысле. Накопление параллелей, воплощающих один культурный смысл, в классических и трансформированных разновидностях приема осуществляется имплицитно в границах структурных инвариантных моделей, а в формализованных построениях на уровне перечней параллельных конструкций обретает эксплицитный характер» [Доброва 2022в: 100–101]. Усиление идеальной стороны символического знака представлено также на уровне контаминации гипертем разного типа.

Развитие обозначенных идей обосновывает определение типовых параллельных комбинаций **отношения формы и значения ОП**, которые объективируют **технику вторичной моделирующей системы**. 1) Форма – значение природного означающего ОП. 2) Форма – значение человеческого означаемого ОП. 3) Форма природного означающего – форма человеческого означаемого ОП. 4) Значение природного означающего – значение человеческого означаемого ОП. С собственно лингвистической точки зрения актуальны первые три комбинации, но сущностно важнее четвертая комбинация, выражающая функционирование ОП как знака и техники ВМС. Первые две комбинации представляют первичную моделирующую систему. Третья комбинация отражает варьирование формы. Четвертая комбинация реализует вторичную моделирующую систему. В ОП как знаке вторичной моделирующей системы означающим двучлена является означаемое природной параллели ОП, а означаемым – означаемое человеческой параллели ОП. Отношение значения природной параллели как означающего и значения человеческой параллели как означаемого формирует гипертему ОП. Связи природного означающего и человеческого означаемого

эксплицированы посредством объективирующей связи двучлена ОП синтаксического параллелизма в его разнообразных модификациях. Как показал анализ разножанрового фольклорного материала, образный параллелизм реализует гетерогенную практику означивания [Ковалева 2009: 105–115]. Семиотическую природу и семиотическую вертикаль образного параллелизма как знака вторичной моделирующей системы, то есть семиотической системы символов, построенной на основе естественного языка, отличает **усложнение (удвоение) структуры знака** [Толстой 1995а]. Образный параллелизм имеет означаемое как план содержания и означающее как план выражения, при этом план выражения также характеризуется бинарной организацией, две композиционные части которой соотносятся друг с другом как план содержания и план выражения. Поэтому с точки зрения **знакового статуса** образный параллелизм квалифицируется как *символический параллельный знак*, который представляет собой *бином в бинOME (двучлен в двучлене)*: имеет *означаемое* (гипертему, культурный смысл как основание сопоставления и рядоположенности образов) и *означающее*, также репрезентированное в двух гетерогенных по своему природному и человеческому содержанию параллельных рядах, каждый из которых симметрично связан с гипертемой. Параллельные ряды сопоставляемых символических и реальных образов не только коррелируют с гипертемой, но и связаны друг с другом: человеческая параллель является означаемым по отношению к природной параллели как означающему. В ОП означаемое знака естественного языка, соотнесенного с миром природы, становится означающим, а означаемым – означаемое знаков естественного языка, соотнесенных с миром человека. «Согласно сосюрговской семиологии означающее и означаемое подразумевают друг друга» [Федотова 2012: 417]. ОП как знак ВМС является «носителем значимых для русского сознания культурных смыслов, репрезентация которых <...> имеет **системный характер**» [Доброва 2022в: 96–97].

ОП образуется в результате соединения элементарных единиц и организующих их правил. **ОП представляет знаковую систему подсистем.**

Поскольку система есть элементы, объединённые структурой (связями), типологизированы элементы системы и их устойчивые связи в границах ОП.

Элементами ОП как системы подсистем являются части компонентов композиционных параллелей, компоненты композиционных параллелей ОП и композиционные параллели ОП. В ОП как системе таким образом выявлены три подсистемы. Подсистема частей компонентов параллелей: актуализированные звуки и звукокомплексы (звукогруппы) компонентов в природной и человеческой параллелях ОП. Подсистема компонентов параллелей: ядерные (актантные, функциональные) и периферийные (темпоральные, атрибутивные, локальные и др.) компоненты в природной и человеческой параллелях ОП. Подсистема композиционных параллелей (членов) ОП: природная и человеческая параллели.

Устойчивые связи элементов ОП как системы подсистем – частей компонентов, компонентов природного означающего и человеческого означаемого и композиционных параллелей ОП – **образуют структуру системы**. Выявлены три типа универсальных отношений между элементами исследуемой семиотической системы: синтагматические, парадигматические и иерархические.

Синтагматические отношения следования элементов понимаются как способность ядерных и периферийных компонентов и их частей сочетаться друг с другом и формировать символическую и реальную параллели ОП. Ядерные и периферийные компоненты, подчиняясь определенным законам сочетаемости, образуют линейные (горизонтальные) последовательности в составе символической и реальной параллелей. Символическая и реальная параллели образуют линейную последовательность в составе двучлена ОП.

Парадигматические отношения выбора, ассоциации между элементами основываются на сходстве и различии означающего и означаемого компонентов или параллелей ОП. Парадигматические отношения реализованы в структурной инвариантной модели ОП, в нелинейном (вертикальном) соотношении компонентов и их частей в композиционных параллелях и в нелинейном соотношении самих параллелей. Устно-поэтический культурный смысл имеет символическую природу и оперирует вербализующим его средством как своим

символическим знаком, наделяет его присущим знаку свойством асимметричного дуализма. К примеру, устно-поэтический культурный смысл формируется на базе слова, которое в единстве свойственных ему плана содержания и плана выражения наделяется функцией знака – символа этого смысла. С одной стороны, традиционный фольклорный культурный смысл «молодое мужское начало» («добрый молодец») объективирован в парадигме его реализаций: *дуб, хмель, виноград, сокол, соловей, селезень, голубь, месяц* [Лазутин 1981: 115]. Образование названного смысла и объективирующей его словесной **парадигмы** происходило путем актуализации в указанных реалиях и обобщения в одной единице культурной информации различных их свойств, в комплексе которых воплотилось идеализированное представление носителей традиционной культуры о народном лирическом герое: *дуб – физическая крепость; хмель – производимое объектом эмоциональное впечатление; виноград – полнота жизненных сил; сокол – смелость, отвага; соловей – красноречие; селезень – предрасположенность к семейной жизни; голубь – нежность; месяц – источник света* [Артеменко 2015]. С другой стороны, одно слово является репрезентантом парадигмы нескольких культурных смыслов: *яблочки* в лирической песне – «дети, жених, милый, жених и невеста, брат, сестра невесты» [Червинский 1989: 12].

Иерархические (гипонимические) отношения вхождения структурно более простых элементов в состав более сложных элементов реализованы вхождением ядерных и периферийных компонентов и их частей в параллель как композиционную часть двучлена ОП, композиционные части входят в состав двучлена ОП.

Парадигматические и синтагматические отношения объединяют элементы одной подсистемы. Иерархические отношения связывают между собой элементы разных подсистем и обеспечивают единство всей системы в целом.

В процессе функционирования ОП как знака ВМС комплекс указанных отношений (связей) формирует структуру семиотической системы репрезентации культурных смыслов в ОП. Система связей, существующих между элементами, позволяет ОП функционировать не как простой знаковой системе, а как **сложной саморазвивающейся структуре, обладающей высокой степенью образопорождающей способности**. Структура всегда представляет собой модель,

иерархию структур. Бинарность, составляющая сущностную основу ОП, является основным организующим механизмом любой структуры и ядром динамической модели семиотической системы. Совмещение различных типов семиозиса, «голосов» в едином текстовом пространстве реализует в ОП гетерогенную технику означивания и образует гетерогенность фольклорного текста.

В ОП выявлены **разновидности сопоставления** природной и человеческой параллелей, коррелирующие с симметрией и асимметрией, статикой и динамикой, четырьмя показателями диалектики знака, без которых полноценное описание семиозиса и полноценный охват всех сторон функционирования знака как семиотического единства невозможны: **тождество** (узнавание-идентификация) – **противопоставление** (различие) – **подобие** (равновесие, гармония) – **уподобление** (движение). **Симметрия** отличает статику знака и является результатом приравнивания друг другу формы и содержания как первичной, внешней диалектики знака. **Асимметрия** характеризует знак в речевом развитии как результат действия вторичной, производной, внутренней диалектики его функций – референции и смысла.

Задача создания типологии ОП предполагает разработку единого метода описания ОП в соответствии с **характером его смыслопорождения**, выявление универсалий образного параллелизма, понятого как структурно организованная система и «**генератор структурности**» фольклорных текстов.

2.2. Семиотическая система репрезентации культурных смыслов в образном параллелизме

Семиология образного параллелизма раскрывает *символическую реальность параллельной формулы*: «семиотическую вертикаль как схему-сценарий имплицитных и эксплицитных этапов ее порождения и восприятия, кумуляцию (сведение) выявленных связей и отношений между элементами названной системы к гипертеме, сущности-инварианту как единому интегрирующему началу, динамику символических форм в процессах *семиогенеза* (эволюции знаковости стереоскопической параллельной формулы) и *семиозиса* (смыслового

функционирования) [Иванов 2002]» [Доброва 2022в: 97]. Язык и народная словесность характеризуются в известной мере общими принципами семиозиса [Гаспаров 1978; 2009]. В языке и народной словесности знаковое (символическое) представление одного содержания осуществляется через призму другого.

Семиотическая система репрезентации культурных смыслов (сложно структурированных культурных знаний) в образном параллелизме представляет внутренне организованное и упорядоченное единство связанных устойчивыми отношениями элементов на разных этапах его порождения и восприятия с учетом формульных дифференциаций. Семиотическая система исследована с двух основных точек зрения: **структурной** и **функциональной** [Доброва 2022в].

2.3. Структурный аспект семиотической системы

Со структурной точки зрения в семиотической системе представления в ОП культурных смыслов разграничены **два подхода**: исследование структуры двустороннего символического знака ОП как системы подсистем (*раздел 2.1. «Образный параллелизм как знак вторичной моделирующей системы»*) и исследование ОП как знаков разного типа, надсистемы подсистем. Определены этапы порождения и восприятия ОП с учетом его формульных дифференциаций.

Идеи *психолингвистического аспекта порождения фольклорного текста* [Артеменко 1993; 1997], *интеграции семиологического и психолингвистического подходов к анализу эволюции художественной формы* [Лебедева 2011: 112–120; Иванов 2020: 5–13; 2002 и др.], *бифункциональной природы языковой и речевой деятельности* [Кретов 2023а: 12–22] применены в представлении семиотической вертикали *этапов порождения и восприятия ОП*.

Эволюционная цепь порождения ОП как знака ВМС представлена последовательными этапами формирования его **семиотической вертикали**, в которой «верх (квинтэссенция) смысла соотносится с низом формы» [Топоров 1999: 65]: *гипертема* (условное обозначение ГТ) → *семантический инвариант* (условное обозначение СИ) → *структурная инвариантная модель* (условное

обозначение СИМ) → *варианты текстовых реализаций* (условное обозначение ВТР). Прочтение эволюционной цепи в обратном порядке отражает процесс восприятия ОП как знака ВМС: *варианты текстовых реализаций* → *структурная инвариантная модель* → *семантический инвариант* → *гипертема*.

Элементами надсистемы ОП как знаков разных типов в их эволюционном аспекте являются генетически первичные ОП с гипертемой первого типа (ГТ–1), образованные на их основе в результате структурно-семантических преобразования ОП с гипертемой второго типа (ГТ–2) и ОП с параллельным и/или последовательным сочетанием ОП с ГТ–1 и ГТ–2. Подсистемы ОП с ГТ–1, ОП с ГТ–2, ОП с сочетанием ГТ–1 и ГТ–1 представляют неоднородные системные образования и функционируют как элементы надсистемы.

Структуру надсистемы ОП как знаков разных типов составляют устойчивые связи между элементами: синтагматические (отношения следования знаков), парадигматические (отношения выбора и ассоциации знаков) и иерархические (отношения вхождения знаков меньших по объему в знаки большие по объему).

2.3.1. Семиотическая вертикаль образного параллелизма

Этапы порождения и восприятия ОП формируют его семиотическую вертикаль и отражают эволюционный аспект ОП. Семиотическая вертикаль ОП складывается из *гипертемы, семантического инварианта, структурной инвариантной модели и вариантов текстовых реализаций*.

Формульные дифференциации образного параллелизма на разных этапах его порождения и восприятия отражают статический, инструментальный аспект ОП: **жанрово-интенциональная** дифференциация (формулы любовной болезни, формулы любовной остуды в любовных заговорах; лечебные и любовные заговоры и др.); **гендерная** дифференциация (мужской, женский, внегендерный и универсальный варианты); **объектная** дифференциация (один объект, два объекта магического воздействия в лечебных и любовных заговорах и др.) и т. д.

Этапы порождения и восприятия ОП как знака и техники ВМС отражают **вертикаль традиции**. Формульные дифференциации ОП на разных этапах его порождения и восприятия реализуют **горизонталь традиции**.

Этапы порождения и восприятия ОП типологизируются по ряду критериев: инвариантные и вариативные; имплицитные и эксплицитные; означаемое, реализующее стратегию композиционного принципа построения фольклорного текста, и означающее, реализующее тактическую составляющую образного параллелизма; соотносимые с единицами языка и единицами речи.

Семиотическая вертикаль включает **инвариантные и вариативные этапы реализации** образного параллелизма. Инвариантные этапы представлены *гипертемой как сущностью-инвариантом, семантическим инвариантом, структурной инвариантной моделью*. Вариативный – *вариантами текстовых реализаций*.

С помощью инварианта, сохраняющегося при трансформации, «удается восстановить с наибольшей, ранее недоступной полнотой синхронную схему, лежащую в основе всех текстов определенного типа, во-вторых, восстановленная таким образом схема содержит в себе правила развертывания текста, которые можно интерпретировать **и в синхроническом, и в диахроническом плане**, и, в-третьих, набор трансформаций и их последовательность позволяют сделать важные наблюдения над отдельными этапами **эволюции** соответствующих текстов» [Иванов 1975: 44; Кривенко 1999: 128–129].

Семиотическая вертикаль включает **имплицитные и эксплицитные этапы реализации** ОП. Вербализация представляет собой языковые механизмы (частный случай) репрезентации устно-поэтических культурных смыслов, материальный способ их объективации в фольклорном тексте, организованном на основе ОП [Артеменко 2007: 90–98; Доброва 2017в: 175–181; Краткий словарь когнитивных терминов 1996; Словарь лингвистических терминов 2004; Лингвистический энциклопедический словарь 1990; Большой толковый словарь русского языка 2000]. Теоретической основой послужила идея Н.И. Жинкина о семиотической функции образа в мыслительном процессе кодирования и знакового представления конкретно-чувственным образом логического компонента мысли [Жинкин 1985; 1998; Попова 1999; 2003; 2003а; Залевская 2001; Зинченко 1991; 1997; Рудакова 2004; 2022]. Образ, наделенный

символическим статусом, становится «прозрачным», символический культурный смысл «просвечивает» сквозь него как смысловая перспектива, предполагающая нелегкое «вхождение в себя» [Аверинцев 1968: 826; Шелестюк 1997; Тэрнер 1983; Признаковое пространство культуры 2002; Круглов 1982].

Имплицитные этапы реализации образного параллелизма воплощают «господство родового над конкретным» как характерную черту стиля словесного искусства архаической ступени [Мелетинский 1994] и представлены *гипертемой* как *сущностью-инвариантом* в ее имплицитном выражении, *семантическим инвариантом*. Вербальные, эксплицитные – *экспликацией гипертемы, структурной инвариантной моделью и вариантами текстовых реализаций*.

Этапы реализации ОП дифференцируются на **означаемое, реализующее стратегию** композиционного принципа построения фольклорного текста, и **означающее, реализующее тактическую составляющую** параллельных построений. *Гипертема* (ГТ) как означаемое реализует стратегию и функциональную направленность параллельной формулы (*фиксирует результат магического действия в заговоре, выражение чувства в лирической песне и частушке, устойчивую связь условий в примете и закодированных предметов в загадке и т. д.*). Гипертема обладает *интегрирующим потенциалом*: единство сущности-инварианта образует «*вертикальную скрепу*», которая интегрирует этапы реализации ОП в целостное семиотическое образование и представляет «*значение многозначного единства*» [Лебедева 2011: 112–120]. *Имплицитно или эксплицитно представленная гипертема* как означаемое воплощается в *семантическом инварианте* и в *структурной инвариантной модели* как означающем, реализующем тактическую составляющую формулы в двух параллельных образных плоскостях – *символической (внешней, физической)* и *реальной (внутренней, психической)*, которые в фольклорном тексте получают воплощение в *вариантах текстовых реализаций*.

Этапы реализации ОП дифференцируются на основе их **соотнесения с единицами языка и единицами речи** [Артеменко 1995]: с единицами языка соотносятся инвариантные типовые образцы-модели репрезентации культурных смыслов, воспроизводимые в соответствии с «памятью фольклорной традиции», –

гипертема как сущность-инвариант, семантический инвариант, структурная инвариантная модель; с единицами речи соотносятся конкретные структурно-семантические реализации инвариантных типовых образцов представления культурных смыслов, структурированные по заданным типовым моделям разнообразные варианты текстовых реализаций.

Обобщенные данные представлены в *Таблице 1* «Типологические характеристики этапов реализации образного параллелизма».

Таблица 1

Типологические характеристики этапов реализации
образного параллелизма

Этапы реализации ОП	Условное обозначение	Типологические характеристики этапов реализации ОП
Гипертема	ГТ	Инвариантный; имплицитный; означаемое, реализующее стратегию; коррелирует с единицами языка
Семантический инвариант	СИ	Инвариантный; имплицитный; означающее/означаемое, реализующее тактическую составляющую; коррелирует с единицами языка
Структурная инвариантная модель	СИМ	Инвариантный; вербальный (эксплицитный); означающее, реализующее тактику; коррелирует с единицами языка
Варианты текстовых реализаций	ВТР	Вариативный; вербальный (эксплицитный); означающее, реализующее тактику; коррелирует с единицами речи

В методологическом плане организация и компонентный состав образных параллелизмов «описываются с помощью **условных формулировок**, передающих их **смысловые инварианты**» [Восточнославянские заговоры 2014: 53; 2011].

Исследование семиотической вертикали образного параллелизма раскрывает его сущностные характеристики.

2.3.2. Гипертема образного параллелизма

Гипертема (ГТ) (термин Ф. Данеша [Daneš 1978: 185–192; Москальская 1981: 22–42; Чистов 1986; Амроян 2004: 113–117]) образного параллелизма макро- и микромиров (гиперсема, «своеобразное новое значение обобщенного

характера» [Оссовецкий 1979: 229], свойственное психологическому параллелизму; «онтологически первичная (денотативная) ситуация» [Кентерберийский – https://royallib.com/book/anselm_kenterberiyskiy/ob_istine.html]; «признак объединяющего референта» [Комаров 1992: 6]; «общий смысл» [Мелетинский 1968: 20–21]; ментальный инвариант [Черноусова 2015]; гештальт-качество конструкции [Доброва 2004]) является означаемым параллельного знака и представляет сущность-инвариант, культурный смысл как основание сопоставления и рядоположенности параллельных образов. Гипертема реализует стратегию ОП. Единство гипертемы образует «вертикальную скрепу», интегрирующую СИ, СИМ, ВТР в целостное семиотическое образование.

Гипертема определена на основе характерной для метода Ансельма Кентерберийского *тенденции выявлять и интерпретировать онтологические параллелизмы между различными видами природных и культурных процессов*, соотносится с онтологически первичной ситуацией, «когда есть некое положение вещей, для которого <...> высказывание специально создано как обозначение» [https://royallib.com/book/anselm_kenterberiyskiy/ob_istine.html].

Гипертема имеет универсальный характер. На уровне гипертемы отсутствуют жанрово-интенциональная, гендерная и объектная дифференциации параллельной формулы. Гипертема имеет два варианта воплощения. Генетически первичное имплицитное: гипертема не вербализуется, не объективируется в тексте и формулируется на основе производных единой гипертемы. Вторичное эксплицитное: гипертема вербализуется, объективируется в тексте, в том числе в его заглавии как сильной позиции. Имплицитное выражение гипертемы визуализирует в тексте симметрию параллельного бинарного построения. Экспликация гипертемы объективирует сущностную константную триадированность образного параллелизма в составе гипертемы и двух ее образных воплощений.

«Новизна исследовательского подхода определяется изучением динамики <...> реализации приема в ее обусловленности **характером гипертем образного параллелизма**» [Доброва 2022в: 101]. Исследование разножанрового фольклорного

материала показало, что поэтапное развитие семиотической вертикали ОП обусловлено характером гипертем, порождающих его знаковые модификации.

Гипертема ОП представляет собой неоднородное образование, что определяет разработку *типологии и каталога разновидностей гипертем*.

Выявлены два типа гипертем ОП. **Гипертема означивания явления** (ГТ первого типа; условное обозначение ГТ–1) и **гипертема означивания связи явлений** (ГТ второго типа; условное обозначение ГТ–2).

ГТ–1 и ГТ–2 имеют общие и отличительные признаки [Доброва 2022в].

Общими признаками ГТ–1 и ГТ–2 являются их функциональная природа и универсальный характер во всех структурно-семантических модификациях ОП; дифференциация символизирующего (означающего) и символизируемого (означаемого) на основе двух взаимоисключающих константных показателей: функциональной направленности макро- и микрокосмических образов или композиционных частей фольклорного текста; возможность сочетаться друг с другом или реализоваться автономно.

Гипертема означивания явления (ГТ–1) в образных параллелизмах имеет ряд отличительных признаков.

1. ГТ–1 генетически первична. Образные параллелизмы с ГТ–1 являются универсальными для всех фольклорных жанров, реализуются автономно, сочетаются друг с другом или входят как часть в параллельные конструкции с ГТ–2.

2. Идентификатором символизирующего и символизируемого в образном параллелизме с ГТ–1 является функциональная направленность макро- и микрокосмических образов. Символизирующее всегда идентифицируется по макрокосмическим образам, а символизируемое – по микрокосмическим образам.

3. ГТ–1 не отличается единством в модификациях параллелизма. Основной критерий типологизации ГТ–1 и реализуемых на их основе СИ, СИМ и ВТР – показатели структурной полноты/неполноты конструкции (параллелизмов поли- и монопредикативных конструкций и параллелизмов частей монопредикативной конструкции). Основу СИМ составляет корреляция образов параллельных миров. СИМ не дифференцируются по макро- или микрокосмическому

символизируемому. Символизируемым всегда являются образы микрокосма. ВТР дифференцируются по ряду специфических критериев.

4. Параллелизмы с ГТ–1 не выполняют в фольклорном тексте текстообразующей функции, поскольку идентификация символизирующего и символизируемого не определяется характером его композиционных частей.

5. ГТ–1 представляет более низкий уровень абстракции, по сравнению с ГТ–2, поскольку воплощает явление одного мира через явление другого мира, а не связь между явлениями различных миров.

Параллелизмы поли- и монопредикативных конструкций, в том числе частей полипредикативных конструкций, представлены *семью типовыми разновидностями* ГТ–1 и соответствующими им СИ и СИМ. Разработанная типология гипертем первого типа развивает идеи Л.Н. Виноградовой и И.Ф. Амроян о способах представления в фольклорных формулах аналогии двух миров – символического и реального, в том числе путем проведения параллели между действиями (процессами), явлениями или состояниями как действительно имеющими семантическое сходство, так и несопоставимыми, представленными как «псевдоаналогия» [Виноградова 1978: 12; Амроян 2005: 238]. Параметры макрокосмического мира имеют условное обозначение А, микрокосмического мира – условное обозначение Б. Знак <...> используется для обозначения факультативных элементов, которые могут иметь эксплицитное или имплицитное выражение. ОП имеют положительную и отрицательную формы. Гипертемы конструкций отличаются **общежанровым** характером, а полнота, частотность и способы их реализаций определяются спецификой фольклорного жанра.

Гипертема в параллелизмах предикативных конструкций опирается на *функциональный компонент* и имеет *общежанровую функциональную природу*. С одной стороны, функциональная природа гипертемы определяет универсальную сущностную основу параллелизма прежде всего как функционального феномена. Образный параллелизм как знак и техника ВМС есть способ функционирования, режим существования (бытия) традиционных культурных смыслов с условием их обязательной реализации. С другой стороны, функциональная природа гипертемы

объясняет отсутствие в ее обозначении дифференциации и детализации актантных компонентов А и Б миров. В гипертеме параллелизма предикативных конструкций при обозначении А и Б миров *актантные (субъект-объектные) компоненты не дифференцируются* по ряду причин: в силу динамичности их семантики, обратимости субъект-объектных компонентов, асимметрии выражения субъект-объектных компонентов в частях ОП, функциональной взаимозаменяемости субъект-объектных компонентов и др.

Методологической основой репрезентации ГТ–1 послужили положения теории психологического параллелизма и его форм в отражениях поэтического стиля А.Н. Веселовского. Поскольку «параллелизм покоится на сопоставлении субъекта и объекта по категории движения, действия, как признака волевой жизнедеятельности» [Веселовский 1940: 126], именно эти категории, сопоставляемые в ОП у символического макрокосмического объекта и реального микрокосмического субъекта, отражаются в ГТ–1 как содержательная основа сопоставления. ГТ–1 опирается на функциональные категории, воплощающие основные признаки движения: ГТ–1 с параллелизмом *действий, состояний, атрибутивных, количественных параметров процессов, локусов, условий, длительности процессов*. Семантический вектор ГТ–1 направлен от категорий микромира к их репрезентации в категориях макромира. Отсутствие в формулировке ГТ–1 репрезентации актантных компонентов параллельных миров объясняется их восприятием прежде всего в качестве носителей сопоставляемых категорий движения и действия. Интерпретация категории действия как признака *волевой жизнедеятельности* обуславливает отражение в формулировке ГТ–1 семантики волеизъявления «*пусть произойдет, возникнет, осуществится, продлится*». Императивная семантика отражает интенцию перенесения признака волевой жизнедеятельности, свойственного одному члену параллели, на другой, и накопления перенесений «комплекса жизнеподобных признаков» [Веселовский 1940: 129] в составе параллелей под интегрирующим началом гипертемы ОП. Императивную функциональную направленность гипертемы ОП также определяет метацель ОП, направленная на упорядочение человеческого

микрокосма [Харитонов 1999] через осмысление единства и сопоставимости макро- и микрокосмических начал. Наличие в условной формулировке гипертемы ОП реконструированной на основе анализа семантики его компонентов лексемы *определенное* (действие, состояние, качество, количество, место, условие, время) обозначает «*определенное в границах образного параллелизма*».

Типология и каталог разновидностей гипертемы первого типа представлены с учетом ее интегрирующей способности: семь типовых разновидностей ГТ–1 интегрированы с соответствующими им СИ и СИМ. ВТР демонстрируют реализацию ГТ, СИ, СИМ в фольклорных произведениях разных жанров.

1) *Параллелизм действий*: ГТ «*пусть произойдет определенное действие*»; СИ «*происходит А, происходит Б*»; СИМ <как> *происходит А, <так сходно> происходит Б*; ВТР: в пословице «*Человек ходит, Бог водит*» [Даль 1879: I, 2].

2) *Параллелизм состояний*: ГТ «*пусть возникнет определенное состояние*»; СИ «*состояние А, состояние Б*»; СИМ <каково> *состояние А, <таково сходно> состояние Б*; ВТР: в песне «*Каково тошно тебе расставаться с тонким ледком, / Таково мне тошно с малыми детками*» [Киреевский 1929: 293, № 2785].

3) *Параллелизм качества*: ГТ «*пусть возникнет определенное качество*»; СИ «*качество А, качество Б*»; СИМ <каково> *качество А, <таково сходно> качество Б*; ВТР: в пословице «*Грех сладок, человек падок*» [Даль 1879: I, 13].

4) *Параллелизм количества*: ГТ «*пусть возникнет определенное количество*»; СИ «*количество А, количество Б*»; СИМ <сколько> *количество А, <столько сходно> количество Б*; ВТР: в пословице «*Сколько дней у Бога впереди, столько и дураков*» [Даль 1879: I, 563].

5) *Параллелизм локусов*: ГТ «*пусть нечто произойдет в определенном локусе*»; СИ «*локус осуществления А, локус осуществления Б*»; СИМ <где> *локус осуществления А, <там сходно> локус осуществления Б*; ВТР: в пословице «*Горох да репа в поле – вдова да девка в людях*» [Даль 1879: I, 477].

6) *Параллелизм условий (выполнимых и невыполнимых)*, при соблюдении которых что-либо может осуществиться: ГТ «*пусть осуществляются определенные условия*»; СИ «*условия осуществления А, условия осуществления Б*»; СИМ

<когда/если> осуществляются условия А, <тогда/то сходно> осуществляются условия Б; ВТР: в балладе *«Да когда песок взойдет, вырастет, / Я тогда ж, сестры, к вам назад буду»* [Астахова 1963: 112–113].

7) *Параллелизм темпоральных параметров* (сопоставление длительности символического и реального процессов): ГТ «пусть нечто продлится определенное *время*»; СИ «время осуществления А, время осуществления Б»; СИМ <пока> длится время осуществления (происходит) А, <до тех пор сходно> длится время осуществления (происходит) Б; ВТР: в заговоре *«Покуда я плюю, потуда б рабу (имя рек) хворать»* [Майков 1869: 52, № 110].

Функциональная природа гипертемы в параллелизмах предикативных конструкций объясняет общефольклорную тенденцию доминирования в различных фольклорных жанрах акциональных и процессуальных параллелизмов, по сравнению с пятью другими разновидностями гипертем образных параллелизмов качества, количества, локусов, условий и темпоральных параметров, репрезентирующих признаки волевой жизнедеятельности [Веселовский 1940].

«Параллелизмы части монопредикативной конструкции, организованные как группы ее членов, фактически реализуют часть гипертемы образных параллелизмов предикативных конструкций, сужая спектр символических связей компонентов приема в силу структурной неполноты конструкции. Параллелизмы части монопредикативных конструкций актуализируют не только функциональный, но и актантный (субъект-объектный) уровни сопоставления компонентов. Полнота, частотность и способы их реализаций в рамках приема детерминируются как спецификой конкретного фольклорного жанра, так и внутрижанровыми разновидностями приема в соответствии с их функциональной направленностью. При этом имеющая *общежанровый характер функциональная природа гипертемы* определяет экспликацию (формулировку) ГТ–1 параллелизмов части монопредикативной конструкции с сохранением семантики волеизъявления и с учетом функциональной направленности приема на репрезентацию определенной части фольклорного мира (*актантов, атрибутов, локусов, временных параметров* и т. д.)» [Доброва 2022в: 105]. Типология

гипертем выстраивается *по критерию отождествления тех или иных параметров параллельных миров с их соответствующим содержательным наполнением.*

К примеру, **гипертемы параллелизмов части монопредикативных конструкций с номинативными перечнями** в лечебных заговорах представлены следующими разновидностями. Гипертемы **собственно номинативных перечней**, детализирующих процесс магического воздействия в сфере здоровья человека и реализующих энциклопедизм лечебных заговоров: ОП **топографии человеческого тела**; параллелизмы-перечни **объектов защиты** (*кого защищают*), **вредоносных объектов и болезней** (*от чего защищают*), **орудий защиты** (*чем защищают*), **защитников** (*кто защищает*), **защитных целей** (*зачем защищают*), **функциональных назначений**, или формулы-назначения в названии заговора в лечебных заговорах (*назначение защиты*); кроме того, **атрибутивные** параллелизмы-перечни (*характеристики защиты*); **локативные** параллелизмы-перечни (*где защищают*): перечень **локусов спасения** и локусов, на которые распространяется магическая защита, и **терминальные** параллелизмы-перечни (*тотальные параметры защиты: все, везде и от всего защищают*).

Обозначенное положение проиллюстрируем примером семиотической вертикали ОП с номинативными перечнями орудий магического действия в лечебных заговорах. ГТ «*пусть спасут орудия магического действия*». СИ «*макрокосмические и микрокосмические орудия магического действия*». СИМ (16 макрокосмических версий // 7 микрокосмических версий; суммарный количественный показатель версий параллелизма – 23): «*пусть спасут орудия магического действия крепость камня, чернота поверхности камня, доброе время в длину сенной веревки, стрелы грома, губы воловы, уши тетеревины, язык тетеревиной // язык мертвого человека // крест Христа, лук Христа, богородичен замок, богородицын венец // крепкие замки, соль в глаза, смола на сердце, хлеб в рот – пусть спасут орудия магического действия очи ангельские, Спаса рука // очи светлы, сердце каменное, брюхо матеро // хиткие слова, золотые слова*». ВТР: «Укрепи, Господи, *хиткими словами и крепкими замками*»

[Майков 1869: 61, № 139]; «<...> дай ему, Господи, *очи ангельские, сердце каменное, губы воловы, язык тетеревиной*» [Савушкина 1993, № 326].

Гипертема означивания связи явлений (ГТ–2) в образных параллелизмах имеет ряд отличительных признаков.

1. ГТ–2 генетически вторична по отношению к ГТ–1. Параллелизмы с ГТ–2 лишены универсальности и реализуются на основе композиционных частей фольклорных текстов, имеющих функционально регламентированную в композиционном отношении бинарную структуру. Представлены в жанрах загадки (образная заместительная часть («вопросная» образная замена) и «ответная» часть загадки (ответ, отгадка, денотат) и приметы (приметогенная ситуация/событие и прогнозная часть, реже – страховочная часть). Реализуются автономно (но не могут сочетаться друг с другом) или содержат в своих границах ОП с ГТ–1. В коммуникативном аспекте характеризуются предъявлением знака (приметогенной ситуации приметы и образной заместительной части загадки) и определением на основе параллелизма образных представлений [Веселовский 1940] означаемого (прогнозной или страховочной части в примете и ответа в загадке).

2. Идентификатором символизирующего и символизируемого в образном параллелизме с ГТ–2 является функциональная направленность композиционных частей фольклорного текста, а не макро- и микрокосмических образов. Символизирующее всегда идентифицируется по образной заместительной части в загадке и по приметогенной ситуации/событию в примете, а символизируемое – по ответу в загадке и по прогнозной или страховочной части в примете.

3. ГТ–2 и реализуемый на ее основе СИ отличаются единством во всех разновидностях параллелизма. ОП с ГТ–2 допускают очевидную структурную асимметрию частей, интегрированных на уровне общей для частей ОП гипертемы, и не зависят от показателей структурной полноты/неполноты параллельной конструкции. СИ дифференцируются по макро- или микрокосмическому символизируемому. СИ с макрокосмическим означаемым и микрокосмическим означаемым сходны с конструкциями с ГТ–1 и отражают фактор преемственности эволюции семиотических основ ОП. Инверсионные построения с

микрокосмическим означающим и макрокосмическим означаемым представляют собой вторичное образование и отражают фактор развития ОП. В эволюционном аспекте многофункциональность образов параллельных миров является признаком вторичной природы ОП с ГТ–2. ВТР дифференцируются по ряду специфических критериев. Реализация накопительного эффекта семиогенеза ОП обуславливает сохранение в ОП с ГТ–2, означающей связь явлений, содержания означивания связи явлений с типологией ГТ–1 по семи параметрам, присущим ОП с показателями структурной полноты. Вторичность феномена подтверждается его жанровой «ограниченностью» и реализацией на материале приметы.

4. Параллелизмы с ГТ–2 выполняют в фольклорном произведении текстообразующую функцию. Символизирующее и символизируемое ОП идентифицируются по функциональной направленности композиционных частей фольклорного текста.

5. ГТ–2 представляет более высокий уровень абстракции, по сравнению с ГТ–1, поскольку воплощает связь между явлениями параллельных миров, а не явление одного мира через явление другого мира.

ГТ параллелизма в примете *«пусть будет обозначена устойчивая связь условий: означивание связи условий»*. **СИ** *«условие одного мира как приметоноситель является знаком условия другого мира как прогноза и толкования знака»*. **СИМ**: приметоноситель и прогноз дифференцируются по макро- и микрокосмическому означаемому. **СИМ** *«<если> есть (было, будет) А (макрокосм), <значит> есть (было, будет) Б (микрокосм)»*. ВТР *«Кошка умывается – к гостям»* [Харченко 2008: 179]. **СИМ** *«<если> есть (было, будет) Б (микрокосм), <значит> есть (было, будет) А (макрокосм)»*. ВТР *«Уши чешутся – к дождю»* [Жарков 1954: 31, № 66].

ГТ в загадке *«пусть будет определен (дешифрован) загадочный предмет: означивание связи предметов»*. **СИ** *«предмет одного мира как образная часть загадки является знаком предмета другого мира как ответа и толкования знака»*. **СИМ**: образная часть загадки и ответ дифференцируются по макро- и микрокосмическому означаемому. **СИМ** *«натурфакт/артефакт (макрокосм) – человек/соматизм (микрокосм)»*. ВТР *«теленочек – язык»: «Лежит в подполье /*

мокренький теленочек. – Язык» [Рыбникова 1932: 173, № 37]; «доска – язык»: «Доска лежит на болоте, не сохнет, не гниет и ржавчина не берет. – Язык во рту» [Вологодские губернские ведомости 1864: № 47–4]. **СИМ «человек/соматизм (микрокосм) – натурфакт/артефакт (макрокосм)»**. ВТР «девушка – солнце»: «Красная девушка / По небу ходит. – Солнце» [Аникин 1957: 189, № 214]; «человек – латша»: «Сидит барыня в ложке, / Свесив ножки. – Латша» [Аникин 1957: 170, № 71].

«Эволюционный аспект семиотических основ образного параллелизма макро- и микрокосма на уровне гипертемы параллельного построения квалифицируется по ряду показателей. Первичность ГТ–1 генетически связана с дифференциацией символизирующего и символизируемого по их макро- и микрокосмическому образному содержанию. Свобода локализации образов параллельных миров в частях приема, обусловленная их симметричной связью с гипертемой, подготавливает основу для выполнения параллелизмом макро- и микрокосмических образов текстообразующей функции в фольклорном тексте: в приметах с символизирующим в приметогенной ситуации/событии и символизируемым в прогнозе или страховке, в загадках с символизирующим в образной заместительной части и символизируемым в ответе. Выполнение параллелизмом текстообразующей функции отражает подчинение приема параллелизма макро- и микромиров жанровым интенциям фольклорного текста. Следствием формирования ГТ–2 становится развитие у образов параллельных миров вторичного свойства многофункциональности, при котором макро- и микрокосмические образы могут выступать в фольклорном тексте в функции и означающего, и означаемого. Другим следствием подвергнутого анализу семиотического процесса становится унификация имплицитных уровней реализации параллельных построений (единство ГТ–2 и соответствующего ему СИ для классических, трансформированных и формализованных структурно-семантических модификаций приема), а также развитие и детализация эксплицитных уровней реализации параллельных построений (СИМ и ВТР) по специфическим для них параметрам и с объединением в границах одного построения различных по показателям структурной полноты частей параллельной конструкции» [Доброва 2022в: 108].

Эволюционный аспект развития гипертем проявляется в **накопительном эффекте**, в результате действия которого в границах ОП с ГТ–2, означающей связь явлений, сохраняется корреляция содержания означивания связи явлений с типологией параметров ГТ–1. Указанная закономерность детерминирована спецификой жанра и выявлена в жанре русской приметы [Завьялова 2013; Кулькова 2006; 2006а; 2011; Фаттахова 2002; 2022]. Корреляция с параллелизмом связи явлений по параметру действия *«Кукушка станет куковать – мороза больше не видать»* [Рыженков 1992]; по параметру состояния *«Весенняя вода течет медленно – народу будет тяжело»* [Селянгина 2005]; по параметру качества *«А если водополь велика, то и ноша хлебная будет велика»* [Харченко 2008: 65]; по параметру количества *«Ползапаса в закроме: половина старого хлеба съедена, половина срока осталось до нового урожая»* [Рыженков 1992]; по параметру локуса *«Хлеб в закрому – что хозяин в дому»* [Стрижев 1972]; по темпоральному параметру *«Запылил орешник – пора пахать»* [Харченко 2008: 51]; по параметру условия *«Когда идет дождь и солнце светит – дьявол влюбляется»* [Харченко 2008: 153].

Единство во всех разновидностях параллелизма ГТ–2 и реализуемых на ее основе СИ и СИМ допускает структурно-смысловое сжатие и очевидную структурную асимметрию частей, интегрированных общей гипертемой. Поэтому ГТ–2 не зависит, в отличие от ГТ–1, от показателей структурной полноты/неполноты параллельной конструкции. В жанрах загадки и приметы обозначенные языковые динамические процессы характеризуются жанровой спецификой.

Структурно-смысловое сжатие в примете и загадке – разные феномены.

В загадке в связи с выражением ответа однословной конструкцией эксплицируется только часть символических связей. Учет компонентного состава частей в энигматическом тексте имеет важное значение для его разгадывания, декодирования образной заместительной части загадки. Учет компонентного состава частей на уровне объективации символических связей энигматического текста обуславливает фактическое сведение параллельного построения к параллелизму-биному, в ряде случаев в составе параллелизма с образным уподоблением, и манифестацию образного параллелизма актантных компонентов:

«человек – петух» *«Не ездок, а со шпорами, / Не сторож, а всех будит. – Петух»* [Аникин 1957: 173, № 94]. В примете символическая картина в целом без ее дифференциации на компонентный состав сопоставляется с образом природы, в результате наблюдается несводимость параллельного построения к биному, монолитность сопоставляемых частей в аспекте реализации в ОП символических связей [Вагнер 2008]. В бытовых приметах как главном знаковом классе **знаковый характер имеет ситуация в целом**: *«Неожиданное цветение растений поздней осенью – к смертям среди молодежи»* [Харченко 2008: 128].

Таким образом **единство ГТ–2** и соответствующего ей СИ обеспечивается **двумя различными по своему характеру и имеющими жанровую специфику способами**. В загадке сведением параллельного построения к биному и реализацией части символических связей, направленных на определение ответа посредством актуализации параллелизма представлений их образных репрезентаций. В примете монолитностью сопоставляемых частей ОП без учета их компонентного состава, что исключает возможность сведения параллельной конструкции к биному. Разные способы отражают этапы и варианты взаимодействия человека с окружающим миром и способы их репрезентации и вербализации в фольклорных текстах различных жанров.

Отсутствие в приметных текстах строгих синтаксических соответствий частей приема по компонентному составу и объему обуславливает слитность (компонентную нерасчлененность) левой части приметы, репрезентирующей приметогенную ситуацию-событие, слитность структурно-семантических модификаций на уровне единого для них СИ. Необходимость сопоставления на уровне параллелизма представлений события и прогноза с целью успешного функционирования приметы как знака объясняет причину **несводимости** параллельного построения приметы с ГТ–2 к параллелизму-биному и к квалификации всех примет как формализованных модификаций, что наблюдается в загадке. Кроме того, сжатие в прогнозе свойственно далеко не всем приметам, сжатие в ответе загадки – постоянный признак энигматического текста.

Гипертема имеет **имплицитное и эксплицитное воплощение**. Экспликация гипертемы представляет собой более позднее образование, обусловленное развитием семиотических основ приема. Гипертемы разных типов дифференцируются по наличию или отсутствию их экспликации. Генетически более ранний имплицитный способ репрезентации гипертемы параллельного образования присущ гипертемам обоих типов. Эксплицитный способ репрезентации гипертемы, представляющий более позднее образование и являющийся результатом эволюции семиотических основ ОП, выявлен только в образных параллелизмах с гипертемой первого типа, образным параллелизмам с гипертемой второго типа экспликация гипертемы несвойственна.

Способы экспликации гипертемы образного параллелизма отличаются жанрово-интенциональной, гендерной и объектной дифференциациями.

Наличие и способы экспликации гипертемы имеют **жанровую обусловленность**. В загадках и приметах с гипертемой второго типа, направленной на означивание связи явлений, экспликация гипертемы отсутствует. В частушках как малом жанре фольклора экспликация гипертемы не зафиксирована. В заговорах способы экспликации гипертемы характеризуются имеющими жанровую обусловленность интенциональной, гендерной и объектной дифференциациями. В быличках экспликация ГТ–1 отмечена в единичных примерах и представляет собой родовое понятие по отношению к его видовым реализациям: **гипертема «кто куда пал, тот там и стал»** «<...> летели сорок ангелов, летели да пали. **Кто куда пал, тот там и стал.** *На дом – дак домовоёушко, в баню – дак баенник, в лес – дак лесовой*» [Черепанова 1996: 28, № 111] и т. д.

Наличие и способы экспликации гипертемы имеют **структурно-семантическую детерминированность** с учетом морфогенеза образного параллелизма. Экспликация гипертемы как вторичное, производное образование свойственна прежде всего генетически более поздним формализованным структурно-семантическим модификациям ОП, для которых характерно нарушение содержательной и структурной автономии его частей. В сущности, экспликация гипертемы объективирует исходную латентную при имплицитной

гипертеме триадированность образного параллелизма (гипертема и два ее разносубстанциональных образных воплощения) и нарушает визуализированную в фольклорном тексте симметрию параллельного построения. Экспликация гипертемы разнообразно представлена в троичных ОП, ОП в составе счетных рядов, в ОП в формуле отсылки болезни, во всех разновидностях образных параллелизмов-перечней (полиномов), в параллелизмах с образным уподоблением.

Сочетание гипертем разного типа в границах одного параллельного образования является маркером эволюции семиотических основ ОП и имеет жанровую специфику. ОП с сочетанием ГТ–1 и ГТ–2 зафиксированы в загадках и приметах как фольклорных жанрах, в которых образные параллелизмы с ГТ–2 выполняют текстообразующую функцию. Символизирующее и символизируемое ОП идентифицируются по функциональной направленности композиционных частей фольклорного текста, а ОП с ГТ–1 локализуются в одной из частей фольклорного текста (в образной части или ответе загадки; в приметогенной ситуации, прогнозе или страховке приметы). Примета, как и загадка, реализует сочетание построений с ГТ–2 и ГТ–1, но со значительно меньшими показателями частотности.

Имплицитно или эксплицитно представленная гипертема ОП как означаемое символического знака воплощается в двух параллельных плоскостях – *символической (внешней, физической) и реальной (внутренней, психической)* в *семантическом инварианте и структурной инвариантной модели*.

2.3.3. Семантический инвариант образного параллелизма

Семантический инвариант (СИ) мультиплицирует культурный смысл на материале содержания образов макро- и микромиров в двух параллельно организованных рядах (*макро- и микрокосмические магические защитники, макро- и микрокосмические условия и загадочные предметы, разнообразные внешние и внутренние проявления чувства* и т. д.). В семиотической вертикали представляет инвариантный, имплицитный этап реализации ОП. СИ является означающим по отношению к ГТ и означаемым по отношению к СИМ и ВТР. СИ

реализует тактическую составляющую параллельного построения и в процессе порождения ОП получает объективацию в компонентах вербальной парадигмы СИМ как вариантах воспроизведения культурного смысла. СИ имеет жанрово-интенциональную, гендерную и объектную дифференциации.

Типология и каталог разновидностей СИ образного параллелизма обусловлены характером и интегрирующей способностью порождающих их гипертем двух типов. Показатели структурной полноты/неполноты параллельной конструкции (параллелизмов поли- и монопредикативных конструкций и параллелизмов частей монопредикативной конструкции) как основной критерий типологизации ГТ–1 дифференцирует и реализуемые на их основе СИ.

СИ также различаются **по набору сопоставляемых параллельных миров**, типология которых развивает идеи Л.Н. Виноградовой и И.Ф. Амроян о способах представления в фольклорных формулах аналогии символического и реального миров [Виноградова 1978: 12; Амроян 2005: 238; 2005а; 2012]. Параметры макромира имеют условное обозначение А, микромира – Б, соответственно в производных от классических модификаций образном параллелизме макромиров в сфере вселенского макрокосма: А – первый макромир; Б – второй макромир (мир природы и мир мертвых; мир природы и мир артефактов и др.) и образном параллелизме микромиров в сфере человеческого микрокосма: А – первый микромир физических реалий; Б – второй микромир духовных реалий.

Параллелизмы поли- и монопредикативных конструкций, в том числе частей полипредикативных конструкций, представлены семью типовыми разновидностями СИ, интегрированными с соответствующими им ГТ–1.

1) **СИ «происходит А, происходит Б»** выявлен в параллелизме действий: в частушке *«Чайка вьется над водой, / Мил смеется надо мной»* [Астафьева 1987, № 3149]. 2) **СИ «состояние А, состояние Б»** выявлен в параллелизме состояний: в семейно-бытовой балладе *«Худо течь ведь реченьке, / Худо течь ей быстрой / Без крутых бережков, – / Худо жить-быть девушкам, / Худо жить-быть красным / Без миленьких дружков»* [Соболевский 1895: I, 378, № 290]. 3) **СИ «качество А, качество Б»** выявлен в параллелизме качества: в пословице

«Голова пуста, да туга сума. Умом туп, да кошелек туг» [Даль 1879: I, 568]. 4) **СИ «количество А, количество Б»** выявлен в параллелизме количества: в быличке *«Сколько вымыто (младенцев), как родились, столько обдерих»* [Черепанова 1996: 38, № 200]. 5) **СИ «локус осуществления А, локус осуществления Б»** выявлен в параллелизме локусов: в исторической песне *«Где-ко пиво пьем, тут и честь воздаем / Тому боярину великому, / И хозяину своему ласкову»* [Игнатов 1970: 130, № 26]. 6) **СИ «условия осуществления А, условия осуществления Б»** выявлен в параллелизме условий: в исторической песне *«Ой, с Дону, с Дону! / Если Бог поможет, / Попа не забудьте; / Ой, с Дону, с Дону! / Если ж чорт обрушит, / Двора мово не зна(ва)йте!»* [Игнатов 1970: 123, № 24]. 7) **СИ «время осуществления А, время осуществления Б»** выявлен в параллелизме темпоральных параметров: в заговоре *«Как эта картошина будет скоро гнить, так и моя бородавка скоро будет сходить»* [Савушкина 1993, № 134].

Параллелизмы части монопредикативной конструкции, организованные как группы ее членов, сужают спектр символических связей компонентов образного параллелизма в силу структурной неполноты конструкции и реализуют СИ, направленные на репрезентацию определенной части фольклорного мира (*актантов, атрибутов, локусов, временных параметров* и т. д.). Типология СИ выстраивается по критерию отождествления тех или иных параметров параллельных миров.

Типология СИ образных параллелизмов с **номинативными** перечнями в лечебных заговорах детализирует параметры процесса магического воздействия.

В образных параллелизмах с **собственно номинативными** перечнями выявлены следующие СИ. В параллелизмах с **соматическими образами** представлены два СИ. **СИ «тело // части тела человека как объекты соединения»:** «Она (Богородица) Исуса Христа раны умывала и зашивала, *мясо с мясом, тело с телом, кожу с кожей*, и крофь останавлила» [Мансикка 1926: 205, № 72]. **СИ «телесные и духовные объекты изгнания болезни человека/животного»:** «Не было бы болей *ни на коже, ни под кожей, ни в костях, ни в мозгах, ни в суставах, ни на легком, ни на печени, ни на сердце*» [Вятский фольклор 1994, № 498]. **СИ «макро- и микрокосмические объекты**

защиты (кого защищают): «Как утренняя (заря?) потухает, полегает, так бы и у нашего ребенка (или коровки) потухало, полегчало» [Аникин 1998: 83, № 358]. СИ **«макро- и микрокосмические вредоносные объекты (от чего защищают):** «Огради и меня, раба божьего (имя), *от плохих людей, от аварии*» [Вятский фольклор 1994, № 554]. СИ **«макрокосмические (физические, реальные) и микрокосмические (ирреальные, духовные) болезни (от чего защищают):** «Приходит божья мати Богородица, берет она: эти ножницы, состригает она с раба божьего (имя) *всякую боль, всякую скорбь, притки, уроки, переполохи, млад родимец*» [Вятский фольклор 1994, № 374]. СИ **«макро- и микрокосмические орудия защиты (чем защищают):** «Укрепи, Господи, *хиткими словами и крепкими замками*» [Майков 1869: 61, № 139]. СИ **«макро- и микрокосмические защитники (кто защищает):** «Когда кто буянит и надо утихомирить, то сказать <...>. Помяни, Господи, *царя Давыда, царя Соломона, царя Константина, мать Елену, митрополита Кирилла, мать Улиту и всю кротость их*» [Пинежье 1994, № 117]. СИ **«макро- и микрокосмические защитные цели (зачем защищают):** «Пригожается то яйцо <...> сему рабу Б(о)жию *имярек на здравие, а морю на славу, а мне на памят(ь)*» [Топорков 2010: 136, № 1166]. СИ **«макро- и микрокосмические функциональные назначения (назначение защиты)»** в названии заговора: «Заговор от порчи *ребенка, взрослого или скотины*» [Топорков 2010: 112, № 49]; «Заговор *от деревьев и от недругов*» [Топорков 2010: 141, 143, № 123, 124]. В ОП с атрибутивными перечнями (характеристики защиты) выявлен СИ **«макрокосмические и микрокосмические характеристики вредоносных объектов:** «<...> поможи мнѣ, Господи, изъ раба Божія (имя рекъ) *золотуху* выговорить, *пересудную, передумную, переговорную, полунощную, буйную-буйновицу, желтвю-желтавицу, синюю-синявицу, красную-красавицу и рассыпчатую*» [Майков 1869: 42, № 93]. В ОП с локативными перечнями (где защищают) выявлен СИ **«макрокосмические (внешние) и микрокосмические (внутренние) локусы спасения (сакральные локусы):** «<...> приведи ме(ня), Господи, в ан(г)ел(ь)ской чин, *Пр(е)чистой Богородицы в руки, матушки в с(е)рдце*» [Топорков 2010: 107, № 34]. В ОП с терминальными

перечнями (тотальные параметры защиты: все, везде и от всего защищают) выявлен **СИ «макрокосмические и микрокосмические параметры магического действия»**: «Дуйте и винтите *по всему свету белому и по всему люду крещеному*» [Савушкина 1993, № 206].

Показатели структурной полноты/неполноты параллельной конструкции определяют характер и степень детализации СИ и – соответственно – их разнообразия, а также их жанровый статус. В ОП поли- и монопредикативных конструкций, в том числе частей полипредикативных конструкций, то есть в построениях с признаками **структурной полноты** параллельного построения, СИ представлены семью типовыми разновидностями и имеют общежанровый характер. В ОП части монопредикативной конструкции, то есть в построениях с признаками **структурной неполноты** параллельного построения, названные показатели значительно выше и имеют жанрово дифференцированный характер.

СИ, реализующие ГТ–2, отличаются единством во всех разновидностях приема и имеют унифицированное выражение в жанрах загадки и приметы.

СИ приметы «условие одного мира как приметоноситель является знаком условия другого мира как прогноза и толкования знака»: «*Звон в ушах – летом к ненастью, зимой – к снегу*» [Жарков 1954: 31, № 65]; «*Из веника прутик выскочил – к новостям*» [Харченко 2008: 185].

СИ загадки «предмет одного мира как образная часть загадки является знаком предмета другого мира как ответа и толкования знака»: «*Под берегом сидит Тарас – кричать горазд. – Лягушка*» [Митрофанова 1968: 32, № 607]; «*Два орла одним яблочком играют. – Священник и дьякон с кадилом*» [Митрофанова 1968: 151, № 5093].

Совокупность вариантов, систематизированная по параллельным рядам формулы, представлена в структурной инвариантной модели.

2.3.4. Структурная инвариантная модель образного параллелизма

Структурная инвариантная модель (СИМ) реализует тактическую составляющую параллельного построения и объединяет в двух параллельно

организованных рядах разнообразные варианты воспроизведения инвариантного смысла на уровне компонентов вербальной парадигмы формулы. Как вариантное вербальное воплощение инвариантного смысла отличается жанрово-интенциональной, гендерной и объектной дифференциациями.

СИМ отражает идею «гнездования» «трансформов» вокруг «ядерной конструкции» [Тарланов 1982; 1999; Садова 2004].

В СИМ фиксируется следующий **инвариантный набор критериев дифференциации ОП**: жанрово-интенциональная направленность; гендерная маркированность; модель соотношения компонентов глагольного ряда в композиционных частях (основу исследования механизмов формирования параллельных формул составила категориальная классификация глаголов: семь базовых компонентов глагольного ряда (ГР), представленная в трудах Е.Б. Артеменко и ориентированная автором на другие цели [Артеменко 1988: 26–31] (см. также [Доброва 2004: 25–38]); количество макрокосмических и микрокосмических версий (вербальных вариантов) в каждой параллели; суммарный показатель версий ОП по обеим частям; характер соотношения модальных планов частей (симметричные и несимметричные); структурно-семантические модификации (классическая, трансформированная и формализованная); структурные характеристики частей (синтаксические характеристики структурных схем и особенности сопоставления их компонентов – полный и неполный параллелизм [Артеменко 1977: 119]); лексическое наполнение частей ОП.

«Глагольный ряд (ГР) включает в себя семь базовых компонентов.

Первый компонент ГР (ГР–1) образуют глаголы движения, положения и изменения положения в пространстве, бытия (*идти, ходить, бежать, ехать, лететь, плыть; сидеть, стоять, лежать; быть; жить; расти (находиться в состоянии внутреннего движения); иметь* и др.).

Второй компонент ГР (ГР–2) образуют глаголы со значением «каузировать перемещение (resp. движение) или положение предмета в пространстве» (*нести, вести, везти, держать, сажать, брать* и др.).

Третий компонент ГР (ГР–3) образуют глаголы со значением восприятия (*видеть, слышать, чувствовать, ощущать* и др.).

Четвертый компонент ГР (ГР–4) отличается отсутствием детерминированной семантики, характерной для других компонентов ряда, и представлен в основном акциональными глаголами со значением физического действия и воздействия и др.

Пятый компонент ГР (ГР–5) представлен глаголами со значением эмоционального состояния и эмоционального воздействия (*плакать, тужить, горевать, кручиниться, радоваться, любить, жалеть; веселить; а также ронять слезы, сердце ноет, болит; тоска-горе обуяла; скучно, грустно* и т.д.).

Шестой компонент ГР (ГР–6) образуют глаголы со значением мыслительной деятельности, состояния сознания (*думать, помнить, забыть, верить, надеяться, ждать* и др.).

Седьмой компонент ГР (ГР–7) образуют глаголы и глагольные сочетания с общим значением или семой речевой деятельности (*говорить, сказать; звать, кликать, просить, спрашивать, хвалиться; велеть* и др.)» [Доброва 2004: 29–30].

Инвариантный набор критериев дифференциации параллельных построений **по-разному актуализируется** в образных параллелизмах предикативных конструкций и образных параллелизмах части предикативной конструкции в соответствии с параметрами структурной полноты/неполноты параллельных построений. Квантитативные показатели СИМ определяются на материале **заданного корпуса** фольклорных текстов.

СИМ с учетом ее лексических и грамматических характеристик в **параллелизмах предикативных конструкций** дифференцируется по следующим критериям: по оформлению модальных планов частей; по структурно-семантическим модификациям (классическая, трансформированная и формализованная); по структурным характеристикам частей (синтаксические характеристики структурных схем и особенности сопоставления их компонентов – полный и неполный параллелизм [Артеменко 1977: 119]); по лексическому наполнению частей ОП.

СИМ с учетом ее лексических и грамматических характеристик в **параллелизмах части предикативной конструкции** (параллелизмы, организованные как группы членов предикативной единицы [Артеменко 1977: 109–110]) дифференцируется по следующим критериям: по структурным характеристикам частей (синтаксические характеристики сопоставляемых компонентов); по лексическому наполнению частей ОП.

Характеристики по оформлению модальных планов частей и по структурно-семантическим модификациям (только формализованная модификация) для параллелизмов части предикативной конструкции не является релевантной.

Указанные лексические и грамматические характеристики СИМ **комплексно обеспечивают формульную дифференциацию ОП**. Анализ материала исследования позволяет выявить доминантные тенденции системного соотношения критериев в границах их инвариантного набора. Доминантно при гендерной и интенциональной дифференциации ОП различие СИМ прежде всего обеспечивается разным лексическим наполнением и оформлением модальных планов частей ОП; при актантной (объектной) дифференциации различие СИМ обеспечивается структурными характеристиками частей ОП (синтаксическими характеристиками сопоставляемых компонентов).

Степень полноты фиксации инвариантных параметров в СИМ определяется спецификой фольклорного жанра, типом ГТ параллельного построения, особенностями структурно-семантических модификаций ОП, показателями структурной полноты/неполноты параллельной конструкции.

Анализ разновидностей приема **по характеру соотношения модальных планов частей** основан на классификации типов модальности в репрезентации частей фольклорного текста, разработанной И.Ф. Амроян [Амроян 2005]. В СИМ **предикативной конструкции** выявлены два типа соотношения модальных планов частей: *идентичная (тождественная, симметричная)* и *неидентичная (нетождественная, несимметричная)*.

В частях образного параллелизма в текстах разных фольклорных жанров символический и реальный миры репрезентируются средствами реальной и

ирреальной модальности. Нетождественная модальность частей нарушает их структурную симметрию, но не отменяет смысловую и структурную сопоставимость художественных ситуаций на содержательном уровне.

При *идентичном* оформлении модальных планов частей модальность параллелей репрезентируется средствами реальной (реже – ирреальной) модальности. Репрезентация символического, макрокосмического мира и реального, микрокосмического мира средствами *реальной модальности* выражается в модификации *<как> происходит А, <так сходно> происходит Б*. Репрезентация сопоставительных отношений средствами реальной модальности выражается структурными показателями *как..., так сходно...*. Репрезентация символического, макрокосмического мира и реального, микрокосмического мира средствами *ирреальной модальности* выражается в конструкции *<как> пусть происходит А, <так сходно> пусть происходит Б*. Репрезентация сопоставительных отношений средствами ирреальной модальности выражается структурными показателями *как пусть..., так сходно пусть...*.

В классическом образном параллелизме структурные показатели сопоставительных отношений средствами реальной модальности *как..., так сходно...* не объективируются: в СИМ показаны знаком *<...>*. При этом специфика чистых, не осложненных нарушением структурной симметрии формул классического параллелизма состоит в том, что желаемое выдается за действительное: то, что должно произойти в реальном мире и – соответственно – является метацелью параллельного построения, как правило, преподносится в структуре образного параллелизма как реально существующий факт.

Грамматические показатели способов оформления модальных планов частей приема реализуются на основе функциональных компонентов, что определенным образом определяет характер репрезентации в фольклорном тексте гипертемы, имеющей функциональную природу.

В параллелизмах предикативных конструкций выявлены **три типа соотношения** модальных планов частей образного параллелизма: (I) идентичная (симметричная) репрезентация параллельных миров средствами реальной

модальности; (II) идентичная (симметричная) репрезентация параллельных миров средствами ирреальной модальности; (III) неидентичная (асимметричная) репрезентация параллельных миров средствами реальной модальности в символической части и ирреальной модальности в реальной части. Принцип сопоставления реализуется на основе сходства параметров миров: символического, макрокосмического и реального, микрокосмического. Данные представлены в *Приложении 1 «Типология структурных инвариантных моделей образного параллелизма по характеру соотношения модальных планов его частей»*.

ОП имеют положительную и отрицательную формы.

Грамматические показатели сопоставления параметров параллельных макромира А и микромира Б могут иметь имплицитное выражение (условное обозначение <...>) или эксплицитное выражение.

На основе анализа текстов разных фольклорных жанров выявлены следующие модификации СИМ. Семь ГТ и СИ и способы их объективации получают выражение в **СИМ образного параллелизма предикативных конструкций**.

Гипертема интегрирует все структурно-семантические модификации образного параллелизма (классическая с <...>; трансформированная с <...> и без <...>; формализованная с экспликацией грамматических средств сопоставления параметров миров), СИМ которых дифференцируются также по трем типам оформления модальных планов частей (условное обозначение – I, II, III). На уровне интегрирующей семиотической вертикаль гипертемы различия между классическими, трансформированными и формализованными структурно-семантическими модификациями образного параллелизма нивелируются.

Полнота реализации возможных вариантов параллельного построения дифференцирует локальные фольклорные традиции, фольклорные жанры и т. д.

1) Параллелизм акций, действий (акциональные параллелизмы):

ГТ «**пусть произойдет определенное действие**»; СИ «**происходит А, происходит Б**»; СИМ имеет 12 модификаций:

I: <как> происходит А, <так сходно> происходит Б // <как> происходит А, так сходно происходит Б // как происходит А, <так сходно> происходит Б // как происходит А, так сходно происходит Б;

II: <как> пусть происходит А, <так сходно> пусть происходит и Б // <как> пусть происходит А, так сходно пусть происходит и Б // как пусть происходит А, <так сходно> пусть происходит и Б // как пусть происходит А, так сходно пусть происходит и Б;

III: <как> происходит А, <так сходно> пусть происходит и Б // <как> происходит А, так сходно пусть происходит и Б // как происходит А, <так сходно> пусть происходит и Б // как происходит А, так сходно пусть происходит и Б.

2) Параллелизм состояний (процессуальные параллелизмы):

ГТ **«пусть возникнет определенное состояние»**; СИ «состояние А, состояние Б»; СИМ имеет 12 модификаций:

I: <каково> состояние А, <таково сходно> состояние Б // <каково> состояние А, таково сходно состояние Б // каково состояние А, <таково сходно> состояние Б // каково состояние А, таково сходно состояние Б;

II: <каково> пусть будет состояние А, <таково сходно> пусть будет и состояние Б // <каково> пусть будет состояние А, таково сходно пусть будет и состояние Б // каково пусть будет состояние А, <таково сходно> пусть будет и состояние Б // каково пусть будет состояние А, таково сходно пусть будет и состояние Б;

III: <каково> состояние А, <таково сходно> пусть будет и состояние Б // <каково> состояние А, таково сходно пусть будет и состояние Б // каково состояние А, <таково сходно> пусть будет и состояние Б // каково состояние А, таково сходно пусть будет и состояние Б.

3) Параллелизм качества (параллелизмы атрибутивных параметров):

ГТ **«пусть возникнет определенное качество»**; СИ «качество А, качество Б»; СИМ имеет 12 модификаций:

I: <каково> качество А, <таково сходно> качество Б // <каково> качество А, таково сходно качество Б // каково качество А, <таково сходно> качество Б // каково качество А, таково сходно качество Б;

II: <каково> пусть будет качество А, <таким сходным> пусть будет и качество Б // <каково> пусть будет качество А, таким сходным пусть будет и качество Б // каково пусть будет качество А, <таким сходным> пусть будет и качество Б // каково пусть будет качество А, таким сходным пусть будет и качество Б;

III: <каково> качество А, <таким сходным> пусть будет и качество Б // <каково> качество А, таким сходным пусть будет и качество Б // каково качество А, <таким сходным> пусть будет и качество Б // каково качество А, таким сходным пусть будет и качество Б.

4) Параллелизм количества (параллелизмы квантитативных параметров):

ГТ «пусть возникнет определенное количество»; СИ «количество А, количество Б»; СИМ имеет 12 модификаций:

I: <сколько> количество А, <столько сходно> количество Б // <сколько> количество А, столько сходно количество Б // сколько количество А, <столько сходно> количество Б // сколько количество А, столько сходно количество Б;

II: <сколько> пусть будет количество А, <столько сходным> пусть будет и количество Б // <сколько> пусть будет количество А, столько сходным пусть будет и количество Б // сколько пусть будет количество А, <столько сходным> пусть будет и количество Б // сколько пусть будет количество А, столько сходным пусть будет и количество Б;

III: <сколько> количество А, <столько сходным> пусть будет и количество Б // <сколько> количество А, столько сходным пусть будет и количество Б // сколько количество А, <столько сходным> пусть будет и количество Б // сколько количество А, столько сходным пусть будет и количество Б.

5) Параллелизм локусов (параллелизмы локальных параметров):

ГТ «пусть нечто произойдет в определенном локусе»; пусть спасет/защитит определенный локус»; СИ «локус осуществления А, локус осуществления Б»; СИМ имеет 12 модификаций:

I: <где> локус осуществления А, <там сходно> локус осуществления Б // <где> локус осуществления А, там сходно локус осуществления Б // <где> локус

осуществления А, там сходно locus осуществления Б // где locus осуществления А, там сходно locus осуществления Б;

II: <где> будет locus осуществления А, <там сходно> пусть будет и locus осуществления Б // <где> пусть будет locus осуществления А, там сходно пусть будет и locus осуществления Б // где пусть будет locus осуществления А, <там сходно> пусть будет и locus осуществления Б // где пусть будет locus осуществления А, там сходно пусть будет и locus осуществления Б;

III: <где> locus осуществления А, <там сходно> пусть будет и locus осуществления Б // <где> locus осуществления А, там сходно пусть будет и locus осуществления Б // где locus осуществления А, <там сходно> пусть будет и locus осуществления Б // где locus осуществления А, там сходно пусть пусть будет и locus осуществления Б.

б) Параллелизм условий, при соблюдении которых что-либо может осуществиться, причем условие может быть выполнимым и невыполнимым:

ГТ «пусть осуществляются определенные условия»; СИ «условия осуществления А, условия осуществления Б»; СИМ имеет 12 модификаций:

I: <когда/если> осуществляются условия А, <тогда сходно> осуществляются условия Б // <когда/если> осуществляются условия А, тогда сходно осуществляются условия Б // когда/если осуществляются условия А, <тогда сходно> осуществляются условия Б // когда/если осуществляются условия А, тогда сходно осуществляются условия Б;

II: <когда/если> пусть осуществляются условия А, <тогда сходно> пусть осуществляются и условия Б // <когда/если> пусть осуществляются условия А, тогда пусть осуществляются и условия Б // когда/если пусть осуществляются условия А, <тогда сходно> пусть осуществляются и условия Б // когда/если пусть осуществляются условия А, тогда сходно пусть осуществляются и условия Б;

III: <когда> осуществляются условия А, <тогда сходно> пусть осуществляются и условия // <когда> осуществляются условия А, тогда сходно пусть осуществляются и условия Б // когда осуществляются условия А, <тогда сходно> пусть осуществляются и условия Б // когда осуществляются условия А, тогда сходно пусть осуществляются и условия Б.

7) Параллелизм темпоральных параметров (*сопоставление длительности* символического процесса, в непосредственной зависимости от которой находится осуществление желаемого):

ГТ «**пусть нечто продлится определенное время**»; СИ «время осуществления А, время осуществления Б»; СИМ имеет 12 модификаций:

I: <пока> длится время осуществления А, <до тех пор сходно> длится время осуществления Б // <пока> длится время осуществления А, до тех пор сходно длится время осуществления Б // пока длится время осуществления А, <до тех пор сходно> длится время осуществления Б // пока длится время осуществления А, до тех пор сходно длится время осуществления Б;

II: <пока> пусть длится время осуществления А, <до тех пор сходно> пусть длится и время осуществления Б // <пока> пусть длится время осуществления А, до тех пор сходно пусть длится и время осуществления Б // пока пусть длится время осуществления А, <до тех пор сходно> пусть длится и время осуществления Б // пока пусть длится время осуществления А, до тех пор сходно пусть длится и время осуществления Б;

III: <пока> длится время осуществления А, <до тех пор сходно> пусть длится и время осуществления Б // <пока> длится время осуществления А, до тех пор сходно пусть длится и время осуществления Б // пока длится время осуществления А, <до тех пор сходно> пусть длится и время осуществления Б // пока длится время осуществления А, до тех пор сходно пусть длится и время осуществления Б.

В образных параллелизмах **части предикативной конструкции** с учетом их жанрового и структурно-семантического разнообразия СИМ типологизируются на основе актуализации функционального и/или актантного (субъект-объектного), реже – периферийного компонентного состава частей ОП.

Приведем пример СИМ на материале формализованных модификаций. Анализ семиотической вертикали образного параллелизма топографии человеческого тела в лечебных заговорах позволяет сформировать **сводный перечень** версий параллелизма соматических образов без учета их повторов в СИМ, дифференцирующихся по СИ и гендерным вариантам. «В исчерпывающих

перечислениях называются все элементы <...>, отражающие *тенденцию заговора к полноте и универсальности описания, его энциклопедичность*» [Топорова 2005а: 95].

СИМ «параллелизма топографии человеческого тела в лечебных заговорах (сводный перечень) (55 версий // 4 версии; суммарный показатель версий параллелизма – 59) «пусть болезнь уйдет из *организма* человека: *тело, все тело, белое тельце, все тело белое, чистое тело, голова, буйная голова, белое лицо, очи, ясные очи, честные очи, брови, черные брови, белые брови, могучие плечи, руки, ноги, уши, спина, ноздри, кожа, подхребетная кость, подколенная жила, тридевять поднятых жил, поднятые жилы, кровь, алой кровь, горячая кровь, кости, белая кость, черное мясо, жилы, косточки-жилочки, суставы, тридевять суставов, мозги, зубы, зубные корни, челюсть, хресты, пяты, подпяты, колени, подколены, подколенные жилы, коски, все спойки, легкие, печень, кровяные печени, все печени, чужая печень, черная печень, безымянные пальцы, мягкие места – сердце, ретивое сердце, дума, скорби*» [Доброва 2020а: 203]: «Не было бы *более ни на коже, ни под кожей, ни в костях, ни в мозгах, ни в суставах, ни на легком, ни на печени, ни на сердце*» [Вятский фольклор 1994, № 498].

«Сводный перечень <...> отражает детализацию физической и духовной природы человека» [Доброва 2020а: 203]. Диада *тело/плоть – душа* является концептуальной основой параллелизма многослойной и полифункциональной топографии человеческого тела в его различных ВТР ОП.

В образном параллелизме с номинативными и акциональными перечнями реализуется **принцип малой дозировки информации** [Глушак 2008: 5–11]. В СИМ зафиксированы *два основных типа* компонентов вербальной парадигмы ОП: однословные компоненты и распространенные синтаксические построения. К примеру, в параллелизмах с акциональными перечнями, однословные глагольные компоненты (*ни пить, ни есть – ни жить, ни быть*) обеспечивают лаконичность, четкость и конкретность представления внешних, физических действий (*ни пить, ни есть*) и абсолютность, исчерпанность, терминальность представления бытийных действий (*ни жить, ни быть*). Построение образного параллелизма-перечня (полинома) на основе компонентов, представляющих распространенные

синтаксические построения (*отделаться от тоски делами, в парной бане париться, в поле разгуляться – с себя тоски и сухоты снять, отсидеться от тоски с родными, с добрыми людьми во беседы засиживаться*), не нарушает линейность конструкции и ведет к расширению ее смысла или в ряде случаев к смысловому дублированию (*в беседе наговориться, слова говорить, речи творить*), в том числе посредством ввода тавтологических конструкций с соблюдением синтаксического, морфологического, словообразовательного и семантического параллелизма (лексическая инерция (тавтология, или *figura etymologica*), повторы однокоренных слов (перечни со «сквозным» корнем) [Толстая 2005: 304] (*едой бы она не заедала, питьем она не запивала, в гульбе бы она не загуливала, во сне бы она не засыпывала – ни одного совета советовать, думами подумать, мыслями помыслить*). Использование тавтологических фигур приводит к порождению по аналогии слов и форм на основе ритмического принципа (глагол *часовать*, образованный по модели *дневать*, а также в субстантивной экспликации гипертемы прилагательное *сухотучая* (по аналогии с *тоскучая*), *рыды рыдучие* [Толстая 2005: 304], *кручина кручинская* [Майков 1869: 20, № 25]. Компоненты перечня в ВТР представлены в форме последовательного соединения *двух типов* компонентов вербальной парадигмы: однословных глагольных компонентов и распространенных синтаксических построений «<...> не могла бы безъ меня, раба Божіея Н., *ни жить, ни быть, ни дня дневать, ни часа часовать, ни питіємъ отпитися, ни дутьемъ отдуться и ни въ парной банѣ отпариться*» [Ефименко 1878: 139, № 2].

Единство **гипертемы второго типа**, направленной на означивание связи явлений, обуславливает дифференциацию СИМ в загадках и приметах по критерию образного выражения на материале параллельных миров в соответствии с функциональным назначением композиционных частей текстов обозначенных фольклорных жанров: означающего ОП – образной заместительной части загадки и приметоносителя в примете и означаемого ОП – ответа в загадке и прогноза или страховочной части в примете.

ОП с ГТ–2 организуются с меньшим разнообразием вариантов соотношения модальных планов композиционных частей. Во вторичном по эволюционно-генетическим показателям ОП с ГТ–2 указанный параметр не получает развития.

В примете выявлены два типа соотношения модальных планов частей ОП в каждой из СИМ: в обеих СИМ представлены идентичная (симметричная) репрезентация параллельных миров средствами реальной модальности и неидентичная (несимметричная) репрезентация параллельных миров средствами реальной модальности в части приема с макрокосмическими образами и средствами ирреальной модальности в части приема с микрокосмическими образами. Подобные построения также присущи параллельным построениям с ГТ–1 и наследуются в процессе эволюции параллельными построениями с ГТ–2. Не выявлена и не получает развития в параллельных построениях с ГТ–2 идентичная (симметричная) репрезентация параллельных миров средствами ирреальной модальности, выявленная на материале параллелизмов с ГТ–1.

ГТ параллелизма в примете «пусть будет обозначена устойчивая связь условий: означивание связи условий».

СИ «условие одного мира как приметоносите́ль является знаком условия другого мира как прогноза и толкования знака».

СИМ «<если> есть (было, будет) А (макрокосм), <значит> есть (было, будет) Б (микрокосм)»; выявлены 8 модификаций:

I. <если> есть (было, будет) А (макрокосм), <значит> есть (было, будет) Б (микрокосм) // если есть (было, будет) А (макрокосм), <значит> есть (было, будет) Б (микрокосм) // <если> есть (было, будет) А (макрокосм), значит есть (было, будет) Б (микрокосм); если есть (было, будет) А (макрокосм), значит есть (было, будет) Б (микрокосм);

II. <если> есть (было, будет) А (макрокосм), <значит> пусть есть (было, будет) Б (микрокосм) // если есть (было, будет) А (макрокосм), <значит> пусть есть (было, будет) Б (микрокосм) // <если> есть (было, будет) А (макрокосм), значит пусть есть (было, будет) Б (микрокосм); если есть (было, будет) А (макрокосм), значит пусть есть (было, будет) Б (микрокосм);

СИМ «<если> есть (было, будет) Б (микрокосм), <значит> есть (было, будет) А (макрокосм)»; выявлены 5 модификаций:

I. <если> есть (было, будет) Б (микрокосм), <значит> есть (было, будет) А (макрокосм) // если есть (было, будет) Б (микрокосм), <значит> есть (было, будет) А (макрокосм) // <если> есть (было, будет) Б (микрокосм), значит есть (было, будет) А (макрокосм); если есть (было, будет) Б (микрокосм), значит есть (было, будет) А (макрокосм);

II. <не>+императив (нельзя+инфинитив) Б (микрокосм), <значит> есть (было, будет) будет А (макрокосм).

В загадке выявлен один тип соотношения модальных планов частей приема: идентичная (симметричная) репрезентация миров средствами реальной модальности. Варианты соотношения модальных планов частей с использованием средств ирреальной модальности для энигматических текстов нерелевантны.

ГТ параллелизма в загадке «пусть будет определен (дешифрован) загадочный предмет: означивание связи предметов». СИ «предмет одного мира как образная часть загадки является знаком предмета другого мира как ответа и толкования знака»; выявлены две модификации СИМ:

«образная часть загадки (макрокосм) – ответ загадки (микрокосм)»;

«образная часть загадки (микрокосм) – ответ загадки (макрокосм)».

Сводные данные представлены в *Приложении 2 «Образные параллелизмы как знаки разных типов в жанрах русского фольклора».*

СИМ получает свое выражение в вариантах текстовых реализаций.

2.3.5. Варианты текстовых реализаций образного параллелизма

Варианты текстовых реализаций (ВТР) параллельных построений представляют собой разнообразные параллельные сочетания компонентов структурной инвариантной модели [Доброва 2018г: 34–37; 2022в], отличаются объектной, жанрово-интенциональной и гендерной дифференциациями.

ВТР дифференцируются по ряду критериев: по количественным показателям компонентов в частях (симметрия, асимметрия, доминанты асимметрии, максимальный показатель символических и реальных воплощений, максимальная асимметрия модели с доминантой символических и реальных воплощений) и амплитуде суммарных показателей параллелизма.

Лексические и грамматические способы репрезентации сопоставления макромира А и микромира Б – первичный имплицитный или вторичный эксплицитный – дифференцируют структурно-семантические модификации приема (классические, трансформированные и формализованные).

Гипертемы объединяют классические, трансформированные и формализованные ОП, выраженные поли- и монопредикативными единицами, выявляют характер их системных связей с формализованными модификациями, построенными на структурной основе *части* предикативной конструкции и содержательной основе *сужения* спектра символических связей при построении ОП.

Анализ материала исследования демонстрирует **вариативность** структуры в СИМ и ВТР по отношению к **инвариантности**, константности ГТ и СИ.

На материале исследуемого корпуса текстов выявлены **формульные дифференциации ОП**: объектная, жанрово-интенциональная, гендерная и др.

1. Объектная дифференциация параллельных формул

Объектная дифференциация ОП, связанная с количеством репрезентируемых объектов, обуславливает характер их гендерной маркированности.

Проиллюстрируем выявленную закономерность на материале образных параллелизмов с акциональными перечнями в любовных заговорах.

Репрезентация сферы **одного объекта** формирует гендерный вариант параллелизма – мужской, женский: мужской вариант «<...> так бы раб божий (имя) свою законную жену, рабу божью (имя), *лестил бы, жалел бы, стерег, берег*» [Вятский фольклор 1994, № 303]; женский вариант «<...> *такъ бы раба Божія (имя рекъ) бѣгала и искала меня, раба Божія (имя рекъ), <...> во уста бы цѣловала, руками обнимала, блудъ сотворила*» [Майков 1869: 13–14, № 11].

Репрезентация сферы двух объектов создает внегендерный или универсальный варианты параллельного построения.

Внегендерный вариант представляет сферу совместных действий двух объектов: «<...> пусть раб Божий Иван и раба Божья Анна *рубятся и режутся, и навсегда разойдутся*» [Аникин 1998: 160, № 842].

Универсальный вариант функционально обслуживает сферу двух объектов, поскольку может быть адресован как мужчине, так и женщине: «<...> сожги ретивое сердце **въ добромъ молодцѣ (или въ красной дѣвицѣ)**; *въ ѣствѣ бы не заедалъ, въ полѣ бы не загулялъ, въ питьѣ бы не запивалъ, во снѣ бы не засыпалъ, съ людьми бы не забаивалъ*» [Майков 1869: 16, № 16].

2. Жанрово-интенциональная дифференциация параллельных формул

Разновидности гипертем и семантических инвариантов обслуживают интенциональную направленность фольклорного жанра.

Жанрово-интенциональная дифференциация объективируется по разноаспектным характеристикам структурно-семантических модификаций ОП в границах разных фольклорных жанров; в границах одного фольклорного жанра в корпусах текстов разного функционального назначения (в любовных и лечебных заговорах и др.); в границах корпуса текстов одного функционального назначения, имеющих разную интенциональную направленность (в любовных заговорах формулы любовной болезни и любовной остуды и др.).

Проиллюстрируем закономерность на материале любовных заговоров разной интенциональной направленности: в формулах любовной болезни и остуды. СИ «*прогрессирующая процессуальность*» во внегендерном варианте СИМ в формулах **любовной болезни** реализуется в ОП с акциональными перечнями внешних и внутренних **состояний**, а в формулах **любовной остуды** реализуется в ОП с акциональными перечнями внешних и внутренних **действий**.

В формулах любовной болезни параллелизм внешних и внутренних состояний с СИ «*прогрессирующая процессуальность: внешние и внутренние состояния (в том числе и совместные)* как проявления любовной болезни» реализуется во внегендерном варианте СИМ. Внегендерный вариант ГР–4 // ГР–6

(1 версия // 1 версия; суммарный показатель версий параллелизма – 2) «пусть у мужчины и женщины *друг без друга головы болят* – пусть у мужчины и у женщины *друг без друга в ночь сна не будет*»: «<...> любилися между собой тѣ мужъ да жена другъ по другѣ. <...> *другъ безъ друга головы у нихъ болѣли, въ ночь сна другъ безъ друга не было*» [Ефименко 1878: 147, № 10].

В формуле любовной остуды параллелизм внешнего и внутреннего действий с СИ «прогрессирующая процессуальность: внешние и внутренние **действия** (в том числе и совместные) как проявления ненависти» реализуется во внегендерном варианте СИМ. Внегендерный вариант ГР–1,4 // ГР–1,5,7 (15 версий // 5 версий; суммарный показатель версий параллелизма – 20) «пусть мужчина и женщина *плохо живут, сидят вместе хребтами, стыкаются зубами, дерутся, щиплются, кровью обливаются, до кровавых ран убиваются, до крови добираются, рубятся, режутся, царапаются, плюются, харкаются, другу друга колотят, ножом поражают* – пусть мужчина и женщина *злятся, хулят, попрекают, цапаются, навсегда разойдутся*»: «Так бы раб божий (имя) и раба божья (имя) жили, вместо дружбы друг ко другу зло питали, друг друга хулили и попрекали» [Вятский фольклор 1994, № 269].

В концептуальном плане чувство любви, представленное в контексте совместных действий и состояний двух объектов, воспринимается носителями заговорной традиции как внешние и внутренние состояния, не сопровождающиеся активными действиями, а чувство ненависти представлено разнообразными и детализированными внешними и внутренними действиями, выражающими негативное отношение мужчины и женщины друг к другу.

Система жанрово-интенционального маркирования ОП отражает участки фольклорного мира, которые обретают признаки многогранного целого и воплощают перспективу исчерпывающей, стереоскопически-объемной, системно-размеренной картины фольклорного универсума во всех его базовых интенциях.

3. Гендерная дифференциация параллельных формул

В лингвофольклористике актуально исследование эволюции репрезентации гендера в фольклорных текстах [Доброва 2017в; Мудрая 2021; Топорков 2005].

Анализ **системы гендерной маркированности ОП** предполагает детальное изучение **комплекса факторов**, в которых выражена гендерная маркированность как часть семиотической системы репрезентации культурных смыслов.

Специфика системы (элементы и их связи, маркеры, показатели интенсивности) гендерного маркирования ОП определяется **комплексом факторов**: особенностями этапов реализации ОП, которые дифференцируются в аспекте гендерного маркирования; характером взаимосвязи гендерной дифференциации с другими видами формульной дифференциации (интенциональной и объектной) с учетом этапов реализации ОП; характером репрезентации протагониста (главного героя, центрального действующего лица) и/или репрезентации жертвы, на которую направлено действие; характером маркеров гендерной информации на определенном этапе реализации ОП; степенью интенсивности гендерного маркирования на разных этапах реализации ОП (по количественным показателям маркеров гендерной информации).

Со структурной точки зрения в семиотической системе гендерное маркирование формул представляет одну из разновидностей формульных дифференциаций наряду с интенциональной и объектной. Формулы различаются по гендерному, внегендерному и универсальному вариантам. Гендерные варианты репрезентируют сферу одного объекта. Внегендерный или универсальный варианты – сферы двух объектов. Внегендерный вариант представляет сферу совместных действий двух объектов. Универсальный вариант обслуживает сферу двух объектов, поскольку адресован как мужчине, так и женщине.

С функциональной точки зрения в гетерогенных семиотических механизмах, отражающих комплексное взаимодействие этапов реализации ОП с учетом их формульной дифференциации, гендерная дифференциация определяет особенности имплицитных и эксплицитных этапов реализации ОП, каждый из которых отличается маркерами гендерной информации. В гомогенных семиотических механизмах, отражающих детализацию культурных смыслов на определенном этапе реализации ОП, на основе определенного показателя формульной дифференциации ОП, культурные смыслы выявляются на основе

анализа соотношения вариантов формульных дифференциаций: интенциональная и объектная дифференциации определяют гендерную маркированность формулы, а также на основе сопоставления гендерных характеристик ОП.

Элементами системы гендерного маркирования являются инвариантные модели ОП, образованные реализацией маркеров гендерной информации на разных этапах. *Маркеры гендерной информации* – репрезентанты-носители, различители гендерных характеристик, позволяющие противопоставить члены двух рядов однородных формульных образований. *Этапы гендерного маркирования* – этапы реализации ОП, отличающиеся набором гендерных маркеров, при сопоставлении которых определяются гендерные характеристики ОП.

На каждом этапе выявлены специфические маркеры гендерной информации. В качестве маркеров гендерной информации *гипертемы* выступают способы ее экспликации (акциональное или субстантивное воплощение, наличие дублирования, параллельной организации, доминирование экспликации). В качестве маркеров гендерной информации *семантических инвариантов* – их набор. В качестве маркеров гендерной информации *структурной инвариантной модели* – количество символических и реальных версий, суммарный показатель версий параллелизма, спектр базовых физиологических, социальных и духовных потребностей мужчины и женщины, их внешних и внутренних акциональных проявлений и особенностей детализации, гендерная дифференциация сходных для мужчин и женщин действий, дифференциация представляющих различные акциональные сферы ГР в частях (функциональное назначение ГР и характер их закреплённости за частями). В качестве маркеров гендерной информации *вариантов текстовых реализаций* – количество версий в частях (симметрия, содержание и доминанты асимметрии, максимальный показатель внешних и внутренних проявлений), амплитуда суммарных показателей версий ОП.

Формирующиеся между элементами связи образуют **структуру системы** гендерного маркирования ОП. Синтагматические связи элементов представлены во внегендерных вариантах ОП линейным представлением совместных действий мужчины и женщины. Парадигматические связи элементов реализованы в

мужском и женском вариантах нелинейным выбором версий гендерной парадигмы. Иерархические связи элементов представлены в универсальном варианте единовременным вхождением мужского и женского вариантов в объединяющий их универсальный вариант. Связи элементов системы определяются *характером маркирования* в диаде «протагонист – жертва», *факторами маркирования* и *показателями интенсивности маркирования*.

Система гендерного маркирования заговорных формул имеет универсальную специфику в аспекте «протагонист – жертва» с маркированием жертвы. Поскольку формула функционально направлена на фиксацию результата действия, *характер гендерного маркирования* определяется не репрезентацией протагониста (главного героя), а репрезентацией жертвы, на которую направлено магическое действие (о диаде «протагонист – жертва» см. [Топорков 2005: 32–133; Крушевский 1998]). Гендерное маркирование жертвы определяет комплекс *факторов маркирования*, обуславливающих наличие маркеров гендерной информации на разных этапах организации ОП, и интенсивность гендерного маркирования на каждом этапе.

Параметр интенсивности гендерного маркирования, т. е. количества маркеров гендерной информации, зависит от этапа реализации ОП. *Интенсивность гендерного маркирования минимальна* на имплицитных этапах (ГТ и СИ) и *максимальна* на эксплицитных этапах (экспликация ГТ, СИМ и ВТР).

Рассмотрим систему *гендерного маркирования* образных параллелизмов с акциональными перечнями в любовных заговорах на примере *параллелизма внешнего и внутреннего действий* в формуле *любовной болезни* на основе СИ «*антиномия процессуальности и антипроцессуальности*». Гендерная специфика состояния любовной тоски как психического модуса сознания обуславливает формирование у мужчин и женщин разных физических и психических состояний.

Этапы реализации ОП характеризуются особенностями гендерного маркирования. ГТ универсальна. Способы экспликации ГТ, СИ, СИМ и ВТР отличаются гендерного маркирования и отражают особенности внешней и внутренней симптоматики любовной болезни мужчины и женщины. В СИ и СИМ выявлена *взаимосвязь гендерной дифференциации с другими видами формульной*

дифференциации: интенциональной и объектной. Интенциональный план определяет специфику объектного плана: формула любовной болезни реализует во всех вариантах сферу одного объекта. Интенциональный и объектный планы определяют гендерную маркированность формулы: гендерная маркированность отличает формулы любовной болезни, реализующие сферу одного объекта.

ГТ «*пусть женщина и/или мужчина испытывают сильное чувство*». **СИ** «*антиномия процессуальности и антипроцессуальности: лишение возможности производить внешние физические действия и лишение возможности остановить прогрессирующие внутренние переживания; антипроцессуальность физических действий и нарастающая процессуальность внутренних переживаний*». **СИМ** воплощается в **гендерных вариантах (женском и мужском)**.

СИМ параллелизма внешнего и внутреннего действий в формуле любовной болезни (**женский вариант**) **ГР–1,3,4 // ГР–1,5,6,7 (21 версии // 16 версий с отрицанием; суммарный количественный показатель версий – 37)** «*пусть женщина не может ни есть, ни пить, ни хлебом заесть, ни во еды заедать, ни во питии запивать, ни квасом запить тоску и печаль, пресным молоком напиться, спать бы ей – не заспать бы ей меня; ѣсть бы ей – не заѣсть бы ей меня; пить бы ей – не запить бы меня; ходить бы ей – не заходить бы меня, ни дутьемъ отдутия, прогуляться на ветру, отделаться от тоски делами, в парной бане париться, въ теплой парухѣ калиновымъ щелокомъ не смывала, шелковымъ вѣникомъ не спаривала, ни в поле разгуляться, ни гульбою загулять без раба Божия (имя рек), сном отоспаться, ни на кого бы не взирала, ни на отца, ни на мать, ни на брата, ни на сестру, ни на дядю, ни на тетку, ни на сосѣда, ни на сосѣдку – пусть женщина не может ни жить, ни быть, с себя тоски и сухоты снять, в беседе наговориться, ни думой задумываться, отсидеться от тоски с родными, ни с добрыми людьми во беседы засиживаться, ни слова говорить, ни речи творить, ни дня дневать, ни часу часовать, ни минуты миновать, пусть Бога не боится, людей не стыдится, никогда раба божьего не забывала, говорить бы ей – не заговорить бы меня*».

СИМ указывает на образный параллелизм в плане удовлетворения базовых физиологических потребностей (лишение пищи, питья, движения и сна),

социальных потребностей в коммуникации (лишение общения, социальная изоляция) и *духовных* потребностей (отсутствие веры, нравственных запретов). Наблюдается целенаправленное системное воздействие, которое носит тотальный характер, парализуя человека, лишая его активности и жизнеспособности по всем без исключения спектрам физиологии и психологии. *Женщина в физическом плане* лишается возможности дышать, принимать пищу и питье, видеть, работать, спать, гулять, ухаживать за собой, передвигаться; *в психическом плане* лишается возможности жить в каждую единицу времени, говорить, общаться, контролировать свои чувства и эмоции, лишается веры (отречение от Христа) и нравственных начал (отречение от близких). Структура параллелизма-перечня объединяет формулы-обеты (обет воздерживаться от пищи и питья в трех его смысловых модификациях: лишить пищи и питья, помнить во время трапезы, мучиться голодом и жаждой без возможности их утолить (наесться и напиться); отсутствие сна; помнить при любых действиях) и формулы отречения (отречение от Христа, отца, матери и других родственников, небесных светил (природных явлений) [Топорков 2005: 129; 142–144; 150]. Объединение формул-обетов как разновидностей физиологических ограничений и формул отречения как вариантов социальной изоляции в перечень, структурированный по параллельным рядам, включает их в особый контекст, в рамках которого они репрезентируются не изолированно, а в значимом соотношении с единой гипертемой, что выявляет физиологические и психические параметры жизнеспособности человека, ценности сакрального и социального порядка. Гетерогенный характер формул-отречений как отказа от духовных (отречение от Христа), нравственных (отречение от отца, матери и других родственников) и природных (отречение от природных явлений) сфер [Топорков 2005: 150–151] создает содержательную основу ОП. Объединение формул позволяет раскрыть многогранность человеческой природы.

Анализ ГТ, СИ и СИМ выявляет дифференциацию ГР в частях ОП. Эксплицитная ГТ представлена ГР–5,6 без отрицания; ГР в частях используются с отрицанием: в символической части ГР–1,3,4 // в реальной части ГР–1,5,6,7. ГР–5,6 отмечены и в эксплицированной гипертеме, и в реальной части. ГР–1 выявлен и в символической, и в

реальной параллелях. ГР–3,4 отличает символическую параллель, ГР–7 – реальную часть. Не используются лексемы ГР–2. В СИМ количество символических и реальных версий представлено в целом пропорционально (21//16), но с доминантой внешних проявлений.

ВТР демонстрируют эксплицитное (акциональное или субстантивное) воплощение гипертемы: «<...> не могла бы она безъ р. б. Н. *не жить, не быть, не пить, не исъ, во снѣ не засыпала, во питіи не запивала, во ѣды не заѣдала, съ добрыми людьми во бесѣды не засиживала, все меня р. б. Н. на умѣ держала*» [Ефименко 1878: 140, № 4]; в том числе в субстантивном и тавтологическом воплощении [Майков 1869: 20, № 25]. Эксплицитная гипертема может быть репрезентирована в параллельной формуле: внутреннее состояние (*тосковала и горевала*) и его внешние проявления (*идти и слезно плакать*), что несвойственно мужскому варианту. Параллелизм перечисления в каждой из частей опирается на грамматическую инерцию и выражается в нанизывании одинаковых грамматических (словоизменительных) форм имени и глагола на основе грамматического (словообразовательного, морфологического и синтаксического) параллелизма. Синтаксическая конструкция состоит из глагольной формы с отрицанием и зависящей от нее именной предложной или беспредложной формы, выполняющей роль обстоятельства действия. Представлена «инерция» словоизменительных форм итеративного глагола в прошедшем времени единственного числа женского рода (*заедала, запивала, загуливала, смывала, спаривала – засыпывала*) и форм творительного падежа единственного числа существительных со значением средства (*едой, питьем, щелоком*) или инструмента (*веником*) действия, предложных форм существительных с локативным или темпоральным значением (*в гульбе, в теплой парусе – во сне*); представлено словообразовательное нанизывание итеративных глаголов с приставкой *за-*, имеющих нестандартное значение ‘забывать о ком-л., совершая соответствующее действие’ [Толстая 2005: 304]: «<...> чтобы красная дѣвица (имя рекъ) **тосковала и горевала** по (имя рекъ) во снѣ *суточные* въ двадцать-четыре часа, ѣдой бы не заѣдала, питьемъ она не запивала, въ гульбѣ бы она не загуливала, и во снѣ бы она не засыпывала, въ *теплой парусѣ калиновымъ щелокомъ* не смывала, *шелковымъ вѣникомъ* не спаривала, **пошла, слезно плакала**» [Майков 1869: 10, № 3].

ВТР с имплицитной гипертемой: «<...> она раба божія (имя рекъ) не могла бы *не жить, не быть, не пить, не истъ, не слова говорить, не речи творить*, безъ меня, раба божія (имя рекъ)» [Ефименко 1878: 139, № 1].

В *квантитативном отношении* различные по количественным показателям компонентов в частях ВТР разнообразны и отмечены в единичном употреблении, дважды встретились формулы соотношения параллелей 2:4; 3:3; 4:4. Преобладают асимметричные модели с доминантой *внутренних* проявлений. Максимальный показатель внешних и внутренних проявлений идентичен – 5. Максимальная асимметрия модели реализуется с доминантой внешних проявлений – 5:1. Отмечены три симметричные модели (1:1; 3:3; 4:4). *Амплитуда суммарных показателей параллелизма* на уровне ВТР (от восьми до двух): максимальный показатель параллелизма в сумме компонентов частей – восемь (формулы 4:4; 5:3), минимальный – два (формула 1:1).

СИМ параллелизма внешнего и внутреннего действий в формуле описания любовной болезни (**мужской вариант**) ГР–1,3,4 // ГР–1,6,7 (2 версии // 31 версий // 17 версий с отрицанием; суммарный количественный показатель версий параллелизма – 50): «*пусть тоску ветром в поле не задувало, песком не засыпало – пусть мужчина не может рабу Божью ходить и переходить, ни пить, ни есть, ел – не заедал, пил – не запивал, ни свету глядеть, ни игры заводить (заигрывать), в табаке не закуривал, в еде не заедал, в вине и в пиве не запивал, ничем не занимал, в шестой ступне не заступывался, гулянкой не загуливал, нигде бы не засиживал, с подругами не засиживал, не захаживал, в ногах не затаптывал, в бане веником не схлопывал, в бане веником не выпаривало, мылом не смыливал, водой не смачивал, в бане не запаривался, мылом не замыливал, чистой водой не окачивал, ключика не нахаживал, замочка не отпирывал, нигде никогда не задерживался, не отходил от этого дома и от меня, в пиру сидеть, в крепком сне не засыпать, ни на соби плат(ь)я носить – пусть мужчина не может ни жить, ни быть, дня бы не дневал, ночи не ночевал, часу не часовал, минуты не миновал (коротал), ни коим словом обходить, с друзьями не заговаривал, в думе не задумывать, ни думу думать, ни мыслью мыслить, разговором не заговаривал, в мольбе не замаливал, с другими девицами не знаваться, не забывал*».

Суммарный показатель версий параллелизма выше в мужском варианте, что свидетельствует о большей детализации воздействий на мужчину.

СИМ указывает на параллелизм в плане удовлетворения *физиологических* потребностей (лишение пищи, питья, движения и сна, возможности визуального восприятия мира, курить, употреблять алкогольные напитки, пировать, ухаживать за подругами, находить ключи, отпирать замки), *социальных* потребностей в коммуникации (лишение общения, социальная изоляция) и *духовных* потребностей (отсутствие веры, нравственных запретов). *Мужчина в физическом плане* теряет возможность принимать пищу и питье, курить, работать, передвигаться, видеть, спать, гулять, ухаживать за собой, носить одежду; *в психическом плане* лишается возможности жить в каждую единицу времени, общаться, контролировать свои чувства, лишается веры и нравственных начал.

У мужчин детализирован спектр внешних акциональных проявлений любовной тоски: кроме сходных с женским вариантом ограничений, мужчина лишается возможности курить, ухаживать за подругами, совершать различные действия (находить ключи, отпирать замки). Дифференцируются по гендерным показателям сходные действия: женщина лишается возможности принимать воду, квас, молоко, мужчина – пиво, вино; женщина не может спать, мужчина лишается качества крепкого сна. На женщину оказывается более интенсивное и губительное воздействие, чем на мужчину: она в принципе не может принимать жидкость и спать, мужчина же не может принимать алкогольные напитки, у него снижается качество сна. У женщин доминирует социальная изоляция, у мужчин преобладает отсутствие возможности осуществлять физическую (ходить, видеть) и интеллектуальную (думать) деятельность.

Анализ ГТ, СИ и СИМ выявляет дифференциацию ГР в частях формулы. Гипертема в ее эксплицитном выражении представлена ГР–5,6 без отрицания; ГР в частях параллелизма используются с отрицанием: в символической части ГР–1,3,4 // в реальной части ГР–1,6,7. ГР–1 отмечены и в символической, и в реальной части параллелизма. ГР–3,4 – только в символической, ГР–6,7 – только в реальной части. ГР–5 используются исключительно в гипертеме. ГР–6 отмечены и в гипертеме, и в реальной части параллелизма. Не используются лексемы ГР–2.

Гендерная маркированность определяется назначением ГР (экспликация гипертемы, реальная или символическая параллель) и характером закреплённости ГР за частями ОП. Гендерная маркированность наиболее ярко проявляется в использовании компонентов, репрезентирующих эмоционально-чувственную сферу объекта магического воздействия, которая доминирует в женских версиях: в женском варианте ГР–5 и эксплицирует гипертему, и формирует реальную параллель, в мужском варианте участвует только в экспликации гипертемы.

В СИМ, представляющей мужской вариант, доминируют символические версии (внешние действия), которые, в отличие от женского варианта, превышают количество реальных версий (внутренних действий) в два раза.

ВТР демонстрируют эксплицитное акциональное и субстантивное воплощение гипертемы и в мужских, и в женских вариантах. В мужских вариантах доминирует эксплицитное воплощение гипертемы. Значимость экспликации гипертемы актуализируется ее частотным дублированием. Женские варианты, напротив, отличает пропорциональное соотношение эксплицитных и имплицитных гипертем, а также несвойственная мужским вариантам экспликация гипертемы. В мужских вариантах акцент сделан на объективацию гипертемы, а в женских – на многообразие ее воплощений в физической и психической сферах.

ВТР демонстрируют эксплицитную (акциональную или субстантивную) гипертему: «Напускаю я тоску на раба, божьего (имя), чтобы он **тосковал о рабе божьей (имя)** <...>, в питье бы не запивал, в еде бы не заедал, в мольбе не замаливал, в ногах не затапывал [Вятский фольклор 1994, № 232]; с дублированием в субстантивном воплощении [Вятский фольклор 1994, № 214].

В *квантитативном отношении* различные по количественным показателям компонентов в частях приема ВТР разнообразны и отмечены, как правило, в единичном употреблении. Дважды встретилась формула 3:1. В отличие от женского варианта, преобладают асимметричные модели с доминантой *внешних* проявлений. Максимальный показатель внешних и внутренних проявлений неидентичен: внешних – 7; внутренних – 3. Максимальная асимметрия модели реализуется, как и в женском варианте, с доминантой внешних проявлений – 7:1.

Отмечены две симметричные модели (2:2; 3:3). Не выявлены асимметричные модели с доминантой внутренних проявлений. *Амплитуда суммарных показателей параллелизма* на уровне ВТР в мужском варианте менее разнообразна (от восьми до четырех): максимальный показатель в сумме компонентов частей – восемь (формула 7:1), минимальный – четыре (формула 2:2).

Мужской вариант наиболее детально разработан в сборнике Вятского фольклора и в собрании русских заговоров и заклинаний под редакцией В.П. Аникина, женский вариант – в Олонецком сборнике и в сборнике Л.Н. Майкова, выводы, полученные на материале образного параллелизма, идентичны результатам исследования эволюции гендерного аспекта формул любовной болезни, выявленной А.Л. Топорковым: в XVII–XVIII тоска почти всегда насыщалась на женщин, в поздних традициях – и на мужчин [Топорков 2005: 178].

Систематизация факторов, в которых на разных этапах реализации ОП находит выражение их гендерная маркированность, обогащает представление о гендерной информации как значимом участке целостного и многогранного фольклорного мира. Гендерная специфика психофизической целостности человека находит воплощение в ОП: целостность человеческой природы отражена в гипертеме, а ее двунаправленное психофизическое выражение – в параллельных частях ОП, отражающих соответствующие психические и физические состояния.

2.4. Функциональный аспект семиотической системы

С функциональной точки зрения в семиотической системе определены **два типа механизмов репрезентации культурных смыслов**, обеспечивающих целостность параллельной формулы как единого семиотического образования: **гетерогенные и гомогенные**. Поскольку поведение любой части системы определенным образом влияет на поведение других ее частей, анализ механизмов при оценке функционирования любого элемента вскрывает сущностные связи, формирующиеся между элементами семиотической системы в целом.

2.4.1. Гетерогенные механизмы репрезентации культурных смыслов в образном параллелизме

Гетерогенные семиотические механизмы репрезентации культурных смыслов отражают **комплексное взаимодействие** основных этапов порождения и восприятия ОП: ГТ, СИ, СИМ и ВТР с учетом их жанрово-интенциональной, тематической, гендерной, объектной и др. формульных дифференциаций. Анализ системного характера эволюции семиотических основ ОП объективирует значимую закономерность: *формульная дифференциация определяет особенности имплицитных и эксплицитных этапов порождения и восприятия ОП.*

Исследование гетерогенных механизмов вскрывает специфику структурно-семантических модификаций образных параллелизмов, имеющих разную жанрово-интенциональную направленность в текстах одного фольклорного жанра и в текстах разных фольклорных жанров, в том числе с учетом тематического многообразия макро- и микромиров [Доброва 2004].

2.4.2. Гомогенные механизмы репрезентации культурных смыслов в образном параллелизме

Анализ гомогенных семиотических механизмов представлен в статье «Внутриуровневые семиотические механизмы репрезентации культурных смыслов в фольклорных формулах» [Доброва 2018: 14–22].

Гомогенные семиотические механизмы отражают детализацию значимых культурных смыслов на определенном этапе порождения или восприятия ОП; на основе определенного показателя формульной дифференциации ОП. Осуществлено «сопоставление способов экспликации гипертемы, семантических инвариантов, показателей структурных инвариантных моделей, показателей текстовых формульных реализаций; сопоставление интенциональных, гендерных, объектных характеристик формул» [Доброва 2018: 16].

Анализ гомогенных семиотических механизмов интенциональных, гендерных и объектных дифференциаций ОП продемонстрируем на материале ОП с акциональными перечнями внешних и внутренних действий в любовных заговорах.

Выявлены *три вида корреляций* формульных дифференциаций этапов порождения и восприятия ОП.

1. *Объектная дифференциация коррелирует с гендерной дифференциацией параллельной формулы.* Репрезентация сферы одного объекта формирует гендерный вариант формулы – мужской или женский. Репрезентация сферы двух объектов создает внегендерный или универсальный варианты. Внегендерный вариант представляет сферу совместных действий двух объектов. Универсальный вариант обслуживает сферу двух объектов, поскольку адресован как мужчине, так и женщине.

2. *Жанрово-интенциональная дифференциация коррелирует с объектной дифференциацией параллельной формулы.* Разнонаправленные по своим интенциональным установкам формулы любовной болезни и любовной остуды в проекции на объектную дифференциацию ОП отличаются универсальностью и реализуют сферу одного или двух объектов магического воздействия.

3. *Жанрово-интенциональная дифференциация коррелирует с гендерной дифференциацией параллельной формулы.*

Соотношение жанрово-интенциональной и гендерной дифференциации имеет особенности. Формулы любовной болезни реализуют все разновидности гендерного маркирования: гендерные, внегендерный и универсальный варианты. Формула любовной остуды отличается его ограниченным спектром: представлена в гендерных и внегендерном вариантах. Универсальный вариант не выявлен.

Соотношение интенциональной, гендерной и объектной дифференциаций ОП обуславливают значимую закономерность детализации культурных смыслов в семиотической системе: *интенциональная и объектная дифференциации определяют гендерную маркированность ОП* [Доброва 2018: 17–18].

Интенциональные версии формул отличаются гендерной маркированностью. В формулах любовной болезни и остуды представление сферы *одного объекта* формирует *гендерный вариант формулы – мужской или женский*.

В формуле любовной болезни параллелизм внешнего и внутреннего действий с СИ *«антиномия антипроцессуальности физических действий и нарастающей процессуальности внутренних переживаний»* реализуется в двух гендерных вариантах СИМ (см. полные версии СИМ выше). *Женский вариант* (21 версия // 16 версий; суммарный показатель версий – 37): *«<...> напущу на нее тоску тоскущую, кручину кручинскую; ѣдами бы она не заѣдала, питьемъ бы она не запивала, думой бы она не задумывала»* [Майков 1869: 20, № 25]. *Мужской вариант* (2 версии // 31 версий // 17 версий с отрицанием; суммарный показатель версий – 50): *«<...> чтобы вспомнил раб божий (имя) обо мне, рабе божьей (имя), в это время, чтоб он меня в еде не заедал, в питье не запивал, в крепком сне не засыпал, в думе не задумывал»* [Вятский фольклор 1994, № 214].

В формуле любовной остуды параллелизм внешнего и внутреннего действий с СИ *«прогрессирующая процессуальность: внешние и внутренние действия (в том числе и совместные) как проявления ненависти»* реализуется в двух гендерных вариантах СИМ. *Женский вариант* (1 версия // 3 версии; суммарный показатель версий – 4) *«пусть женщина кусается – пусть женщина мается, не милуется, бранится»*: *«<...> Так пусть раба божья (имя) с рабом божьим (имя) мается да кусается, не милуется, а только бранится»* [Вятский фольклор 1994, № 271]. *Мужской вариант* (14 версий // 5 версий; суммарный показатель версий параллелизма – 19) *«пусть мужчина небо видит, кусает, рвет, бьет, дерется, борется не на глаза, не на очи, блудит, гремит, царапает, щиплет, теребит, ее кровью умывается, плюет, харкает – пусть мужчина дурит, злится, шумит, ругает, рывкает»*: *«<...> так чтоб раб божий (имя) с рабой божьей (имя) дрался, ругался, царапался»* [Вятский фольклор 1994, № 272].

Репрезентация сферы двух объектов детерминирует *внегендерный* и *универсальный варианты*, которые дифференцируются в плане соотношения с интенциональными характеристиками формулы.

Внегендерный вариант представляет сферу действий двух объектов и интенционально не ограничен: отмечен в формулах любовной болезни и остуды.

В формулах любовной болезни параллелизм внешних и внутренних состояний с СИ *«прогрессирующая процессуальность: внешние и внутренние состояния (в том числе и совместные) как проявления любовной болезни»* реализуется во внегендерном варианте СИМ. *Внегендерный вариант* (1 версия // 1 версия; суммарный показатель версий – 2) *«пусть у мужчины и у женщины друг без друга головы болят – пусть у мужчины и у женщины друг без друга в ночь сна не будет»*: *«<...> любилися между собой тѣ мужъ да жена другъ по другѣ. <...> другъ безъ друга головы у нихъ болѣли, въ ночь сна другъ безъ друга не было»* [Ефименко 1878: 147, № 10]. **В формуле любовной остуды** параллелизм внешнего и внутреннего действий с СИ *«прогрессирующая процессуальность: внешние и внутренние действия (в том числе и совместные) как проявления ненависти»* реализуется во внегендерном варианте СИМ. *Внегендерный вариант* (15 версий // 5 версий; суммарный показатель версий – 20) *«пусть мужчина и женщина плохо живут, сидят вместе хребтами, стыкаются зубами, дерутся, щиплются, кровью обливаются, до кровавых ран убиваются, до крови добираются, рубятся, режутся, царапаются, плюются, харкаются, другу друга колотят, ножом поражают – пусть мужчина и женщина злятся, хулят, попрекают, цапаются, навсегда разойдутся»*: *«<...> Так бы раб божий (имя) и раба божья (имя) жили, вместо дружбы друг ко другу зло питали, друг друга хулили и попрекали»* [Вятский фольклор 1994, № 269].

Универсальный вариант реализует сферу двух объектов магического воздействия: может быть адресован и мужчине, и женщине. Но в плане интенциональной дифференциации функционально ограничен: реализован в формулах любовной болезни и не выявлен в формулах любовной остуды.

В формулах любовной болезни параллелизм внешнего и внутреннего действий с СИ *«антиномия антипроцессуальности физических действий и нарастающей процессуальности внутренних переживаний»* представлен в универсальном варианте СИМ. *Универсальный вариант* (4 версии // 1 версия с отрицанием); суммарный показатель версий – 5) *«пусть женщина (мужчина) не может ни в еде заедать, ни в питии запивать, ни в поле загулять, ни во сне*

засыпать – пусть женщина (мужчина) не может *с людьми говорить*»: «<...> сожги ретивое сердце въ добромъ молодцѣ (или въ красной дѣвицѣ); въ ѣствѣ бы не заедалъ, въ полѣ бы не загулялъ, въ питьѣ бы не запивалъ, во снѣ бы не засыпалъ, съ людьми бы не забаивалъ» [Майков 1869: 16, № 16].

Анализ семиотической системы раскрывает многослойную логику реализации и дифференциации ОП, механизмы моделирования и умножения культурных смыслов.

Выводы из второй главы

1. Применение семиотических подходов к исследованию эволюции образного параллелизма развивает идею С.Ю. Неклюдова и Е.Б. Артеменко о **наибольшем соответствии культурно-семиотического анализа** сущностной природе фольклорных формульных построений и базируется на достижениях науки, связанных с анализом **фольклорных текстов как знаковых образований**.

2. **Эволюционная семиология образного параллелизма** изучает системный характер развития его семиотических основ, ментальный подтекст семиогенеза ОП посредством реконструкции семиотической системы репрезентации культурных смыслов как в границах отдельной семиотической модификации, так и в цепи их эволюционных преобразований как единого целого.

3. В лингвофольклористике термин **семиогенез** в применении ОП обозначает эволюцию его семиотических основ, которая имеет системный характер и отражает развитие его символической знаковости, динамические характеристики этапов формирования семиотической вертикали, эволюцию формы и содержания.

4. ОП явился универсальным средством овеществления системы духовных стереотипов фольклора как ВМС. Опора на традицию Тартуско-Московской семиотической школы в анализе ВМС дает основание определить **ОП как знак и технику вторичной моделирующей системы, то есть системы символов**. Соответствие диалектической природы ОП сущности вторичных моделирующих семиотических систем определяется построением с их помощью **модели мира или его фрагментов**. ОП как знак ВМС, то есть семиотической системы, построенной на

основе естественного языка, отражает усложнение (удвоение) структуры знака. В ОП как знаке ВМС означаемое знака естественного языка, соотнесенного с миром природы, становится означающим, а означаемым – означаемое знаков естественного языка, соотнесенных с миром человека. ОП оказывается максимально семантически и структурно приспособленным к моделированию **сложных динамических смысловых структур**, которые посредством естественного языка непередаваемы. Системная реализация в фольклорном тексте ОП формирует фольклор как ВМС. **Новизна** реализуемых научных подходов определяется анализом символического знака ВМС с **двуплановым воплощением и формы, и содержания в образах параллельных миров**. С точки зрения **знакового статуса** ОП определен как *символический параллельный знак*, который представляет собой *бином в бинOME*.

5. **Семиотическая система репрезентации культурных смыслов** в ОП представляет внутренне организованное и упорядоченное единство связанных устойчивыми отношениями элементов на разных этапах его порождения и восприятия с учетом формульных дифференциаций. Семиотическая система исследована с двух основных точек зрения: **структурной и функциональной**.

6. **Со структурной точки зрения** в семиотической системе представления в ОП культурных смыслов разграничены **два основных исследовательских подхода**: исследование структуры двустороннего символического знака ОП как системы подсистем и исследование ОП как знаков разного типа, надсистемы подсистем.

Типологизированы этапы реализации и показатели дифференциации ОП. **Этапы реализации ОП** отражают его эволюционный аспект. Интеграция семиологического и психолингвистического подходов выявляет *этапы порождения и восприятия* ОП как знака ВМС. Порождение ОП осуществляется в последовательных этапах формирования его **семиотической вертикали**: *гипертема → семантический инвариант → структурная инвариантная модель → варианты текстовых реализаций*. Прочтение эволюционной цепи в обратном направлении демонстрирует восприятие ОП. **Показатели формульной дифференциации ОП** отражают его инструментальный, статический аспект: **жанрово-интенциональная, гендерная, актантная** и др.

7. **Новизна исследовательского подхода** определяется изучением эволюции этапов реализации приема в ее обусловленности **характером гипертем**. Выявлены два типа гипертем: **гипертема означивания явления** (ГТ–1) и **гипертема означивания связи явлений** (ГТ–2). Гипертема интегрирует все структурно-семантические модификации ОП и нивелирует их различия.

8. Семиогенез образного параллелизма демонстрирует отсутствие противоречия между аналитизмом формы и синкретизмом содержания. В семиотической вертикали ОП восприятие осуществляется от первоначального аналитизма бинарной формы ко все большему синкретизму, обусловленному единством гипертемы, от различия к тождеству и слиянию.

9. С **функциональной точки зрения** в семиотической системе определены **два типа механизмов репрезентации культурных смыслов**, обеспечивающих целостность ОП как семиотического образования. **Гетерогенные** семиотические механизмы отражают **комплексное взаимодействие** этапов реализации ОП и формульных дифференциаций. **Гомогенные** семиотические механизмы отражают детализацию культурных смыслов на определенном этапе реализации ОП; на основе определенного показателя формульной дифференциации ОП.

10. Анализ семиотической системы выявляет полистадиальную логику реализации и дифференциации ОП, механизмы и средства моделирования и умножения культурных смыслов. Семиогенез ОП объективирует **эволюцию связи означающего (формы) и означаемого (значения) с усилением идеальной и ослаблением материальной стороны** символического знака.

Главный признак семиогенеза и семиозиса образного параллелизма в фольклорных текстах – **«диахронная глубина» как сложная система фольклорной памяти**, объясняющая полипластовость и поликодовость фольклорного микротекста, построенного по принципу образного параллелизма.

Глава 3. Эволюционная морфология образного параллелизма

Эволюционная морфология образного параллелизма – это учение об эволюции системы символических модификаций (resp. качественно различных состояний, разновидностей) ОП, то есть системном характере его морфогенеза. Как компонент эволюционно-генетической теории развития ОП эволюционная морфология изучает системный характер развития его морфологических основ, ментальный подтекст морфогенеза ОП, закономерности формообразования и идентификационные показатели этапов развития продуцируемых им символических форм как в границах отдельной символической формы, так и во взаимосвязанной цепи эволюционных преобразований символических форм ОП как единого целого.

Термин *морфогенез* (др.-греч. μορφή – форма и γένεσις – возникновение; буквально формообразование) взят из биологии, в которой под морфогенезом понимается возникновение и развитие органов, систем и частей тела организмов в онтогенезе и филогенезе. В лингвофольклористической науке термин **морфогенез** в применении к образному параллелизму обозначает эволюцию его морфологических основ, которая имеет системный характер и объективируется в эволюции типов символической образности, структурно-семантических модификаций, моделей соотношения синтаксической организации приема с его содержательной стороной.

Эволюционная морфология ОП позволяет решить ряд задач. Во-первых, разработать типологию морфологических модификаций ОП. Во-вторых, исследовать морфогенез ОП на основе определения и анализа идентификационных показателей основных этапов развития его морфологических модификаций. В-третьих, определить их жанровый статус. В-четвертых, определить статус подвергнутых анализу параллельных построений в единой теории развития ОП. В-пятых, составить интегрированный каталог морфологических модификаций ОП.

Элементами надсистемы ОП как морфологических модификаций по данным морфогенеза ОП являются типы символической образности ОП: образ-символ, символическое действие, символическая картина; структурно-семантические модификации ОП: классические, трансформированные и

формализованные; инвариантные модели соотношения содержательной стороны и синтаксической организации ОП. **Структуру надсистемы** составляют устойчивые связи между ее элементами: синтагматические (отношения следования модификаций), парадигматические (отношения выбора модификаций) и иерархические (отношения вхождения модификаций меньших по объему в модификации большие по объему).

Жанровый статус символической модификации ОП различается по характеру ее функционирования в разных фольклорных жанрах. **Общежанровые** модификации выявлены во всех без исключения жанрах и имеют общежанровый (общефольклорный) статус. **Межжанровые** модификации выявлены в нескольких жанрах и имеют межжанровый статус. **Внутрижанровые** модификации выявлены только в одном жанре и имеют внутрижанровый статус.

3.1. Эволюция типов символической образности, созданных на основе образного параллелизма

3.1.1. Типы символической образности

Анализ динамики языковых основ ОП на материале текстов разных фольклорных жанров объективирует неоднородность фольклорной символики, образованной в его границах, и обуславливает актуальность разработки типологии, определения принципов разграничения, способов и механизмов формирования типов символической образности ОП. Неоднородный характер символа и необходимость дифференциации символического предмета и символического действия отмечались исследователями фольклорной символики [Колпакова 1962; 1977; Еремина 1978; 1991; Астафьева-Скалбергс 1969; 1971; Астафьева 1974; 1975; 1975а; 1981; Доброва 2004].

Материал исследования дает основания разграничить **три основных типа символической образности образного параллелизма** (условное обозначение – ТСО ОП): **образ-символ, символическое действие и символическую картину.**

Символическая образность представляет собой систему разных видов символического замещения, отличающихся функциональной направленностью.

«Виды символических замещений в границах приема обусловлены характером и особенностями символизируемой субстанции» [Доброва 2004: 26].

Символизируемое (означаемое) ОП имеет унифицированный характер: человек, персона; действия человека (обрядовое, физическое или связанное с изображением эмоционального состояния: опосредованное раскрытие чувств персонажа через изображение его физического состояния, внешнего поведения, отношения к другим персонажам или событий, с ним происходящих); эмоциональное состояние человека. Унифицированный характер символизируемого объективирует в ОП **узловые точки процесса символических замещений**.

Теоретическую основу выявления инвариантной модели реальной картины как символизируемого (означаемого) ОП составили научные положения о характере актантной структуры мифа [Мелетинский 1986: 21–22; 1991], типичных для фольклорных текстов актантных структур [Никитина 1993: 88], об описании ключевых слов как необходимом условии и инструменте анализа народно-поэтического текста, поскольку ключевые слова имеют существенную смысловую нагрузку, являются символами основных семиотических оппозиций и показателями жанра [Никитина 1993; 2005; Мелетинский 1970]. С.Е. Никитина выделяет два подхода к анализу фольклорного мира: через «портретирование» существительных и глаголов [Никитина 1993: 66, 99]. «Списки существительных задают статическую модель мира данного текста, глаголы характеризуют обобщенные отношения между частями этого мира» [Мелетинский 1970: 9–10; Кляус 2005].

Инвариантная модель реальной части (символизируемого, означаемого) ОП представляет ее содержательно ведущее предикативное звено:

субъект (актант) ← типовое действие (функция) → объект (актант).

Процесс символизации в ОП зиждется на соотношении актантных (субъект и объект) и/или функциональных (типовое действие, функция) компонентов частей.

Основу **принципов разграничения** ТСО ОП составляет набор компонентов, характеризующихся в частях ОП символическим типом соотношения.

1. Символический тип соотношения актантных компонентов частей ОП формирует **образ-символ** как ТСО: в частушке «*сосны – девчонки*» «На болоте

много *сосен*, / До одной коротеньки! / В Вечинцах *девчонок* много, / До одной хорошеньки!» [Астафьева 1987, № 3556].

2. Символический тип соотношения функциональных компонентов частей ОП формирует **символическое действие** как ТСО: в частушке *«жать, вязать (растение) – замуж выйти, мужа уважать» «Хорошо бы жито жать, / Да плохо снопики вязать. / Хорошо бы замуж выйти – / Надо мужа уважать»* [Астафьева 1987, № 3479]

3. Символический тип соотношения актантных и функциональных компонентов частей ОП формирует **символическую картину** как ТСО: в балладе *«сосна расшаталась – девица разыгралась» «У ворот сосна расшаталась, / Белая Донюшка разыгралась»* [Астахова 1963: 144].

Основные ТСО выполняют в ОП структурообразующую функцию. Символический тип соотношения периферийных компонентов (локализаторов, темпоральных компонентов, каузативов, атрибутов и др.) обслуживает функциональную сферу основных ТСО. Выявлены языковые способы и механизмы формирования ТСО, описание которых объективирует инвариантную модель строения и особенности развития их семантического комплекса.

В методике исследования учитывается сопоставительная природа компонентного состава частей ОП. Способы и механизмы формирования ТСО ОП выявлены на основе анализа особенностей **взаимосвязи** соотношения актантных и функциональных компонентов в частях ОП. Материал исследования продемонстрировал ведущую роль функциональных компонентов в организации семантического комплекса всех ТСО, что объясняется следующими причинами. Основу механизма формирования ТСО составляет константный набор глагольных компонентов частей ОП. Типовые соотношения функциональных компонентов дифференцируют ТСО. Соотношение функциональных компонентов на разных этапах формирования ТСО отличается значительно большей стабильностью. Актантные компоненты, напротив, в процессе эволюции ТСО меняют функциональную специализацию [Доброва 2004: 39–116]. Эволюция ОП направлена на символизацию внутреннего мира человека, репрезентируемую посредством соотношения функциональных компонентов ОП.

Основу описания способов и механизмов формирования ТСО ОП составила категориальная классификация глаголов, представленная в работах Е.Б. Артеменко и ориентированная автором на другие цели [Артеменко 1988: 26–31]. «Обозначенный Е.Б. Артеменко глагольный ряд ориентирован в основном на действия и состояния человека. В связи с этим возникает вопрос о возможности установления ряда аналогий между типовыми действиями, функциями природных объектов и человека, а также выявления на их основе определенных тенденций соотношения компонентов частей исследуемого приема. Можно думать, что для осуществления подобных транспозиций имеется ряд веских оснований. Во-первых, в структуре приема сопоставление образов из мира природы и мира человека происходит на базе общности (геср. параллелизма) их семантических признаков, в том числе и функциональных, благодаря чему целесообразным видится проведение соответствующих аналогий между типовыми действиями объектов природы и человека (например, в тематической группе образов «Животный мир: орнитонимы» глаголы со значением «издавать характерные крики, звуки» (*куковать, щекотать, рассвистаться, кликать* (птица) тяготеют к семе говорения в широком смысле и – соответственно – квалифицируются в границах приема как глаголы седьмого компонента глагольного ряда (ГР–7). Во-вторых, <...> распространен вариант антропоморфизации («очеловечивания») объектов макромира, связанный с наделением образов природы способностью производить действия, испытывать чувства и состояния, свойственные исключительно человеку, что на формальном уровне выражается, как правило, в наличии тождественных функциональных компонентов в обеих частях» [Доброва 2004: 29–30]: в исторической песне «*Соловей кукушку подговаривал, / Подговаривал, все обманывал* <...> / *Молодец девицу подговаривал, / Подговаривал, все обманывал*» [Игнатов 1970: 76, № 6]. В-третьих, ОП ориентирован на человеческую картину как означаемое, которое детерминирует природную часть.

Типовые модели соотношения компонентов ГР в частях ОП [ГР–№ (символизирующее) / ГР–№ (символизируемое)] составляют основу

разграничения образов-символов, символических действий и символических картин, объективируют механизмы формирования ТСО и их разновидностей.

3.1.2. Образ-символ как тип символической образности

Образы-символы как особый ТСО характеризуются символическим типом соотношения актантных компонентов и несимволическим типом соотношения функциональных компонентов в композиционных частях образного параллелизма.

В исследуемом корпусе фольклорных текстов разных жанров выявлены **три типовые модели соотношения компонентов ГР в частях ОП**, которые формируют образ-символ как ТСО и демонстрируют нейтрализацию в системе символических связей соотношение функциональных компонентов в частях ОП.

I. Доминирующей в организации образа-символа как ТСО является типовая модель ГР–1 (символизирующее) / ГР–1 (символизируемое).

Функциональные компоненты представлены в частях ОП глаголами со значением движения, положения и изменения положения в пространстве, бытия. В образах-символах глагольным лексемам, репрезентирующим функциональные компоненты ОП, присуще семантическое разнообразие.

1. Функциональные компоненты представлены в частях ОП глаголами движения: тождественными (*идти – идти, ходить – ходить; плавать – плавать* и др.); нетождественными (*вылетать – выскакивать; лететь – ехать; слетаться – съезжаться; плавать – ходить; поналететь – понаехать; катиться – идти; закатиться – перейти, съезжать* и др.): в былинах «(1) Молодой воробышек, не вылетывай, / (1) Молодой Добрыня, не выскакивай» [Гильфердинг 1873: 1321, № 313].

2. Функциональные компоненты представлены в частях ОП глаголами положения и изменения положения в пространстве: тождественными (*сидеть – сидеть, стоять – стоять; остановиться – остановиться; спать – спать* и др.); нетождественными (*лежать – сидеть* и др.): в обрядовой песне «(1) На горе стоит елка, / (1) На горе стоит Катюша» [Киреевский 1911: 133, № 442].

3. Функциональные компоненты представлены в частях ОП глаголами бытия (*расти, цвести* и т. д. – «бытие в процессе внутреннего движения»): тождественными (*расти – расти; уродиться – уродиться; оставаться (расти без верха) – оставаться – (жить без дочери)* и др.; нетождественными (*цвести, расти – жить; раскинуться, расцвести – расти, вырасти* и др.): в обрядовой песне «(1) *Земляничка спела... / На пригорочке росла, / Супроти солнца цвела. / (1) У нас то Анна умна. / На у матушки росла*» [Киреевский 1911: 134, № 447].

II. Образы-символы формируются с помощью сопоставления неакциональных глагольных лексем, выражающих посессивные отношения (принадлежности) между субъектом и объектом владения «*у кого-то что-то имеется (не имеется)*», или посредством безглагольных синтаксических конструкций на основе модели **ГР – 0**: в обрядовой песне «(0) *У красна солнца лучи ясные, / (0) У Петры-то у князя кудри русые*» [Киреевский 1911: 60, № 171]; в необрядовой песне «(0) *Сколько на печи пачины, / (0) Столько на сердце кручины*» [Киреевский 1917: 8, № 1186].

III. Образы-символы создаются посредством сопоставления тождественных глагольных лексем или наличием общей для частей ОП глагольной лексемы.

Выражение функциональных компонентов тождественными глагольными лексемами (условное обозначение – $\equiv$) характеризуется привлечением для формирования образа-символа разных компонентов ГР. Реализация типовой модели соотношения функциональных компонентов формирует два типа репрезентации образов макро- и микромиров, свойственных трансформации образного параллелизма на уровне формы.

1. Образы природы антропоморфизируются: **ГР–6 (символизирующее) $\equiv$ ГР–6 (символизируемое)** в песне «(6) *Не забудь меня, цветок, <...> / (6) Не забудь меня, мой друг*» [Печора 1963, № 75].

2. Образы подвергаются пластическому преобразованию: специфика действий персонажей одного мира представлена в вербальном обозначении действий, присущих персонажу другого мира: **ГР–1 (символизирующее) $\equiv$ ГР–1 (символизируемое)** в заговоре «*береза – девушка*» «(1) *Как березка цветет, кудрявится, (1) так чтобы раба божья (имя) так же бы цвела и кудрявилась*» [Вятский фольклор 1994, № 209].

Наличие общей для частей ОП глагольной лексемы обуславливает образование параллелизма части предикативной конструкции в ОП с номинативными перечнями: в балладе «(2) *Отведите-ка вы моих вороных коне моему батюшке, / Золоту казну – моей матушке, / Челобитьице – вы моей молодой жене, / Благословеньице – вы моим малым детушкам!*» [Русская баллада 1936: 145, № 132].

Сопоставление тождественных глагольных лексем реализуется посредством типовых моделей соотношения функциональных компонентов, представленных в каждой части сочетанием (условное обозначение – +) глагольных лексем двух разных компонентов ГР: в песне ГР–7+2 (символизирующее) $\equiv$ ГР–7+2 (символизируемое) «(7) *Хвалилась вот козушка / Перед серым волком: / (2) «Волчушка, серый зверек, / Ты меня не возьмешь». / (7) Молодому Никите Маринушка хвалилась: / (2) «Ты меня не возьмешь»* [ВНП 1991, № 130] и др.

Функциональная направленность ОП заключается в **актуализации символического типа соотношения актантных компонентов**. Наличие в частях семантически подобных глаголов, отличающихся общностью компонентов ГР, безглагольных синтаксических конструкций, характеризующихся отсутствием глагольных компонентов, тождественных глагольных лексем или общей для частей глагольной лексемы представляет несимволический тип соотношения функциональных компонентов. Исследуемые типовые модели соотношения компонентов ГР отражают способы нейтрализации функциональных компонентов в системе символических связей и создание образов-символов [Доброва 2004: 33].

Образы-символы не являются однородным образованием и в зависимости от выражения актантных членов дифференцируются на **разновидности**, которые отражают этапы эволюции ТСО, обусловленные динамикой народного миропонимания [Доброва 2004]: персонифицированные образы-символы; образы-символы, лишенные персонифицированного характера; абстрактные образы-символы.

I. Персонифицированный образ-символ и его разновидности

Персонификация макрообразов восходит к системе мифологических верований славян: «персонифицированные образы <...>, основанные на полном художественном

подобии, соответствии человеческого плана и природного, <...> участвуют в формировании специфического традиционного подтекста» [Венгранович 2011: 231].

Персонифицированные образы-символы – разновидность образа-символа, отличающаяся организацией символического замещения актантных компонентов в частях ОП, в результате которого макрокосмические образы становятся художественными персонификациями фольклорных персонажей.

Персонифицированные образы-символы фольклорных персонажей различаются **по ряду критериев**: по количественным показателям формирующихся символических замещений; по наличию или отсутствию их детализации; по конкретному или обобщенному характеру символических замещений; по показателям симметрии и асимметрии сопоставляемых в частях актантных компонентов; по наличию или отсутствию мультиплицирования символических замещений одного образа. Каждая разновидность персонифицированного образа-символа реализует присущее ей функциональное назначение.

В зависимости от **количественных показателей** символических замещений разграничены три разновидности персонифицированных образов-символов: **одиночные, парные и многокомпонентные**.

Одиночным является персонифицированный образ-символ, который формируется в ОП путем символического соотношения одного актантного компонента микрокосмической «человеческой» параллели (субъект, реже – объект) с одним актантным компонентом макрокосмической «природной» параллели, в результате такого сопоставления фольклорный персонаж получает символическое соответствие в макрокосмическом образе: в пословице «змея – сваха» «*Сваха лукавая, змея семиглавая*» [Даль 2000: 387]; в сказке «*Мороз-Красный-нос, Мороз-Синий-нос и Седой-Мороз – их старший брат или (скорее) отец*» [Кретов 2020: 184].

Парные и многокомпонентные персонифицированные образы-символы формируются в ОП **двумя способами**: введением нескольких символических образов на основе сочетания разных образов одной тематической группы и образов разных тематических групп или детализацией одного символического

образа, как правило, путем репрезентации в символической части образа природной реалии и составляющих ее частей.

Парными являются персонифицированные образы-символы, которые формируются в ОП путем символического соотношения двух актантных членов микрокосмической «человеческой» параллели (два субъекта или субъект и объект) с двумя образами макрокосмической «природной» параллели (два символических субъекта или символические субъект и объект).

Парные персонифицированные образы-символы образованы введением двух символических образов на основе сочетания разных образов одной тематической группы: в пословице *«сыр, калач – мать мачеха» «Сыр калача белее, а мать мачехи милее»* [Даль 1879: I, 498]; образов разных тематических групп: в исторической песне *«земля, порох – Платов, армия» «Да Платов с армией валит, / Земля с порохом горит»* [Исторические песни XIX века 1973: 99, № 147].

Парные персонифицированные образы-символы образованы посредством детализации образа символической параллели: в былине *«дуб, отростель – отец, сын» «Тут стояло-то дубище кокроковище. / У этого дубища один отростель, – / У меня-то у Данилы есть единый сын»* [Миллер 1908: 114, № 45]; сочетанием числительного два и существительных в форме множественного числа, репрезентирующих макро- и микрообразы, в том числе в составе символической параллели: в былине *«два ворона – два татарина» «Два цёрные ворона воскуркало, / Два поганные тотаришиша наехало»* [Григорьев 1904: 316, № 105]; сочетанием разных способов: в примете *«сугроб, вьюга – два друга» «Сугроб да вьюга – два друга»* [Рыженков 1992].

Сочетание разных способов создания персонифицированных образов-символов формирует **переходную** между парными и многокомпонентными образами-символами разновидность: по форме в парном образе-символе *«кто-то с кем-то»* второй актантный компонент выражен существительным в форме множественного числа, которая репрезентирует в тексте многокомпонентные персонифицированные образы-символы: в причитании *«утушки с утятами – матушки с дитятами» «Пойдут утушки с утятамы, / Пойдут матушки с дитятамы»* [РПК 1940: 181].

Многокомпонентными являются персонифицированные образы-символы, которые в ОП формируются путем символического соотношения трех и более актантных членов микрокосмической «человеческой» параллели (субъекты и/или объекты) с тремя и более образами макрокосмической «природной» параллели (символическими субъектами и/или объектами).

Многокомпонентные персонифицированные образы-символы образованы введением нескольких символических образов на основе сочетания образов одной тематической группы: в частушке *«цветочки, незабудочка – ребята, милый» «Все цветочки на лужочке – / Незабудочка в воде. / Все ребята дома ходят – / Мой-то милый на войне»* [Власова 1965, № 3508]; образов разных тематических групп: в загадке *«замок, ключ, заяц, ловец – Чермное море, жезл Моисея, народ, Фараон» «Замок водян, ключ деревян, заяц ушел, ловец. – Чермное море, жезл Моисея, народ его, Фараон»* [Даль 1879: I, 25]; посредством детализации одного образа символической параллели: в заговоре *«река, ее ручьи – девушка, женихи» «Сколько в реку ручьев, столько ко мне женихов»* [Вятский фольклор 1994, № 283]. Многокомпонентные персонифицированные образы-символы репрезентированы именами существительными в форме множественного числа: в пословицах *«пеньки – сынки», «кочки – дочки» «Сколько в поле пеньков, столько б вам сынков, а сколько кочек, столько б дочек»* [Даль 2000: 382]. Формируются сочетанием разных способов: в примете *«Ветеръ, вихрь и буря – три родные брата»* [Ермолов 1905: IV, 132].

По наличию детализации разграничены недетализированные и детализированные персонифицированные образы-символы.

Недетализированными являются персонифицированные образы-символы, которые в ОП создаются символическим замещением актантных компонентов, репрезентирующих целостные (без указания на составляющие их части) образы параллельных миров: в примете *«огонь – царь», «вода – царица» «Огонь – царь, вода – царица»* [Ермолов 1905: IV, 316].

Детализированными являются персонифицированные образы-символы, которые в ОП создаются символическим замещением актантных компонентов, репрезентирующих образы параллельных миров и составляющие их части.

Исследуемая разновидность ТСО отличается многофункциональностью: формирует детализированные одиночные персонифицированные образы-символы; парные, многокомпонентные и обобщенные персонифицированные образы-символы.

В границах персонифицированных образов-символов детализации подвергаются образы разных частей ОП и в разных вариантах их сочетания. Выявлены **разновидности детализированных персонифицированных образов-символов**: с детализацией макрокосмического образа; с детализацией микрокосмического образа; с детализацией макро- и микрокосмического образов; с детализацией одного из макрокосмических образов и микрокосмического образа; с детализацией одного из макрокосмических образов; с детализацией одного из микрокосмических образов. Каждая разновидность реализует присущее ей функциональное назначение.

Функция персонифицированных образов-символов **с детализацией макрообраза** состоит в создании детализированного одиночного персонифицированного образа-символа и раскрытии феноменов внутреннего мира героя, персонифицированного в образе природы: в причитаниях *«сова, перье – сиротка» «На сове-то перье пестрое, / А на сиротке платье розное»* [РПК 1940: 85]. Детализация природного образа создает основу для символизации абстрактной субстанции: в былине *«сокол, крылья – молодцы, дума»*; *крылья – абстрактный образ-символ думы «У ясных соколов крылья отросли, / У их-та, молодцов, думушки прибыло»* [Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым 1958: 66, № 10].

Персонифицированные образы-символы с детализацией природного образа формируют парные персонифицированные образы-символы, воплощающие семью: в былине *«дуб, листочки – сын, батюшка» «Не сырой дуб к земле клонится, / Не бумажные листочки расстилаются, / Расстилается сын перед батюшкой»* [Миллер 1908: 90–91, № 33]; а также чувства фольклорных персонажей: в балладе *«верба, кипарис, корешки, прутьики, листики – молодец, девица»* [Астахова 1963: 50].

В метеорологических приметах детализация природного образа посредством введения в символическую часть несвойственного объекту природы соматического образа не формирует персонифицированного образа-символа, а обуславливает антропоморфизацию природного образа и символизирует особенности небесных

светил в определенной фазе их существования как приметоносителя *«солнце – уши»* *«Солнце с ушами – к морозам»* [Жарков 1954, № 178].

Функция персонифицированных образов-символов с **детализацией микрообраза** состоит в формировании детализированного одиночного персонифицированного образа-символа и раскрытии физических параметров микрообраза посредством его символизации в образе природы: в пословице *«небо, роса – лицо, пот»* *«Не столько роса с неба, сколько пот с лица»* [Даль 2000: 452].

Исследуемые символические образы формируют детализированные многокомпонентные персонифицированные образы-символы. В загадке детализация микрокосмического образа является символическим кодом в образной части и персонифицирует артефакт в ответе: *«братья, кровь – жернова»* *«Брат брата трет, белая кровь течет. – Жернова»* [Даль 1879: II, 26].

Квалифицированы персонифицированные образы-символы с **детализацией макро- и микрокосмического образов**, функция которых состоит в формировании детализированного одиночного персонифицированного образа-символа и изображении в детализированном образе природы внешнего облика фольклорного персонажа, в том числе как носителя эмоционального состояния: в обрядовой песне *«солнце, лучи – молодец, кудри»* *«У красна солнца лучи ясные, / У Петры-то у князя кудри русые»* [Киреевский 1911: 60, № 171]; в балладе *«канарейка-пташечка, кукушечка, крылышки – душа-девица, ноженьки»* *«Канарейка пташечка, / Вольная кукушечка / Примахала крылышки, / По полю летаючи, / Сокола искаючи. – / Приходила Сашенька / Свои резвы ноженьки, / Вдоль улицы ходючи, / Милого искаючи»* [Соболевский 1895: I, 220, № 159].

Функциональное назначение персонифицированных образов-символов с **детализацией одного из макрокосмических образов и микрокосмического образа** состоит в создании детализированного одиночного персонифицированного образа-символа и изображении в детализированном образе природы внешнего облика персонажа: в обрядовой песне *«месяц, луна – солнце, марева* (*«марев» – «солнце стоит мутным багровым шаром»*) [Даль 1995: II, 298]; *марев» – греч. «блистать, гореть, как жар»; др.-инд. «луч»* [Фасмер 1996: II, 571]) *– молодец, кудри»* *«У светлого месяца золота была*

луна, / *Что у красного солнца теплые марева, (2) / Что у света, у Ивана, кудревата голова, (2) / Сына Прокопьевича да кудри шелковые (2)*» [Мезень 1967, № 160].

Функциональное назначение персонифицированных образов-символов с **детализацией одного из макрокосмических образов** заключается в формировании детализированного одиночного персонифицированного образа-символа. Персонификация природного явления (*ветер*) или артефакта (*соха*) реализуется в детализированном образе сверхъестественного персонажа (*леший, баба-яга*): в примете «*леший, крылья – ветер*» «*Ветеръ – это леший съ крыльями*» [Ермолов 1905: IV, 395]; в загадке «*баба-яга, железная нога – соха*» «*Баба-яга железная нога, весь миръ кормитъ, сама голодна. – Соха*» [Живая старина 1903: III, 483, № 63].

Функциональное назначение персонифицированных образов-символов с **детализацией одного из микрообразов** состоит в создании детализированных многокомпонентных персонифицированных образов-символов: в загадке «*пять братьев – пять пальцев руки*» «*Пять братьев по дороге бегут, да сухи; пять братьев под одоньем стоят, да мокры. – Пальцы обеих рук во время пряжи*» [Даль 1879: II, 24].

В зависимости от конкретного или обобщенного характера символических замещений дифференцированы конкретные и обобщенные персонифицированные образы-символы.

Конкретными являются персонифицированные образы-символы, которые отличаются символическим замещением актантов, репрезентирующих в ОП конкретные явления параллельных миров без признаков их обобщения: в пословице «*малина – девушка*» «*Марина не малина, в одно лето не опадёт*» [Даль 1879: II, 56].

Обобщенными являются персонифицированные образы-символы, которые в ОП характеризуются символическим замещением актантных компонентов, репрезентирующих представителей некоей общности посредством детализированных в символической и/или реальной частях (реже – без детализации) персонифицированных образов-символов, воплощающих совокупность макро- и/или микрокосмических реалий как единое целое.

В фольклорном тексте обобщенные образы репрезентируют лексемы, обозначающие совокупность природных или социальных реалий как единое целое:

сад, лес, роща – семья, народ, люди, рать, армия, войско и др. Набор лексем, репрезентирующих актанты в ряду символических замещений, представлен конкретными именами существительными, которые обозначают множество/совокупность природных или социальных реалий как целое, какую-то часть от общего, поддаются счету (*армия, войско*), имеют форму множественного числа и сочетаются с количественными числительными (*два войска, две армии*).

Выявлены **три эволюционных этапа формирования обобщенных персонифицированных образов-символов**. Этапы демонстрируют степень «угасания» идентификационных показателей ОП с учетом наличия или отсутствия **детализации обобщенного образа**. Детализация характеризуется репрезентацией в той или иной части не только макрокосмической и/или микрокосмической общностей, но и их представителей: с детализацией обобщенных образов в обеих параллелях; с детализацией обобщенных образов в одной из параллелей и без детализации образов с указанием на множественность объектов как единое целое.

Первый этап характеризуется формированием ОП с детализацией обобщенных образов в обеих параллелях. В символической и реальной частях репрезентированы не только макрокосмическая и микрокосмическая общности, но и их представители: в былине *«лес (представитель – дерево) – рать (представитель – человек)» «Одно дерево – не лес в поли, Один человек – не рать в поли»* [Черняева 1981: 180, № 26].

Второй этап отличается образованием ОП с детализацией обобщенных образов в одной из параллелей. В символической части детализация обобщенного образа представлена номинацией макрокосмической общности (*лес*) и ее представителя (*дерево*); в реальной параллели не эксплицируется номинация символизируемой микрокосмической общности (*семья*), которая репрезентирована номинациями ее представителей (*ребенок, мать*): в заговоре *«лес (дерево) – [семья] ребенок, мать» «Как лес не тоскует по дереву, так ребенок не тосковал бы о грудях»* [Савушкина 1993, № 8]. В реальной части детализация обобщенного образа репрезентирована номинацией микрокосмической общности (*род*) и ее представителей (*девица, батенька, маменька, братцы*); в символической части не эксплицируется номинация макрокосмической общности (*небесная семья*), которая репрезентирована номинациями ее представителей

(*месяц, солнце, звезды*): в балладе «[небесная семья] *месяц, солнце, звезды – род (девица, батенька, маменька, братцы)*» «*Ну скажи мне, девица, / Какого ты роду, – / Роду ли большого, / Роду ли меньшого?*» – / «*Я ли роду не большого, / Я ли не меньшого: / У меня есть батенька – / Свет светел месяц, / У меня есть маменька – / Вот красная солнца, / У меня ли есть братцы – / Всё частые звезды!*» [Астахова 1963: 97].

Третий этап характеризуется образованием ОП, в которых обобщенный персонифицированный образ-символ создается без детализации обобщенных образов с указанием на совокупность макро- и микрокосмических реалий как целое и репрезентируется формой множественного числа имен существительных: в причитании «*лесушки – людишки*» «*Там не лесушки вилавые, / А живут людишки лукавые*» [РПК 1940: 238]; в исторической песне с вводом тождественных количественных параметров «*две тучи – два войска*» «*Не две грозныя тучи на небе всходили: / Сражались два войска тут большия*» [Игнатов 1970: 170-171, № 61].

Разнообразные способы формирования обобщенных персонифицированных образов-символов реализованы в обобщенных фольклорных образах семейного древа и райского сада (см. об этом подробно [Доброва 2004: 80–85]).

В зависимости от **показателей симметрии и асимметрии актантных компонентов в частях ОП** разграничены **симметричные и асимметричные** персонифицированные образы-символы. Критерий типологизации учитывает не количество образов в каждой части, как по критерию количественных показателей формирующихся символических замещений, а наличие или отсутствие тождества количественных показателей формирующихся в частях символических замещений.

Симметричные персонифицированные образы-символы образуются путем введения тождественного количества образов в каждую из частей: в пословице «*козы, скотина – девки, люди*» «*Девки не люди, козы не скотина*» [Даль 2000: 377].

Асимметричные персонифицированные образы-символы образуются введением нетождественного количества образов в части ОП, введением дополнительных макро- или микрокосмических параллелей, а также сочетанием двух обозначенных способов.

Выявлены асимметричные персонифицированные образы-символы, образованные путем введения в части нетождественного количества образов: в

примете *«лето – мать, отец» «Лето крестьянину – мать и отец»* [Рыженков 1992]; в том числе с асимметрией соматических образов животного и человека, детализирующих образ-символ: в балладе *«конь, грива – брат, уста, кровь» «У коня грива загоралась, / Уста у брата кровью запекались»* [Астахова 1963: 108].

Зафиксированы асимметричные персонифицированные образы-символы, образованные путем введения дополнительных макро- или микрокосмических частей: в пословице *«овца, коза – девушка» «Лакома овца к соли, коза к воле, а девушка к новой любви»* [Даль 2000: 377]; в былине *«одежда – лицо, кудри» «<...> личико было румяное, кудри были желтые, одежда на нем была да хорошая»* [Астахова 1961: 68].

Асимметричные персонифицированные образы-символы образуются сочетанием двух способов: в причитании *«утка – бурлаки, солдаты» «Тут бурлакушки распляшутся, / Тут солдаты расстреляются, / Утка сера разгогочится»* [РПК 1940: 243].

В фольклорном тексте выработаны языковые **механизмы компенсации асимметрии и формирования псевдосимметрии символических замещений** в ОП.

1. Два микрокосмических образа одной реальной параллели получают символическое соответствие в двух макрокосмических образах двух разных символических параллелей. Наличие двух персонажей компенсируется вводом образов двух макрокосмических параллелей: в былине *«заря, солнышко – сын, мать» «Не бела ли заря да подымалась. / Красно солнышко выкаталосе. / Сын стоял тут перед матерью»* [Астахова 1961: 56].

2. Два образа реальной параллели получают символическое соответствие в одном макрокосмическом образе символической параллели, репрезентированном именем существительным в грамматической форме множественного числа: в былине *«листочки – сын, батюшка» «Не бумажные листочки расстилаются, / Расстилается сын перед батюшкой»* [Миллер 1908: 90-91, № 33].

3. Детализация образа одной параллели компенсирует наличие нескольких образов в другой части: в песне *«верба, верх – матушка, дочь» «Рости, рости, вербинка, без верха! / Живи, живи, матушка, без меня!»* [Киреевский 1911: 63, № 184].

4. Введение в одну из частей образного параллелизма вариативного образа уравнивает количество образов в параллелях: в пословице *«море, лужа – брат, чета» «Высохло море, а все не луже брат (чета)»* [Даль 2000: 442].

По наличию или отсутствию **мультиплицирования символических замещений одного образа** разграничены **немultiплицированные и мультиплицированные** персонифицированные образы-символы.

Мультиплицированным является такой персонифицированный образ-символ, который в ОП формируется путем многократного воспроизведения разнотипных образов одного фольклорного персонажа в символической и реальной частях ОП метаморфоз-репрезентаций, реализующих культурную семантику перевоплощения-оборотничества: в быличке *«русалки – скотина – женщина, мужчина» «Русалки были тож. Разны виды показывали: и женщиной, и мужчиной, и скотиной. Как привидится»* [Черепанова 1996: 34, № 170].

Критерии классификации персонифицированных образов-символов находятся в определенных системных отношениях: детализация формирует парные и многокомпонентные образы-символы; детализация формирует асимметрию образов-символов в частях ОП; парные образы-символы как репрезентанты обобщенной субстанции образуют обобщенный персонифицированный образ-символ и т. д.

II. Образ-символ, лишенный персонифицированного характера, и его разновидности

Эволюция семантического комплекса ТСО обуславливает интенсивность структурно-семантических преобразований символического замещения актантных компонентов частей ОП, что свидетельствует о значительном изменении прежде всего образов-символов. Семантический комплекс персонифицированного образа-символа получает развитие в направлении семантического преобразования его персонифицированного характера с вектором абстрагирования от конкретной персоны как таковой. Человек репрезентируется как носитель и продуцент неких отвлеченных сущностей. В ОП реализуется опосредованная (не непосредственная!) символизация абстрактных сущностей с помощью образов-репрезентантов.

Выявлены три основных этапа пошагового **лишения** образа-символа персонифицированного характера: **ослабление** персонифицированного характера образа-символа при наличии в реальной части образа фольклорного персонажа; **нивелирование** персонифицированного характера образа-символа с указанием на человека как носителя эмоционального состояния и смещением акцентов на символизацию его внутреннего мира и **утрата** персонифицированного характера образа-символа без указания на человека как носителя и продуцента отвлеченных сущностей.

Первый этап эволюции семантического комплекса характеризуется **ослаблением** персонифицированного характера образа-символа при наличии в реальной параллели образа фольклорного персонажа. **Идентификационным показателем** исследуемого образа-символа является использование в качестве его репрезентанта номинаций с иной функциональной направленностью.

Привлечение в обрядовой и необрядовой лирике для символизации персонажей в образах природы номинаций фитонимов, обозначающих совокупность растительных реалий или участок земли, на котором они произрастают (*дубрава, сад, трава*), свидетельствует об ослаблении персонифицированного характера образов-символов, сохраняющих символическую «ауру» персонификации человека в образе природы.

В обрядовой лирике для символизации персонажей в образах природы привлекается фольклорный образ, представленный родовой номинацией *трава*, обозначающей совокупность травянистых растений, покрывающих какую-либо территорию. Наличие персонифицированного начала обусловлено существованием в ряде мифологических традиций представления о траве как волосах некоего первочеловека, из частей тела которого образовалась Вселенная. Распространена гендерная маркированность образа травы, связанная с противопоставлением символического воплощения в образе травы женского начала, в образах деревьев мужского начала [Мифы народов мира 1997: II, 37]. В мифологии образ травы символизирует качества неprimетности, покорности, а также здоровья и долголетия, воплощает простых людей [Мифы народов мира 1997: II, 371]. Обозначенный пласт мифологической семантики объясняет ослабление персонифицированного характера фольклорного образа-символа «*трава – люди*»: «*По двору травонька – люди при нас, /*

Люди при нас все услужливые» [Киреевский 1911: 34, № 84], а также репрезентацию видовыми номинациями трав (*полынь, ковыль*) абстрактных образов-символов печали.

В необрядовой лирике для символизации фольклорных персонажей в образах природы привлекаются образы, представленные номинациями фитонимов, обозначающих совокупность растительных реалий или участок земли, где они произрастают (*сад*). Указанные номинации в обрядовой лирике создают символические замещения периферийных компонентов (символику локализатора – *в саду*). В необрядовой лирике формируются образы-символы с ослабленным персонифицированным характером «*сад – друг*» «*Ай, на горе садов зеленешенок, / Мил сердечный друг молодешенок!*» [Соболевский 1896: II, 8] и др.

Второй этап эволюции семантического комплекса образа-символа характеризуется **нивелированием** персонифицированного характера образа-символа. Выявлены **идентификационные показатели** исследуемого образа-символа: в микрокосмической части репрезентирован персонаж, но формируется смещение семантических акцентов на опосредованную символизацию феноменов внутреннего мира человека, который воспринимается в качестве носителя чувств.

Образы-символы с нивелированием персонифицированного характера направлены на символизацию чувств, представленных в реальной части соматическим образом-репрезентантом *слезы* с **указанием** на человека как их продуцента: в песне «*ручейки – слезы*» «*Течет речка ручейками, / Плачет девка слезочками*» [Киреевский 1929: 240, № 2578]; в балладе «*грива – слезы*» «*У вороного коника грива загорелась, / У родного братика слезы покатились*» [Астахова 1963: 107].

Третий этап эволюции семантического комплекса образа-символа характеризуется **утратой** персонифицированного характера образа-символа. Выявлены **идентификационные показатели**: образы-символы, утратившие персонифицированный характер, направлены на опосредованную символизацию чувств, которые в реальной части представлены соматическими образами-репрезентантами уже **без указания** на человека как их носителя и продуцента.

Зафиксировано расширение номенклатуры номинаций, функционирующих в качестве соматических образов-репрезентантов эмоций (*слезы, сердце, голова, спина* и

др.): в сновидческой примете «*вишни – слезы*» «*Вишни есть – к слезам*» [Харченко 2008: 26]; в пословице «*орех – сердце*» «*Что червь в орехе, то печаль в сердце*» [Даль 2000: 72].

Генерализованная линия развития символического замещения актантных компонентов в ОП проявляется в пошаговом абстрагировании, фактически отказе от персонификации человека в образах макромира и развитии опосредованной символизации абстрактных сущностей как феноменов человеческого микрокосма.

III. Абстрактный образ-символ и его разновидности

Абстрактным является образ-символ, в котором в образах вселенского микрокосма получает символическое воплощение в качестве символизируемого некая абстрактная сущность как феномен человеческого микрокосма. Выявлены **идентификационные показатели** абстрактного образа-символа: феномены внутреннего мира репрезентированы субстантивной номинацией (*печаль, тоска, горе, доля (счастье), радость, любовь, истина, правда, измена* и др.); эмоциональные состояния персонажей представлены в отвлечении от человека как их носителя.

Персонаж отсутствует, символизируется его внутреннее состояние как самодовлеющая субстанция: в песне «*туман – злодейка-кручина*» «*Уж как пал туман на сине море, / А злодейка-кручина в ретиво сердце. / Как не схаживать туману со синя моря, / А злодейке-кручине с ретива сердца*» [ВНП 1962, № 21].

Абстрактные образы-символы в фольклорных текстах различных жанров **дифференцируются по характеру символизируемого** в границах ОП.

Выявлены **три основные разновидности** абстрактных образов-символов: абстрактные образы-символы чувств и эмоций фольклорных персонажей, абстрактные образы-символы обобщенных сущностей как результатов духовной деятельности человека и сочетание указанных разновидностей.

В исследуемом корпусе текстов выявлены **абстрактные образы-символы чувств и эмоций** фольклорных персонажей. Определены **идентификационные показатели** исследуемого образа-символа: **присутствует указание на человека как носителя эмоционального состояния**, в реальной картине представлен фольклорный персонаж и/или введены образы-соматизмы (*сердце, ноги*): в балладе «*туманы – кручина*» «*Со синя моря туманы поднимаются, – / Молодцу пала кручина на ретиво*

сердце» [Гуляев 1952: 189, № 54]; **отсутствует указание на человека как носителя эмоционального состояния:** в пословице *«море – горе» «Дальше моря – меньше горя»* [Даль 2000: 147]; в плаче *«гуси-лебеди – волюшка» «Тут полетят гуси-лебеди, / Да улетит моя волюшка»* [РПК 1940: 244].

Выявлены **абстрактные образы-символы обобщенных сущностей как результата духовной деятельности человека:** в песне *«звезда – весть» «Скатилась с неба звездочка, / Перепадала ко мне весточка»* [Киреевский 1929: 155, № 2223]; в частушке *«кукушка – совесть» «Перелетная кукушка – / То на куст, то на другой. / Вот какая в милом совесть – / То с подружкой, то со мной!»* [Власова 1965, № 775].

Зафиксировано сочетание абстрактных образов-символов чувств персонажей и абстрактных образов-символов обобщенных сущностей как результатов духовной деятельности человека: в сновидческой примете *«гора – труд, горе» «Гору увидеть – труд великий и горе»* [Харченко 2008: 26].

Абстрактные образы-символы демонстрируют реализацию **накопительного эффекта развития ОП** с кумуляцией в их составе идентификационных показателей предыдущих звеньев эволюционной цепи. Как и на предшествующих этапах эволюции, выявлены парные абстрактные образы-символы эмоций: в примете *«Огонь да вода – нужда да беда»* [Ермолов 1905: IV, 316]; детализация абстрактного образа-символа: в образной части загадки *«дуб, ветви; ворон, крылья – человек, руки, зубы, горло – грех» «Стоит дуб без ветвей, на нем ворон без крыл; снял его человек без рук, съел без зубов; стал он по горло в воду – вода льется, не насытится. – Грех»* [Даль 1879: I, 24]; симметрия абстрактного образа-символа в пословице *«авоська – судьба» «Судьба не авоська»* [Даль 1879: I, 33]; асимметрия абстрактного образа-символа в песне *«дождь, туман – тоска, горе, печаль» «У нас на дворе дождь, / Под горой большой туман. / На моем сердечушке / Все тоска, горе, печаль»* [НПВК 1993: 206]. Обозначенным эволюционным эффектом объясняется сочетание в ОП персонифицированного *«гусь – человек»* и абстрактного *«вода – худоба»* образов-символов: в заговоре *«С гуся вода, с меня худоба»* [Вятский фольклор 1994: 343].

3.1.3. Символическое действие как тип символической образности

Символические действия как ТСО характеризуются символическим типом соотношения функциональных компонентов и несимволическим типом соотношения актантных компонентов в частях образного параллелизма.

Символическое действие и символическая картина как ТСО принципиально противопоставлены образам-символам. Образующие символическое действие и символическую картину типовые модели соотношения компонентов ГР в частях ОП репрезентируют символический тип соотношения функциональных компонентов и представляют основные способы их символизации в частях ОП.

Символические действия и символические картины отличаются сходными языковыми механизмами их формирования и одинаковыми типовыми моделями соотношения компонентов ГР в частях ОП.

Разграничение символических действий и картин определяется выражением **актантных компонентов**. Несимволический тип соотношения актантных компонентов формирует **символическое действие** как ТСО. Символический тип соотношения актантных компонентов формирует **символическую картину** как ТСО.

Определены **типовые модели соотношения компонентов ГР в частях ОП**, которые формируют символическое действие и символическую картину как ТСО и демонстрируют символический тип соотношения функциональных компонентов.

Выявленные в результате анализа большого объема разножанрового фольклорного материала типовые модели соотношения компонентов ГР отличаются разнообразием. Определение основных механизмов организации исследуемых ТСО обуславливает отбор **доминантных типовых моделей** соотношения компонентов ГР, которые формируют символику действия. В исследуемых ТСО в качестве символизируемого выступают физическое и обрядовое действия, репрезентируемые лексемами ГР-4, и эмоциональное состояние фольклорного персонажа, представленное лексемами ГР-5.

Символизации действия осуществляется **тремя основными способами: непосредственным, опосредованным и их сочетанием** в границах ОП.

Доминантные типовые модели соотношения компонентов ГР, формирующие символику действия, прежде всего реализуют **непосредственный способ** символизации действия и репрезентации в реальной картине двух ведущих символизируемых субстанций: действия и эмоционального состояния персонажа.

Материал исследования демонстрирует **три доминантные типовые модели соотношения** компонентов ГР, формирующие **символику действия**.

I. ГР–4 (символизирующее) / ГР–4;5 (символизируемое)

Лексемы ГР–4, выражающие функциональные компоненты символической части, характеризуются отсутствием строго детерминированной семантики.

В качестве символизирующих **обрядовое действие** персонажа в обрядовой лирике выступают глагольные лексемы со значением физического действия и воздействия человека или символического персонажа на природный объект: **ГР–4 (символизирующее) / ГР–4 (символизируемое) «подрубить под корень (растение) – присвататься» «(4) Не можно березыньку подрубити под корень. / (4) Не можно мне старому присвататься»** [Киреевский 1929: 193, № 2399].

В качестве символизирующих **эмоциональное состояние** персонажа в символической части выступают лексемы ГР–4, репрезентирующие функции природных объектов или единого микрокосмического семантического субъекта в структурно-семантических модификациях, в которых человек представлен в обоих параллелях: **ГР–4 (символизирующее) / ГР–5 (символизируемое)**.

1) Глаголы со значением физического действия (человек воздействует на природный объект) – *косить (траву); запрудить (речку цветами); сажать (сад)*: в необрядовой песне *«косить (траву) – любить (девушку)» «(4) Ой-да никто травушку не скосит, <...> / (5) Ой-да никто Машеньку не любит»* [НПВК 1993: 177].

2) Глаголы, обозначающие процессуальное состояние или свойство природного объекта или артефакта, которое является результатом производимых с ними действий человека (реже – животного) – *гореть (свечи, мост, дубрава); растопиться (баня); гнуться, не сломаться (жердочка)* и т. д.: в обрядовой песне *«растопиться (баня) – расплакаться (девица)» «(4) Затопися, баненка, / Раскалися, каменка, / (5) Расплачься, княгиня душа»* [Киреевский 1911: 56, № 150].

3) Глаголы, репрезентирующие состояние или свойство природного объекта, которое детерминировано изменением его природных свойств и качеств в сторону отклонения от нормы, в результате чего он становится нежизнеспособным. Изменения происходят без участия человека или в результате отсутствия необходимого воздействия человека на природный объект – *потускнеть (солнце), сохнуть (трава)* и др.: в песне «*помутиться (вода) – загруститься (девица)*» «(4) *А в Дунае вода /Помутилася. / (5) Красна девица / Загрустилася*» [НПВО 1974, № 12].

4) Реже – глаголы, обозначающие ситуативное процессуальное состояние природного объекта, которое возникло у него под воздействием природных сил без участия человека – *шуметь, греметь (бор, море, река)* и др.: в необрядовой песне «*шуметь (бор) – заливаться слезами (молодец)*» «(4) *Сырой бор шумить, шумить; / (5) Молодец слезьми заливайтца*» [Киреевский 1929: 169, № 2289].

II. ГР–1 (символизирующее) / ГР–5 (символизируемое)

В качестве символизирующих **эмоциональное состояние** персонажа в символической части выступают лексемы ГР–1 со значением движения, положения и изменения положения в пространстве, бытия – *цвести, раскачаться (растение)* и др.: в песнях «*цвести (растение) – любить (девушку)*» «(1) *Ах, цвели, цвели в поле цветики, <...> / (5) Любил парень девушку*» [Киреевский 1929: 150, № 2202]; «*раскачаться (растение) – расплакаться (девушка)*» «(1) *Раскачалась грушица <...> / (5) Расплакалась Авдотьюшка*» [Киреевский 1911: 283, № 1016].

III. ГР–7 (символизирующее) / ГР–5 (символизируемое)

В качестве символизирующих **эмоциональное состояние** персонажа в символической части выступают лексемы ГР–7 с общим значением или семой речевой деятельности – *куковать (птица)* и др.: в необрядовой песне «*куковать (птица) – горевать (девушка)*» «(7) *Во сыром бору кукушечка кукует, / (5) В нас во тереме молодушка горюет*» [Киреевский 1929: 135, № 2138].

Формирование менее частотных моделей соотношения компонентов ГР в частях ОП отличается разнообразием и связано прежде всего с **опосредованным способом символизации действия** и репрезентации в реальной части двух символизируемых субстанций: действия (в том числе обрядового) и

эмоционального состояния персонажей. В построениях представлено не непосредственное, а опосредованное раскрытие обрядового действия или чувств персонажей через изображение их физического состояния, внешнего поведения, отношения к другим персонажам или происходящих с ними событий, что обуславливает характерные черты символических замещений функциональных компонентов в символических действиях и символических картинах.

Основной инструмент опосредованного способа символизации действия – **семантическая трансформация, или пересемантизация, лексем** разных компонентов ГР, которая проявляется в использовании лексем одного ГР в значении лексем другого ГР (условное обозначение в круглых скобках – (ГР–№), происходит расширение семантической сферы глагольной лексики [Улукханов 2014: 102–109], репрезентирующей значимый культурный смысл, и развитие семантического комплекса символического действия.

Опосредованный способ символизации действия и репрезентации обрядового действия в реальной части характеризуется тем, что компоненты ГР не обозначают непосредственную номинацию обрядового действия (*сватать*), а представляют обряд с помощью репрезентации конкретных действий его участников – *величаться (молодец)*. Опосредованный способ символизации обрядового действия реализован функционированием в реальной части компонента ГР–7 (*величаться*) в значении компонента ГР–4 (*обрядовое действие сватовства невесты*): ГР–1 (*символизирующее*) / ГР–7(4) (*символизируемое*) «*восходить (небесное светило) – величаться = свататься (молодец)*» «(1) *Восходил светел месяц перед зорюшкою, / (7(4) Величался Яков Федорович перед жёнушкою*» [Киреевский 1911: 233, № 856]; компонента ГР–2 (*взять*) в значении компонента ГР–4 (*обрядовое действие женитьбы*): ГР–4 (*символизирующее*) / ГР–2(4) (*символизируемое*) «*подсечь (растение) – взять с терема (девушку) = жениться*» «(4) *Что подсекали березу в перепутии: / (2(4) Взяли девушку с высока терема*» [Киреевский 1911: 53, № 136].

Опосредованный способ символизации действия и репрезентации эмоционального состояния персонажа в реальной части ОП обусловлен тем,

что раскрытие чувств опосредовано изображением внешнего поведения героя, раскрытием отношений между персонажами, которые в ряде случаев представлены в рамках события, позволяющего выявить специфику и эмоциональный подтекст этих взаимоотношений. Опосредованный способ символизации чувства реализован функционированием в реальной части лексемы ГР-3 (*глядеть, не наглядеться*) в значении лексемы ГР-5 (*любить*): **ГР-1 (символизирующее) / ГР-3(5) (символизируемое)** в необрядовой песне «*ходить – глядеть = любить*» «(1) *Хожу я по травушке – не нахожусь, / (3(5) Гляжу я на милого – не нагляджусь*» [Киреевский 1929: 66, № 1877]; лексемы ГР-1 (*не заходить*) в значении лексемы ГР-5 (*не любить*): **ГР-1 (символизирующее) / ГР-1(5) (символизируемое)** в частушке «*не цвести – не заходить = не любить*» «(1) *Что ты, аленькой цветочек, / На окошке не цветешь? / (1(5) Что ты, миленький дружок, / Мимо ходишь – не зайдешь?*» [Власова 1965, № 615].

Символизация действия в символическом действии и символической картине осуществляется посредством сочетания в каждой параллели **разных компонентов ГР**, в том числе тождественных: **ГР-7+4 (символизирующее) / ГР-7+4 (символизируемое)** в необрядовой песне «*шипеть, кусать (змея) – журисть = изводить (жена)*» «(7) (4) *Змея шипит, укусить хочет. / (7) (4) Жена журиет, извести хочет*» [Киреевский 1929: 191, № 2391] и др. Наблюдается процесс **семантического декодирования глагольных репрезентантов гипертемы ОП** в реальной части: ГР-7(4) → ГР-7+4. В реальной параллели представлены действия персонажей, опосредованно выражающие их чувства, поэтому в широком смысле оба глагольных репрезентанта претерпевают пересемантизацию и выступают в значении компонента ГР-5 (*ненавидеть*): ГР-7+4 → ГР- [7+4](5).

Символическое действие, в отличие от символической картины, формируется при **несимволическом** соотношении актантных компонентов.

Эволюция семантического комплекса символического действия определяется непосредственным или опосредованным способом символизации действия, а также их сочетанием в границах одного параллельного построения.

Непосредственный способ символизации действия реализует в ОП **центростремительную тенденцию символических замещений** функциональных компонентов, определяет **стабильность семантического комплекса символики действия**, в отличие от соотношения актантов, и манифестируется посредством типовых унифицированных моделей соотношения компонентов ГР в частях ОП: **ГР–4 (символизирующее) / ГР–4 (символизируемое)** в обрядовой песне «*притолочь (трава) – сосватать (девицу)*» «(4) У ворот трава притолочена: / (4) Я у батюшки запоручена» [Киреевский 1917: 31, № 1285]; **ГР–1 (символизирующее) / ГР–5 (символизируемое)** в причитании «*бежать (река) – обливаться (слезами)*» «(1) Не ручей да бежит быстра эта риченька, / (5) Это я бедна слезами обливаюся» [Барсов 1872: I, 35].

Опосредованный способ символизации действия реализует в ОП **центробежную тенденцию символических замещений** функциональных компонентов, определяет **динамику семантического комплекса символики действия** и манифестируется посредством разнообразных моделей соотношения компонентов ГР и их сочетания в частях ОП.

Опосредованный способ **символизации обрядового действия** представлен в реальной части компонентом ГР–1 (*открывать*) в значении компонента ГР–4 (*обрядовое действие на облегчение родов*): **ГР–1 (символизирующее) / ГР–1(4) (символизируемое)** в заговоре «*разливаться (половодье) – открываться (роды) = облегчить (роды)*» «(Когда женщина лежит на родильном столе, чтобы облегчить роды, следует сказать:) / – (1) Как вода в половодье разливается, (1(4) так у меня, у рабы божьей, роды открывайтесь» [Вятский фольклор 1994, № 326]; компонентом ГР–1 (*быть*) в значении компонента ГР–4 (*обрядовое действие выйти замуж*): **ГР–1 (символизирующее) / ГР–1(4) (символизируемое)** в обрядовой песне «*взрости (трава) – быть за молодым = выйти замуж (девица)*»: «(1) Как бы эта трава / Во моем саду взроста, / (1(4) Как бы эта красна девица / За молодым была» [Киреевский 1929: 322, № 2902; доп.]; компонентом ГР–1 (*кипеть, болеть сердцу*) в значении компонента ГР–5=4 (*любить как результат магического насылания любовной болезни*): **ГР–1 (символизирующее) /**

ГР–1(5=4) (символизируемое) в заговоре «*кипеть (вода) – кипеть, болеть (сердце) = любить как результат любовной магии*» «(1) *Как в котле вода кипит, (1(5=4) чтобы сердце кипело, болело у раба божьего (имя) о рабе божьей (имя) <...> (Произносится над кипящей водой.)*» [Вятский фольклор 1994, № 242].

Опосредованный способ символизации **события из жизни персонажей** представлен в реальной части лексемой ГР–1 (*понаехать*) в значении лексемы ГР–4 (*захватить*): **ГР–1 (символизирующее) / ГР–1(4) (символизируемое)** в исторической песне «(1) *Не вода в города понахлынула – / (1(4) Злы татарины понаехали*» [Игнатов 1970: 66, № 2].

Опосредованный способ **символизации эмоционального состояния персонажа** реализуется изображением «внешних признаков», его объективирующих, и представлен в реальной части компонентом ГР–1 (*шататься, волочиться*) в значении компонента ГР–5 (*печалиться*): **ГР–1 (символизирующее) / ГР–1(5) (символизируемое)** в необрядовой песне «*шататься (травы) – шататься, волочиться = печалиться (молодец)*» «(1) *Не травушка, не ковылушка в поле шаталась, / (1(5) Как шатался, волочился удал добрый молодец*» [НПБК 1993: 219]; компонентом ГР–3 (*запоглядывать*) в значении компонента ГР–5 (*разлюбить*): **ГР–1 (символизирующее) / ГР–3(5) (символизируемое)** в частушке «*заподувать (ветер), запокрапывать (дождь) – <скоса> запоглядывать = разлюбить (молодец)*» «(1) *Ветерок заподувал, / Дождик запокрапывал, / (3(5) Дролечка из-за народу / Скоса запоглядывал*» [Власова 1965, № 3851].

Особым этапом эволюции семантического комплекса символического действия является **сочетание непосредственного и опосредованного способов символизации действия** в границах одного построения с целью раскрыть эмоциональный подтекст физических действий фольклорных персонажей: в любовных заговорах **ГР–1 (символизирующее) / ГР–1(4)+5 (символизируемое)** «*пристать (лист) – пристать = ухаживать, любить (молодец)*» «В бане хлещутся вениками. Лист пристанет, так невесте и надо сказать:) / – (1) *Как этот лист пристает, (1(4) (5) так бы раб божий стал ко мне приставать, стал бы меня любить. (С листа жениха напойт – будет любить.)*» [Вятский фольклор 1994, № 251]; **ГР–1 (символизирующее) / ГР–1(5)+5+6(5) (символизируемое)** «*сгореть (волосок) – сгореть = полюбить, сокрушаться, не знаваться <с*

другими> = любить <только одну> (молодец)» «(Из щети выдерни волосок и сожигай на огне свечи. Скажи еще:) / – (1) Как сгореть этому волоску, (1(5) (5) (6(5) так бы сгореть и доброму молодцу (имя), по рабе божьей (имя) век ему сокрушаться, с другими девицами не знаваться» [Вятский фольклор 1994, № 247].

Эволюция семантического комплекса символического действия проходит три этапа: непосредственный и опосредованный способы символизации действия и их сочетание.

3.1.4. Символическая картина как тип символической образности

Символические картины как ТСО характеризуются символическим типом соотношения как актантных, так и функциональных компонентов в частях ОП.

Символическая картина не представляет собой однородного образования. Эволюция семантического комплекса символической картины объединяет **два типа** преобразований: в сопоставлении актантных компонентов эволюцию семантического комплекса образа-символа и в сопоставлении функциональных компонентов эволюцию семантического комплекса символического действия. Исследование характера их взаимодействия дифференцирует символические картины с расчлененным и нерасчлененным семантическим комплексом.

Символические картины с расчлененным семантическим комплексом отличаются формированием символических связей по компонентному составу частей. Сочетание в каждой части образа-символа, созданного в результате символического соотношения актантных компонентов, с символическим действием, образованным в результате символического соотношения функциональных компонентов, формирует символическую картину с расчлененным семантическим комплексом как ТСО.

В символической картине с расчлененным семантическим комплексом **персонифицированный образ-символ** персонажа из мира природы сочетается с символическим действием: в пословице «*червь – жена; тлить – изводить*» «*Червь дерево тлит, а злая жена дом изводит*» [Даль 1879: I, 474]. В символической картине с расчлененным семантическим комплексом **абстрактный образ-символ** эмоций сочетается с символическим действием: в

причитании *«осина – кручина; разстоскнуться – расходиться» «И не горькая осина разстонулася, / Это зла моя кручина расходилася»* [Барсов 1872: I, 35].

Накопительный эффект эволюции ОП обуславливает формирование символических картин с расчлененным семантическим комплексом, в которых детализированный одиночный персонифицированный образ-символ с детализацией макро- и/или микрокосмических образов сочетается с символическим действием, направленным на символизацию внутреннего мира персонажа: **с детализацией макрокосмических образов** в частушке *«березка, корешок – женишок» «обрастать корешком – изменять» «Белая березка / Обрастала корешком. / До изменушки миленочка / Считала женишком»* [Власова 1965, № 398]; **с детализацией микрокосмических образов** в причитании *«солнышко – очи, неженьки» «закатиться – умереть (физические признаки смерти: очи помутились, ноженьки сломились)» «Уж по сегодняшнему дёнечку / Уж закатилось красно солнышко. / Уж как по утрышку по раннему / Уж очи ясны помутились, / А резвы ноженьки сломились»* [РПК 1940: 203]; **с детализацией образов обеих параллелей** в исторической песне *«дереvence, смородинка, пучочки – сержант, руки, ноги, косточки», «вызреть, позаломать, поразбросать – призадуматься, плакать»* [Игнатов 1970: 182, № 70].

В символической картине с расчлененным семантическим комплексом **обобщенный персонифицированный образ-символ** сочетается с символическим действием: **с детализацией образа реальной части** в исторической песне *«сад, пташечки – казаки (воевода)», «зеленеть, присохнуть, поблекнуть, приуныть – любить, жаловать, прогневать, рассердиться»* [Исторические песни XVIII века 1971: 44, № 49]; **образов обеих частей** в балладе *«сад, лес (дерево, лист) – народ (представители – персонажи)», «опадать – погинуть, осуждать»* [Астахова 1963: 133–134].

Сочетание в символической картине **непосредственного и опосредованного способов** символизации чувств реализовано вводом в части разных компонентов ГР: в причитании **ГР–1+4 (символизирующее) / ГР–5+6(5)+7(5) (символизируемое)** *«яблони, вишенки, птички-пташеньки, соловеюшки – девушка», «повянуть, поблекнуть; захлебнуться, задавиться – тошнешенько, думы не выдумать, рецей не*

высказать = тосковать»: «(1) В саду яблони повянули, / (1) В саду вишенки поблекнули, / (4) Захлебнулись птички-ташецки, / (4) Задавились соловейки. / (5) Ох-ти мнешенько тошненько. / Верно мне, да красной девушке, / (6(5) Мне одной думы не выдумать, / (7(5) Во потай рецей не высказать» [РПК 1940: 233].

Символическая картина с нерасчлененным семантическим комплексом отличается образованием символических связей не по компонентному составу частей, а посредством лишения персонифицированного характера образа-символа в ее составе и формирования единого нерасчлененного семантического комплекса. Преобразования формируются уже в недрах входящих в состав символической картины образа-символа и символического действия.

Формирование **единого нерасчлененного семантического комплекса символической картины** осуществляется **тремя способами**, которые отражают пошаговое **лишение** входящего в ее состав образа-символа персонифицированного характера: **ослаблением, нивелированием или утратой** персонифицированного характера образа-символа. Выявленные способы отражают **три этапа эволюции семантического комплекса символической картины** с вектором утраты ее расчлененности по компонентному составу.

На **первом этапе** в символической картине с нерасчлененным семантическим комплексом образ с **ослабленным** персонифицированным характером сочетается с символическим действием. Наличие в реальной части образа фольклорного персонажа не приводит к его персонификации в образах природы. Формируется единый семантический комплекс без дифференциации символических значений актантного и функционального компонентов. Символическая картина в целом (к примеру, *ветер веет – и образ, и акция*) символизирует обрядовое действие и его участников, событие из жизни персонажа или его эмоциональное состояние.

Непосредственный способ символизации в символической картине события из жизни персонажей: **ГР–1 (символизирующее) / ГР– (7) (символизируемое)** в причитании «(1) *Ветры въ поле не навиялись, / (7) Пустословия добры люди не набаялись*» [Барсов 1872: I, 202]; **ГР–1 (символизирующее) / ГР– (4) (символизируемое)**

в балладе «(1) Тут не темная ноченька сустигла их, / Не частыми дождики обсыпали – / (4) Наехали воры-разбойники, / Они гостя торгового зарезали» [Астахова 1963: 124].

Опосредованный способ символизации в символической картине обрядового действия и его участников реализован функционированием в реальной части лексемы ГР–1 (*понаехать*) в значении лексемы ГР–4 (*обрядовое действие сватовства*): ГР–1 (**символизирующее**) / ГР–1(4) (**символизируемое**) в обрядовой песне «ветры понавеели – сваты понаехали» «(1) С поля ветры (2) / Спонавеели, (2) / Невзначай (2) / (1(4) Гости понаехали» [ВНП 1978, № 67].

Опосредованный способ символизации в составе символической картины событий из жизни персонажей в приметах характеризуется жанровой спецификой. Основу СИМ составляют компоненты ГР–1 (*есть, было, будет*), которые обуславливают пересемантизацию лексем других компонентов ГР, представляющих приметогенное событие и прогноз, и их выражение в значении компонента ГР–1, поскольку соотношение функциональных компонентов в частях ОП в примете актуализирует в процессе символических замещений не сами события как таковые и их специфику, а именно связь между двумя событиями – приметогенной ситуацией и прогнозом. Актуализация связи явлений, в отличие от актуализации специфики самих событий, обуславливает в приметоносителе функционирование актантного и функционального компонентов в составе нерасчлененного семантического комплекса символической картины, в прогнозе – аналогичную семантическую нерасчлененность прогнозной части, в ряде случаев определяющую ее структурно-смысловое сжатие до однословной конструкции, выраженной без участия компонентов ГР по типу безглагольной конструкции ГР–0: ГР–7(1) (**символизирующее**) / ГР–4(1) (**символизируемое**) «(7(1) Закуковала кукушка – (4(1) можно купаться» [Харченко 2008: 30]; ГР–1 (**символизирующее**) / ГР–6(1) (**символизируемое**) «(1) Упал с дерева один листок – (6(1) жди осени» [Рыженков 1992]; параллельные построения с ГР–0(1) в одной из частей: ГР–4(1) (**символизирующее**) / ГР–0(1) (**символизируемое**) «(4(1) Уши чешутся – (0(1) к дождю» [Жарков 1954: 31, № 66]; ГР–1 (**символизирующее**) / ГР–0(1) (**символизируемое**) «(1) <...> нагорела свеча – (0(1) долгоносая невеста» [Даль

1994]; ГР–0(1) (символизирующее) / ГР–1 (символизируемое) «0(1) Ясная звездная ночь под Новый год – (1) люди здоровы будут» [Селянгина 2005].

Опосредованный способ символизации в составе символической картины эмоционального состояния персонажей реализован функционированием в реальной части лексемы ГР–1 (*убиваться*) в значении лексемы ГР–5 (*печалиться, тосковать*): ГР–1 (символизирующее) / ГР–1(5) (символизируемое) в причитании «(1) Вьют ветры увиваются, / (1(5) А добры люди убиваются» [РПК 1940: 163].

На **втором этапе** эволюции в символической картине с нерасчлененным семантическим комплексом образ с **нивелированным** персонифицированным характером сочетается с символическим действием.

Нивелирование персонифицированного характера входящего в состав символической картины образа-символа осуществляется вводом в реальную часть репрезентанта (соматического образа *голова, волосы, сердце*) эмоционального состояния с **указанием** на человека как его носителя. Персонифицированное начало не утрачено, но в системе символических замещений нивелируется. С непосредственным способом символизации в составе символической картины эмоционального состояния персонажей: в частушке «(7) Шумит белая береза, / Всем ветрам покорная. / (5) Не бывает мое сердце / Никогда спокойное» [Астафьева 1987, № 2470]. С опосредованным способом символизации в составе символической картины эмоционального состояния персонажей: в причитании «(1) Не огонь горит, да не смола кипит. / (1(5) Без огня да разжигается, / Без смолы да закипляется / Мое молодое сиротское сердеченько» [РПК 1940: 188].

На **третьем этапе** эволюции в символической картине с нерасчлененным семантическим комплексом образ с **утраченным** персонифицированным характером сочетается с символическим действием: **отсутствует указание на человека** как носителя и продуцента отвлеченных сущностей, символизации подвергаются обобщенные сущности, что предваряет формирование абстрактной символики.

Утрата персонифицированного характера входящего в состав символической картины образа-символа обеспечивается введением в реальную часть репрезентанта чувств (соматизмов *сердце, очи, душа, тело*) **без указания** на человека как носителя

состояния: в причитании «(1) Красно солнышко въ заворь да выкатается. / Какъ светель месяц за облаку туляется, / <...> (7(5) Ясны очюшки съ белымъ светомъ прощаются, / Какъ душа да съ белымъ теломъ розставается» [Барсов 1872, I: 210].

Символическая картина с нерасчлененным семантическим комплексом в приметогенной ситуации символизирует абстрактную субстанцию в прогнозе посредством безглагольной конструкции ГР–0. В качестве символизируемого представлены чувства персонажей: **ГР–0(1) (символизирующее) / ГР–0(1) (символизируемое)** «(0(1) Вихорь съ пылью на встречу свадебному поезду – (0(1) къ худу» [Ермолов 1905: IV, 132]. В качестве символизируемого представлены абстрактные сущности как результаты духовной деятельности: **ГР–4(1) (символизирующее) / ГР–0(1) (символизируемое)** «(4) Подол загнулся – (0(1) к корысти» [Харченко 2008: 109].

Механизмы формирования ТСО отражают инвариантные модели строения их семантических комплексов и этапы развития, каждый из которых отличается присущими ему идентификационными показателями.

3.1.5. Эволюция семантического комплекса типов символической образности

Исследование развития семантических комплексов ТСО осуществляется **в трех основных направлениях**: определение эволюции символических замещений; выявление инструментов развития ТСО; квалификация векторов эволюции ТСО.

Определение эволюции символических замещений в ОП связано с анализом развития соотношения актантных и функциональных компонентов и его продуцирующей способности. Материал исследования демонстрирует значительную динамику соотношения актантных компонентов и относительную стабильность соотношения функциональных компонентов. Динамика соотношения актантных компонентов проявляется в детализации образов-символов и их пересемантизации в составе нерасчлененного семантического комплекса символической картины.

Выявлены инструменты развития ТСО: контаминация (объединение в границах одного ТСО двух других), **детализация** и **пересемантизация** компонентного состава. Исследование языковых механизмов детализации образа-символа как

способа создания одиночного, парного, многокомпонентного или обобщенного образа-символа представлено в статье «Амбивалентный характер и эволюция феномена детализации образа-символа в фольклорном тексте» [Доброва 2012: 43–53].

Эволюция семантических комплексов разных ТСО имеет **два вектора развития**: процесс зарождения **абстрактной символики** и процесс зарождения **свободно-поэтической символики** в фольклорных произведениях.

Первый вектор развития семантических комплексов ТСО раскрывает процесс «кристаллизации» абстрактных понятий в качестве символизируемого в ОП и связанный с ним процесс зарождения **абстрактной символики**. Указанный процесс свидетельствует о формировании личностного начала в фольклорном тексте, которое следует квалифицировать как *зарождающуюся тенденцию* [Доброва 2004], получающую развитие в индивидуально-авторском творчестве.

Второй вектор развития семантических комплексов ТСО, связанный с формированием **свободно-поэтической символики**, раскрывает особенности искусства свободного творения (продуцирования) символических замещений. Квалификация исследуемой символики как свободно-поэтической опирается на восходящее к греческому первоисточнику понимание термина *поэтика* как *искусства творения* словесных – прежде всего символических – форм [Фасмер 1996: III, 350].

Прочность системы функционирования и образопорождающая способность ОП позволяют определить **системные факторы**, обеспечивающие свободу продуцирования символических замещений и трансформацию в ОП традиционных канонов символизации в **трех основных аспектах**: содержание, форма и функция.

В аспекте **содержания** ОП свободу продуцирования символических замещений и образования свободно-поэтической символики обеспечивает вовлечение неограниченного количества образов всех параллельных миров вселенского макрокосма и человеческого микрокосма с возможностью их детализации и взаимодействия. Формирование свободно-поэтической символики обеспечивает эволюция семантики миромоделирования, которая проявляется в образовании ОП в сфере вселенского макрокосма и ОП в сфере человеческого микрокосма. Миромоделирование в границах разных макро- и микромиров

определяет семантическую диффузность актантного и функционального соотношения компонентов, размывание границ их сопоставления по соответствующему компонентному составу, формирование в результате их взаимодействия символической картины с нерасчлененным по компонентному составу семантическим комплексом и образование свободно-поэтической символики.

В аспекте **формы** ОП свободу продуцирования символических замещений и образования свободно-поэтической символики обеспечивает фактически неограниченный диапазон количественных параметров частей ОП. Максимальная амплитуда колебаний ОП формируется «от отдельных фонетических созвучий до композиции целых книг» [Десницкий 2010: 3], включая наличие «своеобразного параллелизма внутри слова» [Хроленко 2010: 48] и параллелизмов-перечней (полиномов) с открытым компонентным составом конструкций перечисления, которые «могут быть почти бесконечными» [Агапкина 2010: 105].

В процессе **функционирования** ОП как корреляции планов его содержания и выражения свободу продуцирования символических замещений и образования свободно-поэтической символики обеспечивает гибкий, полифункциональный, многослойный и системный характер динамики языковых основ ОП в аспектах его порождения и восприятия. Выявлены **три общие закономерности** реализации **доминантных типовых механизмов творения** свободно-поэтической символики, которые получают воплощение на **всех** этапах организации ОП.

Первая закономерность проявляется в том, что **по шкале эволюционных изменений в их крайних точках** наблюдается наибольшая плотность возможностей для свободного образопорождения. К примеру, абстрактный образ-символ как итоговое звено эволюции ТСО демонстрирует широкий диапазон свободно-поэтических образных сопоставлений в процессе функционирования ОП: в балладе «*корабли – сила, воля*» «*Ох и пропадай же вы, мои три корабличка, / Кораблики не порожние, / Ох и пропадай же ты, силушка сильная, / Волюшка моя вольная!*» [Астахова 1963: 95].

Вторая закономерность проявляется в том, что сосуществование и функциональное взаимодействие исконной триадирированности гипертемы и двух ее образных вариантов как проявления асимметрии и выраженной в фольклорном

тексте бинарности частей ОП как проявления симметрии дает основание заключить, что непрерывное **взаимодействие асимметрии и симметрии** направлено на преодоление асимметрии посредством формирования псевдосимметрии параллельных построений. В границах корреляции диады и триады, симметрии и асимметрии наибольшая плотность возможностей для свободного творения символических замещений наблюдается в процессе преодоления асимметрии, структурно-семантическая «напряженность» которого свидетельствует о том, что именно асимметрия, и исконная, и возникшая в результате эволюции ОП, обеспечивает фактически неограниченную свободу продуцирования символических замещений посредством сущностной связи частей ОП с гипертемой. Размывание в частях ОП четких границ симметричного сопоставления актантных и функциональных компонентов порождает и допускает определенную степень свободы символических замещений: в былинке *«Уж ты будь, моя шуба, счастлива, / И будь, моя шуба, таланиста, / Я убил Идолица во чистом поли, / Еще убить бы неприятеля со зятелком со Кириаком»* [Астахова 1961: 77]. Кроме того, свобода символических замещений находит выражение в асимметрии структурно-смыслового сжатия одной из частей ОП до однословной конструкции в ответе загадки, в приметоносителе или прогнозе приметы, а также обеих частей в образном параллелизме-биноме как способе преодоления асимметрии.

Третья закономерность проявляется в том, что **контаминация**, сочетание разных модификаций ОП на всех этапах его организации (имплицитных и эксплицитных; гипертем и их реализаций) обеспечивает свободу творения символических замещений и образование свободно-поэтической символики. К примеру, в загадке с многокомпонентным составом образной части и ответа, наличием стереоскопического сочетания ОП с гипертемой первого типа в ответе загадки *«будни, воскресные дни – Пасха»* и с гипертемой второго типа в параллелизме образной части и ответа: *«Триста орлов, пятьдесят соколов, дерево сухое, верх золотой. – Будни, воскресные дни и Пасха»* [Даль 1879: I, 24].

Основные закономерности типовых механизмов формирования свободно-поэтической символики имеют ряд **частных проявлений**. К примеру, феномен

формализации символической образности обуславливает отсутствие в частушке присущего традиционным механизмам песенных символических замещений порождения парного или обобщенного образа-символа в результате детализации образа природы: «*корова, титечки – ребята*» «*Во дворе стоит корова, / Золотые титечки. / Сыроватские ребята / Пропились до ниточки*» [Астафьева 1987, № 3536] и др.

Реализация в разножанровых фольклорных произведениях двух векторов эволюции семантических комплексов ТСО – зарождения абстрактной и свободно-поэтической символики – отражает сценарии развития художественного мышления этноса от конкретного к абстрактному и вновь к конкретному.

3.1.6. Каталог типов символической образности и их эволюционно-ментальный аспект

Систематизация в составе интегрированного каталога ТСО ОП отражает их эволюцию: основные ТСО, разновидности основных ТСО и их подвиды. Обобщенные данные представлены в *Приложении 3 «Типы символической образности образного параллелизма»*.

Интегрированный каталог представляет собой **общефольклорный фонд** типов символической образности, созданных на основе образного параллелизма и зафиксированных во всех исследуемых фольклорных жанрах. Обобщенные данные представлены в *Приложении 4 «Типы символической образности образного параллелизма в жанрах русского фольклора»*.

3.2. Эволюция структурно-семантических модификаций образного параллелизма

3.2.1. Структурно-семантические модификации образного параллелизма

Исследование морфогенеза ОП через призму типологизации его **структурно-семантических модификаций (ССМ ОП)** отражает этапы народного мировидения.

Критериями разграничения ССМ являются в содержательном отношении определенный **тип репрезентации макро- и микромиров** [Доброва 2004: 39], в структурно-семантическом плане тип репрезентации компонентного (функционального и/или актантного) состава частей и объем (полнота или часть) синтаксической конструкции, организованной по принципу ОП.

Материал исследования свидетельствует о значимости определения **статуса сопоставления образов** символического и реального миров. И.Ф. Амроян справедливо отмечает, что репрезентация миров на основе сопоставления и сравнения существенно отличается. Принцип сравнения представлен тождеством лексем, а принцип сопоставления основан на подобии (а не тождестве) символического и реального миров и репрезентирован отсутствием тождества лексем [Амроян 2005]. Разделяя мнение И.Ф. Амроян об отличии в репрезентации символического и реального миров посредством тождественных и нетождественных лексем, тем не менее подчеркнем, что наши наблюдения за функционированием ОП свидетельствуют об ином соотношении рассматриваемых явлений. Поскольку ОП зиждется на совпадении глубинной семантики, совпадение поверхностной семантики для ОП факультативно, а его наличие не меняет сущностных основ ОП. Тождество лексем, свидетельствующее о совпадении поверхностной и глубинной семантики, связано с условным наделением одного мира свойствами другого. В ОП формируются не сравнительные (даже в случае тождества лексем в частях), а **сопоставительные отношения четырех типов: сопоставление в форме тождества, подобия, противопоставления и уподобления.**

Сопоставление компонентов ОП, основанное на **тождестве (отождествлении)** символического и реального миров по определенным параметрам, репрезентировано тождеством лексем, которые представляют компоненты частей ОП и подтверждают тождество его глубинной и поверхностной семантики. Сопоставление компонентов ОП, основанное на **подобии** символического и реального миров по определенным параметрам, репрезентировано в частях ОП нетождественными лексемами. Сопоставление компонентов ОП, основанное на **противопоставлении** символического и реального миров по определенным параметрам, выражено наличием отрицательной частицы *не* у актантных компонентов в безглагольных конструкциях, а также наличием

отрицательной частицы *не* у функциональных компонентов, представленных тождественными и/или нетождественными глагольными лексемами. Сопоставление компонентов ОП, основанное на **уподоблении** миров по определенным параметрам, представлено формализованной ССМ параллелизма с образным уподоблением посредством репрезентации общих для макро- и микромиров компонентов.

Материал исследования позволяет дифференцировать **три линии развития ОП: классические, трансформированные и формализованные ССМ ОП.**

Четыре типа сопоставления символического и реального миров дифференцируют три линии развития ОП. Сопоставление в форме подобия и противопоставления является универсальным и организует ССМ всех линий развития ОП. Сопоставление в форме тождества организует трансформированные и формализованные ССМ. Сопоставление в форме уподобления организует только формализованные ССМ.

Выявлены **основные содержательные тенденции субъект-объектной квалификации образов** в частях ОП. Номинации актантов микромира человека представлены именами социофактов, корпусфактов и выступают в качестве субъектов сопоставления. Номинации актантов символического макромира представлены именами натурфактов, ментефактов и артефактов и выступают в качестве объектов (предметов и источников) сопоставления в четырех его типах: тождества, подобия, противопоставления и уподобления.

3.2.2. Классический тип образного параллелизма

В жанрах русского фольклора представлены разнообразные ССМ ОП, отражающие основные этапы эволюции художественного мышления народа.

Исходным в цепи структурно-семантических преобразований является **классический тип ОП** как ССМ, которую отличает содержательная и структурная автономность символической и реальной частей, репрезентирующих самодостаточные макро- и микромиры в их объективно-природной ипостаси.

Содержательную основу ОП составил **психологический параллелизм как особый тип мышления**, основанный на параллелизме ассоциированных в сознании

человека образных представлений и получивший выражение в реализации идеи единства человека и мира природы. Аналогия образов символического и реального миров сохраняется неизменной на всех этапах эволюции ОП и отражается в общей гипертеме: «В основе – парность представлений, связанных по частям, по категориям действия, предметов и качеств» [Веселовский 1940: 437].

Структурную основу ОП составил **синтаксический параллелизм** моно- и полипредикативных конструкций, который характеризуется функциональным тождеством и позиционной общностью компонентов частей [Артеменко 1977: 57], обуславливает их нелинейное соотношение с гипертемой ОП, создает между частями параллельно линейным связи нелинейного характера [Артеменко 1977а: 264–265], тем самым эксплицирует вхождение частей в одно построение и обеспечивает его структурно-смысловую цельнооформленность. Грамматически подобные части ОП объединены гипертемой, сближающей их до смыслового гипертематического совпадения, и в геометрическом смысле «параллельны» друг другу.

В классическом ОП композиционные части изображают автономные миры. Символическая параллель с образами макромира в их объективно-природной ипостаси и реальная параллель с образами микромира сопоставлены композиционно как взаимосвязанные части одной эстетической формы. Разновидности классического ОП определяются лексическим наполнением и структурной организацией (однотипностью и соположенностью) частей.

Классический образный параллелизм основан на **принципе сопоставления**, формальные показатели которого не вербализованы и имеют имплицитный характер.

Образный параллелизм в его классическом воплощении разнообразно представлен структурами с отношениями **сочинительного** типа.

Основу ОП составляют конструкции, выражающие **сопоставительные** отношения. Использование параллелизма при организации конструкций с сопоставительными отношениями имеет общеязыковой характер, поскольку оно свойственно и диалектам, и литературному языку. За пределами фольклорно-языковой сферы для выражения указанных отношений используются и союзные, и бессоюзные построения с параллельной организацией компонентов и без нее. Структурные признаки

исследуемых построений в фольклорных текстах имеют ряд особенностей. Реализуются, как правило, в бессоюзных сложных конструкциях [Сковородников 2004] с параллельно построенными однотипными частями: в балладе *«Светила звезда, она перед месяцем; / Валялась куница, она перед сободем; / Стояла девица, она перед молодцем»* [Астахова 1963: 105]; в примете *«После грозы – ведро, после горя – радость»* [Ермолов 1905: IV, 3]. Указанные отношения выражаются прежде всего лексическим наполнением частей. В ряде случаев используются союзы *и, а*, однако их использование не отличается частотностью: в быличке *«Так у человека постень [тень] есть, а у черта нету»* [Черепанова 1996: 44, № 250]. За пределами фольклорно-языковой сферы параллелизм выступает как дополнительный, а в фольклоре как основной показатель синтаксической связи между предикативными частями [Артеменко 1977а: 266].

Разновидностью сопоставления является противопоставление [Артеменко 1977а: 269]. Своеобразие выражения **сопоставительно-выделительных отношений** в фольклорных текстах определяется их направленностью на акцентирование фольклорных образов [Веселовский 1940: 185]. В классическом ОП в его отрицательной модификации сопоставительно-выделительные отношения выражаются в синтаксических конструкциях, образуемых параллельным построением частей, с выносом в инициальную позицию членов, обозначающих сопоставляемые образы, и постановкой при первом из них отрицания: в былине *«Не ясёнь соколъ съ соколикомъ вылётываль – / Выезжали два могучихъ богатыря»* [Авенариус 1885: 27, № 4].

Типология классических ОП опирается на **содержательные, структурные и композиционные критерии**, которые делятся по их статусу на **общежанровые** или **внутрижанровые**.

К **общежанровым критериям** дифференциации классического ОП относятся в содержательном плане параметры сопоставления миров; в структурном плане – структурные схемы построения и способы оформления модальных планов частей.

По параметрам сопоставления миров в силу сходства их акциональных, атрибутивных, количественных, обстоятельственных параметров на материале классического ОП разграничены параллелизмы действия (состояния), качества, количества, обстоятельственных параметров. Поскольку символический и реальный

миры в классическом ОП представлены в их объективно-природной ипостаси, сопоставление миров зиждется на **принципе подобия, а не тождества**.

Вербальными средствами репрезентации образов макро- и микромиров в их объективно-природной ипостаси являются семантика лексем и их синтагматические связи, которые выражают **типовые** параметры образов. В классическом ОП не допускаются изменения типовых параметров образов, противоречащие природе обозначаемых ими денотатов. В ОП проводится параллель между действиями (процессами, состояниями), явлениями и их характеристиками, поэтому варианты сопоставления объективных характеристик миров разнообразны. Актуализация параметров сопоставления определяется функциональной направленностью жанра.

Типология классического ОП разработана в соответствии с параметрами, по которым уподобляются символические и реальные миры.

По структурным схемам построения частей ОП акциональные, атрибутивные, количественные и обстоятельственные параллелизмы манифестируются на основе различных структурных схем монопредикативных и полипредикативных конструкций, в обеих частях идентичных, или обладающих сходными структурными характеристиками, или различных в силу доминантности смысловых характеристик ОП. Классический ОП отличается **«избирательностью»** в плане построения частей: не реализуется на основе групп конструкций, включающих в себя прямую речь (диалогические единства), и на основе параллелизма части предикативной конструкции. Первая свойственна трансформированному ССМ, вторая – формализованному.

Классический ОП репрезентирует информацию об образах параллельных миров **исключительно средствами реальной модальности**. Поэтому критерий классификации параллелизмов по способам оформления модальных планов частей для классического ОП не является релевантным. ОП классического типа характеризуется **тождеством модальных планов** [Артеменко 1977а: 320] символической и реальной частей, которые репрезентируются **средствами реальной модальности**. Ирреальная модальность (побудительности, желательности) не свойственна классическому параллелизму, поскольку вступает в противоречие с его структурно-смысловыми характеристиками. Репрезентация

миров средствами реальной модальности выражается на основе конструкции <как> *осуществляется А*, <так сходно> *осуществляется и В*, в которой структурные показатели сопоставительных отношений <как..., так сходно...> не эксплицируются, что представлено знаками <...> имплицитного воплощения.

К **внутрижанровому критерию** относится композиционный критерий **соотнесенности** классического ОП с **композиционными частями фольклорного текста определенного жанра**: локализация в ядре, повествовательной части или закрепке заговора [Авдеенко 2005]; образной части или ответе загадки и др. В образной части загадки «*Не куст, а с листочками, / не рубаишка, а сшита, / не человек, а рассказывает. – Книга*» [Рыбникова 1932: 99, № 403]; в страховочной части приметы «Если ночью принести воды из колодца – дети будут плакать. Надо бросить в воду спичку – *вода очистится, дети успокоятся*» [Харченко 2008: 120].

Разновидности классического параллелизма **не допускают повтора лексем**, репрезентирующих в частях **ядерные** компоненты – *субъект, объект и функцию*. Наличие повторов свидетельствует о трансформации или формализации ОП. Повтор периферийных компонентов, репрезентирующих обстоятельственные параметры образов (время, локус, количество и др.), не приводит к трансформации или формализации ОП: «*Ведь одно печет красное-то солнышко, / И одни живут желанные родители*» [РПК 1940: 141]. В классическом параллелизме при отсутствии повтора периферийных компонентов отмечена их принадлежность обоим частям: в причитаниях «**На прикладистом ошесточке / Не орлица со орлятамы, / А свекрова со золовкамь**» [РПК 1940: 222]. Повтор или общность периферийных компонентов частей являются языковыми маркерами подобия миров и свидетельствуют о начальных этапах формирования в недрах классического ОП языковых скреп, получающих развитие на последующих этапах его трансформации и формализации.

Выявлены **типовые способы** построения разновидностей классического ОП на основе определенных СС предикативных конструкций.

Параллелизмы действий представлены в частях ОП прежде всего двусоставными повествовательными конструкциями, построенными по СС $N_1 - V_f$ с подлежащим – именительным падежом имени в широком смысле

(существительного, прилагательного, числительного, местоимения, причастия) или количественно-именным сочетанием и сказуемым – спрягаемой формой глагола, в ряде случаев парным сочетанием глагольных форм, характерным для разговорной речи [Артеменко 1977а: 185–186]: в заговоре «<...> *мост сколыхнулся, конь споткнулся и вывих минулся*» [Савушкина 1993, № 110].

Параллелизмы состояний представлены синтаксическими конструкциями, построенными по следующим СС.

Распространены двусоставные повествовательные конструкции, построенные по СС $N_1 - V_f$. В основу сопоставления частей положен результат действия как состояние: в заговоре «*Нитка урвалась, кровь у рабы божьей (имя) унялась*» [Вятский фольклор 1994, № 461]. Конструкции, формирующиеся на основе противопоставления, содержат в одной из частей функциональный компонент с отрицанием, выраженным отрицательной частицей *не*, а в другом – без отрицания: в заговорах «<...> *шелку не стало и кровь течь перестала*» [Савушкина 1993, № 64]; «*Море котлянеет, кровь не канет*» [Виноградов 1909: 38, № 32]. Выявлен ввод функциональных компонентов с отрицанием в обе части ОП: в заговоре «*Шелк не рвется, булат не гнется, уклад не ломается, камень не распадается*» [Савушкина 1993, № 60].

Классический ОП состояния представлен безглагольными конструкциями. Параллелизмы состояния, части которых построены по СС N_{N1} с *препозицией* компонента со значением локализатора или объекта по отношению к субъекту, представляют безглагольную конструкцию, реализующую культурную семантику упорядочения универсума. Главный член – существительное в именительном падеже со значением существования, бытия: в лирической песне «*На улице дождичек да во поле туман <...> / Да мне ли, молодешенькой, да все горе-печаль*» [Мезень 1967: № 73]. Для конструкций характерно распространение предикативного ядра локальными и объектными детерминантами [Артеменко 1977а: 190, 214]: в заговоре «*С гуся вода, с меня худоба*» [Вятский фольклор 1994, № 343]. Отсутствие основного глагольного компонента сохраняет семантическое сопоставление процессов, происходящих в разных мирах, поэтому глаголы могут быть восстановлены в обеих частях [Ильенко 2003]: «<Как стекает> с гуся вода, <так уходит> с меня худоба». В ОП

эллиптический пропуск глагольной лексики в человеческой параллели сочетается с глагольной конструкцией в символической части: «С гуся канет вода, с потолка <канет> руда» [Савушкина 1993, № 72]. Единство гипертемы и способов ее образного воплощения обуславливает возможность редукции состава предложения: «если у двух следующих друг за другом единиц их выражаемый глаголом смысл один и тот же, то глагол очень часто опускается» [Якобсон 1987: 124; Ильенко 2003; 1996]. В литературном языке презенсные манифестации СС представляют безглагольную конструкцию. В диалектных и фольклорных текстах – сопровождаются использованием глагола *есть* со служебной функцией [Артеменко 1977а: 191]: в песне «Э-ой, на синём-то море есть пого<...> ой, погодушка, / Ох, погодушка, / Э-ой, в ретивом-то сердце есть зазно<...> ой, зазнобушка» [Печора 1963: № 167].

Параллелизмы состояния с семантикой упорядочения универсума имеют симметричное построение частей приема на основе СС N₁ – N₂... . Подлежащее – имя в форме именительного падежа, сказуемое – имя в форме косвенного падежа со значением характеристики состояния [Артеменко 1977а: 187, 215]: в заговоре «Солнце на запад, день на исход, сучок (ячень) на глазу на извод» [Савушкина 1993, № 128]. ОП усиливается наличием в частях тавтологической конструкции: «Суд судом, век веком!» [Савушкина 1993, № 331].

В классическом ОП принцип противопоставления вносит изменения в репрезентацию миров. Сопоставление параллельных образов в частях зиждется на **отрицательной аналогии** [Амроян 2005]. В заговорных формулах подобного типа формируются оппозиции «плюс / минус», «верх / низ» и др. Программируется состояние гармонии организма человека, которое противопоставлено природным процессам: «Водушка – в землю, а ребеночек – в рост» [Аникин 1998: 42, № 43].

Параллелизмы состояния, части которых построены на основе СС **Neg Gen**, представляют односоставные предикативные единицы, относящиеся к именному классу. Главный член – имя в форме родительного падежа с отрицанием *ни* [Артеменко 1977а: 192]. В символической части представлено отсутствие объективно допустимых поражений объекта природы (*у бревна трещинки*), которые являются знаками заболевания растения и сопоставляются с проявлениями

болезни у человека (*трещина у дерева – порез у человека*): «*На бревнышке ни сучка, ни трещинки – на мне ни ушибу, ни порезу*» [Вятский фольклор 1994, № 451].

Параллелизмы качества представлены безглагольными конструкциями и имеют отличительные черты. В ОП репрезентированы субъекты и их характеристики.

Отличаются построением частей на основе **СС N₁ – N₁** [Артеменко 1977: 186, 213] с подлежащим и сказуемым, выраженными именами в именительном падеже: в заговоре «*Краски сухие – раны сырые*» [Вятский фольклор 1994, № 458], с общностью периферийных компонентов как языковых маркеров подобия миров: в частушке «**В том краю кусты густы, / Вербочки пушистые, / Небогатые отцы – / Дочери форсистые**» [Власова, Горелов 1965, № 1730], с вводом тавтологических конструкций: в заговоре «*Путь путливый, суд судливый*» [Вятский фольклор 1994, № 570].

Параллелизмы количества характеризуются прежде всего построением частей на основе **СС Adv_{quantit} Gen.** Главный член – количественное наречие с существительным в родительном падеже [Артеменко 1977а: 191]: в заговоре «*Много на дубе цветочков, много на голове волосочков, возьми полволоска*» [Савушкина 1993, № 114].

Параллелизмы локусов, части которых построены по **СС N_{N1}** с *препозицией* компонента со значением локализатора или объекта по отношению к субъекту, представляют безглагольную конструкцию, реализующую семантику упорядочения универсума. Главный член – имя существительное в именительном падеже со значением бытия. Конструкциям присуще распространение предикативного ядра локальными детерминантами [Артеменко 1977: 190]. ОП является модификацией заговорного сюжета о трех братьях или царях, которые не могут встретиться [Топорков 2010: 212]: «*В небе млад месяц, во удоли сухо древо, мертв черв в зубех*» [Топорков 2010: 111, № 43].

Конструкции параллелизмов локусов с культурной семантикой упорядочения универсума имеют симметричное построение частей на основе **СС N₁ – N₂...** с подлежащим – именем в форме именительного падежа и сказуемым – именем в форме косвенного падежа со значением пространственной характеристики [Артеменко 1977а: 187, 215]: в заговорных формулах-закрепках «*Щука в море, язык в роте, замок в небе, а ключ в море*» [Савушкина 1993, № 33], в повествовательной части заговора: «*Нож – в сердце вору, потеря – на место*» [Аникин 1998: 371, № 2350].

Другие СС предикативных единиц в классическом ОП реализуются реже.

Классический образный параллелизм не выявлен в параллелизмах условий и темпоральных параметров.

3.2.3. Трансформация формы образного параллелизма

Исходная классическая ССМ ОП эволюционирует в двух генерализованных направлениях, связанных с **трансформацией** и **формализацией ОП**. Оба вектора развития обусловлены действием **общефольклорной тенденции к адаптации и сближению двух параллельных миров**. Формируется особый тип репрезентации и сопоставления макромира вселенной и микромира человека, при котором содержательная и структурная автономия миров известным образом нивелируется.

В эволюционно-генетической модели первый вектор развития представлен **трансформацией формы и содержания** классического параллелизма.

Трансформация формы ОП осуществляется в двух ССМ: в **антропоморфизации макрообъектов** и **пластическом преобразовании образов параллельных миров**. «Данное направление эволюции выразилось во взаимопроникновении субстанциональных характеристик мира природы и мира человека. Оба мира сохраняют свою концептуальную и структурную обособленность, но один из них наделяется признаками другого» [Доброва 2004: 44].

3.2.3.1. Антропоморфизация макрокосмических объектов

Антропоморфизация макрообъектов как трансформация формы ОП представлена анимизацией и собственно антропоморфизацией.

Анимизация макрокосмических объектов, или ранний вариант собственно антропоморфизации, как трансформированная на уровне формы ССМ проявляется в представлении, аналогично классическому типу параллелизма, макрообразов в их объективно-природной ипостаси, отсутствии у них признаков внешнего

человекоподобия и их репрезентации как живых существ: к ним обращаются с речью, с ними ведут диалог, как и с персонажами «человеческой» части.

В содержательном плане анимизация макрообъектов не репрезентирует внешнего видоизменения образов макромира ни в статическом плане, связанном с преобразованием их внешнего облика, ни в функциональном плане, связанном с наделением их способностью осуществлять различные действия, несвойственные им от природы. Анимизация, одухотворение образов макромира реализуется в обращении человека к ним как к живым существам, в наделении их гипотетической способностью осуществлять речемыслительную деятельность. Генетически исследуемый способ репрезентации образов символической параллели ОП восходит к «анимистическому» способу восприятия макромира в мифологии, соотносится с наиболее ранним этапом *анимизма* (лат. *anima* – душа) как донаучным представлением, которое отличает одухотворение сил и явлений макромира [Словарь иностранных слов в русском языке 1996: 53].

В структурном плане анимизация образов макромира имеет **идентификационные показатели**, по которым ССМ определяется в тексте: анимизация образов макромира представлена наличием в ОП обращений, вопросно-ответных (диалогических) конструкций, форм изложения от первого лица. Анимизация образов макромира не предполагает наличия лексического тождества или синонимического воплощения функциональных компонентов, поскольку образы разных миров показаны с присущими им объективно-природными свойствами, представленными в символической части соответствующим лексическим наполнением реплик диалога; не отличается вводом в символическую часть актантных и периферийных компонентов, репрезентирующих характеристики, несвойственные макрообъекту от природы.

В функциональном плане на основе анимизации образов макромира формируются символические действия и символические картины как ТСО, поскольку отсутствие лексического тождества функциональных компонентов формирует между ними в границах ОП символическую связь.

Анимизация природных объектов представлена в разных жанрах фольклора: в частушке *«Ты зачем же, голубика, / Опадаешь рано-то? / Ты зачем же, дорогой, / Полюбил на мало-то?»* [Власова 1965, № 3491]; в балладе *«Ты чего, сокол, летаешь да здесь облятываешь, / Ты зачем зашел сюда, Иван Дудорович?»* [Астахова 1963: 79] и др.

ССМ не выявлена в причитаниях, пословицах, загадках, быличках, что обусловлено спецификой жанров: анимизации макрообразов нерелевантна для представления загадочного предмета в тексте и ответе загадки, сверхъестественного существа в быличке и др. Анимизация макрообъектов приема имеет межжанровый статус, так как представлена не во всех фольклорных жанрах.

«Очеловечивание» макрокосмических объектов, или собственно антропоморфизация, как трансформированная на уровне формы ССМ проявляется в видоизменении образов макромира, при котором его объекты «наделяются способностью производить действия, свойственные только человеку, и его качествами» [Доброва 2004: 44], обретают черты внешнего и функционального человекоподобия. «Одновременно антропоморфизированный образ вводит в текст <...> ряд традиционных значений, формируемых комплексом мифологических, а в дальнейшем – **наслаивающихся** на них традиционных фольклорных представлений» [Венгранович 2011: 230].

В содержательном плане антропоморфизация репрезентирует видоизменение образов макромира и в статическом плане, связанном с изменением внешнего облика объекта (*солнце / луна с ушами* в народных приметах), и в функциональном плане, связанном с наделением их способностью говорить, действовать как живые разумные существа. Генетически исследуемый способ репрезентации макрообразов восходит к «антропоморфному» способу восприятия макромира в мифологии, соотносится с этапом *антропоморфизма* (греч. *άνθρωπος* человек и *μορφή* вид, форма) как донаучным представлением, согласно которому животные, растения и явления неживой природы (стихии) обладают человеческими свойствами: мыслями, чувствами, волей [Словарь иностранных слов в русском языке 1996: 61].

В структурном плане собственно антропоморфизация макрообразов имеет **идентификационные показатели**: представлена в частях ОП лексическим

тождеством или синонимическим воплощением функциональных компонентов с различными основаниями сопоставления образов; вводом в символическую часть актантных, функциональных и периферийных компонентов, репрезентирующих несвойственные объекту макромира от природы характеристики (лексемы *уши, слезы, дети* и т. д.); синтаксическим оформлением частей на основе параллелизма групп конструкций, включающих прямую речь (диалогические единства) и демонстрирующих наделение образов макромира способностями осуществлять действия, несвойственные им от природы. В тексте реализуется один или несколько маркеров.

В функциональном плане на основе антропоморфизации образов макромира доминирует образование персонифицированных образов-символов как ТСО, поскольку лексическое тождество и синонимия исключают наличие между функциональными компонентами частей непосредственной символической связи.

Лексическое тождество функциональных компонентов и его нарочитая условность формируют **«проявленный» характер символических обозначений** в ОП. Латентные, закодированные в классическом типе ОП символические значения в исследуемых ССМ декодируются и становятся очевидными.

Соотношение лексически тождественных или синонимичных функциональных компонентов имеет **разные основания**. Во-первых, соотношение базируется на объективно обоснованной аналогии действий человека и объектов макромира. ССМ демонстрирует сходство с классическим ОП и в основном создается на базе лексем ГР–1 (*глаголов движения и состояния*). Макрообъект репрезентируется в терминологии действий, присущих человеку, наделяется способностью к хождению: в частушке *«Это горькое вино / По рюмочкам расходится. / Кабы знала, что трепач, / Не стала бы знакомиться»* [Власова 1965, № 2701]; к определенному положению в пространстве: в частушке *«Село солнышко за море / И луна за бережок, / Старый дроля не жалеет – / Новенький побережет»* [Астафьева 1987, № 3408]. Природный объект наделяется способностью находиться в состоянии внутреннего движения (*расти*): в песне *«Как от светлаго месяца / Отросли лучи золоты; / Как у доброго молодца / Отросли кудри черная»* [Киреевский 1911: 95, № 292]. Во-вторых, соотношение основано на условном переносе действий персонажа

на объект макромира при отсутствии объективно обоснованной аналогии: в заговоре «*Камешек, камешек, не бойся <...>. Раб Божий Иван, не бойся*» [Аникин 1998: 66, № 249]; в причитании «*Ты прости меня, родимая сторонушка! / Отдали прости, родитель, моя матушка!*» [Русские плачи (причитания) 1937: 42].

Нарочитая условность отождествления действий и качеств образов макро- и микромиров подтверждается наличием идентификационных показателей, акцентирующих их несходство, исключающих возможность их мифологического отождествления: различие локальных характеристик, нетождественная форма объектных членов при функциональном компоненте; форма отрицательного параллелизма (см. об этом подробно [Доброва 2004: 45–47]).

В эволюционно-ментальном аспекте детальная антропоморфизация природных объектов представляет более поздний этап художественного творчества и свидетельствует об ослаблении символического начала, упадке мифологического мышления, его перерождении в фольклорном произведении в условно-поэтический прием [Мифы народов мира 1997: II, 253–254]. **Динамика «антропоморфного» способа репрезентации образов макромира** в символической части наблюдается в границах одного фольклорного жанра на материале его функциональных разновидностей, а также разных тематических групп образов и в сопоставлении разных жанров фольклора (см. об этом подробно [Доброва 2004: 39–115]). **Маркерами эволюционных процессов** служат особенности преобразования (расширение или сужение) спектра функциональной специализации процесса антропоморфизации природных объектов в аспекте изменения компонентного состава частей, лексического наполнения компонентов, комбинаторики способов репрезентации образов миров (сочетание антропоморфного и классического способов, ограничивающее полноту раскрытия символических кодов), которые обусловлены тематическим параметром воплощения образов, экстралингвистическими факторами (объективно-природными особенностями репрезентируемых денотатов), спецификой жанра и его разновидностей.

Антропоморфизация макрокосмических образов широко представлена **на разножанровом фольклорном материале**. В приметах модификация имеет

универсальный характер и осуществляется по нескольким векторам развития ОП: в отношении характера репрезентации образов в динамическом и статическом аспектах; в плане соотношения актантных, функциональных и периферийных (прежде всего атрибутивных) компонентов частей; в композиционном отношении на материале приметоносителя и/или прогноза: *«Зима принасупилась – знать, ненастье станет»* [Харченко 2008: 72–73]; *«Срезать цветы для букета лучшие утром или вечером, днем они утомлены»* [Стрижев 1972]. Результаты анализа представлены в статье «Антропоморфизация природных объектов на материале образного параллелизма в русских народных приметах» [Доброва 2022: 103–106]. В лечебных заговорах антропоморфизируются образы природы, артефактов и мира болезни: *«Заря-зарница, красная девица, у тебя жених (имя), а у меня невеста (имя)»* [Аникин 1998: 60, № 199]; *«Печка не плачет, так и ребенок не плачет»* [Аникин 1998: 60, № 203]. Антропоморфизация макрообразов представлена в образной части загадки *«Деревни, города спят, / один бабай не спит. – Месяц»* [Рыбникова 1932: 171, № 4]; в сопоставлении образной части загадки и ее ответа: *«В болоте плачет, а из болота не идет. – Кулик»* [Митрофанова 1968: 43, № 1024]. В быличках антропоморфизируются мифологизированные персонажи: *«А еще бывает, домовой на жердоцке плаче, вое. Это не к добру ведь. У меня плакал, дак братьев двух убили»* [Черепанова 1996: 28, № 110]. В волшебной сказке ССМ реализует интенциональную направленность жанра: *«Лисичка и говорит: «А что, волчику-братику, украдем этот пирожок»* [Афанасьев 1958: I, 7, № 4].

Исследуемая ССМ в разных фольклорных жанрах получает развитие в наделении макро- и микрообразов **условно-фантастическими, нереальными чертами, свойствами и способностями**. Условно-фантастическое моделирование природных образов представлено в частушке: *«Как по Шухтовке-реке / Плыла корова в армяке, / Рукава бумажные. / У нас ребята важные!»* [Власова 1965, № 2255]; в быличке с репрезентацией мифологизированного персонажа: *«Вечером Анна Тихоновна пошла от подруг той же улицей, и ей навстречу побежала из ниоткуда лошадь, а из ее ноздрей огонь пышет»* [Пухова 2008: 38, № 66]. Условно-фантастическое моделирование микрообразов выявлено в «затрудненном» параллелизме образной части и ответа загадки, в границах которого с целью создания

символического кода реализуется условное наделение человека признаками макрообъекта или условно-фантастическими свойствами и способностями: «*В брюхе – баня, / В носу – решето, / На голове – пупок, / Всего одна рука, / И та – на спине. – Чайник*» [Аникин 1957: 169, № 62], с парными образами-символами: «*Золот хозяин – на поле, / Серебрян пастух – с поля. – Солнце и месяц*» [Митрофанова 1968: 21, № 129].

Статус ССМ ОП в эволюционно-генетической модели его развития состоит в формировании механизмов функциональных, актантных и периферийных компонентных переносов в представлении образов параллельных миров, динамика которых получает воплощение в пластике образов макро- и микромиров с двусторонними компонентными переносами в каждую из частей ОП.

Антропоморфизация макрообъектов на материале образного параллелизма имеет **общежанровый статус** и получает детализированное выражение во всех фольклорных жанрах, что свидетельствует о значимости исследуемой ССМ как способа выражения культурных смыслов, воплощенных народным сознанием в фольклорном тексте.

3.2.3.2. Пластика образов параллелей

Пластическое видоизменение, или пластика, образов символической или реальной части ОП представляет второй вариант трансформации формы классического ОП. Пластика образов свидетельствует о переосмыслении мифологических основ символики, поскольку изображение макрообъектов воплощает нематериальную духовную субстанцию, эмоциональный спектр души. Пластика образов функционально направлена на раскрытие внутреннего мира персонажей. В центре внимания оказывается изображение субъективного мироощущения в восприятии человеком природы (пластика макрообразов) и себя в образах природы (пластика микрообразов) [Доброва 2004].

Выявлены **две основные ССМ**: пластика образов символической параллели и пластика образов реальной параллели.

Пластическое видоизменение образов символической параллели ОП как трансформированная на уровне формы ССМ проявляется в стремлении сблизить

макро- и микромиры, намеренно воссоздать гармонию природного мироустройства и мира человеческих чувств и тем самым упорядочить и гармонизировать человеческие эмоции и отношения в более широком макрокосмическом контексте. Исследуемая ССМ направлена на раскрытие спектра эмоциональных состояний человека.

В содержательном плане пластика образов символической параллели приема репрезентирует восприятие макрокосмических закономерностей через призму субъективных мироощущений человека. В результате человек моделирует природные процессы и события не в соответствии с объективными закономерностями, а на основе динамики своих чувств и переживаний. Пластическое преобразование образов символической части осуществляется в пределах реальных свойств образов макромиров и закономерностей их устройства. Черты условной антропоморфизации ССМ несвойственны: в песне *«Полно, солнышко, из-за лесу светить, / Полно, девушка, по милому тужить»* [Киреевский 1929: 158, № 2240].

В структурном плане пластика образов символической части имеет **идентификационные показатели**, по которым определяется в тексте: представлена синтаксическим оформлением символической части ОП на основе конструкций с семантикой волеизъявления; оформлением микрокосмической параллели с использованием средств реальной и ирреальной модальности; представлением характеристик образов макромира с помощью номинаций, репрезентирующих образы микромира, с применением лексических повторов глагольных лексем или их частей.

В функциональном плане на основе ОП с пластическим преобразованием образов символической части формируются образы-символы, символические действия и символические картины как ТСО.

ССМ представлена в разных жанрах русского фольклора: в причитании *«Кабы вороны слетались бы, / Крылье-перыце щипались бы; / Кабы воины съезжались бы, / У ихъ палицы ломались бы»* [Барсов 1886: III, 3]; в сказке *«Куку, расступись, земля, Куку, провались, сестра!»* [Афанасьев 1958: I, 188, № 114] и др.

В народных приметах пластика образов приметогенной ситуации характеризуется оформлением данных приметоносителя в символической параллели средствами ирреальной модальности с использованием императивной конструкции

применительно к образам микромира с целью регламентировать поведение человека. ССМ с гипертемой означивания связи явлений имеет жанрообразующий характер: «Ставь на ровномъ месте плошку или сковороду: отпотеютъ – вода близко» [Ермолов 1905: IV, 346]. Макрокосмическая часть прогноза включает образы природы, православного мира, сверхъестественного мира. В левой параллели приметы содержится императив с рекомендацией по поведению человека, в правой – прогноз макрокосмического явления: «Не дуй на Благовещенье огня – не будет головня (в пшенице)» [Харченко 2008: 73]. Сопоставление микрообразов в приметогенной ситуации и образов православного мира в прогнозе, оформление приметоносителя в форме категорического запрета совершать действия актуализируют важность функционирующих в примете в качестве означаемого православных ценностей: «В окно нельзя плевать, бросать мусор – под окном стоит ангел-хранитель» [Харченко 2008: 109]. В прогнозе представлены образы низшей мифологии: «Около огня нельзя свистеть – соберутся черти» [Харченко 2008: 155]. ССМ выявлены в быличках: «Не пей прикладкой, придет черт с лопаткой» [Черепанова 1996: 45, № 264].

В примете зафиксировано сочетание параллелизма приметоносителя и прогноза и параллелизма приметоносителя и прогноза в границах прогноза первой конструкции: «Въ Ивановску и въ Ильинску неделю не купайся – водяной играетъ, потонешь» [Ермолов 1905: IV, 370]. Макро- и микрообразы отличаются двойной функциональной направленностью, поскольку в одной конструкции являются означающим, в другой – означаемым. В параллелизме приметоносителя и прогноза с ГТ–2 в сочетании с параллелизмом-биномом с ГТ–1 темпоральный макрообраз указывает на основания параллелизма образов приметоносителя и прогноза: «28 февраля / 13 марта – Василий Исповедник, Василий Капельник, Василий Теплый. С этого дня начинает таять снег на крышах. Крестьяне <...> говорят: «Посмотри на Васильев день на капельники, и капель пойдет» [Рыженков 1992].

Пластика образов символической части характеризуется межжанровым статусом: не выявлена на материале загадок, поскольку репрезентация представителей одного мира через призму восприятия представителя другого мира нерелевантна для декодирования символических образов энигматических текстов.

Пластическое видоизменение образов реальной части проявляется в стремлении сблизить макро- и микромиры на основе сопоставления закономерностей человеческой жизни с вечными законами природы, в результате которого микрокосмические события в определенном смысле «дотягиваются» до уровня законов макромира, приобретают статус непреходящей закономерности, исключая иные сценарии развития внутреннего мира персонажей. ССМ направлена на раскрытие чувств, прогнозируемых в контексте макрокосмических закономерностей: в песне *«Не светить месяцу летом против зимнего, / Не любить тебе меня пуще прежнего!»* [Киреевский 1929: 232, № 2549]; в причитании *«Несплывать камню поверхъ воды, / Небывать кормильцу батюшку / Въ своёмъ домѣ»* [Потебня 1877: 28].

В содержательном плане пластика образов реальной части репрезентирует прогностическое возведение эволюции субъективных мироощущений человека в статус макрокосмических закономерностей. В результате человек перспективно определяет сценарий, моделирует прогнозы развития чувств аналогично непреходящим объективными природным закономерностям. Ключевым показателем ССМ является осуществление пластики образов реальной параллели в пределах объективных, реальных закономерностей устройства микромира.

В структурном плане пластика образов реальной параллели имеет **идентификационные показатели**: представлена синтаксическим оформлением реальной части на основе конструкций с семантикой волеизъявления; оформлением символической параллели с использованием средств как реальной, так и ирреальной модальности; синонимией и лексическим тождеством в частях функциональных компонентов, которые основаны на объективной аналогии особенностей действий человека и макрообъекта, сформированы на базе глаголов движения. Действия человека представлены в контексте действий макрообъектов: выражаются повтором глагольных лексем, представляющих акции, присущие прежде всего образам макромира. В тексте получает реализацию один или несколько маркеров.

В функциональном плане на основе ССМ формируются образы-символы, символические действия и символические картины как ТСО.

Пластика образов человеческой части обусловлена особенностями тематических групп образов и обозначаемых ими денотатов: см. об этом [Доброва 2004: 66–68].

ССМ отличает ее оформление средствами ирреальной модальности: в частушке *«Вересиночка да елочка / Стояли обе врозь. / По-хорошему расстались, / Смеяться, дроля, брось»* [Власова 1965, № 2748]; в заговоре от кровотечения *«<...> конь карь, раба Антона кровь не капь»* [Савельев 1990, № 16]. Закономерности человеческой жизни интерпретируются через призму природных закономерностей: в исторической песне *«В темном лесу не без зверя, / В каменной Москве не без друга»* [Исторические песни XIII-XVI веков 1960: 253, № 176]; в былине *«Да едино, солнышко на небесах, / Един богатырь на святой Руси»* [Тихонравов 1894: 177, № 49]. Распространено сочетание двух способов пластического преобразования микрообразов: в частушке *«Ягодинка-клюквинка / На воде не тонет. / Ходи, миленький, один – / Никто тебя не тронет»* [Власова 1965, № 1956].

ССМ с репрезентацией микрообразов в номинациях макрообразов выявлены на разножанровом фольклорном материале: в исторической песне *«Не лютая змея возвивалася, / Возвивалось лукавство великое»* [Игнатов 1970: 116, № 20] и др.

Прогностическая направленность конструкций с семантикой волеизъявления, реализованных на основе оформления человеческой параллели средствами ирреальной модальности, находит широкое применение в жанре приметы.

В примете пластика образов реальной части характеризуется **оформлением прогноза средствами ирреальной модальности** с использованием императивной конструкции. В левой параллели представлено природное явление, в правой – обращенный к человеку императив с прогнозом. В правой прогнозной части приметы содержатся включенные в сферу модальности слова с лексическими значениями возможности, долженствования, необходимости или вынужденности (*можно, нельзя, надо, нужно, необходимо* и др.): *«Закувала кукушка – можно купаться»* [Харченко 2008: 30]. В метеоприметах ОП не распространен, поскольку обе части репрезентируют образы макромира, однако оформление человеческой параллели средствами ирреальной модальности с использованием императивных конструкций, которые вводят в правую часть приметы прогнозную рекомендацию по поведению

человека в соответствующих природных условиях (*жди, верь, одевай, посмотри, не дуй* и т. д.), формирует параллелизм с пластикой образов этой параллели.

В метеоприметах доминируют императивы с лексемами ГР–6 и ГР–4, низкими показателями частотности характеризуются ГР–3 и ГР–2.

Лексемы ГР–6 со значением мыслительной деятельности, состояния сознания (*ждать, ожидать, реже – верить* и др.) реализуют социорегулятивную функцию жанра с разнообразными макрокосмическими приметоносителями и макрокосмическими индикаторами прогноза: «*Усилился запах цветущего донника – жди дождя*» [Селянгина 2005]. Социорегулятивный императив вводится в качестве разъяснения к макрокосмическому индикатору прогноза (*то есть...*): «*Большой снег на Касьяна – воды много будет (т. е. жди затопления!)*» [Селянгина 2005]. Конструкции с отрицанием (*не жди*) немногочисленны: «*Кроты выходят из-под земли – хорошей погоды не жди*» [Рыженков 1992: 101]. Введение в медиальную позицию между частями лексемы *значит* объективирует семиотическую связь между приметоносителем как означающим и прогнозом как означаемым: «*Снежные хлопья стали крупными, значит, жди оттепель*» [Селянгина 2005].

Императивы с лексемами ГР–4 со значением физического действия в прогнозе регламентируют выполнение человеком хозяйственных работ или его поведение в зависимости от времени года и погодных условий: «*Ольха зацвела – сей гречиху*» [Харченко 2008: 102]. В приметоносителе темпоральная характеристика содержит указание на день русского месяцеслова, представленного посредством микрообраза: «*Лягушка на Родиона заквакала – сей овес*» [Панкеев 1998: 147]. Примета отражает дифференциацию семантически сходных макрокосмических приметоносителей в тождественно организованных конструкциях с разными индикаторами прогноза: «*Много комаров – готовь по ягоды коробов, много мошек – готовь по грибы лукошек*» [Харченко 2008: 102]. Конструкции с отрицанием (*не опаздывай*) предостерегают от нарушения темпоральных границ значимых событий: «*Землю согрело – не опаздывай с севом*» [Селянгина 2005].

Прогнозные рекомендации получают выражение с привлечением формы инфинитива ГР–4 со значением физического действия в сочетании с лексемами с

темпоральной семантикой (*время, пора* и др.). В русском языке следствие выражается сочетанием слов «*пора*» / «*время*» + *инфинитив*. В примете лексемы «*пора*» и «*время*» в пре- или постпозиции к инфинитиву приобретают статус императивных речевых действий-обращений к реальному или воображаемому адресату: «*Закраснела земляника – время сеять гречу*» [Харченко 2008: 51].

Прогнозные рекомендации в человеческой части выражены с привлечением формы инфинитива ГР–3 со значением восприятия: «*Лето у ворот – поглядывай в огород*» [Рыженков 1992]. Лексемы ГР–2 со значением «каузировать перемещение или положение предмета в пространстве» (*держать* и др.) в сочетании с соматическим образом (*уши*) в составе фразеологизма выражают призыв к человеку быть осмотрительным в определенные дни русского месяцеслова: «*Власьевские утренники подошли, держи ухо востро!*» [Рыженков 1992].

В построениях формируется асимметрия в оформлении модальных планов частей на основе средств реальной модальности в приметоносителе с образами макрокосма и средств ирреальной модальности в прогнозе с образами микрокосма.

Пластика образов в прогнозе приметы создается введением лексического повтора как способа репрезентации микрообразов с использованием средств репрезентации макрообразов, восходящая к механизмам компонентных переносов, разработанных в антропоморфизации макрообразов: «*Вода прошла – и беда прошла*» [Рыженков 1992]; «*Лист полон, так и сеять полно*» [Харченко 2008: 77].

Пластика образов микромира не выявлена в загадках. ССМ нерелевантна для представления загадочного предмета и характеризуется **межжанровым статусом**.

3.2.4. Трансформация содержания образного параллелизма

Содержательная трансформация ОП представлена тремя ССМ: параллелизмом образов макро- и микрокосма и формирующимися на его основе параллелизмом образов макрокосма и параллелизмом образов микрокосма.

Содержательная трансформация формируется путем параллельного введения в картины образа(-ов) одного из миров: изначально образов микромира во взаимодействии

с представителями макро- и микромиров и как следствие эволюции – образов макромира во взаимодействии с представителями макро- и микромиров, исключительно образов разных макромиров или исключительно образов разных микромиров.

Основу типологии разновидностей содержательной трансформации ОП в текстах разных фольклорных жанров составил комплекс общежанровых и внутрижанровых критериев классификации. К **общежанровым критериям** относятся характер корреляции миров; функциональное назначение человека в частях; характер репрезентации субъекта воздействия в частях; характер оформления модальных планов частей; наличие языковых скреп; специфика символических связей [Доброва 2022в: 331–332]. **Внутрижанровым** (жанрово детерминированным) является критерий, связанный с характером локализации ОП в композиционных частях фольклорного текста.

В функциональном плане на основе содержательной трансформации создаются образы-символы, символические действия и символические картины как ТСО.

3.2.4.1. Параллелизм образов макрокосма и микрокосма

Содержательная трансформация ОП проявляется в стремлении сблизить миры на основе нивелирования равнопредставленности в частях их образов. Функциональное назначение ССМ ОП направлено на раскрытие взаимоотношений представителей параллельных миров, изображаемого в контексте сосуществующих и обогащающих друг друга макро- и микрокосмических закономерностей.

В содержательном плане ССМ репрезентирует нарушение содержательного «баланса» частей ОП путем параллельного введения в обе части образа(-ов) одного из миров: изначально образов микромира или (как следствие эволюции) образов макромира во взаимодействии с другими представителями макро- и микромиров. Ключевым показателем ССМ является представление динамических моделей взаимодействия гетерогенной природы макро- и микрокосмического мироустройства.

В структурном плане содержательная трансформация ОП представляет параллелизм поли- и монопредикативных конструкций, к ней не относятся конструкции с параллелизмом части предикативной конструкции, присущие формализации ОП.

Основу типологии ССМ содержательной трансформации ОП составили следующие **идентификационные показатели**: характер корреляции миров; функциональное назначение человека в частях; характер репрезентации субъекта воздействия в частях; характер оформления модальных планов частей; наличие языковых скреп в частях; специфика формирующихся символических связей. В одном тексте получает реализацию один или несколько показателей.

По характеру корреляции миров дифференцированы ССМ с **параллелизмом образов макро- и микромиров**, в отличие от ОП с образами макромиров и ОП с образами микромиров. Человек представлен в обеих частях. В символической персоне взаимодействует с макрообразами, в реальной – с микрообразами: в частушке *«Не найти такой березки, / Чтобы дождь не поливал. / Не найти такого дрови, / Чтобы век не забывал»* [Астафьева 1987, № 2564].

По функциональному назначению человека (или макроперсонажа) разграничены ССМ с его репрезентацией в качестве субъекта или объекта воздействия.

Первая разновидность репрезентирует человека в качестве **субъекта** воздействия на объекты макро- или микрокосма: в сказке *«Сниди на землю пониже, будешь к покаянию поближе»* [Афанасьев 1958: I, 26, № 16].

Вторая разновидность репрезентирует человека в качестве **объекта**, испытывающего воздействие представителей макро- или микромира: в заговоре *«Чисто платьице – на плечо, здоровье, баса и краса – в телеса»* [Аникин 1998: 42, № 41].

Исследуемое построение дает развитие ССМ, в которой символические макросубъекты вводятся в обе части в качестве субъекта воздействия на человека или другого представителя макромира: в причитании *«Ай-же море, море синее, / Ты розлей мою кручинушку! / Ой-леса, леса дремучи, / Вы здавите злу обидушку! / Ай-же матушка сыра земля, / Ты прими меня сиротинушку!»* [Барсов 1872: I, 64]. Развитие ССМ восстанавливает гармонию миров в связи с симметричной репрезентацией воздействующей способности представителей макро- и микромира.

По характеру репрезентации субъекта воздействия дифференцированы построения с разными субъектами и одним и тем же субъектом в частях ОП.

Выявлены параллелизмы с **одним и тем же для обеих частей семантическим субъектом** (макро- или микрокосмическим), который совершает разные действия или одно действие в отношении объектов внешнего мира и/или другого человека: в балладе *«Проторил он путь-дорожку, перестал ходить, / Проложил он худу славу, перестал любить»* [Соболевский 1895: I, 217, № 15]; с **разными семантическими субъектами**: в причитании *«Его бог ведь спас, да царь вину простил»* [Былины Севера 1951: 375, № 160]; в сказке *«Вот тебе сказка, а мне кринка масла»* [Афанасьев 1958: I, 24, № 14].

По характеру оформления модальных планов частей дифференцированы ССМ с симметричным и асимметричным оформлением.

По данным Русской корпусной грамматики [<http://rusgram.ru/new/>], в сфере модальности выявлены три понятийных центра [Плунгян 2011: 423–424; Савватеева 2023: 117–129]: модальность выражает отношение высказывания к действительности; говорящего к содержанию высказывания и коммуникативную цель высказывания. В фольклорном тексте репрезентация символического и реального миров актуализирует первый понятийный центр в сфере модальности, в котором модальность выражает отношение высказывания к действительности. Выявлены **три типа соотношения** модальных планов частей: два из них отличаются тождеством модальных планов [Артеменко 1977а: 320], третий – отсутствием такового. Композиционные части ОП оформляются средствами следующих видов модальности: модальность реальности, побудительности, желательности. Симметрия и асимметрия в оформлении модальных планов различаются способами выражения жанровой интенции.

Симметричное оформление модальных планов частей средствами реальной или ирреальной модальности не актуализирует жанровую интенцию, уравнивает сопоставляемые параллельные миры. Симметричная репрезентация миров средствами **реальной модальности** репрезентирует жанровую интенцию как свершившийся факт, моделируемый традицией: в причитании *«Подъ ногама мать*

сыра земля подгибалася, / Отъ горющихъ слезъ следочки заплывалися» [Барсов 1872: I, 195]. Симметричная репрезентация миров средствами **ирреальной модальности** кодирует интенцию жанра двумя параллельными планами: в заговоре *«Мети, мети хорошо да чище. Люби, люби моего (имя) пуще»* [Вятский фольклор 1994, № 312];.

Асимметричное оформление средствами реальной модальности макрокосмической части и средствами ирреальной модальности микрокосмической части актуализирует жанровую интенцию в микрокосмической параллели: в причитании *«Поспевала, крёсна матушка, / Ко купели, ко святой воды / Так успевай-ка, крёсна матушка, / Ко разлуке дорогой воли»* [РПК 1940: 241].

По наличию языковых скреп дифференцированы построения с повтором и без повтора тождественных компонентов в частях ОП. Содержательная трансформация с одним и тем же семантическим субъектом в частях создает основу для формирования **языковых скреп** – повтора тождественных в обеих параллелях компонентов: в балладе *«Они хвастали своим житьем-бытьем богатством, / Они хвастали своей сестрой Оленушкой»* [Астахова 1963: 76].

По специфике символических связей дифференцированы построения с символизацией актантных, функциональных и периферийных компонентов. Критерий связан с наличием или отсутствием в ОП языковых скреп конструкции.

Содержательная трансформация с разными в частях семантическими субъектами, которые совершают внешние и внутренние действия в отношении объектов макро- и микромиров, отличается **широким спектром формирования символических связей**: в причитании *«Безъ угару болитъ буйная головушка, / Безъ ветра крушитъ ретливое сердечушко, / Со тоски твоя утроба перетрескалась»* [Барсов 1872: I, 224]. Наличие языковых скреп способствует **сужению символических связей**: в былине *«Какъ нету у Добрыни коня добраго, / – Какъ нету у Добрыни копья востраго»* [Сперанский 1916: 18, № 1].

По характеру локализации ОП в фольклорном тексте как внутрижанровому критерию типологизации ССМ в примете обнаружены построения с параллелизмом в одной из частей приметы (как правило, в прогнозе или страховке в силу их вариативности) и с параллелизмом двух композиционных

частей приметы – приметоносителя и прогноза. Разноаспектный анализ ССМ представлен в статье «Содержательная трансформация образного параллелизма макро- и микрокосма в русских народных приметах» [Доброва 2023м: 14–30].

В примете разновидность ОП с ГТ–1 представлена в ее различных композиционных частях: в **страховочной части** «Не ходи в травы и в леса, *не пытай судьбы, не тревожь змей*» [Селянгина 2005]; в **прогнозе** «Правая бровь чешется – *к радости*, левая – на потных коней смотреть (*к дороге*)» [Харченко 2008: 73]. Содержательная трансформация представлена в параллелизмах **приметоносителя и прогноза** с ГТ–2: «*Беременная не должна смотреть на некрасивые вещи, уродливых, калек, а то ребенок родится некрасивым*» [Харченко 2008: 117]; в том числе с включением в часть с приметоносителем образов, репрезентирующих соматизмы, на которые воздействует природный объект: «*Кукушка кукнула в левое ухо – хорошая примета*» [Харченко 2008: 55].

Внешние и внутренние параметры образов микромира обладают признаками свободной локализации в частях ОП. В приметогенной ситуации человек, как правило, взаимодействует с объектами макромиров. В приметоносителе представлены внутренние (психические) действия или состояния человека, в прогнозе – внешние, физические: «*Тянет на редьку – родится девочка, на селедку – мальчик*» [Харченко 2008: 85]; и наоборот: «*Девка палец иглой уколёт – похвалу слышать*» [Харченко 2008: 109]. Примета может включать две тождественные параллельные конструкции: «*Калины ягоды раскусишь – изведен любовью будешь, а малину попробуешь – хмельной от любви станешь*» [Селянгина 2005].

Статус ССМ в единой эволюционно-генетической модели развития ОП заключается в подготовке условий для его формализации с нарушением не только содержательного «баланса», но и структурной самодостаточности частей в двух направлениях: в создании смысловой «ауры» гипертемы в содержательной трансформации с языковыми скрепами и в усилении связи частей с гипертемой в формализованных конструкциях параллелизма части предикативной конструкции.

Общежанровый статус содержательной трансформации с образами макро- и микромиров определяется фактом ее реализации во всех фольклорных жанрах.

Содержательная трансформация выявляет неоднородность параллельных миров и обуславливает формирование образного параллелизма на основе гетерогенного характера каждого из миров – макро- и микрокосмического.

3.2.4.2. Параллелизм образов макрокосма

Эволюционный аспект содержательной трансформации ОП демонстрирует данные по гетерогенному характеру макромира, позволяющему квалифицировать параллелизм в сфере макрокосмического мироустройства.

Параллелизм образов макрокосма как содержательная трансформация ОП проявляется в наличии образов макромира в обеих частях, нивелировании равнопредставленности миров с исключением из состава параллелей образов микрокосма. Функциональное назначение ССМ направлено на раскрытие гетерогенного макрокосмического мироустройства с разнообразным спектром взаимодействия представителей параллельных макромиров, который изображен в контексте сосуществующих макрокосмических закономерностей.

В содержательном плане параллелизм образов макрокосма репрезентирует нарушение содержательного «баланса» частей путем введения в них образов разных макромиров. Ключевым показателем ССМ является соположение динамических моделей представления гетерогенной природы макрокосмического мироустройства.

В структурном плане ССМ представляет параллелизм поли- и монопредикативных конструкций. ОП макромиров имеет идентификационные показатели. В одном тексте получает реализацию один или несколько показателей.

Основу типологии составили следующие **идентификационные показатели**: характер корреляции макромиров; характер репрезентации субъекта воздействия в частях; характер оформления модальных планов; наличие языковых скреп; специфика символических связей. ОП макромиров (природного, артефактного, сверхъестественного, христианского, мира мертвых и др.) манифестируется по аналогии с введением человека в обе части введением в обе параллели макрообразов.

По характеру корреляции образов на разножанровом фольклорном материале выявлены разнообразные **СИМ параллелизма образов макромиров** в разных вариантах их функционирования в качестве символизирующего или символизируемого. СИМ «*природный мир – сверхъестественный мир*»: в быличке «*Вот гроза-то была, так это Илья-Пророк сердится на черта*» [Черепанова 1996: 43, № 244]. СИМ «*природный мир – христианский мир*»: в пословице «*Бог попускает, и свинья гуся съедает*» [Даль 2000: 24]. СИМ «*природный мир – артефактный мир*»: в быличке «*Коробка катилась с востока на запад, а ветер дул с юга на север*» [Пухова 2008: 49, № 100]. СИМ «*природный мир – мир мертвых*»: в примете «*Ворон каркает на церкви – к покойнику*» [Харченко 2008: 37]. СИМ «*артефактный мир – мир мертвых*»: в примете «*Три свечи на столе – к покойнику*» [Харченко 2008: 126]. СИМ «*мир мертвых – сверхъестественный мир*»: в быличке «*Человеку мертвому не прийти, это только черт, он <...> принимает облик человека*» [Черепанова 1996: 15, № 25]. СИМ «*артефактный мир – христианский мир*»: в пословице «*Близко церкви, да далеко от бога*» [Даль 1879: I, 20]. СИМ «*артефактный мир – сверхъестественный мир*»: в быличке «*<...> (ишликуны, черти) заплясали, и дом пошел в землю*» [Черепанова 1996: 40, № 211].

В заговорах ОП выстраивается на материале объектов сверхъестественного мира (*человек, животные, артефакты*), наделенных идентичным качеством (*медный* и др.), представленным сквозным симпатическим эпитетом как языковой скрепой частей. Сверхъестественный персонаж с помощью сверхъестественных животных и артефактов отстреливает болезни у имярека: «*Есть море окиян, едет из окияна моря человек медян; и кон(ь) под ним медян, (и лук) медян, и стрел(ь)е медное; и тянет крепок лук и ст(р)еляет метко*» [Топорков 2010: 128, № 98]. ССМ выявлены на материале разных объектов христианского мира: «*Ангелы под окнами, апостолы по углам, сам Иисус Христос в дверях, пресвятая Богородица в головах, святая вода на крыше*» [Вятский фольклор 1994, № 552].

По характеру репрезентации субъекта воздействия дифференцированы ССМ с **разными семантическими субъектами в частях**: в сказке «*<...> деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу баба-яга*» [Афанасьев 1958: I, 161, № 104]; одним и тем же для обеих частей семантическим субъектом: в

исторической песне «*Ты возмой, возмой, туча грозная, / Ты пролей, пролей, част-крупен дождик, / Ты размой, размой земляну тюрьму*» [Игнатов 1970: 154, № 47].

По характеру оформления модальных планов частей дифференцированы построения с симметричным и асимметричным оформлением. **Симметричное оформление** модальных планов частей средствами **реальной модальности**: в быличке «*И все бугорки, бугорки. «Это не горки, <...> это могилки*» [Черепанова 1996: 18, № 44], средствами **ирреальной модальности**: в части текста загадки «*Шел мужик по дороге, увидел – черт на зарode: «Светильня, свети, свети, а черт с зарода слети, слети». – Земля, снег, солнце*» [Митрофанова 1968: 25, № 303]. **Асимметричное оформление** параллелей средствами реальной и ирреальной модальности: в частушке «*Все капуста, все капуста, / Все капустные листы. / Шире, улочка, раздайся! / Черневичина пришли*» [Власова 1965, № 3448].

По наличию языковых скреп в частях разграничены ССМ с повтором и без повтора тождественных компонентов. Наличие повтора формирует языковую скрепу: в заговоре «*Плоты уйдут – и клопы уйдут*» [Вятский фольклор 1994, № 598].

По специфике символических связей дифференцированы построения с символизацией актантных, функциональных и периферийных компонентов.

Содержательная трансформация ОП с разными субъектами в частях отличается **широким спектром символических связей** компонентов: в загадке «*Двери без пята, собаки бесхвосты, / Лают хорошо, провожают далеко. – Улей*» [Митрофанова 1968: 34, № 685]. Наличие языковых скреп **сужает спектр символических связей**: в былине «*Плавает-поплавает сер селезень <...> / А плавает-поплавает червлён корабль*» [Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым 1958: 116–117, № 19].

В границах СИМ значим **показатель валентности макрокосмической образной параллели**, фиксирующий количество формирующихся символических связей, число образных параллелей, которые может присоединить или заместить данная параллель. Показатель валентности имеет жанровую обусловленность.

«В границах исследуемого приема на материале народной приметы получила образное выражение гетерогенная природа макрокосма, представленная разнообразными структурными инвариантными моделями параллелизма образов

макромиров: «артефактный приметоноситель – натурфактный прогноз», «натурфактный приметоноситель – артефактный прогноз», «натурфактный приметоноситель – прогноз с образами христианского мира», «натурфактный приметоноситель – прогноз с образами сверхъестественного мира», «натурфактный приметоноситель – прогноз с образами мира мертвых»; «артефактный приметоноситель – прогноз с образами мира мертвых».

В примете максимальный показатель валентности <...> отличает природную параллель – четыре, с учетом композиционной закреплённости и символического статуса – пять, что детерминирует универсальность природных образов в процессе организации и эволюции приема. Артефактная параллель и параллель с образами мира мертвых имеют одинаковый показатель валентности – два. При этом в примете только артефактная параллель, репрезентирующая макромир, созданный руками человека, способна функционировать не в соотношении с универсальной натурфактной параллелью, проявляя автономность.

Наиболее частотным является соотношение приметогенной ситуации с образами артефактов и прогноза с образами природы, воплощающее многовековую мудрость и разноаспектный опыт народа, сознание которого фиксирует в повседневных деталях крестьянского быта закономерности развития природных процессов. Параллелизмы с тождественной синтаксической организацией композиционных частей иконически воплощают концептуальную аналогию миров: «*На лучине нагар – на дворе холода*» [Харченко 2008: 59]. Более распространенные в исследуемом корпусе текстов параллелизмы с синтаксически различной организацией частей актуализируют жанрово обусловленную интенциональную значимость точного и лаконичного прогноза, выраженного эллиптической конструкцией с дательным падежом предсказания» [Доброва 2023м: 18–19]: «*Журавецъ (у колодца) скрипеть – къ перемене погоды*» [Ермолов 1905: IV, 17]. Представлены ОП с символизирующим образом натурфакта в приметоносителе и символизируемым образом артефакта в прогнозе: «*Небо чистое – и в амбаре будет чисто – пусто*» [Селянгина 2005]; параллелизмы с образами натурфактов и образами православного мира: «29 февраля – Касьянов день (в високосном году). День

страшный, а святой злопамятный» [Селянгина 2005]. Выявлен ОП макромиров с образами натурфактов и персонажей сверхъестественного мира: *«Дождь идет из-под солнца – ведьма плачет»* [Харченко 2008: 153]. Параллель с приметоносителем оформляется посредством грамматической формы условного наклонения глагола: *«Было бы болото, а черти заведутся (чертей много будетъ)»* [Ермолов 1905: IV, 371].

Параллелизм макромиров демонстрирует структурно-смысловое сжатие левой и/или правой частей приметы. Образы натурфактов представляют приметогенную ситуацию, образы мира мертвых в типовой форме выражения семантики будущего на основе эллиптической конструкции с дательным падежом предсказания организуют прогноз: *«Кошка ложится поперек половиц – к покойнику»* [Харченко 2008: 127]. Образы мира мертвых представляют приметоноситель, образы натурфактов – прогноз: *«Утопленникъ – къ стуже»* [Ермолов 1905: IV, 22]; образы артефактов представляют приметоноситель, образы мира мертвых – прогноз: *«Зеркало разбилось – к покойнику»* [Харченко 2008: 128].

Общежанровый статус содержательной трансформации приема с образами макромиров определяется фактом ее реализации во всех фольклорных жанрах.

3.2.4.3. Параллелизм образов микрокосма

«Современная лингвистика в своем антропологическом периоде развития активно изучает человека в разных проявлениях: как физических, так и духовных» [Фаттахова 2024: 54]. Эволюция содержательной трансформации ОП демонстрирует данные по неоднородному характеру микромира, позволяющему квалифицировать параллелизм гетерогенного микрокосмического мироустройства.

Параллелизм образов микрокосма как содержательная трансформация ОП проявляется в нивелировании равнопредставленности миров с исключением из состава частей образов макрокосма. Функциональное назначение ССМ направлено на изображение многослойного мироустройства в контексте сосуществующих и взаимообогащающих микрокосмических закономерностей.

В содержательном плане параллелизм образов микрокосма представляет нарушение содержательного «баланса» частей путем введения в них образов микромиров. Ключевым показателем является соположение динамических моделей представления гетерогенного микрокосмического мироустройства.

В структурном плане ССМ представляет параллелизм поли- и монопредикативных конструкций и имеет **идентификационные показатели**. В одном тексте получает реализацию один или несколько показателей. Гетерогенность микромира выражена представлением в символической части человека в его внешних проявлениях, а в реальной – в его внутренних проявлениях. Внешние проявления становятся символическим воплощением феноменов внутреннего мира.

ОП в сфере человеческого микрокосма имеет в его эволюционно-генетической модели особый статус. ССМ отражает многообразие образного представления человеческого микрокосма как внутренней вселенной данными и средствами самих микрокосмических образов с учетом приписываемого наивной антропологии принципа *единства* человека внешнего (тела) и человека внутреннего (души). Многообразие представления микрокосма опирается на широкий диапазон символических образов многоликой физической реальности человека как источника интерпретации его внутренней вселенной. Воплощение человека внутреннего посредством образов человека внешнего складывается в последовательную систему концептуализации его внутреннего мира.

Статус параллелизма в сфере микрокосма имеет обоснование [Доброва 2018в: 40–43]. Во-первых, *причины и проекции* ОП в сфере системно организованного микрокосма определены в трудах А.Л. Топоркова и обоснованы спецификой нерасчлененного восприятия психики, физиологии и поведения человека [Топорков 2005: 180; 156; 174–175]. Стратификация человеческого микрокосма восходит к архаичным представлениям, согласно которым душа приписывается каждой части тела [Познанский 1995: 84–85]. Во-вторых, *дифференциация внешних и внутренних проявлений* человека основывается на соответствующем разграничении М. Хайдеггером внешнего и внутреннего опыта человека [Хайдеггер 2007: 570]. Внешние феномены (действия и состояния)

можно наблюдать со стороны, внутренние – латентны, недоступны для визуального наблюдения. ОП представляет два типа целостности человека: телесную (биологическую, земную) и духовную (социальную, возвышенную) – и иконически отражает направленность ОП на воссоединение *внешнего (телесного, плотского) и внутреннего (духовного) человека*. Данные морфологии (топографии) человеческого тела в его физической и духовной ипостасях служат репрезентантами внешних и внутренних состояний. В-третьих, *внутренний человек моделируется «по образу и подобию» человека внешнего* не на основе визуального подобия, а на основе аналогии устройства и функционирования. Толкование «внутреннего здания» человека дано в творениях святых отцов [Страсти – болезни души 2011: 162; 164; 172; 118; 129]. Универсум внутреннего человека не менее разнообразен, чем Вселенная.

В современной науке *сфера «человека внутреннего»* исследуется в нескольких дополняющих друг друга аспектах: как фрагмент наивной «анатомии» и «физиологии», как система физических (внешних) симптомов внутренних состояний, как микрокосм и как «образная грамматика иносознания»; выявлены *источники интерпретаций «внутренней вселенной»*: внутренний человек как аналог физической реальности (в параллелизме макро- и микромиров); внутренний человек как сложная система органов (систем и подсистем) «душевной» жизни и органов (систем и подсистем) человеческого тела, обеспечивающих возникновение, развитие и проявление психических реакций и состояний (в параллелизме образов микромира); представлен лингвокультурологический комментарий к понятию «внутренний человек» на материале философии, психологии, словесности, дано определение внутреннего человека как объекта познания и языковой репрезентации в литературе и науке (см. подробный анализ [Коськина 2004]); определено *детальное устройство внутреннего человека*: иерархия и взаимосвязь органов внутреннего человека как системное образование, а не механический набор компонентов; *классификация органов «душевной» жизни* строится с учетом их *гетерогенной природы*: материальные, реально существующие органы, которым наивное сознание приписывает имеющие отношение к психике человека функции, и нематериальные квазиорганы, «представляемые» органы психики [Урысон 1995]. ОП

репрезентирует черты языкового образа внутреннего человека: гетерогенность «внутренней вселенной», неосознанный характер, слабую упорядоченность, глобальность, незавершенность; стереотипность и изменчивость [Коськина 2004].

Идентификационные показатели ССМ: характер корреляции миров; характер репрезентации субъекта воздействия; характер оформления модальных планов; наличие языковых скреп; специфика символических связей.

По характеру корреляции образов выявлены три СИМ параллелизма микромиров. СИМ *«физическая ипостась (внешние проявления) человека – духовная ипостась (внутренние проявления) человека»*: в былине *«А и вот при князи было при Владимире, / При его-то все же было при управушке»* [Крюкова 1941: 108, № 69]; в пословице *«Слов много, а дела мало»* [Рыбникова 1961: 53]. СИМ *«образ фольклорного персонажа – соматический образ»*: в быличке *«А это – рыжая борода – отец мой был, леший отцом представился»* [Черепанова 1996: 30, № 137]. СИМ *«внешние – внутренние соматические образы»*: в былине *«Тут царская кровь да розгорелася, / У Дунаюшка сердце да раскипелосе»* [Былины Севера 1938: 285, № 38].

По характеру представления субъекта воздействия разграничены ССМ с **разными субъектами** в частях: в балладе *«Головка болит, / Сердечко щемит!»* [Астахова 1963: 161]; **одним и тем же субъектом**: в частушке *«Поухаживал, дак мало / Поухаживай еще. / Пообманивал, дак мало – / Пообманивай еще»* [Власова 1965, № 864].

По характеру оформления модальных планов частей разграничены ССМ с симметричным и асимметричным оформлением. **Симметричная репрезентация миров** средствами **реальной модальности**: в песне *«Запобедны наши головушки молодецкия, / Заунывны наши сердечушки рекрутския»* [Киреевский 1917: 28, № 1276]; **ирреальной модальности**: в исторической песне *«Головы рубите, / А души не губите»* [Игнатов 1970: 123, № 24]. **Асимметричное оформление** параллелей средствами реальной и ирреальной модальности: в причитании *«И не глядели бы мои ясные оченьки. / Не перенесет мое ретивое сердечушко»* [РПК 1940: 256].

По наличию языковых скреп разграничены ССМ с повтором и без повтора. Повтор тождественных компонентов или наличие общего компонента частей формируют языковую скрепу: в былине *«Есть у нас с тобой надежда великая, / Есть*

у нас стар казак Илья Муромец» [Астахова 1961: 78]; в причитании *«И умывались солдаты горячмы слезми, / И утирались великою обидушкой»* [Барсов 1882: II, 31].

По специфике символических связей разграничены построения с символизацией разных компонентов. ССМ с разными семантическими субъектами в частях отличается **широким спектром символических связей**: в балладе *«Расходилось у его да ретиво сердце, / Разгорелась у его кровь богатырская»* [Астахова 1963: 69]. Языковые скрепы приводят к **сужению спектра символических связей**: в причитании *«Ой тошнёшенько, да ото злых, от чужих людей, / Ой тошнёшенько, да от обидушки спас будёт!»* [Ефименкова 1980: 135, № 35].

ОП в сфере микрокосма имеет **жанровую обусловленность**. В примете воплощен с его физической ипостасью в приметоносителе и духовной – в прогнозе: *«<...> плюнуть на себя, значит терпеть напраслину»* [Даль 1994]; *«Хорошие, густые волосы символизируют крепкое здоровье и счастье»* [Энциклопедия суеверий 1995: 79]. Приметоносители отражают сферы жизни людей, прогнозы посредством безглагольных конструкций сводят перспективу событий к абстрактному понятию: *«Встретить священника – к худу»* [Харченко 2008: 64]. Приметы ритуальной сферы, связанные с рождением ребенка, включают организованные на основе параллельных микрообразов формулировки запрета и мотивировки-прогноза [Доброва 2023м: 14–30]: *«Младенцам не давать целоваться: долго немые будут»* [Харченко 2008: 115]. Запреты регламентируют поведение беременной женщины с прогнозом на будущее ребенка: *«Беременной нельзя ни с кем ругаться – рожать будет тяжело»* [Харченко 2008: 117]; поведение влюбленных: *«До свадьбы влюбленным нельзя вместе фотографироваться – к разлуке»* [Харченко 2008: 133]. Приметоноситель организуется введением образов соматизмов, состояние которых определяет прогноз событий: *«Ресница выпадет – к подарку»* [Харченко 2008: 177]. Внешние и внутренние соматические образы организуют приметоноситель и прогноз: *«У кого руки холодные – сердце горячее»* [Харченко 2008: 25].

Общежанровый статус содержательной трансформации ОП с образами микромира определяется фактом ее реализации во всех фольклорных жанрах.

Эволюционно-генетический статус ОП в сфере микрокосма определяется тем, что усечение языковых скреп формирует ОП топографии человеческого тела с номинативными перечнями. Содержательная трансформация определяет образование ОП в составе счетных рядов, в недрах которого закладываются структурно-семантические основы для последующей формализации ОП.

3.2.4.4. Образный параллелизм в составе счетных рядов

Специфика языка фольклора как эстетически специализированной формы общенародного языка получает отражение в поэтической фразеологии фольклорного текста [Хроленко 1981; 2010; Шуплецова 2014]. В типологии фольклорных фразеологизмов счетный ряд как вертикальная фразеологическая конструкция представляет собой лексико-синтаксическое единство, «устойчивую группу слов, расположенных нелинейно, в смежных стихах (строках)» [Хроленко 1981: 35–37]. Счетные ряды состоят из двух и более рядов слов, которые выражены одной частью речи, относятся к одному лексико-семантическому полю, используются в сочетании с количественными и порядковыми числительными и локализуются в смежных стихах, что обеспечивает нелинейный характер связи между компонентами. Синтаксическая связь слов, выраженная однотипностью морфологической формы, квалифицируется А.Т. Хроленко как ассоциативная [Хроленко 1981]. Жанрам фольклора присуща числовая упорядоченность [Праведников 1994], обусловленная древними обрядами. Языковым маркером счетного ряда является наличие количественных показателей: порядковых числительных *первый – второй – третий* и т. д., связанных с одним существительным, и сочетания количественного числительного с тем же существительным, которое предшествует счетному ряду. Существительное, которое сочетается с количественным числительным и в составе счетного ряда с порядковыми числительными, является опорным существительным счетного ряда.

Счетный ряд воплощается в формуле $[n + \text{сущ.} : n' + \text{сущ.} \dots, (n + 1)' + \text{сущ.} \dots, (n + 2)' + \text{сущ.} \dots]$, где n – количественное числительное, n' – порядковое числительное.

На материале народной лирической песни А.Т. Хроленко определил состав лексико-семантических полей опорных существительных [Хроленко 1981: 150]. В развитие теории фольклорной фразеологии отметим, что обозначенные ученым лексико-семантические поля опорных существительных дифференцируются по их соотношению с макро- и микромирами. Аналогичным образом дифференцируются и лексико-семантические поля слов, номинирующих в составе счетного ряда параллельные образы. *Образы макромира* представлены лексико-семантическими полями слов «животный мир», «растительный мир», «земля и воды», «небо», «время», «разные предметы», «одежда и украшение», «жилище и утварь», «пища, питье, деньги»; образы *микромира* – лексико-семантическими полями слов «человек», «абстрактные понятия».

В структуре фольклорного мира счетные ряды выражают **устойчивые связи** реалий макро- и микромиров. Дифференциация лексико-семантических полей опорных существительных счетного ряда и слов, номинирующих в его границах параллельные образы, составляет структурно-семантическую основу для формирования образного параллелизма в границах счетного ряда. Теоретические основы анализа ССМ разработаны в статье «Типология образных параллелизмов в составе счетных рядов (на материале русских народных лирических песен)» [Доброва 2021а: 42–59].

ОП в составе счетных рядов – трансформированные на уровне содержания или формализованные ССМ ОП, представляющие счетный ряд как вертикальную фразеологическую конструкцию, в границах которой два и более ряда слов выражены одной частью речи, относятся с учетом гипертемы к одному лексико-семантическому полю, сочетаются с количественными и порядковыми числительными, локализуются в смежных стихах, объединены нелинейным характером связи и составляют структурно-семантическую основу сопоставления образов макро- и микромиров с целью умножения культурного смысла.

Семиотическая вертикаль ОП в составе счетного ряда. ГТ «*фольклорный персонаж*». СИ «*макрокосмический и микрокосмический фольклорные персонажи*». СИМ «*ласточка, касатушка, лебедка, месяц, заря – матушка, сестра, жена, девица, молодец*». ВТР «*Приступились три ластушки, три*

касатушки: / Первая ластушка – родная матушка, / Другая ластушка – родная сестрица, / Третья ластушка – молода жена» [Киреевский 1929: 78, № 1925].

Продуктивные ССМ имеют количественные показатели с амплитудой *два – четыре* (реже – *пять* и более), которые объективируют количество в ОП символических связей.

В зависимости от характера эксплицитного или имплицитного воплощения параллельной конструкции и полноты ее реализации в границах счетного ряда ССМ представлена двумя типами и их разновидностями. Первый тип: эксплицитный параллелизм в составе одного счетного ряда. Второй тип: имплицитный параллелизм двух или более счетных рядов. Каждый из двух типов организован на основе полной конструкции счетного ряда как содержательной ССМ или на основе ее части как формализованной ССМ. ОП, организованный на основе полной конструкции счетного ряда, дифференцируется по характеру эксплицитного или имплицитного воплощения гипертемы. В ОП, организованных на основе части конструкции счетного ряда, гипертема не эксплицируется.

Первый тип: эксплицитный ОП в составе одного счетного ряда реализуется на основе полной конструкции счетного ряда или ее части.

ОП в составе **полной конструкции счетного ряда** с эксплицитной гипертемой имеет характерные черты. Опорное существительное счетного ряда в сочетании с количественным числительным, предшествующее счетному ряду, объективирует гипертему. Экспликация гипертемы осуществляется введением слов лексико-семантического поля «абстрактные понятия» (*забота, дар, наука, беда* и др.). Эксплицированная гипертема получает символическое воплощение в образах макро- и микромиров, репрезентированных на материале разных лексико-семантических полей.

Семиотическая вертикаль ОП в составе счетного ряда «*три/четыре/пять заботушек*» в лирической песне. ГТ «*пусть будут преодолены заботы*». СИ «*макрокосмическая и микрокосмическая заботы*». СИМ «*пусть будут преодолены дальняя сторонущка – свекровь, свекор, деверь, золовушка, муж, дети, сердечный друг*». ВТР определяется функциональным назначением компонентов ССМ.

1. Сочетание опорного существительного с количественным числительным локализуется за границами счетного ряда и предшествует ему, функционально направлено на экспликацию гипертемы приема (*три заботушки*).

2. Непосредственно перечислительная (или перечневая) часть счетного ряда, каждый компонент которой состоит из двух параллелей: левая содержит сочетание опорного существительного с порядковыми числительными *первый – второй – третий* и т. д.; правая включает воплощающие гипертему макро- и микрообразы. В структурном отношении представляют распространенные вводом количественных показателей или атрибутизацией компонента параллелизмы-биномы: *первая заботушка – дальняя сторонушка* и др. Функциональное назначение заключается в экспликации количества формирующихся символических связей гипертемы как означаемого и образов различных миров как означающих.

3. Параллелизм воплощающих гипертему образов макро- и микромиров в составе правых параллелей перечислительной части счетного ряда: макрообраз *чужа дальняя сторонушка* – микрообразы *свекровь, свекор, деверь, золовушка, муж распутная головушка*. Функциональное назначение состоит в организации второй параллельной конструкции и формировании стереоскопии образов.

Эксплицированная гипертема и воплощающие ее образы макро- и микромиров составляют ОП «*забота – чужая сторона – свекровь, свекор, деверь, золовка, муж*». Репрезентанты гипертемы также относятся к разным мирам (*чужая сторона – свекровь, свекор, деверь, золовка, муж*). В результате формируется стереоскопия образов: «У меня, молодушки, *четыре заботушки: / Первая заботушка – чужа дальняя сторонушка, / Друга заботушка – свекор да свекровушка, / Третья заботушка – деверь да золовушка, / Четвертая заботушка – муж удалая головушка*» [Соболевский 1896: II, 390–391, № 464].

ССМ выявлены в разных фольклорных жанрах: в загадке «Стоит дерево, цветом зелено, в этом дереве *четыре уголья: первое – больным исцеленье, другое – ночью освещенье, третье – сору очищенье, четвертое – дряхлым пеленанье*. – Береза и то, что из нее изготавливают» [Митрофанова 1968: 65, № 1749]; с редукцией компонентов счетного ряда в частушке «Нонешнюю зимушку / Случилось два *горюшка: / Забрили брата и дружка – / Осиротела девушка*» [Власова 1965, № 3668].

Квантитативный показатель в экспликации гипертемы заменяется лексемой «много», компоненты перечислительной части объективируют квантитативный показатель «пять», указывающий на количество символических связей [Киреевский 1917: 116, № 1580]. Правая параллель перечислительной части выражена предикативной конструкцией: «У молодки *три заботки*: / *Перва заботка – горшок кипит*, / *Друга заботка – дите кричит*, / *Третья заботка – старый муж кличет*» [Киреевский 1929: 54, № 1830]. Амплификация компонентов формирует параллелизм гипертемы «*три ленточки – три заветочки*», в перечислительной части получает развитие ее образная часть (*три ленточки*): «*Три заветочки милых*, *Есть три ленты шелковых*: / *Перва лента алая, – Есть печаль не малая*; / *А другая голуба, – Прошла славушка худая*; / *Третья лента со кистями, – Едет милой со вестями*» [Киреевский 1917: 33, № 1294]. В экспликации гипертемы квантитативный показатель отсутствует [Киреевский 1929: 60, № 1853а].

Квантитативные показатели фразеомодели варьируются: наличие или отсутствие квантитативного показателя в гипертеме и счетные показатели в частях ОП. В случае незамещенной позиции опорного существительного в сочетании с количественным числительным гипертема вербализуется в левой параллели перечислительной части счетного ряда сочетанием опорного существительного с порядковыми числительными или выступающим в их значении определительным местоимением (*другой*), которое замещает порядковое числительное *второй*. Наличие лексических повторов как языковых скреп ОП приводит к сужению спектра символических связей. В исследуемой ССМ наличие лексических повторов (прежде всего опорного существительного счетного ряда) **не приводит к сужению спектра символических связей**, поскольку повторяющийся компонент в результате каждого ввода в ОП формирует новые символические связи, количество которых определяется количеством вводов опорного существительного, эксплицирующего гипертему.

В эволюционном аспекте ОП в составе счетных рядов располагают к зарождению свободно-поэтической символики. ГТ «наука жизни». СИ «макрокосмическая (обрядовая) и микрокосмическая версии науки жизни». СИМ «поймать сокола, купить сокола – полюбить молодца, разорить до конца». ВТР «Три науки пирнела: / Первая наука – я паймала сокола, / Вторая-то наука –

палюбила маладца! / Третья-то наука – разарила да канца!» [Киреевский 1929: 161, № 2250]. ССМ отражает формирование свободно-поэтической символики: *поймать сокола – полюбить молодца* – классическое символическое соотношение образов, *купить сокола – разорить молодца* – свободно-поэтическое.

В ССМ выявлен **параллелизм образов макрокосма** «яблоки – водка, платок»: «*Три подарка тебе дорогих: / Вот я первый куплю подарок – Да я яблычок пяток, / Я ищо куплю я подарок – Сладкой водки полушторф, / Ну я третий-то подарочек – Да я алеинький платок*» [Киреевский 1929, 77, № 1921]; **образов микрокосма** «черные кудри, высокие брови – веселые глаза»: «*На моем милом три приметушки: / Первая приметушка – кудри черныя, / Вторая приметушка – брови высокия, / Третья приметушка – глаза развеселые*» [Соболевский 1896: II, 146, № 172].

Сочетание опорного существительного с количественным числительным за границей счетного ряда в препозиции по отношению к нему не является обязательным для экспликации гипертемы, что обуславливает выделение ССМ с имплицитной гипертемой в составе полной конструкции счетного ряда. Опорное существительное в сочетании с количественным числительным не эксплицирует гипертему, а «анонсирует» (дублирует) левую параллель перечислительной части счетного ряда, квантитативный показатель указывает на количество символических связей: в былине «*На дощечках подписи подписаны, / Золотыми нумерами надрезы надрезаны: / «Перву дорожку мне ехать – живому не быть, / Втору – мне богатому быть, / Третью – мне женатому быть*» [Астахова 1961: 48].

ССМ амплифицируется вводом в границы гипертемы ассоциативного ряда числительных «четыре – пятый»: «*Есть четыре горя, пятая кручина. / Как первое горе – муж жену не любит, / А другое-то горе – деверек – насмешиник, / А третье-то горе – золовки смутьянки, / Четвертое горе – свекровь кропотлива; / Пятая кручина – свекор-то журавливый*» [Соболевский 1896: II, 478, № 570]. Организация предикативных конструкций на основе разных структурных схем нарушает симметрию частей: в пословице «*Первый звон – чертям разгон; другой звон – перекстись; третий звон – облокись (оденься, иди в церковь)*» [Даль 1879: I, 8].

В параллелизмах **части конструкции счетного ряда** гипертема не эксплицируется. Опорное существительное счетного ряда в сочетании с количественными и порядковыми числительными указывает на разные параметры лирической ситуации (пространственные, временные, объектные и др.) и не входит в ОП. Каждый компонент перечислительной части счетного ряда вводит одну из параллелей. Компоненты перечислительной части счетного ряда, представляющие сочетание опорного существительного с порядковыми числительными, не сопоставляются с воплощающими гипертему образами макро- и микромиров, в отличие от параллелизмов в составе полной конструкции счетного ряда. Они лишь вводят макро- и микрокосмические образы в границы перечислительной части счетного ряда. В силу обособления параллелей расположением между ними опорного существительного в сочетании с порядковыми числительными формируется ОП в его **дистантной модификации**. Функциональное назначение сочетания опорного существительного с числительными за границами ОП также заключается в экспликации количества символических связей ОП. Параллели представляют предикативные конструкции «У Ивановича были *трои* ворота: / В первыя ворота *Сокол пролетал*, / Во вторыя ворота *Скорой гонец прогнал*, / А в третьи ворота *Иван проезжал*» [Киреевский 1911: 9, № 14]; части предикативной конструкции «Унесла, улелеяла *три* корабля: / Первый корабль – *с сундуками коваными*, / Второй корабль – *с периною пуховую*, / Третий корабль – *с душой красной девицей*» [Киреевский 1911: 211, № 760].

ОП в составе части счетного ряда не предваряется сочетанием опорного существительного с количественным числительным: в сказке «На пиру молодые снохи стали плясать: старшая плясала, плясала, махнула рукой – *свекра ушибла*; другая плясала, плясала, махнула рукой – *свекровь ушибла*; третья, лягушка, стала плясать, махнула рукой – *явились луга и сады*» [Афанасьев 1958: II, 332, № 268].

Исследуемые ССМ реализуются в составе части счетного ряда как языковой скрепы более крупной линейно-вертикальной фразеологической конструкции: в составе блока «*три сада*» в лирической песне «На желтеньких на песочках / Стоят три садочка. / Как во первом во садочке / *Соловьюшек свищет*; / А во втором во

садочке / *Кукушка кукует*; / А во третьем во садочке / *Мать с сыном горюет*» [Соболевский 1896: II, 493, № 592]. ОП строится на основе цепи счетных рядов в составе блока: «к божьей церкви – во монастырь – в чисто поле»; «помолюся – спасуся – заплачу» [Исторические песни XVIII века 1971: 113, № 172]. Наблюдается амплификация счетного ряда [Исторические песни XVIII века 1971: 80, № 106].

Выявлены ОП с образами микрокосма, образуемые атрибутивными компонентами: в песне с гипертемой «качества дочерей» «Две дочери хороши: / Одна была побелей, Она всем нам помилей; / А другая черноброва, Завсегда плясать готова» [Киреевский 1917: 114, № 1573]; ОП с образами макромиров: в былине с гипертемой «качества артефакта» «Вешают три петёлки шелковые, / Перва петёлка – шелковая, / Втора петёлка – пеньковая, / Третья петёлка – липковая» [Астахова 1961: 93-94].

Обнаружен ОП с сопоставлением отдельных компонентов: в песне «Перво дело-то коровушку подой, / Другое дело-то подойничик помой, / Третье дело-то теленочка напой» [Киреевский 1917: 95, № 1503]; в балладе [Астахова 1963: 112].

Выявлены ССМ с высокими количественными показателями: в примете с количественным показателем «семь» см. [Рыженков 1992]; в причитании с количественным показателем «двенадцать» см. [РПК 1940: 223] и др.

Второй тип: имплицитный ОП двух или более счетных рядов. ССМ определяется по наличию параллелизма (тождества) количественных показателей двух или более сопоставляемых счетных рядов; по тождеству синтаксических конструкций в сопоставляемых счетных рядах и отсутствию параллелизма в каждом из сопоставляемых счетных рядов. Имплицитный ОП дифференцируется по полноте его реализации в сопоставляемых счетных рядах.

ОП в составе **полных конструкций счетных рядов.** ГТ «лирический персонаж». СИ «макрокосмический и микрокосмический лирические персонажи». СИМ «три деревца: яблоня, груша, осина – три молодца: Иванушка, Алексеюшка, Игнатьюшка». ВТР «Во том во садочке стоят три деревца: / Первое деревце – яблонь садовая, / Другое деревце – груша зеленая, / А третье деревце – горькая осина» [Соболевский 1899: V, 371, № 472]; «Три молодца: / Первый-то у нас

молодец, Молодец – Иванушка, / А другой у нас молодец, Молодец – Алексеюшка, / А третий у нас молодец, Молодец – Игнатюшка» [Соболевский 1898: IV, 78, № 109].

ОП в составе **частей конструкций счетных рядов**. ГТ «*качества персонажей*». СИ «*внешние и внутренние качества персонажей*». СИМ «*румяна, тонка, высока, черна, горбата – милая, постылая*». ВТР «У Полячиньки да было три дочки: / Первая-то дочка была *румяна*, / Другая-то дочка *тонка, высока*, / Третья то дочка *черна, горбата*» [Киреевский 1911: 140, № 474]; «У барыни было три дочери: / Две дочери *милая*, третья *постылая*» [Киреевский 1917: 119, № 1590].

В тексте загадки формируется псевдомодель ОП в составе счетного ряда: «*Мой любят порошок, мой любят корешок, Первый в нос тихаю, а другой огнем зажигают. – Табак*» [Митрофанова 1968: 157, № 5284]. ОП образуется в составе ассоциативного ряда числительных: в тексте загадки «*Два стоят, два лежат, Пятый ходит, шестой водит, Седьмой песенки поет. – Дверь и косяки*» [Митрофанова 1968: 100, № 3126]. Фактор «техничности» [Олупе 1993: 136] ССМ отражает мышление человека, упорядочивающего мироустройство, выявляет свойственную «фольклору диалектическую связь стереотипного и динамического» [Хроленко 1981: 155].

В эволюционно-генетической модели развития ОП в составе счетного ряда выполняют важные функции. Во-первых, композиционные элементы ССМ объективируют («обнажают») семиотическую вертикаль в силу экспликации гипертемы и ввода в ее границы квантитативных показателей, показывающих количество символических связей компонентов перечислительной части счетного ряда с гипертемой. В других ССМ семиотическая вертикаль имеет латентный характер. Во-вторых, ОП в составе счетных рядов обладает высокой продуцирующей способностью и демонстрирует системные тенденции развития ОП. Будучи трансформированной ССМ, развивает признаки формализации, давая начало новым ОП. Параллелизмы-биномы формируются в результате сжатия счетного ряда в его перечислительной (перечневой) части до двухсловной симметричной конструкции. Параллелизмы с образным уподоблением создаются в результате одновременного сжатия счетного ряда в его перечислительной части (аналогично параллелизмам-биномам) и амплификации в силу объективации

общих для образов параллелизма-бинома признаков. Параллелизмы-перечни образуются посредством сжатия перечислительной части счетного ряда прежде всего в результате исключения количественных показателей, но с сохранением перечисления, представляющего образы макро- и микромиров.

Образный параллелизм в составе счетного ряда не обнаружен в быличках и бывальщинах, поэтому характеризуется **межжанровым статусом**.

3.2.5. Формализация образного параллелизма

В эволюционно-генетической модели формализованные ССМ иллюстрируют **амбивалентный характер развития ОП**. С одной стороны, реализуется кумулятивный эффект эволюции, который проявляется в накоплении в формализованных ССМ результатов основных этапов развития ОП. С другой, – объективируется нарушение классических содержательных и структурных основ ОП, сопровождающееся реализацией тенденции к сохранению классической симметрии ОП.

Формализация ОП получила выражение в поздних ССМ, отличающихся нарушением содержательной и структурной автономии частей и представлением образов макро- и микромиров содержанием **частей одной синтаксической конструкции**.

В плане содержания в формализованных ССМ наблюдается устранение формально-содержательной равнозначности и автономности параллельных миров и подчинение макромира миру человека. В ССМ отражен особый этап мировосприятия: на формально-синтаксическом уровне закреплены результаты познания человеком внешнего мира в процессе взаимодействия с его объектами. Формализованные ССМ, как правило, складываются на основе содержательной трансформации ОП, отражающей динамическую модель взаимодействия человека с внешним миром.

Эволюция ОП разворачивается от сопоставления двух картин из мира природы и мира человека к выражению феноменов внутреннего мира человека посредством их символизации в образах природы. ОП проходит особый путь от сопоставления картин к сопоставлению на основе осознания реальных сходств и

аналогий отдельных реалий (и/или их признаков) макро- и микромиров, что выражается в параллелизмах-перечнях (полиномах) и параллелизмах-биномах.

В плане структуры формализованные ССМ характеризуются **двумя основными вариантами** их синтаксической организации, которые отражают нарушение классической основы образного параллелизма.

1. Синтаксический параллелизм является средством создания **формализованного ОП – полипредикативной единицы**, которая выражает характерные для такой конструкции сопоставительные отношения. Во-первых, на основе параллелизма строятся бипредикативные сложноподчиненные и сложносочиненные (бессоюзные) конструкции: в заговоре *«Как месяц, полный, так бы и жизнь в доме была полной»* [Вятский фольклор 1994, № 4]; в балладе *«Злое зелье крапивное, / Еще злее да люта свекра»* [Астахова 1963: 65]; во-вторых, параллелизм выступает средством синтаксической связи частей полипредикативной конструкции с сочинительными и подчинительными отношениями: *«Он думал, что перепелушка / У перьях, – / Ажно-ль его Настасьюшка / У перстнях; / Он думал, что перепелушка / Во пушку, – / Ажна (*а жена) его Настасьюшка / В жемчужку, / Он думал, что перепелушка / Под лучком, – / Ажна-ль его Настасьюшка / Под бочком»* [Киреевский 1911: 181, № 647]; в быличке *«Он прилетит, а она его ждет, думает, что это муж померший, а это черт»* [Черепанова 1996: 15, № 24].

В зависимости от лексического наполнения и характера связи частей выделены две разновидности бипредикативных сложноподчиненных конструкций.

Первая разновидность представляет построения **сравнительно-уподобительного типа**, в которых явление, манифестируемое главной частью, уподобляется явлению, о котором сообщается в придаточной. Символизирующее локализуется в зависимой части, символизируемое – в главной: в заговорах *«Как курица яичко носит без боли, так бы и ты родила»* [Аникин 1998: 38, № 8]. ССМ характеризуется **симметричной относительно-местоименной связью частей** и препозицией придаточной части, репрезентирующей символическую параллель.

Вторая разновидность представляет структуры, в которых **придаточный компонент «дает образный комментарий к содержанию главного»**

[Сравнительно-исторический синтаксис... 1972: 319]: в частушке «*Милка взглянет, улыбнется, / Точно солнышко взойдет*» [Селиванов 1990: IX, 372, № 2812]. ССМ характеризуется союзной связью частей с асимметрией ввода эксплицируемых средств связи только в придаточную часть, которая репрезентирует символическую параллель, находится в постпозиции (реже – препозиции) по отношению к главной и реализует в инверсионном или прямом порядке соположение параллельных образов. Ввод в главную часть слов «да // а как» и др. является *структурным признаком имитации параллелизма в псевдопараллельном построении*: в лирических песнях «*Да у меня милой идет, / Как ясён сокол летит*» [Мезень 1967, № 83]; «*А как Варинька идёт, / Словно павушка плывёт*» [Киреевский 1929: 168, № 2283].

Устранение формально-содержательной равнозначимости миров, перенос акцента на мир человека получает иконическое выражение в размещении образов природы в синтаксически зависимых частях как предмета мыслительной деятельности (ирреальный план), а «человеческого» компонента – как имеющего реальное бытие.

2. Синтаксическим параллелизмом организуется **формализованный ОП – часть предикативной конструкции**. Содержательная и структурная автономия частей неформализованного ОП исключает использование в качестве знака их сопоставления параллелизма членов одной предикативной единицы. Формализация ОП, выражение средствами одной синтаксической конструкции, устранение автономии частей делает возможным его выражение посредством параллелизма членов предикативной конструкции: в сказке «*По щучьему веленью, по божьему благословенью пусть царевна плод понесет и родит себе сына!*» [Афанасьев 1958: I, 411, № 167].

За формой синтаксического параллелизма традиционно закреплена функция композиционно-содержательной организации ОП. В формализованных ССМ синтаксический параллелизм в качестве генетической «ауры» «удерживает» в свернутом виде соотношение традиционных смыслов, которые в развернутом воплощении выражаются построениями неформализованного типа. Репрезентация ОП в одной структурно-содержательной единице манифестирует его формализацию, которая **не свидетельствует о разрушении ОП**. Формализованные ССМ обладают

высокой степенью продуцирующей способности и порождают разнообразные символические модификации, сохраняющие сущностные признаки ОП.

3.2.5.1. Ядро формализованного образного параллелизма

Все ССМ ОП сущностно связаны с понятием прецедента, поскольку предполагают факт обязательной отсылки к иномирным воплощениям гипертемы. Формализация ОП объективирует прецедентный феномен [Красных 1997; Слышкин 2000; 2000a], а стратегия прецедента (от лат. *praecedens* «предшествующий» – прототип поведения в определенной ситуации), состоящая в отсылке к прецедентному образцу, выражает интенции ОП. Различия ССМ касаются сопоставляемых явлений и глубины прецедентности. Вербальная и невербальная природа прецедентов [Красных 1997; Язык, сознание, коммуникация 1997] обосновывает статус композитного ОП. Символическая параллель, будучи культурно значимым вариантом воплощения гипертемы, квалифицируется как прецедент. Система символических цитат-прецедентов ССМ отражает прецедентное поле. Типический характер символической параллели (прецедентного случая) становится образом моделирования ситуации из человеческой жизни (наличного случая), одна часть выступает в качестве прецедента по отношению к другой: «*как тогда-то происходило то-то, так теперь происходит то-то*».

Характеристика явления путем сопоставления его с другим осуществляется на структурной основе сложноподчиненного предложения. Придаточная часть соединяется с главной посредством союзов *как, что, словно, будто* и относительных местоимений и наречий *каков, как, сколько*. Последним в главной части обычно соответствуют корреляты *таков, столько, также*, наличие которых структурирует симметрию ввода средств подчинительной связи в обе части ОП. Введению в обе части союзов и союзных слов всегда сопутствует параллельная связь. Наличие средств связи в обеих частях сложноподчиненной конструкции способствует формированию показателей структурной симметрии и актуализации фактора равнозначимости сопоставляемых феноменов. Фактор симметричной, структурно идентичной рядоположенности двух сопоставляемых членов, усиленный симметрией

ввода в обе части подчинительных средств связи, является первостепенным. В фольклорном тексте семантика компонентов сложноподчиненных предложений с придаточными сравнительными, присущая и говорам [Собинникова 1969: 95; Шапиро 1953: 92], и литературному языку [Широкова 1960; 1968], также «создает условия для параллельного построения частей» [Собинникова 1969: 95].

Сопоставление классической и трансформированной ССМ и формализованной ССМ *как..., так и...* с допустимым варьированием средств связи выявляет сходство их глубинной культурной семантики на уровне ГТ и СИ и различие в форме репрезентации (имплицитной или эксплицитной) показателей сопоставления частей на уровне СИМ и ВТР семиотической вертикали ОП. В классическом ОП и его трансформациях грамматические показатели сопоставления имплицитны, не вербализованы. В формализованных ОП грамматические показатели сопоставления миров выражены эксплицитно, вербализованы посредством *«идентифицирующе-усилительных конструкций» как..., так (и)...* (термин В.Н. Топорова) с допустимым варьированием средств связи.

Формализованный ОП выявлен во всех фольклорных жанрах и имеет **общежанровый статус**. Функциональное назначение ССМ и их конкретный статус с учетом направления формализации ОП определяются в границах жанра.

К примеру, параллельная форма заговора, **стихотворная или смешанная с прозаическими партиями**, является одной из самых распространенных. Термин *параллестическая формула* введен в научный обиход Н.Ф. Познанским, который в построениях выдвигал в качестве доминирующего конструктивного принципа параллелизм их частей. ССМ квалифицировались ученым как *«двухчленные заговоры, основанные на параллелизме в виде сравнения»* [Познанский 1995: 56–65]. Б.Н. Проценко типичной для заговоров считает поэтическую фигуру – параллель, построенную на основе сравнения: *«Как месяц и солнце не всходят, так и у рабы божьей (ангина) исходит»* [Проценко 2010: 58, № 10]. Смысл построения пояснил В.П. Петров: «Сущность заговоров-сравнений заключается в **сопоставлении** (словесном или в действии) двух явлений в уверенности, что подобная *при помощи параллелистического сравнения сопоставленность явлений*

должна повлечь за собою осуществление данного тождества в действительности» [Петров 1981: 123]. В заговоре отсылка актуального события к прецедентной ситуации способствует исцелению. Неравновесие бытия восстанавливается по сакральному образцу [Агапкина 2010: 68; 2002; 2007; Веселовский 1940: 125–199, 400–422; Мелетинский 1994: 39–104]. Частотность формализованных построений имеет жанровую обусловленность. В заговорах доминируют формализованные модификации приема, выражающие сопоставительные отношения посредством бипредикативных сложноподчиненных конструкций с симметричным вводом в обе части ОП средств подчинительной связи: *«Как земляника эта засыхает и завядает, также чтобы и у рабы Божией зубы замирали и занемели»* [Савушкина 1993, № 91]. Обилие ССМ детерминировано метацелью жанра. Параллельные события разных масштабов сопоставляются и репрезентируют в параллелизме образов макро- и микромиров космический и земной параллельные миры, объективируют в параллелизме образов макромиров стратификацию макрокосмического пространства и масштабирование человеческого тела (по определению Т.А. Агапкиной) в параллелизме образов микромиров: «огромное количество вариантов <...> отличаются друг от друга прежде всего конкретным составом природных и культовых объектов, сохраняя при этом удивительную цельность» [Агапкина 2010: 72], прежде всего на уровне гипертемы. Выделение прецедента-события, прецедента-состояния, прецедента-свойства, прецедента невозможного [Агапкина 2010: 71] коррелирует с типологией гипертем ОП.

Типология сопоставления компонентного состава частей ОП соотносится с классификацией параллельных мировоплощений по характеру представления субъектов: с разными субъектами в двух ситуациях; с одним субъектом, но совершающим различные действия [Агапкина 2010: 72]. Параллельные построения с разными субъектами составляют основу классического ОП и его трансформированных на уровне формы ССМ. Параллельные построения с разными субъектами одного из параллельных миров и одним макро- или микрокосмическим субъектом, совершающим разные действия, отличают содержательную трансформацию.

Построения дифференцируют основные направления формализации ОП.

Материал исследования позволяет утверждать, что в фольклорных текстах разных жанров исследуемая линия развития ОП представлена ССМ, которые **дифференцированы по магистральным направлениям формализации** классического типа ОП и его трансформированных на уровне формы и содержания модификаций. Формализованные ССМ разграничены по специфике их построения на основе различных типов ОП предшествующих звеньев эволюционной цепи. **Общими чертами** для формализованных ССМ, созданных на основе классического и трансформированных ОП, является наличие эксплицированных средств связи параллелей ОП в границах одной структурно-содержательной единицы. **Отличительными чертами** являются присущие классической или трансформированным модификациям способы репрезентации образов макро- и микромиров посредством лексического наполнения частей ОП и лексико-грамматических вариантов представления их модальных планов. Различают формализованные ОП, построенные по формуле «идентифицирующе-усилительных конструкций» с идентичным оформлением модальных планов частей средствами реальной модальности *как..., так (и)...*; средствами ирреальной модальности *как пусть // бы (и)...*; с неидентичным оформлением модальных планов частей: *(и) как..., так пусть // бы (и)...*. Различие модальных планов частей ОП варьирует их параллельную организацию [Артеменко 1977а: 307]. Каталог средств экспликации сопоставления параллельных миров в формализованных ССМ демонстрирует их разнообразие: наиболее частотный *(и) как..., (и) так (и пусть // бы)...*; примета имеет условную форму с союзами *коли..., то...; если..., то...*; менее частотные *как...не (нет), так (пусть // бы) не....; когда..., тогда...; сколько..., столько (так же бы//пусть)...*; *где..., там...; каково..., также...; кто..., тот ...; что..., то...; хоть и... , но...; (есть) ли..., чтоб...* и др. Извлечение из формализованной ССМ эксплицированных средств подчинительной связи (относительно-местоименной с симметрией ввода средств и союзной с асимметрией ввода средств) объективирует ее структурно-семантическую основу – классическую или трансформированную.

Методологически значимым является *двунаправленное исследование ОП как автономных построений* и в их соотнесенности как *элементов единой системы*

формульной организации фольклорных текстов. ОП реализуются в линейной последовательности, обслуживая композиционные части фольклорного текста (к примеру, текст и ответ загадки и др.), в нелинейных отношениях (в имплицитных ОП и др.) и в иерархическом вхождении ОП меньших по объему в большие по объему.

3.2.5.1.1. Формализованный образный параллелизм на основе классического типа

Формализация ОП объективируется симметричным вводом в обе его части средств подчинительной связи сложноподчиненной конструкции, реже – наличием средства подчинительной связи только в придаточной части.

Формализация ОП на основе его **классического типа** предполагает представление частей исключительно средствами реальной модальности. В ССМ наблюдается опора на исходный в эволюционной цепи преобразований классический тип ОП как ССМ, которую отличает содержательная и структурная автономность символической и реальной частей, репрезентирующих самодостаточные макро- и микромиры в их объективно-природной ипостаси.

Типология формализованных ССМ ОП выстраивается в зависимости от параметров, которые репрезентируются в качестве подобных в параллельных мирах. Акциональные, процессуальные, атрибутивные, количественные и обстоятельственные параллелизмы строятся на основе различных СС поли- и монопредикативных структур. В параллелизмах, формализованных на основе классического типа, не допускается тождество лексем. Параллелизм части предикативной конструкции в них не реализуется.

Выявлен формализованный на основе классического типа параллелизм действий: в балладе *«Идет княжна – как река льется»* [Астахова 1963: 67]; параллелизм состояний: в песне *«Какова горька калина – / Таково житье со старцем»* [Киреевский 1929: 234, № 2553]; параллелизм качества: в примете *«Вешний день – что ласковое слово»* [Рыженков 1992]; параллелизм количественных параметров: в песне *«Сколько на печи пачины, / Столько на сердце кручины»* [Киреевский 1917: 8, № 1186]; параллелизм локусов: в примете *«Отколе ветер на Солнцеворота, оттоле*

будут дышать сорок мучеников» [Харченко 2008: 59]; параллелизм условий: в примете *«Если с горящего камелька (камин, очаг) далеко отскочит крупный уголь, то это означает, что приедет издали ночующий гость»* [Кулаковский 1979: 76–77]; параллелизм темпоральных параметров: в сказке *«Только он [капитан] прилег, как вдруг буря страшная началась, вихри закружили»* [Кретов 2005: 50, № 23].

Формализованный на основе классического типа образный параллелизм выявлен во всех фольклорных жанрах и имеет **общежанровый статус**.

3.2.5.1.2. Формализованный образный параллелизм на основе трансформации его формы и содержания

Формализованный ОП на основе трансформации его формы представляет ССМ, в которой антропоморфизация макрообразов и пластика образов символической и реальной частей с присущими им характерными чертами представлены с экспликацией средств сопоставления образов параллельных миров.

Формализованные ССМ организованы на основе двух разновидностей антропоморфизации макрообразов: анимизации и собственно антропоморфизации.

Формализованный ОП на основе **анимизации** макрокосмических объектов представляет в символической параллели образы макромира в их объективно-природной ипостаси без черт внешнего и функционального человекоподобия. В ОП макрокосмические объекты показаны как живые существа, к ним обращаются с речью: в балладе *«Как злодеюшка ты, лютая змея! / Как по воде ты плывешь – извиваешься <...> / Перелестница, раздушаночка, красная девица, / Перелестила она доброго молодца»* [Астахова 1963: 103]; в сказке *«Сивка-бурка, вещая каурка! / Стань передо мной, / Как лист перед травой!»* [Кретов 2005: 53, № 23].

Формализованный на основе **анимизации** макрообъектов ОП имеет **межжанровый статус**: не зафиксирован в причитаниях, приметах, былинах, исторических песнях, быличках, частушках, пословицах и загадках.

Формализованный на основе **собственно антропоморфизации** макрокосмических объектов ОП представляет в символической параллели наделение

образов макромира чертами внешнего и функционального человекоподобия. Для выражения антропоморфной формализации макрообразов широко привлекаются лексемы всех без исключения ГР, что свидетельствует о накоплении и развитии сформированного на предшествующих этапах эволюции всеобъемлющего спектра функциональных репрезентантов антропоморфизации макрокосмических образов.

Символическая макрокосмическая параллель, как правило, представлена в придаточной части сложноподчиненного предложения, микрокосмическая – в главной. Совпадение глубинной и поверхностной семантики образов выражено повтором ключевой лексики. Соотношение лексически тождественных или синонимичных функциональных компонентов, как и в трансформированных ССМ, выражается лексическим наполнением частей и имеет разные основания.

Объективно обоснованная аналогия действий человека и объектов макромира в основном создается на базе глаголов движения, положения в пространстве, бытия ГР–1: в былинах *«Как красной-то солнцё в полдни стоит, / Почёстен пир идё на веселе»* [Соколов 1948: 124, № 15]; в быличке *«<...> многие люди видели, как решето пробежало через всю слободу»* [Пухова 2008: 35, № 54]. В заговорах для животных создается ССМ, в которой параллельные миры меняются местами. Ситуация из человеческой жизни репрезентируется в придаточной части сложноподчиненной конструкции: *«Как раба Божья Александра под венцом стояла, так раба божья Черннюшка перед удьем стояла»* [Аникин 1998: 191, № 1069]. Поведение венчающейся находится под покровом небесной силы, аналогично моделируется и поведение домашнего животного, которому должно быть покорным и защищенным свыше. На базе лексем ГР–1 посредством чисто условного переноса действий и функций персонажа на объект макромира создается формула невыполнимого условия: в частушке: *«Я тогда тебе поверю, / Ухажер мой дорогой, / Когда вырастет на камушке / Цветочек голубой»* [Астафьева 1987, № 3316]. Антропоморфизация значимого образа болезни иконически оформляется его локализацией в главной части полипредикативной конструкции: *«Господи хмель, как царь сидит на царствии своем, тако и ты сиди на месте своем»* [Савушкина 1993, № 205].

Соотношение лексем других ГР (в том числе тождественных) основано на условном переносе действий и функций персонажа на объект макромира: глаголы со значением «каузировать перемещение или положение предмета в пространстве» ГР–2 в примете *«Когда летом муравьи наносят большие кучи, то ожидай ранней и холодной зимы»* [Грушко 2003: 19]; глаголы со значением восприятия ГР–3 в примете *«Если на Сретены не глянет солнышко – ожидай строгих морозов»* [Харченко 2008: 70, 75]; глаголы физического действия ГР–4 в примете *«Если при восходе солнце ярко-красное и вскоре прячется в облака – жди дождя»* [Харченко 2008: 79]; глаголы эмоционального состояния ГР–5 в быличке *«В дому домовейка раз плакал, как все ушли»* [Черепанова 1996: 27, № 108]; глаголов со значением мыслительной деятельности и состояния сознания ГР–6 в заговоре *«Как щука не терпит вина, також бы не терпел его раб Божий»* [Савушкина 1993, № 201]; глаголов со значением речи ГР–7 в исторической песне *«Как не черный ворон закричал в полночь, / Закричал, загичал наш казацкий атаман»* [Игнатов 1970: 141, № 33]; репрезентируется отсутствие речевой деятельности: в заговоре *«Как лапоть молчит, так бы и ребенок молчал»* [Аникин 1998: 57, № 173].

Макрокосмический объект наделяется способностью испытывать эмоциональные состояния: в заговоре *«Сколь тошно, сколь горько рыбе без воды и так бы рабе (имя рек) тошно, горько по мне, по рабу»* [Савушкина 1993, № 222], а также иметь семью: в быличке *«<...> сколько в доме людей, такая же у домового и семья: муж, жона и дети»* [Черепанова 1996: 28, № 109]. В формализованных построениях сохраняется присущее трансформированным ССМ сочетание антропоморфизации объектов природы с «классическим» типом ОП: в заговоре *«<...> как красное солнышко весь мир осветит, возрадует и возвеселит, так бы меня, раба Божия, возрадовали и возвеселили все православныи християны»* [Топорков 2005: 113]. В приметах макрообраз наделяется чертами внешнего человекоподобия: *«Коли на Федота на дубу макушка с опушкой, то будешь мерить овес кадушкой»* [Харченко 2008: 77].

Формализованный на основе собственно **антропоморфизации** макрообъектов образный параллелизм имеет общежанровый статус.

В качестве грамматического способа выражения формализованных ССМ с **пластикой образов символической или человеческой параллели** используются глаголы в форме сослагательного или повелительного наклонения.

Формализация ОП с **пластическим преобразованием образов символической части** представлена ее оформлением средствами ирреальной модальности: в частушке *«Пускай растет малинушка, / Пока в солдатах милушка!»* [Власова 1965, № 1411]. Прогноз природных событий моделируется через призму ситуаций из жизни персонажей: в частушке *«Где с миленочком сидели – / Там не вырастет трава»* [Власова 1965, № 2968].

Формализованный на основе **пластики образов символической части** параллелизм имеет межжанровый статус: не зафиксирован в причитаниях, исторических песнях, загадках, заговорах, приметах, былинах, быличках.

Формализация ОП с **пластикой образов человеческой параллели** получила разноаспектное развитие в фольклорных жанрах и отличается высокими показателями частотности. Лексические маркеры ССМ: тождество или синонимия компонентов (как правило, функциональных). В пластике образов человеческой параллели реальные параметры отождествляются с символическими. Лексико-грамматические маркеры ССМ: оформление человеческой части средствами ирреальной модальности; асимметрия реальной модальности в символической части и ирреальной модальности в человеческой части: в частушке *«Девки-матушки, крепитесь, / Как водица в решете»* [Власова 1965, № 2262].

Законы макрокосмического мироустройства проецируются на мир человека и на их основе моделируются события из жизни персонажей: в заговоре *«Как сучек не расходится ни в ширину, ни в длину, так чтобы у рабы Божией (имя) жаба не расходилась ни в ширину, ни в длину»* [Савушкина 1993, № 117].

ССМ имеет жанровую специфику. В заговорах разной функциональной направленности (лечебных, любовных, хозяйственных) исследуемые ССМ отличаются асимметрией оформления модальных планов частей. Моделирование микрокосмической параллели основывается на характеристиках символических образов разных макромиров. Функциональные параметры символических образов

воспроизводятся путем лексического повтора в реальной параллели: *«Как сохнет этот прут, пускай сохнет по мне раб Божий (такой-то)»* [Савушкина 1993, № 237]. Образы христианского мира и мира мертвых являются прецедентным образцом для моделирования событий жизни персонажа: *«Как сей мертвец имярек умер без покаян(ь)я, так и ты умри без пок(аян)я»* [Топорков 2010: 93, № 5]. Образы сверхъестественного мира представлены меньшим количеством примеров: *«<...> как жила она [чертища] с тобой в челнище, так жил бы, такой-то, со своей женой в избище»* [Савушкина 1993, № 246]. ССМ организуются без лексического тождества функциональных компонентов: *«Как Июда удавился у горка древа осины, так бы унялас(ь) кров(ь) у раба Б(о)жия имярек»* [Топорков 2010: 129, № 101a].

Прогностическая функциональная направленность конструкций с семантикой волеизъявления, реализованных на основе оформления человеческой параллели средствами ирреальной модальности, находит широкое применение в примете [Завьялова 2013; Кулькова 2006; 2006а; 2011]. Параллелизм приметогенной ситуации и прогноза с ГТ–2 характеризуется оформлением человеческой параллели средствами ирреальной модальности с использованием императивной конструкции, содержащей рекомендацию по действиям человека в соответствии с данными приметоносителя. В левой параллели представлено природное явление как приметоноситель, в правой – содержится обращенный к человеку прогноз, реализуемый на основе лексем ГР–1,4,6,7 в форме императива: ГР–1 *«Коли облака стали цепляться за лес – иди за грибами»* [Рыженков 1992]; ГР–4 *«Как кукушка закукует – так и сеять лен»* [Харченко 2008: 51]. Прогноз оформляется сочетанием слов *«пора»* / *«время»* / *«следует»* + *инфинитив*. Лексемы *пора* и *время* имеют статус речевых императивных действий-обращений к реальному или воображаемому адресату: *«Когда летом первые журавли, тогда пора сеять горох»* [Рыженков 1992: 115]. Максимальное количество прогнозов в ССМ создается на базе лексем ГР–6 в форме императива или сочетания слов *«следует»* + *инфинитив ожидать*: *«Если над мощным кучево-дождевым облаком выделяется веер ложно-перистых облаков или вершина облака, расплываясь в стороны, придает всему облаку форму гриба или наковальни, – следует ожидать*

грозы» [Касперски 2003]. Единичными примерами представлены прогнозы на базе лексем со значением речи ГР–7 в форме императива: «*Коли силен мороз на Крещение – на хлеба не ропщи*» [Селянгина 2005]. Выявлены построения с инверсией частей ОП, в котором прогноз локализуется в препозиции к приметоносителю с темпоральным значением: ГР–1 «*Выходи на пашню, когда водяная лягушка начала квакать*» [Харченко 2008: 84]; ГР–4 «*Раннее яровое сей, когда вода сольет, позднее – когда цвет калины в кругу будет*» [Селянгина 2005]. В параллелизмах количества события в жизни человека прогностически представлены через призму макрокосмических закономерностей: «*А если водополь велика, то и ноша хлебная будет велика*» [Харченко 2008: 65]. В трехчастной примете страховка на случай плохого прогноза выражается глаголом с префиксом *про-* со значением «*упустить что-нибудь*», обозначающим тотальный способ действия (*пробросаешься*), и функционально обосновывает ОП: «*Когда солнце закатилось, не бросай сору на улицу – пробросаешься*» [Харченко 2008: 53–54]. В балладе выявлен параллелизм условий: «*Как синё море разволнуется, / Так тебе, вору, быть убитому*» [Астахова 1963: 132]. В быличках ССМ с функциональным компонентом в форме императива представлена как предмет речи: «*Все говорили, что во ржи есть кудельница, не ходите, ребята, в рожь*» [Черепанова 1996: 41, № 226].

Формализация параллелизма на основе пластики образов реальной части не выявлена на материале ответа загадки и имеет межжанровый статус.

Формализованный ОП на основе содержательной трансформации представляет ССМ, в которой содержательная трансформация параллелизма образов макро- и микрокосма, параллелизм образов макрокосма и параллелизм образов микрокосма с присущими им и сформированными на предыдущих этапах эволюции чертами представлены с **экспликацией** средств сопоставления параллельных образов.

Основу типологии исследуемых ССМ составили накопленные с учетом предыдущих этапов развития ОП **идентификационные показатели**: характер корреляции миров; функциональное назначение человека в частях; характер репрезентации субъекта воздействия в частях; характер оформления модальных планов частей; наличие языковых скреп; специфика символических связей.

По характеру корреляции миров дифференцированы формализованные ССМ с параллелизмом образов макро- и микромиров, а также сформированные на его основе параллелизмы с образами макромиров и параллелизмы с образами микромиров. В параллелизмах образов макро- и микромиров человек показан в обеих частях. ССМ представлены параллелизмами действия, состояния и качества с доминантой параллелизмов действия и состояния во всех фольклорных жанрах.

По функциональному назначению человека в частях ОП дифференцированы ССМ с репрезентацией человека (в ряде случаев макроперсонажа) в качестве субъекта воздействия или объекта воздействия.

Первая разновидность репрезентирует человека в качестве **субъекта воздействия** на объекты макромира или другого человека. Выявлены конструкции с одним и тем же субъектом в обеих частях и с разными субъектами в частях ОП. Кроме того, ССМ дифференцируются по характеру репрезентации символических связей на уровне ядерных и периферийных компонентов частей.

Выявлены ОП с **одним и тем же в обеих частях семантическим субъектом** (в том числе обобщенным – любой человек): в заговоре *«Как на эту церковь смотрят и зарятся, так бы на раба Божия и смотрили и зарились»* [Савушкина 1993, № 325]; с **разными семантическими субъектами**: в заговоре *«Как я этой мочалкой вытерла, так пусть и бородавка моя сойдет»* [Савушкина 1993, № 135].

Вторая разновидность репрезентирует в частях ОП человека в качестве **объекта** воздействия представителей макромира или другого человека: в заговоре *«Как тесто ложится у сердца на месте, так и мысли о рабе Божией (имя рек) ложились бы у ретива сердца раба Божия (имя рек)»* [Савушкина 1993, № 234]. Параллелизм состояния построен на основе безглагольных конструкций: в заговоре *«Как изо рта вода, так из рабы Божьей младенец»* [Аникин 1998: 38, № 9]. ССМ представлены параллелизмами качества: в заговоре *«Как бы мне казался твой приятный лес, так бы казался раб Божий такой-то»* [Савушкина 1993, № 212].

ССМ дает развитие ОП, в котором **символический макросубъект вводится в обе части** в качестве субъекта воздействия на человека или другого представителя макромира. ОП *«покойники – дьяволы»* представлены в воровском

заговоре для проникновения в чужой дом незамеченным: *«Как мертвые в земле и по земле спят, заглушены и задушены, очми не видят и ушми не слышат, так же и вы (дьяволы), заглушите и задушите всех»* [Отреченное чтение 2002: 120].

Выявлены ОП с **разными субъектами** в частях: в быличке *«<...> как мать проклянет, попадает такой момент, что сбывается, дочь делается как слабая умом, и ее подхватывают шишки, черти, по лесу носят»* [Черепанова 1996: 21, № 58]. В главной части сложноподчиненной конструкции макробразы представлены в качестве субъекта, человек – в качестве объекта восприятия: *«<...> как я радуюся престолу Божию и самому Господу Иисусу Христу, так бы радовался скот мой и милой живот крестьянской меня, раба Божьего (имя рек) пастуха»* [Савушкина 1993, № 292].

Выявлены ОП с **одним(и) и тем(и) же для обеих частей семантическим(и) субъектом(-ами)**. ССМ дает развитие ОП, в котором символический субъект вводится и в человеческую часть в качестве субъекта воздействия на человека или представителя макромира: в заговоре *«Как на хлеб – на соль и на камешок ничто не приходит, так бы и на рабицу Божию (имя рек) ничто не приходило»* [Савушкина 1993, № 2].

По характеру репрезентации субъекта воздействия дифференцированы ССМ с разными субъектами в частях и одним и тем же субъектом в частях ОП.

Выявлены ОП с **одним и тем же в частях семантическим субъектом (макро- или микрокосмическим)**: в заговоре *«Кто мой мак будет подбирать, тот на меня будет суд давать»* [Савушкина 1993, № 331]; с **разными семантическими субъектами в частях**: в былине *«Как у нас ноне солнце стало на вечер, / А у князя беседа навесель»* [Листопадов 1948: 37, № 23].

Мир человека представлен образами принадлежащих ему животных или артефактов. Семантика принадлежности выражена притяжательным местоимением. Выявлены ССМ с образами природы в двух частях: в заговорах *«Как в колоде вода прибавляется, так у нашей коровы приди молоко»* [Юдин 2005: 416–417]. Семантика принадлежности распространяется и на небесные светила: в исторической песне *«Как померкло мое красно солнышко, <...> / Преставился Михайлушко Данилович»* [Исторические песни XIII–XVI веков 1960: 428, № 250].

По характеру оформления модальных планов частей разграничены ССМ с симметричным оформлением средствами **реальной модальности**: в сказке реализован мотив чудесной беременности *«Когда поймает ее [щуку златокрылую] король да изготовит, а королева покушает, тогда и понесет детище»* [Афанасьев 1958: I, 267, № 136]; средствами **ирреальной модальности**: в пословице *«Дом купи с жильцом, а жену бери одну (для себя)!»* [Даль 2000: 179]. Симметрия частей упрочивается тождеством построения частей по одинаковым СС. В заговоре **Neg Inf** с главным членом – инфинитивом с частицей *не*, указывающим на невозможность совершения действия: *«Как этим прутикам не бывать на старом месте и так же не бывать второй раз полуночницам на рабе Божьем»* [Савушкина 1993, № 29]. **Асимметричное оформление** символической части средствами реальной модальности и микрокосмической части средствами ирреальной модальности: в быличке *«Если дедушко домовоюшко любит хозяина, он ему косичку назади засуслит, заплетет, и ты эту косичку не смей распутывать»* [Черепанова 1996: 27, № 109].

По наличию языковых скреп разграничены ССМ с повтором: в частушке *«Трудно, трудно камешочек / Из синя моря достать, / Но труднее у милого / Думу на сердце узнать»* [Власова 1965, № 3550]; без повтора: в заговоре *«Как мураши кипят, так бы у меня на дворе скотинка всякая скопилась и плодилась»* [Савушкина 1993, № 273].

По специфике символических связей разграничены ССМ с символизацией ядерных и периферийных компонентов. ССМ с разными семантическими субъектами в частях отличается **широким спектром символических связей**: в причитании *«Чтобы люди не обаяли, / Да собаки не облаяли»* [РПК 1940: 222]. Наличие языковых скреп **сужает спектр символических связей**: в примете *«Если новорожденную купать в белом белье – вырастет бела и нежна»* [Харченко 2008: 120].

Формализованная ССМ на основе содержательной трансформации параллелизма образов макрокосма и микрокосма выявлена во всех фольклорных жанрах и имеет **общежанровый статус**.

Формализованный параллелизм образов макромиров по характеру корреляции образов представлен разнообразными **СИМ**, присущими и трансформированным ССМ с образами макромиров. Кроме того, выявлены новые,

сформированные в недрах формализации ОП СИМ «*природный персонаж – соматический образ*», «*христианский мир – сверхъестественный мир*» и на материале ОП с гипертемой означивания связи явлений триада миров «*природный мир – артефактный мир – сверхъестественный мир*».

СИМ «*природный мир – сверхъестественный мир*»: в сказке «*Пошла лисица в лес, яко долгий бес*» [Афанасьев 1958: I, 27, № 16]. СИМ «*природный мир – христианский мир*»: в пословице «*Когда гремит громъ – это Господь ездить по небу въ Своей колеснице и возить калачи*» [Ермолов 1905: IV, 400]. СИМ «*природный мир – артефактный мир*»: в исторической песне «*Стрелы летят, как часты дожди*» [Игнатов 1970: 107, № 16]. СИМ «*артефактный мир – мир мертвых*»: в загадке «*Пирог мясной, корка деревянная. – Покойник в гробу*» [Митрофанова 1968: 61, № 1658]. СИМ «*природный мир – мир мертвых*»: в исторической песне «*Как <...> Улетела (потухла) звезда поднебесная, – / Преставился Михайлушко Данилович*» [Исторические песни XIII–XVI веков 1960: 428, № 250]. СИМ «*артефактный мир – христианский мир*»: в пословице «*Каков бог, такова ему и свеча*» [Даль 1879: I, 22]. СИМ «*мир мертвых – сверхъестественный мир*»: в быличке «*Раз бес приехал в человеческом обличье, то покойник будет*» [Черепанова 1996: 46, № 271]. Также представлены СИМ «*христианский мир – сверхъестественный мир*»: в быличках «*Вот когда Спаситель родился, тогда и русалки скрылись*» [Черепанова 1996: 22, № 63]; по аналогии с параллелизмом в сфере микрокосма СИМ «*природный персонаж – соматический образ*»: «*Как эта шерсть будет держаться в пороге, так бы собака держалась в доме*» [Савушкина 1993, № 268]. В загадке репрезентирована триада миров «*природный мир – артефактный мир – сверхъестественный мир*»: «*Шел мужик по дороге, увидел – черт на зароде: «Светильня, свети, свети, а черт с зарода слети, слети». – Земля, снег, солнце*» [Митрофанова 1968: 25, № 303].

По характеру репрезентации субъекта воздействия разграничены ССМ с **разными семантическими субъектами в частях**: в пословице «*Какъ въ одной берлоге два медведя, такъ въ одномъ озере два шута (чорта) не живутъ*» [Ермолов 1905: IV, 363]. ССМ с одним и тем же в частях семантическим субъектом не релевантны.

По характеру оформления модальных планов частей разграничены ССМ с **симметричным** оформлением средствами **реальной модальности**: в быличке *«Рожь качается, что росамаха бежит»* [Черепанова 1996: 36, № 182] и с **асимметричным оформлением** модальных планов: в заговоре *«Как этот гвоздь станет держаться полу, так петух держался бы своего дому»* [Савушкина 1993, № 269]. Симметричная репрезентация миров средствами **ирреальной модальности** не выявлена.

По наличию языковых скреп разграничены ССМ с повтором и без повтора. В формализованных ССМ выявлены параллелизмы макромиров без повтора в частях тождественных компонентов: в былине *«На концы на дереве флюгарка шатаетца, / Как лютая змея извиваетца»* [Астахова 1961: 63].

По специфике символических связей наличие разных семантических субъектов и отсутствие языковых скреп обуславливают **широкий спектр символических связей**: в быличке *«<...> когда на дороге поднимается вихрь, <...> значит, что черт на утопленнице женится»* [Пухова 2008: 88, № 203]. **Сужению символических связей** способствует наличие языковых скреп: в балладе *«Не два соболя бегут со кунницею, / Наперед у них бежит стар Устиман-зверь»* [Астахова 1963: 252].

К формализованной ССМ с образами макромиров примыкает условно-фантастическое моделирование природных и артефактных образов: в загадках *«Овца в корове. – Чулок в ботинке»* [Рыбникова 1932: 14].

Формализованный параллелизм образов макрокосма не выявлен в частушках и имеет **межжанровый статус**.

Формализованный ОП в сфере человеческого микрокосма по характеру корреляции образов представлен **тремя СИМ**. СИМ *«физическая ипостась человека – духовная ипостась человека»*: в примете *«Кто икает после еды, тот скупой человек»* [Харченко 2008: 25]. СИМ *«образ персонажа – соматический образ»*: в заговоре *«<...> как моя слюна сохла, так бы и она обо мне сохла»* [Савушкина 1993, № 220]. СИМ *«внешние соматические образы – внутренние соматические образы»*: в причитании *«Хоть головушка твоя да безначальная, / Сердечушко твое да безпечальное»* [Барсов 1872: I, 10].

По характеру репрезентации субъекта воздействия разграничены ССМ с **разными семантическими субъектами в частях**: в заговоре «*Сколь скоро сие слово изменится, столь скоро и борзо у имярека сердечная тоска болезнь изменилась*» [Ефименко 1878: 204, № 38]; **одним семантическим субъектом**: в пословице «*Как надо говеть, так и стало брюхо болеть*» [Даль 1879: I, 11].

По характеру оформления модальных планов разграничены ССМ с симметричным и асимметричным оформлением. **Симметричное оформление** модальных планов частей средствами **реальной модальности**: в сказке «*У какого мужа добрая душа, такому мужу жена всегда хороша*» [Кретов 2005: 35, № 13]; средствами **ирреальной модальности**: в частушках «*Кабы, дролечка, не ты, / Не было бы и беды*» [Власова 1965, № 733]. **Асимметричное оформление** параллелей средствами реальной и ирреальной модальности: в заговоре «*Коль крепко ступаю на ногу, столь крепко спи, мое дитя*» [Аникин 1998: 45, 74].

По наличию языковых скреп разграничены ССМ с повтором: в причитании «*Хоть и помер ты, / Но дело твое не помрет у нас*» [РПК 1940: 260]; без повтора: в лирической песне «*Посмотрите, люди добрые, / Какъ жена мужа не любить*» [Киреевский 1917: 17, № 1236].

По специфике символических связей разграничены ССМ без языковых скреп с **широким спектром символических связей**: в примете «*Если ребенку дать имя первого встречного – он будет иметь счастливую будущность*» [Харченко 2008: 119]; с языковыми скрепами, которые **сужают символические связи**: в причитании «*Охти, мне, мне-ка тошнешенько, / Мне горазно обиднешенько*» [РПК 1940: 170].

Формализованный образный параллелизм в сфере микрокосма выявлен во всех фольклорных жанрах и имеет **общежанровый статус**.

Формализованный образный параллелизм в составе части счетного ряда исследован в разделе 3.2.4.4. *Образный параллелизм в составе счетных рядов*.

Продуцируемые в границах формализации ОП ССМ имеют **полевою организацию**. Формализованные ССМ, созданные на основе классического и трансформированных ОП, составляют **ядро формализованных модификаций ОП**. Формализованные ССМ, аккумулирующие признаки всех линий развития,

составляют разнообразную **периферию формализованных модификаций ОП**. Обобщенные данные представлены в *Приложении 10 «Типология структурно-семантических модификаций образного параллелизма»*.

3.2.5.2. Периферия формализованного образного параллелизма

3.2.5.2.1. Образный параллелизм сравнений

ОП сравнений – формализованная ССМ, которая организована на структурной основе синтаксического параллелизма части полипредикативной единицы – сложноподчиненного предложения с однородным соподчинением придаточных сравнения, части монопредикативной единицы с параллелизмом групп членов, репрезентирующих компаративные конструкции, и содержательной основе образов параллельных макро- и микромиров с целью умножения культурного смысла.

Сходные в структурном отношении построения И.Ф. Амроян квалифицирует как *«параллелистические конструкции сравнений»* [Амроян 2005]. Параллелизмы сравнений с их манифестацией на материале образов макро- и микрокосма реализуют вектор формализации ОП, поскольку являются *частью* полипредикативной или монопредикативной конструкции [Доброва 2011: 112–120], и разграничиваются по характеру субъектов сравнения: с разными субъектами в частях ОП и с общим для параллелей субъектом.

Первый тип ОП сравнений формируется на структурной основе параллельного построения **частей сложных конструкций**: сложноподчиненных образований с однородным соподчинением придаточных сравнительных. Параллельное построение однородных придаточных сравнения в составе полипредикативной единицы обеспечивается их отношением к общей главной части сложноподчиненного предложения, а также функциональным и позиционным тождеством их компонентов. В «идентифицирующе-усилительной конструкции *как..., так пусть...*» (термин В.Н. Топорова) [Топоров 1995: 23] придаточная часть присоединяется к главной посредством союза *как*, которому в главной части соответствует коррелят *так*. ОП сравнений

создается *амплификацией* придаточных частей полипредикативной конструкции и их манифестацией на содержательном материале образов параллельных миров. Повтор средства связи *как* является факультативным. ССМ создается установлением аналогии с образами макро- и микромиров, которая выражается введением дополнительных параллелей, локализующихся в придаточной части сложноподчиненного предложения. Построения дифференцируются по характеру формирования символических связей и отличаются вводом в части **разных** субъектов.

Первая разновидность отличается символическим соотношением актантных компонентов в частях ОП, в ряде случаев в сочетании с их характеристиками. Тождество или поверхностное (не на уровне глубинного смысла) варьирование функциональных компонентов обуславливает их нейтрализацию в системе символических связей. Символизируются субъекты как носители состояния и связанные с ними объекты: в заговорах *«Как малой младенец от матери прочь не отходит, держитца, сохнет по всякой час и на всякое время, как косяк косяка держитца, прочь не отходит, так бы держалась раба Божия (имя рек), не отходила, держалась и сохла крепко»* [Савушкина 1993, № 219]. Выявлены ССМ с символизацией субъектов и их характеристик: *«<...> как солнце восходит и месяц на высочайшей (пове)ление, и как цари и князи, и короли, и военачальники, и градоначальники, и вси людие <восходят на высочайшей (пове)ление>, так бы на раба Божия имярек взирали красотою солнце и месяц»* [Топорков 2010: 461, № 1].

Вторая разновидность отличается символическим соотношением функциональных компонентов в частях ОП. Кумулятивный эффект эволюции обуславливает формирование ОП сравнений на материале образов микрокосма: в заговоре *«Как мне этот сон мил и приятен, как я без него жить не могу, так же бы и раб божий (имя) не мог бы жить, ни быть»* [Вятский фольклор 1994, № 249].

Второй тип ОП сравнений представляет часть монопредикативной единицы, в границах которой формируется параллелизм групп членов, репрезентирующих компаративные конструкции. Компоненты компаративной конструкции в составе монопредикативной единицы отличаются функциональным и позиционным тождеством, организуются как адекватно построенные группы членов предикативной

единицы и манифестируют образы параллельных миров. Функциональной и позиционной общностью компонентов обусловлена их нелинейная соотнесенность, служащая основой синтаксической связи. Структурную основу ОП составляют два типа компаративных конструкций. ССМ разграничиваются по характеру символических связей и характеризуются наличием **общего** для частей субъекта.

Первый тип компаративной конструкции представлен параллельной организацией групп членов простого предложения, манифестирующих конструкцию «*компаратив со значением качественной характеристики + объект сравнения и его характеристики*», выраженную сравнительной степенью имени прилагательного и именем существительным в форме родительного падежа.

Первую разновидность характеризует сочетание символизации объектов и компонентов, выраженных в частях ОП грамматической категорией прилагательного или наречия, обозначающей большую степень проявления признака по сравнению с тем же признаком, названным в положительной степени, указывающей на уникальные свойства макро- и микрокосмического объектов: в заговорах «<...> пусть я, раба Божия (имя рек), буду *краше красного солнышка, белей светлого месяца, румяней зари утренней и зари вечерней, краше всего света белого, всего миру православного*» [Савушкина 1993, № 231]; реже – только символизацией объектов: в былинах «Э да мы тебя отдадим замуж лучше *старого*, / Лучше *старого* отдадим замуж, лучше *прежнего*» [Астахова 1961: 474, № 152].

Вторая разновидность отличается символизацией компонентов, выраженных в ОП грамматической категорией прилагательного или наречия, обозначающей большую степень проявления признака по сравнению с тем же признаком, названным в положительной степени, указывающей на внешние и внутренние характеристики общего субъекта без символизации объекта: в пословице «Холодно (Худо тому), на ком платье одно; а и двое, да худое, *не лучшее (не теплее)* того» [Даль 1879: II, 84].

Второй тип компаративной конструкции представлен параллелизмом групп членов монопредикативной единицы, репрезентирующих компаративные союзные конструкции, маркером которой выступают союзы *как, яко, будто* и др.

Первая разновидность характеризуется символизацией **субъекта** с указанием в двух или одной части на наличие у них дополнительных характеристик: в сказке с образами макро- и микромиров «А меньшей, Ванюша, – как недоросточек, как защищенный утенок, гораздо поплоче» [Афанасьев 1958: II, 6, № 180]. Реализуется на основе имплицитных ССМ при сопоставлении разных текстов: в пословицах «Попался, как вошь во щепоть» – «Попался, как бес в перевес» [Даль 1879: I, 150]. Отличается символизацией субъекта в образах макромиров без указания на наличие у них дополнительных характеристик: в причитании «А сиротинки-малы-деточки, / Будто клубышки катаются, / Будто червушки свиваются» [РПК 1940: 73]; в том числе на основе имплицитных ССМ: в пословицах «Тяжбу завел – стал как бубен гол» – «Тяжбу завел – стал гол, как сокол» [Даль 1879: I, 189]. ССМ получает реализацию в составе ОП с ГТ–2 в загадке и составляет ее образную часть: «Яко дух, яко тлен, яко платье на нем. – Икона» [Даль 1879: I, 24].

Вторая разновидность характеризуется символизацией **объектов** в образах макро- и микромиров с указанием на наличие дополнительных характеристик: в причитании «Ты держала меня, девушку, / Будто гостейку во горнице, / Будто ташецу во клетоцке» [РПК 1940: 236]; с символизацией объектов без указания на наличие характеристик: в пословицах «Сижу, как на иголках. Сижу, как в огне» [Даль 1879: I, 151].

В типологии ССМ системно реализуется принцип ступенчатого сужения образа до минимального объема бинарной реализации символических связей с минимальным составом компонентов. В системе символических связей в фокусе основного внимания оказывается сопоставление актантных компонентов ОП.

Формализованный образный параллелизм сравнения не выявлен в балладах, приметах и имеет **межжанровый статус**.

3.2.5.2.2. Образный параллелизм в формуле отсылки болезни

«Формула отсылки/отгона/ссылания болезни представляет собой древний индоевропейский образец **ритуально-поэтической формулы** [Топоров 1969: 23–24], транслирующей культурные константы заговорного универсума» [Доброва

2016в: 5]. Типологические характеристики формул отсылки болезни подвергнуты анализу в работах отечественных и зарубежных исследователей на материале славянской (русской [Амроян 2005; Свешникова 1993: 139–149; 1995: 121–129], белорусской и украинской [Свешникова 1993: 139–149; 1995: 121–129], польской [Небжеговская-Бартминская 2005: 309–325], болгарской [Амроян 2005а], чешской [Амроян 2005; Вельмезова 1999: 50–60; 1999а; 2000: 35–36; 2004]), восточнороманской (французской [Вельмезова 1999: 50–60], румынской [Свешникова 1993: 139–149; 1995: 121–129]), балтийской (латышской [Олупе 1993: 128–139]), финно-угорской (удмуртской [Панина 2012]), тюркской (гагаузской [Квилинкова 2010]) заговорных традиций. В книге Н.Ф. Познанского представлен сопоставительный анализ формул ссылаяния болезни на материале русских и западноевропейских заговорных текстов [Познанский 1995: 85–86]. Сравнительный анализ нескольких традиций выявляет как общие, так и отличительные черты в пространственной организации заговорного универсума разных культур. Сопоставительный анализ ОП в формуле отгона болезни на материале русских и болгарских лечебных заговоров представлен в публикациях [Доброва 2016: 99–102; 2016а: 3–17; 2016б: 280–290; 2016в: 5–17; 2017: 44–50; 2017а: 70–90].

Образный параллелизм в формуле отсылки болезни – формализованная ССМ, в которой репрезентация способа и места отсылки/отгона/ссылаяния болезни в лечебном заговоре организована на структурной основе синтаксического параллелизма части моно- и/или полипредикативной конструкции и содержательной основе образов макро- и микромиров с целью мультиплицирования культурного смысла.

СИМ «формулы отсылки болезни включает в себя **пять компонентов**: субъект, функция, объект, локус и его характеристика. Инвариантная модель реализуется в **двух сценариях**: **(1)** субъект (болезнь) – функциональный компонент (императив) – объект, из которого изгоняется болезнь – локус (место изгнания) – характеристика локуса (субъект и его действие, характеризующие место изгнания); **(2)** субъект (чудесный помощник-целитель, заклинатель) – функциональный компонент (императив) – объект (болезнь) – локус (место изгнания) – характеристика локуса (субъект и его действие, характеризующие место изгнания).

Наличие двух сценариев позволяет выделить в инвариантной модели константные и переменные компоненты формулы. **Константными** (тождественными в обоих сценариях) являются <...> функциональный компонент, локус и характеристика локуса. **Переменными** (различающими два сценария) являются <...> субъект и объект. В первом сценарии в качестве субъекта представлена болезнь, объектом воздействия становится человек, реже – животное, из которых изгоняется болезнь. Во втором сценарии субъектом является чудесный помощник-целитель или заклинатель, а в качестве объекта воздействия выступает болезнь» [Доброва 2016в: 6].

ОП всех константных и переменных компонентов представлен в его эксплицитных и имплицитных, контактных и дистантных ССМ.

ОП функциональных компонентов в формуле отсылки болезни имеет имплицитный характер, обусловленный табуированием магического воздействия и символизацией антиномии движения и антидвижения. Функциональный компонент представлен глагольным императивом, в котором выражен приказ, требование, желание, просьба больного, врача или других исполнителей обряда. Выявлена четкая дифференциация ГР в зависимости от реализуемого сценария отсылки болезни. В первом сценарии функциональный компонент представлен лексемами ГР–1 – глаголами движения, положения в пространстве, бытия (*иди, пойди, изыди, отыди, исчезни, уйди, выйди, поди* и др.): «**Идите** вы, болезни, в темные леса, глубокие болота, *где солнце не всходит, где человек не проходит*» [Аникин 1998: 349, № 2259]. Во втором сценарии функциональный компонент отличается большим разнообразием. Доминируют лексемы ГР–2 – глаголы со значением «каузировать перемещение предмета в пространстве» (*понести, унести, взять, снести, отнести* и т. п.); реже представлены лексемы ГР–4 – глаголы со значением физического действия, представляющие магическое действие (*отбивать, отстреливать, выливать (испуг)*), и лексемы ГР–7 – глаголы с общим значением или семой речевой деятельности (*вызывать*): ГР–2 «**Снеси** боль рабы твоей Пелагеи туда, *куда птицы не залетают, люди не заходят, звери не забегают* [Аникин 1998: 353, № 2271]; ГР–4 «<...> **топи**, Господи, все болезни в болоте, *где птицы не летают, где скот не ходит* [Проценко 2010, № 83]; ГР–7 «<...> стала тебя (испуг – С.Д.) **вызывать**

на моря, на болота, *где люди не ходят и птицы не летают*» [Проценко 2010, № 116]. В русских лечебных заговорах в пределах одной формулы реализуется только один сценарий с использованием лексем одного ГР. Амплификация функциональных компонентов отмечена в единичных примерах и осуществляется в пределах лексем одного ГР: ГР-4: «<...> **отбивайте и отстрѣливайте** отъ раба Божія (имя рекъ) уроки <...>, – *куда крылатая птица не залетаетъ, и удалый молодець на конѣ не заѣзжаетъ*» [Майков 1869: 83, № 210]. Символизация единой идеи изгнания болезни в двух сценариях создает основу для формирования имплицитной ССМ ОП функциональных компонентов. При сопоставлении двух сценариев наблюдается зеркальное замещение актантов, при котором болезнь имеет и субъектное, и объектное воплощение. В первом сценарии болезнь как активный субъект должна сама совершить действие. Во втором сценарии она является объектом воздействия чудесного помощника или заклинателя. Идея изгнания воплощается в функциональных компонентах, организованных по принципу имплицитного ОП внешних и внутренних действий, на основе сопоставления лексем ГР-1,2,4 – ГР-7 в двух сценариях или в границах второго сценария ГР-2,4 – ГР-7. Императив на материале лексем ГР-1,2,4 – ГР-7 выражает идею уничтожения болезни.

ОП локальных компонентов и ОП характеристик места отсылки болезни представляют взаимоисключающие построения. ССМ не реализуются в заговоре одновременно: введение одной из них исключает условия для формирования другой.

ОП локальных компонентов в формуле отсылки болезни представлен единичными примерами. Компонент репрезентирует локус или объект, на который недуг должен перейти, в образах параллельных миров. Культурный смысл места отсылки – **особое место**. Родовое обозначение – **пустое место, темное место** – фиксирует отсутствие жизни и света. Видовые обозначения представлены в образах мира природы, мира человека, мира мертвых и др. В качестве мест отсылки болезни доминируют природные объекты: наиболее частотными являются фитонимические образы, а также водные и земные локусы. В единичных примерах отмечены образы воздушных объектов и животного мира. **Природный мир** представлен следующими тематическими группами лексем: фундаментальная стихия мироздания «вода» *океан, море, болото, колодезь, воды, реки, ручьи*; фундаментальная стихия мироздания

«земля» *остров (Буян), горы, пески, грязь, берега, пещеры, поле, камень;* фундаментальная стихия мироздания «воздух» *ветры;* растительный мир *лес (сушняк), мары-боры, луга, пень, колода, пень-колода, коренья, ветви, очереты (заросли тростника или камыша), береза, дуб, осина, мох, трясина;* животный мир *к птице синице на пяту, бобровые уста.* Локальные компоненты, представляющие **«перевернутый мир»**, преисподнюю, вводятся с помощью пространственных ориентиров. Образы мира природы становятся точкой отсчета для обозначения локусов того света: формальный показатель предлог *за (под)*..., этот свет – предлог *в (на, к)*...; *за (под) объектом мира природы* и находится мир преисподней: ***за тёмные леса, за быстрые реки, за синие моря, за крутые горы, за полые воды.*** Реже представлены в качестве места отсылки болезни **мир человека:** *на злого супостата, к старому хозяину в пяту; мир артефактов: баня, труба и мир мертвых: кладбище (могилки).*

Анализ локусов отсылки располагает к размышлению об особенностях **маршрута**, по которому осуществляется изгнание болезни. В заговорном тексте объекты становятся средством **маркировки пути** (по А.К. Байбурину), с помощью которой вырисовывается свернутый вариант схемы пути: «болезнь прогоняется на предельно отдаленные окраины (как в горизонтальном, так и вертикальном направлении) окружающего пространства» [Панина 2012: 15]. **География мест отсылки болезни** разнообразна и охватывает вертикаль и горизонталь мира [Проценко 2010: 38]. Маркировка пути позволяет выявить особенности процесса изгнания. В текстах очевидна потенциальная неоднословность локальных компонентов, обуславливающая денотативную неопределенность места отсылки, наличие вариативного спектра мест, в которые отсылается недуг, размытость **траектории движения** болезни. Выражен принципиальный отказ от конкретизации локуса отсылки, отражено стремление представить его в максимально обобщенном виде. «<...> вырисовывается **параллелизм <...> противоположных пар с признаком движения – антидвижения**» [Олупе 1993: 130] (*ручей – болото*). Первая часть ответственна за репрезентацию процесса изгнания, а вторая часть предопределяет его результат – уничтожение болезни. Присутствуют объекты, являющиеся **маркерами пограничного пространства** между своим и чужим, жизнью

и смертью, миром надземным и хтоническим, существующим и потусторонним [Олупе 1993: 134] (*камень, остров*). Характер процесса выявляет смысловую доминанту локального компонента – *переходность, медиальность, пограничность*.

Локальный компонент вводится в формулу отсылки болезни **разными способами**. «Формула варьируется, сокращается, удлиняется» [Познанский 1995: 85–86]: «<...> и пойдѣ, грыжа, съ дресвяна камени **на пустое мѣсто, въ темное мѣсто, гдѣ солнце не огрѣваетъ, гдѣ люди не ходятъ и не бываютъ, гдѣ птицы не летаютъ, гдѣ звѣри не заходятъ**» [Майков 1869: 57, № 128]. Увеличение объема текста, развернутость формул функционируют как иконический знак реакции на страх, мотивированной необходимостью получить время для его преодоления [Олупе 1993: 133]. Обобщенный характер локусов репрезентируется с использованием грамматической формы множественного числа (*темные леса*): «Хмѣль и вино, отступись отъ раба Божія (имя рекъ) **въ темные лѣса, гдѣ люди не ходятъ, и кони не бродятъ, и птица не летаетъ**» [Майков 1869: 81, № 207]. В случае отсылки болезни в пустое место параллельная формула характеристики места отгона, где ничего не происходит, дублирует доминантное определение локуса (*пустой*), повтор создает фасцинирующий эффект. В то же время параллельная формула с развернутой характеристикой места отсылки репрезентирует *место изгнания со всей его привлекательностью* для болезни. В нем нет живых существ и царит изобилие [Квилинкова 2010: 204]: «Пресвятая Мать Богородица, отошли птицу огненну со скорбями, болями за двенадцать полей, за двенадцать земель, за тридцатое поле. Там кровати тесовые, там перины пуховые, там много гусей-лебедей нажарено, ждут и дожидаются болей и скорбей» [Аникин 1998: 252, № 1538].

Обобщенный характер локуса актуализирован парадигматической природой фольклорного образа с указанием *двух* мест, принадлежащих к одной стихии мироздания («вода»: *моря – болота*; «земля»: *горы – пещеры*): «Подѣте **в горы, в пещоры, где люди не забредают, где звери не забегают**» [Аникин 1998: 362, № 2309]; с большим уровнем обобщения посредством образов разных тематических групп (*леса – горы; леса – болота*): «Идите вы, болезни, **в темные леса, глубокие болота, где солнце не всходит, где человек не проходит**» [Аникин 1998: 349–350, № 2259].

Выявлены перечни мест отсылки болезни с указанием *более двух локальных компонентов*. Отмечены *горизонтальные и вертикальные (нисходящие и восходящие) перечни*. Горизонтальные перечни «поле – луга – берега»: «<...> чистое поле, зеленые луга, золотые берега, *где птица не пролетает, зверь не пробегает, люди не проходят* [Проценко 2010, № 113]. Вертикальные нисходящие перечни означают переход в чужой мир, мир мертвых «пустое место – сухой лес – глубокое море»: «С <...> раба Божьего (имя) пойдя ты себе, желтуха, *где ветер не веет, где солнце не греет, где глаз человеческий не доходит, в пустом месте быть тебе*» [Проценко 2010, № 51]. Вертикальные восходящие перечни встречаются в параллелизме локусов, когда место отсылки представлено в мире человека «в бане – над паром»: «В *теплой бане, над белым паром, в темном лесе <...>*» [Вятский фольклор 1994, № 393].

Место отсылки представлено в **горизонтальном и вертикальном** членении мира: вертикальные восходящие перечни характерны для мира человека, единичны и отмечены в параллелизмах локусов, вертикальные нисходящие перечни свойственны природному и перевернутому мирам и широко представлены в формуле. Болезнь отсылается по горизонтали на окраину, а в вертикальном измерении – глубоко [Небжеговская-Бартминская 2005: 321].

В формуле отсылки болезни формируется **ОП локусов**, в которые изгоняется болезнь. Выявлены две разновидности, организованные на структурной основе синтаксического параллелизма частей двух предикативных конструкций и частей одной предикативной конструкции. Параллелизм места отсылки болезни (*в пустой лес – на злого супостата*) представлен в тексте с дистантным ОП локальных компонентов **двух предикативных конструкций**. Построения отличает большая конкретика в указании мест отсылки и отсутствие перечней, характерных для других разновидностей. Параллелизм локусов поддерживается параллелизмом субъектов и тождеством других компонентов: «Хмель и вино выходи *на быструю воду*, на которой воды люди не ездят; от раба б. Н. хмель и вино поди *на буйные ветры*, которой ветер по дальности ходить. <...> *зайди это вино за холмы горы, <...> привяжись кь лихому человеку*» [Ефименко 1878: 215, № 82]. В текстах с параллелизмом локусов функциональный компонент представлен повтором тождественных или вводом сходных по семантике

глагольных лексем, что создает запас прочности значимого смыслового участка. Параллелизм локусов представлен как часть **одной предикативной конструкции**: *в темном лесе, в синем море, над сырým камнем* (мир природы) – *в теплой бане, над белым паром* (артефактный мир). Перечни природных локусов отражают нисходящую траекторию движения болезни, артефактные локусы – восходящую: «Шутуха-бутуха, полуношница! <...> *В теплой бане, над белым паром, в темном лесе, в синем море, над сырým камнем* тут тебе и покой» [Вятский фольклор 1994, № 393].

Сопоставление разных текстов выявляет **имплицитный ОП локальных компонентов** «птица – odor – хозяин»: «Роки, <...> подите с раба божия (имя рек) к птице синице на пятау» [Ефименко 1878: 218, № 95]; «Подите вы, уроки, призоры, старому одору на пятау» [Пинежье 1994, № 140]; «Все порчи, <...> пойдите к старому хозяину в пятау» [Пинежье 1994, № 149].

ОП характеристик места отсылки болезни является наиболее частотным и детализированным. Маршрут изгнания обозначен в обобщенном виде, поэтому **смысловой нагрузкой наделяются характеристики** мест отсылки посредством ввода эпитета у локального компонента и характеристики места отсылки болезни с образами параллельных миров в формуле «где... не...» [Свешникова 1993: 147–149].

Наличие эпитета у компонента с локальным значением отражает предпочтительные свойства локуса – безопасность для человека или реже – привлекательность для болезни [Проценко 2010: 38]. **Образы природы** имеют характеристики: фундаментальная стихия мироздания «вода» *глубокий (болото, море, колодезь, трясина), зыбучий (болото), вязкий (болото), быстрый (воды, реки), синее (море), далекие (воды), полые (воды), огненные (воды)*; фундаментальная стихия мироздания «земля» *чистый (поле), крутой (горы), жёлтый (песок), золотые (берега), крутые (горы), лежащий (камень)*; фундаментальная стихия мироздания «воздух» *буйный (ветры)*; фитонимы *белый (береза), сухой (пень, лес, дерево, ветви, дуб), гнилой (колода, дуб, осина), высокий (лес, ключье), дремучий (лес), зеленый (луг, дуб), синий (мох), горький (осина)*; животный мир *бобровые (иста)*. **Образы мира человека** представлены свойствами, отражающими отрицательные черты характера человека (*злой супостат*), или называющими прежнего хозяина болезни (*старый хозяин*).

Атрибутивные характеристики образов мира природы и мира человека выполняют разные функции и различаются по показателям частотности. Эпитеты природных образов, их разнообразный спектр актуализируют свойства локуса, которые связаны с его особым назначением нейтрализовать и уничтожить болезнь: труднодоступность, отдаленность, опасность, гибельность, безжизненность или динамичность процесса ссылая. Эпитеты образов мира человека содержат в семантике обоснование выбора объекта, на который изгоняется болезнь, и связаны с отсылкой болезни в место ее прежнего пребывания. В отличие от образов природы, объект мира человека представлен в единственном числе и наделяется одним эпитетом.

Развернутая характеристика места отсылки болезни отличается определенностью и устойчивостью. Как константный компонент характеристика локуса представляет параллелизм части полипредикативной конструкции, особое клише, заговорную формулу «где... не...» [Свешникова 1993: 147–149].

ГТ *«пусть уйдет болезнь в локус изгнания с заданными характеристиками антипроцессуальности»*. СИ *«характеризующие место изгнания макрокосмический и микрокосмический субъекты и их действия»*. СИМ мир природы 24 версии: *«солнце не оґрѣваетъ, солнце не всходит, солнце не греет, солнце не запекает, месяц не светит, свету нету, птицы не летаютъ, птицы не залетают, птица не пролетает, звѣри не заходятъ, звери не забегают, зверь не пробегает, серый волк не зарыскивает кони не бродят, скот не бродит, цыплят нет, петухи не поют, собаки не лают, вѣтеръ по дальности ходитъ, ветер не веет, ветра не вянут, ручей не бежит, течет вода холодная, а никто ее не пьет, растет трава зеленая, а никто на ней не пасется»*; мир человека 18 версий: *«люди не ходятъ и не бываютъ, люди не забредают, люди не заходят, люди не проходят, люди не ходят, люди не ѣздятъ, люди не заглянут, людей нет, на конях не ездят, пешеходы не ходят, человек не проходит, глаз человеческий не доходит, перины пуховые, а никто на них не спит, девка косой не машет, человек топором не рубит, пешком не ходят, на конях не ездят, брат с сестрой»*; православный мир 1 версия: *«Бог един призывает»*; мир преисподней 1 версия: *«кум с кумой (черт с чертихой, дьявол с дьяволицей)»*. ВТР *«Идите вы, болезни, в темные леса, в*

глубокие болота, *где солнце не всходит, где человек не проходит*» [Аникин 1998: 350, № 2260]. Основу ОП составляют актантные и функциональные компоненты (*где солнце не всходит, где человек не проходит*), характеризующие место изгнания, отличающие его от других мест константными характеристиками. Субъект (болезнь), функциональный компонент (императив), объект, из которого изгоняется болезнь, локальный компонент, называющий место отсылки, как части многокомпонентной формулы ссылая локализваны за рамками ОП характеристики места отсылки «*где... не...*», особенности которого выявляются с учетом его синтагматических связей с компонентами, не входящими в состав ОП.

Формирование ОП характеристики места отсылки болезни «*где... не...*» на структурной основе тождественной организации придаточных частей сложноподчиненного предложения с однородным соподчинением обуславливает локализацию характеристики места изгнания в синтаксически зависимых частях полипредикативной конструкции. Стремление заговаривающего изгнать болезни, подчинить их своей воле и обезвредить получает в ССМ иконическое отражение. Это проявляется, во-первых, в размещении символических и реальных образов, характеризующих место изгнания болезни, в синтаксически зависимых частях конструкции; во-вторых, в том, что само место изгнания представляется посредством придаточной структуры как предмет мыслительной деятельности (ирреальный план, моделируемая ситуация). Справедливость суждения подтверждает и тот факт, что тексты с аналогичной характеристикой места отсылки болезни, построенные на основе классического ОП, представлены единичными примерами: «Крик, крик, поди на Окиян – море. <...> там *люди не ходят, птицы не летают*» [Савушкина 1993, № 34]. Из двух содержательно сходных формул доминантной является та, в которой образы, характеризующие место изгнания, представлены в синтаксически зависимых частях конструкции.

Болезнь является порождением параллельного и неведомого человеку мира [Амроян 2005]. Именно поэтому ее отсылают в чужой мир. Пространство, приписываемое болезни, не только локализуется, но и имеет характеристики [Небжеговская-Бартминская 2005: 321]. Места изгнания – обычные локусы

смерти, которые характеризуются молчанием [Виноградова 1993: 163; Невская 1999: 101–109; Небжеговская-Бартминская 2005: 322]. Для описания места отсылки существенную роль играют пространственные оппозиции [Неклюдов 1972: 33–34; Иванов 1965: 63, 138, 165, 174]. Присутствие домашних животных является маркером мира человека: «<...> где люди не заходят, там петух не поет» [Мансикка 1912: 129, № 27]. ОП характеристики места отсылки содержит списки показателей, подчеркивающих его непригодность для жизни человека [Квилинкова 2010: 203], объективирует принципы противодействия болезни [Панина 2012: 16].

В статье «Диалектика миров и специфика мироустройства в заговорной формуле отсылки болезни» разработана **типологии субъектов и их функций в параллельной формуле характеристики места отсылки** [Доброва 2016а: 3–17]. В функции **субъекта** параллельной формулы «где... не...» выступают персонажи мира природы, мира человека, православного мира и перевернутого мира. Показатель частотности реализаций репрезентирующих **функциональный компонент** лексем ГР позволяет выявить полевую модель их организации как способ функционирования и группировки лексем ГР с инвариантными свойствами. Ядерные и периферийные компоненты ГР неодинаково коррелируют с параллельными мирами. В частях ОП на ядерном уровне в репрезентации миров (прежде всего мира природы и мира человека) доминируют лексемы ГР–1 (глаголы движения и глаголы бытия) в сочетании с отрицательной частицей *не* (реже – слово *нет*). На периферийном уровне ГР дифференцируются: для мира природы также характерны лексемы ГР–7, для мира человека – лексемы ГР–3 и ГР–4, для православного мира – ГР–3, для перевернутого мира – ГР–0. Компоненты ГР обуславливают характер их соотношения. Доминантным является соотношение ГР 1 – 1, менее частотными – ГР 7 – 1, ГР 1 – 4: ГР 1 – 1 «<...> где люди не ходят и скот не бродит» [Проценко 2010, № 168]; ГР 7 – 1 «<...> где люди ня ходють, пятахи ня пають» [Проценко 2010, № 250]; ГР 1 – 4 «<...> где ветер не веет, <...> человек топором не рубит» [Проценко 2010, № 101]. Сопоставление православного мира и мира человека, перевернутого мира и мира человека имеет низкую частотность: ГР 3 – 1 «<...>

на ней же человек не обитает, а Бог один призывает» [Ефименко 1878: 209, № 46]; ГР – 0 «<...> где кум с кумой (черт с чертихой), где брат с сестрой» [Проценко 2010, № 3].

В ОП дана характеристика преисподней. Важными знаками преисподней в народном сознании оказываются крайняя отдаленность от ойкумены, отсутствие света и воздуха, неподвижность и безмолвие, наличие всякой нечисти [Проценко 2010: 40]: «<...> пусть идет Сатана на болота, где ветер не веет, где солнце не греет, девка косой не машет, человек топором не рубит» [Проценко 2010, № 101]. Описание преисподней как места отсылки болезни в ОП дополняется особыми деталями: упоминанием *кума с кумой и брата с сестрой*. *Кума* – это одно из названий «лихорадки, лихоманки», менее распространенное, чем *кумоха, кумаха* [Проценко 2010: 40], но у слова *кум* такое значение отсутствует. Можно допустить эвфемистическое значение *кум* 'черт, дьявол', *кума* – 'чертиха, дьяволица', но тогда логически не проявляется связь этих персонажей *с братом и сестрой*. В ОП речь идет об адюльтере и инцесте (выразителен предлог *с* в этом толковании), предосудительных с точки зрения морали, возможных лишь в «перевернутом мире» [Проценко 2010: 40]: «Тут тебе, болезнь, <...> быть *под зеленым дубом, где солнце не греет, где месяц не светит, где ветер не веет, ручей не бежит, где кум с кумой, где брат с сестрой*» [Проценко 2010, № 3].

В заговорах отмечен **дистантный ОП** с характеристикой места отсылки при разных локусах, актуализирующих идею динамичности процесса отгона (*быстрые воды и буйные ветры*) [Ефименко 1878: 215, № 82].

ОП характеристик используется для определения **мест с иной функцией**: локуса отсылки некоей опасности или безопасного, охраняемого локуса [Аникин 1998: 166, № 877; Пинежье 1994, 229; Майков 1869: 105–106, № 262].

Перечни, содержащие названия мест отсылки болезни, в сочетании с ОП характеристики этих локусов выявляют основную черту устройства заговорного универсума – **отсутствие четко установленных границ** между внутренним пространством верхнего и нижнего миров [Шиндин 1993: 110].

По мнению И.Ф. Амроян, культурный смысл «*пустое место*» синонимически разворачивается **в сходных на уровне глубинной семантики** темах и организован

на основе параллелистической модели тема-рематической прогрессии. Необходимость представления характеристик места отсылки с маркерами разных миров обусловлена фактом отражения в чужом мире болезни своего мира только с противоположными характеристиками [Свешникова 1993: 142, 161].

Константность формулы и особенности ее синтагматических связей с локальными компонентами обуславливают постановку вопроса о причинах наличия у разных локусов **однотипной** характеристики. В указанном смысле проявляется универсальный характер константной формулы ОП характеристик места отсылки болезни, которая, повторяясь в разных контекстах, на фоне пространственного и структурного разнообразия выдвигает на первый план значимый участок инвариантной формулы отсылки болезни, реализующий суггестивное начало жанра.

В текстах **без указания локуса** ОП становится единственным способом репрезентации места отсылки. Не столь важно, куда отсылается болезнь, главное, чтобы это место обладало константными свойствами, которые традиционно представляет параллельная формула как гарант результата: «<...> идите, килы, *где люди не ходят, собаки не лают*» [Проценко 2010, № 161]. Наделение локусов общим признаком антидвижения служит доказательством «множественности, вещественной и пространственной неомогенности космоса, <...> контаминации <...> как хаотического, так и космического состояния универсума» [Шиндин 1993: 110–111], воспроизводящего картину мира до акта творения.

Множественность вариантов номинации локусов и отсутствие четких локальных параметров акцентирует внимание не на локусе как таковом, а на **особом локусе**. Объективируется функция ОП как **идентификатора**, который указывает на критерии соответствия того или иного места определенным свойствам и возможности выполнения им функции особого локуса.

Доминируют **симметричные модели** соотношения частей ОП. Наиболее частотная модель – 1:1, в которой картина из жизни человека предшествует символической [Ефименко 1878: 209, № 46; Майков 1869: 33, № 57; Савушкина 1993, № 34] и др. Постпозиция символической части выдвигает человека на первый план и является иконическим знаком его доминирования. Единичным

примером представлена симметричная модель 2:2 с препозицией символических частей, характеризующая преисподнюю [Проценко 2010, № 101]. Выявлены **несимметричные модели**. Наиболее частотная модель – 2:1, в которой человеческая параллель занимает разные позиции: чаще инициальную [Майков 1869: 81, № 207], реже финальную [Проценко 2010, № 51], в единичных примерах – медиальную позицию [Аникин 1998: 353, № 2271]. Отмечены примеры модели 3:1, в которых картина из мира человека занимает инициальную позицию [Майков 1869: 96, № 233], медиальную позицию [Ефименко 1878: 201, № 19]. Единичным примером представлена модель с образами преисподней 4:1:1 *«природный мир – преисподняя – мир человека»* [Проценко 2010, № 3].

Тексты с максимальным количеством параллелей и в симметричных (2:2), и в асимметричных (4:1:1) моделях, максимальное количество привлеченных для характеристики места отсылки миров (мир человека, мир природы и преисподняя) характеризуют «перевернутый» мир. Специфика количественного показателя обусловлена непостижимостью чуждого для человека пространства нижнего мира, требующего его детализированной репрезентации.

Корреляция **константных компонентов** с оппозицией **движения – антидвижения** системно проявляется в следующем. **Функциональный компонент** воплощает динамику процесса отсылки болезни. **Локальные компоненты**, которые в формуле занимают медиальное положение, указывают на оппозицию динамики и антидинамики, пограничный статус процесса отгона. **Характеристика места отсылки** актуализирует антидинамический аспект как результат уничтожения болезни. ОП отсылки болезни на основе константных компонентов демонстрирует эволюцию движения к антидвижению: динамичную борьбу с болезнью, границу бытия и небытия болезни, небытие (инобытие, бытие в ином мире) болезни как итог суггестии заговора.

ОП переменных компонентов демонстрирует иные закономерности. ОП субъектов и объектов представлен единичными примерами в одном тексте или выявлен при сопоставлении разных заговоров. Отмечены варианты субъект-объектного ОП с единовременным представлением в одном тексте болезни как

субъекта и объекта воздействия. ОП субъектов и объектов зафиксирован только в первом сценарии. Субъект-объектный ОП представлен только во втором сценарии.

ОП субъектов «чирей – вред» в формуле отсылки поддерживается вводом тождественных эпитетов (*злонравный*) и актуализирует ОП локусов (*в пустой лес – на злаго супостата*): «(1) Злонравной чирей, отиди от раба Б(о)жия имярек, иди в пустой лес. (2) Злонравной вред, исчезни от ра(ба) Б(о)жия имярек, иди на злаг(о) моег(о) супостата» [Топорков 2010: 131, № 105]. В хронологически наиболее раннем из подвергнутых анализу Олонецком сборнике [Топорков 2010] не выявлены ОП отсылки с характеристикой локуса, что может свидетельствовать о позднем их формировании.

ОП объектов «животное – человек» в формуле отсылки болезни выявлен в границах одного текста: «Взьмити эту таску с раба божыва (имя) (красная каровушки – кличка), атнясити эту таску <...> ф темнае места, <...> где люди ня ходють, пяхухи ня пають» [Проценко 2010, № 250] и при сопоставлении разных заговоров в имплицитной ССМ: «<...> возьмите с Божьей коровушки болезнь, унесите её за крутые горы, за темные леса, где солнце не светит, где ветер не веет» [Проценко 2010, № 170] – «<...> отступись от раба Божія (имя рекъ) въ темные лѣса, гдѣ люди не ходятъ, и кони не бродятъ, и птица не летаетъ» [Майков 1869: 81, № 207]. Использование в качестве объекта природного образа не сопровождается репрезентацией характеристик локуса отсылки в образах разных миров. ОП объектов отмечен в репрезентации многослойного соматического пространства человека «раб Божий – тело – кости»: «Выйди, сосы, жаба-дубоглот, из тела, из костей, чтобы у рабы божьей (имя) в крутые горы, в тёмные леса, в жёлтые пески, где свету нету, птицы не летают, зверь не пробегает» [Проценко 2010, № 10].

Выявлен **субъект-объектный ОП** единовременного представления болезни в качестве субъекта и объекта, реализованный по второму сценарию: «**Кила, кила** (баба-жаба), возьми свои **килы** с рабы божьей (имя), <...> понеси на моря, на болота, где люди не ходят и скот не бродит» [Проценко 2010, № 168].

Константные компоненты обслуживают сферу процесса ссылания недуга, параметры этого процесса и его результат. Переменные репрезентируют типологию взаимоотношений участников процесса в их проекции на заклинателя.

Варианты пятикомпонентной инвариантной модели определяются с помощью **квантитативного показателя** ее частотных поликомпонентных реализаций. В текстах с ОП характеристик места отсылки инвариантная модель тяготеет к полной реализации. ОП программирует максимально полную репрезентацию инвариантной модели. Доминирует квантитативный показатель – **4 (реже – 5 и 3)**. Наиболее распространен четырехкомпонентный вариант с редукцией объектов, частотна пятикомпонентная модель, широко представлен трехкомпонентный вариант. Редукции подвергается любой из пяти компонентов, чаще редуцируется объект.

В эволюционном аспекте при сопоставлении заговоров разных исторических периодов (второй половины XVII – XIX веков: Олонецкий сборник [Топорков 2010], [Майков 1869; Ефименко 1878; Мансикка 1912; 1926]; XX века: [Проценко 2010; Аникин 1998; Савушкина 1993; Вятский фольклор 1994; Пинежье 1994]) наблюдается **содержательное, структурное и функциональное развитие ОП характеристик места отсылки болезни**: кумулятивно сохраняется ранняя традиция и наблюдается **разноаспектное развитие всех компонентов формулы** по следующим показателям. **Количественный показатель** выявляет большее разнообразие формул отсылки болезни в поздних сборниках по сравнению с ранними. В Олонецком сборнике ОП характеристик места отсылки болезни не обнаружен, представлен один пример с развитым перечнем локусов отсылки болезни. В сборнике «Заговоры и заклинания Пинежья» выявлены только неполные реализации инвариантной модели без параллелистической характеристики локуса отсылки; развиты детализированные перечни с указанием локусов отсылки. В плане **реализации сценариев инвариантной модели** в ранних сборниках представлен только первый сценарий. Наблюдается развитие второго сценария в поздних сборниках. В аспекте **типологии ГР в императивах, коррелирующих с ОП характеристики локуса отсылки недуга**, в ранних сборниках доминирует ГР–1 в первом сценарии, в поздних сборниках на фоне развития второго сценария расширяется и спектр ГР: ГР–1,2,3,4,7. В плане **типологии соотношения ГР в ОП характеристики места отсылки** в сборнике Майкова используется модель ГР 1 – 1, в поздних сборниках расширяется спектр

моделей соотношения ГР: ГР 1 – 1 (реже ГР – 0 (лексема *нет*), ГР 7 – 1, ГР 1 – 4, ГР 3 – 1. В отношении **миров, образы которых привлекаются для характеристики места отсылки болезни**, в поздних сборниках отмечена динамика в использовании образов различных миров для характеристики места отсылки: наряду с миром природы и миром человека появляется мир преисподней, перевернутый мир, которые представлены в сборнике Б.Н. Проценко. **Типология перечней локальных компонентов** эволюционирует: родовое понятие (*пустое, темное место*) вводится уже в сборнике Майкова и является генетической основой для развития локальных параметров. В сборнике Майкова отсутствуют перечни, один перечень обнаружен в Олонецком сборнике. В поздних сборниках в перечнях локусов, охватывающих вертикаль и горизонталь мира, детализируются показатели, представляющие место отсылки болезни, наблюдается **расширение «географии» этих мест**, нарастание указателей на их обобщенный и неопределенный характер со строго заданными характеристиками. **Типология образов различных миров** в формуле «где не...»: в Олонецком сборнике не представлена; в поздних сборниках возрастает количество версий каждого из миров. **Квантитативный показатель ОП характеристики локуса отсылки** в ранних и поздних сборниках объективирует ряд закономерностей. В Олонецком сборнике исследуемые модели не обнаружены. В раннем сборнике Майкова преобладают несимметричные модели с доминантой символического мира, симметричная 1:1 представлена единичными примерами, в поздних сборниках, доминируют симметричные модели (1:1 чаще с препозицией картины из мира человека), хотя представлены и несимметричные модели. **Типология редуцированных формул инвариантной модели**: в поздних сборниках получили развитие и разнообразно представлены.

В ОП акциональный компонент (глагольный императив) представлен, как правило, без амплификации, в то время как локусы, напротив, репрезентированы в максимально множественном, перерастающем в перечни воплощении. Разнообразие локусов сочетается с константным набором их характеристик в образах параллельных миров. Синтагматические связи функциональных и локальных компонентов,

локальных компонентов и их характеристик отражают баланс их репрезентации: регламентация одного компонента компенсируется распространением другого.

Отсылка болезни в недоступные для живого места является способом ее уничтожения. Особый вариант представлен в формуле отсылке болезни в место ее возникновения *«откуда пришли, туда уйдите: если ты из х, уходи в х»* [Амроян 2005: 95], манифестируемой синтаксическим параллелизмом полипредикативной конструкции: *«С ветра пришло, на ветер и поди, и от людей пришло, к людям и поди; откуда пришло, туда и поди»* [Ефименко 1878: 216, № 88]. Отсылка болезни в место изгнания с признаками антидвижения может предваряться отсылкой болезни в место ее возникновения [Пинежье 1994, № 132]. ОП демонстрирует возможности для выбора в списке «мест пребывания», которые складываются в эквивалентные группы с общей характеристикой [Небжеговская-Бартминская 2005: 320–321], становится средством, с помощью которого этот выбор должен быть произведен.

Мироустройство четко структурировано: Бог сверху призывает, в центре расположены мир природы и мир человека, иконическое единство которых выражено в параллельной формуле, отражающей сосуществование свойств различных миров, которые должны быть исключены из места отсылки болезни, внизу представлен «перевернутый» мир преисподней, куда ссылается болезнь. Многомерность пространства иконически проявляется в организации маршрута отсылки, которая по горизонтали и вертикали дифференцируется соотношением миров. Мир природы реализует движение по горизонтали в отдаленное место, по вертикали вниз и соотносится с миром преисподней, а мир человека отражает движение по вертикали вверх и соотносится с миром православным.

Построение зафиксировано в причитаниях с репрезентацией области, в которую вступает душа, разлучившись с телом. Сходство построения с параллелизмом отсылки болезни свидетельствует о наличии у последнего семантики смерти: *«Серой зайушко туды не проскакивать. / Малая птица не залетывать, / Извоицики туды не заезживают. / Перехожии калеки не захаживают»* [Барсов 1872, I: XIX].

Аналоги ССМ обнаружены на материале фольклорных жанров, в которых реализуется культурная семантика локусов прощания, интерпретируемых как пустое

место, в котором ничего не происходит и все заканчивается: в былине «Я ехал дорогой прямойезженной, по которой двадцать лет *никто не езживал, птица не летала*» [Астахова 1961: 76]; в частушке «Я до техъ мествъ провожала, / *Где кончалася наша любовь. / Где я съ милымъ / разставалась*» [Киреевский 1917: 35, № 1302].

Формализованный образный параллелизм отсылки болезни выявлен в лечебных заговорах и имеет **внутрижанровый статус**.

3.2.5.2.3. Образный параллелизм в формулах обмена

Образные параллелизмы в формулах обмена – трансформированные на уровне содержания или формализованные ССМ, в которых репрезентация символического обмена осуществлена на структурной основе синтаксического параллелизма предикативных конструкций или их частей и содержательной основе образов макро- и микромиров с целью умножения культурного смысла.

Образный параллелизм в формуле обмена квалифицируется по следующим **структурно-семантическим идентификационным показателям**.

1. Наличие в частях приема **одного и того же** производящего символический обмен субъекта, за исключением формулы несостоявшегося обмена.

2. Наличие содержательной трансформации ОП, обусловленной вводом одного и того же символического или реального субъекта обмена в обе части. Наличие формализации ОП, обусловленной вводом общего, не повторяющегося во второй части символического или реального субъекта обмена.

3. Наличие эволюции формулы в параллелизме *несостоявшегося* обмена посредством развития символических связей на уровне сопоставления субъектов.

ОП выявлен в заговорных формулах обмена, которые отражают установление взаимоотношений с символическим миром на основе принципа обмена. Формулы обмена исследованы на материале заговоров от детской бессонницы [Виноградова 1993: 153–164], разработана типология формул обмена [Амроян 2005: 230–234]. Т.А. Агапкиной определена их двучленная композиция с просьбой/приказом, перенацеливающим адресата на совершение необходимого

пациенту действия, которая становится структурной основой ОП заместительного обмена объектами [Агапкина 2010: 63]: «Свет ты, Илья пророк <...> *не пали и не опаливай в лесу зеленой хвои <...>, опаливай все уроки*» [Попов 1903: 228, № 26]. Тем не менее в научных трудах не выявлен факт ОП на материале формул обмена, не разработана их типология и не определены характеристики.

Выявлены формулы с повтором общих для двух параллелей субъектных компонентов, однако доминирующими являются формулы с элементами латентной организации ОП без повтора общих компонентов. Первые свидетельствуют о содержательной трансформации ОП, организованного на структурной основе синтаксического параллелизма предикативных конструкций. Вторые свидетельствуют о формализации ОП в параллелизме части предикативной конструкции. Трансформация и формализация отличаются репрезентацией языковых скреп (повторяющихся компонентов) ОП. Генетическое родство и эволюционная преемственность трансформированных и формализованных разновидностей ОП формул обмена, отражающих **точку пересечения миров** в результате совершающегося обмена, проявляются в том, что в недрах содержательной трансформации путем воспроизведения в обеих частях языковых скреп создается основа для формализации ОП.

Классический ОП и его трансформация на уровне формы **не используются** в качестве структурно-семантической основы для реализации формул обмена, поскольку им несвойственно наличие одного и того же субъекта в частях. Тем не менее содержательная трансформация ОП и его последующая формализация сохраняют результаты предшествующих этапов эволюции: содержат элементы антропоморфизации и пластического преобразования символического субъекта.

В эволюционно-генетическом аспекте структурные основы формулы обмена при наличии общего субъекта, совершающего обмен представителями разных миров, без его повтора в другой части не формируют акционального или номинативного перечня, поскольку перечисление акций и объектов прерывается вводом сопоставительно-выделительного союза *не – а* и/или глагольной лексемы. В результате образуется **разделение потенциального перечня** на две

параллельные части при общности в обеих частях субъекта и производимого им действия и исключается возможность формирования ОП перечисления.

И.Ф. Амроян квалифицировала **три разновидности формул обмена** [Амроян 2005: 230–234]: формула обмена объектами «*возьми x – отдай (оставь) у*»; формула заместительного обмена объектами «*совершай нечто с x, а не с у*» («*не совершай нечто с x, а совершай нечто с у*»); формула акционального замещения «*не совершай x, а совершай у*» («*я не x совершаю, а у*»).

ОП в **формулах обмена** создается на структурной основе синтаксических конструкций, выражающих **сопоставительно-выделительные отношения**.

В **фольклорных текстах сопоставительно-выделительные отношения** выражаются с помощью отрицательной частицы *не* в синтаксических построениях, конституируемых **позиционным повтором предикативного члена**. Отрицание приводится в связь с предикативным компонентом первой части конструкции или – с первым из *сопоставляемых субстантивов* [Артеменко 1977: 267].

Первый из тождественных предикативных членов или первый из сопоставляемых однофункциональных компонентов синтаксической конструкции (символической или реальной параллели) выступает в сопровождении частицы *не*.

Построения с **сопоставительно-выделительными отношениями** выявлены **на всех этапах эволюции ОП**. Трансформация классического ОП на уровне формы с антропоморфизацией природных объектов: в песне «А это все сидят *не голуби*, / А это все сидят *сватовья*» [Поморье 1971, № 167]. Трансформация классического параллелизма на уровне формы с пластическим преобразованием образов человеческой параллели: в исторической песне «*Не лютая змея возвивалася*, / *Возвивалось лукавство великое*» [Игнатов 1970: 116, № 20]. ОП с инверсией частей и наличием отрицания в репрезентации образов человеческой параллели при ее препозиции к символической части: в песне «*Не звонки ладони*, / *Звонки златы перстни*» [Киреевский 1929: 54, № 1829]. Содержательная трансформация ОП с наличием фольклорного персонажа в обеих частях: в песне «*Не роса меня смочила*, / *Горьки слезы меня смочили*» [Киреевский 1929: 56, № 1835].

Подобные конструкции отмечаются исследователями и в литературном языке: «*Не жаль своей идеи, жаль поколебленной веры в благородство человеческое*» (Сартаков); «*Перед ним стоял не нищий: перед ним стоял помещик*» (Гоголь) [Пак 1973: 184; Пospelов 1950: 347]. Е.Б. Артеменко высказывает суждение **об общезыковом характере** структуры, генетически связанной с «неслитными» образованиями разговорной речи и специализированной в языке фольклора применительно к его особенностям. В литературном языке, наряду с приведенными конструкциями, употребляются синонимичные им простые предложения с однородными членами и **сопоставительно-выделительным** союзом *не – а*, представляющие **следующую ступень эволюции**: «*Бери в жены не вдову, а молодую девушку*»; «*Это сидят не голуби, а сваты; Перед ним стоял не нищий, а помещик*» [Артеменко 1977: 131]. Выводы ученого служат прямым доказательством более позднего происхождения формализованных конструкций ОП, а также их непосредственной связи с другими линиями развития ОП. В фольклоре на структурной основе ССМ и при наличии выражения однородных членов простого предложения репрезентантами параллельных миров образуется формализованная разновидность – параллелизм части предикативной конструкции.

Различие состоит в том, что построения с **сопоставительно-выделительными** отношениями в ОП могут быть выражены в его частях как с разными субъектами, так и с одним и тем же субъектом и при наличии тождества предикативных членов. ОП в формулах обмена реализован только в построениях с одним и тем же субъектом, и в ряде разновидностей отсутствует тождество предикативных членов. Построения составляют структурную основу формул заместительного обмена объектами «*совершай нечто с x, а не с y*» («*не совершай нечто с x, а совершай нечто с y*») при тождественном действии. В формулах акционального замещения «*не совершай x, а совершай y*» («*я не x совершаю, а y*») построения видоизменяются вводом нетождественных предикативных членов. В формулах обмена объектами обозначенные построения не представлены.

Опираясь на разработанную И.Ф. Амроян типологию формул обмена, проанализируем их структурную и содержательную организацию на основе ОП.

Специфика ОП в формулах обмена определяется соотношением актантных и функциональных компонентов, репрезентирующих символический и реальный миры. Соотношение актантных компонентов имеет сходное воплощение во всех формулах обмена. Соотношение функциональных компонентов существенно отличается.

В организации параллельных формул обмена, в отличие от иных разновидностей ОП, стабильным является соотношение актантных компонентов. Во всех формулах обмена наличествует **общий для параллелей субъект** – представитель символического или реального мира, репрезентация которого составляет языковую скрепу с нейтрализацией символических связей. Сходные формализованные ССМ ОП выявлены в лирических песнях. Общий символический субъект: «Ты лети, моя каленая стрела, <...> / Ты убей на полете *яснаго сокола*, / *Сизаго голубя на каменной стене*, / *Серую утицу на Волге на реке*, / *Красную девицу в высоком тереме*» [Киреевский 1911: 118, № 374]. Общий реальный субъект: «Да приходите в огород (2) <...> / *Да капустоньку полоть (2)*, / *Да ле кочешочки да не ломать, (2)* / *Да красных девок выбирать*» [Печора 1963, № 280].

В формулах обмена объекты воздействия являются репрезентантами параллельных миров: *x* – представитель символического мира; *y* – представитель реального мира, что создает ОП объектов. Соотношение функциональных компонентов отличается разнообразием и разграничивает разновидности формулы.

Эволюция ОП вскрывает общефольклорную проблему определения статуса ОП в формульной организации фольклорного текста, решение которой имеет двунаправленный характер: эволюция ОП кристаллизуется в границах формульных образований и объективирует динамику самих формульных образований.

Эволюция ССМ ОП в формулах обмена представлена этапами: содержательная трансформация ОП → формализация ОП на основе его содержательной трансформации.

Наличие модификаций с параллелизмом предикативных конструкций и части предикативной конструкции и их расположение по принципу *ступенчатого сужения образа* определяют *фокус наибольшего внимания фольклорного текста* и эволюцию ОП. Показательной в указанном исследовательском ракурсе является следующая

последовательность анализа параллельных формул обмена: формула акционального замещения, формула обмена объектами, формула заместительного обмена.

Разработка **типологии ОП в формулах обмена** осуществлена на основе типологии формул обмена И.Ф. Амроян с уточнением и систематизацией параметров указанной классификации в проекции на исследуемый феномен и с учетом **трех способов сопоставления функциональных компонентов ОП** и показателей его эволюции. Типология параллельных формул обмена отражает **этапы эволюции ОП: первый этап** – формула акционального замещения «*не совершай x, а совершай y*» («я не x совершаю, а y») при нетождественных глагольных лексемах; **второй этап** – формула обмена объектами «*возьми x – отдай (оставь) y*» при антонимической паре глагольных лексем; **третий этап** – формула заместительного обмена объектами «*совершай нечто с x, а не с y*» («не совершай нечто с x, а совершай нечто с y») при тождественных/однокоренных/синонимичных глагольных лексемах или отсутствии повтора глагольной лексемы.

Эволюция ТСО параллельных формул обмена отражает сужение спектра символических связей от параллелизма символических действий и объектов, на которые эти действия направлены, до параллелизма объектов, и репрезентируется **тремя способами сопоставления функциональных компонентов** в частях:

1) в **формуле акционального замещения** разными глагольными лексемами, обозначающими различные действия: в разновидности «*не совершай x с человеком, а совершай y с артефактом*» отрицается действие с человеком, утверждается действие с артефактом, ГР могут амплифицироваться (*не тешился – отойди, сиди, пряди; не играй – пряди*); в разновидности «*я не x совершаю, а y*» отрицается физическое действие с человеком или артефактом, утверждается психическое действие с человеком (*не тело обмериваю – испуг снимаю*);

2) в **формуле обмена объектами** «*возьми x – отдай (оставь) y*» антонимическими парами глагольных лексем, репрезентирующих магический обмен (*возьми – отдай, оставь*);

3) в **формуле заместительного обмена объектами**: в разновидности «*не совершай нечто с x, а совершай нечто с y*» тождественными или однокоренными

(реже синонимичными) глагольными лексемами при тождественном/аналогичном действии с семантикой антидвижения в микрокосмической параллели и семантикой движения в макрокосмической параллели (*не играй – играй; не тешился – тешился, не понеси – донеси*); в разновидности «совершай нечто с *x*, а не с *y*» без повтора глагольной лексемы, репрезентирующей функциональный компонент, и с формированием параллелизма части предикативной конструкции.

Тот факт, что построения с тождественными глагольными лексемами в параллельных формулах обмена обнаружены лишь в формулах заместительного обмена объектами, выявляет специфику указанных ОП. Факультативность позиционного повтора и оформление частей средствами не только реальной, но и ирреальной модальности с использованием императивов отличает построения с ОП в формулах обмена от типичных синтаксических конструкций, выражающих сопоставительно-выделительные отношения в фольклорном тексте [Артеменко 1977: 267].

ОП в формуле акционального замещения «*не совершай *x*, а совершай *y**» («*я не *x* совершаю, а *y**») в двух разновидностях представляет «самую широкую часть типологической пирамиды», поскольку демонстрирует полный вариант формирования символических связей: символизация магических воздействий и их объектов.

ГТ «*пусть осуществится акциональное замещение (акционально-объектный обмен)*». **СИ** «*макрокосмическая (символическая, бытовая, внешняя, физическая) и микрокосмическая (внутренняя, психическая) версии акционального замещения*».

СИМ «*не совершай *x*, а совершай *y**»: «*пусть осуществится акциональное замещение сечь и рубить топором, прясть прялкой, играть с ножиком и саблей – тешиться с младенцем, играть дитем*».

Общий субъект – представитель символического мира в содержательной трансформации и формализации ОП содержит элементы предшествующих этапов его развития: трансформацию приема на уровне формы с антропоморфизацией болезни или образа природы, реже пластическое преобразование образов природы в рамках их объективных возможностей. Формула направлена на удаление болезни из человеческого тела. Вместо тех действий, которые болезни или природный представитель осуществляют с человеком, им предлагается совершить другие

действия с артефактами. Для болезни замена благоприятна. *Замещение акций* болезни формирует символизацию действий, направленных на объекты макромира (как правило, артефакты) и на человека: «*Вот те (полуночица) прялка, кудешка и вертешко; пряди, а не дитем играй*» [Савушкина 1993, № 31].

ОП в формуле акционального замещения широко представлен в исторических песнях: «Ты наш батюшка-надежда царь, / *Не дозвошь нас казнить, / Дозвошь речь нам говорить*» [Игнатов 1970: 98, № 12], с асимметрией модальных планов частей, для которых характерно тождество предикативных членов или их части (в конструкции с составным глагольным сказуемым тождество вспомогательных глаголов с модальным значением), отличающее формулы заместительного обмена объектами, а акциональное замещение оформляется с помощью инфинитивов, в том числе объектных: «Когда ты умела пройти путем да и дорогою, / *Так умей-ка попросить и головушки / Из трех единыя*» [Игнатов 1970: 64–65, № 1]. В сказке представлена дистантная ССМ: «*Портной, я тебя съем, господь приказал*». – «*Погоди, дай хоть с родными проститься*». – «*Нет, и с родными не дам проститься*». – «*Ну, что делать! Так и быть, съешь. Дай только я тебя смеряю: влезу ли еще в тебя-то?*» – «*Смеряй!*» – *говорит волк*» [Афанасьев 1958: I, 56, № 56].

СИМ «я не х совершаю, а у»: «*пусть осуществится акциональное замещение тело обмеривать, узги у стола обмывать, воск растапливать – испуг снимать, рев с младенца снимать, сжигать печень, сердце и селезенку*».

В качестве *общего субъекта* выступает представитель реального мира – имярек, что выявляет формализацию с параллелизмом части предикативной конструкции. В частях представлены разные действия субъекта: в символическом мире – бытовое действие, имеющее магическую направленность, в реальном мире – целительное магическое воздействие на человека с целью вернуть ему здоровье. Обе части оформлены средствами реальной модальности: «*Я не тело обмериваю, а испуг снимаю*» [Вятский фольклор 1994, № 381]. Дж.Дж. Фрэзер, описывая магический ритуал насылания порчи, встречающийся у малайцев, приводит текст заговора с двухчастной структурой, основанной на принципе подобия, который

лежит в основе гомеопатической (имитативной) магии: «О, я не воск, не воск, растапливаю тут, а сжигаю печень, сердце и селезенку такого-то» [Фрэзер 2001].

Формулы акционального замещения в заговорах реализуют симметричные модели оформления модальных планов частей, но дифференцируются по средствам выражения модальности: в формуле «*не совершай x, а совершай y*» обе части, как правило, представлены средствами ирреальной модальности (реже – только реальная параллель); в формуле «*я не x совершаю, а y*» – средствами реальной модальности.

ОП акционального замещения выявлен в разных жанрах: в былине «*Я приехал не торги торговать, / Не места спроведывать, / Я приехал к вам посвататьце / На вашей племяненке любимой*» [Астахова 1961: 64]; в быличке «*Так вот и не надо переживать, надо творить молитву*» [Черепанова 1996: 15, № 25]; в пословице «*Не строй семь церквей, пристрой семь детей (т.е. сирот)*» [Даль 1879: I, 21] и др.

ОП акционального замещения реализуют трансформацию и формализацию ОП, отражают многоступенчатую эволюцию ССМ и многослойность фольклорного текста.

ОП в формуле обмена объектами «*возьми x – отдай (оставь) y*», где *x* и *y* – объекты символического и реального миров, построен на основе установления взаимоотношений с символическим миром (в заговорах отношения с болезнью или персонажем) и характеризуется сужением спектра символических связей: непосредственная символизация действия отсутствует, хотя в формуле актуализирован инвариантный культурный смысл, связанный с фактом магического обмена болезни на здоровье (ненужного на необходимое), который имеет символический характер.

Общий субъект – представитель символического мира – природный персонаж, реже артефакт. Формула создает в границах содержательной трансформации ОП основу для антропоморфизации символического субъекта, осуществляющего магический обмен. В реальной картине субъект представлен имплицитно, но может быть восстановлен по контексту. Данный вариант репрезентации символического субъекта является иконическим отражением нежелательности его присутствия в мире здорового человека. Природный объект и артефакт принадлежат к иному – символическому – миру и появляются в мире человека исключительно для того, чтобы осуществить магический обмен, а затем вновь вернуться в свой мир.

Имплицитная представленность субъекта магического воздействия в реальной части – отражение стратегии восстановления гармонии, а это значит – самодостаточности миров. Объекты занимают определенное в одном из миров место. Локус болезни – символический мир, локус здоровья – реальный мир. Действие – магический обмен, репрезентируемый антонимическими парами глагольных лексем: *возьми – отдай, дай, оставь*. Символический субъект осуществляет магический обмен болезни на здоровье. Болезнь передается природному персонажу (*заря, звезды, куры* и др.) или неживому предмету, артефакту (*овин* и др.). Параллелизм объектов формируется в связи с тем, что болезнь – персонаж символического мира, а здоровье – реального мира.

И.Ф. Амроян следующим образом интерпретирует конструкции подобного типа. В реальный мир вносит дисгармонию элемент из мира символического. В символическом находится элемент реального мира, что нарушает гармонию последнего. Восстановить ее в обоих мирах можно, лишь вернув элементы на место, упорядочив миры одновременно. Миры представляются автономными [Амроян 2005: 231].

ГТ «пусть осуществится обмен объектами». СИ «макрообъекты и микрообъекты обмена между мирами». СИМ «пусть осуществится обмен объектами: болезни, ненужное, старое – здоровье, необходимое, новое». ВТР «Заря-заряница, заря, красная девица! <...> Возьми свое бессонье, отдай нам свой сон» [Савушкина 1993, № 354]. Часто в заговорах предметом обмена становится *молочный зуб*, который является репрезентантом чужого символического мира как старый, ненужный предмет. Обмен происходит с персонажем символического мира – мышью. Формула обладает высокой степенью устойчивости (сравн. тексты [Майков 1869: 38, № 78] – запись сделана в 1847 году и [Пинежье 1994, № 45] – запись сделана в 80-е гг. XX века): «На тебе, мышка, репной (зуб), дай мне костяной» [Савушкина 1993, № 20].

По той же формуле происходит обмен болезни на здоровье (*утин – здоровье*). Болезнь передается неживому предмету реального мира (*овин*) или природному объекту (*заря, куры* и др.): «Овин, овин, возьми мой утин, отдай мне мое здоровье» [Савушкина 1993, № 112]. Разновидностью является формула обмена ночного плача ребенка на спокойный сон и здоровье: «Куры белые, куры рябые, куры

желтые, куры пестрые, куры черные, возьмите свои ночницы, а младенцу (имя) дайте доброе здоровье и сон» [Савушкина 1993, № 25]. Параллелизм обеспечивает точное указание непосредственных объектов обмена. Параллелизм действия проявляется в том, что восстановление баланса миров предполагает изъятие чужеродного символического объекта из мира человека и символическое дополнение этого мира здоровьем человека.

ОП в формуле обмена объектами выявлен в разных фольклорных жанрах. В семейно-бытовых балладах наблюдается замена глагольных лексем *возьми – отдай* на лексемы с модальным значением в сочетании с отрицательной частицей *не* и без нее (*не надо – надо*): *«Мне не нать твоих три терема высоких, / <...> Ты отдай-ко мне да свою матушку»* [Астахова 1963: 72]. Построения представлены в былинах: *«Мне не надо другого коня доброго, / Ты подай мни только царю зелена вина»* [Астахова 1961: 66]. Акциональное замещение представлено в реальной параллели обменом материальных ценностей на свободу: *«Не надо мне ваши подарочки, – <...> / Меня храните да в темницу не садите»* [Астахова 1961: 52]. В исторических песнях ОП обмена объектами получает детализацию в аспекте осуществления обмена с разными персонажами и содержит замену глагольной лексемы *отдать* (*кто не может отдать*) словом *нет*: *«Брал он, млад Щелкан, / Дани, невыходы, / Царски невыплаты <...> / У которого денег нет, / У того дитя возмет»* [Игнатов 1970: 69, № 4]. В быличке формула обмена объектами получает развернутую интерпретацию ее результативности: *«Черт, черт! Черт, возьми полено, отдай тело»*. После таких слов в том месте, *где упало полено, было найдено тело»* [Черепанова 1996: 34, № 166]. В сказке «Смерть петушка» представлен многоступенчатый обмен объектами: *«Кузнецы, кузнецы! Скуйте мне косу, косу нести к сенокосам, сенокосы дадут сена, сено нести к корове, корова даст молока, молоко нести к девке, девка даст нитки, нитки нести к липке, липка даст листу, лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к петушку, – подавился петушок бобовым зернятком»* [Афанасьев 1958: I, 90, № 69]. ОП в формуле *недопустимого* обмена объектами *«горы – молодец»* с функциональным компонентом *заменить* (т. е.

дать – взять) выявлен в частушке: «У миленка моего / Волосы волнистые. / Я его не заменяю / На горы золотистые» [Власова 1965, № 1186].

Результатом развития структурно-семантических основ ОП в формуле обмена объектами является образование ОП в формуле *несостоявшегося* обмена объектами в плачах, для которой характерен ввод двух разных субъектов в части ОП – *символического (смерть) и реального (человек)*. ССМ имеет черты сходства с формулой обмена объектами по наличию функциональных компонентов *дать – взять* и ОП символического и реального объектов. Отличается несвойственным формулам обмена наличием ОП субъектов, репрезентантов мира мертвых и мира человека. Наличие символического и реального субъектов, производящих разные действия с разными объектами, детерминирует невозможность осуществления программируемого и результативного символического обмена. Однако принадлежность к культурной семантике обмена объясняется тем фактом, что человек как представитель реального мира взаимодействует с артефактом, репрезентантом символического мира, а смерть как представитель символического мира взаимодействует с уходящим из жизни человеком как представителем реального мира и забирает его в мир мертвых. Осуществляется взаимопроникновение миров. Героиня дает одно, смерть берет другое: «*Как давала я смеретушке / Свою дойную коровушку / Да свою тяглую лошадушку, / Свои цветные-то платица / И жемчужны ожерельица, / Давала я смеретушке / Своих маленьких детушек. / Скоро-гордая смеретушка / Не на что не согласилась, / Она взяла да прибрала / Моего мужа законного, / Большака с дому, надельника / И по дому распорядника*» [РПК 1940: 58].

ОП в формуле заместительного обмена объектами «*совершай нечто с х, а не с у*» («не совершай нечто с х, а совершай нечто с у») при тождестве субъекта и магического действия в частях формирует самый узкий спектр символических связей и является кристаллизированным ОП объекта магического воздействия.

В заговорах субъектный уровень в формулах заместительного обмена достаточно разнообразен. Общий субъект – представители символического мира (болезнь, природный, православный или мифологический персонажи) или представитель реального мира (заклинатель, имярек). Типологическое

воплощение субъектов зависит от функциональной направленности заговора. В лечебных заговорах в формуле заместительного обмена в качестве субъекта выступает болезнь или заклинатель, в любовных заговорах – явление природы.

Для ССМ характерен лексический повтор (реже – синонимия) глагольных лексем (*не играй – играй*), обозначающих вредоносное действие, что обуславливает невозможность формирования символики действия. Мифический персонаж продолжает совершать то же действие, лишь объект его заменен, с его точки зрения, на равноценный. В формулах реализуется *мотив объектной переадресации* [Амроян 2005: 233], замещение ребенка бытовым или природным предметом (*топором, ветром, мышами* и т. д.): «*Шитуха-бытуха, полуношница, не играй с моим малышом, а играй с ветрами, с мышами за печкой*» [Аникин 1998: 47, № 93]. Заговоры, упоминающие обряд у печи, связаны с представлениями о спасительном действии огня (*углей, помела, пепла, дыма*) и помощи, ожидаемой от общения с печью [Аникин 1998: 388]: «*Щекотуха-лепетуха! Тешься печью, за дорогой, а не тешься моим младенцем*» [Аникин 1998: 47, № 91].

Обмен объектами разных миров актуализирует аксиому взаимосвязи миров, невозможности гармонии в одной, отдельно взятой части целого, имеющего многообразные параллельные воплощения.

Формула переориентации действий болезни на другой объект является разновидностью формулы отсылки болезни от человека к природному объекту поражения: «*<...> грыжи, не троньте и не грызите раба Божьего (имя рек). <...> грызите, грыжи, серый камень*» [Савушкина 1993, № 10]; «*Грыжа, грыжа, не грызи меня, грызи г.... мае*» [Полесские заговоры 2003: 310, № 576; Мокиенко 2007].

В любовных заговорах (реже – в заговорах на урожай и здоровье скота) в качестве общего субъекта в частях, как и в формуле обмена объектами, выступает природный объект. В ОП природный объект не только подвергается пластическому преобразованию (*пусть река падет не в море...*), но и наделяется способностью воздействовать на человека. Общий субъект представлен в обеих частях, что формирует содержательную трансформацию ОП: «*И не пади ты, огненная река, ни в*

реки, ни в озера, ни в ключи морские, пади ты, огненная река, имярек во уста» [Топорков 2010: 132, № 107]; в заговоре на здоровье скота [Савушкина 1993, № 282].

Субъект не вводится с помощью повтора в реальную параллель, что свидетельствует о формализации ОП: с элементами антропоморфизации природного объекта [Савушкина 1993, № 206]; пластики природного объекта [Савушкина 1993, № 249]; в заговорах на урожай [Савушкина 1993, № 257].

В качестве общего субъекта миров выступают заклинатель, имярек, православный (*Христос*), демонологический (*дьявол*) или мифологический (*бабовы дочери*) персонажи: «*Не слушай – где курицы кудахчут, слушай пенья церковного да звону колокольного*» [Савушкина 1993, № 4]; «*Я не Митю прирубаю, а все болезни, испуги, бессонницу*» [Вятский фольклор 1994, № 387] и др.

В ОП объектов магического воздействия детально определяется *объектная сфера магического воздействия словом*, задается *императивная программа*: отсекаются ненужные объекты, программируются необходимые. Многогранный процесс поэтапного программирования подробно фиксируют ОП. Повтор императива с отрицанием и перечень исключаемых из поля воздействия объектов *не только формирует ОП, но и акцентирует точки воздействия*, исключает неправильный выбор и предопределяет *снайперскую точность воздействия* заговорным словом. В силу обширности поля исключаемых объектов и исключительной единичности объекта воздействия формируется *асимметрия конструкции*. В заговоре действуют механизмы, компенсирующие асимметрию: в реальную часть вводится уточняющий перечень соматизмов объекта воздействия. Императивное исключение и включение объектов реализуется с целью идентификации объектов (*не объект и объект*) воздействия словом [Топорков 2010: 104–105, № 29].

Формула заместительного обмена объектами отличается наибольшей частотностью. В фольклорном тексте она формирует в границах содержательной трансформации элементы антропоморфизации образов символической части (прежде всего болезни как ее основного персонажа и в ряде случаев – природных объектов), пластического преобразования образов (природных объектов в случае их репрезентации в объективно-природной ипостаси). При параллелизме части

полипредикативной конструкции образует формализованный ОП на основе содержательной трансформации. ССМ развивает формализацию ОП при параллелизме части монопредикативной конструкции.

ОП в формулах обмена демонстрирует смысловую доминанту *объекта магического воздействия* в прагматически выстроенном заговорном пространстве.

ОП в формулах заместительного обмена объектами выявлен в разных фольклорных жанрах: в примете «*Не бойся грозь – бойся слезь*» [Полочанин 1911: 21]; в сказке «*<...> и бери ты коня златогривого. Только тут на стене висит золотая узда, ты ее не бери, а то худо тебе будет*» [Афанасьев 1958: I, 418, № 168]; в былине «*Он просил у их не злата и не серебра, / Не драгоценного камня самоцветного, / Он просил у их родительского благословленьица*» [Крюкова 1939: 287, № 29]; в частушках «*Не стреляйте в чистом поле / Серенького зайчика! / Застрелите за измену Молодого мальчика*» [Власова 1965, № 1017]; без повтора функционального компонента «*Не часы рассыпала – / Горячие слезиночки*» [Власова 1965, № 163]; в пословицах «*Не слушай, где куры кудахчут, а слушай, где богу молятся*» [Даль 1879: I, 8]; без повтора функционального компонента «*Не хлебом живы, молитвою*» [Даль 1879: I, 9]; в балладах с отрицательной частицей *не* при функциональном или объектном компоненте: «*Не пером пишет и не чернилами – / Пишет Ванюшка горячими слезми*» [Астахова 1963: 149]. Параллелизм образов микромира в формуле заместительного обмена объектами реализуется в номинации персонажа обрядовой песни: «*Не зови-ко худяком, <...> / Зови добрым молодцем*» [Киреевский 1911: 57, № 151]. В исторических песнях ССМ содержит отрицательную частицу *не* при объектном компоненте: «*Упало лукавство не на воду и не на землю, – / Упало лукавство царю Дмитрию на белу грудь*» [Игнатов 1970: 116, № 20]. ОП заместительного обмена объектами в былинах характеризуется высокими показателями частотности: «*Ты лети, стрела моя калёная <...> / Ты не на воду пади, стрела, не на землю, / А попади ты Соловью во правой глаз*» [Астахова 1961: 48]. Отрицательная частица *не* [Ковалев 1941: 30–35] располагается в препозиции к первой предложно-падежной форме субстантива с предлогом *ради*: «*Не ради побезжки лошадиной, / Ради поездки молодецкой*» [Астахова 1961: 86]. ССМ выявлена в быличках: «*Света-то он*

не боится, а людей боится» [Черепанова 1996: 33, № 154]; в загадках: *«Летела птичка / из-за чиста поля, / садилась на престол / и говорила со Христом: / «Не едать мне, птичке, / во синем море рыбки, / ни в чистом поле утки; / едать мне, птичке, / быка – оленя / да молодого младеня».* – Овод» [Рыбникова 1932: 110, № 43–44].

Эволюция ОП проявляется в сочетаемости его ССМ в разных формулах обмена. В балладе обнаружено сочетание образного параллелизма в **формулах заместительного обмена объектами и акционального замещения** [Астахова 1963: 142], в сказке выявлено сочетание образного параллелизма в **формулах обмена объектами и акционального замещения** [Афанасьев 1958: I, 146, № 68].

ОП в формулах акционального замещения и обмена объектами имеет **межжанровый статус**. ОП в формуле акционального замещения не обнаружен в загадках и приметах. ОП в формуле обмена объектами не зафиксирован в пословицах, загадках и приметах. ОП в формуле заместительного обмена объектами имеет **общежанровый статус**.

3.2.5.2.4. Троичный образный параллелизм

Троичный образный параллелизм, или **образный параллелизм в его троичной модификации**, – ССМ ОП, конституируемая тремя синтаксически подобными компонентами – моно- или полипредикативными единицами или однофункциональными членами монопредикативной единицы, в которой компоненты ОП представлены образами макро- и микромиров: первые два (реже – только первый) – образами одного мира, а третий (более распространенный) – образами другого мира.

Теоретические основы анализа ССМ разработаны автором диссертации в статье «Троичный образный параллелизм в фольклорном тексте» [Доброва 2023о: 15–19].

Содержательный фундамент троичного ОП составляет культурная семантика троичности [Артеменко 1977; Лотман 1996; Оссовецкий 1957; Праведников 1994; Пропп 1986; Топоров 2005, 1979; Трубачев 2003; Толстая 2015; Хроленко 1981; 1992; Черноусова 2022; Элиаде 1987]. Определены важные для праславянского мышления элементы троичности: три уровня мирового дерева, бог Триглав, три сына в

фольклоре; тризна как обряд поминовения усопших от три или *trizь; трехгодовалое животное или три вида животных, которые приносились в жертву. В.Н. Топоров, исследуя семантику троичности (слав. *trizna и др.), приходит к выводу, что троичность объединяет аспекты дифференцированности и целостности, характеризует базовую архитектуру вещей, моделирует атрибуты вертикальной структуры мира: «верх-небо – огонь, боги, будущее; середина-земля – земля (стихия), люди, настоящее; низ-подземное царство – вода, покойники, прошлое» [Топоров 1979: 13–14]. Троичность уходит от сингулятивности / собирательности, от двойственности как следствия природной симметрии и первой возможности к размножению. Третий отражает преодоление древней ограниченности в исчислении и бытии. Два статических начала образуют третье, пребывающее в динамике, переход к которому знаменует подъем по шкале ценностей. Троичность как сакральный код русской жизни воплощается в триединстве Бога, в многочисленных русских поговорках («с три короба», «в три ручья», «в три погибели»), художественных образах (В. Васнецов «Три богатыря», В. Перов «Тройка») и др. В призме количественного кода исследована сказочная картина мира [Пропп 1986; Черноусова 2022].

Сущность троичности в языке фольклора определяется ее макро- и микрокосмическими измерениями: *рождение – развитие – смерть; появление – наличие – исчезновение; смерть – жизнь – бессмертие; широта – долгота – глубина; прошлое – настоящее – будущее* и др. В универсуме троичность означает полноту объекта, воссоздает универсальную гармонию материи и духа, человека и природы, неба и земли, устремленных к Богу как конечной и высшей цели. Троичность как квантитативный параметр ОП обоснована в идее Пирса о функционировании законов природы и человеческого духа в одной системе [Peirce 1965], идеях квалификации количества как основы качества и порождающей способности чисел.

Художественные принципы организации конструкций с троичной разновидностью синтаксического параллелизма, в том числе в составе обращений, на материале русской народной лирической песни выявлены И.А. Оссоветским [Оссоветский 1957: 483–486], особенности их структурной организации определены Е.Б. Артеменко [Артеменко 1977: 64–65]. Исследованный учеными языковой материал не является

однородным, воплощается на материале образов параллельных миров и служит матрицей структурообразования троичного ОП, отличающегося **идентификационными показателями**: наличием трех синтаксически подобных компонентов, контактным расположением компонентов в составе линейной или линейно-вертикальной конструкции, воплощением компонентов на материале образов макро- и микромиров.

В семиотическом плане ОП во всех ССМ представляет триадированное построение. **Семиотический статус троичного образного параллелизма** детерминирован объективацией в его структуре латентной классической триадированной семиотической вертикали ОП в составе гипертемы и двух ее макро- и микрокосмического воплощений. В былинах троичный ОП человеческого микрокосма *«человек: сила – сердце»* представлен экспликацией гипертемы (*рассердился Васильюшка Захарович*) и ее символизацией в рядах параллельных образов внешней и внутренней ипостасей человека *«расходилась сила – рассердилось сердце»*: *«Рассердилсе тут Васильюшка Захарович, / Рассердилось тут его ретиво сердце, / Расходилась сила богатырская»* [Астахова 1961: 66].

В структурно-семантическом плане троичный ОП реализуется в следующих ССМ: в экспликации трех компонентов (гипертемы и двух параллельных рядов образов); в имплицитном выражении гипертемы и экспликации двух параллельных рядов образов; в имплицитном или эксплицитном выражении гипертемы и экспликации двух параллельных рядов образов тремя компонентами, два из которых представляют один параллельный мир, третий – другой мир; в стереоскопическом совмещении образных параллелизмов с ГТ–1 и ГТ–2, которое объективирует эволюционное преобразование образной диады в образную триаду.

Основу **типологии** троичного ОП составили следующие **критерии**: характер корреляции миров; структурные основания частей; характер локализации компонентов; характер и модели амплификации частей; текстообразующий статус ОП.

По характеру корреляции миров выделены **троичный ОП макро- и микромиров**: в балладе *«голубки – девушки – подружки»*: *«Пошел-то вор Янька / К девушкам голубкам, / Устиньиным подружкам»* [Астахова 1963: 157]; **троичный ОП макромиров**: в загадке *«три ласточки – телега, сани, дуга»*:

«Летели три пичужки / Через три избушки. / Одна говорит: / «Мне летом хорошо»; / Другая: «Мне зимой хорошо». / А третья говорит: / «Мне что зимой, что летом – / Все равно». – Телега, сани, дуга» [Морохин 1986: 208]; **троичный ОП микромиров:** в балладе *«кормилица – жалостница – матушка» «Кормилица-жалостница, моя родимая матушка!»* [Иванов 1895: 215].

По структурным основаниям частей дифференцированы синтаксический параллелизм поли- и монопредикативных единиц, однофункциональных частей монопредикативной единицы; а также классические, трансформированные и формализованные ССМ, реализованные на основе троичного ОП.

Троичный ОП, компоненты которого конституируются *поли- или монопредикативными единицами*, является структурообразующей матрицей классического ОП или его трансформированных ССМ. Классический троичный ОП в тексте загадки структурируется полипредикативными единицами с сочинительной связью: *«Не куст, а с листочками, / не рубашка, а сшита, / не человек, а рассказывает. – Книга»* [Рыбникова 1932: 99, № 403]; в былине монопредикативными единицами в положительной модификации: *«Красно солнышко катится ко западу, / Ище пир-от идет да о полупира, / Княжевьская радость в полурадости»* [Ончуков 1904: 142, № 27]; в отрицательной модификации: *«То не зверь-то бежал, / Не горностай рыскал, / А гонил Чурило молодой Пленкович»* [Астахова 1961: 60]. Содержательная трансформация троичного ОП конституируется в тексте загадки полипредикативными единицами с подчинительной связью: *«Кабы я встала, / До неба достала, / Кабы руки да ноги, / Я бы вора связала, / Кабы рот да глаза, / Я бы все рассказала. – Дорога»* [Капица 2002: 161]; в песне – монопредикативными единицами: *«Кому деньги, кому платья, / Кому Катинька-душа!»* [Киреевский 1929: 20, № 1686].

Троичный ОП, компоненты которого конституируются *однофункциональными членами монопредикативной единицы*, квалифицируется как *формализованная ССМ*: с триадируемым номинативным перечнем в быличке *«водка, чашка – старик»*; *«леший – отец, борода»* «Выпили они, чашку отнял, а ни старика, ни чашки, ни водки нет. Побежал, бросил все. А это – рыжая борода – отец мой был, леший

отцом представился» [Черепанова 1996: 30, № 137]; с триадируванным акциональным перечнем в былине *«пить – есть – молвить»* «Тут Васильюшка и запечалилсе <...> / Он не пьет, не ест, не может слова молвити» [Астахова 1961: 64].

По характеру локализации компонентов троичный ОП демонстрирует отсутствие четких закономерностей, выявляющих зависимость позиции компонента от его принадлежности к образам миров, способа его амплификации, комбинаторики одного или двух компонентов каждого из миров в составе триадируванной конструкции.

По характеру и моделям амплификации частей дифференцированы «чистый» и амплифицируванный троичные образные параллелизмы.

«Чистый» троичный ОП состоит из трех компонентов, каждый из которых редуцируется до **однословной** конструкции: в былине *«солнышко – Владимир – князь»* «Здравствуй, солнышко Владимир-князь!» [Астахова 1961: 49]; в причитании *«свет – кормилец – батюшка»* «Со кормильцем-светом-батюшкой» [РПК 1940: 106].

Амплификация троичного ОП воплощает особый этап эволюции и осуществляется **по двум векторам**: амплификация одного или двух компонентов, блочная амплификация каждого из трех компонентов.

Способами амплификации компонентов троичного ОП являются тавтологический повтор лексемы или групп лексем; ввод тавтологического эпитета; повтор в сочетании с варьированием морфемного состава опорной лексемы путем прибавления приставок, уменьшительно-ласкательных суффиксов; варьирование путем сочетания опорной лексемы с местоименным дублированием и различного рода компонентами с атрибутивной семантикой (в составе атрибутивных пар – конструкций с приложениями и конструкций с эпитетами-прилагательными) и/или компонентами с количественной семантикой, в том числе в составе ассоциативных и счетных рядов.

Первый вектор распространения компонентов троичного ОП проявляется в **амплификации одного или двух компонентов**: в заговоре *«Кровь – яровица, красная девица»* [Савушкина 1993, № 63]; в примете *«Маньяки – белые пути – падающие звезды»* [Ермолов 1905: IV, 311]. Обращение, построенное по принципу троичного синтаксического параллелизма, служит матрицей структурообразования ОП: в пословице *«Ой вы, матери-килейницы, сухопарья сидидомицы!»* [Даль 2000: 30].

Второй вектор распространения компонентов троичного ОП проявляется в **блочной амплификации каждого из трех его компонентов**. Третий компонент, как правило, также построен по принципу троичного параллелизма. Модели блочной амплификации отличаются разнообразием способов ее осуществления: в заговоре «*Травушка шелковая, водушка ручьевая, зори-заряницы, зори – красные дивицы*» [Логинов 2006: 77]; в названии сказки «Сказка о *молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде*» [Афанасьев 1958: I, 431, № 171].

Статус троичного ОП в эволюционно-генетической теории развития детерминирован его пластичностью и динамичностью [Артеменко 1977: 119], а также **высокой порождающей способностью**. Структурно-семантическая основа троичного ОП в силу действия **кумулятивного эффекта эволюции** продуцирует разнообразные ССМ. ОП с триадируемыми перечнями: акциональными в балладе «*Она крест кладет да по-ученому, А поклон ведет да по-писаному, Що молитвы творит да всё Иисусовы*» [Астахова 1963: 70]; номинативными в лирической песне «*бабочки – еловы палочки – шары*» «Поиграй с ребятами, / [Да] во шары, во бабочки, / во еловы палочки» [Соболевский, № 62]; атрибутивными в исторической песне «Заедаешь, наш Капчевич, наше жалованье, / *Трудовое-годовое, нашо денежное!*» [Кежма 2015: 42]. ОП представлений-репрезентаций сверхъестественного персонажа с его триадируемой визуализацией в параллельных образах: в быличке «*черная кошка – человек – бабка-колдунья*» «За ним всю дорогу бежала черная кошка. <...> А она оказалась не кошкой, а человеком. Это была бабка-колдунья» [Пухова 2008: 31, № 42]. ОП в составе счетных рядов с тремя подвергаемыми счету компонентами: в заговоре «*Три зари-зарницы, три родные сестрицы: заря Дарья, заря Марья, заря Маремьяна* – возьмите с младенца (имя) крик» [Аникин 1998: 63, № 228]. Концентрический ОП, реализующий триадируемое формирование концентрических кругов: в заговоре «*море, остров – столб, гробница – девица-чаровница-тоска*» «На *море* на окяне, на *острове* на Буяне стоит *столб*; на том *столбе* стоит дубовая *гробница*; в ней лежит *красная девица, тоска-чаровница*» [Савушкина 1993, № 248]. Троичный параллелизм с образным уподоблением: в примете «*12 марта – Прокоп-перезимник, дорогу рушит*» [Селянгина

2005]. Троичный ОП сравнений: в частушке «Супостаточка моя / *Нисколько не богатее – / Только росточком побольше / Да пощелковатее*» [Власова 1965, № 3025] и т. д.

По текстообразующему статусу троичный ОП дифференцирован с учетом реализации на его основе ГТ–1 во всех фольклорных жанрах и/или ГТ–2 в энигматических и приметных текстах. ССМ эволюционирует в результате объединения параллелизмов с гипертемами означивания явлений и означивания связи явлений: в загадке «натурфакт – человек = сверхъестественный персонаж» – «лес, трава – человек = леший»: «*Лесом идет – с лесом ровен, / Травой идет – с травой ровен, / С человеком идет – с человеком ровен. – Леший*» [Митрофанова 1968: 69, № 1892].

Кумулятивный эффект эволюции реализуется в многослойном накоплении в границах троичного ОП результатов разных линий развития: в примете «*10 апреля – Илларион – выверни оглобли*» [Селянгина 2005] сочетаются классическая ССМ «*10 апреля – Илларион*», пластика образа реальной параллели «*10 апреля – выверни оглобли*», содержательная трансформация «*Илларион – выверни оглобли*».

Троичный ОП выявлен во всех фольклорных жанрах и представляет **общефольклорную ССМ**, которая реализуется в разных композиционных частях фольклорного текста и на разных этапах эволюции его художественных форм.

3.2.5.2.5. Образные параллелизмы-перечни (полиномы)

Образные параллелизмы-перечни (полиномы) – формализованная ССМ, представляющая бинарные многокомпонентные линейные конструкции перечисления, упорядоченные наличием двух параллельно организованных, отличающихся формальной однотипностью и смысловой эквивалентностью рядов, которые соотносятся с гипертемой как общим конституирующим началом, в структурном плане основываются на синтаксическом параллелизме части предикативной конструкции, в содержательном плане манифестируются на материале образов макро- и микрокосма с целью умножения культурного смысла [Доброва 2018г: 34–37].

Асимметрия моделей, в которых по принципу ОП организована часть предикативной конструкции, компенсируется неоднословностью и однотипностью компонентов в его частях, что обуславливает формирование ОП перечисления.

Образным параллелизмам-перечням присущи не только отличающие конструкции перечисления признаки [Толстая 2005: 292–308; Глушак 2008: 5–11; Комаров 1992; Примаков 2003; Амроян 2004: 113–117; Ибрагимова 2008: 203–207; Левашова 1977], но и определяющие их статус специфические черты. Во-первых, перечислительный ряд сформирован по принципу сопоставления образов макро- и микромиров и разделен на две части с опорой на «номинативную природность» перечисления, «способность выделять посредством номинации (наименования, называния) любые явления – конкретные, абстрактные» [Комаров 1992: 10; Ибрагимова 2008: 207]. Во-вторых, обе параллели интегрированы наличием эксплицитно или имплицитно выраженного общего конституирующего начала как основания перечисления, которое обусловлено парадигматикой, блоковостью и ассоциативностью фольклорного слова [Хроленко 1992]. При этом референциальность, или соотносительность элементов перечисления с некоей целостностью, в параллельных построениях проявляется не только в связи с целостностью элементов в отдельности друг от друга и в своей совокупности, что свойственно конструкциям перечисления как таковым, но и в связи с целостностью параллельно организованных рядов в отдельности друг от друга и в их бинарной совокупности, что присуще непосредственно ОП перечислений. Общее основание параллелизма перечисления не только сущностно релевантно для обоих рядов, но и нуждается в их вариативном бинарном воплощении, поскольку реализует идею многогранной целостности. В-третьих, параллелизмы-перечни основаны на принципах развертывания и накопления парных, строго параллельных, изоморфных компонентов [Толстая 2005; Москальская 1981; Чистов 1986; Мелетинский 1994], отражающих соединение стабильности и пластичности как ядро фольклорной специфики.

В плане определения **количественного критерия**, узаконивающего статус параллелизма-перечня, выявлена квантитативная амплитуда перечислительного

ряда от минимальных (двучленных) [Комаров 1992: 13; Ибрагимова 2008: 203] до конструкций, которые «могут быть почти бесконечными» [Агапкина 2010: 105].

Е.М. Мелетинский впервые указал на **органическую связь явлений перечисления и параллелизма** и ввел термин *«перечислительные» параллелизмы*, которым обозначил наиболее устойчивое из параллельных построений [Мелетинский 1968: 37; Толстая 2005: 300–302]. ОП, изначально опираясь на материал первообразного расчленения и хаотической организации миропорядка, космологизирует, упорядочивает, интегрирует его компоненты, актуализируя «особую связанность, зависимость или даже тождество между макрокосмом и микрокосмом» [Топоров 1997: 450]. ОП перечисления объединяет и иконически воплощает два антиномичных, но генетически взаимообусловленных культурных смысла: наличие систематизированных параллельных рядов свидетельствует о тенденции к упорядочению мира, а свобода локализации параллелей и их компонентов концептуально связана с эволюционно предшествующей упорядочению вселенной идеей изначальной хаотической организации миропорядка [Пригожин 1986]. Набор и амплитуда компонентного состава параллелизмов-перечней обусловлены идеей его принципиальной открытости, концептуально стремящейся к бесконечности.

ССМ разнообразно представлены в связи с энциклопедичностью как спецификой жанра в заговорных текстах [Топорова 2005; 2005а]. Перечни иконически отражают и реализуют концептуальную установку заговора на исчерпывающее и упорядоченное описание мира [Топоров 1993: 6–7], выделяют значимые его аспекты, входят как неотъемлемый элемент в арсенал магических средств [Толстая 2005: 300–302]. Заговор путем «выстраивания» упорядоченных рядов элементов микро- и макрокосма стремится воссоздать единство мира в виде целостной и замкнутой структуры [Завьялова 1999; 2000; 2000а; 2005; Соколов 2010], что справедливо «в масштабах корпуса заговоров в целом (без разграничения его этнических и исторических пластов и традиций)» [Агапкина 2010: 107]. Связь перечисления и параллелизма в лечебных заговорах проявляется в правиле изгнания болезни «из тела человека в окружающий мир, из микрокосмоса в макрокосмос» [Небжеговская-Бартминская 2005: 319–320].

Образные параллелизмы-перечни основываются на заговорном **методе перечисления**, который является отражением черт примитивной психологии и формирующегося мышления первобытного человека. Во-первых, веры в обеспечение успешности исчерпывающим перечислением. Во-вторых, низкого уровня абстрагирующей способности первобытного человека, свойственных ему «раздробленного» восприятия мира и отсутствия осознания себя как неделимой личности [Познанский 1995; Амроян 2004; Капица 1995]. В-третьих, синкретичного восприятия психики, физиологии и поведения человека [Топорков 2005: 174–175]. Параллелизмы-перечни «являют примеры перехода суммы дискретных <...> элементов в непрерывные последовательности» [Топоров 2005: 199]. Длинные перечни свидетельствуют о принадлежности к более ранней ступени культурного развития, что характерно для русских (и вообще славянских) заговоров [Познанский 1995].

Образные параллелизмы-перечни явились предметом научного исследования: на материале любовных и лечебных заговоров разработана типология ССМ [Доброва 2017б: 163–167] и исследованы их семиотические основы [Доброва 2018: 14–22; Доброва 2018г: 34–37], в контексте изучения специфики репрезентации гендера в фольклоре [Доброва 2017в: 175–181], эволюции гендерного аспекта формул [Топорков 2005: 178] определена модель гендерной маркированности параллелизмов-перечней [Доброва 2019а: 194–203], изучены ОП человеческого микрокосма [Доброва 2018в: 37–54], ОП топографии человеческого тела [Доброва 2020а: 196–211].

Отправной точкой для создания **типологии ОП перечисления** послужила классификация, разработанная И.Ф. Амроян: акциональные и номинативные (собственно номинативные, темпоральные, локативные, качественные) перечни [Амроян 2004: 115–116]. Классификация уточнена и детализирована. Выявлены **ОП с акциональными перечнями и номинативными перечнями** (собственно номинативными, атрибутивными, локативными и терминальными).

ОП с акциональными и номинативными перечнями представлены в разных фольклорных жанрах и имеют жанровую специфику. При организации акционального и номинативного перечней реализуется **принцип малой дозировки информации** [Глушак 2008: 5–11] (см. об этом *раздел 2.2.1.1.3. Структурная инвариантная модель*

и ее компоненты: статус, характеристики и каталог разновидностей). ОП с акциональными перечнями репрезентируют сферу действия и состояния персонажей, с номинативными перечнями – сферу актантов и их характеристик. Не отмечены ОП с темпоральными перечнями. Выявлены ОП с терминальными перечнями.

Сопоставительный анализ ГТ, СИ, СИМ и ВТР в параллелизме-перечне как едином семиотическом образовании представлен в *разделе 2.2. Семиотическая система репрезентации культурных смыслов в образном параллелизме.*

ОП с акциональными перечнями в любовных и лечебных заговорах репрезентируют сопоставление физических и духовных феноменов микрокосма. Выявлены две ССМ ОП с акциональными перечнями: *параллелизм внешних и внутренних действий* и *параллелизм внешних и внутренних состояний*. В любовных заговорах ОП имеет **амбивалентный характер** и реализуется в разнонаправленных по интенциональным установкам **формулах любовной болезни и любовной остуды** в гендерных, внегендерном и универсальном вариантах. Анализ семиотической вертикали ОП с акциональными перечнями в лечебных и любовных заговорах представлен в публикациях [Доброва 2018: 14–22; 2018в: 37–54; 2018г: 34–37; 2019а: 194–203].

ОП с акциональными перечнями представлены в разных фольклорных жанрах: в частушке «**Дроля** на ногу ступает, / *Узнает характер мой*» [Власова 1965, № 379]; в сказке «**Мальчик** рос-подрастал, в разум приходил» [Афанасьев 1958: I, 61, № 41]. В былине эксплицированная гипертема «эмоциональное состояние фольклорного персонажа» передается посредством ОП его внешних и внутренних действий: «Тут Васильюшка и **запечалилсе** <...> / **Он** не пьет, не ест, не может слова молвити» [Астахова 1961: 64]. В быличке ОП представлен с акциональным перечнем действий сверхъестественного персонажа: «<...> это **только черт**, он людей соблазняет, принимает облик человека» [Черепанова 1996: 15, № 25]. В образной части загадки перечни кодируют загадочный предмет: «**Пучеглазая** глядит, / по-французски говорит, / по-блошиному скачет, / по-человечьи плачет. – Лягушка» [Рыбникова 1932: 252, № 263]. ССМ совпадает с границами фольклорного текста: в пословице «**Златым перстнем обручились, со грехом разлучились**» [Даль 1879: I, 18] и др.

ОП с номинативными перечнями зафиксированы на материале разных жанров русского фольклора. Реализацию семиотической вертикали ССМ продемонстрируем на примере **ОП топографии человеческого тела, или образных параллелизмов с номинативными перечнями соматических образов**, которые репрезентируют сферу человеческого микрокосма [Доброва 2018в: 37–54 и др.]. Высокой степенью детализации отличаются заговорные собственно номинативные перечни частей тела, на материале которых исследованы состав, структура и топография тела, соотношение видимых и внутренних органов и субстанций, их мифология, символика и семиотика, понятие идеального (здорового) тела и интерпретации телесных аномалий [Толстая 2015: 36–37]. Концептуализация частей тела в семиотических кодах, представление об иерархии органов и их взаимосвязи, квалификация внутреннего человека как сложной системы (систем и подсистем) органов «душевной» жизни и параллельно обычных органов и систем человеческого тела, обеспечивающих возникновение и проявление психических реакций и состояний, являются предметом научного исследования [Трофимова 2014: 74–78; Крейдлин 2006: 80–116; 2010: 42–52; Подлесская 2000: 98–107].

ОП топографии человеческого тела, представляющий **многослойную морфологию человеческого тела** в его физической и духовной ипостасях, в любовных заговорах воплощает соединение телесных объектов и насылание (программирование) любовной болезни, в лечебных заговорах – восстановление телесной целостности как маркера здоровья. Любовные заговоры представляют как сферу двух объектов, так и сферу одного объекта, лечебные заговоры – сферу только одного объекта. Значимым является количество людей, физический и духовный миры которых одновременно или персонально подвергаются магическому воздействию. Наборы **телесных маркеров**, связанных с природой взаимодействующих людей, и индивидуальных, репрезентирующих одного человека, неидентичны. **Социальный** аспект связан с душой и ее телесными репрезентантами, динамикой духовного мира. **Индивидуальный** аспект реализуется через телесный состав, статику физического мира.

ОП топографии человеческого тела репрезентирует два типа целостности человека и два его начала: **телесное** (биологическое, земное) и **духовное** (социальное,

возвышенное). Иконически ОП отражает назначение заговора, функционально направленного на сбалансированное воссоединение внутреннего (духовного) и внешнего (телесного, плотского) человека. Образная топография человеческого тела представляет сложный состав и взаимодействие биологической и социальной природы человека.

Телесный состав человека репрезентирован в фольклорном тексте с соответствующим делением на мягкие, твердые и жидкие части: плоть (мышцы и внутренние органы), кости и кровь. Телесность в значительной степени выражена в морфологии человека, строении тела, внутреннем соотношении членов тела и органов, психофизике и психосоматике, соединении души и тела. В определении биологической природы человека понятия тела и плоти, дополняя друг друга, различаются: тело есть форма, образ; плоть – совокупность биологических механизмов и веществ [Лоргус 2003]. В духовной деятельности тело и плоть противостоят духу и уму. Тело является исполнителем духовного замысла.

Телесность человека обладает двумя **свойствами** – **изменчивостью** и **постоянством**. Изменчивость определяется динамикой телесного состава, который представляет живые вещественные потоки разных уровней, воплощает способы функционирования, скорость, интенсивность, характер обмена веществ. Постоянство определяется статикой образа, структуры, портрета, образа функционирования, генотипа, данного человеку при рождении. Человек узнаваемый, идентичный себе в своей телесности (тело) не тождествен своему физико-химическому составу (плоть). Физико-химические и биофизиологические потоки (цепочки обмена веществ) обозначают термином *плоть*, а фенотипические и генетические (геронтологические) – термином *тело*. Процессы представляют изменчивость разных скоростей, уровней и различны по отношению к духу. Тело выражает индивидуальный образ (портрет) человека, плоть – общую для людей природу. В изменчивости телесного состава скрывается начало изменчивости психической сферы человека.

ОП топографии человеческого тела содержательно связан с двумя **асpekтами телесности**: психофизиологическим и гносеологическим. В психофизиологическом аспекте физическое тело человека является носителем психических состояний и наполнено сознательным и подсознательным психическим содержанием.

Психические состояния объективируются, телесные органы выступают в качестве репрезентантов внутренних состояний. В **гносеологическом** аспекте тело и плоть неодинаково воспринимаются через призму сознания человека. Тело осознается человеком как сложная структура, в составе которой каждая часть занимает особое место. Человек воспринимает свое тело как нечто внешнее по отношению к внутреннему самонаблюдению, что составляет основу ОП внешнего и внутреннего человека по аналогии с параллелизмом природного макрокосма и человеческого микрокосма. В эмпирике сознания плоть, аморфная в своих проявлениях, не осознается как нечто отдельное от тела и не имеет принадлежности к пространству вне тела, но влияет на тело и душу, познается опосредованно, выражаясь в психических формах телесности. Различные чувства (*тоски, радости*) осознаются как имеющие конкретную точку приложения (*кровью горит, сердцем кипит*), так и принадлежащие всему телу (*телом сохнет*). Репрезентируемые состояния (*кровь у нее не разгорается, ноженьки не поднимаются – уста не растворяются, сердце не сокрушается*) являются символами процессов, осознать которые непосредственно человеку не дано.

В плане **проницаемости для сознания** тело осознается, но чаще относится к бессознательному или подсознательному, плоть – к области бессознательного [Лоргус 2003]. Триада «*тело – плоть – душа*» составляет основу ОП многослойной и полифункциональной топографии человеческого тела с членением микрокосма по направлению внутрь. Человек внутренний моделируется «по образу и подобию» человека внешнего, причем основным является не визуальное подобие, а схожесть устройства и функционирования целого [Коськина 2004]. В образном соматическом параллелизме отражено проявление архаического языкового сознания, «для которого естественно описание абстрактных способностей человека, его поступков через название органов, обеспечивающих эти способности» [Виноградов 1977: 69].

Анализ семиотической вертикали ОП **топографии человеческого тела** с собственно номинативными перечнями на материале любовных и лечебных заговоров представлен в публикациях [Доброва 2017б: 163–167; 2020а: 196–211 и др.].

ОП топографии человеческого тела с собственно номинативными перечнями в **любовных заговорах** отличаются интенциональной спецификой. Представлены в

формуле любовной болезни (приворотных заговорах-присушках) и репрезентируют сферу двух или одного объекта воздействия. В формуле любовной остуды не отмечены.

ГТ «пусть любовная болезнь поразит *организм(ы)* женщины и/или мужчины» реализуется в двух семантических инвариантах.

СИ «*телесные и духовные объекты* соединения мужчины и женщины». Набор телесных маркеров природы **двух взаимодействующих** людей, отражает социальный аспект, динамику духовного мира в его телесных репрезентантах, направлен на *восстановление гармонии целостности*. СИМ представлена во внегендерном варианте и не обнаружена в гендерных и универсальном вариантах.

СИМ параллелизма топографии человеческого тела в формуле любовной болезни (**внегендерный вариант**) (**3 версии // 4 версии; суммарный показатель версий – 7**) «пусть сведут (соединят) женщину с мужчиной: *очи в очи, плоть с плотью, тело с телом – сердце в сердце, мысли в мысли, душа с душою, хоть с хотью*». ССМ характеризуется наличием *общего для обеих частей* функционального компонента с семантикой соединения. Перечень составляют репрезентанты физических, телесных и психических, духовных объектов воздействия, которые вводятся в текст после указания субъектов магического воздействия. **ВТР** демонстрируют доминанту экспликации гипертемы: «Сведите **ее со мною** – *душа с душою, тело с телом, плоть с плотью*» [Савушкина 1993, № 206].

СИ «*телесные и духовные объекты* насылания любовной болезни». Набор телесных маркеров, связанных с персональной природой **одного человека**, отражает множественную детализацию телесного состава в его параллельной соотнесенности с физической и духовной сферой. СИМ представлена в гендерных вариантах. Внегендерный и универсальный варианты не выявлены.

СИМ параллелизма топографии человеческого тела в формуле любовной болезни (**мужской вариант**) (**30 версий // 3 версия; суммарный показатель версий – 33**) «пусть любовная болезнь поразит мужчину: *белое тело, телеса, широкие плечи, буйная головушка, ясные очи, черные брови, щеки румяные, могучая грудь, белая грудь, руки, ноги, красное легкое, черная печень, печенка, селезенка, горячая кровь, жилы, правые жилы, полужилы, поджилицы, кости, кости-полукости, суставы,*

суставы-полусуставы, жилки суставные, жилки подсуставные, подколенные жилы, путеводная косточка, семя, утроба – ретивое сердце, ум, разум». ВТР: доминирует экспликация гипертемы «<...> передай тоску и горе в ретивое сердце, в кровь горячую раба божьего (имя)» [Вятский фольклор 1994, № 225].

СИМ параллелизма топографии человеческого тела в формуле любовной болезни (женский вариант) (14 версий // 6 версий; суммарный показатель версий – 20) «пусть любовная болезнь поразит женщину: *белое тело, телеса, плоть, ясные очи, черные брови, сахарные уста, буйная голова, мозг, мягкое легкое, черная печень, горячая кровь, кости, жилы, суставы – ретивое сердце, памятная дума, ум, разум, похоть, хоть*». ВТР демонстрируют доминирование экспликации гипертемы «Снесите и донесите, вложите и положите **в рабицу Божию (имя рек), в красную девицу, в белое тело, в ретивое сердце, в хоть и в плоть**» [Савушкина 1993, № 206].

На основании анализа мужского и женского вариантов составлен сводный перечень соматизмов, фиксирующий количество версий в частях параллелизма (34//6) и суммарный количественный показатель версий параллелизма (40).

СИМ параллелизма топографии человеческого тела в формуле любовной болезни (сводный перечень) (34 версии // 6 версий; суммарный показатель версий – 40) «пусть любовная болезнь поразит мужчину // женщину: *белое тело, телеса, плоть, буйная голова, мозг, ясные очи, черные брови, щеки румяные, сахарные уста, широкие плечи, руки, ноги, могучая грудь, белая грудь, черная печень, печенка, селезенка, мягкое легкое, красное легкое, горячая кровь, кости, кости-полукости, жилы, правы жилы, полужилы, поджилицы, жилки суставные, подсуставные жилы, подколенные жилы, суставы, суставы-полусуставы, путеводная косточка, утроба, семя – ретивое сердце, памятная дума, ум, разум, хоть, похоть*».

Специфика номинативных перечней определяет доминирование в мужском и женском вариантах экспликации гипертемы, которая соотносится с сопоставляемыми объектами как часть и целое. Перечни объектов воздействия выявляют доминанту объектов программирования (34//6) по сравнению с объектами соединения (3//4). В объектах насыщения любовной болезни доминируют физические объекты. Квантитативный показатель физической сферы в 5,7 раза

превышает количество версий, представляющих духовную сферу. В объектах соединения физические и духовные объекты представлены в сходных показателях с некоторым преобладанием духовных объектов. В объектах программирования преобладают внешние версии, а в объектах соединения – внутренние версии.

Объекты программирования любовной болезни отличаются большим разнообразием и детализацией. Объекты соединения соотносятся с триадой *тело – плоть – душа*. Духовные объекты соединения соотносятся с духовными объектами программирования с тем отличием, что в объектах программирования представлено эмоциональное и рациональное начало (*сердце, дума, ум, разум*), а в объектах соединения – наряду с указанными также и духовное начало (*душа*).

В объектах программирования в мужском и женском вариантах доминирует сфера физических объектов 34//6. Сфера духовных объектов преобладает в женском варианте: соответственно в мужском варианте 3 версии, в женском – 6.

ОП объектов любовного воздействия создается при указании на топографию тела в двух сферах – физической и духовной, каждая из которых также представлена в двух проекциях. Соматизмы человека физического – внешние, эстетические, телесные, персональные (*ясные очи, черные брови, щеки румяные, сахарные уста, широкие плечи, могучая грудь, руки, ноги*) и внутренние, плотские, общечеловеческие (*черная печень, мягкое легкое, красное легкое, горячая кровь, семя, кости-полукости, жилы, поджилы и суставы-полусуставы, утроба*). Органы и результаты психической деятельности, представляющие человека духовного – интеллектуальная (*памятная дума, ум, разум*) и эмоциональная (*ретивое сердце, хоть, похоть*) сферы.

Определены универсальные соматизмы, объекты магического насылания любовной болезни, которые представлены в мужском и женском вариантах: «*белое тело, телеса, буйная головушка (голова), ясные очи, черные брови, черная печень (печенка), горячая кровь, кости, жилы, суставы – ретивое сердце, ум, разум*». Обладают *гендерной маркированностью* и представлены только в мужском варианте соматизмы, репрезентирующие исключительно сферу физического: «*широкие плечи, румяные щеки, могучая грудь, белая грудь, красное легкое, селезенка, руки, ноги, правые жилы, полужилы, поджилы, кости-*

полукости, суставы-полусуставы, жилки суставные, жилки подсуставные, подколенные жилы, путеводная косточка, семя, утроба». В мужском варианте не выявлены гендерно маркированные соматизмы духовной сферы. В мужском варианте, в отличие от женского, наделяются эпитетами и детализируются соматизмы, представляющие физическую мощь. Репрезентанты физической силы, здоровья, способности мужчины к продолжению рода «*жилы, суставы и кости, плечи, грудь, руки, ноги, легкое, семя, утроба*» отмечены только в мужском варианте. Гендерно маркированным в женском варианте является воздействие на следующие объекты: «*сахарные уста, плоть, мозг, мягкое легкое – памятная дума, похоть, хоть*». Если в физической сфере более разнообразны объекты воздействия в мужском варианте, то духовная сфера мужчины не обладает спецификой и совпадает с духовными версиями у женщины, в то время как женская духовная сфера отличается большим разнообразием и содержит наряду со свойственными и мужчинам объекты, не отмеченные в мужском варианте: «*памятная дума, похоть, хоть*».

В ССМ наличествует общий для частей функциональный императивный компонент, который представляет воздействие на физические и духовные объекты насыщения любовной болезни: *пусть разожжется, горит, радуется, веселится, пусть падут три тоски* и др. Очевидна амбивалентность состояния любовной болезни (*радость – тоска*). В мужском и женском вариантах представлены компоненты ГР–1,2,4,5. Императивы соединения объектов менее разнообразны, не включают ГР–5.

Типология **параллелизмов с номинативными перечнями в лечебных заговорах** отличается жанрово-интенциональной спецификой.

Собственно номинативные перечни (актанты: субъекты, объекты, предметы защиты) ОП: перечни **соматических объектов воздействия** «Как смываешь ты, вода, крутые берега, пенья и коренья, так смывай тоску-кручинушку *с белого лица, с ретивого сердца*» [Пинежье 1994, № 111]; перечни **объектов защиты** (кого защищают) «Иисус Христос, кадит *небо и землю, всю нашу семью*» [Пинежье 1994, № 231]; перечни **вредоносных объектов и болезней** (от чего защищают) «Михаил архангел, Гаврила архангел, Кузьма, Демьян, – и отговаривают *от осуда, от пересуда, от стрешника, от поперешника,*

от мужска полку, от женска полку, от девки от косатой, от женищины волосатой и от всякой скверности, ничистой совести и двенадцати недуг» [Савушкина 1993, № 44]; в сказке «<...> робятишки (отъ лешаго и бабы) пособляють» [Ончуков 1909: 578, № 293]; **перечни орудий защиты** (чем защищают) «Пойдет свят муж от Адама, возмет лук *от самог(о) Христа, стрелы от самог(о) грома*» [Топорков 2010: 122, № 79]; **перечни защитников** (кто защищает) «*Вы, 12 ангелов, 12 слугов, 12 стрельцов, выстреливайте, выщелкивайте из раба божьего (имя) 12 родимцев*» [Вятский фольклор, № 376]; **перечни защитных целей** (зачем защищают) «<...> поставите, государи, мои словеса в словеса, а слово по слову <...> *рабу Б(о)жию имярек на здоровье и на спасение, а телу на исцеление, а недугу на отгнание, а болезнем на устрашение*» [Топорков 2010: 134, № 112]; **перечни функциональных назначений** в названии заговора (назначение защиты) «Заговор от порчи *ребенка, взрослого или скотины*» [Топорков 2010: 112, № 49].

Атрибутивные параллелизмы-перечни (характеристики защиты).

ОП с атрибутивными перечнями в лечебных заговорах представлены двумя разновидностями: **перечни характеристик потенциальных вредителей** «Архангел Михаил <...> вышибает <...> урочища <...> *от чистых и от нечистых, от женатых и неженатых, от глухих, от слепых, от красных, от черных, от всякого роду русских и не русских, от семидесяти языков*» [Майков 1869: 84, № 211]; **перечни характеристик болезни** «<...> грызу, грызу, загрызаю родимые грыжи: *пуповы, паховы, отцовы и материны*» [Пинежье 1994, № 21].

ОП с атрибутивными перечнями в разных фольклорных жанрах отражают многоаспектные характеристики персонажей, в том числе сверхъестественных, признаки натурфактов и артефактов: в песне «Приходил к ее детина, / *Белый, кудреватый, / Белый, белый, кудреватый, / Холост, неженатый*» [Поморье 1971, № 118]; в быличке «В каждом доме свой домовый. *Маленькие – добрые, большие – злые*» [Черепанова 1996: 28, № 116]; в балладе «Как стоит-то хатенка *немудрая, / Немудрая хатенка, безуглая*» [Астахова 1963: 88]; в пословице «*И стыдливый* кусочек (т.е. последний) до поры лежит» [Даль 2000: 162]; в загадке «*Черненька, маленька, сладенька,*

ребятам *миленька*. – Черника» [Митрофанова 1968: 68, № 1859]; в причитании «Ты сойдешь да, *млада-милая*» [Потеряла я потерюшку... 2016: 15] и др.

Локативные параллелизмы-перечни (где защита): «Спаси, Господи, *на реках, на морях и на крутых берегах, и на темных лесах, в дороженьках, в путях и на чистых полях и во своих родных домах*» [Вятский фольклор 1994, № 557].

Терминальные (обобщающе-кумулятивные) параллелизмы-перечни (тотальные параметры защиты: все, везде и от всего защищают): «Впереди и сзади опусти железный крест *от земли до неба и от неба до земли*, спереди меня и позади меня *от недобрых слов и недобрых мыслей*» [Топорков 2010: 110, № 39]. Терминальные темпоральные перечни с гипертемой «*всегда*» не структурируются на основе ОП, что объясняется конкретностью мышления первобытного человека [Познанский 1995].

Образные параллелизмы-перечни интегрируют все базовые аспекты бытия, репрезентируют упорядоченный состав бинарного мироустройства и имеют **общефольклорный статус**, поскольку выявлены во всех фольклорных жанрах.

3.2.5.2.6. Образный параллелизм обращений

Образный параллелизм обращений – формализованная ССМ ОП, которая манифестируется на структурной основе синтаксического параллелизма обращений, составляющих однородный ряд в границах одной монопредикативной конструкции или обладающих структурным и позиционным сходством в разных моно- или полипредикативных конструкциях, и на содержательной основе образов макро- и микромиров, восходящих к единой гипертеме, с целью умножения культурного смысла.

ОП обращений реализует разнообразные модели соотношения образов параллельных миров: с образами макро- и микромиров «*змея – дочь, кума*» в исторической песне «А и ты съела меня, *кума крестовая, / Малютина дочи Скурлатова; / А зазнаючи мне со зельем стакан подала, / Съела ты меня, змея подколодная!*» [Игнатов 1970: 129, № 26]; с образами макромиров «*конь – мешок*» в былине «Что ты, *конь*, ты, *конь, травяной мешок*, не слышал ты воронья гарканья?» [Астахова 1961: 76]; с образами микромира «*девушка – душа*» в балладе «Ты прости,

прощай, *Параня*, / Прости, *сердце мое!*» [Астахова 1963: 161], в имплицитной ССМ: в заговорах «ночь – болезнь» «*Щекотуха-лепетуха!* Тешься печью, за дорогой, а не тешься моим младенцем» [Аникин 1998: 47, № 91] – «*Ноченька-полуноченька*, не играй моим дитём, а играй пепелком да угольком» [Аникин 1998: 47, № 92].

ОП реализует обращение к персонажам макро- и микромиров. Синтаксический параллелизм упрочивается тождеством грамматического выражения обращений, характера их амплификации и локализации.

В прямом функциональном назначении обращение называет лицо или живое существо в ситуации непосредственного устного или письменного общения. Обращение к неодушевлённому предмету или лицу, которое физически не может быть непосредственным участником общения, свидетельствует о преобразовании обращения в художественный прием воображаемого общения с каким-либо по-своему значимым для говорящего предметом или лицом. В фольклорной традиции обращение является традиционной формой репрезентации адресата речи, контекстной координатой адресованной речи [Венгранович 2011: 98, 103; Кольцова 2007]. В фольклорном тексте «обращения к образам и явлениям природы, являясь общефольклорным, архаическим элементом, маркирующим способ установления сакрального диалога, в дальнейшем становятся условно-художественным приемом» [Венгранович 2011: 99–100] и обуславливают формирование ОП обращений, в границах которого одновременное с обращением к персонажам обращение к образам макромиров вводит символическую параллель.

В фольклорном тексте традиционное параллельное обращение к фольклорным персонажам и объектам внешнего мира как «носителям независимой и произвольной силы, наделенным способностью влиять на мир людей» [Червинский 1989: 93], не только является «художественной проекцией коммуникативной деятельности реальных коммуникантов, их «двуликого» характера, но и отражает сложную, синкретичную природу самого фольклорного коммуникативного акта, совмещающего признаки реальной и отображенной коммуникации» [Венгранович 2011: 106].

ОП обращений определяется по **ряду показателей**: на основе гипертемы представляет обращение к **одному** персонажу, репрезентированному в образах

макро- и микромиров; синтаксический параллелизм организован однородным рядом обращений в границах одной монопредикативной конструкции или представлен структурным и позиционным сходством обращений в разных моно- или полипредикативных конструкциях.

Амплификация обращений в фольклорных произведениях осуществляется разными способами: с помощью разнообразных тавтологических повторов, атрибутизации одного или нескольких компонентов; на основе формального совпадения с сочетанием «*обращение + распространенное приложение*» и др.

Выявлены две ССМ образного параллелизма обращений, которые разграничены по характеру смежности обращений в частях ОП.

Первая ССМ – контактный ОП обращений, который организован однородным рядом обращений одной монопредикативной конструкции. ССМ представлены линейными (горизонтальными) и нелинейными (вертикальными) разновидностями.

Линейные построения выявлены в поэтических текстах в границах одной поэтической строки: в лирической песне «*голубчик – молодец*», «*голубушка – девушка, душа*» «Ты, курьерчик мой, голубчик, / Ты куда скоро бежишь?» [Киреевский 1986: 375, № 517]; в причитании «*Государони светъ моя, моя родимая матушка, ты моё красное солнышко!*» [Попов 1903: 212], а также в прозаических фольклорных текстах в границах одной монопредикативной конструкции: в быличке «*квартирка – хозяйка*» «*Баенна хотерка [искаженное: квартирка], баенна хозяйка, пусти нас помыться*» [Черепанова 1996: 38, № 200]. Параллелизм образов макро- и микрокосма в функции обращений формирует анимизацию макрообразов: в сказке «*Лисичка-сестричка, можно я приду до твоего дому?*» [Кретов 2005: 28, № 9].

Нелинейные построения выявлены в смежных строках поэтического текста в составе ассоциативного ряда параллельных образов и с учетом формирующихся в тексте вертикальных связей: в частушках «*Уж ты, милка моя, / Лесная куропатка*» [Власова 1965, № 2830]; «*Дролечка мой, / Макароночка мой!*» [Власова 1965, № 3802].

Вторая ССМ – дистантный ОП обращений, организованный как вертикальное построение в поэтических и прозаических текстах обладающими структурным и позиционным сходством обращениями в разных моно- или полипредикативных

конструкциях: в песне *«река – девушка»* «Ты река ли моя речинька, река моя быстрая, / Что ты тичеешь не колыхнешься <...> / Душа красная девушка, что ты сидишь не смехнешься» [Киреевский 1986: 380, № 528].

ОП обращений, обладая продуцирующей способностью, коррелирует с другими ССМ. Порождает на своей основе **линейные построения** параллелизмов-биномов при бинарном воспроизведении образов в функции обращений: в загадке «Скрипица скрипит, / Золотокрылица лежит: / «*Пень-чернец, пусти ночевать!*» – Возят снопы к овину» [Митрофанова 1968: 79, № 2278]; троичный ОП при троекратном воспроизведении образов в функции обращений: в заговоре «*Заря-заряница, красная девица <...>*» [Аникин 1998: 53, № 141]; Формирует **нелинейные построения** параллелизмов с номинативным перечнем при многократном воспроизведении образов в функции обращений: в заговоре «*Утренняя зоря, вечерняя зоря, зоря-зарница, зоря – красна девица, перва зоря Мария, вторая Дария, третья Елена, четвертая Марина, возьмите бессонницу*» [Аникин 1998: 50, № 120]. Выявлены **сочетания** линейных и нелинейных ССМ параллелизмов обращений: в сказке «Приходит коза и шумит: «*Козлятушки, мои деточки*, ваша мать пришла, молока принесла». <...> Волк пришел и снова зашумел: «*Козлятушки-малятушки*, отворитесь, <...> ваша мать пришла» [Кретов 2005: 23, № 5].

ОП обращений имеет **общефольклорный статус**.

3.2.5.2.7. Концентрический образный параллелизм

Концентрический образный параллелизм – формализованная ССМ, представляющая типизированные пространственные и/или социальные отношения с помощью соположения-сопоставления разных по содержательной и иерархической емкости макро- и микрокосмических образов в порядке изменения (сужения или расширения) объема их содержания с целью структурирования гетерогенного мироустройства и концентрации фокуса внимания на наиболее значимом образе.

Теоретические основы анализа разработаны в статье «Концентрический образный параллелизм в фольклорном тексте» [Доброва 2023в: 16–21].

Концентрический ОП имеет **идентификационные показатели**: получает композиционное выражение на основе приема ступенчатого сужения образов [Соколов 1926], реализованного в границах ассоциативно-цепочной связи картин [Лазутин 1989]; в качестве матрицы его структурообразования выступают абстрактные модели и псевдомодели связного текста: тема-рематическая прогрессия с последовательной тематизацией, в ряде случаев сочетающаяся с тема-рематическими прогрессиями со сквозной, производными и расщепленной темами; инструментами реализации моделей и псевдомodelей связной речи является построение цепи образов параллельных миров, выраженное различными видами повторов: цепных повторов в тема-рематической прогрессии с последовательной тематизацией; позиционных и концентрических повторов в тема-рематических прогрессиях со сквозной и расщепленной темами; образно-символических повторов в тема-рематической прогрессии с производными темами.

Концентрический ОП получает выражение на основе открытого Б.М. Соколовым приема ступенчатого сужения образов по ряду причин. Во-первых, марко- и микрокосмические образы, организованные по принципу ступенчатого изменения (сужения или расширения) их объема, являются однородными по своей функциональной, символической и эмоциональной направленности [Венгранович 2011: 241–242]. Во-вторых, внутреннее сцепление образов не является случайным, а происходит «по определенным и осознанным стержням», образующим «устойчивую, тематическую композицию» [Соколов 1926: 38–40]. В-третьих, расположение образов с изменением их объема и с учетом разнособстанциональной природы способствует выявлению «конечного образа, стоящего на самой узкой нижней ступени ряда, с целью фиксации на нем наибольшего внимания» [Соколов 1926: 40].

Концентрический ОП **типологизируется по ряду критериев**. По характеру мировоплощений образов выявлен концентрический параллелизм образов макро- и микрокосма, образов различных макромиров и в сфере микрокосма. По количественным показателям звеньев концентрического ОП выявлены модификации с количеством образов **от двух до семи** (преимущественно четыре – пять). По направлению векторов изменения объема содержания образов зафиксированы модификации с его расширением

или сужением. По характеру матриц структурообразования дифференцированы два способа организации разновидностей концентрического ОП: на основе тематической прогрессии с последовательной тематизацией, в том числе в сочетании со сквозной, производными и расщепленной темами, в канонических и неканонических моделях первых двух этапов развития концентрического ОП и без структурной основы тематической прогрессии с последовательной тематизацией в неканонических псевдомоделях на третьем этапе его развития.

По характеру мировоплощений образов выявлен концентрический параллелизм образов макро- и микрокосма: в сказке *«тридцать земель, тридцатое царство, подсолнечное государство – яблоня, яблоки – старый/молодой»*: «<...> слышно, что за тридцать земель в тридцатом царстве, в подсолнечном государстве есть живая и мертвая вода и яблонь, на которой растут такие яблоки, что и старому можно от них сделаться молодым» [Афанасьев 1958: III, 337–338, № 563]; образов макромиров: в загадке *«столб – двенадцать гнезд – четыре яйца – семь зародышей»* *«Стоит столб до небесъ, / На немъ двенадцать гнездъ, / Въ каждомъ гнезде / По четыре яйца, / Въ каждомъ яйце / По семи зародышевъ. – Годъ»* [Садовников 1876: 248, № 2007]; образов микромиров: в причитании без повтора *«девушка – головушка – волюшка»*: *«А четвертая градиночка / На меня, на красну девушку, / На мою буйну головушку, / На мою бажёну волюшку»* [РПК 1940: 239].

По квантитативным показателям звеньев выявлены ССМ с количеством образов от двух до семи (преимущественно четыре – пять): в былине *«корабль – избушка – кровать – перина/подушки/одеяло – добрый молодец»*: *«На корабли избушка изукрашена, / В избушке не проста кровать, а слоновых костей, / Слоновых костей, зубья рыбьего. / На кровати перина шелковая. / Две подушечки хрушеной камка, / Одеяло на ней соболие, / Под одеялом лежит добрый молодец»* [Астахова 1961: 63].

По направлению векторов изменения объема содержания образов зафиксированы ССМ с его расширением или сужением. В соответствии с динамикой содержательного и иерархического объема образов выявлены модификации с **двумя разнонаправленными векторами движения**. Путь в сакральный центр в заговорах состоит из двух частей и включает **два вектора движения**, которые

дифференцируются в соответствии с характером репрезентируемого пространства – своего или чужого. Выход из своего пространства представлен расширением концентрических кругов, представление движения по чужому пространству к сакральному центру, напротив, регламентировано сужением концентрических кругов. В результате формируются двунаправленные модели, построенные по принципу концентрического параллелизма с образами макрокосма: сначала движение вовне «*изба, двери – двор, ворота – поле – восточная сторона*», затем движение внутрь «*восточная сторона – престол – Пресвятая Богородица*». Пространственный ориентир «*восточная сторона*» имеет медиальный характер и входит в два образных ряда, завершает первый и начинает второй «*изба, двери – двор, ворота – поле – **восточная сторона** – престол – Пресвятая Богородица*»: «*Стану я, раб Божий (имя рек), благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами. Выйду я в чистое поле, помолюсь и поклонюсь **на восточную сторону. На той восточной стороне** стоит престол Господен. На том престоле Господнем сидит Пресвятая Мати Божья Богородица*» [Савушкина 1993, № 1]. Точки на пути к сакральному центру и излечению присоединяются **не механически**. Тема-рематическая прогрессия последовательного нанизывания звеньев макро- и микрокосмических образов демонстрирует их упорядоченность по параллельным рядам и обеспечивает их внутреннюю связанность [Агапкина 2010: 580].

Анализ заговоров демонстрирует **разнонаправленное параллельное членение макро- и микрокосмического универсумов**: природного и артефактного макрокосма по направлению вовне «*дом – сени – двор – поле – лес – горы – моря ...* с указанием *порога, дверей, ворот* и т. п.» и микрокосма по направлению внутрь «*кровь – плоть – сухожилие – кость – мозг (костный) ...*» в соматических ОП.

Концепт пути и способы его репрезентации в языке и культуре подвергнуты многоаспектному анализу [Агапкина 2010; 2005; Амроян 2005; Аникин 1957; Артеменко 1988; Байбурин 1977; Иванов 1965; Пропп 1986; Топоров 1980; Черноусова 2022 и др.]. Генетически концентрический ОП, отражающий **эволюцию разновекторной концентрации сознания** человека на наиболее существенном, связан с концептом пути, семантикой целенаправленного движения, определяющего

динамическое структурирование гетерогенного пространства, и представляет образный ряд постепенно расширяющихся или сужающихся в зависимости от направления вектора движения концентрических кругов, «вложенных друг в друга изоморфных и изофункциональных локусов, моделирующих центральный для всех этих локусов объект, который выполняет в ритуально-мифологической традиции роль мирового центра (мировое дерево, мировая гора, храм и т. п.)» [Байбурин 1977: 128; Аникин 1957: 162], демонстрирует разрастание мысли и ее концентрацию на одном и выявление внутри него новых деталей с целью дойти до главного – движение по спирали к центру [Потебня 1877: 42]. Т.А. Агапкина определяет путь субъекта к сакральному центру как ряд последовательно сужающихся и иерархически упорядоченных природных и культурных локусов, организованных по принципу концентрических кругов, в конце пути находится сакральный персонаж [Агапкина 2010: 35]. В.Н. Топоров квалифицирует построения как ряд вложенных друг в друга пространств и объектов, серию сужающихся концентрических окружностей в горизонтальной плоскости Космоса [Топоров 1980: 16]. Концентрический ОП, показывающий степень удаленности явлений мироздания от человека, в отношении определения семиотического статуса макро- и микрокосмических образов в ОП квалифицируется как **методологический принцип**, позволяющий дифференцировать восходящие к единой гипертеме символизируемое и символизирующее. Анализ концентрического ОП **демонтирует** привычную последовательность линейного анализа, который не отражает специфики семиотической вертикали ОП и формирующихся в его границах парадигматических и иерархических образно-символических связей.

Матрицей структурообразования концентрического ОП служит тематическая прогрессия с последовательной тематизацией. В ходе анализа установлено, что синтаксические основы концентрического ОП со ступенчатым сужением или расширением макро- и микрокосмических образов коррелируют с различными моделями и псевдомоделями связного текста и их комбинациями. Изучение **интенсивности проявления идентификационных показателей** составляет основу типологии концентрического ОП, которая отражает этапы его развития.

В эволюционно-генетическом плане определены **три этапа** развития концентрического ОП, которые объединяет наличие бинарного макро- и микрокосмического образного ряда, оформленного в виде эволюционной цепи, структурированной с обязательным **сохранением маркера изменения** (сужения или расширения в зависимости от вектора движения) объема содержания и показателя иерархической значимости параллельных образов. Эволюционное угасание верифицируется по нарушению маркера количественного показателя звеньев цепи, отсутствию повторов в цепи параллельных образов и выработке механизмов компенсации неканонической модели с повтором медиального звена посредством реализации сквозной темы, а также по наличию свободы локализации микрокосмических образов не в финальных звеньях цепи. *Первый этап* характеризуется формированием канонических моделей с полным набором идентификационных маркеров ССМ. *Второй этап* отличается образованием неканонических моделей с редуцированным набором идентификационных маркеров ССМ. *Третий этап* представлен неканоническими псевдомоделями концентрического образного параллелизма и отражает угасание ССМ.

Первый этап характеризуется реализацией канонических моделей с полным набором идентификационных маркеров концентрического ОП – *от трех и более звеньев цепи параллельных образов, с цепным повтором образов в границах ОП, с локализацией образов по одному из векторов изменения (расширение или сужения) объема их содержания, а также с локализацией микрокосмического образа (иногда с артефактом) в заключительном звене параллельных образов.*

Матрицей структурообразования концентрического ОП со ступенчатым сужением макро- и микрообразов служит линейная прогрессия с **последовательной тематизацией**. Простая линейная тема-рематическая прогрессия «реализует последовательную тематизацию ремы предшествующего предложения, которая становится темой последующего. Глубинная рематическая природа последующих тем выражает сущность параллелизма образов макро- и микромиров, части которого восходят к единой гипертеме» [Доброва 2023: 2].

Конструкции указанного типа широко представлены в диалектной, разговорной и литературной речи: «...вот зд'ес' вот у нас л'есóк // там јес'т' так'ийа авра́у'и // и в н'у́х раст'óт л'ес // и та́м эт врóд'ь аткúдь т вада́ ид'óт // Р'у́гъ – еть бол'ша́ зд'елънь **ја́мъ**, выкы́пънь, та́м ка́м'инкъ была́. Ф тајо́ ка́м'инке драва́ накла́дывъл'и, а **жа́р** вот эдак шóл в ав'у́н» [Мельниченко 1984: 110]; «– Мам, у меня есть лента? – Знаешь что? Вот там на кухне на холодильнике стоит корзинка. В ней сидит твоя собака. У нее на шее лента. Вот можешь взять ее» [Лаптева 1976: 156]; «На ближнем к дому берегу построена небольшая каменная пристань, а около нее привязана на цепи длинная плоскодонная лодка. В этой-то лодке и сидела Катерина Андреевна» [Куприн 1957: II, 124–125]. Проекция указанных структур в стихотворном фольклоре на стиховой ряд обусловила их трансформацию в конструкции с локализацией локализатора [Артеменко 1988: 47]. В качестве пространственных ориентиров выступают образы макро- и микромиров. Народные мастера использовали свойство акцентировать внимание на финальном образе для актуализации центрального образа фольклорного произведения.

Тема-рематическая прогрессия с последовательной тематизацией макро- и микрокосмических образов обеспечивает в фольклорном тексте реализацию принципа ассоциативно-цепочной связи картин [Лазутин 1989], а на его основе реализацию приема ступенчатого сужения образов, определяющего *перспективное изображение*: от общего к частному, от большего к меньшему, от множественного к единичному, от целого к части [Соколов 1926]. Основным языковым механизмом реализации последовательной тематизации в ОП являются цепные повторы [Артеменко 1977]. Различие по объему и содержательной и/или иерархической емкости образов миров при их «цепочном» соединении создает в границах ассоциативно-цепочной связи картин ступенчатое сужение объема параллельных образов, формирующее структурно-семантическую основу концентрического ОП.

Статус концентрического ОП определяется его противопоставленностью доминирующей в параллельных построениях свободной локализации в частях макро- и микрокосмических образов, обусловленной связью каждого образа с гипертемой и параллельных рядов образов между собой. Упорядочение локализации образов по

принципу сужения или расширения объема их содержания, а также уменьшения или увеличения их значимости обуславливает препозицию макрокосмических образов по отношению к микрокосмическим, объясняет заданную локализацию сопоставляемых макрокосмических образов с учетом динамического изменения их объема и значимости.

В разных формах существования языка, в том числе в языке фольклора, модель тема-рематической прогрессии с последовательной тематизацией реализует типизированное выражение пространственных отношений, а также в результате эволюции содержательных основ ОП – социальных отношений с дифференциацией значимости персонажей. Типизация обусловлена отражением универсального процесса восприятия пространства человеком по принципу разграничения фона и фигуры, который зиждется на свойствах их многофункциональности и обратимости, бинарной членимости пространства и динамичности функционирования частей как компонентов целого (феномен фигуры и фона проанализирован датским феноменологом Э. Рубином в 1915 году в труде «Визуально воспринимаемые фигуры»). Свойства бинарности и динамичности принципа дифференциации фона и фигуры коррелируют с природой ОП. Реализация соответствующих свойств обеспечивает в процессе восприятия организацию макро- и микрокосмических образов, выступающих по отношению друг к другу в качестве фона или фигуры, в виде структурированных звеньев цепи. Сознание воспринимает макро- или микрообъект в качестве фигуры относительно другого макро- или микрообъекта как фона. Потом фигура может стать фоном, относительно которого воспринимаются другие, меньшие по размеру фигуры. Если фигура состоит из деталей, то она может восприниматься в качестве фона, а ее деталь – в качестве фигуры.

Сопоставляемые в ОП макро- и микрокосмические образы формируются и эволюционируют один из другого, выстраиваются в соответствии с их содержательной и иерархической емкостью в разных направлениях: **горизонтальном, вертикальном или горизонтально-вертикальном**. В зачинах заговоров ассоциативно-цепочная связь картин со ступенчатым сужением образов макрокосма *«море – остров – камень – церковь – престол – Матерь Божья с сестрицами»* образует концентрический ОП с **горизонтальным** вектором движения: *«<...> в восточной стороне есть синее море Окиян; на Окиян море святой Божий*

остров; на том острове лежит бел Латырь камень; на том камне стоит святая церковь; в той святой апостольской церкви стоит золотой престол; на том золотом престоле сидит Матерь Божия с двумя сестрицами, прядет и сучит шелковую кудельку» [Майков 1869: 64, № 150]. В балладе ассоциативно-цепочная связь картин со ступенчатым сужением макро- и микрокосмических образов «*туча-гром – дождь – речка – лодочка – два разбойничка – неволя*» образует концентрический образный параллелизм с **вертикальным** вектором движения. Заключительная позиция представлена абстрактным образом *неволи*, вводящим образный ряд в сферу микрокосма: «*Из-за лесу из-за гор подымалась туча-гром, / подымалась туча-гром со частым мелким дождем, / А со этого дожджа быстра речка протекла. / Как по этой ли по речке легка лодочка пловет, / А во этой ли во лодке два разбойничка сидят! / Два разбойничка сидят, про неволю говорят*» [Русская баллада 1936: 369–370, № 337]. В затрудненном ОП загадки ассоциативно-цепочная связь картин с привлечением образов православных святынь и репрезентантов нравственных понятий «*мост – дуб – цвет – Великий пост, Пасха*» организует ССМ с двунаправленным **горизонтально-вертикальным** вектором движения: «*мост – древо – роса – Великий пост, Пасха*» «*Стоитъ мостъ / На семь верстъ, / На мосту древо, / На древе роса, / Всему граду краса. – Великий постъ и пасха*» [Садовников 1876: 258, № 2081и].

Концентрический ОП в заговорах концептуально связан с идеей пути, которая сближает два заговорных локуса: сакральный центр и локус изгнания. В ряде случаев фиксируется совпадение сакрального центра с местом отсылки болезни [Агапкина 2010: 81], когда он функционирует как пограничный локус – тот свет, куда ссылается болезнь [Аникин 1998: 277–278, № 1760; Майков 1869: 38–39, № 81]. Сопоставление репрезентации пути в сакральный центр и пути ссылаемой болезни на материале ОП выявляет общее и различное в компонентах заговорного мироустройства. В отношении реализации концентрического ОП указанные локусы противопоставлены друг другу. Пространственная структура сакрального центра выстраивается по принципу концентрического ОП с образами локусов и объектов различных по своей природе миров. Приближение к центру свидетельствует о максимуме сакральности: именно в центре появляются

культурные локусы, человек, сакральный персонаж, представители православного мира. Маркерами пути являются разнособстанциональные природные и культовые объекты параллельных миров. Жесткая структура сакрального центра подчинена присутствию сакрального лица и строгой иерархии объектов параллельных макро- и микромиров. На различных уровнях пути персонажа к сакральному центру представлен номенклатурный состав последнего [Агапкина 2010: 79] на материале образов макро- и микрокосмических миров: первый уровень – единицы географического ландшафта (*море, поле, океан, восточная сторона*), второй уровень – сакральные культовые объекты природного происхождения дохристианские (*камень, дерево*), рукотворные христианские (*церковь, монастырь*), мирские (*дом, хата*), артефактные (*кровать, перина*). ОП репрезентирует генетическую связь с ритуальной практикой почитания культовых объектов [Агапкина 2010: 72] и *гетерогенность* природы культового места христианского, языческого или смешанного типа (*церковь, монастырь, часовня, крест, источник, камень, дерево* и др.). Внутри, вблизи или на культовом объекте локализуется сакральный персонаж, имеющий гетерогенную природу: сакральность атрибутируется мифологическому антропоморфному (*золотой муж*), мифологическому зооморфному (*мифологический змей*) или христианскому (*Богородица*) персонажам [Агапкина 2010]. Наделение объектов параллельных миров единым сакральным статусом объясняет их соположение в ОП и их соотношение с гипертемой. Каждая последующая точка концентрического ОП открывает перспективу: с высоты птичьего полета сакральный центр предстает как вписанные друг в друга концентрические круги. Принцип единичности, репрезентация на каждом уровне одного объекта, использование имен существительных в форме единственного числа, эксклюзивные характеристики и имена собственные маркируют пространство сакрального центра как уникального локуса власти. Напротив, отсутствие отличительных свойств, использование имен существительных в форме множественного числа, единое, нерасчлененное, бесконечное пространство, безличность перечней маркируют пространство локуса изгнания [Агапкина 2010: 584], для организации которого концентрический ОП не применяется.

ГТ концентрического параллелизма **образов макро- и микромиров** «координаты сакрального пути». **СИ** «макро и микрокосмические координаты сакрального пути: элементы ландшафта (натурфакты) – культовые сакральные объекты (натурфакты, артефакты) – сакральный персонаж – имярек и его соматизамы». **СИМ** «море, поле, океан, берег, восточная сторона, камень, дерево, дуб – церковь, стол-престол, золотой стул, золота колыбель, хрустальный терем – Богородица, золотой муж, бабушка Соломонидушка (Соломония), христова повивалушка, девица – раб Божий имярек, младенец, кость, раны». **ВТР**: «море – камень – стар человек – кость»: «Есть в море окяне стоит бел камен(ь), и выходит на тот бел камен(ь) стар человек на исцеление и на избавление болезни, прикладывает кость к кости, снимает шепоту и болезни и всякие уразы у сег(о) ра(ба) Б(о)жия имярек» [Топорков 2010: 114, № 55].

ГТ концентрического параллелизма **образов макромиров** «единицы времени» в энигматических текстах. **СИ** «натурфактные и артефактные макрокосмические репрезентанты единиц времени». **СИМ** «болото, небо, дерево – столб, брус, колода – двенадцать гнезд, двенадцать елок, двенадцать сучков – четыре яйца, четыре вершинки, четыре жолтыша, четыре гнезда, четыре чирка – четыре кошеля – семь яиц, семь зародышей, семь цыплят – семь дней». В репрезентации гипертемы «единицы времени» в загадках представлены ассоциативные ряды числительных. **ВТР**: «небо – столб – двенадцать гнезд – четыре яйца – семь цыплят» «Стоитъ столбъ / Отъ земли до неба, / На столбе – двенадцать гнездъ, / Въ каждомъ гнезде / По четыре яйца, / Въ каждомъ яйце / По семи цыплятъ. – Год» [Садовников 1876: 248, № 2007a].

Концентрический ОП обнаружен в разных фольклорных жанрах: в протяжной песне «поля – верба – убитый солдат»: «Вы поля, вы поля, / Да вы широкие поля, / Ой, да как на вас, на, ой, на полях, / Уродилось да нема. / Как на вас, на полях, / Уродилось да нема. / Ой, да уродилось нема – / Кучерявая верба. / Что под этою под вербой / Солдат убитый да лежал» [Кежма 2015: 59]; в исторической песне с сужением объема содержания микрообразов «река – лодочка – двести молодцов –

атаман»: *«Вдоль по Каме по реке легка лодочка идти. / В лодке гребцов ровно двести молодцов; / Посреди лодки хозяин, Стенька Разин атаман»* [Игнатов 1970: 152, № 45].

Второй этап представлен неканоническими моделями с редуцированным набором маркеров концентрического параллелизма – с повтором одного медиального компонента образного ряда и со свободой локализации образов миров.

В быличках как текстах разговорного типа доминируют неканонические модификации с повтором природного, артефактного или микрокосмического образа медиального звена, факультативностью цепных повторов каждого звена, свободой локализации микрокосмического образа не в финальной части цепи параллельных образов: *«гора – **колесо** – двор – Иван Васильевич» «Однажды возвращаемся мы с ребятами домой из клуба, а с **горы** катится белое **колесо**. Закатилось оно во двор к Ивану Васильевичу. На следующий день он умер»* [Пухова 2008: 37–38, № 64].

Переходными от второго этапа к третьему являются построения, сохраняющие повтор медиального звена, но утрачивающие больший по объему содержания макрокосмический пространственный ориентир по отношению к микрокосмическому образу: в быличке *«бабка-читалка – **девушка** – лягушка» «Но потом все-таки **бабка-читалка** заговорила боль **девушки**, и из нее вышла большая **лягушка**»* [Пухова 2008: 54, № 113]; а также построения, в которых сохраняется повтор образов, но их количество редуцируется до двух, что свойственно третьему этапу: в заговоре *«река – муж»*: *«Есть река черная, на той на реки на черной есть черной муж, <...> и выстреливает из раб(а) Б(о)жия имярек пристречю и прикось»* [Топорков 2010: 123, № 80].

Имплицитный концентрический ОП формируется при сопоставления текстов, воплощающих аналогичные ряды иерархически организованных по принципу изменения объема содержания и иерархической значимости макро- и микрообразов: в быличках *«леший – мальчик»*: *«лес – **мальчик**», «лес – **леший**» «А дорога **через лес** у нас шла; как едут на возке, так **лес** зашумит, приклонится, **мальчик** выбежит из лесу»* [Черепанова 1996: 21, № 57]; *«**Лес** зашумел и вышел **леший** – небольшой, в сером кафтане»* [Черепанова 1996: 31, № 140].

Третий этап представлен неканоническими псевдомоделями концентрического ОП с двух- или многокомпонентным составом, с инверсией компонентов и без цепного повтора, что в целом свидетельствует об угасании ССМ.

Отсутствие цепных повторов, присущих тема-рематической прогрессии с последовательной тематизацией, **регламентирует привлечение** в качестве механизма компенсации и матриц структурообразования концентрического ОП тема-рематических прогрессий со сквозной темой, производными темами и расщепленной темой и репрезентацию разных по объему содержания и иерархической значимости образов на основе семантических и позиционных маркеров. Неканонические псевдомодели реализуются на основе различных тема-рематических прогрессий.

В причитаниях выявлены имеющие жанровую специфику неканонические псевдомодели концентрического ОП. В качестве связующего звена при отсутствии повторов выступает **сквозная тема** как механизм компенсации редуцированных маркеров в неканонической псевдомодели ОП. **Тема-рематическая прогрессия со сквозной темой** (с воспроизведением ее в каждой части в моделях связной речи или однократным представлением в псевдомоделях связной речи) является матрицей структурообразования концентрического ОП, в частях которого сквозной репрезентант макромира (*ветры буйные*) воздействует на образы макро- и микрокосма: *«ветры буйные с четырех сторон, пески, камешки – тело мертвое, лицо блеклое»*: *«Вы завийте, ветра буйные, / Ветры буйны северющие, / Со четырех со сторонушек, / И растоците, ветра буйные, / Эти желтые песоцики / И катуцы камешоцики. / И покажись-ка, тело мертво, / Лицко блеклое»* [РПК 1940: 174], в том числе с двумя построениями см. [Барсов 1872, I: 68]. Концентрический ОП оформляется на материале образов микромира *«лицо – слезы»*: *«У мня личко не бумажное, / У мня слезы не жемчужные»* [РПК 1940: 69], в том числе на основе псевдомodelей: *«А четвертая градиночка / На меня, на красну девушку, / На мою буйну головушку, / На мою бажёну волюшку»* [РПК 1940: 239].

Параллелизм части предикативной конструкции представлен двухкомпонентной псевдомodelью концентрического ОП, реализующего сужение объема содержания образов указанием на движение внутрь: *«небеса – ангелы – тело, очи – душа, сердце –*

свет, желанье»: «Солетайте съ небесь Ангелы, / Вложите душеньку въ бело тело, / Вложите светъ да во ясны оци, / Жаланыице да въ ретиво сердчѣ, / Говореньице да въ сахарны уста!» [Барсов 1872: I, 59–60]. ССМ с неканонической псевдомоделью концентрического ОП содержат **серии** параллельных образов, объединенных сквозной темой с микрообразом «персонаж: «*ишляпа – голова*» // «*лицо – красота*» // «*голова – разум*»: «Со *головушки* стеряль онъ пухову *ишляпу* / Со правой *руки* онъ *трость* да золочоную / Умъ-тотъ *разумъ* онъ стеряль да со *головушки*» [Барсов 1872: I, 190].

Универсальность параллелистической тема-рематической прогрессии с производными темами как матрицы структурообразования ОП формирует разнообразные псевдомодели связной речи как параллелизм части предикативной конструкции. Псевдомодели формируются посредством выстраивания образов по принципу от большего к меньшему, от целого к части, в ряде случаев с инверсионным вектором локализации компонентов.

ССМ без повторов реализуются в многокомпонентном составе на основе тема-рематической прогрессии с производными темами: в причитании «ветры, камни, земля – гробова доска, гвоздики, саван – батюшка, уста»: «Высыпайся, мать-сыра земля, / Открывайся, гробова доска, / Покажи детям родимым, / Покажи-ка малолетним / Хоть кормильца има ведь батюшка» [РПК 1940: 167].

В приметах выявлена псевдомодель с компонентами от большего к меньшему, от целого к части в сферах макро- и микрокосма «клен – черешок – основание черешка – "слезы"»: «Покажутся "слезы" у основания черешков клена – через три дня ожидай дождя» [Рыженков 1992]. Двухкомпонентные ССМ выражают локализацию предмета по отношению к пространственному ориентиру с макро- и микрообразами от большего к меньшему «*поп – пояс*» «Если у *попа* распояшется *пояс*, то женщина в селении скоро родит» [Харченко 2008: 118]; от меньшего к большему «*вода – руки*» «Нельзя стряхивать *воду с мокрых рук* – черти плодятся» [Харченко 2008: 155]; с макрообразами: от большего к меньшему «*подол – дрова*» «Беременной нельзя носить *в подоле дрова* – у ребенка будет грыжа» [Харченко 2008: 118]; от меньшего к большему: «*огонь – очаг*» «Если во сне погаснет *огонь в очаге*, то не быть потомству» [Кулаковский 1979:

63]. Двухкомпонентные ССМ выражают партитивные отношения «целое – часть»: в сфере макрокосма «веник – прутьики»: «Из веника прутик выскочил – к новостям» [Харченко 2008: 185]; в сфере микрокосма «нос – прыщик»: «**Прыщик на носу** вскочил – кто-то влюбился» [Харченко 2008: 132], в том числе в сходных по содержанию текстах с разнонаправленными векторами локализации образов «лучина – нагар» «**На лучине нагар** – на дворе холода» [Харченко 2008: 59]; «нагар – лучина» «**Много нагару на лучине** – къ морозу» [Ермолов 1905: IV, 333].

Псевдомодели концентрического ОП выявлены в разных фольклорных жанрах: в частушке «высокая гора – дуб» – «чужая сторона – кровинка»: «**На высокой на горе / Зеленый дуб** качается. / **На чужой на стороне / Кровинка** наскучается» [Астафьева 1987, № 1542]. В частушке псевдомодель концентрического ОП «гора – тын» составляет часть тема-рематической прогрессии с производными темами: «**На горы** высокий **тын** – / У вдовы красивый сын» [Власова 1965, № 2036]. ССМ с инверсионной локализацией образов «палец – перстень»: «**Перстешок по пальчику**; / Живет хороший с крайчику» [Астафьева 1987, № 3429]. Псевдомодели концентрического ОП представлены образами микрокосма «милка – глазки»: «**Милка, серенькие глазки**, / У калиточки постой!» [Власова 1965, № 2188]; образами макрокосма «платочек – березка»: «Уж я беленький **платочек** / **На березку** вешала. / Никого не подпускала – / Тебя, милый тешила» [Астафьева 1987, № 2429], с сериями псевдомodelей «гора – телега – дуга – слеза», «гора – корова – сапоги»: «**На горы** стоит **телега** – / **Слезы** капаят с **дуги**. / **Под горой** стоит **корова**, / **Надевает сапоги**» [Власова 1965, № 1583].

К концентрическому ОП относятся параллельные построения, которые Б.М. Соколов квалифицировал как применение приема ступенчатого сужения образов в изображении природы и жилища, описании наряда, репрезентации социальных, в том числе семейных, отношений представителей разных социальных групп в порядке положения, которое они занимают в обществе. В конструкциях **тема-рематической прогрессии с расщепленной темой (три ластушки)** социальная иерархия выстраивается посредством концентрически организованного макрокосмического образного ряда, отражающего разную интенсивность проявления горя у персонажей: в причитании «река – ручей – роса : матушка –

жена – сестра» «Прилетали к телу, к телу да три ластушки: / Как и первая-то ластушка – его родная матушка, / А другая ластушка – его молода жена, / Уж как третья-то ластушка – его родная сестра. / Уж как мать-то плачет, плачет, как река льется, / А жена-то плачет, плачет, что ручей бежит, / А сестра-то плачет, плачет, как роса росит» [Киреевский 1929: 80–81, № 1933].

Исследование динамики языковых основ концентрического образного параллелизма в фольклорном тексте объективирует функциональное назначение инициальных, медиальных и финальных компонентов образного ряда.

Инициальные образы программируют последующие звенья: определяют содержание сопоставляемых образов и вектор пространственных ориентиров. В лирической песне описанию жилища предшествуют природные образы (*поле, гора*): «*поле – терем – девушки*» «В чистом *поле* при долине стоял нов *терём*, / Во этом ли во *тереме* *девушки* сидять» [Киреевский 1929: 5, № 1622].

Медиальные образы выполняют функцию связи между разными векторами развития образов и являются маркерами этапов эволюции ОП. Медиальный образ *поле* соединяет два разнонаправленных образных вектора: «*изба – двери – ворота – поле – море – камень – Пресвята Мать Богородица*»: «Встану я, раба Божия, благословясь, пойду я, перекрестясь, *из избы в двери, из дверей в ворота, из ворот в чисто поле. В чистом поле – сине море, в синем море – синий камень. На синем камне сидит Пресвята Мать Богородица*» [Савушкина 1993, № 6]. Характер функционирования медиальных компонентов образного ряда определяет способ организации концентрического ОП на разных этапах его развития: организация медиальных образов с применением цепного повтора тема-рематической прогрессии с последовательной тематизацией в канонических и неканонических моделях первых двух этапов и организация медиальных образов без применения цепного повтора медиальных образов тема-рематической прогрессии с последовательной тематизацией в неканонических псевдомоделях на третьем этапе.

Финальные образы являются наиболее значимыми и раскрывают жанровую интенцию ССМ. В тема-рематической прогрессии с последовательной тематизацией макро- или микрообразу, который занимает в образной цепи заключительную

позицию, отводится главенствующая роль. Обнаружена жанровая обусловленность финального образа концентрического ОП. В песне представлен лирический персонаж, что формирует параллелизм макро- и микрокосмических образов. В заговоре – сакральный персонаж в параллелизме образов макромиров, при указании на имярека – в параллелизме образов макро- и микромиров.

Три этапа эволюции концентрического ОП реализуются в **комбинированных конструкциях** на основе моделей и псевдомodelей связного текста.

Выявлены ССМ, в которых в качестве матрицы структурообразования выступают комбинированные конструкции, соотнесенные с двумя и более моделями связной речи: сочетание тема-рематической прогрессии с последовательной тематизацией с тема-рематическими прогрессиями со сквозной, производными и расщепленной темами. Взаимодействие моделей тема-рематических прогрессий осуществляется **двумя способами**: *параллельной нелинейной реализацией* двух моделей, при которой одна модель накладывается на другую, и *последовательной линейной реализацией*, при которой финальный компонент одной модели получает развитие и реализацию на основе другой.

Дифференцированы **двух- и трехкомпонентные модели**.

Двухкомпонентные модели представлены следующими комбинациями разных тема-рематических прогрессий: **с последовательной тематизацией и со сквозной темой; с последовательной тематизацией и с производными темами; с последовательной тематизацией и с расщепленной темой.**

Матрицей структурообразования концентрического ОП является **параллельная нелинейная реализация** разных тема-рематических прогрессий.

Представлены **комбинированные конструкции**, реализованные сочетанием тема-рематических прогрессий **с последовательной тематизацией** (число компонентов может варьироваться) **и со сквозной темой**: в лирической песне со сквозной темой (*колясочка*) «*колясочка – девица, молодец*»: «*Катилася колясочка новая, / Во этой во колясочке / Марьюшка сидела, / А вокруг этой колясочки Иванушка объезжал*» [НПВО 1974, № 85]; в заговоре «*море – река – ель – человек – волос*» со сквозной темой, выраженной атрибутивным компонентом

(черный): «В море Хвалынское падет река черная, над рекой стоит ель черная, под елью сидит человек черн, волос у него черн» [Топорков 2010: 97, № 11]. Выявлены неканонические псевдомодели «Адам, Ева – земляное начало, земляные семена» со сквозной темой, выраженной атрибутивным компонентом (земляной): «С Адама земленной начал, со Еввы семена земленные» [Топорков 2010: 98, № 16].

Матрицей структурообразования концентрического ОП является **последовательная линейная реализация** разных тема-рематических прогрессий.

Представлены **комбинированные конструкции**, реализованные сочетанием тема-рематических прогрессий с **последовательной тематизацией** (число компонентов может варьироваться) и со **сквозной темой**. Первая часть структурируется на основе тема-рематической прогрессии с последовательной тематизацией, финальный рематический компонент которой становится сквозной темой и дает начало второй части конструкций, построенной на основе тема-рематической прогрессии со сквозной темой [Каплина 2008; 2010]: в лирической песне «На горе, горе шелкова трава, На той траве утренняя роса; На той траве стар коня седлает» [Киреевский 1917: 72, № 1422]. Псевдомодель с перечнем репрезентантов параллельных миров, структурированных по принципу сужения содержания каждого последующего образа по отношению к предыдущему, в заговоре манифестируется без повтора «море, остров Буян, поляна, дуб – девица» и перерастает в тема-рематическую прогрессию со сквозной темой, которая реализует конечный образ концентрических кругов (девица): «На море на Океане, на острове Буяне, на полой поляне, под дубом мокрецким сидит красная девица, а сама-то тоскуется, а сама-то кручиниться» [Сахаров 1997: 57–58].

В качестве матрицы структурообразования выступают **комбинированные конструкции**, реализованные сочетанием тема-рематических прогрессий со **сквозной темой** и **последовательной тематизацией**. Первая часть структурируется на основе прогрессии со сквозной темой, один из рематических компонентов которой дает начало второй части, построенной на основе прогрессии с последовательной тематизацией: в песнях «гора – калина, малина, дуб, береза – персонаж» со сквозной темой (гора) «На

горушке калина, / На горушке калина, / Под горою малина. / Там девушка ходила, / Калинушку ломала, / В пучечки вязала» [Киреевский 1929: 118, № 2073].

В качестве матрицы ОП выступают **комбинированные конструкции**, реализованные сочетанием тема-рематической прогрессии с **последовательной тематизацией** и с **производными темами**. Первая часть структурируется на основе прогрессии с последовательной тематизацией, последний рематический компонент которой становится первым тематическим компонентом второй части, построенной на основе прогрессии с производными темами: в заговоре «*море – камень – ворон – отрастел – кровь*»: «*На синем белом море бел камен(ь). Взлетал черной ворон, сядет на бел камен(ь). Как от сего бела камени отрастел заростет, и как отрастел зростет, тож бы побежала кров(ь) от сей раны железно(й)*» [Топорков 2010: 98, № 15].

В качестве матрицы структурообразования выступают **комбинированные конструкции**, реализованные сочетанием тема-рематической прогрессии с **последовательной тематизацией** и с **расщепленной темой**.

Первая часть структурируется на основе тема-рематической прогрессии с последовательной тематизацией, последний рематический компонент этой части становится первым тематическим компонентом второй части, построенной на основе тема-рематической прогрессии с расщепленной темой. В песне последовательно перечисляются образы в порядке уменьшения емкости (объема) их содержания, ряд «уменьшающихся ступеней» образов подводит к персонажу, о жизни и переживаниях которого идет речь: «*долина – дорожка – река – берега – пески – три садочка – третий садочек – лирические герои*»: «*По тебе, долина, дорожка широкая, / Дорожка широкая, реченька быстрая, / Реченька быстрая, круты бережочки; / Как на крутеньком бережочке, / На нем желтые песочки; / Па желтеньких песочках / Стоят три садочка. / А во третьем садочке / Мать с сыном гуляла*» [Соболевский 1897: III, 476–477, № 592].

В первой части концентрического ОП обозначено бытие или положение в пространстве совокупности нескольких предметов, элементы которой получают распространение в отдельных высказываниях и, соответственно, становятся пространственными ориентирами для указания на положение других макро- и микрокосмических предметов: в песне «*речка – три дворика – <дворик –*

дядюшка>, <дворик – тетушка>, <дворик – вдовушка>»: «За речкой, за быстрою три двора; / Во тех дворах, во двориках / Во первом дворе дядюшка, / В другом дворе тетушка, / В третьем дворе вдовушка» [Киреевский 1929: 157, № 2235].

Переходной ССМ между трех- и двухкомпонентными комбинированными конструкциями является построение, манифестированное на основе двух тематических прогрессий с последовательной тематизацией и с производными темами, но одна из моделей вводится дважды: тема-тематическая прогрессия с производными темами предшествует тема-тематической прогрессии с последовательной тематизацией и следует за ней в причитании см. [РПК 1940: 175–176].

Трехкомпонентные модели манифестируют комбинации разных тематических прогрессий: **с последовательной тематизацией, сквозной темой и производными темами; с последовательной тематизацией, расщепленной темой и производными темами.** В трехкомпонентных моделях **константными** являются тема-тематические прогрессии с последовательной тематизацией, специфической для концентрического ОП, и тема-тематическая прогрессия с производными темами, имеющая универсальный статус матрицы структурообразования ОП. **Переменными** являются тема-тематические прогрессии со сквозной и расщепленной темами.

В качестве матрицы структурообразования выступают **комбинированные конструкции**, реализованные сочетанием трех тематических прогрессий **с последовательной тематизацией, сквозной темой и производными темами:** в песне «поле – речка – шлюпочка (нос, корма, паруса) – шатер (столы, казна) – персонажи» «Уж далеко, далеко-то во чистомъ поле, / Как повыше было славнаго Питера, / Протекала тутъ реченька быстрая, / Речка быстрая, заводистая, / Заводистая речка, каменистая. / Выгребала тутъ легкая шлюбочка; / Хорошо она изукрашена, / У ней нос, корма были позолочены, / Тонкими парусами изнавешена; / На корме сидель атаманъ с ружьемъ, / На носу сидель эсаул с копьем. / На среди шлюбки стоялъ белъ шатер. / Во шатрике были дубовы столы, / На столах лежитъ золота казна, / Золота казна Государева; / За столом сидитъ красна девица, / Золотой казны караульщица» [Киреевский 1917: 26, № 1269].

В качестве матрицы структурообразования выступают **комбинированные конструкции**, реализованные сочетанием трех тема-рематических прогрессий с **последовательной тематизацией, с расщепленной темой и с производными темами**. Первая часть организована на основе прогрессии с последовательной тематизацией, последний рематический компонент которой становится первым тематическим компонентом второй части, организованной на основе прогрессии с расщепленной темой, рематические компоненты которой становятся тематическими компонентами третьей части, организованной на основе прогрессии с производными темами: в песне *«поле – сад – три дерева – <дерево – груша>, <дерево – осина>, <дерево – береза> – <груша – соловей>, <осина – кукушка>, <береза – молодец>» «Во поле, во поле / В широком раздолье / Стоял тут садочек, / Стояло тут три древа, / Три древа, три красны: / Уж первое древо – груша зеленая, / Другое древо – горькая осина, / А третье-то древо – березонька белая. / На груше-то на зеленой соловушек свищет, / На горькой осине кукушка кукует. / Под белой березой молодец горюет»* [Киреевский 1929: 207, № 2464].

В ходе анализа **трех этапов эволюции** концентрического ОП выявлены ССМ, в которых в качестве матрицы структурообразования выступают **комбинированные конструкции**, соотнесенные с двумя и более моделями и псевдомоделями связной речи.

Концентрический образный параллелизм имеет межжанровый статус: модификация не выявлена в пословицах и поговорках.

3.2.5.2.8. Образные параллелизмы-биномы

В эволюционно-генетической теории образный параллелизм-бином как ССМ представляет абсолютный концентрат, квинтэссенцию культурного смысла ОП.

Образный параллелизм-бином «природа (макрокосм) – человек (микрокосм)» – реализующая принцип отождествления реальных формализованная ССМ, компоненты которой (слова и/или словосочетания) объединены параллельной синтаксической связью и отражают совокупность двух равновеликих, функционально взаимонезависимых, не обладающих естественной смежностью и репрезентирующих различные макро- и микромиры денотатов,

которые на уровне культурного смысла представляют одно понятие высшего порядка в его единовременном многовариантном воплощении на материале различных миров с целью умножения культурного смысла.

Параллелизмы-биномы характеризуются симметрией и в структурно не осложненном воплощении демонстрируют, используя термин Е.М. Мелетинского, «точный» параллелизм [Мелетинский 1968: 37]. Макро- и микрокосмические образы отличаются отсутствием строгой позиционной закреплённости за частями приема: в примете «вода – мать» «Вода матушка – очищенница» [Ермолов 1905: IV, 340]; в загадке «мать – весна», «мать – зима» «Матушкой-весной в платье цветном. Матушкой-зимой в саване одном. – Поле» [Капица 2002: 162].

Структурную основу ССМ составляют слова (при распространении бинома – словосочетания), соположенные в бинарной параллельной конструкции. Параллелизмы-биномы сходны с атрибутивными сочетаниями с приложением (аппозиция). Исследователи отмечают относительное равноправие определяемого слова и приложения [Овсяннико-Куликовский 1912: 228]. Построение тождественно организованных групп членов предикативной единицы опирается на ее аппозитивные компоненты, т. е. компоненты с атрибутивной смысловой (грамматически не выраженной) зависимостью одного из них от другого, синтаксически соотнесенные – первый непосредственно, а второй, определяющий, опосредованно, через определяемый – с одним и тем же, обычно глагольным членом [Артеменко 1977; Кротевич 1956; Мухин 1974; Шахматов 1941; Малахов 2008; 2009]. Явление аппозиции представлено в атрибутивных сочетаниях с приложением и в паратактических построениях. В паратактическом эпитете «определяющий предмет признак выражен именем существительным, «предметность» которого увеличивает соотнесенность представлений, заключенных в соположенных лексемах, и, соответственно, зрительную осязаемость образа» [Венгранович 2011: 246–247].

Функциональной и позиционной общностью компонентов образного параллелизма-бинома достигается нелинейная соотнесенность частей, служащая основой синтаксической связи между ними и формирующая содержательную основу симметричной связи образов макро- и микрокосма с единой гипертемой.

ССМ отличаются минимальной амплитудой образного выражения 1:1, минимальным суммарным показателем компонентов параллелизма – 2.

Выявлены **типовые модели распространения** параллелизмов-биномов. Введение ритмических повторов: в заговоре *«Вода-водица, раба-рабица»* [Аникин 1998: 65, № 242]; атрибутизация компонентов одной или двух частей: в заговоре *«Красное солнышко батюшка»* [Аникин 1998: 124–125, № 619], в пословице *«Курчавый волос – кудрявые мысли»* [Даль 2000: 164]; введение тождественного числового компонента: в балладе *«Принёсла вдова два сына, и два ясна сокола»* [Астахова 1963: 135]; построение параллелизма-бинома по принципу троичного ОП: в заговоре *«Заря-заряница, заря, красная девица!»* [Савушкина 1993, № 35]; многократное увеличение образов символической части: в заговоре *«Заря-зорица, красная девица: ночная заря Дарья, утренняя Мария, денная Пелагея»* [Аникин 1998: 51, № 128]. Представлены разнообразные **контаминации** типовых моделей распространения образных параллелизмов-биномов. Сочетание троичного параллелизма с введением в обе части формулы тождественного числового компонента: *«Три зари-зарницы, три родные сестрицы: заря Дарья, заря Марья, заря Маремьяна»* [Аникин 1998: 63, № 228]. Сочетание троичного ОП с атрибутизацией компонентов в обеих частях и многократным увеличением образов символической части параллелизма-бинома: *«Травушка шелковая, водушка ручьевая, зори-заряницы, зори – красные дивицы, заря утренняя Марья, заря вечерняя Аграфена»* [Логинов 2006: 77]. Сочетание многократного увеличения образов символической части с введением в обе части ритмических повторов: *«Тоска-тоскица, ручья-ручьица, река-рекица, вода-водица, снимите с меня всю тоску, сухоту и кручину»* [Аникин 1998: 48, № 100].

Двуэлементность, симметрия, тотальная «скрытая» синонимия, семантическая «неопределённость» в фольклоре не только определяют построение и семантику параллелизмов-биномов, но и объясняют их способность «наиболее экономным способом передать сложность и многоаспектность явления» [Хроленко 2010: 57].

Термин *бином* взят из метаязыка математики и обозначает двучлен; двучлен – частный случай полинома (многочлена); от лат. *bi-* «двух-» и *poten* «имя»; греч. *νόμος* «закон». Термин *бином* для обозначения одной из разновидностей фольклорных

фразеологизмов (устойчивых словесных комплексов (УСК) в лингвофольклористику ввел А.Т. Хроленко [Хроленко 1981: 21]. В структуре фольклорного мира *биномы соответствуют реалиям мира и отражают бытийное тождество реалий*.

Парные компоненты биномов разворачиваются линейно, являются синтагматически организованными УСК: располагаются в пределах одной строки, не превышая ее объем. Компоненты в биномах объединены подчинительной или параллельной синтаксической связью [Хроленко 1981: 35]. Построения «вариативных» параллелизмов (отдаленный синоним, отношения двандва «*руки – ноги*»), близнечные формулы («*небо – земля*») исследованы Е.М. Мелетинским [Мелетинский 1968].

В структурном отношении в образных параллелизмах-биномах компоненты объединены параллельной синтаксической связью. Сходную структуру имеют атрибутивные пары – конструкции с приложениями (*девица-красавица*) и сопряженные пары (репрезентативные (*отец-мать*) и синонимические (*путь-дорога*)). В смысловом отношении основу параллелизмов-биномов составляет принцип отождествления (сопряжения, соединения) различных реалий. Сходная содержательная основа отличает сопряженные репрезентативные пары (*хлеб-соль*).

В типологии биномов не все УСК связаны с характерным для ОП *принципом отождествления* различных реалий. Атрибутивные пары (*ясные очи*) функционально направлены на атрибуцию реалии. Сопряженные синонимичные пары (*журить-бранить*) связаны с принципом повтора. Репрезентативные пары (*калина-малина*) объединяют видовые номинации предметов, действий, признаков, входящих в одну родовую категорию. Их основу составляет принцип отождествления денотатов, отличающихся естественной смежностью и принадлежащих к одному миру – макро- или микромиру. Репрезентативная пара классического типа представляет совокупность двух равновеликих и взаимонезависимых денотатов, выражающих одно понятие, и обладает способностью обобщать путем указания на конкретные реалии [Хроленко 1981].

Образный параллелизм-бином отличает структурное и содержательное сходство прежде всего с репрезентативными парами: бинарность и симметрия конструкции, параллельная синтаксическая связь ее компонентов, выражение

совокупности двух равновеликих и формально взаимонезависимых денотатов, представляющих одно понятие, реализация парадигматической (родовидовой) природы фольклорного слова. Компоненты атрибутивных пар в части конструкций с приложениями (*девица-красавица*) номинируют фольклорный персонаж в его внешней и внутренней ипостасях и формируют ОП в сфере микрокосма.

Тем не менее очевидны и их глобальные отличия, позволяющие утверждать **самодостаточный статус образных параллелизмов-биномов**. Во-первых, отсутствие естественной смежности вводимых в симметричную конструкцию денотатов, поскольку они являются представителями разных миров макро- и микрокосма. Во-вторых, как неизбежное следствие – более высокий уровень обобщения. В-третьих, параллелизм-бином конституируется на основе и в границах фольклорного фразеологизма, но функционирует как фольклорная формула, структурный (конструктивный) типовой образец.

В репрезентативной паре обобщение осуществляется в обусловленной объективной логикой структурной организации реального мира вертикали *род – вид*, связанной с вхождением видовых денотатов в класс однородных предметов. А.Т. Хроленко подверг анализу разнообразные фольклорные модели отождествления реалий (*гусь-лебедь, голубь-сокол, майор-полковник, Маша-Саша* и под.).

В параллелизмах-биномах обобщение с целью обозначения понятий высшего порядка в их единовременном, многовариантном образном воплощении осуществляется на уровне гипертемы как означаемого ОП, «своеобразного нового значения обобщенного характера», свойственного психологическому параллелизму [Оссовецкий 1979: 229]. «<...> оба члена параллелизма (изредка их три, четыре и даже больше) являются как бы вариантами того общего смысла, который выражен параллелизмом» [Мелетинский 1968: 20–21; Завьялова 1999: 10, 16; Агеева 1988: I, 38–39; Иванов 1965: 117–118]. Образные параллелизмы-биномы существенно отличаются от исследованных в науке явлений.

В заговорах на материале параллелизмов-биномов выявлены **пять типовых гипертем**: субъект моделирования процесса исцеления как воплощение абсолютного начала; персонификация болезни; чудесный помощник-целитель в его физической или духовной ипостаси; субъект необратимой силы императивной части

заговора; локус чудесных помощников. ССМ демонстрируют доминанту культурной семантики субъектного плана, которая представлена четырьмя гипертемами из пяти.

В частях тезаурусного словаря, составленного на основе текстов лечебных заговоров балто-славянской традиции, отражены основные заговорные миры [Завьялова 1999: 14–17], границы между которыми проницаемы. Одной из ведущих закономерностей организации образных параллелизмов-биномов является концептуальное соотношение *четырех разновидностей гипертем субъектного плана* с четырьмя заговорными мирами. *Субъект моделирования процесса исцеления как идеал абсолютного покоя и гармонии, воплощение абсолютного начала* соотносится с внешним миром (нейтральным или амбивалентным). *Персонификация болезни* соотносится с миром болезни (болезни, их причины, метаморфозы). *Чудесный помощник-целитель в его физической или духовной ипостаси* соотносится с миром борьбы с болезнями (персонажи и инструменты, с помощью которых происходит лечение). *Субъект необратимой силы императивной части заговора* связан с миром жертвы болезни (больной – человек или животное – и все, что с ним связано).

Разработка типологии параллелизмов-биномов диктует обсуждение ряда вопросов. Организация параллелизма-бинома осуществляется по аналогии с процессом метафоризации. Оба процесса имеют общую ассоциативную природу. Диффузность символических значений обуславливает необходимость поддержания символического значения *с помощью метафоризации*. *Метафорическая (символическая) «метка»* действительна только для определенного контекста, предельно условна и может обозначать разные реалии [Хроленко 2010: 41]. В фольклоре символическое и метафорическое разграничить трудно [Лосев 1971: 3]. Более того, отсутствует необходимость в их строгой дифференциации, существеннее их обязательное наличие [Хроленко 2010: 42].

Метафора играет особую роль в познании и организации знаковых систем, является одним из наиболее продуктивных способов смыслопроизводства [Телия 1988: 26–51] и актуальным приемом конструирования языковых сущностей [Иванова 1976: 29]. В когнитивной лингвистике метафора рассматривается не только как феномен языка, но и как способ мышления, позволяющий представить один фрагмент

действительности в терминах другого, при этом оба феномена могут принадлежать как одной и той же сфере опыта – эмпирической, так и разным – эмпирической и духовной. В соответствии с этим рассматривают два типа семантического переноса: «конкретное – конкретное» и «конкретное – абстрактное». В русле второго изучается языковое отображение психической деятельности человека в терминах материальных действий как итог *когнитивного процесса, в котором находит отражение взаимодействие двух разных концептуальных сфер* [Клишин 2000: 3–10]. Кроме того, значима высказанная А.Н. Веселовским идея о том, что *процесс метафоризации предполагает определенный параллелизм впечатлений: «<...> в природе всегда найдутся ответы на наши требования суггестивности. Эти требования присущи нашему сознанию, оно живет в сфере сближений и параллелей»* [Веселовский 1940: 133]. Механизм интегрирующего действия гипертемы ОП сходен с механизмом формирования метафоры [Веселовский 1940: 183]. Модели сопоставления компонентов параллелизма-бинома соотносятся с типологией метафор. Разграничены *четыре вида метафоры*: «конкретное – конкретное» – одно конкретное ставится на место другого (*алмазы росы*); «конкретное – абстрактное» – неодушевленное одухотворяется (*вьюга плачет*); «абстрактное – конкретное» – мысли облакаются в видимые формы (*яд сомнения*); «абстрактное – абстрактное» – одно отвлеченное понятие соединяется с другим (*горечь разлуки*) [Никитина 1993].

Термин *метафора* обозначает как процесс метафоризации, так и его результат. В ОП находит отражение метафора *только как процесс*, что обуславливает различие структуры ОП и метафоры при сходстве их ассоциативной природы. В качестве лингвистического эксперимента трансформируем метафоры в ОП с указанием ассоциированных образов: *алмазы – росы; вьюга – плач; яд – сомнение; горечь – разлука*. Две гетерогенные модели «конкретное ↔ абстрактное» (*вьюга – плач; яд – сомнение*) репрезентируются представителями параллельных миров. Две гомогенные модели включают образы одного мира: мира природы «конкретное – конкретное» (*алмазы – росы*) или мира человека «абстрактное – абстрактное» (*горечь – разлука*).

Сходство ассоциативной природы ОП и метафоры зиждется на эвристичности ассоциативных сближений реалий эмпирического и абстрактного порядка [Клишин

2000: 3–10; Вико 1994]. Особенностью фольклорного текста является «вынужденная» метафорика: слова, приспособленные для выражения феноменов одного из миров используются для представления другого, что порождает «систематическое отождествление (руки – щенята, дождь – ребенок и др.)» [Двинятин 2005: 472–475].

Различие ОП и метафоризации определяется несходным структурным и содержательным характером ассоциирования образов. В плане организации в параллелизмах-биномах наблюдается не перенос «конкретное – абстрактное», как в метафоре, а сопоставление и соположение «конкретное – абстрактное». В плане содержания ассоциирование образов в метафоре, в отличие от ОП, не ограничено обязательным включением в конструкцию образов различных миров: однотипные гомогенные и разнотипные гетерогенные модели могут заполняться образами как различных миров, так и одного из них. Это свойство метафорических построений проявляется в ОП в отсутствии четкой закреплённости инициальной позиции мира природы и финальной позиции мира человека, а также в возможности выстраивания центростремительной части микрокосма по принципу *человек внешний – человек внутренний*. Тем не менее в ОП даже гомогенные модели наполняются содержанием образов различных миров. Более того, в ОП статус сопоставляемых компонентов (символическая – реальная, макрокосмическая – микрокосмическая, природная – человеческая, внешняя – внутренняя, физическая – психическая параллели и т. д.) определяется непосредственно в границах ОП, поэтому один и тот же образ в различных текстовых реализациях может составлять структурно-семантическую основу разных по статусу параллелей, что обусловливается связью образов параллелей с гипертемой.

В связи с этим возникает необходимость философского осмысления понятий «конкретное» и «абстрактное» в формулах параллелизмов-биномов и обоснования применения соответствующих терминов в лингвофольклористической науке.

В логике познания абстрактное и конкретное составляют две стороны одного процесса. Обозначим *три* актуальные для настоящего исследования *линии противопоставления* исследуемых феноменов, с учетом которых детерминирован статус компонентов ОП (конкретное – абстрактное) и определено их

композиционное соположение, то есть соотнесение с символической и реальной параллелями. 1) Конкретное есть «единство многообразного», целостность вещи; абстракция есть продукт сознательного отвлечения части от целого, конкретного. 2) Конкретное – действительность, познанная в разнообразных деталях; абстрактное – область изолированных от целого отдельных сторон. 3) Конкретное – непосредственно чувственно воспринимаемое; абстрактное воспроизводится с помощью мышления, оно невидимо и познается лишь опосредованным путем. Противоположность конкретного и абстрактного нельзя абсолютизировать. Как противоположности эти категории в процессе познания переходят друг в друга, а само познание развивается в форме двух полярных противоположностей: движение мысли от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному [Розенталь 1960: 427–432]. В речемышлении конкретное отражается дважды: *в исходном пункте и в конечной точке процесса*. Если начальная фаза процесса познания совершается в форме перехода чувственно-конкретного в абстрактное, то следующая фаза есть переход абстрактного в конкретное. Абстракция не самоцель, а средство познания явлений в их конкретности. В процессе восхождения к конкретному предмет отражен в его развитии. Поскольку мысль в движении от чувственно-конкретного к абстрактному отвлекается от усложняющих моментов и кристаллизует сущность вещи, то обратное движение от абстрактного к конкретному в мышлении требует учета пропущенных звеньев единой эволюционной цепи.

Познание есть акт взаимодействия субъекта и объекта, различие между которыми в процессе развивающегося познания стирается: чем глубже познаются законы природы, тем больше *мысль (субъект) совпадает с объектом*. В этом смысле *человеческое познание стремится к полному слиянию с объективным миром*: «<...> когда синтез времени, этого великого упростителя, пройдя по сложности явлений, сократит их до величины точек, уходящих в глубь, их *линии сольются с теми, которые открываются нам теперь*, <...> *явления схематизма и повторяемости водворятся на всем протяжении*» [Веселовский 1940: 127–128]. Процесс такого слияния теоретически и практически не имеет границ.

Типология отношений конкретного, обозначающего физические феномены, и абстрактно-метафорического, обозначающего психические феномены, в образном параллелизме-биноме проявляется в системе связей *инвариант – вариант*. В инвариантах ОП (ГТ, СИ и СИМ) статус компонентов задан изначально. В параллелизме-биноме реалии подвергаются отождествлению / соположению и в терминах «конкретное» и «абстрактное» обозначены следующим образом. *Конкретное*: природные реалии; артефакты; человек внешний; внешние, наблюдаемые соматизмы. *Абстрактное*: человек внутренний (соматизмы, репрезентирующие внутреннюю сферу человека; феномены внутреннего мира); персонажи и артефакты христианского мира как явления духовные, связанные с человеком внутренним. В вариантах текстовых реализаций ОП определяется композиционное соположение компонентов. Диалектика их соотношения с символизирующим и символизируемым реализует тенденцию к вариативной (многофункциональной) закреплённости ряда реалий за символической и/или реальной параллелью. Соотнесённость образа с символической или реальной параллелью определяется характером сопоставления образов, объединённых параллельной связью и соотносимых с гипертемой. В ВТР артефакт в соотношении с миром природы репрезентирует реальную параллель и соотносится с миром человека как нечто рукотворное; в соотношении с человеком репрезентирует символическую параллель, поскольку соотносится с миром, внешним по отношению к человеку.

Выявлены *три ведущие модели отождествления / соположения реалий* символического и реального миров в формуле параллелизмов-биномов.

1. Конкретное – конкретное. 1.1. Конкретное (природная реальия) и конкретное (человек внешний; артефакт с функцией замыкания): *заря – девица; земля – замок. 1.2.* Конкретное (артефакт с функцией замыкания) и конкретное (человек внешний): *ключ – язык.*

2. Конкретное – абстрактное / абстрактное – конкретное. 2.1. Конкретное (природная реальия; артефакт с функцией замыкания) и абстрактное (человек внутренний; персонажи христианского мира): *вода – тоска; куры – болезнь (крик, бессонница); яровица (весенние всходы) – кровь; солнце – Пресвятая Богородица.*

2.2. Абстрактное (человек внутренний) и конкретное (человек внешний) – специфичное для заговоров соотношение, воплощающее символическую персонификацию болезней: *болезни – сестры; тоска – девица; кровь – девица*.

3. Абстрактное – абстрактное: абстрактное (человек внутренний) и абстрактное (человек внутренний): *сибирка – скорбь; сатана – чума (сибирка)*.

База исследовательского материала позволяет вычленить *два подхода к анализу фольклорных параллельных формул «по вертикали»* в координатах нелинейных связей их компонентов. Подходы реализуют векторы движения исследовательской мысли по аналогии со схемами построения и восприятия речевого произведения. Анализ биномов *«по вертикали сверху вниз»*, от имплицитного уровня к эксплицитному (по аналогии с *построением* речевого произведения), то есть от ГТ к ВТР, определяет *продуктивность гипертем*. Анализ биномов *«по вертикали снизу вверх»*, от эксплицитного уровня к имплицитному (по аналогии с *восприятием* речевого произведения), то есть от ВТР к ГТ, определяет *универсальность текстовых реализаций*.

Рассмотрим *первый подход* к исследованию фольклорных параллельных формул *«по вертикали сверху вниз»*. Анализ *корреляций пяти гипертем и трех моделей отождествления реалий* символического и реального миров свидетельствует о том, что продуктивность гипертем в плане их текстовых реализации с помощью типовых моделей отождествления реалий в параллелизмах-биномах разнится.

Исследуемые построения репрезентируют **субъект заговорного мира**.

ГТ «субъект моделирования процесса исцеления». СИ «*макрокосмический и микрокосмический* субъекты моделирования процесса исцеления». СИМ (**4 версии // 4 версии; суммарный показатель версий – 8**): «*заря, земля, сосна, небо – мать, отец, сын, тело*». ВТР реализуется на основе **первой модели отождествления реалий** символического и реального миров в ее разновидности «**конкретное (природная реалия) – конкретное (человек внешний)**»: «*заря – мать; земля – мать; земля – тело; сосна – мать; небо – отец; земля – сын*».

Идеал абсолютного покоя и гармонии, воплощение абсолютного начала заклинатель видит в мире природы и использует его в качестве субъекта

моделирования процесса исцеления. Человек внешний представлен в кровнородственных отношениях в одном поколении (*родители – дети*) с ярко выраженной материнской и отеческой символикой природы. Параллелизм-бином репрезентирует природный объект как символическое воплощение естественного гармоничного состояния природы, аналогичная гармония должна быть восстановлена и в мире человека: *покой в природе в поздние вечерние часы осознается как общее свойство всего живого* [Аникин 1998: 388]: «Как *заря-матушка* спит, усыпается, от свету до свету, от зари до зари, так же чтоб и мой младенец спал и спал от свету до свету» [Аникин 1998: 49-50, № 115]. Материнская символика земли как основополагающего начала соотносится с идеалом гармонии, имеет глубокие мифологические корни и связана с мифом о сотворении мира [Мифы народов мира 1997: I, 466–467]. В заговорах *Адам соотносится с матерью-землей и временами первотворения*: «*Земля мат(и)*, ты меня поиш(ь) и кормиш(ь), <...> Адам отец мой, а я сын твой» [Топорков 2010: 120–121, № 75]. Параллелизм-бином «*земля – тело*» восходит к семантике земли как стихии плодородия у земледельческих народов. Срединное положение земли в вертикальном и горизонтальном членении мира обуславливает ее восприятие как абсолютного центра, священного эмбриона вселенной, своеобразного космоса в космосе; абсолютной гармонии [Мифы народов мира 1997: I, 466–467]: «<...> *тело мое – земля*, а кровь моя черна» [Савушкина 1993, № 176]. Параллелизм-бином «*сосна – мать*» моделирует ситуацию, соответствующую объективному и закономерному положению вещей: у сухого (мертвого) дерева подсыхают его части. В основу параллелизма заложена семантика завершения, исчезновения: подсыхают части фитонима – подсыхают (исчезают) болезни: «Как у *матушки* у *сухой сосны*, сохнут и посыхают сучья и коренья из белой болони и красного сердца, так бы сохло и посыхало у (имя рек) уроки и призоры» [Савушкина 1993, № 194]. Параллелизмы-биномы «*небо – отец*»; «*земля – сын*» фиксируют символическую трактовку природных объектов в рукописной традиции: «В<опрос>. Что есть высота небесная, широта земная, глубина морская! От<вет>. *Высота небесная – отец, широта земная – сын, глубина морская – Дух Святой*»

[Топорков 2010: 179]. Образы указывают на место безвозвратной отсылки болезни к абсолютному началу, в субстанции которого болезнь не может существовать: «<...> на небесную высоту и в земную глубину» [Топорков 2010: 100, № 20].

ГТ «персонификация болезни или ее проявлений (субъект-носитель опасности)». **СИ** «макрокосмические и микрокосмические персонификации болезни или ее проявлений (субъекты-носители опасности)». **СИМ (14 версий // 9 версий; суммарный показатель версий параллелизма – 23):** «огонь, оса, осятки, муравей, яровица (весенние всходы), куры // сатана // недуги, трясовицы, сибирка (болезнь), чума (сибирка), болезнь, крик, бессонница – царь, мать, детки, брат, сестры, девица(-ы), кровь // тоска, скорбь». **ВТР**, напротив, продуктивна, реализуется в параллелизмах-биномах на базе трех моделей отождествления реалий миров, хотя количество пар тождеств невелико. Разнообразие объясняется инородностью и многогранностью феномена болезни. Соотношение с миром болезни, в котором царят метаморфозы, определяет наличие двойных отождествлений и нестандартных локализаций природных и человеческих персонажей в частях ОП.

Модель отождествления «конкретное (природная реалья) и конкретное (человек внешний): «огонь – царь; оса – мать; осятки – детки; муравей – брат»: «оса – мать»; «осятки (субъект-носитель опасности) – детки» в заговоре от осы «Оса, мать всем осам, ты мне не мать. Осятки – детки, всем детям детки, вы мне не дети» [Савушкина 1993, № 174]; «муравей (субъект-носитель опасности) – брат» в заговоре от муравья: «Брат муравей, скажи брату своему муравью, чтобы он моего тела не уязвлял» [Савушкина 1993, № 176]. В символической части наличествует природный репрезентант проявления или источника болезни, номинирующий болезнь, который в реальной части отождествляется с человеком в его кровнородственных отношениях в одном или разных поколениях. Представления о природе болезней связаны с ее персонификацией и выделением «старшего» представителя: «огонь – царь» в заговоре от шала «<...> железо – серп разгорается, царю – огню поклоняется» [Савушкина 1993, № 169].

Модель отождествления «конкретное (природная реалья) – абстрактное (человек внутренний): «яровица – кровь; куры – болезнь (крик, бессонница)»: «Кровь – яровица, красная девица» [Савушкина 1993, № 63].

Модель отождествления «абстрактное (человек внутренний) – конкретное (человек внешний): «недуги – сестры; трясовицы – девицы; кровь – девица; тоска – девица»: «недуги – сестры» «Расходитесь, вы, недуги, родные сестры золотухи» [Савушкина 1993, № 14]. В отношении распределения образов по частям ОП модель специфична. В символической части представлены образы болезни или их репрезентанты как нечто чуждое миру человека, но внедренное в его мир. Первое выражается в расположении образов болезни в символической части, второе – в применении для ее воплощения абстрактных образов человека внутреннего: родовое (*недуги*) или видовое (*трясовицы*) названия болезни, а также ее физические (*кровь* как субстанция человеческого организма) или духовные (*тоска*) репрезентанты. Болезнь персонифицируется. В реальной части представлен человек внешний (*девица*). В параллелизме «*трясовицы – девицы*» болезнь представлена как собирательная величина: «Заря зарница, красная девица, избавь раба Божия (имя рек) <...> от всех двенадцати девиц-трясовиц» [Савушкина 1993, № 136].

Модель «абстрактное (человек внутренний: болезни) и абстрактное (человек внутренний; персонажи демонологического мира): «сибирка (болезнь) – скорбь; сатана – чума (сибирка)»: «сатана – чума (сибирка)» «У рабы Божьей (имя) – чума – чумица, старая сатаница» [Савушкина 1993, № 149].

ГТ «чудесный помощник-целитель в его физической или духовной субстанции».
СИ «макрокосмические и микрокосмические чудесные помощники-целители в их физической или духовной субстанции». **СИМ (16 версий // 9 версий; суммарный показатель версий – 25):** «солнце, заря, ветры, земля, берег, вода, море, река, ручей, вороны, муравей, сокола очи, голубино око, соболя брови // Дух Святой, Пресвятая Богородица – девица, мать, отец, батя, сестра, брат // сердце, материно сердце // тоска». **ВТР является самой продуктивной, реализуется на основе трех моделей отождествления реалий, представлена наибольшим количеством пар тождеств.**

Модель отождествления «конкретное (природная реалья) и конкретное (человек внешний)»: *«заря – девица; заря – мать; земля – мать; вода, река – мать; берег – батя; заря – сестра; куры – сестры; ветры – братья; солнце – отец; вороны – братья; муравей – брат»*. Макро- и микрокосмические чудесные помощники-целители в их физической или духовной субстанции в результате обмена, договора или иных действий способны вернуть человеку здоровье, любовь. Формулы встречаются в заговорах от крика и бессонницы у детей: *«Заря-зарница, красная девица, возьми ты криксу»* [Савушкина 1993, № 24]. Единичные примеры отмечены в заговорах от золотухи и лихорадки [Савушкина 1993, № 15; Савушкина 1993, № 136], при первом выгоне скота [Логинов 2006: 77]. Образы космических реалий в заговорах сохранили мифологические мотивы «небесной семьи» [Мифы народов мира 1997: I, 155]. Мифологический мотив «небесной свадьбы», в отличие от песенной лирики, в заговоре не востребован: *«заря – мать» «Вечерняя заря-матушка, я тебе поклонюсь»* [Аникин 1998: 49, № 115]. ССМ формируется на основе компонента с семантикой локализатора: *«На крутой горе, на матушке, на сырой земле, стоит церковь Господня»* [Савушкин 1993, № 149]; демонстрирует *спасительное действие воды*: *«Мать-вода, по тебя пришла!»* [Аникин 1998: 58, № 187]; в том числе с парными образами-символами: *«Вода-мати, берег-батя, вода берег бьет»* [Аникин 1998: 130, № 637].

Модель отождествления «конкретное (природная реалья) и абстрактное (человек внутренний; персонажи христианского мира как явления духовные)»: *«ручей, река, вода – тоска; солнце – сердце; сокола очи, голубино око, соболя брови – материно сердце; заря – Пресвятая Богородица; солнце – Пресвятая Богородица; море – Дух Святой»*: *«Заря-зарница, Пресвята Богородица, сними с рабы Божьей (имя) бессонницу»* [Аникин 1998: 130, № 103].

Модель отождествления «абстрактное (человек внутренний; персонажи или артефакты христианского мира как явления духовные) и конкретное (человек внешний)»: *«Пресвятая Богородица – мать»*: *«<...> мати милостивая, Пречистая государыня, мати праведнаг(о) с(о)лнца»* [Топорков 2010: 100, № 22].

ГТ «субъект необратимой силы императивной части заговора». СИ «макрокосмические и микрокосмические субъекты необратимой силы императивной части заговора». СИМ (7 версий // 8 версий; суммарный показатель версий – 15): «небо, земля, камень // ключ, замок, коробка, булат – слово, дело, сердце, губы, зубы, рот, язык, голова». ВТР реализуется на основе трех моделей отождествления реалий. Основу составляет абстрактная семантика замыкания как магического действия, репрезентированная артефактом (замок, ключ и др.).

Модель отождествления «конкретное (природная реалья) и конкретное (артефакт с функцией замыкания) «небо, земля – ключ, замок»: «Земля – замок, ключ – небо» [Савушкина 1993, № 60].

Модель отождествления «конкретное (артефакт с функцией замыкания) и конкретное (человек внешний: соматизмы)» «замок – слово, губы, зубы, рот, язык; ключ – язык; коробка – голова»: «Тем моим словам рот, зубы – замок, язык – ключ, в море брошены» [Савушкина 1993, № 320].

Модель отождествления «конкретное (природная реалья; артефакт с функцией замыкания) и абстрактное (человек внутренний)» «ключ, замок – закрепа (слово), булат – сердце, камень – дело»: «Дело – камень, сердце – булат, раба Божьего (имя) никому не изругать» [Аникин 1998: 74, № 297].

Отождествление реалий выявляет эволюцию семиотических основ ОП. Символизирующее (артефакт с функцией замыкания) в первой модели отождествления «конкретное (природная реалья) и конкретное (артефакт с функцией замыкания): «небо, земля – ключ, замок» – становится символизируемым во второй модели отождествления «конкретное (артефакт с функцией замыкания) и конкретное (человек внешний: соматизмы)»: «замок – слово, губы, зубы, рот, язык; ключ – язык». Мир природы ← **мир артефактов** ← мир человека физического: «небо, земля ← **ключ, замок** ← слово, губы, зубы, рот, язык». В первой модели артефакты, представляющие абстрактную семантику замыкания, в реальной части символизируются в образе природы. Во второй модели соматизмы, связанные с речевой деятельностью, и слово как продукт речи символизируются в образах артефактов, репрезентирующих семантику замыкания. Аналогичные процессы обнаружены в формулах, реализующих

другие гипертемы. Мир природы ← **христианский мир** ← мир человека физического: «солнце (заря) ← **Пресвятая Богородица** ← *девица*». Демонологический мир ← **мир болезни** ← мир человека внутреннего: «*сатана* ← **сибирка, чума (болезнь)** ← *скорбь*». В качестве миров-посредников, занимающих в системе семиотических связей медиальное положение, выступают христианский мир и мир болезни, связанные с человеком внутренним, и мир артефактов, созданный человеком.

Мир сакрального локуса чудесных помощников не детализирован и представлен одной гипертемой. Репрезентация локуса изгнания болезни в ССМ отсутствует.

ГТ «*локус чудесных помощников*». СИ «*макрокосмические и микрокосмические локусы чудесных помощников*». СИМ (1 версия // 1 версия; суммарный показатель – 2): «*церковь – мать*». ВТР реализуется на основе одной модели отождествления реалий.

Модель отождествления «абстрактное (человек внутренний; персонажи или артефакты христианского мира как явления духовные) и конкретное (человек внешний)» «церковь – мать»: «В чистом поле стоит *мать – Божья церква*, и как в той церкви Сама Мать Пресвятая Богородица и Сам Сус Христос» [Савушкина 1993, № 44].

Второй подход к исследованию ОП «*по вертикали снизу вверх*», от ВТР к ГТ посредством анализа *корреляций трех моделей отождествления реалий миров и пяти гипертем* раскрывает универсальность моделей отождествления реалий.

1. Первая модель отождествления реалий миров «конкретное – конкретное» представлена в двух разновидностях. **1.1. «Конкретное (природная реалия) и конкретное (человек внешний; артефакт с функцией замыкания)»** реализует **четыре ГТ**: ГТ «*субъект моделирования процесса исцеления*»: «*заря – мать, земля – мать; земля – тело; сосна – мать; небо – отец; земля – сын*»; ГТ «*персонафикация болезни или ее проявлений (субъект-носитель опасности)*»: «*огонь – царь; оса – мать; осятки – детки; муравей – брат*»; ГТ «*чудесный помощник-целитель в его физической или духовной субстанции*»: «*заря – девица; заря – мать; земля – мать; вода, река – мать; берег – батя; заря – сестра; куры – сестры; ветры – братья; солнце – отец; вороны – братья; муравей – брат*»; ГТ «*субъект необратимой силы императивной части заговора*»: «*небо, земля – ключ, замок*». **1.2. «Конкретное (артефакт с функцией замыкания) и конкретное (человек внешний):**

соматизмы)» реализует одну ГТ *«субъект необратимой силы императивной части заговора»*: *«замок – губы, зубы, рот, язык; ключ – язык; коробка – голова»*.

2. Вторая модель отождествления реалий миров «конкретное – абстрактное» / «абстрактное – конкретное» представлена в двух разновидностях. **2.1. «Конкретное (природная реальия; артефакт с функцией замыкания) и абстрактное (человек внутренний; персонажи христианского мира)»** реализует три ГТ: ГТ *«персонификация болезни или ее проявлений (субъект-носитель опасности)»*: *куры – болезнь (крик, бессонница), яровица (весенние всходы) – кровь»*; ГТ *«чудесный помощник-целитель в его физической или духовной субстанции»*: *«ручей, река, вода – тоска; солнце – сердце; сокола очи, голубино око, соболя брови – материно сердце; заря – Пресвятая Богородица; солнце – Пресвятая Богородица; море – Дух Святой»*; ГТ *«субъект необратимой силы императивной части заговора»*: *«замок, ключ – слово (закрепа); дело – камень, сердце – булат»*. **2.2. «Абстрактное (человек внутренний; персонажи или артефакты христианского мира) и конкретное (человек внешний)»** реализует три ГТ: ГТ *«персонификация болезни или ее проявлений (субъект-носитель опасности)»*: *«тоска – девица; трясовицы – девицы; недуги – сестры; кровь – девица»*; ГТ *«чудесный помощник-целитель в физической или духовной субстанции»*: *«Пресвятая Богородица – мать»*; ГТ *«локус чудесных помощников»*: *«церковь – мать»*.

3. Третья модель отождествления реалий «абстрактное – абстрактное» представлена разновидностью **«абстрактное (человек внутренний: болезни) и абстрактное (человек внутренний; персонажи демонологического мира)»**, которая реализует одну ГТ *«персонификация болезни или ее проявлений (субъект-носитель опасности)»*: *«сибирка (болезнь) – скорбь; сатана – чума (сибирка)»*.

Выявлены закономерности в определении статуса моделей отождествления. Универсальность первых двух моделей (*конкретное – конкретное и конкретное – абстрактное / абстрактное – конкретное*) проявляется по ряду направлений: каждая из моделей представлена двумя разновидностями, каждая модель в двух разновидностях реализует четыре из пяти ГТ. Третья модель (*абстрактное – абстрактное*) универсальностью не отличается: выявлена в одной разновидности и реализует одну ГТ. Гомогенный или гетерогенный характер моделей не влияет на

их универсальность. Релевантным в аспекте универсальности является именно характер отождествляемых реалий. Универсальным в реализации параллелизмов-биномов является конкретный характер реалии. Абстрактные реалии универсальны только в сопоставлении с конкретными, что сходно с процессом метафоризации.

В процессе установления параллелей, основанном на парности представлений и возникшем в результате обнаружения сознанием носителя традиции разнообразных созвучий внешней природы с процессами человеческой психики, *первичен именно функциональный перенос* формирования созвучий, аналогий; основополагающей и первичной является функция [Веселовский 1940: 126, 147]. Поэтому в плане *эволюционно-генетических характеристик* параллелизмы в части их биномной (фактически актантной) модификации не могут быть первоначальной точкой отсчета развития ОП. Они, с одной стороны, завершают круг развития ОП и представляют структурно-семантический каркас классической конструкции, или, по Майеру, **экстракт параллельных стихов** [Мелетинский 1968], с другой стороны, становятся отправной точкой для формирования параллелизмов с образными уподоблениями. ОП проходит путь от сопоставления картин к сопоставлению на основе осознания реальных сходств и аналогий реалий (и/или их признаков) макро- и микромиров. В модели концептуализации действительности реалии выступают в качестве «строительного материала» для воплощения образов макро- и микромиров. ССМ образует своеобразный «сгусток» смысла, квинтэссенцию народной мудрости.

ТСО в образных параллелизмах-биномах представляют кристаллизованную основу образа-символа в его персонифицированном, контаминированном и абстрактном воплощении, сочетание символического сопоставления субъектов с нулевым глагольным рядом. Символические действия и символические картины по причине отсутствия функциональных компонентов не формируются.

Параллелизмы-биномы представлены в разных фольклорных жанрах: в балладе «Мы, *сестрица-голубушка*, / Заплакали, зарыдали» [Астахова 1963: 72]; в пословице «*Андрей-воробей*, не клюй коноплей» [Афанасьев 1850: 55]; в ответе загадки: «<...> *серебро и золото – слово Божие*» [Топорков 2010: 158]; с атрибутивными компонентами в балладе «Ай же вы *глупые-малые* вьюноши!» [Астахова 1963: 89] и др. Части ССМ

выражены предложно-падежной формой имени существительного: в былине «Я во матушку еду въ камянну Москву» [Беломорские былины 1901: 85, № 10]. ССМ составляет основу названий фольклорных произведений: песни «Потянула у нас мать-погода» [Кежма 2015: 64]. ССМ репрезентируется с экспликацией средств сопоставления: «<...> а носъ какъ баишмакъ» [Садовников 1884: 83, № 15].

Образные параллелизмы-биномы выявлены в библейских текстах: «<...> автор библейский не дает никаких дефиниций и даже *подобие* делает *действием*. В Песни Песней (4:1–7) красота возлюбленной <сопоставляется> со множеством предметов и явлений, и все они даны в движении: *волосы-козы* сбегают, а *шея-баишня* возносится, и даже *зубы-овцы* возвращаются с купанья и рожают двойню, а *грудь-газели* бродят по полям. День веет, тени движутся – ничто не стоит на месте» [Десницкий 2010: 24]. ССМ выявлены в индивидуально-авторском творчестве. Широко представлены в поэзии Н.А. Клюева: «Улыбается *мать-изба*, / А за печью лебяжьим криком / Замирает *миров борьба*» [Клюев 1991: 215]; «*Зяблик-душа* голодна и бездомна. / И нет <...> кузова с *кормом-молитвой!*» [Клюев 1991: 204]; «Взыграло *утро-дитя*» [Клюев 1991: 214]; «Отлетела *лебедь-Россия*» [Клюев 1991: 256].

Образный параллелизм-бином и образный параллелизм-полином являются крайними точками развития образного параллелизма: **в биномах воплощается его минимальный каркас, в перечнях-полиномах – бесконечность.**

Параллелизмы-биномы в конденсированном виде отражают «картину мира» и представляют общефольклорную ССМ, выявленную во всех фольклорных жанрах.

3.2.5.2.9. Параллелизмы с образным уподоблением

«Параллелизмы с образным уподоблением – формализованная триадируемая ССМ образного параллелизма макро- и микромиров, конституируемая параллелизмом-биномом, части которого репрезентируют субъект и объект уподобления, выраженные разнотопонимными образами параллельных макро- и микромиров, и интерпретирующей и/или комментирующей частью, в которой представлена

разноаспектная характеристика общих для субъекта и объекта уподобления признаков, составляющих содержательную основу уподобления» [Доброва 2023д: 76].

Теоретические основы анализа разработаны в статье «Параллелизмы с образным уподоблением макро- и микромиров в фольклорном тексте» [Доброва 2023д: 73–98].

Параллелизм с образным уподоблением состоит из двух композиционных частей: первая представляет собой типичный образный параллелизм-бином в его положительной или отрицательной модификации; вторая – интерпретирующую и/или комментирующую часть, которая содержит репрезентацию признаков, по которым уподобляются макро- и микрокосмические образы параллельных миров.

СИМ параллелизма с образным уподоблением: S (субъект уподобления, что уподобляется) – О (объект уподобления, чему уподобляется): интерпретирующая и/или комментирующая часть (характеристики, общие для субъекта и объекта уподобления, идентичные для образов сопоставляемых параллельных макро- и микромиров). В.И. Даль называет интерпретирующую часть приема «прибавкой»: «Скупость – не глупость (прибавка: себя бережет)» [Даль 1879: I, 101].

Механизм образования параллелизма с образным уподоблением [Доброва 2008: 64] в результате распространения параллелизма-бинома интерпретирующей частью объективируется при сопоставлении разных текстов и отражает разные этапы эволюции ОП. Параллелизм-бином в поговорке «*Мужик богатый – что бык рогатый*» [Даль 1879: I, 68] в сочетании с интерпретирующей частью формирует параллелизм с образным уподоблением: «*Богатый – что бык рогатый: в тесные ворота не влезет*» [Даль 1879: I, 68] – богатый человек, как и рогатый бык, не пройдет в тесные ворота. Параллелизм-бином «*Мы с тобой, что рыба с водой*» [Даль 1879: II, 353] эволюционирует в сочетании с вариантами интерпретирующей части и формирует параллелизмы с образным уподоблением: «*Мы с тобой, что рыба с водой: я на лед, а ты под лед*» [Даль 1879: II, 356]; «*Мы с тобой, как рыба с водой: ты ко дну, а я на берег*» [Даль 1879: II, 356].

Характеристики манифестируются интерпретирующей и/или комментирующей частью и в равной мере относятся к объекту и субъекту уподобления: в примете

«Лето припасиха: копит на целый год и для стола и для двора» [Рыженков 1992]
– лето, как и припасиха, копит на целый год.

Фразеологический статус параллелизма с образным уподоблением определяется вхождением в его структуру образного параллелизма-бинома, конституируемого на основе бинома как линейной фразеологической конструкции. Развитие ОП обуславливает формирование в ССМ признаков вертикальных фразеологических конструкций (рядов) и линейно-вертикальных конструкций (блоков) в связи с наличием латентных, не эксплицированных параллельных связей субъекта и объекта уподобления с интерпретирующей частью, каждый из которых в своем ряду тождественно коррелирует с общей интерпретирующей частью и тем самым имплицитно создает линейно-вертикальные блочные связи компонентов.

Параллелизм с образным уподоблением имеет **идентификационные показатели**: представляет собой триадированное построение; включает в состав параллелизм-бином, который с присущими ему чертами представляет субъект и объект уподобления, реализует принцип отождествления реалий, содержит компоненты, объединенные параллельной синтаксической связью, отражает совокупность двух равновеликих, функционально взаимонезависимых, не обладающих естественной смежностью и репрезентирующих различные миры макро- и микрокосма денотатов, представляющих на уровне культурного смысла одно понятие высшего порядка в его многовариантном воплощении на материале образов разных миров; содержит интерпретирующую и/или комментирующую часть, представляющую характеристику признаков, общих для субъекта и объекта уподобления; синтаксическую основу модификации составляет полипредикативная структура с бессоюзной связью, реже – союзной сочинительной связью частей.

Параллелизм с образным уподоблением представлен полипредикативной структурой, части которой соединены бессоюзной связью, реже – союзной сочинительной связью. «Преобладание сочинения над подчинением, бессоюзной связи над союзной» [Артеменко 1977: 129], свойственное разговорной речи, в фольклорном тексте при построении полипредикативных конструкций не только используется как «фактор, наиболее последовательно обеспечивающий действие тенденции к

структурно-смысловой автономии стихов» [Артеменко 1977: 129], но и эксплицирует стремление фольклорной архитектоники к симметрии как средству экспликации ОП.

Синтаксическую основу параллелизма с образным уподоблением составляет **бессоюзная полипредикативная структура с отношениями причины, основания, мотивировки**: во второй части сообщается о причине, основании, мотивах сопоставления двух явлений, которое манифестируется первой частью [Артеменко 1977: 139]. Подобные построения характерны также для диалектной и литературной разговорной речи [Никольский 1964: 30; Шапиро 1953: 54–55] и были широко распространены в живой старорусской речи [Сравнительно-исторический синтаксис восточно-славянских языков 1972: 33].

Первая часть бессоюзной полипредикативной структуры, представляющая собой параллелизм-бином в его положительной модификации, образована по структурной схеме $N_1 - N_1$. Подлежащее и сказуемое в ней выражены именами существительными в именительном падеже: *«Брюхо злодей, старого добра не помнит»* [Иваницкий 1960]. Первая часть бессоюзной полипредикативной структуры, представляющая параллелизм-бином в отрицательной модификации, образована по структурной схеме $N_1 - \text{Neg } N_1$. Сказуемое выражено именем существительным в форме именительного падежа, которое сочетается с отрицательной частицей *не*: *«Рот не ворота, клином (запором) не запрешь»* [Даль 2000: 198]. Отрицательная модификация выражает противопоставление субъекта и объекта по наличию или отсутствию характеристик, представленных в мотивировочной части ССМ. Вторая часть бессоюзной полипредикативной структуры, представляющая интерпретирующую и/или комментирующую часть, характеризуется разнообразием структурных основ: представлена монопредикативными конструкциями, в том числе осложненными, и полипредикативными конструкциями с разным характером связи частей.

В бессоюзных полипредикативных структурах причинные отношения создаются лексическим наполнением конструкции. В известной степени их выражению способствуют строго фиксированный порядок частей полипредикативной структуры: компонент со значением причины (основания,

мотивировки) всегда располагается в постпозиции, в правой части ОП. В конструкциях с общими для интерпретирующей и/или комментирующей части субъектом и объектом уподобления синтаксическая связь между ними эксплицируется не только их параллельной организацией, но и их параллельной (симметричной) связью с интерпретирующей и/или комментирующей частью.

Синтаксическую основу параллелизма с образным уподоблением составляет полипредикативная структура, части которой соединены союзной связью. Разновидностью сопоставления являются отношения противопоставления [Артеменко 1977: 132]. Параллелизм с образным уподоблением выражается **союзной полипредикативной структурой с противительно-уступительными отношениями**. Вторая часть сообщает о явлении, противоположном тому, которого следовало бы ожидать из содержания предшествующей части. Явление, манифестируемое в отрицательном параллелизме-биноме, противопоставлено явлению, манифестируемому в интерпретирующей части. Противительно-уступительные отношения между параллелизмом-биномом и интерпретирующей его частью выражены противительным союзом *а* и лексическим наполнением конструкции. Показателем связи частей в полипредикативной конструкции выступает параллелизм. В пословице ОП в сфере микрокосма отражает духовно-нравственные основы выстраивания отношений между людьми: *«Дружба не служба, а кому дружить, на того и служить»* [Даль 1879: II, 355].

Генерализованная линия эволюции бинарного по эксплицированной структуре и триадирированного в семиотической вертикали образного параллелизма проявляется в фактическом преобразовании образной диады в образную триаду.

Эволюционно-генетический статус параллелизма с образным уподоблением определяется экспликацией триадирированного построения, демонстрирующего развитие ОП с преобразованием образной диады *«человек – природа»* в образную триаду *«человек – природа – артефакт»*: *«Жених (Невеста) что лошадь: товар темный»* [Даль 2000: 385]. В содержании интерпретирующей и/или комментирующей части образного уподобления объективируются латентные в других ССМ основания уподобления образов параллелизма-бинома [Доброва 2013а: 192–198].

Гипертема параллелизма с образным уподоблением «основания уподобления явлений» относится к гипертеме первого типа и репрезентирует сходство содержательной основы уподобления разнособстанциональных образов.

Основу типологии параллелизма с образным уподоблением составили **пять основных критериев**: характер соотношения миров; характер локализации частей в границах текста; структурные основания частей, в том числе с учетом моделей их амплификации; текстообразующий статус построений; характер морфогенеза приема с учетом специфики репрезентации параллельных миров.

По характеру соотношения миров разграничены построения образного параллелизма с уподоблением образов макро- и микромиров, образов гетерогенных макромиров и образов гетерогенных микромиров.

Параллелизм образов макро- и микромиров характеризуется свободой локализации макро- и микрообразов в параллелизме-бине: в пословице *«Берёза не угроза: где стоит, там и шумит»* [Даль 2000: 120]. В пословицах выявлены ССМ с образами христианского мира: *«Бог не свой брат, не увернёшься»* [Даль 1879: I, 6]. ССМ реализуется на основе уподобления **образов макромиров**: в пословицах *«Денежка не бог, а бережёт (или: а милует)»* [Даль 1879: I, 66]; на основе уподобления **образов микромиров**: в пословице *«Сердце вещун: чувствует и добро и худо»* [Даль 2000: 64].

По характеру локализации частей параллелизма с образным уподоблением в фольклорном тексте разграничены ССМ, в которых по принципу параллелизма с образным уподоблением построен **фольклорный текст в целом или его часть**. Критерий типологизации имеет **жанровую обусловленность**.

В пословицах и приметах весь текст организован по принципу параллелизма с образным уподоблением: в пословице *«Счастье – не лошадь: не повезёт по прямой дорожке»* [Даль 1879: I, 56]; в примете *«6 марта – Тимофей-весновей – уж тепло у дверей, стариков греет вестник теплых дней»* [Селянгина 2005].

В частушках выявлены модели локализации параллелизма с образным уподоблением в фольклорном тексте. По принципу параллелизма с образным уподоблением структурирован полный текстовый объем четырехстрочной частушки: *«Сердце – камень, кровь не канет, / Режь ножом – не побежит. /*

Ягодине вечна память – / Во сырой земле лежит» [Селиванов 1990: IX, 469, № 3583] или ее часть: первая и вторая поэтические строки *«Ягодиночка – не роза, / На горе не расцветет. / Я, девчонка, не повяну, / Если он не подойдет»* [Власова 1965, № 2711]; третья и четвертая поэтические строки *«Коленкорочка парочка / От рук марается. / Дроля – слабое сердечко – / В каждую влюбляется»* [Власова 1965, № 3322]; вторая, третья и четвертая строки *«Экой милый терпеливый, / Сердце – камень у тебя. / Никогда, милой, не взглянешь / При народе на меня»* [Власова 1965, № 843].

В загадках по принципу параллелизма с образным уподоблением, как правило, организуются обе части энигматического текста – образная часть и ответ. Параллелизм с образным уподоблением имеет имплицитный характер и объективируется посредством дешифровки «затрудненного» [Квятковский 1966: 110–111] ОП: *«Белое поле, / Черное семя, / Кто его сеет, тот понимает. – Письмо»* [Морохин 1986: 303] – *«Письмо – белое поле, черное семя: кто его сеет, тот понимает»*. Реже параллелизм с образным уподоблением локализуется только в образной части загадки и не распространяется на ответ: *«Баба-яга железная нога, весь миръ кормить, сама голодна. – Соха»* [Живая старина 1903: III, 483, № 63].

ССМ разграничены **по структурным основаниям частей**.

1. Параллелизм с образным уподоблением дифференцирован **в его положительной и отрицательной модификациях**.

Параллелизм с образным уподоблением **в его положительной модификации** не содержит отрицания ни в одной из своих частей: в пословице *«Товар – работник: лежа, на себя наедает»* [Даль 1879: II, 7]; в примете *«Июнь – ау, закромы в амбарах пусты»* [Стрижев 1972]. Конструкции с персонификатами народного календаря в приметах, как правило, не содержат отрицания в составе параллелизм-бинома: *«31 марта – Кирилл – дери полоз»* [Селянгина 2005].

Параллелизм с образным уподоблением **в его отрицательной модификации** содержит отрицание в границах как параллелизма-бинома, так и интерпретирующей и/или комментирующей его части. Субъект уподобления в границах бинома ССМ не содержит отрицания. Объект уподобления в параллелизме-биноме и один или два компонента интерпретирующей и/или комментирующей части репрезентированы с

отрицательной частицей *не*. Содержательные основания бинома образных представлений являются общими у субъекта и объекта уподобления, но в одном из них реализуются, а в другом отрицаются: в пословицах «Талан – *не туман, не мимо идёт*» [Даль 2000: 32]; «Грехи *не пироги: пережсав, не проглотишь*» [Даль 2000: 111]. Субъект уподобления в параллелизме-биноме и компоненты интерпретирующей и/или комментирующей части не содержат отрицания. Объект уподобления репрезентирован в сочетании с частицей *не*: в пословице «Деньги – *не голова: наживное дело*» [Даль 2000: 45]. Субъект и объект уподобления в биноме не содержат отрицания. Компоненты интерпретирующей части представлены в сочетании с отрицательной частицей *не*: в пословице «Горе – что море: *не переплыть, не выплакать*» [Даль 1879: I, 153].

2. Параллелизм с образным уподоблением дифференцирован **в ССМ без экспликации средств уподобления и с экспликацией средств уподобления** в составе параллелизма-бинома.

Параллелизм с образным уподоблением реализован **без экспликации средств уподобления**: в пословице «Закон – дышло: куда хочешь, туда и воротишь» [Даль 2000: 89]; в индивидуально-авторских афоризмах «Время – это мираж: сокращается в минуты счастья и растворяется в часы страданий» (Ричард Олдингтон). Параллелизм с образным уподоблением реализован **с экспликацией средств уподобления**. В качестве средств экспликации уподобления образов выступают подчинительные союзы *что, как* и др., реже – компаративы: в пословице в примете «Зимой солнце что мачеха: светит, да не греет» [Рыженков 1992]. Субъект и объект уподобления представлены **компонентами с обстоятельственным значением** и выражены тождественными грамматическими формами имен существительных в форме косвенного падежа: в пословицах «Из суда – что из пруда: сух не выйдешь» [Даль 2000: 89]. Субъект и объект уподобления представлены **компонентами с объектным и обстоятельственным значением** и выражены нетождественными грамматическими формами имен существительных. ССМ является обоснованной, поскольку объективирует нетождественный характер образов параллельных миров: «На меня, что в яму: все валится» [Даль 1879: I, 35]. ССМ **без экспликации и с**

экспликацией средств уподобления интегрированы в одном тексте: в пословице «*Деньги прах, а животы – что голуби: где поведутся*» [Даль 1879: I, 81].

ССМ широко представлена в индивидуально-авторских афоризмах: «*Радость – что сахар, / Нету – и охаешь*» (М. Цветаева «Радость – что сахар...»).

3. Параллелизм с образным уподоблением разграничен в его «чистой», не осложненной амплификацией и амплифицированной ССМ.

Выявлен «чистый» параллелизм с образным уподоблением в его положительной модификации, который не осложнен амплификацией частей параллелизм-бинома: в пословице «*Торг – яма: стой прямо!*» [Даль 1879: II, 8]. «Чистый» параллелизм с образным уподоблением реализуется с экспликацией средств уподобления: в пословице «*Горе, что годы: бороздки прокладывает*» [Даль 1879: I, 145].

«Чистый» параллелизм с образным уподоблением реализуется в отрицательной модификации: в пословицах «*Беда не дуда: поиграв, не кинешь*» [Даль 2000: 72]; «*Грязь не сало: потёр, оно и отстало*» [Даль 2000: 78];

Параллелизм с образным уподоблением зафиксирован в его амплифицированных ССМ и разграничен по характеру моделей амплификации, которая объективирует эволюцию ОП и осуществляется по четырем векторам: амплифицируются одна или две части параллелизма-бинома; амплифицируется интерпретирующая и/или комментирующая часть; амплифицируются и части параллелизма-бинома, и интерпретирующая и/или комментирующая часть; амплифицируется компонентный состав параллельного построения.

Выявлены способы амплификации частей параллелизма с образным уподоблением: атрибутизация субъекта и/или объекта уподобления, в том числе вводом сквозного эпитета посредством лексического повтора и в границах атрибутивной пары – конструкции с приложением; ввод компонента с объектной и/или обстоятельственной семантикой; уточнение, расшифровка номинации (*драньё – драный тёс*); репрезентация вариативности субъекта уподобления (*жених, невеста*); «разрастание» компонентного состава субъекта и/или объекта уподобления до развернутой многокомпонентной символической картины; распространение

интерпретирующей части вводом дополнительного комментария посредством союзов *то есть, или*, словами *и пр.*, уточнением, о ком идет речь (*о вдовце*) и др.

Первый вектор амплификации представлен асимметричными и симметричными моделями распространения одной или двух частей параллелизма-бинома.

Асимметричные модели амплификации частей бинома в параллелизме с образным уподоблением характеризуются амплификацией субъекта или объекта уподобления. Асимметричная амплификация компонентов параллелизма-бинома реализуется на материале **субъекта уподобления (левого компонента параллелизма-бинома)**: «*Его ласка не коляска: не сядешь, да не поедешь*» [Даль 2000: 66], в том числе посредством уточнения номинации «*Лжа (ложь), что ржа: тлит*» [Даль 2000: 99], ввода вариантов «*Жених (Невеста) что лошадь: товар темный*» [Даль 2000: 385]. Амплификация **правой объектной части бинома** характеризуется высокими показателями частотности: в пословице «*Политика – тухлое яйцо (неосторожно разобьёшь, так одна только вонь. Суворов)*» [Даль 1879: II, 186]. Амплификация правой части бинома осуществляется путем уточнения номинации объекта уподобления: «*Деньги что гальё (галки): всё в стаю сбиваются*» [Даль 1879: I, 63], с помощью разделительного союза *или*: «*Бог не Макешь (или: Мокошь, языческое божество), чем-нибудь да потешит*» [Даль 1879: I, 4].

Симметричные модели амплификации частей бинома представлены амплификацией и субъекта, и объекта уподобления посредством их симметричного распространения согласованным определением: в примете «*Утренняя роса – добрая слеза: ею лес умывается, с ночкой прощается*» [Стрижев 1972]; в том числе с вводом в одну из частей бинома вариантов компонента с атрибутивной семантикой (*или: ...*): «*Горе наше – ржаная (или: гречневая) каша, а поел бы и такой, да нет никакой*» [Даль 1879: I, 73].

Амплификация субъекта и объекта реализуется на основе лексического повтора атрибутивного компонента, актуализирующего сходные признаки образов: «*Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца*» [Даль 1879: I, 439].

Характер амплификации субъекта и объекта может быть нетождественным. В ССМ формируется псевдосимметрия частей посредством распространения

параллелизма-бинома, которое уравнивает объем частей: в примете *«День-синитель, васильковый повелитель: все весенние цветы расцветают»* [Харченко 2008: 78]; в пословице *«Счастье без ума – дырявая сума (что найдёшь, и то потеряешь)»* [Даль 1879: I, 44]; в индивидуально-авторском творчестве *«Жизнь наша в старости – изношенный халат: / И совестно носить его, и жаль оставить»* (П.А. Вяземский).

«Разрастание» компонентного состава субъекта и объекта уподобления формирует развернутую многокомпонентную символическую картину: в пословице *«Овца руно растит, а скупой деньги копит – не про себя»* [Даль 1879: I, 104].

В приметах выявлены специфически жанровые ССМ [Агапова 2013], в которых параллелизм-бином строится по модели *«дата (число и месяц) – персонификат (лексема день и имя // имя-приложение)»*. Распространение в части репрезентации функций персонификата формирует параллелизм с образным уподоблением: *«7 июня – День Елисея. Крапиву секут, чтобы дождь пошел»* [Селянгина 2005]. Амплификация объекта уподобления осуществляется посредством его выражения в форме параллелизма-бинома по модели *«имя-приложение» (Прокоп-перезимник): «12 марта – Прокоп-перезимник, дорогу рушит, увяз в сугробе»* [Селянгина 2005].

В индивидуально-авторских параллелизмах с образным уподоблением субъект и/или объект амплифицируются до развернутой символической картины: *«Мериться с сильным – что без меры раздувать пузырь: можешь не успеть достичь результата»* (Эзоп); см. об этом подробно [Доброва 2008].

Второй вектор представлен распространением интерпретирующей и/или комментирующей части ССМ.

Генетическую основу амплификации составляет объективируемая сопоставлением текстов вариативность интерпретирующей и/или комментирующей части при тождественном параллелизме-биноме: в пословичных клише с образами макро- и микрокосма *«Ночь матка: всё гладко»* [Даль 1879: I, 180] – *«Ночь матка – выступишь, где гладко»* [Даль 1879: I, 675]; с образами макрокосма *«Деньги не щепки, счётом крепки»* [Даль 1879: I, 71] – *«Деньги не щепки (т. е. считай, да поберегай)»* [Даль 1879: I, 71]; с учетом положительной и отрицательной модификаций *«Счастье не палка, в руки не возьмёшь»* [Даль 1879: I, 56;] – *«Счастье, что палка: о двух концах»* [Даль 1879: I, 56].

Интерпретирующая и/или комментирующая часть ССМ выражена однословной конструкцией и не содержит амплификации: «*Лжа (ложь), что ржа: тлит*» [Даль 2000: 99]. Механизм распространения интерпретирующей части выявляется при сопоставлении разных текстов, демонстрирующем эволюцию ССМ: в пословицах «*Торг – яма: стой прямо!*» [Даль 1879: II, 8] – «*Торг – яма: стой прямо; берегись, не ввались; упадёшь – пропадёшь*» [Даль 1879: II, 8].

В пословичные клише наравне с образным уподоблением в его положительной или отрицательной модификации присутствует комментарий, амплифицирующий интерпретирующую часть посредством союзов *то есть, или, словами и пр.*, уточнением, о ком идет речь (*о вдове*): «*Земля – тарелка: что положишь, то и возьмёшь*» (*т.е. каково обрабатываешь, сколько нажёму, каковы семена и пр.*)» [Даль 2000: 452]; «*Бог не мужик (т.е. не обидит): бабу отымет, а девку даст (о вдове)*» [Даль 1879: I, 3]. Амплификации подвергается не вся комментирующая часть, а ее сегмент: «*Брюхо не зеркало: что проглотил (что попало), то и чисто*» [Даль 1879: II, 480].

Третий вектор амплификации представлен распространением и одной из частей параллелизма-бинома (субъекта или объекта уподобления), и интерпретирующей и/или комментирующей части: в пословицах «*На кривой суд, что на милость – образца нет (т.е. всё возможно)*» [Даль 1879: I, 189]; «*Бог не как свой брат, скорее поможет (или: проси, так поможет)*» [Даль 1879: I, 2]. В примете в интерпретирующей части также представлен образный параллелизм-бином: «*16 декабря – Иван Молчальник, слово – серебро, молчание – золото*» [Селянгина 2005].

Четвертый вектор представлен амплификацией компонентного состава ОП, которая осуществляется вводом двух объектов уподобления или вводом двух параллельных построений.

Параллелизм с образным уподоблением в его бинарной модификации с вводом двух объектов уподобления представлен пятью разновидностями амплификации компонентного состава ССМ.

1) **Объекты уподобления** выражены образами параллельных миров, каждый имеет свою интерпретирующую часть, объединяющую их с субъектом уподобления. Формируется параллелизм объектов уподобления, выраженных образами макромиров: в

частушке «картошка – свечка» «Ох, любовь-то не картошка – / Не рассадил по грядкам! / Не стеариновая свечка – / Не сожжешь по вечерам!» [Власова 1965, № 1307].

2) **Объекты уподобления выражены образами параллельных миров и имеют общую интерпретирующую часть, объединяющую их с субъектом уподобления.** Формируется параллелизм объектов уподобления в сфере микрокосма: в частушке «родители – губители, зарезники» «Вы родители-губители, / Зарезники мои: / Меня без ножика зарезали – / С любым поразвели» [Селиванов 1990: IX, 42, № 86].

3) Амплификация компонентного состава параллелизма с образным уподоблением осуществляется **вводом в каждую часть бинома парного образа:** «Мы с тобой, что рыба с водой: я на лед, а ты под лед» [Даль 1879: II, 356].

4) Амплификация компонентного состава параллелизма с образным уподоблением осуществляется **вводом двух параллелизмов-биномов.**

Два параллелизма-бинома в составе ССМ **объединены общей для них интерпретирующей частью:** «Ночь, как день; дорога, как скатерть – садись да катись!» [Даль 2000: 147]; в частушке «Дроля, я тебе не роза, / Да и ты не алый цвет. / Только два словечка требуется: / Любишь или нет?» [Власова 1965, № 2673]. В двух параллелизмах-биномах представлен один и тот же объект или субъект уподобления, реализующий сквозную тему двух ОП с общей интерпретирующей частью: один и тот же объект уподобления (*вода*) в пословице «Деньги что вода. Богатство – вода: пришла и ушла» [Даль 1879: I, 71]; один и тот же субъект уподобления – *лирический персонаж*, репрезентированный личным местоимением (*я*) в частушке «Я не утка, я не гусь, / По морю плавать не берусь. / Написала бы писемушко – / Родителей боюсь» [Власова 1965, № 2804], в том числе вводом одного и того же субъекта уподобления (*бабы*) посредством лексического повтора в частушке «Бабы-дуры, бабы-дуры, / Бабы – бешенный народ: / Где увядят девку с парнем, / И глядят – разинут рот» [Селиванов 1990: IX, 400, № 3034].

Каждый из двух параллелизмов-биномов в составе модификации **имеет свою интерпретирующую часть.** Два параллелизма-бинома имеют одинаковый объект уподобления (*мода*), вводимый с отрицательной частицей *не*, что формирует параллелизм субъектов с нетождественной формой их выражения

«голубой платок – далеко любить»: «Голубой платок – / не мода, Вся середина выгорит. / Далеко любить – не мода, / Все сердечко выболит» [Власова 1965, № 3509]. Один из параллелизмов-биномов вводится с помощью лексического повтора, а локализация параллелизмов-биномов и интерпретирующих их частей имеет последовательный, линейный характер: «Девки – блохи, девки – блохи, / А ребята – комары. / Девки ходят до полночи, / А ребята – до зари!» [Власова 1965, № 1585].

5) Амплификация компонентного состава параллельной конструкции с образным уподоблением осуществляется **вводом парного образа только в одну из частей бинорма**: в пословице в левой субъектной части «Горох да репа – завидное дело: кто ни идёт, урвёт» [Даль 1879: I, 165]; в пословице в правой объектной части «Денежка – молитва, что острая бритва (т.е. все грехи сбреет)» [Даль 1879: I, 67]; в примете в левой субъектной части с двумя календарными днями при общем персонификате месяцеслова (бином *Екатерина-санница*) «6 марта, 7 декабря – Екатерина-санница – начало санной страды» [Харченко 2008: 65]; в примете в правой объектной части с двумя персонификатами месяцеслова при общем календарном дне (5 августа) «5 августа – Пуд и Трофим – бессоники. Трофим – бессоник – хорошему хозяину день мал» [Селянгина 2005].

Выявлена организация текста **на основе контактной локализации двух последовательно реализованных** параллелизмов с образным уподоблением: в примете «11/24 января – Федосий Весняк. <...> Морозы в этот день неблагоприятны для будущих яровых: «Федосеевы морозы-худосей: сев поздний яровых будет» [Рыженков 1992].

4. Параллелизм с образным уподоблением разграничен **в его полной и редуцированной ССМ**.

В пословицах выделены параллелизмы с образным уподоблением, в составе бинорма которых эксплицирован только объект уподобления. Отсутствие картины из мира человека (субъекта уподобления) не нарушает целостного восприятия пословицы: очевидно наличие в сознании говорящего определенной оппозиции, которая восстанавливается по данным традиции. Субъект уподобления подразумевается «по умолчанию» (обозначение < >): «<Субъект уподобления> Как телята: где сойдутся, там и лижутся» [Даль 2000: 374]; «<Субъект уподобления>

Как собака, на сене лежит: и сама не ест и другим не даёт» [Даль 1879: I, 105]. ССМ актуализируют универсальность построения, допускающего свободу в подборе субъекта уподобления, в том числе в конструкциях с репрезентацией субъекта уподобления на основе присущей ему характеристики: «*<Субъект уподобления> Тороват, как кремень: обухом не ударишь, искры не увидишь»* [Даль 1879: I, 103].

5. Параллелизм с образным уподоблением разграничен **в его эксплицитной и имплицитной ССМ.**

Имплицитный параллелизм с образным уподоблением объективируется при сопоставлении разных фольклорных текстов и определяется **по опорному (общему, стержневому) компоненту.** В качестве опорного выступают все компоненты ССМ: субъект уподобления, объект уподобления, интерпретирующая и/или комментирующая часть, в ряде случаев в сочетании друг с другом.

Параллелизм макро- и микрокосмических объектов уподобления «*корова – вдова, обидчик*» формируется при опорном **макрокосмическом субъекте уподобления «казна»:** «*Казна шатущая корова: не доит её ленивый*» [Даль 1879: I, 285]; «*Казна – не убогая вдова: её не оберёшь*» [Даль 1879: I, 285]. Параллелизм макро- и микрокосмических объектов уподобления «*волк – багор – кислая муница*» формируется при опорном **микрокосмическом субъекте уподобления «солдат»:** «*Солдат, как волк: где попало, там и рвёт*» [Даль 2000: 355]; «*Солдат – багор: что зацепил, то и потащил*» [Даль 2000: 355]; «*Солдат, что багор: зацепил, потащил; сорвалось – не удалось*» [Даль 2000: 355]; «*Солдат – кислая муница (дразнят гарнизонных)*» [Даль 2000: 355]. Параллелизм макро- и микрокосмических субъектов уподобления «*денежки – животы*» формируется при опорном **макрокосмическом природном объекте уподобления «голуби»:** «*Денежки – что голуби: где обживутся, там и поведутся*» [Даль 1879: I, 81]; «*Животы – что голуби: где хотят, там и сидят*» [Даль 1879: I, 81]. Параллелизм макро- и микрокосмических объектов уподобления «*кляча – попович*» формируется при опорном **микрокосмическом субъекте уподобления «удача»,** репрезентирующем абстрактное понятие: «*Удача – кляча: садись да скачи (или: скачи да кричи)*» [Даль 1879: I, 57]; «*Удача – попович, просвирин сын (т. е. редкий*

удается)» [Даль 1879: I, 57]. Параллелизм макрообъектов уподобления «палка – кляп» формируется при сочетании двух опорных компонентов – общем микрокосмическом субъекте уподобления «счастье» и общей интерпретирующей части «в руки не возьмешь»: «Счастье не палка, в руки не возьмёшь» [Даль 1879: I, 56]; «Счастье не кляп: в руки не возьмешь» [Даль 2000: 39–40].

Имплицитный ОП «брус – молодец» выявлен в загадках, объединенных одинаковым ответом «дорога», который выступает в качестве опорного компонента имплицитного ОП: «Лежит брус во всю Русь; если бы руки да ноги, то бы встал, да и до неба достал: а если бы рот да глаза, то все рассказал. Или: Кабы встал молодец – я бы до неба достал; кабы руки да ноги, я бы вора связал; кабы рот да глаза – я бы все рассказал. – Дорога» [Живая старина 1903: III, 486, № 178]. ССМ объективирует наличие параллелизма с образным уподоблением: «Дорога – брус: лежит во всю Русь; если бы руки да ноги, то бы встал, да и до неба достал: а если бы рот да глаза, то все рассказал. Или: Дорога – молодец: кабы встал – до неба бы достал; кабы руки да ноги, вора бы связал; кабы рот да глаза – все бы рассказал».

По текстообразующему статусу параллелизма с образным уподоблением выявлена универсальность ССМ, которая реализует гипертемы всех типов.

ССМ с **гипертемой первого типа**, направленной на **означивание явления**, представлены в пословицах: «Дом не враг: подожжешь, так сгорит (врага нелегко сгубить, а это легко сделать)» [Даль 2000: 325], в том числе с раздробленной интерпретирующей частью, вводимой с помощью лексического повтора: «Денег нету, и дела нету (т.е. без хлопот)» [Даль 1879: I, 72]. Наличие у одной загадки нескольких вариантов ответа [Митрофанова 1978: 56] формирует образный параллелизм-полином с ГТ–1 в отгадках. Сопоставление текста загадки и ответа формирует параллелизм с образным уподоблением. Интерпретирующая часть локализуется в образной части энигматического текста в препозиции к параллелизму-полиному, представленному в ответе: параллелизм-полином «ель, крокодил – нос пьяницы» «Зимой и летом одним цветом. – Ель, крокодил, нос пьяницы» [Бартюкова 1990: 14, № 11] – «Ель, крокодил – нос пьяницы: зимой и летом одним цветом».

ССМ с гипертемой второго типа, направленной на **означивание связи явлений**, представлены в приметных и энигматических текстах и выполняют текстообразующую функцию [Доброва 2022в: 94–113]. В загадках в результате модификации фольклорного текста объективируется параллелизм с образным уподоблением, который становится инструментом декодирования «затрудненного» ОП и экспликации содержательных оснований уподобления: *«На каменной горке воют волки. – Колокола»* [Даль 1879: I, 26] – *«Волки – колокола: на каменной горке воют»*.

В загадке представлено **сочетание построений с гипертемами двух типов**. Параллелизм с образным уподоблением с ГТ–1 *«Баба-яга – железная нога»* без текстообразующей функции в образной части загадки и параллелизм с образным уподоблением *«Баба-яга – железная нога = соха»* с ГТ–2 в «затрудненном» ОП текста загадки и ответа с текстообразующей функцией [Доброва 2023]: *«Баба-яга железная нога, весь мир кормить, сама голодна. – Соха»* [Живая старина 1903: III, 483, № 63]. Сочетание гипертем двух типов наблюдается при модификации загадки с объективацией параллелизма с образным уподоблением в «затрудненном» ОП: *«Сидит петух на воротах: косы до полу, голос до неба. – Колокол»* [Даль 1879: I, 24] – *«Петух – колокол: сидит на воротах, косы до полу, голос до неба»*.

По характеру морфогенеза ОП с учетом репрезентации макро- и микромиров параллелизм с образным уподоблением имеет ряд отличительных черт.

1. Параллелизм с образным уподоблением в **единстве** параллелизма-бинома и интерпретирующей и/или комментирующей части реализует формализацию ОП.

2. Исследование параллелизма с образным уподоблением учитывает **общефольклорную закономерность кумулятивного эффекта эволюции ОП**, согласно которой формализация во всех фольклорных жанрах осуществляется на основе **классических** и/или **трансформированных** ССМ. Структурно-семантические основы параллелизма с образным уподоблением также кумулятивно представляют в своих границах разные ветви эволюции ОП. В силу **общности** для субъекта и объекта уподобления интерпретирующей и/или комментирующей части формализация ОП на материале параллелизма с

образным уподоблением не реализуется на основе классической ССМ и осуществляется только на основе трансформированных ССМ.

Формализация параллелизма с образным уподоблением реализована **на основе антропоморфизации макрокосмического образа** в интерпретирующей части ОП: в загадке *«Прилетела тень на Петровъ день, села тень на пень, стала тень плакать, волосы вянуть, дубровка шумить. – Косьба»* [Живая старина 1903: III, 487, № 203]. Формализация параллелизма с образным уподоблением **на основе пластического преобразования образов символической параллели** объективируется посредством модификации энигматического текста. В интерпретирующей части природный образ репрезентирован в характеристиках, присущих микрокосмическому образу: *«Не ездок, а со шпорами. – Петух»* [Аникин 1957: 173, № 94] – *«Петух не ездок, а со шпорами»*. Формализация параллелизма с образным уподоблением **на основе пластического преобразования образа человеческой параллели** в загадках объективируется посредством модификации загадки. В интерпретирующей части соматизм (*нос пьяницы*) представлен в характеристиках, присущих природному объекту: *«Зимой и летом одним цветом. – Ель, крокодил, нос пьяницы»* [Бартюкова 1990: 14, № 11] – *«Нос пьяницы – ель, крокодил: зимой и летом одним цветом»*. В приметах с образами месяцеслова пластическое преобразование образов человеческой параллели объективируется с репрезентацией характеристики человека в образах природного объекта: *«Павел-ледостав: лед на реке грудями – будет хлеба пудами»* [Харченко 2008: 77]; в безглагольных конструкциях с семантикой волеизъявления: *«Семен-день – семена долой»* [Харченко 2008: 67]. Формализация параллелизма с образным уподоблением реализована **на основе содержательной трансформации параллелизма макро- и микрокосмических образов**, обусловленной репрезентацией человека в интерпретирующей части: в пословицах *«Баба что мешок: что положишь, то и несёт»* [Даль 1879: I, 439]. В примете с образами месяцеслова формализация параллелизма с образным уподоблением на основе содержательной трансформации в интерпретирующей части представлена формой второго лица глагольного императива: *«Январь –*

ломоно́с: бере́ги сво́й нос» [Рыженков 1992]. Формализация параллелизма с образным уподоблением «бык – колокольня с колоколами» в загадке **на основе содержательной трансформации с образами макромиров** объективируется посредством модификации загадки. В интерпретирующей части макрообразы показаны с элементами антропоморфизации: «Стоит бык на горах о семи головах, ребра стучат, бока *говорят*. – Колокольня с колоколами» [Даль 1879: I, 26] – «Бык – колокольня с колоколами: стоит на горах о семи головах, ребра стучат, бока *говорят*». Формализация параллелизма с образным уподоблением «сердце – вещьун» представлена в пословице **на основе содержательной трансформации с параллелизмом в сфере микрокосма**: «Сердце вещьун: чует и добро и худо» [Даль 2000: 64].

Двойные ряды образов обуславливают **контаминацию в одном тексте разных векторов формализации ОП**. В частушке с пластикой образов человеческой параллели («Голубой платок – / не мода, Вся середина выгорит») в одном символическом ряду и содержательной трансформацией с параллелизмом в сфере микрокосма в другом («Далеко любить – не мода, / Все сердечко выболит»): «Голубой платок – / не мода, Вся середина выгорит. / Далеко любить – не мода, / Все сердечко выболит» [Власова 1965, № 3509].

В исследуемом корпусе текстов параллелизмы с образным уподоблением выявлены в пословицах, загадках, приметах, частушках и являются межжанровой ССМ. Исследуемая ССМ в целом свойственна малым жанрам фольклора. Данные авторской коллекции ОП свидетельствуют о широком распространении параллелизмов с образным уподоблением в индивидуально-авторских афоризмах.

В ССМ реализуются **трансформирующая и продуцирующая функции ОП**.

Трансформирующая функция способствует сближению фольклорных жанров: приметы и загадки с пословицами, изречениями, а также жанровой трансформации текста. Структурное соотношение образной части загадки (предложения) и ее ответа (слова) фактически является инверсией пословиц и афоризмов, в основу которых положен «бинарный инфиксный предикатор, преобразующий имя в предложение»: «Глупость – мантия плутовства» У. Блейк «Пословицы Ада» [Кривенко 1999: 146].

Продуцирующая функция определяет образование в результате эволюции одной ССМ другой: образование параллелизмов с образным уподоблением на основе развития параллелизмов-биномов и использования формы троичного ОП.

Параллелизм с образным уподоблением демонстрирует значимость выбора адекватных объектов уподобления [Доброва 2008: 67], которые в фольклорных текстах складывались и отшлифовывались веками в рамках определенного фольклорного жанра и определенной этнической традиции.

3.2.5.2.10. «Затрудненный» образный параллелизм

В настоящем исследовании впервые осуществлен анализ ССМ ОП через призму актуальных для лингвофольклористики подходов лингвистики фольклорного текста [Харченко 2008; Головкина 2006] с целью выявления текстообразующей функции ОП.

«Затрудненный» образный параллелизм – формализованная, специфически жанровая ССМ, выполняющая в загадке текстообразующую функцию и представляющая параллелизм разнособстанциональных образов двух композиционных частей (образной части и ответа) энигматического текста, разгадывание которого объективирует сжатые до параллелизма-бинома, мультиплицирующие гипертему означивания связи явлений образы параллельных макро- и микромиров.

Теоретические основы анализа структурно-семантической модификации разработаны в статье «Морфогенез образного параллелизма макро- и микрокосма в русских народных загадках» [Доброва 2023г: 780–788].

Связь энигматического текста с параллелизмом отмечалась многими учеными [Веселовский 1940; Аникин 1957; Квятковский 1966; Денисова 2008; Кёнгэс-Маранда 1978; Неретина 1988 и др.]. Способ языкового кодирования мира в загадке, основанный на «описании *предметов, явлений, живых существ* в замысловатой <...> форме» и связанный с расшифровкой «закодированной информации» [Капица 2002: 156], обуславливает ее связь с параллелизмом макро- и микрокосма.

А.Н. Веселовский выявил в загадках наличие отрицательного параллелизма [Веселовский 1940]. А. П. Квятковский определил, что загадка «строится обычно на

принципе замедленной метафоры (вернее, симфоры), каламбурного алогизма и затрудненного параллелизма» [Квятковский 1966: 110–111]. Диалогическая вопросно-ответная форма загадки перекликается с межрепликовым параллелизмом [Черноусова 2015: 44]. Наблюдения В.П. Аникина над способами и последовательностью загадывания позволяют выявить в загадке модификацию концентрического ОП. Последовательность тематических групп воспроизводит «порядок загадывания загадок постепенно расширяющимися концентрическими кругами» [Аникин 1957: 162], отражает степень удаленности явлений мироздания от человека, указывает направление эволюционного вектора от разнообразных образов микрокосма к не менее разнообразным образам макрокосма. Образы, расположенные ближе к микрокосмическим центру, квалифицируются как символизируемое, образы, расположенные ближе к макрокосмической периферии, – как символизирующее. Основные идеи исследователей определялись тезисом о возникновении загадки как вербализованного опыта определения феноменов макрокосмоса через антропоцентрические феномены микрокосмоса [Елизаренкова 1984: 14–46; 2005]. Загадка как эволюционирующее культурно-языковое явление отражает новый этап во взаимоотношениях человека и мира, новые способы его познания и освоения [Топоров 1999: 54–55]. Опыт определения мироустройства на основе соотношения образов параллельных миров отражает эволюцию художественного мышления народа от диады к триаде. Соотношение «Человек – Вселенная» характерно для ранних форм становления загадки как текста, в процессе эволюции диада сменяется триадой «Человек – Артефакт – Вселенная» [Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст 1999: 5].

Загадка представляет отображение миров через тождество, которое строится на осознании единства макро- и микромира, демонстрирует единственное при таком взгляде на мир орудие его постижения: познание через сопоставление на основе параллелизма представлений. Загадка воплощает единство в дифференцированном целом и Вселенную в разъятых ее частях, объясняет и объединяет разные миры [Исследование в области балто-славянской духовной культуры... 1994: 6, 9].

В теории развития ОП исследуемая ССМ, которую А.П. Квятковский назвал «затрудненным» параллелизмом [Квятковский 1966], представляет линию формализации

ОП. Энигматический текст, структурированный по принципу ОП, состоит из текста загадки (образного макро- или микрокосмического кода) и ответа-разгадки (образного макро- или микрокосмического дешифратора). Образ одного из параллельных миров кодирует информацию в тексте загадки, образ другого расшифровывает ее в ответе. Текст и ответ загадки квалифицируются как композиционные части параллелизма образов макро- и микрокосма с константным в исследуемом жанре функциональным назначением каждой части энигматического текста: текст загадки представляет символическую параллель как означающее, которое кодирует (загадывает) образ, отгадка – реальную параллель как означаемое, которое декодирует (разгадывает) образ, содержит ответ на вопрос, представленный в тексте загадки.

По функциональному назначению макро- и микрообразов разграничены две ССМ. В первой символическая параллель представлена образами макромира, а реальная – образами микромира, во второй – диаметрально противоположно.

Квалификация затрудненного ОП, выполняющего в загадке текстообразующую функцию, как формализованной ССМ обусловлена рядом причин. Во-первых, различие характера функционирования ОП на уровне порождения (создания) и восприятия (предъявления и разгадывания) загадки как фольклорного жанра. В процессе создания загадки параллелизм относящихся к разным мирам образов текста загадки и ответа имеет эксплицитный характер, в процессе восприятия загадки – имплицитный. Во-вторых, особенности коммуникативного аспекта функционирования загадки, связанные с предъявлением для восприятия только текста загадки и необходимостью определения на основе параллелизма представлений ответа, обуславливают функционирование ССМ в их имплицитной и дистантной версиях [Доброва 2021a: 42–59] и применение параллелизма образных представлений в качестве инструмента разгадывания. В-третьих, функционирование текста загадки и ответа как параллельной конструкции, интегрированной гипертемой «пусть будет определен (дешифрован) *загадочный предмет*», лишает ее части автономности, что характеризует формализованные ССМ. В-четвертых, ОП, выполняющий в загадке текстообразующую функцию, включает в свой состав классический ОП и его трансформированные и формализованные ССМ, организующие одну из

композиционных составляющих загадки или ее часть. В-пятых, наличие структурно-смыслового сжатия образов в ответе, формирующее «преддверие» параллелизма-бинома, создает структурную асимметрию, отличающую формализованные ССМ. В частях загадки эксплицируется спектр символических связей, который представляет загадочные предметы, что позволяет путем аналогичного разгадке структурно-смыслового сжатия текста загадки представить построение как параллелизм-бином.

Изучение ОП в загадке учитывает **общефольклорную** закономерность кумулятивного эффекта его эволюции, согласно которой формализация ОП осуществляется на основе его классических и трансформированных ССМ.

Выявлена формализация на основе **классического ОП**. СИМ «*натурфакт – человек*»: «*овцы – зубы*» «*Полон хлевец / белых овец. – Зубы*» [Рыбникова 1932: 103, № 429]. СИМ «*артефакт – человек*»: «*колода – язык*» «*Лежит колода среди болота – не сохнет, не мокнет и не куржасвеет. – Язык во рту*» [Морохин 1986: 341]. СИМ «*человек – натурфакт*»: «*человек – лук*» «*Лежит барыня на палатях / Вся в платьях, / Кто ни глянет – / Тот заплачет. – Лук в зимнее время*» [Морохин 1979: 209]. СИМ «*человек – артефакт*»: «*мать, дочь, сын – печь, огонь, дым*» «*Мать толста, / дочь красна, / сын поднялся под небеса. – Печь, огонь и дым*» [Рыбникова 1932: 98, № 388].

Выявлена формализация ОП с **антропоморфизацией макрообразов**. В качестве символизируемого выступают трудовые процессы (*молотьба*): «*птицы – молотьба*» «*Летят гуськи, / у них дубовые носки. / Летят, говорят: / то-то мы и то-то мы. – Молотьба*» [Рыбникова 1932: 175, № 67]. К антропоморфизации, отличающейся условным наделением образов одного мира признаками и действиями образов другого, примыкает специфическая для загадки ССМ, в границах которой с целью создания символического кода загадочного предмета реализуется условное наделение человека признаками природного объекта в параллелизме «*барыня с хвостом – крыса*»: «*Под мостом-мостом / стоит барышня с хвостом. – Крыса*» [Рыбникова 1932: 104, № 444–445]. Человек условно наделяется способностью выполнять несвойственные ему действия. В параллелизме «*мать и дети – река и ручейки; море и реки*» воплощается разделяемое и славянами воззрение, согласно которому реки и потоки почитались детьми, порожденными

седым океаном [Афанасьев 1988; 1995]: *«Мать детей сосет. – Река и впадающие в нее ручейки»* [Митрофанова 1968: 29, № 475].

Выявлена формализация ОП на основе **трансформированных ССМ с пластическим преобразованием образов символической части**. Особенности ССМ обусловлены возможностью локализации образов макро- и микромиров в тексте загадки как символизирующего и в ответе как символизируемого.

Распространена формализация на основе **пластического преобразования образов микромира в символической части**. В качестве символизирующего выступает человек без конечностей, головы, языка, в качестве символизируемого – натурфакты или артефакты в параллелизмах *«человек – пыль»*: *«Старая старуха / Без ног, без рук – / На стенку лезет. – Пыль»* [Морохин 1986: 208]; *«человек – радио»*: *«Без головы, без языка, а говорит на всех языках. – Радио»* [Капица 2002: 159]. Обнаружены загадки с нетипичным оформлением ее текста средствами ирреальной модальности [Капица 2002: 161].

Формализация ОП на основе пластики символической части с макрообразами не обнаружена. Указанную ССМ отличает отражение природной основы образов макрокосма через призму субъективного мироощущения человека [Доброва 2004]. Загадочный макрообъект в обозначенном контексте не видоизменяется. Малый объем ответа в загадке и направленность в процессе разгадывания на определение загадочного предмета не располагают и к пластике образов реальной части.

Представлена формализация **на основе содержательной трансформации** с введением человека в обе части: *«вожжи – взгляд»*: *«<...> длинные вожжи, до неба хватают, а вокруг головы не хватают. – Взгляд»* [Митрофанова 1978: 74]. Загадки с образной частью, оформленной средствами ирреальной модальности, включены в свадебные обряды: *«костыль – жених»* *«Подайте золотой костыль, чтобы невесте было на что опереться»*. – Друзжка указывает на жениха» [Капица 2002: 158].

Представлена формализация **на основе содержательной трансформации с образами одного из миров**. В параллелизме образов макромира сопоставляются образы натурфактов и артефактов: *«натурфакты – артефакты: зверек – игла с ниткой»* *«Зверёк съ вершокъ, / А хвостъ – Семь верстъ. – (Игла съ ниткой)»* [Бурцев

1911: 101]; «артефакты – натурфакты: шуба – прорубь» «Шуба нова, / Да в подоле дыра. – Прорубь» [Где цветок, там и медок 1993: 70]. Введение в текст загадки новых реалий формирует свободно-поэтическую символику: «груша – электролампочка» «Висит груша – нельзя скушать. – Электролампочка» [Капица 2002: 159]. В соответствии с кумулятивным эффектом эволюции параллелизм образов макромиров реализует их антропоморфизацию: «три ласточки – телега, сани, дуга» «Летели три пичужки / Через три избышки. / Одна говорит: / «Мне летом хорошо»; / Другая: «Мне зимой хорошо». / А третья говорит: / «Мне что зимой, что летом – / Все равно». – Телега, сани, дуга» [Морохин 1986: 208]. Содержательная трансформация реализуется в условно-фантастическом моделировании макрообразов символической части: «натурфакты – артефакты» «трава – кольцо» «Вокруг кола / золотая трава. – Кольцо на пальце» [Рыбникова 1932: 115, № 107]. Выявлен параллелизм **в сфере микрокосма** «человек – соматизм»: «Белые силачи рубят калачи, / Красины говорун подкладывает. – Зубы и язык» [Митрофанова 1968: 58, № 1513].

Эволюция ОП проявляется в сопоставлении части текста загадки с ответом. ССМ подтверждает правомерность компрессии символической части до ее ключевого образа-загадки, который в ОП сопоставляется с образом-отгадкой. Березовый сок как весеннее лакомство сопоставляется со слезой «слеза – сок»: «Летом цветет, зимой греет, / Настанет весна – потекет слеза. – Березовый сок» [Митрофанова 1968: 65, № 1742]. Реализация указанной тенденции приводит к кристаллизации параллелизма-бинома. Структурно-смысловая компрессия свидетельствует о стремлении конструкции, части которой объединены параллельной связью, к симметрии.

Затрудненный образный параллелизм выявлен в жанре загадки, является специфически жанровым, имеет **внутрижанровый статус**.

3.2.5.2.11. Композитный образный параллелизм

Композитный образный параллелизм – формализованная ССМ, в границах которой разнособстанциональные образные феномены вербальной и невербальной природы сопоставлены в частях с целью мультиплицирования культурного смысла.

Композитный ОП основан на разнотипности вербальной и невербальной природе образных прецедентных феноменов [Красных 1997: 5–12; Караулов 1987; 1989; Сорокин 1993: 98–117; Супрун 1995: 17–29]: «<...> в традиционном фольклорном тексте вне зависимости от его жанровой принадлежности <...> фольклорное слово <...> выступает в функции **возбудителя внетекстовой информации**, находящейся в обширной смысловой зоне фольклорной традиции» [Венгранович 2023: 253; 2004; 2004а]. ССМ композитного (сочетанного) ОП, систематизированные по принципу редуцирования структурной цельнооформленности его композиционных частей, отражают тенденцию развития имплицитного плана выражения ОП.

1. Композитный ОП вербальной и функциональной частей фольклорного текста. В тексте «параллельно диалогу приводится и соответствующее символическое или реальное действие, что позволяет говорить о **параллелизме вербальной формулы и чисто практического, акционального действия**» [Олупе 1993: 135]: в лечебных заговорах «*Водушка – в землю, а ребеночек – в рост. Сказать три раза, омыть ребенка водой и приговаривать*» [Аникин 1998: 42, № 43]; в быличке «*Осина – чертово дерево, на ней сам черт был задавивши, потому в могилу самоубийцы этому кол осиновый и забивают, говорят, «черту в горло», и он перестает людей мучить*» [Черепанова 1996: 16, № 34]; в былине «*Она брала-то ножички булатниш, / Она-то резала Добрынины следочки, / Приговоры приговаривала крепкии: / Так бы резало у Добрыни ретливо сердце по мни*» [Гильфердинг 1873: 116, № 17]; в сказке «*Вспомнил он про Калинушкин наказ, достал гребешок, кинул через левое плечо, и вдруг, откуда ни возьмись работников явилось видимо-невидимо*» [Кретов 2005: 60, № 24]; в пословицах «*Яко же благословляется, тако и крестится*» [Даль 1879: I, 16]. Симметричным вводом в части тождественных числовых компонентов актуализируется параллелизм вербального и обрядового действий с их троекратным параллельным воспроизведением: «*трижды опрокинь, плюнь*» – «*трижды говори*» «*Говор(и) 3 ж, а 3 ж опрокин(ь) младенца, а 3 ж плюн(ь) через порог баенной*» [Топорков 2010: 114, № 54]. Сходными признаками обладает параллелизм символического

обрядового и репрезентирующего его реального действий: в балладе «У божьей церкви повенчались, / Злачеными перстнями поменялись» [Астахова 1963: 77].

2. Композитный ОП внутри слова (параллелизм значений). Ценность символического образа увеличится, если одно означающее оказывается связанным более, чем с одним означаемым [Десницкий 2007: 16–17]. «Как отмечают многие из исследователей словесных артефактов народной культуры, слово в традиционном тексте обладает большой обобщающей силой и содержательной целостностью, в силу чего является **означающим для целого** <...> обобщенного многовековым опытом народа семантического комплекса (содержательной синкреты традиционного слова)» [Венгранович 2023: 251]. ОП внутри слова выявляется посредством сопоставления разных значений лексемы, репрезентирующей фольклорный образ, и обусловлен характерным для фольклора совмещением родовой и видовой номинаций, которое интегрирует конкретность и предельную обобщённость изображения: «Неопределенность семантики создает стереоскопичность изображения, обуславливает повышенную синонимичность, тенденцию к парности (бинаризму) и, как следствие, появление **своеобразного параллелизма внутри слова**» [Хроленко 2010: 48; Кошарная 2002; 2002а; 2014]. Сходные смысловые метаморфозы наблюдаются в названном по имени двуликого римского божества Януса «янусовом параллелизме», для которого характерно употребление многозначных слов или омонимов одновременно в двух значениях, или же одно значение в контексте воспринимается как основное, а второе «срабатывает» на уровне ассоциаций [Десницкий 2007: 15]. Построения образуются, когда «автор употребляет какой-либо омоним в первом его значении, но вставляет в текст – не создавая нового смысла – какое-нибудь слово, ассоциативно связанное со вторым значением этого омонима» [Конрад 1974: 28; Десницкий 2007: 17].

ОП внутри слова выявлен в семантической сфере локальных компонентов формулы отсылки болезни в лечебных заговорах на уровне родового обозначения места отсылки болезни и его видовых воплощений. Родовое обозначение места отсылки болезни *пустое, пустынное место* понимается информатором не только как пустырь, заброшенное место, но и как *проклятие*, т. е. *проклятое место*

[Квилинкова 2010: 203]: «<...> идите вы, исполоха-уполоха, все нечистые духа, в чистое поле, за синее море, где пешком не ходят, на конях не ездят, в темный лес, под синий мох, под гнилую колоду. Там вам, *проклятым*, место» [Пинежье 1994, № 128]. Видовое воплощение места отсылки болезни *трясина* обозначает не только зыбкое, болотистое место, поросшее ярко-зеленой травой и мхом, но и в переносном значении, которое также актуализируется на уровне ассоциаций, – среду, отличающуюся *отсутствием живой деятельности* [Ефремова 2000], что актуализируется в развернутой характеристике места отсылки болезни: «*Килы калючии, балючии, гарючии, огняннии, начнии, днявнии, палуденнии. Тут вам ня быть, жолту телу ня нудить, красну крофь ня пить, у рабе (имя) ня быть. Сайдить на асину, улубокую трясину, там вам жыть*» [Проценко 2010, № 11]. ОП внутри слова выявлен в указании мест иной функциональной направленности, к примеру, охраняемого локуса, а также орудия его защиты: *каменный, замкнутый, огораживающий от воров тын*. В контексте сосуществуют и актуализируются различные значения номинации *тын*: русский *тын* – то же, что забор; алтайский *тын* – дух, душа. Репрезентация охраняемого места и орудия его защиты демонстрирует и конкретность, и предельную обобщённость: в результате орудие защиты (*тын, забор*) на уровне глубинных смыслов ассоциируется и с объектом защиты с помощью этого орудия (*дух, душа*): «Кладу я, рабь Божій, поклажу, каменнымъ *тыномъ* огораживаю, каменною дверью запираю, за тридевять замковъ, за тридевять ключовъ, во единый ключъ, во единъ замокъ, черезъ этотъ *тынъ*, никому не хаживать» [Майков 1869: 105–106, № 262].

В заговоре от испуга «*ЛОХИ вы, БЛОХИ, vysпоЛОХИ!*» [Аникин 1998: 72, № 286] с помощью символического звукокомплекса реализован параллелизм внутри слова *лох* в его значениях, связанных с денотатами макро- и микромиров: *лох* – кустарник; самец сёмги в брачном наряде; наивный, легковёрный человек [Ефремова 2000].

В сказках в имени *Баба-Яга*, интегрирующем природное и человеческое, мир живых и мир мертвых, скрыты «соединенное понятие» «*персонифицированного удушья, кошмара*», понятийная триада «*Яга – змей – гроза*», персонификации смерти, «злой силы» [Степанов 2001: 836–837; Кошарная 2002: 40–41].

ОП внутри слова представлен вариантами пересемантизации компонентов ГР в ТСО (см. *раздел 3.1.3. Символическое действие как тип символической образности*).

Композитный образный параллелизм имеет **общежанровый статус**.

3.2.5.2.12. Звукосимволический образный параллелизм

Исследование «параллелизма внутри слова» [Хроленко 2010: 48] осуществлено в аспектах семантики и фоносемантики. Квалификация звукосимволического ОП основана на изучении «параллелизма внутри слова» в аспекте фоносемантики, функционирования фонетических созвучий как средства выражения образного параллелизма макро- и микромиров [Доброва 2021: 179–184].

«Звукосимволизм выражается при помощи сочетания звуков» [Вакула 2011: 123], которое формирует в сознании целостный образ и оказывает эмоциональное воздействие. Исследование звукосимволизма составляет актуальное направление в лингвофольклористике [Венгранович 2016: 15–17; Шляхова 2003; 2016]: разработана концепция комплексного фоносемантического анализа лексики фольклорного текста, продемонстрированы результаты применения разработанной авторами комплексной методики трехэтапного фоносемантического анализа компонентов фольклорных формул на материале заговорных текстов [Доброва 2021: 179–184]; выявлен прием «звукового эха» [Харченко 2008: 73], который организует в фольклорном тексте особые **звукосимволические параллели**.

Звукосимволический образный параллелизм – формализованная ССМ, конституируемая воспроизведением подобных компонентов, выраженных символическими звукокомплексами, которые по объему не совпадают с границами слова и не превышают их, локализуются в символической и реальной частях, организуют сопоставление образов макро- и микромиров.

Теоретические основы анализа разработаны в статье «Звукосимволический образный параллелизм в фольклорном тексте» [Доброва 2023б: 2648–2655].

Звукосимволический ОП представляет общефольклорную ССМ. Звуковые подоби́я имеют жанровую специфику. К примеру, в приметах функционируют в

качестве инструмента запоминания трудовых формул-прогнозов народного календаря [Харченко 2008: 67]. В календарных приметах фonoсимволизм участвует в образовании новых сложных имен в позиции апелятивов (приложений), в том числе двукорневых приложений, персонификатов народного календаря, имен деятелей, в номинации аналогов погодных изменений, в наименовании святых.

Символические звукокомплексы объективируются в фольклорном тексте **компонентами звуковой формы слова (корня и аффиксов)** [Толстая 2005: 305].

Матрицей структурообразования звукосимволического ОП являются модели и псевдомодели **тема-рематической прогрессии со сквозной темой**. В новом звене тема остается неизменной, повторяется в каждом из предложений, интегрированных параллельной связью [Головкина 2006], а расподобление осуществляется посредством развития ремы. Структурно-семантические основы моделей и псевдомodelей тема-рематической прогрессии со сквозной темой как матрицы структурообразования ОП определяются характером воспроизводимых в частях звукокомплексов и их ролью в реализации параллелизма плана выражения и плана содержания ССМ.

Генетическую основу звукосимволического ОП составляют повторы, которые отличаются объемом и последовательностью сопоставляемых компонентов в каждой из параллелей. В **эволюционно-генетическом ракурсе** преддверием формирования звукосимволического ОП является реализация моделей тема-рематической прогрессии со сквозной темой как матрицы структурообразования ОП и их эволюция в псевдомодели [Доброва 2023: 1–7; 2023н: 289–305]. Символический звукокомплекс, воспроизводимый в частях ОП, формируется в результате уменьшения в границах слова объема звуковых совпадений. Звуковой повтор не превышает границы слова и не совпадает с ними, представляет собой **часть звуковой формы слова (корня и аффиксов)**. Слово, в границах плана выражения которого формируется звуковой повтор, обретает статус актуализатора и носителя звукокомплекса. Редупликация звукогруппы в макро- и микрокосмической частях ОП с целью репрезентации параллельных образов формирует символический статус звукокомплексов, реализующих обций для частей ОП элемент символического значения, а также интеграцию частей с гипертемой.

Редупликация символического звукокомплекса, выраженная повтором компонентов звуковой формы слова (корня и/или аффиксов) в частях ОП, является средством выражения символического сопоставления параллельных образов и дифференцируется по следующим **критериям**: по набору повторяющихся звуков, их количеству и последовательности в границах слова-актуализатора звукокомплекса; по соотношению звукокомплекса с морфемным членением слова или отсутствием такового; по количеству слов-актуализаторов звукокомплекса в частях; по локализации звукокомплексов в частях ОП. Звукосимволические образные параллели продуцируют в процессе сопоставления образов символические смыслы, эксплицируют культурную семантику и интегрируют части ОП посредством формирования структурных и содержательных скреп. Порождение новых смыслов в ОП органично сочетается с сохранением и актуализацией смыслов, ранее накопленных в эволюционной цепи.

«Звуковая инерция неотделима от лексической и грамматической» [Толстая 2005: 304], поэтому организация звукосимволического ОП в фольклорном тексте имеет **системный характер**. Формирование звукосимволических параллелей осуществляется с привлечением фонетических, лексических, грамматических (словообразовательных, морфологических, синтаксических) и ритмико-интонационных средств.

Поскольку звукосимволический ОП как микротекст формируется языковыми средствами разных уровней, **дифференцированы звуковые повторы** в ряду форм слова и в ряду однокоренных слов, повторы морфемного состава слова и повторы актуализированной звукогруппы в границах слова. Применение уровневого анализа языкового материала направлено на определение участвующих в организации звукосимволических параллелей маркеров разных уровней системы языка фольклора. Интенсивность проявления языковых маркеров разных уровней неодинакова на **трех этапах эволюции** звукосимволического ОП.

Взаимодействие единиц различных языковых уровней определяет связь звукового повтора (в том числе рифмы) с другими видами повторов. Звуковая редупликация создается нанизыванием **однотипных словоизменительных форм или словообразовательных моделей** [Толстая 2005: 305]. Звуковое притяжение и особенно рифма провоцируют появление в фольклорных текстах аномальных

грамматических форм, увеличивают объем звуковых совпадений и способствуют созданию звукосимволического ОП. В цепи парных субстантивов женского рода появляется инерционная форма женского рода *ручья* и аномальное отсутствие чередования заднеязычных перед суффиксом *-ица* (*РЕКа-РЕКица*) [Толстая 2005: 305]. Контаминация видов повтора в параллелизмах-биномах создает двойной ряд модификаций звукосимволического ОП: в заговоре «*тоскА-тоскИЦА, ручьЯ-ручьИЦА, рекА-рекИЦА, водА-водИЦА*» в сочетании с параллелизмом самих символических звукокомплексов в каждой части: «*ТОСКа-ТОСКица, РУЧЬя-РУЧЬица, РЕКа-РЕКица, ВОДа-ВОДица*» [Аникин 1998: 48, № 100].

Звукосимволические параллели представлены подобными или тождественными моделями звуковых сочетаний (сочетания звуков, звукогрупп). Поскольку «наиболее широко и свободно действует механизм инерции в области словообразования» [Толстая 2005: 306], многообразие **разноуровневых маркеров** реализуется **при ведущей роли словообразовательных элементов и моделей** с учетом дифференциации в процессе анализа плана выражения и плана содержания звукосимволических параллелей роли корневых и служебных морфем, формообразующих и словообразующих аффиксов, а также воспроизведения словообразовательного элемента или его части. Корневые и служебные морфемы дифференцируются в аспекте организации звукосимволического ОП. Воспроизведение в двух частях ОП корневых морфем обеспечивает параллелизм плана выражения и плана содержания приема, присущий первому этапу эволюции ССМ. Воспроизведение корневых морфем в ряду форм слова в определенном смысле противопоставлено их воспроизведению в ряду однокоренных слов, поскольку второй разновидности свойственно сочетание повторов корневой морфемы со служебными морфемами или их частью, что в целом увеличивает объем воспроизводимого звукокомплекса, а повтор части звуковой формы словообразовательного элемента создает условия для ослабления параллелизма плана содержания в процессе его эволюции.

Определены **идентификаторы** звукосимволического ОП: наличие повторяющихся звукокомплексов в символической и реальной частях, получающих посредством редупликации в их составе символических звукокомплексов статус

звукосимволических параллелей; количественный показатель повторов и их соотношение с границами лексем-актуализаторов звукокомплексов и композиционных частей: объем (набор/состав и количество звуковых совпадений) по отношению к границам слова-актуализатора звукокомплекса и его морфемному составу, последовательность звуков в составе звукокомплекса; типология актуализаторов звукокомплексов: типы слов-актуализаторов звукокомплексов (в ряду форм слова и в ряду однокоренных слов); разновидности словообразовательных элементов по их составу и локализации в слове и в композиционных частях; разновидности звукосочетаний по их составу и локализации в слове и в частях ОП.

Типология воспроизводимых (повторяющихся) в звукосимволическом ОП компонентов (звукокомплексов) разработана посредством фиксации способов их выражения и определения максимальной амплитуды воспроизведений звуковых повторов (различных звукосочетаний или наборов звуков в составе слова), не превышающих по объему границы слова-актуализатора звукокомплекса.

Выявлены **типовые звукокомплексы (звукосочетания, звукоряды)** звукосимволического ОП: редуцируемая часть плана выражения слова-актуализатора; план выражения словообразовательных элементов в составе слова-актуализатора; план выражения отдельных звуков и их сочетаний в границах слова-актуализатора.

Основу **типологии разновидностей звукосимволического ОП** на разных этапах его развития составили **пять критериев**: характер корреляции миров; характер локализации частей ОП в тексте; структурные основания частей; текстообразующий статус построений; характер морфогенеза ОП с учетом репрезентации миров.

Динамика структурно-семантических преобразований проявляется на **трех этапах эволюции звукосимволического ОП**. Этапы имеют **идентификационные показатели**. Разграничение этапов эволюции определяется **характером соотношения плана выражения (означающего) и плана содержания (означаемого) повторяющихся звукокомплексов** в его частях; склонностью (или не-склонностью) символического звукокомплекса выражать определенный компонент значения. **Степень подобия воспроизводимых компонентов** звукосимволического ОП определяется объемом (набором/составом и количеством

звуковых совпадений) по отношению к границам слова-актуализатора звукокомплекса и его морфемному составу, последовательностью звуков в составе звукокомплекса, локализацией в инициальной, медиальной и/или финальной позиции звукокомплекса в составе слова-актуализатора, контактной или дистантной локализацией компонентов звукокомплекса в композиционных частях ОП.

Преддверием звукосимволического ОП является наличие в частях ОП лексического повтора, репрезентированного воспроизведением знаменательного и/или служебного слова. Языковой скрепой ОП является воспроизведение в частях знаменательных слов: в песне *«Понарядливее ЛЕБЕДЬ, всех, ой да ЛЕБЕДЬ подогадливее»* [Соболевский 1898: IV, № 154]; служебных слов: в загадке *«Стоит дуб БЕЗ ветвей, на нем ворон БЕЗ крыл; снял его человек БЕЗ рук, съел БЕЗ зубов; стал он по горло в воду – вода льется, не насытится. – Грех»* [Даль 1879: I, 24]. Повтор знаменательного слова сопровождается повтором служебного слова: в балладе *«Светила звезда, ОНА ПЕРЕД месяцем; / Валялась куница, ОНА ПЕРЕД сободем; / Стояла девица, ОНА ПЕРЕД молодым»* [Астахова 1963: 105].

Процессы изменения форм слова и образования однокоренных слов обуславливают редуцирование объема звуковых соответствий повторяющихся слов, которые в звукосимволическом параллелизме становятся актуализаторами и носителями символического звукокомплекса, приобретают статус слова-актуализатора символического звукокомплекса как репрезентанта культурного смысла.

Первый этап развития звукосимволического параллелизма характеризуется параллелизмом формы и содержания звукокомплексов в его частях. Культурная семантика сопоставления параллельных образов выражается в плане содержания слов-актуализаторов символических звукокомплексов. Выявлены две модификации звукосимволических повторов: повтор в ряду форм слова и в ряду однокоренных слов. Средством формирования звукосимволических параллелей является повтор части плана выражения слова-актуализатора звукокомплекса в частях ОП.

Звукосимволический образный параллелизм организуется **повтором в ряду словоформ одной леммы**: представлен повтор основы слова-актуализатора,

включающей в свой состав, как правило, корневую морфему, в ряде случаев в сочетании со служебными морфемами (словообразующими аффиксами).

В частях представлен повтор основы слова-актуализатора звукокомплекса, включающей в свой состав **корневую морфему**. Звукосимволический повтор структурирует концентрический ОП: в образной части загадки *«мост – дерево»* *«Стоитъ МОСТъ / На семь верстъ, / На МОСТу ДРЕВо, / На ДРЕВе роса, / Всему граду краса. – Великий постъ и пасха»* [Садовников 1876: 258, № 2081и]; в заговорах вводом сквозного, в том числе симпатического, эпитета, с общей характеристикой образов *«море – терем, лествица – муж»* *«Есть на сем свете ЗЛАТое море, а в том ЗЛАТом море ЗЛАТ терем, а к тому ЗЛАТому терему ЗЛАТа лествица, по той ЗЛАТой лествицы ЗЛАТой муж ходит»* [Топорков 2010: 134, № 111]. Выявлены дву-, трех- и многочленные тавтологические повторы в ряду словоформ одной лексемы, формирующие звукосимволические «перечни со «сквозным» корнем» [Толстая 2005: 302]: *«<...> свет БОЖий, ветер БОЖий, люди БОЖьи»* [Аникин 1998, № 344].

В частях представлен повтор основы слова-актуализатора звукокомплекса, включающей в свой состав **корневую и служебные (словообразующие, реже – формообразующие) морфемы**. Звукосимволический повтор структурирует содержательную трансформацию ОП: в балладе *«ИГРАЛ молодец о трех кораблях, / А девица ИГРАЛа о буйной голове»* [Астахова 1963: 93]; представляет общий для частей символических субъект: в быличке *«ОБДЕРИХой раньше малых пугали <...>. Как ребенок родится, его в бане вымоешь, так ОБДЕРИХа. Сколько вымыто, как родились, столько ОБДЕРИХ. <...> А то говорят, что ОБДЕРИХа в бане только после сорокового ребенка появляется. В баню-то с некрещеным младенцем не ходи, ОБДЕРИХа задерет»* [Черепанова 1996: 38, № 200].

Звукосимволический образный параллелизм создается **на основе повтора в ряду однокоренных слов**: представлен повтор **части** основы слова-актуализатора звукокомплекса, включающей в свой состав корневую морфему в сочетании со словообразующими (реже – формообразующими) аффиксами или их частями.

Выявлены следующие разновидности звукосимволического ОП, основанного на повторе **в ряду однокоренных слов**: повтор корневой морфемы в составе

сложной двукорневой лексемы; повтор корневой морфемы или ее части; повтор корневой морфемы в сочетании со служебными морфемами или их частями; повтор алломорфов одной корневой морфемы; повтор корневой морфемы *ПОЛ-*, в том числе выступающей в функции приставки (префикса) – префиксоида *ПОЛУ-*; повтор двух корней в составе сложной двукорневой номинации.

Звукосимволические параллели создаются **повтором корневой морфемы в составе двукорневой лексемы**: в приметах с образами месяцеслова представлены номинации аналогов погодных воздействий «*Январь – ломоНОС: береги свой НОС*» [Рыженков 1992]; «*На Захария-СЕРПовидца гляди СЕРПы на лето*» [Харченко 2008: 101]; в пословице «*МЕЧ туп, а МЕЧеносец глуп*» [Снегирев 1999: 160, № 106].

Звукосимволические параллели представлены **повтором корневой морфемы (реже – ее части)**: в приметах «*Евдокия-ВЕСНовка ВЕСНу снаряжает*» [Селянгина 2005]; «*ВозДВИженье – последняя копна с поля ДВИнулась*» [Стрижев 1972]; в заговоре «*ГРЫЗь, не ГРЫЗи нас, мы тебя заГРЫЗем*» [Аникин 1998, № 483].

Звукосимволические параллели представлены **повтором корневой морфемы в сочетании со служебными (словообразующими, реже – формообразующими) морфемами или их частями**: в приметах «*1 октября – Арина-ШИПОВНИца: собирают плоды ШИПОВНИка, сушат их*» [Селянгина 2005]; «*Федор СТУДИТЬ: придет – все оСТУДИТЬ*» [Коринфский 1901: 464]; в причитании «*Эта смерть да не подСУДНАЯ, / А головушка да безрасСУДНАЯ*» [РПК 1940: 292]; в частушке «*Супротивница – ЗАБРОДа, / ЗАБРОДила сарафан*» [Власова 1965, № 1905]. ССМ формируется сопоставлением в частях звуковых форм нестандартного деривата *СОННИЦА* и «нормального» слова *бесСОННИЦА*, которому он обязан происхождением в результате инерции грамматического параллелизма [Толстая 2005: 306]: в заговоре в параллельной формуле обмена объектами «*Заря-матушка, возьми бесСОННИЦу, дай СОННИЦу*» [Аникин 1998, № 102].

Фоносимволические параллели представлены **повтором алломорфов одной корневой морфемы**, которые обусловлены чередованием звуков, входящих в ее состав: в приметах «*Евдокии-СВИСТуны: ветры СВИЩут*» [Харченко 2008: 101]; «*Декабрь-СТУЖайло на всю зиму землю СТУДит*» [Харченко 2008: 66]; в заговоре «*Я не коленку*

ГРЫЗу, а ГРЫЖу заГРЫЗаю» [Аникин 1998, № 364]; в частушке «*Супостаточка-МАЗИЛЬница, / МАЗИЛа пролила*» [Власова 1965, № 2116], в том числе чередованием с нулем звука «*Василий КАПЕЛЬник – с крыши КАПЛет*» [Рыженков 1992].

Звукосимволический ОП представлен **повтором корневой морфемы ПОЛ-, в том числе выступающей в функции приставки (префикса) – префиксоида ПОЛУ-**: в приметах народного календаря «*24 января/6 февраля – Аксинья ПОЛУхлебница. ПОЛЗапаса в закроме: ПОЛовина старого хлеба съедена, ПОЛовина срока осталось до нового урожая; ПОЛУхлебница цены на хлеб устанавливает. Аксинья ПОЛУзимница. ПОЛУзимница поПОЛам – да не ровно делит зиму: к весне мужику тяжелее*» [Рыженков 1992]; в быличке с представлением сверхъестественного персонажа «В водах живут утопшие фараоны [наименование мифологического персонажа, ПОЛУрыбы-ПОЛУчеловека, обитающего в воде]» [Черепанова 1996: 36, № 187].

Фоносимволические параллели представлены **повтором двух корней в составе сложной двукорневой номинации**: в быличке с репрезентацией сверхъестественного персонажа (*ПОЛУДНица*) и актуализацией внутренней формы номинации: «*А ПОЛУДНица, это раньше, сейчас ПОЛУДНиц-то нет. А раньше по деревням, как ПОЛДЕНЬ, двенадцать часов, идет ПОЛУДНица. <...> Как увидишь, что ПОЛДЕНЬ, ложись*» [Черепанова 1996: 41–42, № 230; 228].

Второй этап развития звукосимволического ОП отличается утратой параллелизма формы и содержания повторяющихся в частях звукокомплексов: параллелизм формы не сопровождается параллелизмом содержания повторяющихся звукокомплексов.

Воспроизведение корневой морфемы в ряде случаев в сочетании с формообразующими и словообразующими аффиксами реализуется на основе омонимии. Сходство слов в звуковом отношении при различии значений формирует параллелизм плана выражения при отсутствии параллелизма плана содержания. Звуковое совпадение в частях ОП единиц языка, которые семантически не связаны друг с другом, является идентификатором второго этапа. Эволюция параллелизма плана выражения определяется функционированием звукокомплекса в одной части ОП как самостоятельного слова, а в другой параллели – как части звуковой формы другого слова, которое функционирует в качестве слова-актуализатора

звукокомплекса: «ВРАЛЬ – феВРАЛЬ», «РЫЖ – бРЫЖь», «СЕМЕН-день – СЕМЕНа», «ЕвТИХИЙ – ТИХИЙ»; «РОСА – пРОСА» и др.

Индикатором второго этапа является реализация повтора слова в составе другого слова как части плана его выражения. В ССМ дифференцированы **слово-актуализатор плана содержания**, в котором границы звукокомплекса совпадают с границами слова, звукокомплекс является планом выражения слова: *ВРАЛЬ*, *РЫЖ*, *СЕМЕНа*, *ТИХИЙ*, *РОСА*; и **слово-актуализатор плана выражения**, в котором звукокомплекс составляет часть плана выражения слова: *феВРАЛЬ*, *бРЫЖь*, *СЕМЕН-день*, *ЕвТИХИЙ*, *пРОСА*.

В звукосимволическом ОП действию механизма инерции грамматического параллелизма подвержено глагольное словоизменение, что объективирует преемственность преобразований индикаторов первого и второго этапов. Действием механизма инерции, получающей выражение в «ассимиляции» к предшествующей императиву форме краткого прилагательного *рыж*, объясняется образование аномальной формы императива *брыжь* от глагола *брызгать* [Толстая 2005: 305]: «Ты конь *РЫЖ*, ты, кровь, не *бРЫЖь*» [Майков 1869: 64, № 151].

Звуковая оболочка слова-актуализатора плана содержания параллельно функционирует как звукокомплекс, составляющий часть плана выражения другого слова и посредством актуализации аналогичного звукокомплекса в ее составе фактически удваивает значение слова-актуализатора плана выражения, семантическая сфера которого параллельно в ОП соотносится с актуализируемой в его составе культурной семантикой слова-актуализатора плана содержания. Образное сопоставление формирует псевдопараллелизм плана содержания актуализированного в ОП звукокомплекса. Выявлены две **разновидности**: воспроизведение слова или его формы, сопровождающееся полным совпадением границ одного или двух слов с границами звукокомплекса; воспроизведение одного слова в границах другого как части плана его выражения.

Воспроизведение слова или его формы, сопровождающееся полным совпадением границ одного или двух слов с границами звукокомплекса, проявляется в повторе омонимичных корневых морфем с идентичным планом

выражения, семантически не связанных друг с другом в силу омонимии. Омонимичные корни совпадают по звучанию (и написанию), но являются разными по значению. Звукосимволическая параллель формируется на основе повтора лексемы-актуализатора тождественного звукокомплекса с учетом омонимии: в примете «*НАУМ наставит НА УМ (пора приниматься за учебу)*» [Харченко 2008: 67]. В пословицах исследуемое построение «*Кто пьет ЧАЙ, тот спасения не ЧАЙ*» [Даль 1879: I, 17] эволюционирует в повтор звуковой формы слова-актуализатора плана содержания *чай* как части звуковой формы слова-актуализатора плана выражения *отЧАИвается*: «*Кто пьет ЧАЙ, отЧАИвается от Бога; кто пьет КОФе – налагает КОВ на Христа*» [Даль 1879: I, 17].

В примете повтор словоформ с тождественным планом выражения в трех частях (параллелизма-биноме, интерпретирующей и комментирующей частях) формирует звукосимволический образный параллелизм: «*СЕМЕН-день – СЕМЕНА долой (т. е. СЕМЕНА сами выпадают из колосьев)*» [Харченко 2008: 67].

Воспроизведение одного слова в границах другого как части плана его выражения связано с актуализацией в слове корневых и служебных морфем и их сегментов, увеличением объема вовлеченных в формирование параллельного фоносимвола языковых элементов: в приметах «*Бокогреюшка – феВРАЛЬ: он теплом обычно ВРАЛЬ*» [Селянгина 2005]; «*ЕвТИХИЙ – день ТИХИЙ*» [Харченко 2008: 67]; сравн.: «*На ТИХона солнце идет ТИШе*» [Харченко 2008: 67], имя *Тихон (Τύχων)* происходит от имени богини удачи *Тюхе (Τύχη)*, которое переводится как «счастливый жребий»; «*На Егорья РОСА – будут добрые пРОСА*» [Харченко 2008: 69]; в заговоре «*ОХИ-исполОХИ, ОХИ-исполОХИ, нет вам места*» [Аникин 1998: 72, № 287]; с варьированием в частях сегментов слов и служебных морфем – префиксов: в примете «*5 января – День ФеоДУЛа. Пришел ФеДУЛ, ветер наДУЛ (поДУЛ) – к урожаю*» [Селянгина 2005]. ССМ формируются на основе омонимии актуализацией в слове корневых морфем и их сегментов: «*ТОПоль у дома не сажают – «приТОПает» все, погубит и семью, и дом*» [Харченко 2008: 68]. Звукосимволический ОП конституируется позиционной общностью слов-актуализаторов

звукокомплексов: в приметах *«Придет ИЛЬЯ – принесет гнИЛЬЯ»* [Харченко 2008: 69]; *«С Казанской мороз НЕВЕЛИк, да стоять НЕ ВЕЛИт»* [Харченко 2008: 68].

Звукосимволический ОП формируется **на основе звукоподражательных слов**, которые состоят из повторяющихся слогов и служат для образования других слов разных частей речи: *«ЗаКУковала КУКУшка – можно КУпаться»* [Харченко 2008: 30]. Природа редупликации способствует возникновению звукосимволизма.

Третий этап развития звукосимволического ОП характеризуется утратой параллелизма плана выражения и плана содержания: варьированием/нарушением параллелизма формы и отсутствием параллелизма содержания в результате эволюции ОП. Исследуемый этап эволюции квалифицируем, используя термин С.М. Толстой, как звуковое притяжение, игру со **звуковой формой слова (корня и аффиксов) и их сегментов**, которая приводит к редупликации, разного рода рифмованным повторам с варьированием [Толстая 2005: 305]: в заговорах *«криКСА-мораКСА»* (*Моракс – демон*) [Аникин 1998: 62, № 223], *«кРИКСЫ-ваРИКСЫ»* (*вариксы – вздутие*) [Аникин 1998: 62, № 225], *«мецУНЕЦ-кладУНЕЦ»* [Аникин 1998: 243, № 1459]; *«чЕРЕДУ-вЕРЕДУ»* [Аникин 1998: 292, № 1884]; *«чиРЕЙ-выРЕЙ»* (*Вырей – рай, райское мировое древо*) [Аникин 1998: 294, № 1907]; в закрепке *«Будьте мои слова крЕПКИ и лЕПКИ»*; в именах сказочных персонажей: *бАБА-Яга, чУДО-ЮДО* [Морозова 1977: 232–234].

Разная **степень подобия звукокомплексов** в частях, интегрированных гипертемой, является средством выражения сопоставления их содержания. В составе звукокомплекса сохраняется тождество состава звуков, их набор идентичен, варьируется последовательность и количество звуков. Варьирование/нарушение параллелизма плана выражения повторяющихся звукокомплексов не непосредственно, а опосредованно участвует в реализации параллелизма плана содержания ОП на уровне гипертемы. Третий этап характеризуется утратой прямых, непосредственных содержательных соответствий тождественных или подобных звукосимволических параллелей, сопоставление которых в семиотическом плане реализуется на уровне гипертемы.

Звукосимволический ОП создается тождеством состава и количества элементов звукокомплекса при отсутствии их позиционной общности: в примете «*Утренняя роса – добрая СЛЕза; ею ЛЕС умывается*» [Рыженков 1992].

Маркерами словообразовательного уровня выступают корневые и служебные морфемы и их комбинаторика. Разграничены символические звукокомплексы **в составе корневых морфем, в составе служебных морфем, в составе корневых и служебных морфем и/или их части.**

Совпадение звукокомплексов как части звуковой формы **корневых морфем:** в инициальной позиции «*Иван-МОЛчальник МОЛчит, добрая МОЛва дело растит*» [Харченко 2008: 77]; в инициальной и медиальной позициях «*ОСЕнь – перемен вОСЕМь*» [Селянгина 2005]; в финальной позиции «*Борис и ГЛЕБ – поспел хЛЕБ*» [Харченко 2008: 68]; «*пОСТ не мОСТ, можно и объехать*» [Рыженков 1992].

Совпадение звукокомплексов в составе **служебных морфем или их части:** префиксальные морфемы в загадке «*Пучеглазая глядит, / ПО-французски говорит, / ПО-блошиному скачет, / ПО-человечьи плачет. – Лягушка*» [Рыбникова 1932: 252, № 263]; суффиксальные морфемы в примете «*В марте мороз скрипУЧ, да не жгУЧ*» [Селянгина 2005]»; в причитании «*Как в углу стало пустЕШЕНЬКО, / А в другом стало темнЕШЕНЬКО, / На уму не веселЕШЕНЬКО*» [РПК 1940: 192]; сочетание суффиксальной морфемы и флексии в загадке «*Заря-зарнИЦА, / Красная девИЦА. / По миру (по свету) ходила, / Слезы (ключи) обронила; / Месяц видел, / Солнце скрало. – Роса*» [Аникин 1957: 188, № 207]. Структурно-семантический механизм формирования звукосимволического ОП реализован в сопоставлении закономерной формы *poimen agentis креститель* от *i*-глагола *крестить* и порожденной ею в условиях грамматического параллелизма «неправильной» формы *помогитель* с тем же значением от глагола другого (атематического) класса – *помочь* [Толстая 2005: 306]: «*Иван КрестИТЕЛЬ, святой помогИТЕЛЬ, помощи и пособи*» [Аникин 1998: 70, № 279].

Разнообразно представлено совпадение звукокомплексов в составе **части корневой морфемы в сочетании со служебными морфемами:** в пословице «*Кто табак пьет (т. е. нюхает), да кУРИТ – Святаго Духа от себя тУРИТ*»

[Даль 1879: I, 17]; в приметах «*На Трифона звеЗДНО – весна поЗДНЯ*» [Харченко 2008: 69]; «*С ЕрАСТА жди леДяного НАСТА*» [Харченко 2008: 68]; в причитаниях «*Придут празднички ГОдОВЫЕ, – / Давно слезушки ГОтОВЫЕ*» [РПК 1940: 91]; «*Виют ветры УвИВАЮТСЯ, / А добры люди УБИВАЮТСЯ*» [РПК 1940: 163]. В протяжной песне реализовано сужение в частях звукоряда «<...> наше жалованье, / ТруДОВОЕ-гоДОВОЕ, нашо денежнОЕ!» [Кежма 2015: 42]. Притяжением на основе грамматического параллелизма к слову *камень* объясняется грамматический род и форма *Евангель* [Толстая 2005: 305]. Звукосимволический ОП формируется с нарушением позиционного тождества компонентов звукокомплекса: «*Это не кАмЕНЬ – ГосподЕНЬ ЕвАНгЕль. На этом Евангели <...>*» [Аникин 1998: 264, № 1644].

Звукосимволический ОП формируется с учетом результатов позиционного процесса качественной редукции гласных звуков: в приметах «*Васильева ночь звездИСТА – лето ягоДИСТО*» [Харченко 2008: 68-69]; «*Зимой белые облАКА – мороз хватает за бОКА*» [Харченко 2008: 68]; в загадке «*На древе роСА, / Всему граду крАСА. – Великий постъ и пасха*» [Садовников 1876: 258, № 2081и]. Позиционное тождество слов-актуализаторов звукокомплексов упрочивает параллелизм: в примете «*Солнце в туманном кРУГУ – жди нУРГУ*» [Харченко 2008: 68].

На материале ССМ дифференцированы **консонантные звукокомплексы**, основанные на тождестве согласных звуков; **вокалические звукокомплексы**, основанные на тождестве гласных звуков; **консонантно-вокалические звукокомплексы**, основанные на тождестве согласных и гласных звуков.

Звукосимволизм на уровне **тождества согласных** зиждется на аллитерации как художественном приеме звуковой организации текста, который представлен повторением согласных звуков или их сочетаний. В границах звукосимволического параллелизма представлен формированием **консонантных звукокомплексов**: в примете «*Коли силен моРоз на кРеЩенье – на хлеба не РопЩи*» [Селянгина 2005].

Звукосимволизм на уровне **тождества гласных звуков** реализован в скрытой форме и основан на ассонансе как художественном приёме звуковой организации текста, который создается повторением гласных звуков или их сочетаний. В ССМ представлен формированием **вокалических комплексов**: в

приметах *«Тит-лиСтопаднИк отдает последний грИб»* [Харченко 2008: 67]; с нарушением количественного параметра и позиционной общности звуковых совпадений *«Какова ЕвдОкЕя, таково и лЕтО»* [Харченко 2008: 67].

Звукосимволизм на уровне **тождества гласных и согласных звуков** представлен формированием **консонантно-вокалических комплексов** и характеризуется, в отличие от двух других разновидностей, большим объемом звуковых соответствий: в приметах *«ЕвТРОПИЙ – снЕг ТОПИТ»* [Харченко 2008: 68]; *«ЮГ вЕЕТ – сТароГо ГрЕЕТ»* [Жарков 1954: 52, № 118]; *«ЗимОй Белые ОБЛАКА – мОрОз хвАтАет зА БОКА»* [Харченко 2008: 68]. Звуковые подобию консонантно-вокалических комплексов разнообразно представлены в параллелизмах-биномах, в частях которых создается отзеркаливание компонентного состава звукокомплекса: в приметах *«С ПеТРА-ПовоРоТА день на убыль пошел»* [Харченко 2008: 67]; *«<...> НеНИЛу-ЛьНяНИцу»* [Харченко 2008: 67]; *«ТимОфЕЙ-веснОвЕЙ, солнОгрЕЙ»* [Харченко 2008: 65]; в быличке *«ДЕДУШКА-ДОмОвЕЮШКО кусал»* [Черепанова 1996: 26, № 95].

Сопоставление текстов сходного содержания отражает **динамику формирования символических звукокомплексов** на основе редупликации согласных в составе консонантного звукокомплекса: *«Коли силен моРоз на КреЩенье – на хлеба не РопЩи»* [Селянгина 2005]; на основе редупликации согласных и гласных в составе консонантно-вокалического звукокомплекса: *«Коли силен мОРОз на ВОдОкРеЩИ – на хлеба не РОпЩИ»* [Харченко 2008: 69].

ССМ реализуется вводом в каждую часть двух слов-актуализаторов: в примете *«На МАрка небо ЯРКО, бабАм в избе жАРКО»* [Харченко 2008: 68].

Выявлены **контаминации способов выражения** звукосимволического ОП.

Кумулятивный эффект развития звукосимволического ОП выражен в **трех основных процессах**: в накоплении в ОП индикаторов разных этапов его эволюции; в сочетании в ОП лексического повтора с индикаторами разных этапов эволюции; в формировании звукосимволического ОП самих звукокомплексов в частях с сочетанием индикаторов разных этапов эволюции в каждой из частей.

В звукосимволическом ОП проявляется **накопление индикаторов разных этапов его эволюции**: в сочетании индикаторов первого и второго, первого и

третьего, второго и третьего этапов. **Сочетание индикаторов первого и второго этапов** эволюции: воспроизведение одного слова в границах другого как части плана его выражения в сочетании с повтором, реализованным в ряду однокоренных слов в примете «*ЗАРница – хлебоЗАР, хлеб ЗОРит*» [Рыженков 1992]. **Сочетание индикаторов первого и третьего этапов** эволюции: в разных словах-актуализаторах звукокомплекса, отражающих синтагматику вхождения одного слова-актуализатора в разные параллельные звукоряды в частушке «*девОЧКИ-белянОЧКИ*», «*БЕЛяночки – наБЕЛилися*»: «*ДевОЧКИ-БЕЛянОЧКИ, / Где вы наБЕЛилися?*» – / «*За рекой коров доили, / Молоком умылися*» [Селиванов 1990: IX, 243; № 1666]; в разных словах-актуализаторах звукокомплекса, формирующих в идентичных позициях два параллельных звукоряда в пословице «*ГРАДА – оГРАДА*», «*сохРАнит – стРАжа*»: «*Не сохРАнит Господь ГРАДА, не сохРАнит ни стРАжа, ни оГРАДА*» [Даль 1879: I, 7]; без тождества позиций в примете «*ПоМЕЛо МЕТЛой на МасЛЕНу – приедет сударыня МЕТЕЛьНая*» [Харченко 2008: 67]. **Сочетание индикаторов второго и третьего этапов** эволюции: в приметах с образами народного календаря и именем святого «*На ОСИя – кОлеСО С ОСью до веСны раССтаются*» [Харченко 2008: 68]; «*Пришел ЕвСЕЙ – оВСы отСЕЙ*» [Харченко 2008: 67]; в пословице «*Себя ХЛЫЩу – ХриСТа ИЩУ (ХЛЫСТовЩИна)*» [Даль 1879: I, 18].

В звукосимволическом ОП проявляется **сочетание лексического повтора с индикаторами разных этапов** эволюции.

Сочетание лексического повтора с воспроизведением индикаторов первого этапа эволюции в ряду словоформ одной лексемы и в ряду однокоренных слов. Звукосимволический ОП реализуется **на основе сочетания лексического повтора с повтором в ряду словоформ одной лексемы**. В параллелизме с образным уподоблением посредством звукосимволического ОП объективируются основания уподобления субъекта и объекта. Звукосимволизм в календарных приметах основан на народной этимологии: «*Смотри ОСЕНЬ по МАКРИДЕ: МАКРИДА МОКРАЯ – ОСЕНЬ МОКРАЯ*» [Харченко 2008: 67]. Звукосимволический ОП реализуется **на основе сочетания лексического повтора с повтором в ряду однокоренных слов**: в заговоре с дополнительной

редупликацией в ряду однокоренных слов: «Заря-заряница, красна девица, возьми у (имя) бесСОННУ СОННИЦУ, дай СОННУ СОННИЦУ» [Аникин 1998: 48, № 101].

Сочетание лексического повтора с воспроизведением индикаторов третьего этапа эволюции – с повтором звукокомплексов: в примете «Пастух РАДИ лЕТА, пчела РАДИ цвЕТА» [Харченко 2008: 57]; в причитании «ЕСТЯ грешничкам проЩЕНЬИЦЕ, / ЕСТЬЯ мертвым распуЩЕНЬИЦЕ» [РПК 1940: 179]; в балладе «Цветное платьице НА грядОЧКЕ висИТ, / Худая-то жена НА ручКЕ спИТ» [Астахова 1963: 88].

Формируется **звукосимволический параллелизм самих звукокомплексов**, который демонстрирует сочетание индикаторов разных этапов эволюции в каждой части.

В каждой из частей приема в составе параллелизмов-биномов формируется двойной ряд звукосимволических образных соответствий с индикаторами **первого и третьего этапов эволюции**: в заговоре «ТОСКа-ТОСКица, РУЧЬя-РУЧЬица, РЕКа-РЕКица, ВОДа-ВОДица» // «тоскА-тоскИЦА, ручьЯ-ручьИЦА, рекА-рекИЦА, водА-водИЦА» [Аникин 1998: 48, № 100]. Звукосимволический ОП самих звукокомплексов образован накоплением в каждой из его частей индикаторов первого и третьего этапов эволюции в сочетании с лексическим повтором количественного компонента, выраженного количественным числительным «три» как языковой скрепой: «ТРИ ТОСКи ТОСКучия, ТРИ РЫДы РЫДучия» // «ТРИ тоскиИ тоскУЧИЯ, ТРИ рыды рыдУЧИЯ» [Майков 1869: 15, № 14]. Выражение *рыда рыдучая* и его составляющие, не отмеченные вне заговоров, обязаны возникновением влиянию «параллельной» формы *тоска тоскучая*. Основу аналогии составляет семантическая и прагматическая (ситуативная) близость глаголов *тосковать* (в соотношении с *тоска*) и *рыдать*, определяющая и аналогическое словообразование: «*тосковать – тоска = рыдать – рыда, тосковать – тоскучая = рыдать – рыдучая*» [Толстая 2005: 303, 306]. Построение выявлено в тавтологической формуле «*тоска тоску тоскует, сухота сухоту сухотует*», в которой инерционный глагол *сухотовать* образуется от существительного *сухота* по словообразовательной модели *тоска – тосковать* [Толстая 2005: 307]: «ТОСКа ТОСКу ТОСКует, СУХОТа СУХОТу СУХОТует» // «ТоскА тоскУ тоскУЕТ, сухотА сухотУ сухотУЕТ» [Аникин 1998: 143, № 722]. В заговорах двучленные, трехчленные и

многочленные тавтологические повторы однокоренных слов (перечни со «сквозным» корнем) в сочетании с другими видами повторов частотны в формулах любовной болезни: «Едой БЫ ОНА НЕ ЗАЕДАЛА, ПИтьем ОНА НЕ ЗАПИВАЛА, в ГУЛЬбе БЫ ОНА НЕ ЗАГУЛИВАЛА, и во Сне БЫ ОНА НЕ ЗАСыпывАЛА» [Майков 1869: 10, № 3].

Морфогенез звукосимволического ОП как формализованной ССМ имеет отличительные черты. ССМ является средством выражения сопоставительных отношений на основных этапах развития ОП во всех фольклорных жанрах.

В приметах выявлены звукосимволические параллели в составе **классического ОП**: «5 января – День ФеоДУЛа. Пришел ФеДУЛ, ветер наДУЛ (поДУЛ) – к урожаю» [Селянгина 2005]; **трансформированных ОП с антропоморфизацией образов**: «На дороге гРЯЗЬ, так овес кнЯЗЬ» [Харченко 2008: 68]; **трансформированных ОП с пластикой образов человеческой части**: «Солнце в туманном кРУГУ – жди пУРГУ» [Харченко 2008: 68]; **содержательной трансформации**: «При шитье лишний ГЛАЗ – на сГЛАЗ» [Харченко 2008: 186]; «20 августа – День ДоМетИя, МАрИНЫ, ПиМеНЫ. ПиМеНЫ – МАрИНЫ – не ИцИ в лесу МАлиНЫ» [Селянгина 2005].

В приметах звукосимволический ОП представлен в **формализованных ССМ** на основе содержательной трансформации с экспликацией средств сопоставления: «Коли силен мороз на ВодокРеЩИ – на хлеба не РопЩИ» [Харченко 2008: 69]. В составе параллелизмов-биномов с экспликацией средств формализации: «Какова ЕвдОкЕя, таково и лЕтО» [Харченко 2008: 67]. Звукосимволизм связывает параллелизм-бином с последующей частью приметы: «На Анисия-ОВЧАРника ОВЧАРИ окликают звезды для обильного плодородия овец» [Харченко 2008: 102]. Звукосимволический ОП выявлен в параллелизме с образным уподоблением: «Февраль – СЕЧЕнь, СЕЧЕт зиму пополам» [Селянгина 2005]; «Герасим – ГРАЧЕвник ГРАЧЕй пригнал» [Селянгина 2005]. «Звуковое эхо» доминирует в календарных приметах, месяцеслове. «Имена святых каждого дня в году образуют персоносферу народных примет с ведущей регуляторной функцией» [Харченко 2008: 73], определяющей когнитивный механизм прогноза: «31 января – Афанасий и Кирилл. Афанасий-лОмОнОС горазд на мОрОЗ. Афанасьевские мОрОЗы шуток шутить не любят. Пришел Афанасий-лОмОНОС – береги щеки и НОС» [Селянгина

2005]. Репрезентирован несколькими рядами звуко-символических сопоставлений: «АзЕй – сЕЕт ииЕй» – «ПРОРОК – ПОРОГ» «АзЕй ПРОРОК сЕЕт ииЕй на ПОРОГ» [Харченко 2008: 68]. В былине звуко-символизм образуется троекратным повтором сквозного эпитета в троичном ОП: «Уж ты СТАРАя собака захлынива, / Уж ты СТАР, смотри, да СТАР казак» [Астахова 1961: 73]. ССМ получает выражение в параллелизмах с акциональными перечнями: «Перезимник ОБнадежИТ, ОБтеплИТ, а потом ОБМАНЕТ – все морозом стЯНЕТ» [Харченко 2008: 52].

Звуко-символический ОП имеет **общефольклорный статус**.

3.2.5.2.13. Образный параллелизм метаморфоз-репрезентаций

Метаморфоза, общепризнанно являющаяся одним из распространенных стилистических приемов в мифологии, фольклоре и литературе, в своих наиболее архаичных формах отражает **сущностные черты ранней мифопоэтической мысли** [Мелетинский 1968]: представление о расплывчатых (нечетких) множествах, членами которых являются репрезентанты разных миров, способные перевоплощаться друг в друга в результате метаморфоз; осознание непреодолимых границ между параллельными мирами, обусловивших необходимость превращения. Метаморфоза демонстрирует преобразование разнотелных пластов бытия, объективирует его многослойность, коррелирующую с многослойностью фольклорного текста.

Перевоплощение-оборотничество, метаморфоза (μεταμόρφωσις от μετα- «через» и μορφή «форма» – превращение, преобразование) есть **умение принимать чужой облик**, превращаться в животных, растения, предметы, приписываемое в народных верованиях людям со сверхъестественными способностями и нечистой силой [Славянская мифология 1995: 279; Кафка 2010; Овидий 2017; Терещенко 2014]; переход одной формы в другую с приобретением нового внешнего вида и/или функций. Метаморфоза воплощает «превращенный» мир [Арутюнова 1990: 7–32; 1990а: 296–298; 1990б: 17; 1999]. Воплощающая синкретизм первобытной картины мира метаморфоза связана с переходным ритуалом [Адоньева 2004а: 130], с функцией обряда приводить к гармоничному соответствию

личный, природный и социальный порядок. Обратнические процессы перехода из одного состояния в другое: из человеческого – в животное, из видимого – в невидимое, из живого – в мёртвое – интегрированы с потребностью в удержании собственной сущности, что приводит к обратному перевоплощению. Сущностные черты метаморфозы связаны с ОП и воплощаются в его семиотической вертикали. Гипертема коррелирует с потребностью в удержании сущности в процессе перевоплощения. Образные параллели объективируют обратническую многоликость.

Связь метаморфозы с ОП обусловлена ее принадлежностью к природному и культурному пространствам. Процесс метаморфозы служит посредником между человеческой жизнью и жизнью природы. Противоречивая сущность метаморфозы коррелирует с эволюционирующей природой ОП: «Метаморфоза <...> сочетает <...> различные модификации линейности, цикличности и нелинейности, присущие культурному развитию» [Мартысюк 2023: 93]. Функциональные возможности мифологической метаморфозы являются источником культурной динамики.

Памятники фольклора изобилуют вариантами **единого мифологического мотива метаморфоз** и содержат коллекцию **способов и причин метаморфоз-перевоплощений**. В фольклорно-языковой картине мира способы выражения метаморфоз обусловлены **полисемантизмом образов**, архаичные следы множественной семантики которых воплотили мистическое чувство единения человека со всем сущим, **универсальный «закон сопричастия» (партиципации)** [Зуева 2007: 23].

ОП метаморфоз-репрезентаций неразрывно связан с представлением в фольклорном тексте функций визуальной сферы фольклорных персонажей как инструмента категоризации мироустройства [Афанасьев: 1996: 234–252; Виноградова 1995: 17–26; 2015: 59–64; 2000; 2005; 2016]; Селиверстова 2018: 388–402; Толстая 1994: 9–13; Толстой 1995: 500–502; Фаттахова 2024; Ясинская 2015; 2016]. Фольклор, будучи феноменом культуры, имеет функциональную природу, поэтому функция актуальна по обе стороны фольклорного произведения: становится структурообразующим фактором в тексте, выявляет, «что в нем обусловлено существующими внефольклорными связями и как эти связи выражены в нем» [Путилов 1994: 67]. В текстах быличек и бывальщин на материале номинаций, репрезентирующих специфику действий, совершаемых при

помощи органов зрения, выявлены **три основные функции глаз и взгляда** фольклорных персонажей: функции восприятия, воздействия и маркирования [Доброва 2020б: 146–151]. Функция восприятия присуща очевидцу сверхъестественного происшествия и мифологическому персонажу, функции воздействия и маркирования – прежде всего мифологическому персонажу. Способы репрезентации функций зрительной сферы определяются особенностями мифологического мышления рассказчика и жанровой установкой быличек и бывальщин на достоверность повествования. Первичной и доминантной является **функция непосредственного зрительного восприятия**, которая получает воплощение, как правило, в простых номинациях (прежде всего глагольные, реже – слова категории состояния, деепричастия, фразеологические обороты). Функции воздействия и маркирования являются производными от функции восприятия, представлены меньшим количеством номинаций, низкими показателями частотности, структурно воплощаются с использованием комплексных номинаций. **Функция воздействия** предполагает использование глаз и взгляда в качестве инструмента воздействия на окружающую действительность, объективируется входящими в состав комплексных номинаций глагольными лексемами, отглагольным существительным «сглаз», которое обозначает «непреднамеренное или спонтанное воздействие человека, не зависящее от воли субъекта-носителя, совершаемое при помощи *взгляда, слова, мысли, встречи или комбинированного ментального воздействия*» [Народная демонология Полесья 2016: 22]. Функция определяется принадлежностью **субъектов к одному из параллельных миров и результатами их воздействия**: воздействие человека, в том числе с учетом представления о возможности сглазить себя; воздействие существ иномирной природы со сверхъестественными способностями (*ведьмы, колдуны*). Сочетание глагольных номинаций со значением зрительного восприятия, движения, речевой деятельности или физического воздействия репрезентирует **комбинированное воздействие** на структурно-содержательной основе ОП с акциональным перечнем: «Митроня посадила меня на лавку, стала около меня, взяла мою руку в свою и долго на нее смотрела, а потом начала беззвучно что-то про себя говорить» [Пухова 2008: 96]. **Функция маркирования** основана на сопоставлении микрокосмического «человеческого» и макрокосмического «нечеловеческого»

миров. Маркерами иномирности сверхъестественных существ являются особенности органов зрения, которые несвойственны людям (категории аномалий глаз в отношении цвета, размера, количества, формы, строения, а также особенностей взгляда). Функция маркирования отражает параллельную способность органов зрения **воспринимать** информацию об окружающем мире и **«сообщать»** сведения о своем носителе.

Параллелизм первичной и производных функций сферы визуального восприятия является **инструментом традиционного способа категоризации мироустройства.** «Типология функций глаз и взгляда, способы их вербальной репрезентации в быличках и бывальщинах отражают амбивалентную природу жанров, аккумулируют уникальность частного опыта рассказчика и составляющее событийное ядро повествование о сверхъестественном. Первое связывает былички и бывальщины с бытовым повествованием и соотносится с функцией зрительного восприятия, обеспечивающей фактор достоверности информации. Второе вводит сообщение в круг народной традиции и соотносится с функциями воздействия и маркирования. Функция восприятия, присущая представителям разных миров, объединяет человеческий и сверхъестественный миры, функция воздействия обеспечивает их контакт, функция маркирования обозначает границы миров и принадлежность существ к тому или иному миру» [Доброва 2020б: 148]. В понятийной структуре быличек отражены **социальные и пространственно-временные** представления человека: взаимное уподобление «своего» и «чужого» параллельных миров, значимые точки годичного и суточного циклов, пространственные границы **человеческого и потустороннего.** Множественные метаморфозы персонажей представлены в образах параллельных миров, что формирует образный параллелизм метаморфоз-репрезентаций.

Образный параллелизм метаморфоз-репрезентаций – формализованная ССМ, конституируемая звеньями цепи сопоставляемых макро- и микрокосмических образов, которые реализуют семантику перевоплощения-оборотничества и представляют разнособстанциональные образные метаморфозы-репрезентации фольклорного персонажа со сверхъестественными способностями.

ОП параллелизм метаморфоз-репрезентаций охватывает разнообразный спектр миров. Семантика оборотничества определяется психологическим параллелизмом образных представлений, который объективируется в ОП. Разграничены **два типа метаморфоз**: сверхъестественное существо предстает в образе параллельного мира; определенная категория людей превращается в сверхъестественное существо.

Диапазон звеньев цепи метаморфоз-репрезентаций, принадлежность образных воплощений к параллельным мирам и последовательность представления образных ипостасей в фольклорных текстах имеет жанровую специфику: выявлен диапазон **от двух до пяти** образных воплощений и **недифференцированные** по количественным показателям, имеющие обобщающий характер модели. Дифференцированы метаморфозы, имеющие **двухступенчатую структуру**, представленную бинарной ипостасью персонажа и одной степенью превращения, и **многоступенчатую структуру**, представленную серией метаморфоз персонажа, неоднократными последовательными превращениями, в том числе обратными.

Основанием для **квалификации этапов эволюции ОП метаморфоз-репрезентаций** в фольклорных произведениях служит **динамика процесса оборотничества и объема его реализации** – всеобщности или частности перевоплощений и характер их репрезентации в тексте. «На ранних этапах становления культуры метаморфоза сводится к всеобщему оборотничеству. <...> В относительно поздний хронологический отрезок метаморфоза распространяется <...> на частные формы сущего» [Мартысюк 2023: 94]. Варианты текстовых реализаций метаморфозы как поэтапного процесса демонстрируют последовательное превращение персонажей, а характер его объективации в фольклорном тексте позволяет определить объем и способы реализации перевоплощений и квалифицировать этап эволюции ССМ.

Матрицей структурообразования ОП метаморфоз-репрезентаций являются **псевдомодели связного текста** [Доброва 2023: 1–7]. В цепи эволюционных преобразований ОП метаморфоз-репрезентаций подготавливает образование дистантного ОП. ССМ дифференцируется **по следующим критериям**: по количеству и содержанию звеньев образной цепи; по образному выражению актантов (субъектов и объектов) метаморфоз: кто в кого превращается; по направлению

процесса оборотничества: прямое или обратное превращение; по характеру исполнения превращения: оборотничество активное (субъектное самопревращение) или пассивное (объектное превращение, в том числе в результате заколдовывания).

Первый этап эволюции ССМ характеризуется максимально полным объемом перевоплощений и по форме, и по содержанию и объективацией **идеи всеобщего оборотничества** в моделях цепи образных перевоплощений с указанием на факт многоступенчатого последовательного оборотничества или его декодированием в результате восприятия мифологизированного существа. Выявлены двукомпонентные – пятикомпонентные и недифференцированные по количественным показателям модели объективации метаморфоз. **Идентификационные показатели:** репрезентация метаморфозы как способа восприятия действительности, осуществляющегося процесса или свершившегося факта; процесса поэтапного внешнего превращения (двуступенчатого с одним превращением, многоступенчатого с множественными превращениями) или результата с идентификацией сверхъестественного существа; отражение веры в перевоплощение; всеобщий и полный характер метаморфозы.

ОП метаморфоз-репрезентаций является жанрообразующим в быличках и бывальщинах, повествующих о встрече человека со сверхъестественными существами, обладающими способностью к оборотничеству. ОП связан с перцептивной сферой прежде всего в части визуального восприятия сверхъестественного существа и определяется характером ее представления в тексте: вербализуется посредством моделей **множественной номинации** персонажа со сверхъестественными способностями к оборотничеству [Доброва 2020: 223–249].

Демонологические представления об оборотничестве мифологизированных персонажей манифестируют не столько идею взаимопроникновения миров, сколько идею *двойной природы мироустройства и всех населяющих его живых существ* [Неклюдов 1979: 133–141]. «Двуприродность» миропорядка, присущая бытовой повседневности, определяет возможность «оборачиваемости» окружающего, проявления в нем по-ту-сторонней, «обратной» стороны действительности. Мифологизированный персонаж, проявляя оборотнические способности, демонстрирует «оборотность»

самой объективной реальности, возможность манифестации потустороннего как продукта оборотности в любом ее фрагменте [Неклюдов 1998: 6–43].

В быличке как разновидности мифологического текста номинации персонажей отражают значимую часть фольклорно-языковой картины мира. *Особую группу мифологизированных персонажей* представляют вполне реальные люди, обладающие сверхъестественными способностями и являющиеся носителями сакрального знания: лекари, предсказатели, колдуны, ведьмы (колдуньи) [Власова 1995: 13]. Собственно демоническими среди них можно считать колдунов и ведьм, связанных в народной культуре с полем отрицательных значений, в то время как лекарь маркируется положительно [Медведева 1997]. Люди со сверхъестественными свойствами относятся ко *второму основному уровню религиозно-мифологической системы* [Неклюдов 1998: 6–43], к *низшей мифологии* (термин В. Маннхардта, 60–70 гг. XIX в.), на котором находятся персонажи, не имеющие божественного статуса, фигурирующие не столько в эпоху мифологического первотворения, сколько в повседневности, пребывающие в непосредственном, постоянном контакте с человеком и являющиеся объектами изображения в жанрах фольклорной прозы (быличках, бывальщинах, преданиях и др.) [Иванов 1988: 215–217]. Представления о людях со сверхъестественными свойствами относятся к области актуальной мифологии. Сфера их деятельности имеет отношение к судьбе отдельного человека и его семьи [Неклюдов 1998: 6–43]. Способностью к превращениям обладают все персонажи низшей мифологии.

В статье «Номинации людей со сверхъестественными свойствами в быличках Воронежского края» [Доброва 2020: 223–249] исследовано распределение *лексических средств референции мифологизированного персонажа*, которое определяется жанровой природой фольклорного текста, его включенностью в систему традиционных представлений [Голованева 2017: 93]. Способность к оборотничеству объективируется в фольклорном тексте **моделями множественной параллелистической номинации мифологизированного персонажа с общей гипертемой**, которые отражают доминанту когнитивной неопределенности в номинации мифологизированного персонажа, оценку рассказчиком феномена

достоверности или иллюзорности описываемых событий [Черванева 2017: 185–188], двойную природу мироустройства [Неклюдов 1998: 6–43] с границами между миром обыденным и сверхъестественным или же отсутствием таковых. В пределах одного текста мифологизированный персонаж именуется как результат его идентификации в процессе восприятия органами чувств в цепи параллельно организованных макро- и микрокосмических образов, объединенных гипертемой означивания явления.

ГТ ОП метаморфоз-репрезентаций *«мифологизированный персонаж со сверхъестественными способностями к оборотничеству»*. **СИ** *«макрокосмические и микрокосмические ипостаси мифологизированного персонажа со сверхъестественными способностями к оборотничеству»*. **СИМ**: *«сверхъестественные существа – нечистая сила – природный объект – артефакт – покойник – человек в его внешней и внутренней ипостасях – человек видит себя (визуальная самоидентификация) – невидимая сила»*.

Разграничены **два основных способа** организации **ВТР**. Указанием на факт перевоплощения посредством ввода акциональных компонентов, выраженных глагольными лексемами ГР–4 со значением физического действия и воздействия, которые имеют магический характер (*оборотить, оборотиться, превратить, превратиться, превращаться, превращать себя, перекинуться, обертываться, скинуться, прикинуться, сделаться, исправиться, упасть об землю и бежать кем-то в ином образе и др.*) и без указания на факт перевоплощения посредством идентификации сверхъестественного существа, выраженной в тексте с помощью особых клишированных идентифицирующе-декодирующих конструкций (*вот это и был...; и видит...; не ... это вовсе, а...; приняли свой ... облик; напоминали друг другу...; вправду, ... оказалась; с тех пор все знают, что она...; там уж не ..., а ... ; ... и есть ...; ясно, ... и есть; может принимать образ...; тогда выяснилось, что ... и была ...; оказалось, что это... ; всяким может показаться... и др.*). Актантные компоненты выполняют функцию репрезентантов одного и того же субъекта или объекта перевоплощения в образах параллельных миров. Лексическое окружение репрезентантов выявляет наличие цепей со звеньями параллельных образов, представляющих субъект перевоплощения. Лексическое окружение обеспечивает соотнесенность параллельных образов с одним персонажем, который наделен способностью к оборотничеству.

Модель множественной номинации вербализуется с помощью сочетания разных номинаций и сходна с перечнями, компоненты которых расположены дистантно.

Минимальный **двукомпонентный состав ОП метаморфоз-репрезентаций оборотничества** мифологизированного персонажа со сверхъестественными способностями демонстрирует кольцевой эффект эволюции ОП: в быличках «леший – человек» *«Леший показывается людям в образе человека в белом»* [Дранникова 2008: 179]. Метаморфозы воплощаются в образах природы с элементами антропоморфизации: *«бык с человеческими глазами – ведьма, нечистая сила»: «Однажды ехал председатель через лес. Видит, на дороге бык стоит. <...>. Смекнул председатель, что не бык это вовсе, а ведьма местная: да и глаза у животного человеческие <...>. «Сгинь, нечистая сила!»* [Пухова 2008: 42, № 78]. В исторической песне ССМ представлена двукомпонентными моделями: *«жена – сорока» «А злая его жена, Маринка безбожница, / Сорокою обвернулася»* [Игнатов 1970: 121, № 23]. ССМ сжимается до параллелизма-бинома: в причитании с номинацией ведуньи, ведьмы *«Подъ туёнымъ ножичкомъ / Все сороки-вещицы»* [Иваницкий 1841: 476], в сказке *«Потом этот папаша узнал, что это кольцо – человек»* [Зеленин 1991: 143, № 26 (57)].

Порядок следования макро- и микрокосмических репрезентантов метаморфоз имеет свободный характер в плане их локализации в одной из трех типов позиций – инициальной, медиальной и финальной. Медиальная позиция характеризуется множественностью репрезентантов и частотным наличием в многокомпонентных и недифференцированных по количественным показателям моделях указания на вариативность образов. Регламентирована финальная позиция. Посредством номинации мифологизированного существа происходит декодирование метаморфозы. Осуществляется идентификация сверхъестественной сущности персонажа, как правило, посредством прямой номинации существ низшей мифологии (*ведьма, колдун, нечистая сила, домовой* и т. д.); номинации посредством имен социофактов без квалификации человека как «сверхъестественного»; реже – номинации *труп*.

Модели множественной параллелистической номинации персонажа структурируют ОП с прямым и обратным превращением. Многоступенчатый процесс оборотничества репрезентируется в фольклорном тексте вводом образов-

соматизмов и реализацией мотива повреждения частей тела как маркеров мифологизированного существа и инструмента его идентификации.

Трехкомпонентные модели ОП метаморфоз-репрезентаций *«утенок – ветер – колдун»*: *«По дороге домой видит утёнка. Его поймали и посадили в сарай, где ни дырочки, ничего. Утром приходят, а утёнка нет. Он сделался ветром и улетел. Это колдун»* [Пухова 2008: 43, № 80]. Модель *«парень, девушка – свинья, лошадь – человеческий облик»* содержит указание на **систематическую** воспроизводимость превращения: *«А при случайной встрече они напоминали друг другу животных»* [Пухова 2008: 50, № 102].

Обратное превращение строится на основе множественной параллелистической номинации мифологизированного персонажа с повтором одной из номинаций как звена образной цепи и репрезентанта одной из образных ипостасей: *«женщина – ведьма – женщина»*: *«Одна женщина повадилась доить чужую корову. Лазила в трубу, а потом оттуда **вылетала** ведьмой. Доила чужую корову, потом возвращалась, влетала в трубу и **превращалась** снова в женщину»* [Пухова 2008: 72, № 159].

Выявлен ОП триадируемых метаморфоз-репрезентаций с двумя сериями метаморфоз *«колдунья – телок огромных размеров (хребет) – бабка-колдунья (спина)»*; *«решето – баба – колдунья»* см. [Пухова 2008: 41, № 75].

Четырехкомпонентные модели множественной параллелистической номинации персонажа в ОП: *«деревянное колесо от телеги – голая мертвая женщина – женщина – ведьма»* с опосредованной репрезентацией оборотничества с помощью декодирования образа физическим воздействием на артефакт (*насадить колесо на плетёный забор*) [Пухова 2008: 36, № 58].

Пятикомпонентные модели множественной параллелистической номинации мифологизированного персонажа с максимальным количеством звеньев образной цепи метаморфоз в полном объеме реализуют идею «оборотнического всеприсутствия» [Мартысюк 2023: 94]: *«смерть – ведьма вся в белом (рука) – собака – поповская дочка (рука) – ведьма»* [Пухова 2008: 33, № 48]. Исследуемая модель реализуется с повтором инициального звена в финальной позиции образной цепи: *«бабка Дарья – колдунья – черная свинья по спинке белая полоса – черный мяч с белой полосой – бабка Дарья»* [Пухова 2008: 22, № 14].

Недифференцированные по количественным показателям модели с открытыми перечнями звеньев цепи метаморфоз имеют обобщенный характер и содержат в контексте прямое указание на идентификацию существа со сверхъестественными способностями (*колдуны в разных образах; по этим признакам и выслеживали колдуний; в любом обличи выйдут; может всяко выглядеть; всяким может показаться; разны виды показывали; как привидится и др.*): с эксплицитной гипертемой **«любой образ, любое обличье»**: *«леший, нечистая сила – ветер, вихрь, ураган, град, зверек – колесо у телеги – солдат, человек, человек с копытами, священник, ребенок»* [Черепанова 1996: 32–33, № 152]. Недифференцированные модели объективируют **вариативность макро- и микрокосмических образов**, реализуемую, как правило, в медиальных или финальных позициях образной цепи метаморфоз: *«русалки – скотина – женищина, мужчина» «Русалки были тож. Разны виды показывали: и женищиной, и мужчиной, и скотиной. Как привидится. Увидят их и болят»* [Черепанова 1996: 34, № 170]; *«леший – черт – с крылышком – без спины – в человеческом обличи – летучие» «И леший такой же черт. Они везде, их много видов. Они и с хвостиком, и с крылышком, и без спины, в любом обличи выйдут, и в человеческом, може сосед, ан нет, будто что-то неладно. Хоть в кого может превратиться. И летучие есть»* [Черепанова 1996: 44, № 249]. Выявлены построения с **парными образами активных и пассивных метаморфоз** *«огромный хряк/свинья и собака: свинья – человек – поп – колдун; собака – попадьа»* [Пухова 2008: 21, № 13].

Диапазон количественных показателей ОП метаморфоз-репрезентаций иллюстрируют кумулятивные данные сюжета об оборотничестве с 18 вариантами воплощений: *«Ведьма оборачивается в: 1) свинью; 2) кошку; 3) собаку; 4) колесо, решето, венки; 5) телка; 6) лошадь; 7) клубок; 8) козлу; 9) козу; 10) гуся, утенка; 11) ступу; 12) мялку; 13) кошелек; 14) плетеную коробку; 15) папоротник, круг мухоморов; 16) невидимку; 17) простыню; 18) черный мяч с белой полосой»* [Пухова 2008: 11].

В.В. Виноградов дифференцировал метаморфозу и метафору: *«В метафоре нет никакого оттенка мысли о превращении предмета»* [Виноградов 1976: 411]. Метаморфоза как репрезентация мифологического способа восприятия мира

отражает динамику перехода одного явления в другое и поэтому динамичнее метафоры и сравнения, лишь фиксирующих результат [Розенталь 2013: 329].

Наиболее древняя форма мифического мышления, характеризующая верой в превращения, нашла отражение в балладах на материале одного из древнейших мотивов превращения женщины в дерево. Специфика мотивов оборотничества в балладах (в отличие от сказок, былин) состоит в воплощении трагического начала. Вера в оборотней и колдовство отражена в связи с гнетом в семье свекрови-колдуньи, которая превращает невестку в рябину и стремится погубить ее не сама, а руками сына [Астахова 1963: 382–381]: *«Ты поди, моя невестка, во чисто поле, / Ты стань, моя невестка, меж трех дорог, / Меж трех дорог, четырех сторон, / Ты рябиною кудрявою, / Кудрявою, кучерявою»* [Астахова 1963: 65–66]. Мотив демонстрирует **полное превращение** героини: когда муж по настоянию матери стал рубить дерево, из него брызнула кровь [Еремина 1978: 29; Кулагина 2000: 216]. Построение перерастает в параллельную формулу обмена объектами: *«Не рябинушку секешь, / Секешь свою молодую жену! / А что веточки – то наши деточки»* [Астахова 1963: 66]. Героини в поисках брата становятся в воде щукой, в воздухе соколом, в небе звездой: *«На десятой год сестры искать пошли: / Как большая сестра – в море щукою, / Как середняя сестра – в поле соколом, / Как меньшая сестра – в небо звёздой»* [Астахова 1963: 113]. Серия метаморфоз-превращений персонажей выражена формой прилагательного творительного падежа: *«Овернулся молодец да ясным соколом, / Полетел молодец да по поднебесью, / Как-де горюшко летит да переди его, / Как немудрую птицю сорокою»* [Астахова 1963: 221, 222].

Былине свойственно создание образов, способных к оборотничеству и совмещающих в себе зооморфную и женскую природы *«героиня – лань златорогая, лебедь белая»* [Былины 1986: 209]. В былине отражен первый известный способ **превращения** с помощью заговоров и обрядов («премудростей»): *«Втапоры поучился Вольх ко премудростям: / А и первой мудрости учился / Обертваться ясным соколом, / Ко другой-та мудрости учился он, Вольх, – / Обертваться серым волком, / Ко третьей-та мудрости учился Волх – / Обертваться гнедым туром – золотые рога»* [Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым

1977: 33, № 6]. ССМ в исторической песне представлена двукомпонентными моделями: *«жена – сорока» «А злая его жена, Маринка безбожница, / Сорокою обвернулася / И из палат вон она вылетела»* [Игнатов 1970: 121, № 23].

В свадебных причитаниях и в волшебной сказке представлены бегство и погоня с **последовательными превращениями** персонажей. В.Я. Пропп отмечает, что превращение персонажа в животное связано с представлениями о перевоплощении души человека после смерти [Пропп 1986]. Превращения сопутствуют возвращению в мир живых. Душа умершего в похоронных причитаниях превращается в птицу. Смерть является каликой перехожей, молодой женой, красной девицей и тайно пресекает нить жизни. Смерть и несчастье предстают в облике птицы, залетают в окно малой пташечкой [Кузнецова 1993]. *«Во большомъ углу безсчастьицо садилось, / Впереди да шло безсчастье яснымъ соколомъ, / Позади оно – летело чернымъ ворономъ»* [Барсов 1872: I, 8, 292].

Сказочная картина мира отражает следы магического мышления и обычаев глубокой древности, поэтому в сказочных сюжетах представлены мотивы оборотничества в животных, человека, хозяев лесов, морей, гор, стихий и др. Облик сказочных персонажей кодирует значимые символические значения. Образ заколдованной царевны-лягушки символизирует трансформацию безобразного в прекрасное. Образ чудесного супруга в облике ясна сокола воплощает возрождение любви и веры. Разнообразные повороты символизируют границу между параллельными мирами. «Оборотность» осмысливается как противопоставление истинного ложному или сокрытие подлинной сути под ложной формой: *«Иван-царевич ударился о сырую землю, сделался ясным соколом <...>. Прилетел прямо во дворец, оборотился добрым молодцем»* [Афанасьев 1958: I, 393, № 162].

Выявлены разные по количественным показателям модели ОП метаморфоз-репрезентаций. Двукомпонентные модели: *«богатырь – мушка» «Приехал он к избушке, слез с своего коня, пустил его в заповедные луга <...>. Сам оборотился мушкой, полетел в избушку»* [Афанасьев 1958: I, 272, № 136]. Трехкомпонентные модели: *«змей – веник – нечистый дух» «Змей увидал, рассказывает царевне: «Твой брат идет, волчонка несет, скажи ему, что тебе медвежьего молока хочется».*

Сказал и оборотился веником. Царевич вошел в комнату; за ним следом собаки вбежали, услышали нечистый дух» [Афанасьев 1958: II, 102, № 204].

Четырехкомпонентная модель: «орел – сокол – воробей – молодец» «Вдруг прилетает орел, ударился о землю и сделался молодцем; за ним прилетает сокол, за соколом воробей – ударились о землю и оборотились тоже добрыми молодцами» [Афанасьев 1958: II, 119, № 209].

Недифференцированная по количественным показателям модель: «Василиса Премудрая – лягушка, жаба, змея и **прочие** гады **«Как ни оборачивалась Василиса Премудрая»** – стрела – Василиса Премудрая» [Афанасьев 1958: III, 360–361, № 570].

ОП метаморфоз-репрезентаций представлены парными персонифицированными образами-символами «голубь с голубкой – муж с женой»: «Побежала царевна к мужу, **оборотила** его в голубя, сама **перекинулась** в голубку, и полетели на свою сторонку» [Афанасьев 1958: II, 181, № 220]; сериями превращений сказочных персонажей «Василиса Премудрая **оборотила** коней рекою медовою, берегами кисельными, царевича – селезнем, себя – серой утицею» [Афанасьев 1958: II, 176, № 219]; одна из серий реализует обратное перевоплощение «царица – звезда – царица»; «старик – звезда»; «царица – щука – царица»; «старик – ериш» [Афанасьев 1958: I, 285, № 137].

Синкретичные заговорные формулы выражают превращение в животное как наказание и обратное превращение в человека за раскаяние [Черноусова 2015]: «<...> он взял кнут-самобой, ударил ее по спине. «Была, – говорит, – девица, будь теперь кобылица!» <...> А младший сын ударил свою кобылицу наотмашь кнутом-самобоем: «Была кобылица, будь теперь девица!» [Афанасьев 1958: II, 70–71, № 197].

Образный параллелизм метаморфоз-репрезентаций воплощает мотив состязания персонажей в магии: см. [Афанасьев 1958: II, 299–300, № 254].

В примете ССМ формирует своеобразную энциклопедию оборотничества. Представлены сведения о том, кто превращает, в кого превращает, фиксируется факт обратного превращения, обозначены способы метаморфозы и результат процесса. ОП метаморфоз-репрезентаций конституируется сопоставлением приметогенной ситуации (события), прогноза и страховки: «Каждый оборотень, превращенный колдуном в волка, имеет **полное сознание**, что он – человек, и только внешне схож

со зверем. Ему очень легко вернуть настоящий человеческий облик, надо только надеть на него снятый с себя пояс, на котором должны быть сделаны узлы, при навязывании коих каждый раз нужно повторить: «Господи, помилуй!» При этом волчья шкура спадает – и перед избавителем появляется человек» [Грушко 1995: 316]; сопоставлением приметоносителя и страховки [Грушко 1995: 327]; сопоставлением приметогенной ситуации и прогноза [Грушко 1995: 270]; на материале приметогенного события [Грушко 1995: 65, 315]; на основе интерпретации процесса [Грушко 1995: 313]; в страховке, фиксирующей цветовые маркеры перевертышей: «По черному цвету шерсти животных и птичьих перьев тоже распознается присутствие хитрых бесов, и притом именно бесов, потому что, например, колдуны и ведьмы, в отличие от чертей, бывают перевертышами белых и серых цветов» [Грушко 1995: 500].

Второй этап эволюции характеризуется объективацией идеи возможности **распространения метаморфозы на частные формы сущего**: выявлены двукомпонентные модели с одной ступенью превращения. **Идентификационные маркеры**: репрезентация внешней метаморфозы средствами ирреальной модальности как желаемого или необходимого; отсутствие репрезентантов динамики перевоплощения и его всеохватности; двуступенчатое перевоплощение как художественный прием, а не форма восприятия действительности.

В причитаниях выявлены параллелизмы метаморфоз-репрезентаций как необходимого, представленного средствами ирреальной модальности: «Обернись-кося, мой милый ладушко, / Перелетнымъ ты да яснымъ соколомъ!» [Барсов 1872: I, 174].

В частушках, как и в лирических песнях, выявлены варианты реализации древнего мифологического мотива оборотничества с неожиданностью метаморфоз [Кулагина 2000: 200]. Метаморфоза лирического персонажа «человек – птица» выражается формой приглагольного творительного падежа: «Свейся, миленький, клубочком, прилети к нам голубочком!» [Симаков 1913, № 2547]. Антропоцентрический аспект категории модальности, выявленный А.В. Бондарко [Бондарко 1990: 80–89; 1990а: 72–79], в фольклорном тексте проявляется в том, что реальность и ирреальность не существуют изолированно, а соотносятся через понятие потенциальность, обозначая действие как ирреальное, с использованием

разных способов выражения модальных значений. Говорящий предполагает переход от ирреальности к реальности. Разнообразно представлено в частушке желание лирической героини летать при условии, если бы ей дали крылья. А.В. Кулагина, анализируя **эволюцию мотивов**, определяет жанровые особенности развития в частушке балладного мотива «*дочь – пташка*»: «в балладе полет к матери показан как осуществившийся, а в частушках этот полет – воображаемый» [Кулагина 2000: 217]. Метаморфозы в частушках, как правило, представлены в форме желаемого: «*Дорогая моя мама, / Сделайся лебедушкой*» [Власова 1965, № 498]. Метаморфоза героини в ОП квалифицируется по вводу образов-соматизмов (*крылья, перья*), характеризующих ее макрокосмическую ипостась: «*Дайте крылья! / Малой пташкой я далеко полечу*» [Елеонская 1914, № 1059].

Третий этап эволюции характеризуется объективацией **идеи выражения метаморфозы представителя одного из миров как вместилища (Бога, дьявола) или кода существ иной природы. Идентификационные показатели:** метаморфоза утрачивает соотнесенность с одним субъектом (моносубъектность); становится кодом феномена иной природы; репрезентация внутренней (а не только внешней, как на первых двух этапах) метаморфозы как результата *духовного* перевоплощения; функционирование метаморфозы как носителя новых символических кодов.

Загадка, исконно реализуя мифологическую сущность, помогала человеку установить разорванные связи между предметами и явлениями в постоянно меняющемся мире, отношения между собою и миром. «Корпус текстов загадки – бесконечная череда метаморфоз» [Райкова 2021: 25; Еремина 1991: 29]: «Этой бабке сто лет, горба у ней нет, / Высоконько торчит, далеконько глядит, / Придет смерть за старушкой, *станет бабка избушкой*. – Сосна» [Митрофанова 1968: 64, № 1725]. Универсальная роль метаморфозы подтверждается формированием ОП **обеих** частей загадки: «вопросной» (образной замены) и «ответной» (денотата, отгадки): «*Летит птица, / Во рту – спица, / На носу – смерть. – Ружье*» [Садовников 2015: 199]. В **заместительной части** изображается осенне-зимнее умирание матушки-земли, а снег уподоблен вещному атрибуту погребального обряда – савану: «*Не хилела, / Не болела, / А саван надела. – Земля под снегом*»

[Садовников 2015: 275]. В загадках с танатологическими образами *смерть* предстает в облике *Птицы Юстрицы (Юрицы, Веретеницы, Веретена, утки, орла, совы и др.*: «<...> имена птицы-смерти, связанные с **вращением**, подразумевают и **превращение**: коварная смерть **оборачивается**, принимая разные облики» [Райкова 2021: 28].

Пословицы в целом не представляют феномена метаморфозы на материале ОП. В ряде текстов выявлены примеры метаморфоз в значении использования человека или предмета в качестве вместилища бестелесных сверхъестественных существ низшей мифологии (*черт, бес*). Языковыми маркерами служат компоненты с объектным значением (*пребывать, находиться в чем-либо*), к примеру, в соматизме человека (*ребро, кадык*) или его способности (*ум*): «*Седина в бороду, а бес в ребро*» [Даль 2000: 91]; «*Ум без догадки – черт ли в нем*» [Даль 2000: 220]; в природном объекте: «*Дешев хрен, да черт ли в нем?*» [Даль 2000: 248]. *Божественное начало* локализуется во всем человеке: «*В ком есть бог, в том есть и стыд*» [Даль 2000: 162]. Зафиксирован ОП текста пословицы и комментирующей части как образного кода и дешифратора «*бесы – ссора*» с элементами образной метаморфозы взаимоотношений людей в существо низшей мифологии: «*Все бесы в воду, да и пузырья вверх (о ссоре)*» [Даль 2000: 230].

Образный параллелизм метаморфоз-репрезентаций имеет **межжанровый статус**: не выявлен в пословицах и поговорках.

3.2.5.2.14. Имплиcitный образный параллелизм

ОП получает в фольклорном тексте эксплицитное и имплицитное выражение. Феномен имплицитности, будучи и способом, и идентификатором реализации системного характера представления в ОП культурных смыслов, имеет аналогичные эксплицитным модификациям структурно-семантические основы, но отличается от них разнообразными проявлениями на материале не только **одного**, но и **разных** фольклорных текстов.

В границах **одного фольклорного текста** феномен имплицитности реализуется в семиотической вертикали посредством имплицитного выражения гипертемы и семантического инварианта ОП; в морфологическом аспекте – на основе

имплицитного выражения грамматических средств сопоставления миров в классической и трансформированных ССМ, на основе имплицитного выражения одной из частей в одночленном ОП, имплицитного параллелизма внутри слова.

Выражение образного параллелизма в имплицитной форме на материале **разных фольклорных текстов** представляет собой особую ССМ.

Имплицитный ОП – формализованная ССМ, которая объективируется по данным исследуемого макротекста (resp. корпуса текстов) посредством сопоставления образов параллельных миров, конституируемых на сходных структурно-семантических основах ОП в **разных фольклорных текстах** с целью умножения культурного смысла.

Тождество или сходство лексического окружения параллельных компонентов в частях объективирует имплицитный образный параллелизм.

Примета с обобщенной семантикой *персонификата народного календаря (29 февраля) «Касьян на что взглянет – все вянет»* [Рыженков 1992] является аналогом эксплицированной гипертемы ОП, которая получает в разных приметах имплицитное выражение на материале образов макро- и микромиров «*скот, дерево – народ*»: «*Касьян на скот взглянет – скот валится, на дерево – дерево сохнет*» [Рыженков 1992] – «*Касьян на народ взглянул – народу тяжело*» [Рыженков 1992].

Основу типологии составили **идентификационные показатели**: характер сопоставляемых миров; соотношение с композиционными частями фольклорного текста; структурная цельнооформленность частей; соотношение с ССМ линий развития ОП; наличие в имплицитном ОП опорного (общего для частей) образа.

По характеру сопоставляемых миров имплицитный ОП получает выражение на материале **образов макро- и микрокосма**: в заговорах «*утка – баба*» «*Шла утка по нитке, нитка урвалась – кровь унялась*» [Аникин 1998: 253, № 1551] – «*Идет баба по речке, ведет быка по нитке, нитка урвалась – кровь унялась*» [Аникин 1998: 254, № 1561]; **образов макромиров** в приметах «*час – челн*» «*Часомъ моря не перейдешь*» [Ермолов 1905: 373] – «*Челномъ моря не переехать*» [Ермолов 1905: IV, 373]; **образов микрокосма** в пословицах «*счастье: человек (батрак) – сословие (дворянство)*» «*Счастье не батрак: за вихор не притянешь*» [Даль 2000: 39–40] – «*Счастье не дворянство, не родом ведется*» [Даль 2000: 41].

По соотношению с композиционными частями фольклорного текста имплицитный ОП формируется на основе гипертем второго типа с означиванием связи явлений в приметах и загадках. В приметах создается с ОП приметоносителя и прогноза при тождестве одной из частей приметного текста: с тождественной приметогенной ситуацией «воздвижение» параллелизм «поле, копна – шуба, зипун» «**Воздвижение** – последняя копна с поля двинулась» – «**Воздвижение** – шуба с зипуном сдвинулись» [Стрижев 1972]; с тождественным прогнозом «будет дождь» параллелизм «небо – струны – волосы» «Если небо сметанится – **будет дождь**» [Жарков 1954: 123, № 198]; «Если волосы на голове делаются мягкими – **будет дождь**» [Жарков 1954: 61, № 128]; «Если струны в музыкальных инструментах спускаются – **дождь будет**» [Жарков 1954: 61, № 127]. Формирование имплицитного ОП прогнозов демонстрируют способы сжатия частей посредством дательного предсказания с предлогом *к*, реже – винительного предсказания с предлогом *на* «к дождю (на дождь), к стуже, к грозе, к пожарам, к ненастью – на подарки – к смерти – к письму, к худу, к добру, к неприятностям, на свадьбу, на детей». В загадках ССМ формируется с параллелизмом образной части и ответа, как правило, с одинаковым ответом: «соматизмы: зубы, язык» параллелизм «гуси-лебеди – доска – человек» «Полно подполье гусей-лебедей, Один гусек поворачивает. – **Зубы и язык**» [Митрофанова 1968: 58, № 1512]; «На море дощечка колыблется, С берега деверья дивуются. – **Зубы и язык**» [Митрофанова 1968: 58, № 1515]; «Два брата молотят, а Андрюшка ворочат. – **Зубы и язык**» [Митрофанова 1968: 58, № 1514].

По структурной цельнооформленности частей имплицитный ОП формируется в разных текстах на основе сопоставления **частей монопредикативных конструкций**: в части текста загадки с образами макрокосма «хвост – кол», «человек с хвостом – крыса» и «человек с колом – мышь» «Под мостом-мостом / стоит барышня с хвостом. – Крыса» [Рыбникова 1932: 104, № 444–445]; «Подъ поломъ, поломъ ходить (или: сидить) барыня съ коломъ. – Мышь» [Живая старина 1903: III, 486, № 154]; **монопредикативных конструкций**: предикативные единицы, конституируемые по фразеологизированной структурной схеме *отколь(ни) [где ни] взялся + N_{NI}*, обозначают внезапное появление природного явления или человека в

песне «ветер, сокол – молодец» «Откель взялся добрый ветерочек» [Листопадов 1953, № 126]; «Где ни взялся млад ясён-сокол» [Балакирев 1957, № 3]; «Отколь взялся добрый молодец» [Вологда 1973, № 47]; **полипредикативных конструкций**: в причитаниях «вещая птичка – девки-недоросточки» «Прилетала птичка вещая, / Она крылышки расправила, / По окошечку ударила, / Как ведь будила меня, беднушку, / Ко годовому ко празднику» – «Пришли девки-недоростоцки, / Как ведь будили меня, беднушку, / Ко годовому, ко празднику» [РПК 1940: 44–46].

По соотношению со структурно-семантическими модификациями ОП разграничены имплицитные воплощения основных линий развития ОП.

Имплицитный параллелизм создается **на основе трансформации ОП** с антропоморфизацией образов природы: в приметах «зима – старушка» «На Прохора и зимушка-зима заохала» [Рыженков 1992] – «До Прохода старушка охала» [Рыженков 1992]; **на основе содержательной трансформации приема с образами макромиров**: в пословицах «ананас – квас» «Этот ананас не для нас (не для вас)» [Даль 1879: I, 35] – «Этот квас не про вас» [Даль 1879: I, 35]. Имплицитный ОП представлен в **формализованных ССМ**. Имплицитный ОП **обращений**: в былине «сокол – сын», «сын: юный – христианский» «Уж ты молодой, юный да сын Соколушек, / Ты скажи мне всю правду-истину, / Ты с какой земли, какой родины, / Ты какого да отца-матери?» [Астахова 1961: 73] – «Ты скажи-ка мне, христианский сын. / Ты какой земли, да какой родины, / Ты какого да отца-матери?» [Астахова 1961: 73]. Имплицитный **концентрический ОП**: в быличке «лес: леший – мальчик» «<...> лес зашумит, приклонится, мальчик выбежит из лесу» [Черепанова 1996: 21, № 57] – «Лес зашумел и вышел леший» [Черепанова 1996: 31, № 140]. Имплицитный ОП **метаморфоз-репрезентаций**: в быличке «змей: теленок (потерянный) – ребенок (потерянный)» «Может, это ее сын в змея превращен был» [Черепанова 1996: 23, № 66] – «Теленка в первый раз выгоняли. <...> взять, что там лежит. <...> А там куча змей на крестах» [Черепанова 1996: 23, № 67]. Имплицитный ОП **с локативными перечнями**: в пословицах «талан/счастье: по горам, сучкам, веточкам – по рукам» «Мой талант пошел по горам (или: пошел по рукам)» [Даль 1879: I, 35] – «Мое счастье

разбежалось по сучкам, по веточкам» [Даль 1879: I, 35]. Имплиcitный **образный параллелизм-бином**: в исторической песне «царь: колокол – надежда» «Завсегда звонят во царь-колокол» [Игнатов 1970: 120, № 23]; «Самому-то ли царю-надеже / Они речи ему говорят» [Игнатов 1970: 97, № 11]. Выявлен имплиcitный **ОП счетных рядов** (см. раздел 3.2.4.4. *Образный параллелизм в составе счетных рядов*).

Имплиcitные ОП дифференцированы **по наличию опорного (общего для обеих параллелей) образа**, а также его принадлежности к макро- и микромирам. Наличие или отсутствие опорного слова в ССМ обусловлено фактором структурной цельнооформленности сопоставляемых частей. В параллелизме поли- и монопредикативных конструкций имплиcitный ОП создается прежде всего тождественным или подобным лексическим окружением образов параллельных миров: в частушках «река – молодец» «Кабы, дроздочка, не ты, / Не твои бы очи-то, / Не было бы сухоты, / Спала бы темны ночи-то» [Власова 1965, № 341] – «Кабы не было реки, / Не было б и морюшка. / Кабы не было милого, / Не было б и горюшка» [Власова 1965, № 342]. В параллелизме части монопредикативной конструкции, то есть компонентного состава ОП, формируется опорный (общий для обеих параллелей) образ, интегрирующий в имплиcitное построение образы параллельных миров: в пословицах «стыдливый: кусочек – человек» «Стыдливый из-за стола голодный встает» [Даль 2000: 162] – «И стыдливый кусочек (т.е. последний) до поры лежит» [Даль 2000: 162].

Имплиcitный образный параллелизм имеет **общефольклорный статус**.

3.2.5.2.15. Дистантный образный параллелизм

По положению композиционных частей ОП в фольклорном тексте дифференцированы **контактные** и **дистантные** ССМ. Контактные ССМ реализуют все линии развития ОП, дистантные – представляют линию его формализации.

Дистантный (рассредоточенный) ОП – формализованная ССМ, части которой дистанцированы друг от друга и выступают в тексте не в контактной позиции.

Дистантный ОП имеет черты сходства с имплицитным ОП в силу отсутствия контактного расположения частей. Квалификация его самостоятельного статуса определяется тем, что, в отличие от имплицитного ОП, который реализуется на материале одного или разных фольклорных текстов, дистантный ОП формируется **исключительно на материале одного текста**. В вариантах рассредоточенного дистантного ОП отсутствие смежности его частей не нарушает параллельную организацию построений и является переходным типом между эксплицитными ОП, части которых представлены в одном тексте, и имплицитными ОП, которые выявляются, в том числе, при сопоставлении разных текстов в исследуемом макротексте.

Основу типологии дистантного ОП составили **идентификационные показатели**: характер сопоставляемых миров; структурная цельнооформленность сопоставляемых частей; показатели тождества синтаксической организации частей; соотношение с ССМ основных линий развития; характер языковых скреп; эволюционный и жанровый аспекты.

По характеру сопоставляемых миров дистантный ОП выражен на материале **образов макро- и микрокосма**: в балладе «покойник – человек» «Вы не плачьте-тко, малы детушки, / *Ваша матушка в новой горнице / Бело моется и баско рядится, / Баско рядится, да в Москву правится*. – / «Родной батюшко, / Да не обманывай. / *Наша матушка / Да во сырой земле, / Да во желтом песке, / Крепко спит да в гробовой доске*» [Астахова 1963: 73]; **образов макрокосма**: в частушке «уголочки – сапоги» «Уголочки, уголочки, / Уголочки дутые! / Занятых ребят узнаешь – / *Сапоги загнутые*» [Власова 1965, № 682]; **образов микрокосма**: в балладе «голова – сердце» «Мало-помалу Василий говорит: / «*Буйна голова болит*», / София говорит: «*Ретиво сердце щемит*». [Астахова 1963: 49].

По структурной цельнооформленности сопоставляемых частей дистантный ОП конституирован на основе синтаксического параллелизма частей **монопредикативных конструкций**: в частушке «девушка: интеллигентская – деревенская» «Дролечка, люби, люби – / *Она интеллигентская. / Я ничем ее не хуже, / Только деревенская!*» [Власова 1965, № 1167]; **монопредикативных конструкций**: в частушке «Я иду – заколыхался / *Зеленая трава. / Я пошел – заволновался / Хорошая моя*» [Астафьева 1987, № 2284]; **придаточных частей полипредикативных**

конструкций: в частушках «Не найти того местечка, / *Где кукушка клалася*, / Не найти того местечка, / *Где с милым рассталася*» [Власова 1965, № 435]; **полипредикативных конструкций:** в заговоре «*Приходит божья мати Богородица, берет она*: эти ножницы, состригает она с раба божьего (имя) всякую боль. <...> *Приходит щука, берет она* в свои резвые зубы, уносит туда, где птицы не летают, звери не забегают, красно солнышко не запекает» [Вятский фольклор 1994, № 374].

По показателям тождества синтаксической организации частей дифференцированы дистантные ОП с **синтаксически тождественной организацией частей:** в частушке «Пей-ко, милый, на здоровье / *Вода рековая*. / Дроля, будет ли на вас / *Надежда вековая?*» [Власова 1965, № 337]; с **синтаксически различной (нетождественной) организацией частей:** в исторической песне «<...> говорили слово, усмехнулись: / «*Высоко сокол поднялся* / и о сыру матеру землю ушибся!» / А расплачютца Свещкие Немцы: / «*Что не стало у нас воеводы, / Васильевича князя Михайла!*» [Игнатов 1970: 132, № 28].

По соотношению со структурно-семантическими модификациями разграничены дистантные ОП основных линий развития ОП.

Дистантный ОП создается на основе **классической ССМ:** в частушке «*трава колышется – измена слышится*» «Я иду, иду – / *Трава колышется*, / А молоденькой / *Измена слышится*» [Астафьева, № 3746]; **трансформации формы ОП** с пластикой образов природной параллели: в частушке «Завалите эту речку, / *Чтобы не было воды*. / Уберите этих девок, / *Чтобы не было беды*» [Селиванов 1990: IX, 250, № 1720]; **содержательной трансформации:** в сказке «Тут столб стоит, на столбе роспись: вправо идти – *попить да поесть*, влево идти – *головушку погубить*» [Афанасьев 1958: I, 442, № 174]. Дистантный ОП представлен в **формализованных ССМ:** в частушке «Дайте той воды напиться, / *Где черемуха росла*. / Дайте с тем наговориться, / *С кем судьба нас развела*» [Астафьева 1987, № 2938]; в ОП заместительного обмена в быличке «Сам не декайся, *жены не давай*, детей закликай, *здоровья давай*» [Черепанова 1996: 28, № 110]; с серией дистантных параллелизмов-биномов в причитаниях «*злодейка: смерть, – душегубица, лиходеица*» «Допустила *злодий-скорую смерётушку* / До родителя – желанной своей матушки. / Я бы

видела злодийку-душегубицу, / Со оружия лиходейку застрелила бы, / С пистолета я злодейку запалила бы! / Она крадчи шла, злодейка-лиходеица» [Барсов 1997: I, 66] и др.

По типологии языковых скреп дифференцированы **внешние и внутренние** скрепы дистантного ОП, формирующиеся в зависимости от параметра цельюоформленности его частей. **Внешние скрепы** формируются в дистантных ОП цельюоформленных моно- и полипредикативных конструкций: в балладе «У огня сидят разбойнички. / Говорит один: «*Мы сведем ее*», / Говорит другой: «*Мы убьем ее*», / Говорит третий: «*Мы расспросим ее*» [Астахова 1963: 127]; в частушке «Веселее время нету, / *Когда мак в саду цветет.* / Веселее меня нету, / *Когда миленький придет*» [Власова 1965, № 3767]. **Внутренние скрепы** формируются в дистантных ОП частей монопредикативных конструкций: в пословице «Счастье на крыльях, несчастье на костылях» [Даль 1879: I, 36].

В эволюционном аспекте дистантный ОП получает развитие на основе специфических ССМ. ОП метаморфоз-репрезентаций фольклорного персонажа подготавливает образование исследуемого построения: в быличке «*черная собака – черт – человек*» «Подкатилась черная собака, он ее ногой, да ругается на нее. Вдруг она в человека обратилась <...>. Ясно, что *черт* это был» [Черепанова 1996: 47–48, № 278].

В жанровом аспекте дистантный ОП дифференцирован с наличием или отсутствием жанрообразующего статуса. Жанрообразующий статус ССМ имеет в энигматических текстах. В силу коммуникативного аспекта функционирования загадки ОП реализуется в его дистантной модификации: «*Замок водян, ключ деревян, заяц ушел, ловец потонул. – Чермное море, жезл Моисея, народ его, Фараон*» [Даль 1879: I, 25].

Дистантный образный параллелизм имеет **общефольклорный статус**.

3.2.6. Каталог структурно-семантических модификаций образного параллелизма и их эволюционно-ментальный аспект

Манифестация ОП посредством имплицитных и эксплицитных, контактных и дистантных модификаций определяет диапазон его компонентного состава и эволюционно-ментальный подтекст колебаний объема параллельных построений.

Максимальный диапазон (амплитуда, «широта панорамы», по А.С. Десницкому) колебаний объема ОП определяется от параллелизма внутри слова на уровне семантики и фоносемантики до параллелизма фольклорных текстов и обеспечивается **четырьмя типами структурно-семантических преобразований ОП** – варьированием, редукцией, амплификацией и контаминацией.

Крайние точки шкалы структурно-семантических преобразований ОП определяются двумя **антиномичными** с точки зрения изменения объема ССМ типами преобразований. **Редукция** сжимает конструкцию до ее минимального для сохранения качественных характеристик объема с формированием образного параллелизма-бинома. Противоположная ей **амплификация** порождает открытый перечень, фактически стремящийся к бесконечности, с формированием образного параллелизма-полинома. Амплификация образного параллелизма развивает ССМ в ее границах и/или продуцирует новую ССМ. **Варьирование** компонентного состава частей не связано с изменением объема ОП. **Контаминация** представлена одновременной реализацией в одном построении разных ССМ. Корреляция четырех типов структурно-семантических преобразований состоит в следующем. Варьирование компонентного состава частей создает основу для редукции и амплификации, которые реализуются в контаминации ССМ. Варьирование, редукция и амплификация осуществляются в границах одной ССМ. Контаминация осуществляется на материале разных ССМ.

Количественные, качественные; синтагматические, парадигматические и иерархические характеристики преобразований параллельно организованных компонентов ОП отражают баланс их представления и действие тенденции к сохранению симметрии путем создания псевдопараллельных конструкций.

Исследование большого объема разножанрового фольклорного материала дает основание **каталогизировать ССМ ОП** с учетом **классификационных аспектов** и их эволюционно-ментального подтекста по следующим параметрам. Первый аспект классификации отражает основные типы ССМ ОП трех линий его развития: классический, трансформированный, формализованный. Второй аспект классификации демонстрирует разновидности основных типов ССМ ОП. Третий аспект классификации представляет подвиды разновидностей основных типов ССМ ОП. Обобщенные данные

представлены в *Приложении 5 «Типология структурно-семантических модификаций образного параллелизма»*, *Приложении 6 «Структурно-семантические модификации образного параллелизма в жанрах русского фольклора»*.

Исследование большого объема разножанрового фольклорного материала дает основание **каталогизировать ССМ ОП** с учетом **жанрового аспекта** по следующим параметрам: каталог общежанровых (общефольклорных) ССМ ОП; каталог межжанровых фольклорных ССМ ОП; каталог внутрижанровых фольклорных ССМ ОП. **Общежанровые (общефольклорные) ССМ** выявлены во всех исследованных жанрах и составляют общефольклорный фонд ОП – 19 ССМ, что составляет 52,8% от общего количества 36 ССМ. Обобщенные данные представлены в *Приложении 7 «Общежанровые структурно-семантические модификации образного параллелизма»*. **Межжанровые ССМ** выявлены в нескольких жанрах – 15 ССМ, что составляет 41,6% от общего количества 36 ССМ. Обобщенные данные представлены в *Приложении 8 «Межжанровые структурно-семантические модификации образного параллелизма»*. **Внутрижанровые ССМ** выявлены только в одном жанре – 2 ССМ, что составляет 5,6% от общего количества 36 ССМ. Обобщенные данные представлены в *Приложении 9 «Внутрижанровые структурно-семантические модификации образного параллелизма»*. Отсутствуют жанры, в которых выявлены все ССМ, то есть 36 (100%) ССМ ОП. Сводные данные по определению жанрового статуса ССМ представлены в *Приложении 10 «Статус структурно-семантических модификаций образного параллелизма в жанрах русского фольклора»*.

Диапазон количественных и процентных показателей представленности 36 ССМ ОП в исследуемых жанрах русского фольклора варьируется от максимального 33 (в обрядовых и необрядовых песнях, заговорах и заклинаниях) до минимального 27 (в загадках), соответственно от 91,7% до 75% общего количества ССМ и свидетельствует о широкой и разнообразной представленности ССМ во всех исследуемых жанрах. Сводные данные представлены в *Приложении 11 «Количественные и процентные показатели структурно-семантических модификаций образного параллелизма в жанрах русского фольклора»*.

3.3. Эволюция моделей соотношения синтаксической организации образного параллелизма с его содержательной стороной

3.3.1. Типология разновидностей синтаксической организации образного параллелизма

Разработка типологии моделей соотношения синтаксической организации образного параллелизма с его содержательной стороной выявляет эволюционно-ментальный аспект функционирования ОП в основных линиях его развития.

Параллелизм как синтаксическое явление представляет собой расположение тождественных или сходных по грамматической и семантической структуре элементов речи в смежных частях текста [Белошапкова 1977]. Материал исследования фольклорных текстов разных жанров позволяет разграничить следующие **типовые разновидности** синтаксической организации частей ОП. Структурную основу составляют синтаксический параллелизм групп конструкций, включающих прямую речь (диалогические единства); параллелизм полипредикативных конструкций; параллелизм монопредикативных конструкций; параллелизм части полипредикативных конструкций; параллелизм части монопредикативных конструкций.

Параллелизм групп конструкций, включающих в себя прямую речь

Композиционные части ОП строятся как одинаково организованные группы конструкций, включающих в себя прямую речь (диалогические единства). Вертикальное (нелинейное) соотношение указанных конструкций, детерминирующее их связь в ОП, создается их функциональной общностью и тождеством позиций в частях: в исторической песне *«Сплачетца мала птичка, / Белая перепелка: / «Охти мне, молоды, горевати! / Хотят сырой дуб зажигаги, / Мое гнездышко разорити, / Мои малые дети побити, / Меня, перепелку, поимати». – / Сплачетца на Москве царевна: / «Охти мне, молоды, горевати, / Что едет к Москве изменник, / Ино Гришка Отрепьев Рострига, / Что хочет меня полонити, / А полонив меня, хочет постричи / Чернеческой чин наложити!»* [Исторические песни XVII века 1966: 44, № 24] и др.

Симметрия групп конструкций, включающих в себя прямую речь, создает структурно-семантическую основу для трансформации и формализации ОП.

Параллелизм полипредикативных конструкций

ОП формируется конституированием каждой части на синтаксической основе полипредикативной конструкции. Вертикальное соотношение полипредикативных конструкций, детерминирующее их связь в ОП, создается их функциональной общностью и тождеством позиций в частях. Параллелизм полипредикативных конструкций дополняется, как правило, сходным построением входящих в их состав компонентов. Полипредикативные конструкции, составляющие основу частей ОП, характеризуются разнообразием синтаксических отношений между их предикативными компонентами. В содержательном плане репрезентируют миры в аспекте сопоставления присущих им закономерностей. В структурном отношении полипредикативные конструкции с бессоюзной, сочинительной и подчинительной связью манифестируют классические и трансформированные ССМ.

В фольклорных текстах разных жанров широко представлен синтаксический параллелизм полипредикативных конструкций с **бессоюзной** связью. Композиционные части приема конституируются бессоюзными сложными конструкциями с параллельно построенными однотипными частями: в песне *«Звонко дерево свирельное; / Звончее его во лесу нетъ. / Умное дитятко Маланьюшка, / Разумное дитя Перфильевна; / Умнее ея въ роду нетъ, / Краше ея въ терему нетъ»* [Киреевский 1911: I, 270, № 968]; в частушке *«У милого глазки серы, / У меня серее. / Он хотел измену сделать, / Я ему скорее»* [Власова 1965, № 2557]; в заговорной параллельной формуле потенциально выполнимых условий *«В воду сроните – вода высохнет; на лес сроните – лес повянет; на землю сроните – земля сгорит; на скотину сроните – скотина посохнет; на могилу к покойнику сроните – костье в могиле запрядает»* [Савушкина 1993, № 206].

Синтаксический параллелизм полипредикативных конструкций с **сочинительной** связью отличается меньшей частотностью. Части ОП конституируются сложносочиненными конструкциями с параллельно построенными однотипными частями: в частушке *«Непростиранная шторочка, / И вам не простирать. / Непросмеянная девушка, / И вам не просмеять»* [Астафьева 1987, № 2363].

Синтаксический параллелизм полипредикативных конструкций с **подчинительной** связью характеризуется разнообразием репрезентируемых между их частями отношений. Зафиксированы полипредикативные конструкции с **атрибутивными** отношениями. Параллели представлены сложноподчиненными построениями с придаточной определительной частью, синтаксическая связь между предикативными компонентами которой реализуется при помощи союзных слов *который, какой, где* и др., союза *чтобы*: в частушках «*Котора елка суковата – / На топор тяжелая. / Котора девушка с лобаном, / Тая не веселая*» [Власова 1965, № 1893]; «*Не найти такой березки, / Чтобы дождь не поливал. / Не найти такого дроли, / Чтобы век не забывал*» [Астафьева 1987, № 2564]. Части конституируются полипредикативными конструкциями с **объектными** отношениями между их частями. Одна из предикативных частей занимает позицию члена со значением делиберативного объекта, обозначающего предмет мысли, речи, восприятия: в частушке «*Я не думала, что с елочки / Иголочки падут. / Я не думала, что дролечке / Винтовочку дадут*» [Астафьева 1987, № 1486]. Выявлены полипредикативные конструкции с **временными** отношениями (отношениями временной обусловленности) между частями. В частях ОП представлены сложноподчиненные конструкции с придаточной временной частью, которые структурируются с помощью союзов *когда, пока* и др.: в частушке «*Я люблю осени ночи, / Когда светится луна. / Я люблю у дроли очи, / Когда взглянет на меня*» [Астафьева 1987, № 2424]. Зафиксированы полипредикативные конструкции с **условно-следственными** отношениями между частями. В первой из частей связь предикативных компонентов устанавливается с помощью союзов *кабы, если* и т. д.: в частушке «*Кабы не было дорожки, / Не было б и полюшка. / Кабы не было милого, / Не было б и горюшка*» [Астафьева 1987, № 3173]. Выявлены полипредикативные конструкции с **уступительными** отношениями между частями. В параллелях представлены сложноподчиненные конструкции с придаточной уступительной частью, которые структурируются с помощью союза *хотя (хоть)* и др. и посредством относительно-местоименной связи придаточной части сложноподчиненной конструкции с главной сочетанием относительного местоимения или местоименного наречия *кто, где,*

сколько и др. с частицей *ни*: в частушках *«Хоть и красит солнышко, / Да греет не по-вешнему. / Хоть и любит миленький, / Жалеет не по-прежнему»* [Власова 1965, № 2320]; *«Сколько ворон ни кружился – / Сел на Сухону на лед. / Сколько дроля ни куражился – / Уважил наперед»* [Власова 1965, № 3173]. Выявлены полипредикативные конструкции с **характеризующими** отношениями между частями, в которых характеристика явления дается путем сравнения. В параллелях представлены сложноподчиненные конструкции с придаточной сравнительной частью, которая соединяется с главной посредством союзов *как, словно* и др.: в балладе *«Она плачет идет, да как река течет, / И слезы-ти идут, да как ручьи текут»* [Астахова 1963: 74].

Выявлена синтаксическая организация ОП, которую характеризует наличие в одной параллели полипредикативной конструкции с бессоюзной связью частей, в другой – с подчинительной: в частушках *«Наше поле шире, доле, / Рожь поколосистее. / Которы девушки богаты, / Ходят пофорсистее!»* [Власова 1965, № 1910]; наличие в одной параллели полипредикативной конструкции с сочинительной связью частей, в другой – с бессоюзной: *«Все-то звездочки сияют, / А одна погасла. / Все-то девушки счастливы, / Я одна несчастна»* [Астафьева 1987, № 3010]. Исследуемая разновидность синтаксической организации ОП создает основу для структурной асимметрии частей.

Параллелизм монопредикативных конструкций

ОП формируется конституированием каждой части на синтаксической основе монопредикативной конструкции, в том числе входящей в состав полипредикативной конструкции с бессоюзной или сочинительной связью, сохраняющей равноправие входящих в ее состав частей. Синтаксический параллелизм служит средством синтаксической связи предикативных единиц в полипредикативном высказывании. В текстах разных фольклорных жанров в качестве синтаксической основы частей ОП доминируют построенные по СС **N₁-V_f** двусоставные предикативные единицы. Указанная синтаксическая структура релевантна для формирования содержательной основы ОП и реализации его функциональной направленности. Соотношение именных и глагольных компонентов данной СС в частях ОП выявляет сопоставление ядерных актантных и функциональных компонентов, которые служат структурно-семантической основой формирования разных ТСО и ССМ. В границах одного жанра

тексты разной функциональной направленности (обрядовые и необрядовые песни; мистические, бытовые и метеорологические приметы и др.) характеризуются в целом общим набором СС, составляющих основу предикативных конструкций в частях ОП: в обрядовой песне *«Не буйны ветры навяли, / Нежданные гости наехали»* [Киреевский 1911: 27, № 63] в необрядовой песне *«Совыкался сокол с перепелушкою, / Солюбился молодец с красной девушкою»* [Киреевский 1929: 105, № 2014]. Материал исследования дает основания определить **типовые способы** построения разновидностей классического ОП действий, состояний, качества, количества, локусов, условий, темпоральных параметров в соответствии с классификацией гипертем означивания явления на основе определенных СС предикативных конструкций. Анализ представлен в *разделе 3.2.2. Классический тип образного параллелизма.*

Разножанровый фольклорный материал исследования позволяет утверждать, что синтаксическая организация частей ССМ ОП на всех линиях его развития представлена монопредикативными конструкциями, которые конституируются на основе разнообразных СС: в причитании *«Захватила боль недолгая, / Приходила смерть недобрая»* [РПК 1940: 264]; в пословице *«Чаще счет, крепче дружба»* [Даль 1879: I, 71]. Синтаксический параллелизм формируется тождественной организацией частей на основе вопросительных предложений: в причитании *«Што головушка моя да разболелася? / Што обидашка въ сердечке расходилася?»* [Барсов 1872: I, 143].

Осложнение монопредикативной конструкции в каждой части ОП идентичными обособленными оборотами, «делающими элементарную линейную цепочку словоформ в составе предложения <...> структурно и семантически **многоярусной**» [Патроева 2018: 24], упрочивает синтаксический параллелизм: *«Не вызревши рябины, нельзя заломать, / Не вызнавши красную девушку, нельзя замуж взять»* [Лирические песни 1990: 296]; *«Понося платье, да сложить будет, / Потерня горе, да сказать будет!»* [Лирические песни 1990: 359].

В классическом ОП на материале организации каждой части посредством монопредикативной конструкции создаются условия для образования его трансформированных ССМ. Указанный феномен выражается наличием общего для частей компонента. Образы макро- и микромиров репрезентируются через призму

восприятия их человеком с сохранением содержательной и структурной автономии миров и репрезентирующих их параллелей: «**В двенадцать часов петухи запоют, видения кончатся**» [Черепанова 1996: 39, № 205], с повтором периферийных количественных показателей, свидетельствующих о подготовке трансформации ОП: «**А я раздумаю, горюшица победная, / Ведь одно печет красное-то солнышко, / И одни живут желанные родители**» [РПК 1940: 141], с последующей трансформацией ОП: в причитании «**Про меня, про красну девушку, / Про сироту да беззащитную, / Худа славушка горой стоит, / Пустословьице рекой бежит**» [РПК 1940: 87].

В целом содержательная соотнесенность частей стимулирует организацию предикативных конструкций в частях по одинаковым СС. Конституирование частей на основе разных СС **не нарушает** гипертематического единства параллелей.

Исследуемая разновидность синтаксической организации ОП сохраняет структурную автономию его частей и в зависимости от лексического наполнения параллелей и способа репрезентации миров является структурной основой организации классической и трансформированных ССМ.

Параллелизм частей полипредикативной конструкции

Эволюционная тенденция к формализации ОП получила выражение в его ССМ, для которых характерно нарушение содержательной и структурной автономии частей. Представление макро- и микрокосмических образов содержанием частей **одной синтаксической конструкции** лишает части ССМ их содержательной и структурной автономии (непроницаемости).

Структурную основу картин образного параллелизма составляют части полипредикативной единицы. Дифференцированы следующие разновидности.

1. Структурную основу параллелей составляют **части бипредикативной или полипредикативной сложносочиненной (бессоюзной) конструкции**.

Каждая параллель конституируется на синтаксической основе монопредикативной конструкции как части бипредикативной или полипредикативной сложносочиненной (бессоюзной) конструкции: в частушке «*Надоели в лесу ели, / Ели суковатые! / Еще пуще надоели / Мастера проклятые!*» [Власова 1965, № 973]; в сказке «Пришло время: *мужик*

репу копает, а медведь из дубровы вылезает» [Афанасьев 1958: I, 35, № 23]; в частушке *«Я думала, это лебедь, – / Это милый в лодке едет»* [Власова 1965, № 560].

Части бессоюзной полипредикативной конструкции пояснительного типа составляют структурную основу параллелизма с образным уподоблением: в пословице *«Человек не грибок, в день не вырастет (или: не растет под дожджик)»* [Даль 2000: 161]. Исследуемые построения конституируют ОП в составе счетного ряда. Первая часть содержит количественно-именное сочетание, а многочленная вторая часть конкретизирует его путем индивидуализации каждого из обозначенных этим сочетанием предметов [Артеменко 1977: 319] на материале образов разных миров: в образной части загадки *«Вырубил мужик одно деревце, из деревца сделал три дельца: перво дельце – соборный хлеб, другое дельце – полуночный свет, третье дельце – ах, хорошо. – Береза и то, что из нее изготавливают»* [Митрофанова 1968: 65, № 1751].

2. Структурную основу параллелей приема составляют части **бипредикативных и полипредикативных сложноподчиненных конструкций**. Дифференцированы две разновидности ОП частей полипредикативной конструкции с их манифестацией на содержательном материале образов параллельных миров: **бипредикативные сложноподчиненные конструкции** с локализацией символической и реальной параллелей в главной и придаточной ее частях и **полипредикативные сложноподчиненные конструкции** с параллелизмом однородных придаточных частей в составе полипредикативной конструкции. Компонентный состав частей полипредикативной конструкции характеризуется функциональным, позиционным, лексическим тождеством или отсутствием такового. Отсутствие функционального и позиционного тождества компонентов в частях не нарушает содержательного единства частей, восходящих к общей для них гипертеме.

Конституирование членов ОП на структурной основе частей **полипредикативной конструкции с подчинительной связью** и экспликацией средств подчинительной связи частей свидетельствует о формализации ОП. Синтаксический параллелизм полипредикативных конструкций с **подчинительной связью** характеризуется **разнообразием** репрезентируемых между их частями отношений.

ОП, организованный на структурной основе части полипредикативной единицы, представлен **бипредикативной сложноподчиненной конструкцией** с локализацией символической и реальной параллелей в главной и придаточной ее частях и **дифференцирован** по характеру экспликации в полипредикативной конструкции средств подчинительной связи с симметрией и асимметрией и по характеру репрезентации компонентного состава частей с функциональным, позиционным, лексическим тождеством или отсутствием такового. ОП в построениях с подчинительной связью главной и придаточной частей сложноподчиненного предложения в структурном плане упрочивается, во-первых, симметрией экспликации средств подчинительной связи в главной и придаточной частях, во-вторых, построением входящих в состав полипредикативной единицы монопредикативных конструкций на основе одинаковых структурных схем, в том числе с частичным варьированием их состава в частях. Отсутствие указанных характеристик организации главной и придаточной частей сложноподчиненного предложения не лишает указанное построение возможности служить структурной основой ОП при условии реализации содержания каждой из частей на материале макро- и микрообразов и их симметричной связи с гипертемой. Части полипредикативной конструкции построены по разным СС, отличаются отсутствием функционального и позиционного тождества компонентного состава частей: в полипредикативной конструкции с **целевыми** отношениями между частями в быличке *«черт – человек» «Вот двери и окна в доме надо зааминить, чтобы черт не вошел»* [Черепанова 1996: 43, № 244].

Симметрия экспликации средств связи формируется наличием в главной части полипредикативной конструкции с подчинительной связью коррелята, соответствующего подчинительному союзу придаточной части. Распространены **«идентифицирующе-усилительные конструкции как..., так (и, пусть)...**» (термин В.Н. Топорова) [Топоров 1995: 23]. Придаточная часть присоединяется к главной посредством союза *как*, которому в главной части соответствует коррелят *так*: в заговоре *«лес, дерево – ребенок, грудь» «Как лес не тоскует по дереву, так ребенок не тосковал бы о грудях»* [Савушкина 1993, № 8]; *«сколько..., столько...»* в былине *«конь – рука» «Сколько рука секёт, столько конь топчёт»* [Астахова 1961: 154, № 47];

«когда..., тогда...» в сказке «поймать, изготовить, съесть – родить» «Когда поймают ее король да изготовит, а королева покушает, тогда и понесет детище» [Афанасьев 1958: I, 267, № 136]. В полипредикативной конструкции с **локальными** отношениями между частями средствами синтаксической связи предикативных составляющих служат союзные слова *где, куда*, параллельная организация составляющих сопровождается употреблением в главной части соотносительных слов *тут, там, туда*: в пословице «Куда ночь, туда и сонь» [Барсов 1770: 155]; ОП реализуется в серийном воплощении: в балладе «церковь, елки, сосны, горки, леса, платья, моря – девушка, ручки, ножки, головка, коса, кровь» «Иде Аннушка пала – / Там церковь постала, / Иде ручки да ножки – / Там елки, сосонки, / Где буйная головка – / Там крутые горки, / Где русая коса – / Там темные лёсы, / Иде цветные платья – / Там зеленый лес, / Иде кровь проливала – / Там синие моря» [Астахова 1963: 197]. Части полипредикативных конструкций, как правило, построены по разным СС: в примете «От кого тяжело пахнет потом, тот злой человек» [Харченко 2008: 85].

Асимметрия экспликации средств связи формируется наличием средств подчинительной связи только в придаточной части полипредикативной конструкции без параллельного коррелята в главной. Части полипредикативной конструкции построены по одинаковым СС с функциональным, позиционным и лексическим тождеством компонентов: в полипредикативной конструкции с характеризующими путем сравнения отношениями между частями в исторической песне «горы – богатыри» «Как не две горы скатались, / Два богатыря сходились» [Игнатов 1970: 82, № 7]; в примете «Хлеб в закрому – что хозяин в дому» [Стрижев 1972].

Синтаксический параллелизм части полипредикативной единицы – **сложноподчиненного предложения с однородным соподчинением придаточных** является структурной основой формализованной ССМ. Параллельное построение однородных придаточных в составе полипредикативной единицы обеспечивается их отношением к общей главной части сложноподчиненного предложения, а также функциональным и позиционным тождеством входящих в их состав компонентов. Параллелизм сравнений формируется амплификацией придаточных частей полипредикативной «идентифицирующе-усилительной конструкции *как..., так*

пусть...» (термин В.Н. Топорова) [Топоров 1995: 23] на содержательном материале образов разных миров: в любовном заговоре *«печка – ребятки» «И как малыньки ребятки в той печи парются-моются (да плюнь перед собою), как эта печка сохнет-ноет, нам кости ломит (да ишиио плюнь), так бы раб Божий (имя) по рабице Божией (имя) сох-иссыхал, не мог бы ни жить ни быть»* [Аникин 1998: 140, № 710]. Синтаксический параллелизм придаточных частей полипредикативной конструкции с подчинительной связью характеризуется разнообразием отношений между ее частями: в быличках *«Смекнул председатель, что не бык это вовсе, а ведьма местная»* [Пухова 2008: 42, № 78]; *«Ибо баба в красном казане, ибо петун по крыше летает, ибо лиска по деревни – пожар будет»* [Черепанова 1996: 42, № 231]; в былине *«Я ехал дорогой прямоезженной, по которой двадцать лет никто не езживал, птица не летала»* [Астахова 1961: 76]; в лирической песне *«Онъ ищетъ, выбираетъ себе человека, / Кто бы, кто бы изъ острой сабли ржавчинку повытеръ, / Кто бы, кто бы изъ ретива сердца – грусть, тоску, кручину»* [Киреевский 1917: 22, № 1254].

3. Структурную основу параллелей составляют части **полипредикативной конструкции с сочинительными (бессоюзными) и подчинительными отношениями**: в песне *«Ему нечим, что кукушечка / кукуить (3), Ажно эта малада сваха / играть (3)»* [Киреевский 1911: 209, № 753]; в параллелизме с образным уподоблением в пословице *«На меня, что в яму: все валится»* [Даль 1879: I, 35].

В ССМ отражен особый этап народного мировосприятия: на формально-синтаксическом уровне закреплены своеобразные результаты познания человеком внешнего мира в процессе его восприятия и взаимодействия с его объектами.

Параллелизм частей монопредикативной конструкции

Синтаксическим параллелизмом организована формализованная ССМ ОП – часть монопредикативной конструкции. Содержательная и структурная автономия частей неформализованной ССМ исключает использование в качестве знака их сопоставления параллелизма членов одной предикативной единицы. Выражение формализованных ССМ средствами одной синтаксической конструкции, устранение автономии частей делают возможным выражение приема посредством параллелизма членов предикативной конструкции, что сужает и актуализирует спектр символических

связей: в песне «Да приходите в огород (2) <...> / *Да капустоньку полоть (2), / Да ле кочешочки да не ломать, (2) / Да красных девок выбирать*» [Печора 1963, № 280].

Синтаксический параллелизм членов монопредикативной конструкции является универсальной структурной основой ОП с символизацией полного спектра ядерных и периферийный компонентов, а также компонентных групп в частях ОП.

Выражение ОП посредством синтаксического параллелизма членов предикативной конструкции актуализирует символизацию в его частях **ядерных** компонентов. Символизация **ядерных функциональных компонентов** выявлена в ОП с акциональными перечнями: в частушке «Рекрута, рекрутики / *Ломали* в поле прутики, / *Ломали да ставили, / Любили да оставили*» [Власова 1965, № 2989]. Символизация **ядерных актантных (субъектных и/или объектных) компонентов** выявлена в ОП с номинативными перечнями: в причитании «Приклонись, буйна головушка, / *Ко любимой могилушке – / Ко кормильцу свету-батюшку*» [Барсов 1872: I, 55]; в ОП заместительного обмена объектами в быличке «Ты бы не *его (Егорушку)* погладила, а *ясли*» [Черепанова 1996: 13, № 10]; в ОП обращений в балладе «Ты прости, прощай, *Параня, / Прости, сердце мое!*» [Астахова 1963: 161] и др.

Выражение ОП посредством синтаксического параллелизма членов предикативной конструкции реализует символизацию в частях **периферийных** компонентов. Символизация **периферийных атрибутивных компонентов** выявлена в ОП с атрибутивными перечнями: в балладе «Молодец, молодец, душа, мое сердце, / *Холост, неженатый, белый кудреватый!*» [Астахова 1963: 95]. Символизация **периферийных обстоятельственных компонентов** выявлена в ОП с номинативными перечнями: в сказке «Тотчас старик <...> свистнул-гаркнул *молодецким голосом, соловейским посвистом*» [Афанасьев 1958: II, 7, № 180].

Выражение образного параллелизма посредством синтаксического параллелизма членов предикативной конструкции реализует символизацию **компонентных групп**: в причитании «Вложите светъ да во ясны оци, / *Жаланыще да въ ретиво сердчѣ, / Говореньище да въ сахарны уста!*» [Барсов 1872: I, 59–60]; в сказке «А защипанного гусенька <...> на волю пустили, и стал он с тех пор *широко крыльями махать, впереди всех летать да Терешечку вспоминать*» [Афанасьев 1958: I, 184, № 112].

В формализованных структурно-семантических модификациях ОП синтаксический параллелизм служит средством организации одной конструкции.

3.3.2. Типология моделей соотношения синтаксической организации образного параллелизма с его содержательной стороной и ее эволюционно-ментальный подтекст

Исследование эволюции образного параллелизма как композиционного принципа организации фольклорного текста через призму соотношения в нем плана содержания и плана выражения составляет основу разработки типологии моделей соотношения синтаксической организации приема с его содержательной стороной и интерпретации их эволюционно-ментального подтекста.

Синтаксический строй языка фольклора «специфичен и очень эстетически нагружен» [Оссовецкий 1975: 72]. Образный параллелизм получил воплощение в форме синтаксического параллелизма. Сопоставление явлений макромиров с внутренним миром человека «осуществляется с помощью параллельных синтаксических конструкций с симметричным расположением семантико-грамматических единиц» [Оссовецкий 1979: 225]. Параллельное построение синтаксических конструкций не является достоянием исключительно языка фольклора. В общезыковой системе и в языке фольклора дифференцированы **три основных этапа функционирования синтаксического параллелизма**: *в общезыковой системе* синтаксический параллелизм служит одним из средств синтаксической связи частей монопредикативной конструкции; предикативных единиц в полипредикативном высказывании; предложенческих структур в составе сложного синтаксического целого [Собинникова 1969: 80-102; Попова 1950: 360-393; Солганик 1973; Грамматика современного русского литературного языка 1970; Русская грамматика 1980; Санников 2008]; *в стихотворном фольклоре* синтаксический параллелизм функционирует как **модифицированная форма синтаксического параллелизма общезыкового характера**, одно из средств синтаксической связи стиховых структур [Артеменко 1977]; *в языке фольклорных*

произведений разных жанров синтаксический параллелизм служит языковой формой композиционной организации образного параллелизма, знаком сопоставления содержания макро- и микрокосмических картин.

Дифференцированы две разновидности **соотношения синтаксической организации** композиционных частей ОП: тождественная и нетождественная. Каждая из типизированных синтаксических структур, в которых воплощается ОП, отличается функциональной специализацией, что позволяет выделить *базовые модели соотношения синтаксической организации ОП с его содержательной стороной*, отражающие направления развития ОП. Обозначенная интерпретация требует учета взаимосвязи **двух факторов**: во-первых, цельнооформленность (автономию, непроницаемость) и нецельнооформленность (неавтономию, проницаемость) организации частей; во-вторых, тождество (симметрию) и отсутствие тождества (асимметрию) соотношения синтаксической организации частей ОП.

ССМ разных линий развития ОП противопоставлены по принципу содержательной и структурной автономии/неавтономии композиционных частей. В классических и трансформированных ССМ каждая часть и содержательно, и синтаксически автономна. Части ОП представляют собой одинаковые или разные конструкции/группы конструкций. Выражение формализованных ССМ средствами одной синтаксической конструкции лишает части ОП содержательной и структурной автономии. Обе противопоставленные друг другу по принципу содержательной и структурной автономии/неавтономии группы ССМ ОП могут быть оформлены посредством как тождественной, так и нетождественной синтаксической организации. При этом тождество и различие синтаксической организации в автономных и неавтономных частях ОП выполняют **одинаковые функции**. Симметрия синтаксической организации частей и в автономных, и в неавтономных построениях является знаком сопоставления содержания макро- и микрокосмических частей, а различие синтаксической организации автономных и неавтономных синтаксических построений является знаком формирования свободно-поэтической символики.

Таким образом, выявлены **четыре базовые модели соотношения синтаксической организации ОП с его содержательной стороной**: 1) классические и

трансформированные модификации ОП, в которых содержательно и синтаксически автономные части имеют тождественную синтаксическую организацию; 2) формализованные модификации ОП, в которых содержательно и синтаксически неавтономные части имеют тождественную синтаксическую организацию; 3) классические и трансформированные модификации ОП, в которых содержательно и синтаксически автономные части имеют синтаксически различную (нетождественную) организацию; 4) формализованные модификации ОП, в которых содержательно и синтаксически неавтономные части имеют синтаксически различную (нетождественную) организацию.

Разножанровый материал позволяет заключить, что тождественная и нетождественная разновидности синтаксической организации частей ОП характеризуются наличием **общего набора** (единством номенклатуры) синтаксических средств, а разнятся характером их применения. При тождественной синтаксической организации эти средства применяются в обеих параллелях и формируют симметрию частей ОП, а при нетождественной – только в одной из параллелей и образуют асимметрию его частей ОП.

В классических и трансформированных ССМ, сохраняющих содержательную и структурную автономию частей, соотносимые на основе ОП части представлены структурами трех типов: группами конструкций, обычно включающих в себя прямую речь (диалогические единства), полипредикативными и монопредикативными конструкциями. Формализованные модификации, лишенные содержательной и структурной автономии частей, представлены синтаксическим параллелизмом части структур указанных типов.

Модификации всех линий развития ОП в аспекте сопоставления их частей характеризуются четырьмя основными способами структурно-семантического преобразования компонентного состава параллелей: его **амплификацией, редукцией, варьированием и контаминацией**. Амплификация и редукция изменяют объем параллелей, варьирование сохраняет объем частей. Амплификация, редукция и варьирование компонентного состава ОП являются инструментами развития продуцируемых на его основе ССМ в текстах разных

фольклорных жанров и неодинаково коррелируют с факторами автономии/неавтономии и симметрии/асимметрии синтаксической организации частей ОП. Варьирование не является релевантным для классических, трансформированных и формализованных модификаций ОП, в которых части имеют тождественную синтаксическую организацию. Амплификация и редукция компонентного состава частей не являются релевантными для классических и трансформированных модификаций ОП, в которых части имеют тождественную синтаксическую организацию. Амплификация и редукция компонентного состава частей приема релевантны для формализованных модификаций ОП, в которых части имеют тождественную синтаксическую организацию. ОП с тождественным синтаксическим устройством частей представлены одинаковыми видами амплификации и редукции компонентного состава в обеих частях ОП и не допускают варьирования их компонентного состава. Амплификация, редукция и варьирование выявлены в классических, трансформированных и формализованных модификациях ОП с асимметрией синтаксической организации их частей. Тождественная синтаксическая организация частей ОП опирается на одинаковое применение указанных структур и одинаковое их построение (функциональное, позиционное и в ряде случаев лексическое тождество компонентного состава). Нетождественная синтаксическая организация опирается на применение разных структур или неодинаковое их построение в частях ОП. Контаминация, представленная сочетанием разных структур в ОП, реализует кумулятивный эффект его развития. Кроме того, на уровне вариантов текстовой реализации ОП симметрия и асимметрия частей формируются тождественными или нетождественными количественными показателями соотношения символической и реальной версий в соответствующих частях ОП.

Параллелизмы с тождественной синтаксической организацией частей

Первая базовая модель соотношения синтаксической организации ОП с его содержательной стороной представлена классическими и трансформированными модификациями ОП, в которых содержательно и синтаксически автономные части имеют тождественную синтаксическую организацию и иконически отражают

аналогию миров. Основным структурным способом композиционно-содержательной организации частей ОП является *синтаксический параллелизм*. Соотносимые на его основе части представлены структурами трех типов. Части организованы на основе 1) групп конструкций, включающих в себя прямую речь (диалогические единства): в разных частушечных текстах представлены ответ и вопрос «*Ты зачем расцвел, / Василек, во ржи? / Ты зачем завлек, / Дроля мой, скажи?*» [Астафьева 1987, № 3732]; «*Я затем расцвел, / Чтоб красивым быть! / Я затем завлек, / Чтоб тебя любить!*» [Астафьева 1987, № 3733]; 2) полипредикативных конструкций: в частушках «*Ой, какая чистота – / Ни чурочки, ни палочки. / Ой, какая сирота – / Ни дроли, ни товарочки*» [Астафьева 1987, № 2240]; «*Говорят, высоко жну, / Надо бы пониже. / Говорят, люблю далеко, / Надо бы поближе*» [Астафьева 1987, № 2465]; 3) предикативных единиц, построенных по одинаковым СС: в балладе «*Светила заря перед сободем, / Стояла девица перед молодым*» [Русская баллада 1936: 13, № 9]; в пословице «*По одежке встречают, по уму провожают*» [Жуков 2000: 252]; в частушке «*Ах, как бабушка скупа! / Ах, как редечка горька!*» [Бахтин 1966: 11].

Вторая базовая модель соотношения синтаксической организации ОП с его содержательной стороной представлена формализованными ССМ, в которых содержательно и синтаксически неавтономные части имеют тождественную синтаксическую организацию: ОП отсылки болезни в лечебном заговоре «*<...> топи, Господи, все болезни в болоте, где птицы не летают, где скот не ходит*» [Проценко 2010, № 83]; ОП сравнения в быличке «*Змеи были в наших местах. Все говорили, что уж какой-то летает. Летит, да все как волокно красное, как огонь красный и есть*» [Черепанова 1996: 29, № 124]; троичный ОП в исторической песне «*Ты наш батюшка-надежда царь*» [Игнатов 1970: 98, № 12].

ОП с тождественным синтаксическим устройством частей представлены одинаковыми видами амплификации и редукции компонентов в частях, не допускают варьирования их компонентного состава. Симметричные модели амплификации частей параллелизма-бинома характеризуются их тождественным распространением: в причитаниях «*Придет праздничек-гуляныще, / Воскресеньице-весельище*» [РПК 1940: 84]. Симметричные модели редукции частей до однословной конструкции представлены в

параллелизмах с номинативными перечнями: в названии сказки «*Мальчик и волки*» [Кретов 2005: 30, № 11]; в названии былички «*Леший и рыбак*» [Криничная 1989: 271]; разгадывание редуцирует текст и ответ загадки до симметричной однословной конструкции: «*безмен – человек*» «*Сам худ / А голова с пуд. – Безмен*» [Живая старина 1906: I, 62].

Образные параллелизмы с тождественным синтаксическим устройством частей, с одной стороны, фиксируют ранние этапы развития композиционного принципа организации фольклорного текста, с другой стороны, объективируют стремление к симметрии параллельной конструкции в поздних формализованных построениях. Функциональная направленность синтаксически тождественного построения частей состоит в том, что симметрия формы объективирует симметрию выражаемого ею разносубстанционального образного содержания.

Параллелизмы с нетождественной синтаксической организацией частей

Амплификация, редукция и варьирование компонентного состава частей выявлены в классических, трансформированных и формализованных ССМ приема с асимметрией синтаксической организации их частей. Указанные процессы проявляются в двух асимметричных вариантах: реализуются в обеих параллелях, но разными способами или только в одной из частей ОП.

Третья базовая модель соотношения синтаксической организации ОП с его содержательной стороной представлена классическими и трансформированными модификациями ОП, в которых содержательно и синтаксически автономные части имеют синтаксически различную организацию. Нарушают тождественную организацию частей разнообразные средства их синтаксической организации: типовые случаи варьирования, т. е. функционально-синтаксического несовпадения компонентов и порядка их следования в частях; отсутствие синтаксического параллелизма частей ОП; асимметрия амплификации и редукции компонентного состава в частях ОП.

В классической и трансформированных ССМ части манифестируются синтаксически свободным построением и нарушением их синтаксической симметрии.

Выявлены **два этапа нарушения симметрии/тождества** организации частей ОП, которые можно расположить в порядке «угасания» структуры синтаксического параллелизма и увеличения структурных несоответствий

параллелей как знака свободного использования символики ОП, кристаллизации нового принципа сопоставления образов макро- и микромиров и – соответственно – новых форм его образного и речевого воплощения.

1. **Первый этап** характеризуется наличием в параллельно организованных частях ОП **типовых случаев варьирования**, т. е. функционально-синтаксического несовпадения компонентов и порядка их следования. Многократно реализуемый вариант характеризуется наличием соответствия приглагольному члену (детерминанту) с адвербиальным значением в символической части приглагольного объектного члена (детерминанта) в «реальной» части (соотношение: локализатор – объект). Структура служит средством воплощения специфики образов параллельных миров. Параллель с образом макромира в целом является символом отношений и порождаемых ими чувств между двумя героями: в частушке *«Золотое-то колечко / С гороньки катилось. / Ретивое-то сердечко / Милого хватилось»* [Астафьева 1987, № 2886]. Параллель с образом природы выступает символом чувств: в пословице *«За окном солнышко, да на сердце горюшко»* [Соболев 1983: 97]. В заговорах с мотивом «чудесного одевания» ССМ осложняются асимметрией количества вводимых в части образов: *«Свет светает, заря замы[ка]етьца, красное солнце восходит, медвяная роса сохнет, птицы из гнезд вылетают. Аз, раб Божий имярек, <...> лице свое уываю»* [Топорков 2005а: 160–161]. Приглагольному члену с адвербиальным значением в одной части соответствует член с атрибутивным значением в другой: в былинке *«Единое дерево не темный лес, / А един человек не рать в поле»* [Черняева 1981: 180, № 26].

2. **Второй этап** отличается отсутствием синтаксического параллелизма частей образного параллелизма и имеет следующие структурные основания.

Части ОП организованы **структурами разных типов**: монопредикативная конструкции в символической части и полипредикативная конструкция в реальной параллели в частушке *«Жала узиньку полоску, / Перерезанную рожь. / Я теперь узнала, дролечка, / Чужим умом живёшь»* [Кулева 2008: 148, № 34а]; предикативная децентрализация монопредикативной конструкции в символической части и полипредикативная конструкция с подчинительной связью

в реальной параллели в частушке «*Это горькое вино / По рюмочкам расходится. / Кабы знала, что трепач, / Не стала бы знакомиться*» [Власова 1965, № 2701].

Предикативные конструкции в частях ОП организуются **по разным структурным схемам**: в примете «*Пожелтел листок – осенняя весточка*» [Рыженков 1992]; в частушке «*В небе звездочки погасли, / Ветерок совсем затих, – / Есть у нас в колхозе ясли, / Весело ребятам в них*» [Коничев 1936: 21]. В параллелизмах с синтаксически различной организацией частей **структурным стабилизатором параллелизма** и знаком композиционной соотнесенности параллелей служит формальное совпадение грамматических форм компонентов, морфологическое сходство и позиционная общность членов в частях. Создается **псевдопараллелизм (псевдоаналогия)** сопоставляемых частей. В заговоре в содержательной трансформации с образами макромиров части ОП манифестируются на основе разных СС $N_I - N_{II} // N_{MI}$: «*Мисець новець и в земли мертвець и камень нутрець*» [Мансикка 1926: 213, № 129]. Организующую роль принимает на себя морфологически обусловленная рифма: эллиптическая конструкция с имплицитным способом представления глагольного компонента способствует формированию псевдопараллельного построения в примете «*Новый год – санки на ход*» [Рыженков 1992]. Исследуемый феномен представлен в разных жанрах: в пословице «*Брови нависли – злоба (дума) на мысли*» [Даль 2000: 164]; в примете «*Собачий вой – на вечный покой*» [Харченко 2008: 173] и др. Отсутствие структурных стабилизаторов синтаксического параллелизма не ограничивает установления символических связей между параллельными образами: в приметах «*Дождь при солнце – царица плачет*» [Ермолов 1905: IV, 398]. Асимметрия организация предикативных конструкций на основе разных СС в частях ОП усиливается реализацией символической параллели на материале трех из четырех поэтических строк частушки: «*Снежки белые, пушисты / Занесли дорожки чисты, / Перелог и лужки – / Осиротели девушки*» [Власова 1965, № 3841]. **Различие модальных планов** нарушает симметрию частей ОП, формирует его трансформированные ССМ: в пословице «*Плясала бы баба, да макушка лета настала*» [Рыженков 1992].

В ОП части **не представляют собой синтаксически параллельно организованных конструкций**, но в содержательном плане параллели с образами

макро- и микромиров интегрированы с гипертемой и сопоставлены как варианты ее образного воплощения. В результате разрушения традиционных структурных соответствий параллель с образом природы становится символом целой ситуации (или разных ситуаций) из жизни человека и имеет обобщенную семантику: в песне «*попынь – жизнь с лютой, нелюбимой женой; виноград (чернослив, калина, малина, смородина) – жизнь с любимой*» [Киреевский 1929: 202, № 2442].

Нарушение симметрии/тождества синтаксической организации частей ОП проявляется в асимметричном применении **амплификации** и **редукции** компонентного состава его частей. Части ОП организуются по одинаковым СС, но одна из параллелей **амплифицируется** компонентом со значением локализатора: «*Дождь идет из-под солнца – ведьма плачет*» [Харченко 2008: 153]. Наличие **редукции** компонентов одной части распространено в приметах и актуализирует значимость точного прогноза. Различие в синтаксической организации частей приметы определяется специфическими для жанра [Фаттахова 2002; 2022] **способами сжатия** прогноза, выраженного эллиптической конструкцией с применением дательного предсказания с предлогом *к* (*к смерти*) и винительного предсказания с предлогом *на* (*на дождь*): «*Отражение в зеркале дрожит или мутное – к смерти*» [Харченко 2008: 128]. Зафиксировано сжатие приметогенной ситуации до образа приметоносителя: «*Вихорь – чортъ съ ветромъ играетъ*» [Ермолов 1905: IV, 132].

Четвертая базовая модель соотношения представлена формализованными модификациями, в которых содержательно и синтаксически неавтономные части имеют синтаксически различную (нетождественную) организацию.

В параллельно организованных частях формализованных ССМ фиксируются **типовые случаи варьирования**: приглагольному члену с адвербиальным значением в одной части соответствует приглагольный объектный член в другой в пословицах с имплицитным ОП сравнений «*Правит, как черт болотом*» [Даль 1879: I, 264] – «*Правит, как медведь в лесу*» [Даль 1879: I, 264].

Различие модальных планов в формализованных ССМ нарушает симметрию частей и эксплицирует интенцию жанра: в быличке «*Скажут, вечером не гляди в окно, шуликуны утянут*» [Черепанова 1996: 40, № 210].

Отсутствие синтаксического параллелизма частей, связанных гипертемой, характеризует построения с подчинительной связью главной и придаточной частей сложноподчиненного предложения, репрезентирующих параллели ОП. Параллелизм упрочивается, во-первых, симметрией экспликации средств подчинительной связи в главной и придаточной частях, во-вторых, построением входящих в состав полипредикативной единицы монопредикативных конструкций на основе одинаковых СС, в том числе с частичным варьированием их состава. Отсутствие указанных характеристик организации главной и придаточной частей сложноподчиненного предложения не лишает построения возможности служить структурной основой ОП при условии реализации содержания частей на материале образов разных миров и их связи с гипертемой: в примете *«Кто икает после еды, тот скупой человек»* [Харченко 2008: 25].

Асимметрия амплификации формализованных ССМ проявляется в применении разных способов амплификации частей образного параллелизма-бинома: в приметах *«Весна-кесница – подснежников царица»* [Рыженков 1992]; *«Ясная луна – предвестник мороза»* [Селянгина 2005]; а также в амплификации одной из частей: в приметах приметоносителя *«Январь – первенец среди двенадцати братьев-месяцев»* [Стрижев 1972] или прогноза *«Дождь на молодых – счастье»* [Харченко 2008: 173].

Асимметрия редукции компонентов одной из частей ОП имеет жанровую обусловленность в затрудненном ОП загадки. Образный дешифратор символической части демонстрирует сжатие ответа до однословной конструкции: *«Петух поет, перья болтаются. – Часы»* [Митрофанова 1968: 110, № 3601].

Обусловленные спецификой жанра **способы структурно-смыслового сжатия** частей ОП в приметах и загадках представляют разные феномены и проанализированы в разделе 2.3.2. *Гипертема образного параллелизма*.

В отношении эволюционно-ментального подтекста асимметрии синтаксической организации частей и ее соотношения с содержательной стороной ОП выявлено образование формализованных ССМ, которые изначально характеризуются нетождественной синтаксической организацией параллелей: ОП в формуле обмена в лечебном заговоре *«Ночная полуночна <...>, не тешься моим младенцем, на тебе*

топор, секи и руби» [Савушкина 1993, № 32]; параллелизм с образным уподоблением в пословице *«Деньги, что камня: тяжело на душу ложатся»* [Даль 1879: I, 69] и др.

В ОП метаморфоз-репрезентаций наблюдается максимальная степень структурной асимметрии, которая компенсируется их серийной реализацией: в сказке *«Как услышал это парнишка, обернулся он через колдовское слово в серну, да и наутёк. Узнал об этом барин-черт, обернулся в гончую собаку и погнался за ним. Чуть-чуть было не изловил, да парнишка обернулся ласточкой. Обернулся черт соколом, да на ласточку. Ласточка кинулась наземь, обернулась мышкой да в нору спряталась. Обернулся черт змеей да за мышкой. Выскочил парнишка из норы, обернулся аистом и проглотил змею»* [Кретов 2005: 109, № 41].

Сводные данные представлены в Приложении 12 *«Модели соотношения синтаксической организации образного параллелизма с его содержательной стороной в жанрах русского фольклора»*.

Кумулятивный эффект проявляется в привлечении для создания формализованных ССМ максимального количества синтаксических средств реализации асимметрии.

Выводы из третьей главы

1. **Эволюционная морфология ОП** изучает системный характер эволюции его морфологических основ, ментальный подтекст морфогенеза, закономерности формообразования и идентификационные показатели этапов развития ОП.

2. В лингвофольклористике термин **морфогенез** в применении к ОП обозначает системную эволюцию его морфологических основ, которая объективируется в развитии ТСО, ССМ, моделей соотношения формы и содержания ОП.

3. Исследование в жанрах фольклора системного характера морфогенеза ОП является основой типологии символических модификаций ОП, каждая из которых имеет идентификационные показатели, жанровый и эволюционно-генетический статусы. Эволюционная морфология представлена каталогом общежанровых, межжанровых и внутрижанровых ССМ ОП, отражающих эволюцию художественного мышления этноса.

4. Исследование морфогенеза ОП через призму **типов символической образности** отражает этапы мировидения. Дифференцированы три основных ТСО: **образ-символ, символическое действие и символическая картина**. Языковые механизмы формирования и эволюции ТСО выявлены посредством анализа **взаимосвязи** соотношения актантных и функциональных компонентов в частях ОП.

5. Динамика преобразований семантических комплексов ТСО ОП объективирует процессы формирования абстрактной и свободно-поэтической символики в фольклорных произведениях разных жанров. Развитие семантического комплекса ТСО демонстрирует **накопление** в их составе идентификационных показателей предыдущих звеньев эволюционной цепи. Интегрированный каталог ТСО представляет **общефольклорный фонд символических модификаций** ОП.

6. Исследование морфогенеза ОП через призму типологизации его ССМ отражает этапы развития народного мировидения. **Критериями разграничения** ССМ являются в содержательном плане тип репрезентации миров посредством выражения сопоставительных отношений в форме тождества, подобия, противопоставления и уподобления; в структурно-семантическом плане тип репрезентации компонентного состава и объем синтаксической конструкции ОП.

Материал исследования позволяет дифференцировать **три линии развития приема: классические, трансформированные и формализованные** ССМ ОП. Исходным является **классический тип** ОП как ССМ, которая эволюционирует в направлениях ее **трансформации и формализации**, обусловленных действием **общефольклорной тенденции** к адаптации и сближению параллельных миров. Формируется особый тип репрезентации миров, при котором содержательная и структурная автономия миров нивелируется. Формализация иллюстрирует накопление в границах ОП результатов основных этапов его развития и **не свидетельствует о разрушении** ОП, поскольку порождает разнообразный спектр ССМ, сохраняющих сущностные признаки ОП и имеющих **полевую организацию: ядро и периферию**.

7. Морфогенез ССМ ОП отражает динамику взаимодействия типовых моделей мироустройства. Большой объем разножанрового фольклорного материала позволяет каталогизировать ССМ ОП с учетом классификационного и

жанрового аспектов. **Общежанровые ССМ** выявлены во всех жанрах и составляют общефольклорный фонд ОП – 19 ССМ, что составляет 52,8% от общего количества 36 ССМ; **межжанровые ССМ** выявлены в нескольких жанрах – 15 ССМ, что составляет 41,6% от 36 ССМ; **внутрижанровые ССМ** выявлены в одном жанре – 2 ССМ, что составляет 5,6% 36 ССМ. Интегрированный каталог представляет общефольклорный и межжанровый фонд ССМ ОП. Диапазон показателей представленности 36 ССМ ОП в жанрах русского фольклора варьируется от максимального 33 (в лирических песнях и заговорах) до минимального 27 (в загадках), соответственно от 91,7% до 75% ССМ и свидетельствует о широкой и разнообразной представленности ССМ во всех исследуемых фольклорных жанрах.

8. Исследование морфогенеза ОП через призму **типологизации моделей соотношения синтаксической организации ОП с его содержательной стороной** отражает эволюцию народного мировосприятия. Материал исследования позволяет определить **разновидности синтаксической организации частей**. Структурно-семантические преобразования компонентов осуществляются посредством их амплификации, редукции, варьирования и контаминации. Интерпретация эволюции моделей соотношения формы и содержания ОП учитывает **взаимосвязь двух факторов**: автономной и неавтономной; тождественной и нетождественной синтаксической организации частей ОП. В результате определены **четыре базовых модели соотношения**. Каждая из типизированных синтаксических структур отличается функциональной специализацией и отражает этапы развития ОП.

9. Динамика типовых моделей соотношения плана выражения и плана содержания ОП имеет эволюционно-ментальный подтекст: ОП с тождественным синтаксическим устройством частей фиксируют ранние этапы его развития, поскольку параллелизм формы исконно является знаком сопоставления содержания частей. Увеличение структурных несоответствий частей является знаком свободного характера процессов символизации и «кристаллизации» нового принципа сопоставления миров.

10. Свобода формы ОП при строгой соотнесенности содержания частей с гипертемой является основой высокой продуцирующей активности ведущего композиционного принципа организации фольклорных текстов разных жанров.

Глава 4. Системные характеристики развития образного параллелизма как отражение динамики народного мировосприятия

Семиогенез и морфогенез ОП находятся друг с другом в определенных системных отношениях. Эволюция ОП объективируется в комплексных данных его системогенеза и отражает динамику народного мировосприятия.

В лингвофольклористке термин **системогенез** (др.-греч. σύνστημα – целое, составленное из частей; соединение и греч. γένεσις – рождение, происхождение) в применении к образному параллелизму обозначает системные характеристики формирования и эволюции образного параллелизма, объективируемые в границах структурно-типологических пересечений его семиогенеза и морфогенеза.

Комплексные данные системогенеза ОП отражают **метасистемный аспект эволюции ОП**, который реализован в изучении **общих характеристик** развития ОП как знаковой системы, надсистемы семиотических модификаций ОП и надсистемы морфологических модификаций ОП. Данные семиогенеза ОП как знака и техники вторичной моделирующей системы реализуются в его морфогенезе. Типы символической образности, структурно-семантические модификации ОП и модели соотношения его синтаксической и содержательной сторон имеют присущую им семиотическую вертикаль. Данные системогенеза ОП комплексно отражают эволюцию семиотических, семантических, синтаксических и композиционных основ фольклорного текста. Выявлен **общефольклорный** характер данных системогенеза ОП.

Доминантными системными характеристиками развития ОП являются **эволюционные цепи и эволюционные эффекты** его формирования и функционирования, которые отражают многослойность фольклорного текста.

4.1. Эволюционные цепи формирования образного параллелизма как отражение многослойности фольклорного текста

Эволюционные цепи формирования ОП являются системной характеристикой его развития, которая на материале структурно-типологических

пересечений семиогенеза и морфогенеза ОП отражает стадильность образования многослойности фольклорного текста.

Исследование **семиогенеза ОП** объективирует эволюционные цепи поэтапного формирования его семиотической вертикали. Процесс *порождения* ОП: *гипертема* → *семантический инвариант* → *структурная инвариантная модель* → *варианты текстовых реализаций*. Процесс *восприятия* ОП: *варианты текстовых реализаций* → *структурная инвариантная модель* → *семантический инвариант* → *гипертема*. Эволюция семиотических основ ОП квалифицирована на каждом этапе формирования его семиотической вертикали. К примеру, эволюция гипертемы ОП представлена звеньями цепи: ОП с ГТ-1 → ОП с ГТ-2 → ОП с ГТ-1 + ГТ-2.

Исследование **морфогенеза ОП** объективирует эволюционные цепи поэтапного формирования его морфологических основ.

Эволюционные цепи формирования **типов символической образности** ОП.

Эволюционные цепи каждого ТСО. **Образ-символ:** персонифицированный образ-символ → образ-символ, отличающийся лишением (ослаблением, нивелированием или утратой) персонифицированного характера → абстрактный образ-символ. **Символическое действие:** символическое действие с непосредственным характером символизации → символическое действие с опосредованным характером символизации и пересемантизацией компонентов ГР. **Символическая картина:** символическая картина с расчлененным по компонентному составу семантическим комплексом → символическая картина с единым нерасчлененным семантическим комплексом.

Эволюционные цепи всех ТСО интегрированы в **генерализованной** цепи их развития как системного образования. **Типовые звенья эволюционной цепи развития трех ТСО:** персонифицированный образ-символ → символическое действие → символическая картина как сумма образа-символа и символического действия → непосредственный и опосредованный способы символизации действия → символическая картина, в границах которой наблюдается лишение (ослабление, нивелирование и утрата) персонифицированного характера входящего в ее состав образа-символа и создание единого нерасчлененного семантического комплекса

символической картины → абстрактный образ-символ. Типовые звенья детализируются в связи с образованием промежуточных разновидностей образов-символов, символических действий и символических картин, обусловленным эволюцией их семантических комплексов.

Эволюционные цепи поэтапного формирования **структурно-семантических модификаций ОП** как проявление динамики языковых основ фольклорного текста: **классическая ССМ → трансформированные ССМ**: на уровне формы (анимизация и антропоморфизация макрокосмических объектов; пластическое преобразование образов символической или реальной параллели); на уровне содержания (параллелизм образов макро- и микромиров, параллелизм образов макромиров и параллелизм образов микромиров) → **ядро формализованных ССМ**: формализованные ССМ на основе классического ОП; на основе трансформации ОП на уровне формы и содержания → **периферия формализованных ССМ**: образный параллелизм сравнений; образный параллелизм в формуле отсылки болезни; образный параллелизм в формулах обмена; троичный образный параллелизм; образные параллелизмы с акциональными и номинативными перечнями; образный параллелизм обращений; концентрический параллелизм; образные параллелизмы-биномы; параллелизмы с образным уподоблением; затрудненный образный параллелизм; композитный параллелизм; звукосимволический параллелизм; образный параллелизм метаморфоз-репрезентаций; имплицитный параллелизм; дистантный параллелизм.

Эволюционные цепи преобразований ССМ коррелируют с этапами развития **параллелистической модели тема-рематической прогрессии** как **универсальной матрицы структурообразования** всех этапов эволюции ОП: классическая разновидность параллелистической модели (классические, трансформированные и формализованные ССМ ОП моно- и полипредикативных конструкций) → переходная от модели к псевдомодели всеерная разновидность параллелистической модели (формализованные ССМ ОП части монопредикативной конструкции с акциональными перечнями) → параллелистическая псевдомодель (формализованные ССМ ОП части монопредикативной конструкции с номинативными перечнями).

Эволюционные цепи ОП в границах одного фольклорного текста отражает **матрица взаимодействия ССМ**, линейная последовательность которых иконически отражает прямую последовательность линий развития ОП: трансформация ОП на уровне формы → трансформация ОП на уровне содержания → формализация ОП. В примете трансформация на уровне формы с пластикой образов человеческой части (*солнышко с утра до вечера – об яровых тужить нечего*) сочетается с содержательной трансформацией (*благовесть – будет что есть*) и звукосимволическим ОП как формализованной ССМ (*благовесть – есть*): «Солнышко с утра до вечера – об яровых тужить нечего: *благовесть – будет что есть*» [Селянгина 2005].

Эволюционные цепи формирования **соотношения синтаксической организации ОП с его содержательной стороной с учетом полноты структурной основы частей**: синтаксический параллелизм групп конструкций, включающих в себя прямую речь (диалогические единства) → параллелизм полипредикативных конструкций → параллелизм монопредикативных конструкций → параллелизм части полипредикативных конструкций → параллелизм части монопредикативных конструкций; **с учетом тождества структурной основы частей**: тождественная синтаксическая организация классических и трансформированных ССМ → нетождественная синтаксическая организация классических и трансформированных ССМ → тождественная синтаксическая организация формализованных ССМ → нетождественная синтаксическая организация формализованных ССМ.

Ментальный подтекст эволюционных цепей ОП отражен в каталогах общежанровых, межжанровых и внутрижанровых фольклорных модификаций ОП.

4.2. Эволюционные эффекты формирования образного параллелизма как отражение многослойности фольклорного текста

Эволюционные эффекты формирования образного параллелизма являются системной характеристикой его развития, которая на материале структурно-типологических пересечений семиогенеза и морфогенеза отражает результаты поэтапного формирования многослойности фольклорного текста.

Эволюционные эффекты ОП отличаются сферой их реализации: смысловой, формально-структурной, функциональной и образопорождающей.

4.2.1. Кумулятивный эффект эволюции образного параллелизма

Кумулятивный эффект эволюции ОП обслуживает сферу смыслового накопления и проявляется в том, что в динамических процессах семиогенеза и морфогенеза ОП каждый последующий этап эволюции не отменяет предшествующий, «наслаивается» на него, образуя многослойную субстанцию фольклорного текста.

Типология **маркеров (показателей) кумуляции** в процессах семиогенеза и морфогенеза определяется увеличением объема и накоплением содержательных и структурных признаков предшествующих этапов развития ОП в составе последующих.

Исследуемый эволюционный эффект имеет разнообразные проявления.

Каталоги символических модификаций ОП демонстрируют продуцирование на каждом последующем этапе большего их количества.

В **семиогенезе** ОП накопительный эффект формирования семиотической вертикали ОП проявляется в движении от единичного (гипертема как единая интегрированная сущность-инвариант) к множественному (разнообразные варианты текстовых реализаций). Каждый последующий этап, не отменяя предыдущего, «наращивает» содержание и форму. Гипертема имеет монокомпонентный состав. Семантический вариант имеет бикомпонентный состав с удвоением макро- и микрокосмических воплощений гипертемы. Структурная инвариантная модель имеет поликомпонентный состав и интегрирует все версии макро- и микрокосмических параллелей. Варианты текстовых реализаций демонстрируют многообразие моделей структурной и содержательной корреляции версий параллелей в фольклорных текстах. Компонентный состав семиотической вертикали ОП удваивается посредством интеграции гипертем двух типов, что обуславливает стереоскопическое удвоение и всех последующих составляющих семиотической вертикали ОП.

В **морфогенезе** ОП накопительный эффект проявляется в следующем. В процессе формирования типов символической образности ОП символическая

картина с расчлененным семантическим комплексом формируется посредством объединения образа-символа и символического действия. В процессе развития структурно-семантических модификаций ОП формализованные ССМ сохраняют признаки классических и трансформированных модификаций и организуются на их основе. В развитии моделей соотношения синтаксической организации ОП с его содержательной стороной поздние нецельнооформленные формализованные модификации сохраняют присущие предшествующим им в цепи преобразований цельнооформленным классическим и трансформированным модификациям варианты тождественной и нетождественной синтаксической организации частей.

Накопление в формализованных ССМ разных способов оформления образных параллелей на основе классической и трансформированных модификаций способствует нивелированию их различий. В приметах с тождественной приметогенной ситуацией прогноз оформляется средствами реальной и ирреальной модальностей и отражает этапы эволюции ОП (*скоро будет война – жди войны*): «Если в один год родится много мальчиков, скоро будет война» [Харченко 2008: 119]; «Если в один год в селе родится много мальчиков – жди войны» [Харченко 2008: 37]. Формализация ОП на основе содержательной трансформации, сохраняя способы оформления ранних этапов его развития, нивелирует дифференциальные признаки прогноза, оформленного средствами реальной модальности, присущей классическим ССМ, и прогноза, оформленного средствами ирреальной модальности, присущей пластике микрообразов.

Ведущим инструментом морфогенеза и семиогенеза ОП является **амплификация** (лат. *amplificatio* – усиление, увеличение, расширение) объема и компонентного состава частей ОП. Исследование способов и векторов амплификации, определение критериев типологизации амплифицированных разновидностей осуществлено с системным учетом данных семиогенеза ОП, демонстрирующего константность семиотической вертикали, и морфогенеза ОП, демонстрирующего многообразие символических модификаций. Константность семиотической вертикали разнообразных ССМ ОП выявляет высокую степень продуцирующих возможностей ОП. Результаты исследования представлены в статье «Амплификация образного параллелизма как инструмент концептуальной

и языковой эволюции художественной формы в фольклорном тексте» [Доброва 2023а: 99–122]. Выявлены «**два основных типа амплификации** <...> образного параллелизма: амплификация, развивающая художественную форму в ее границах, и амплификация, продуцирующая новую художественную форму» [Доброва 2023а: 101–102]. Преемственность структурно-семантических преобразований подтверждается формированием разнообразных переходных ССМ [Доброва 2023а: 106–109].

«Образный параллелизм на различных этапах эволюции <...> отражает формирование определенных «семантических конвенций» (термин С.В. Лебедевой) между образами параллельных макро- и микромиров и «фиксирует связь процессов восприятия с процессом познания сущности окружающего мира» [Лебедева 2017: 78–84; 2017а: 68–76]. Исследование динамических процессов в языке фольклора на материале <...> амплификации приема как инструмента <...> языкового развития художественной формы позволяет выявить и квалифицировать «исторические изменения, произошедшие в традиционных фольклорных текстах, то есть зафиксировать так называемую «эволюцию» их языка» [Супряга 2021: 229–241]» [Доброва 2023а: 115].

Кумулятивный эффект эволюции ОП реализуется в **двух аспектах**: с одной стороны, каждый последующий этап эволюции не отменяет предыдущий, с другой стороны, накопление нивелирует в поздних формализованных ССМ дифференциальные признаки предшествующих этапов развития ОП.

4.2.2. Кольцевой эффект эволюции образного параллелизма

Кольцевой эффект эволюции ОП обслуживает формально-структурную сферу и проявляется в том, что в динамических процессах семиогенеза и морфогенеза ОП системно реализуется тенденция к сохранению структурной и содержательной симметрии частей посредством структурно-смыслового сжатия каждой параллели до однословной конструкции с минимальным компонентным составом и спектром формирующихся символических связей.

Исследуемый эволюционный эффект имеет разнообразные проявления.

В процессах семиогенеза и морфогенеза кольцевой эффект формирования ТСО проявляется в образовании абстрактного образа-символа чувств персонажа как минимальной симметричной модификации ОП: в приметах «*Май – радость, а июнь – счастье*» [Селянгина 2005]. Кольцевой эффект развития ССМ проявляется в кристаллизации образного параллелизма-бинома посредством максимального структурно-семантического сжатия компонентного состава частей до однословной конструкции и сужения спектра символических связей: в пословице «*Плачься богу, а слёзы – вода*» [Даль 1879: I, 7]; в названиях сказок «*Женищина-наук*» [Кретов 2005: 113, № 44]. Статус образного параллелизма-бинома как квинтэссенции ОП определяется реализацией на его основе кольцевого эффекта эволюции.

Образные параллелизмы-биномы в загадках и приметах демонстрируют кольцевой эффект эволюции в построениях с ГТ–2. Нацеленность жанров на результат обуславливает создание образных **биномов** и **полубиномов**, когда обе части или одна из частей фольклорного текста сжимается до однословной структуры и актуализирует приметоноситель и/или прогноз в примете и ответ или бином кода и дешифратора как результат разгадывания в энигматическом тексте. Результатом расшифровки образной части загадки в ответе является структурно-смысловое сжатие частей до образного параллелизма-бинома: «*человек – хлеб*»: «*Безногий, / в печку залезает. – Хлеб*» [Рыбникова 1932: 173, № 37].

Выявлены **два этапа** реализации кольцевого эффекта эволюции ОП.

Первый этап отражает асимметрию структурно-смыслового сжатия в примете одной из частей ОП: левой (приметогенной) «*Устинья – земля стынет*» [Селянгина 2005] или правой (прогнозной) «*Уши чешутся – к дождю*» [Жарков 1954: 31, № 66]. **Второй этап** отражает экспликацию симметрии в тождественном структурно-смысловом сжатии левой и правой частей ОП, в том числе и на основе количественных показателей компонентов каждой из частей: в примете «*Грязь, болото – к неприятностям, слезам*» [Харченко 2008: 27]. Образный параллелизм-бином тождествен по объему тексту или составляет его часть: в приметах «*10/23 февраля – Прохор*» [Рыженков 1992]; «*Батюшка февраль пришел, мужик зиму перерос*» [Рыженков 1992]. Кольцевой эффект проявляется в развитии ОП в

сторону положительных форм, демонстрирующих симметрию: «*Март – не весна, а предвесенье*» [Харченко 2008: 60], реализуется в метаморфозах-репрезентациях образов параллельных миров с минимальным компонентным составом и кольцевым повтором репрезентанта в инициальной и финальной позициях: в быличке «*женщина – ведьма – женщина*» [Пухова 2008: 72, № 159].

Кольцевой эффект эволюции обслуживает сферу симметрии формы ОП.

4.2.3. Зеркальный эффект эволюции образного параллелизма

Зеркальный эффект эволюции ОП обслуживает его функциональную сферу и проявляется в том, что в процессах семиогенеза и морфогенеза системные характеристики структурно-семантических преобразований основных линий развития ОП зеркально воспроизводятся в границах одной ССМ, одной тематической группы образов и т. д. Исследуемый эффект можно определить как «зеркало, отраженное в другом зеркале до бесконечности» [Лихачев 1971: 222–223].

Зеркальный эволюционный эффект имеет разнообразные проявления.

Зеркальный эффект структурно-семантических преобразований представлен **в границах одной ССМ** (образного параллелизма в составе счетных рядов, образных параллелизмов-биномов, параллелизмов с образным уподоблением и др.).

Прочность системной организации ОП проявляется в том, что минимальный план выражения образного параллелизма-бинома в концентрированной форме **сохраняет** структурно-семантические характеристики основных линий развития ОП.

Образный параллелизм-бином организован на языковой основе **классического ОП**: в положительной модификации «*сок – слезы*» «За сутки или двое перед дождем на обратной стороне листьев конского каштана видны «слезы» (*липкие капельки сока*)» [Селянгина 2005]; в отрицательной модификации «*гроза – стыд*» «*Гроза лету не стыд*» [Рыженков 1992]; на основе **трансформации ОП на уровне формы**: с анимизацией макрообъектов «Дождались полой водицы, ай да *батюшка апрель!*» [Харченко 2008: 56], с собственно антропоморфизацией макрообъектов «*Летом медуница – дурнушка*» [Стрижев 1972]; с пластикой

образов символической параллели «*Прощеный день – воскресенье*» [Рыженков 1992]; с пластикой образов реальной параллели «*Наибольший ветер – «вихровый атамань»*» [Ермолов 1905: 396]; на основе **содержательной трансформации ОП**: с образами макро- и микрокосма «*Григорий-летоуказатель, Аксинья-весноуказательница*» [Харченко 2008: 65]; с образами макромиров «*Радуга – небесный пояс*» [Рыженков 1992]; с образами микромиров «*29 февраля – «Касьян Завистник», «Касьян Корыстник*» [Рыженков 1992]; **параллелизмы-биномы в составе счетных рядов**: «*Жило у брата три сестрицы: весна-милолица, зима-молодица и осень-водяница*» [Рыженков 1992]; **формализованный ОП на основе классической модификации**: «*Каков Евстигней, таков и декабрь*» [Харченко 2008: 59]; **формализованный ОП на основе содержательной трансформации** с образами макромиров: «*Што болото – то и чортъ*» [Ермолов 1905: IV, 371]; вынос в препозицию отрицательной частицы *не* формирует аналог **формулы заместительного обмена объектами**: «*Не девка – огонь*» [Селянгина 2005]; на основе **троичного ОП**: «*Весна-кесница – подснежников царица*» [Рыженков 1992]; в сочетании с **собственно номинативными перечнями**: «*Июль – страдник, сенозарник и грозник*» [Селянгина 2005]; в сочетании с **атрибутивными перечнями**: «*Ветры – существа демонические, полудобрыя, полузлыя*» [Ермолов 1905: IV, 396]; в составе **параллелизмов с образным уподоблением**: «*Осень-то матка: кисель да блины, а весною-то гладко: сиди да гляди!*» [Рыженков 1992], в том числе с **экспликацией средств формализации**: «*Весна что девушка: не знаешь, когда заплачет, когда засмеется*» [Рыженков 1992]; в составе **компаративного ОП** вербальной и функциональной частей фольклорного текста: «*19 января – Крещение, Богоявление, водокрещение, иордань, крещенские морозы. Пекли печенье-кресты. Девицы привораживали любимого*» [Селянгина 2005].

Зеркальный эффект эволюции ОП проявляется в формировании имплицитной симметрии сопоставления ОП со структурно-смысловым сжатием одной из его частей и развитием перечня-полинома в другой. Асимметричный дуализм частей ОП как знака является преддверием формирования образного параллелизма-бинома. Стремление конструкции к симметрии проявляется в

формировании перечней как в правой, так и в левой частях народной приметы. Перечень формируется *в инициальной части приметы*. В ОП несколько святых, соответствующих одному дню календаря, объединяются в соответствии с их трудовой характеристикой: «*Борис и Глеб – сеятели; Семь дев Александра, Текуса, Клавдия, Фаина, Ефрасия, Матрона, Иулия – сеятели*» [Харченко 2008: 102]. Перечень формируется *в финальной части приметы*. В отношении имени одного святого в пределах ряда однородных приложений репрезентируются как фенологические (о сезонных явлениях природы), так и трудовые сведения: «*Никита – гусарь, гусепролет, репорез; Иов – горошник, огуречник, росенник*» [Харченко 2008: 101].

Зеркальный эффект эволюции структурно-семантических преобразований ОП **в границах одной тематической группы** исследован на материале русской народной лирической песни с образами тематической группы «Растительный мир (фитонимы)» [Доброва 2004: 61–99]. В русских приметах исследуемый феномен представлен в динамике ССМ на материале *приметоносителя «вихрь»*. Выявлена содержательная трансформация с образами макро- и микромиров: «**Вихорь** съ пылью на встречу свадебному поезду – **къ худу**» [Ермолов 1905: IV, 132], с образами макромиров: «**Вихорь** пыль столбомъ несетъ – **чортова свадьба**» [Ермолов 1905: IV, 132]; формализация ОП с экспликацией средств сопоставления образов параллельных миров на основе пластики человеческой параллели: «*Когда пылевой вихорь идетъ – надо креститься и сторониться, а то быть беде*» [Ермолов 1905: IV, 132]; имплицитный ОП «с ведьмой – с ветром»: «**Вихорь** столбомъ – **чортъ съ ведьмою венчается**» – «**Вихорь – чортъ съ ветромъ играетъ**» [Ермолов 1905: IV, 132].

Зеркальный эффект эволюции обслуживает функциональную сферу ОП.

4.2.4. Генеративно-порождающий эффект эволюции параллелизма

Генеративно-порождающий (или эвристический) эффект эволюции ОП обслуживает его образопорождающую сферу и проявляется в том, что процессы семиогенеза и морфогенеза демонстрируют способность ОП к продуцированию разнообразных символических модификаций, комплексно отражающих развитие

семиотических, семантических, синтаксических и композиционных основ фольклорного текста, организованного по принципу ОП.

Эвристический эффект определяет методологические подходы к исследованию ОП. «Традиция – это порождающая категория» [Путилов 1976: 187]. Проективная функция ОП является результатом действия «импульса традиции» [Мальцев 1989: 13–15] и демонстрирует «практически неисчерпаемые резервы нового смыслообразования» [Лотман 1981: 12]. ОП как знак ВМС объективирует связь с миром традиции: гипертема как глубинное значение связана на паритетных основаниях с каждой из частей бинарной формулы, тем самым объективируется каноничность двоemiрия, мимезиса, универсальность и симметричность традиционных проекций на разные миры.

Исследуемый эволюционный эффект имеет разнообразные проявления.

4.2.4.1. Соотношение инварианта и образных вариантов как матрица структурообразования образного параллелизма, отражающая эволюцию семиотических основ фольклорного текста

Теоретические основы анализа разработаны в статье «Феномен символической стереоскопии фольклорного текста» [Доброва 2012а: 58–64].

Соотношение гипертемы-инварианта и образных вариантов является матрицей структурообразования ОП. Развитие указанного соотношения в результате удвоения в ОП символических связей формирует стереоскопическую форму фольклорного образа [Венгранович 2011: 232–233]. Задача исследования – описать языковые механизмы создания в границах ОП *стереоскопической (стереовизуализированной) формы фольклорного символического образа*.

Стереоскопическая форма символического образа создается посредством иерархического вхождения ОП меньшего по объему в ОП больший по объему. Сужение спектра символических связей объективирует основной фокус внимания, имеющий жанровую обусловленность. Эволюция семиотических основ ОП проявляется не только в удвоении символических связей на имплицитном и эксплицитном этапах формирования ОП, но и в их дополнительном удвоении на

этапе экспликации ОП в тексте. В результате формируется двухмерное изображение явлений фольклорного мира, при котором текст работает «в двух режимах одновременно» [Топоров 1995: 8–120], превращая невыразимое в вербализуемое, иррациональное в умопостижимое, сложное в простое, хаотическое в упорядоченное.

Разграничены **два механизма** создания стереоскопической формы образа: посредством сочетания двух ОП с ГТ–1 и сочетания ОП с ГТ–1 и ГТ–2.

Первый механизм сочетания двух ОП с ГТ–1 рассмотрим на материале образного параллелизма сравнений в лечебных заговорах.

Дифференцированы две разновидности исследуемых ОП: *с разными субъектами в частях ОП и с одним общим для двух частей субъектом.*

Первая разновидность выявлена в ОП сравнений *с разными субъектами в его частях*. Структурную основу составляет параллельная заговорная формула «идентифицирующе-усилительной конструкции *как..., так (пусть)...*»: «*Как кровать молчит, так и младенец будет молчать*» [Аникин 1998: 41, № 34]. Стереоскопическая форма образа создается амплификацией придаточных частей сложноподчиненной конструкции и их реализацией на содержательном материале параллельных образов. Образуется ОП «идентифицирующе-усилительной конструкции *как..., так пусть...*» с включенным в его состав ОП сравнений.

ГТ «*пусть реализуется динамика внутреннего переживания*». СИ «*макрокосмический и микрокосмический субъекты как носители состояния и объектные параметры процесса внутреннего переживания*». ВТР «***Как рыба без воды, и мало дитя без матери, как сажка сохнет на потолке, так бы тот раб Божий сох о мне, рабе Божьем***» [Савушкина 1993, № 330]. Субъект представлен эксплицитно и стереоскопически – макро- и микрокосмически. *Рыба, дитя, сажка* – *имярек* в большем по объему ОП «идентифицирующе-усилительной конструкции *как..., так пусть...*». *Рыба, сажка* – *дитя* в меньшем по объему ОП сравнений. *Объектные параметры внутреннего переживания* представлены эксплицитно и стереоскопически. *Вода, мать, потолок* – *раб Божий* в большем по объему ОП. *Вода, потолок* – *мать* в меньшем по объему ОП. Двухмерное изображение наблюдается в сопоставлении функциональных компонентов ОП: «*сохнет (сажка на потолке); сохнет (рыба без воды)* – *сохнет (дитя*

без матери): сохнет – теряет влагу; погибает при отсутствии влаги как естественной среды; страдает». Стереоскопическое сопоставление в ОП актантных компонентов становится инструментом объективации в системе символических связей скрытого для наблюдения процесса программирования внутреннего переживания.

Вторая разновидность выявлена в образном параллелизме сравнений с общим для частей субъектом. Формируется стереоскопическое сопоставление в ОП только объектных компонентов с их дополнительными характеристиками или без них.

ГТ «*пусть реализуется динамика внутреннего переживания*». СИ «*макрокосмический и микрокосмический объект и его характеристики*». ВТР «*Как возрадовался раб Божий (имя рек) и зрил и смотрил, <...> и любил бы, имел, **что душу в теле, как крест на церкви***» [Савушкина 1993, № 330]. Субъект (имярек) и его функция (радуется, любит и др.) являются общими для частей ОП. Объект представлен стереоскопически: *крест, душа – раб Божий* в большем по объему ОП; *крест – душа* в меньшем по объему ОП сравнения. Характеристики объектов сопоставляются только в параллелизме сравнений: *крест на церкви – душа в теле*.

ГТ «*пусть реализуется процессуальная суггестивность магического слова*». СИ «*макрокосмический и микрокосмический суггестивные объекты*». ВТР «*<...> прострелите, мои слова, пуце **вострого ножа и рысьего когтя***» [Савушкина 1993, № 218]. Сопоставляются объекты – человеческий (слово), природный (коготь рыси) и артефактный (нож) – при указании на их действие (прострелить) и свойство (сила).

ОП со стереоскопической формой символического образа являются структурообразующим фактором заговора, обеспечивающим его суггестивность. В предложенной типологии ОП системно реализуется принцип ступенчатого сужения образа до минимального состава представляющих его в ОП компонентов. Наиболее многогранно в системе символических связей представлен объект воздействия, именно он оказывается в фокусе основного внимания заговора. Согласно теории систем, жизненно важные подсистемы дублируются [Кретов 2011: 23]. Дублирование объекта воздействия в системе символических связей, его множественное, стереоскопическое (с запасом прочности) воплощение на материале образов параллельных миров

выявляет его значимость в фольклорно-языковой картине мира. ОП отражает *познание тайн бытия*, стремление *осмыслить природу и эволюцию суггестивного начала*.

Стереоскопическая форма образа двух ОП с ГТ–1 имеет **общефольклорный** статус: в пословице «*Вода – кровь матери-земли*» [Ермолов 1905: IV, 339] и др.

Второй механизм сочетания ОП с ГТ–1 и ГТ–2 рассмотрим на примере энигматических текстов. ОП отличается широким спектром символических связей: представлен сочетанием параллелизма композиционных частей загадки с ГТ–2 (текста загадки или его части и отгадки) и параллелизма в одной из частей загадки с ГТ–1 (в тексте загадки или его части, реже – в отгадке). Теоретические основы анализа разработаны в статье «Морфогенез образного параллелизма макро- и микрокосма в русских народных загадках» [Доброва 2023г: 780–788].

ОП с ГТ–1 (условное обозначение « – »), представленные в одной из композиционных частей загадки: в тексте загадки или его части, реже – в ответе, в ряде случаев осложненные наличием дополнительной параллели (условное обозначение « : »), сочетаются с ОП с ГТ–2 (условное обозначение « = »), локализуемым в двух композиционных частях загадки: тексте загадки и ответе.

Загадки с ответами *морковь* и *репа* отражают сходство внешнего вида и строения растений. В ОП образная диада «натурфакт – человек = натурфакт»: «*Красна, да не девка, / Хвостата, да немышь. – Морковь*» [Митрофанова 1968: 86, № 2573] эволюционирует в образную триаду «*натурфакт – человек : артефакт – человек = натурфакт*»: «*Кругла, да не деньга, / Красна, да не девка, / С хвостом, да немышь. – Репа*» [Митрофанова 1968: 87, № 2619].

Выявлены **типовые модели соотношения ОП с ГТ–1 и ГТ–2** в загадках.

Первая разновидность модели соотношения: ОП с ГТ–1 локализуется в **тексте загадки**, ОП с ГТ–2 представлен в тексте загадки и ответе. ОП с ГТ–1 локализуется в границах ОП с ГТ–2 и составляет его часть. Стереоскопическая форма образа обуславливает **образование внутренней гипертемы ОП**, эксплицированной в параллели, которая представляет собой ответ загадки.

СИМ «натурфакт – человек = артефакт»: «*утка, берег – человек = церковь*» «*Утка крякня / Берег звякня, / Детки бегут, / По свечке несут. –*

Церковь» [Худяков 1861: 79, № 664]. Введение в текст загадки дополнительной образной параллели увеличивает количество символических связей: «хлопок – человек : тело – душа = свеча» «Тело белое, душа – хлопок. – Свеча» [Морохин 1986: 70]. Имплиcitный ОП формируется в разных загадках, объединенных одинаковым ответом: «натурфакт : человек = артефакт» «поросята : монахи, ребята = матица и бревно» «Несколько поросят / одну матку сосут. – Матица и бревно» [Рыбникова 1932: 312, № 938]; «Семьдесят монахов / на одной подушке спят. – Матица и бревно» [Рыбникова 1932: 312, № 939]; «Семьдесят ребят / на одной кобыле палят. – Матица и бревно» [Рыбникова 1932: 312, № 940]. Имплиcitный ОП формируется в разных загадках, объединенных одинаковой образной частью загадки и/или одинаковым ответом: «натурфакт : человек = натурфакт : артефакт» «утка, рыба : мать, сестрица, девица = морковь : ковш, матица» «Утка в море, / хвост на угоре. – Ковш» [Рыбникова 1932: 118, № 165]; «Рыба в море, / Хвост на заборе. – Ковшик» [Аникин 1957: 169, № 59]; «Сестрица сидит в темнице, коса же ее наверху. – Морковь» [Морохин 1986: 322]; «Красна девица / Сидит в темнице, / А коса наружу. – Морковь» [Аникин 1957: 175, № 107]; «Мать в избе – / рукава наружи. – Матица» [Рыбникова 1932: 312, № 932].

СИМ «артефакт – человек = натурфакт»: «окна, двери – человек = яблоко» «Без окошек, без дверей – шестеро людей. – Яблоко» [Митрофанова 1968: 67, № 1819]; «рубашка – человек = огонь свечи» «Сам наг, / Рубашка в пазушке; / Сам бел, / Детки красны. – Свеча и огонь» [Сахаров 1885]. Образы могут сжиматься до состава параллелизмов-биномов: «рубашка – человек = снег» «Яшка – белая рубашка. – Снег» [Митрофанова 1968: 27, № 374]. В загадках, объединенных одинаковым ответом, выявлен имплиcitный ОП «артефакт : человек = натурфакт»: «брус : молодец = дорога» «Лежитъ брусъ во всю Русь; если бы руки да ноги, то бы всталъ, да и до неба досталъ: а если бы ротъ да глаза, то все рассказалъ. Или: Кабы всталъ молодецъ – я бы до неба досталъ; кабы руки да ноги, я бы вора связалъ; кабы ротъ да глаза – я бы все рассказалъ. – Дорога» [Живая старина 1903: III, 486, № 178].

СИМ «натурфакт – человек = сверхъестественный персонаж»: *«лес, трава – человек = леший» «Лесом идет – с лесом ровен, / Травой идет – с травой ровен, / С человеком идет – с человеком ровен. – Леший»* [Митрофанова, 1968, № 1892].

Кумулятивный эффект эволюции ОП проявляется в формировании эволюционной триады с образами разных макромиров. **СИМ «артефакт – покойник = натурфакт»:** *«гроб, ладан, свечи – покойник = туча» «Гроб плывет, мертвец ревет (или поет), ладан пышет, свечи горят. – Туча»* [Афанасьев 1865: I, 579–580].

Вторая разновидность модели соотношения: ОП с ГТ–1 локализуется в части текста загадки, ОП с ГТ–2 представлен в тексте загадки и ответе. В ОП с ГТ–1 внутренняя гипертема не формируется. В тексте загадки создаются условия для локализации нескольких ОП.

СИМ «натурфакт = артефакт – человек»: *«птица = бумага – писец» «Ни небо, ни земля, / Видом светла, / Садятся на ней / Темнообразные птицы, / Две созирают, / Две сожидают, / Одна повелевает. – Бумага и писец»* [Морохин 1986: 300]. **СИМ «бог – человек : тело – душа : Адам = артефакт»:** *«Помер Адам, / Ни богу, ни нам; / Ни душа на небо, / Ни кости в землю. – Глиняный горшок»* [Садовников 1876: 40, № 329]. **СИМ «натурфакт – человек : натурфакт = трудовой процесс»:** *«Прилетела тень на Петровъ день, села тень на пень, стала тень плакать, волосы вянуть, дубровка шумить. – Косьба»* [Живая старина 1903: III, 487, № 203].

Выявлен имплицитный ОП «*артефакт : человек = натурфакт*» «изба : губы = мох»: *«Вокруг избы – / золотые вожжи. – Мох»* [Рыбникова 1932: 312, № 941]; *«Вокруг губы – / золотые вожжи. – Мох»* [Рыбникова 1932: 312, № 942].

Сочетание ОП с ГТ–1 в одной из частей загадки и ОП двух частей загадки с ГТ–2 демонстрирует эволюцию образной диады «человек – вселенная» в образную триаду «человек – артефакт – вселенная» и имеет жанровую обусловленность.

Стереоскопическая символическая форма образа с двухмерным изображением в ОП явлений фольклорного мира отражает эволюцию семиотических основ устно-поэтического текста, генетически восходит к мифологической тождественности объектов, манифестирует систему координат эстетики тождества и ее функционирование в режиме инвариант и образные варианты его воплощения.

4.2.4.2. Устойчивые словесные комплексы как матрицы структурообразования образного параллелизма, отражающие эволюцию семантических основ фольклорного текста

Системные характеристики семиогенеза и морфогенеза ОП [Доброва 2004; 2018; 2018г; 2022в; 2023г; 2023н] обусловлены функционированием языка фольклора как эстетически специализированной формы общенародного языка.

Характерные черты языка фольклора получают отражение в поэтической фразеологии фольклорного текста [Хроленко 1981; 2010; Шуплецова 2014: 141–146], связь ОП с которой имеет «двуаспектный характер: во-первых, образный параллелизм является объектом поэтической фразеологии фольклора; во-вторых, образный параллелизм формируется на базе различных устойчивых словесных комплексов» [Доброва 2021а: 42]. Устойчивые словесные комплексы (УСК) являются матрицами структурообразования ОП.

Термин «поэтическая фразеология», обозначающий «совокупность разного рода сочетаний слов, обладающих определенной устойчивостью соединения» [Григорьева 1969: 18], впервые введен в научный обиход В.В. Виноградовым. Фразеология фольклорного текста именуется «поэтической» по аналогии с поэтической фразеологией художественных произведений. История изучения УСК как матриц структурообразования ОП включает **три основных этапа**.

Первый этап представлен исследованием поэтической фразеологии фольклора и созданием теории фольклорной фразеологии. И.А. Осовецкий проанализировал генезис, объем и функции поэтической фразеологии фольклора, квалифицировал стабильные лексико-синтаксические построения образного параллелизма как объект поэтической фразеологии фольклора [Осовецкий 1975: 66–77; 1979: 199–252; Язык фольклора 2006: 212; Мальцев 1989]. А.Т. Хроленко на материале народной лирической песни создал теорию фольклорной фразеологии и разработал типологию УСК: выделил линейные фразеологические конструкции (биномы), вертикальные фразеологические конструкции (ряды) и линейно-вертикальные фразеологические конструкции (блоки) [Хроленко 1981].

Второй этап характеризуется исследованием связи образных параллелизмов с основными типами фольклорных фразеологизмов. В ходе анализа текстов разных фольклорных жанров выявлено конституирование ОП в составе УСК. Организация ОП в границах линейных фразеологических конструкций (биномов) обуславливает формирование образного параллелизма-бинома [Доброва 2013а: 192–198], эволюция которого продуцирует параллелизм с образным уподоблением [Доброва 2023д]. Организация ОП в границах вертикальных фразеологических конструкций (рядов), в том числе линейно-вертикальных конструкций (блоков), обуславливает образование ОП в составе счетных рядов [Доброва 2021а]. Указанные ССМ ОП исследованы на материале текстов разных фольклорных жанров [Доброва 2021а; Доброва 2022а и др.].

Третий этап посвящен анализу системного характера функционирования УСК в качестве матриц структурообразования ОП, отражающих эволюцию трехмерного пространства [Хроленко 1981] семантических основ фольклорного текста.

Обозначенный исследовательский подход реализован в **трех направлениях**. Во-первых, ОП является объектом поэтической фразеологии фольклора. Во-вторых, биномы, ряды и блоки являются матрицами структурообразования разнообразных модификаций ОП и отражают эволюцию его семантических основ. В-третьих, ОП включает как часть в свой состав разные устойчивые словесные комплексы.

1. ОП является объектом поэтической фразеологии фольклора.

ОП **конституируются** на основе устойчивых словесных комплексов, но **функционируют** как фольклорные формулы, структурные (конструктивные) типовые образцы. Г.И. Мальцев разграничивал фольклорные формулы и фразеологизмы (несвободные комбинации лингвистических единиц). Во фразеологизмах как явлении языка несвобода сочетаемости слов и словесных значений, которые выступают, по словам О. Есперсена, в виде «готовых к употреблению формул» [Есперсен 1958: 16], определяется внутриязыковыми ограничениями в лексико-синтаксической системе языка. С лингвистической точки зрения, фольклорные формулы – свободные словосочетания. Устойчивость и несвобода фольклорных фразеологизмов, некоторые из которых сопоставимы с

языковыми фразеологизмами, обусловлены не внутриязыковыми ограничениями, а экстралингвистическими причинами [Мальцев 1989: 23], связью с традицией.

2. Биномы, ряды и блоки являются **матрицами структурообразования ОП**.

В статье «Поэтическая фразеология русской народной частушки» [Доброва 2022а: 42–48] впервые осуществлен системный анализ УСК, в том числе в составе ОП, на материале частушки. Экстраполяция типологии УСК лирической песни на материал частушки выявила жанровую специфику биномов, рядов и блоков и закономерности их эволюции в частушке: развитие одних УСК и незначительную востребованность других.

Типология УСК как матриц структурообразования ОП создана с применением **методик структурно-типологического анализа фольклорных фразеологизмов**. Привлечены разработанные на материале народной лирической песни А.Т. Хроленко типология УСК [Хроленко 1981]; Е.Б. Артеменко типология способов-моделей организации синтаксического единства [Артеменко 1977]. С целью определения языковых скреп в блоках применена созданная автором диссертации на материале частушек типология позиционных, концентрирующих и цепных повторов [Доброва 2018а: 169–175]. Разработана типология ОП в составе УСК. «Параллелизм макро- и микрокосмических образов находит свое воплощение в составе различных устойчивых словесных комплексов» [Доброва 2021а: 43; 2013а: 192–198].

Устойчивый словесный комплекс, или фольклорный фразеологизм, – устойчивый фрагмент текста, обладающий константными элементами, не связанный с определенным сюжетом и повторяющийся в различных по тематике текстах.

Бином – линейный (синтагматически организованный) тип УСК, парные компоненты которого объединены подчинительной или параллельной синтаксической связью и расположены в пределах одной строки.

Общесловесной закономерностью является доминирование биномов как наиболее частотного типа УСК. Биномы разграничены на атрибутивные пары – конструкции с эпитетами-прилагательными и приложениями; сопряженные пары – репрезентативные пары и синонимические пары.

Атрибутивные пары конструкций с приложениями и сопряженные репрезентативные пары как разновидности УСК биномов являются матрицами

структурообразования образного параллелизма-бинома и продуцируемых на его основе ССМ (см. об этом в разделе 3.2.5.2.8. *Образные параллелизмы-биномы*).

Образные параллелизмы-биномы являются универсальным средством репрезентации **компонентного состава ОП**. Представляют **актантные компоненты**: с образами макро- и микромиров в балладе «*Невестушка-голубушка, / Где мой брат Лукьянушка?*» [Астахова 1963: 118]; в названии бывальщины «Про Петрушу, *топорик-самосек*, киргу-ботыгу и ручеек» [Живая старина 2007: I, 43]; с образами макромиров в исторической песне «*Мягкая постелюшка – желтой песок, / Изголовьица моя – шелкова трава*» [Игнатов 1970: 202, № 85]; с образами микромиров в причитании «Вы, *злодеи-сваты* большие <...>» [РПК 1940: 239]; реже – **компоненты с атрибутивным значением**: в балладе «<...> на пиру были *пьяны-веселы*» [Астахова 1963: 80]; **акциональные компоненты**: в исторической песне «*Малы деточки ходят-сиротают*» [Игнатов 1970: 173, № 63]; **компоненты с обстоятельственным значением**: в сказке «Лиса с овцой тотчас убежали от него *подобру-поздорову*» [Афанасьев 1958: I, 43: № 28].

Образный **параллелизм-бином** продуцирует троичный ОП: в частушке «*Милочка-картиночка, / Последня вечериночка*» [Власова 1965, № 3760]; параллелизм с образным уподоблением: в пословице «*Стыд не дым: глаз не ест*» [Даль 2000: 162].

Ряд – вертикальный (нелинейный) тип УСК, представляющий группу слов одной части речи и одного лексико-семантического поля, в том числе с учетом их связи с гипертемой, которые расположены в смежных стихах (строках) и объединяют их.

Ассоциативные ряды (существительных, прилагательных, числительных, глаголов) и счетные ряды являются **матрицами структурообразования ОП**.

Ассоциативные ряды существительных являются матрицами ОП с собственно номинативными перечнями: в пословице «*храмина – душа*», «*свеча – молитва*» «Свет в *храмине от свечи, а в душе от молитвы*» [Даль 1879: I, 8].

Ассоциативные ряды прилагательных являются матрицами структурообразования ОП с номинативными атрибутивными перечнями: в частушке «*голубые, карие, черные – злые, лукавые, благородные*» «*Голубые глазки – злые, / Карие – лукавые, / У милого черные – / Самы благородные*» [Власова 1965, № 1975].

Ассоциативные ряды глаголов являются матрицами структурообразования ОП с акциональными перечнями: в пословице «*обедни слушать – души кушать*» «Иной по две обедни слушает, да по две души кушает» [Даль 1879: I, 21].

Ассоциативный ряд числительных, построенный по типовой модели $[n/(n+1)']$, где n – количественное числительное, n' – порядковое числительное [Хроленко 1981: 133], является матрицей структурообразования ОП: конституирует содержательную трансформацию ОП с образами микрокосма в частушке «*семь – восьмой*» «Скоро, скоро **сем** недель, / Как рядом милый не сидел. / На **восьму** неделюшку / Заставил плакать девушку» [Селиванов 1990: IX, 434, № 3305].

Счетный ряд, организованный по формуле: $[n + \text{сущ.}: n' + \text{сущ.} \dots, (n + 1)' + \text{сущ.} \dots, (n + 2)' + \text{сущ.} \dots]$, где n – количественное числительное, n' – порядковое числительное, является матрицей ОП в составе счетного ряда: в песне «Прилетали-то к телу *три пташечки*: / *Первая пташечка – родимая матушка*, / *Другая пташечка – сестра родная*, / *Третья пташечка – молода жена*» [Киреевский 1917: 107, № 1550].

Блок – линейно-вертикальный тип УСК, критерием выделения которого является наличие специфических языковых скреп, по структуре эквивалентный предложению и состоящий из ряда стихов (строк) – от одного до нескольких.

Идентификационным показателем «участия» блочного построения в организации ОП является формирование **языковой скрепы блока**. Фразеологический статус блоков определяется реализацией на их основе разнообразных художественных ситуаций и наполнением одной и той же модели блока разным содержанием.

Блочные конструкции ОП разнообразны и могут быть упорядочены по **типовым разновидностям их языковых скреп**: блоки образуются в результате сочетания одинаковых или разных УСК, амплификации УСК, серийного воплощения УСК, сочетания УСК со способами-моделями организации синтаксических единств, сочетания на основе УСК параллелизмов с амплификацией гипертем двух типов.

Блоки образуются в результате сочетания одинаковых или разных УСК, организованных параллельно или последовательно. Сочетание двух параллельно конституируемых ассоциативных рядов существительных, репрезентирующих персонажей и сферу их чувств, «*гуси-лебеди – умны, дураки*», «*даль, высота – красота*,

характер» формируют блочное построение ОП: в частушке *«Гуси-лебеди крылаты / Любят даль и высоту. / Умны любят за характер, Дураки – за красоту»* [Селиванов 1990: IX, 246, № 1964]. Параллельно организованные ассоциативные ряды существительных *«отец – мать»* без ОП и глаголов *«поженить – спросить», «отдать в солдаты – сказать»* с ОП акциональных перечней внешних и внутренних действий персонажей формируют блочное построение ОП: в частушке *«Не спросили у отца – / Поженили молодца, / Не сказали матушке – / Повезли в солдатушки»* [Селиванов 1990: IX, 129, № 773]. Последовательно организованные ассоциативные ряды прилагательных *«толстый, зарубистый – заглядистый»* с атрибутивным образным параллелизмом-перечнем и глаголов *«лежать, глядеть – говорить»* с акциональным образным параллелизмом-перечнем внешних и внутренних действий персонажей формируют блочное построение ОП: в загадке *«Толстый, зарубистый, под подол заглядистый, / Лежит да глядит, никому не говорит. – Порог»* [Митрофанова 1968: 100, № 3148].

Блоки образуются в результате амплификации УСК. На основе ОП организуется часть песни, образованная в результате амплификации (развития) счетного ряда: в песне *«На тебе, моя долинушка, выросло три дерева: / Да первое, братцы, дерево – березка белая, / А второе, братцы, дерево – груша зеленая, / А третье, братцы, дерево – горькая осина. Как под белой под березой соловьюшек свищет; / А под грушей под зеленой кукушка кукует; / А под горькой под осиною девчонка горюет»* [Соболевский 1896: II, 458, № 547].

Блоки образуются в результате серийного воплощения УСК. ОП конституируется на основе цепи счетных рядов в составе блока: в песне *«Сострой-ка мне килейку со тремя окошечками: / Первое окошечко на широкую улочку; / Другое окошечко во зеленый садок; / Третье окошечко на синее море! / По синему морю три суденышка плывут: / Первое суденышко – с егерями, с некрутам; / Другое суденышко – с атласом, со бархатом; / Третье суденышко – со добрым молодцам»* [Соболевский 1898: IV, 261, № 341].

Блоки образуются в результате сочетания УСК со способами-моделями организации синтаксических единств. Частушечный блок описания любовных взаимоотношений лирических персонажей формируется сочетанием позиционного

повтора по четырехкомпонентной количественной модели строк «1/3+2/4» [Доброва 2018а: 174] и ассоциативного ряда существительных «гармонь – девчонка», «травка – девка». Блок создает основу свободно-поэтического ОП: «Не сама гармонь играет, / Ее надо растянуть. / Не сама девчонка любит, / Ее надо завлекать» [Селиванов 1990: IX, 341, № 2567]; «Хорошо траву косить, / Которая волнуется. / Хорошо девку любить, / Которая целуется» [Селиванов 1990: IX, 340, № 2561].

Блоки образуются в результате сочетания на основе УСК образных параллелизмов с амплификацией двух типов гипертем. В тексте загадки ассоциативный ряд числительных «два, два – пятый» сочетается с ассоциативным рядом глаголов «стоять, лежать, ходить – петь», формирующим ОП в сфере микрокосма. Сопоставление текста загадки и ее ответа формирует затрудненный ОП «дверь, косяки – попы»: «Два попа стоячих, два попа лежащих, Пятый ходит да поет. – Дверь и косяки» [Митрофанова 1968: 100, № 3125].

3. ОП включает в свой состав разнообразные УСК.

Взаимодействие ОП и разнообразных УСК проявляется также в наличии в составе ОП классических биномов и рядов, не являющихся параллельными построениями с образами макро- и микромиров: в частушках биномы – атрибутивные пары «Задушевная подружка, / Где же наши милые? / Неужели не болят / У них **сердца ретивые?**» [Селиванов 1990: IX, 201, № 1335]; репрезентативные пары (именные, глагольные): «Запевай, товарищ, песню, / Самую угрюмую. / **Хлеба-соли** я лишился – / Все про милку думаю» [Селиванов 1990: IX, 424, № 3222]; «Мы с товарищем гуляли – / **Пили-ели** заодно, / Руки **поверху** носили, / Не боялись никого» [Селиванов 1990: 62, IX, № 247]; синонимическая пара: «Не кукуй, кукушка, здесь, / Без тебя досада есть. / Не от твоего ли голоса / Одолела **грусть-тоска?**» [Селиванов 1990: IX, 412, № 3131]; ассоциативный ряд прилагательных: «**Золото** колечко тонет, / А **серебряно** плывет. / Со мной забавочка гуляет, / А подружку зло берет» [Селиванов 1990: IX, 227, № 1539].

Языковые скрепы блочных построений в ОП демонстрируют иерархическое вхождение фольклорных фразеологизмов меньших по объему в большие по объему. Выявленная комбинаторика свидетельствует о развитии ОП.

4.2.4.3. Способы-модели построения синтаксического единства как матрицы структурообразования образного параллелизма, отражающие эволюцию синтаксических основ фольклорного текста

Способы-модели построения синтаксического единства, «создавая **параллельно** линейным связи нелинейного характера между <...> структурами, эксплицируют вхождение последних в одну конструкцию и тем самым способствуют обеспечению ее синтаксической цельнооформленности. Ведущая роль в этом принадлежит параллелизму» [Артеменко 1977: 264]. Синтаксический параллелизм манифестируется в однотипном построении (resp. одинаковой целенаправленности и модальности) предикативных составляющих и тождестве их структурных схем, **независимо** от характера отношений между ними. Специфические для стихотворного фольклора способы-модели, сложившиеся на базе типовых общеязыковых и разговорно-речевых образований, актуальны и для прозаического фольклора. Выявлены **пять способов-моделей построения синтаксического единства**: синтаксический параллелизм, позиционный повтор, концентрирующий повтор, цепной повтор и межстиховая атрибуция [Артеменко 1977: 55–92; 2000: 132–147].

Типовые модели построения синтаксического единства формируют параллелизм нелинейных и линейных связей между синтаксически цельнооформленными структурами на содержательной основе образов макро- и микромиров, обеспечивают их вхождение в одну конструкцию, являются матрицами структурообразования ОП и отражают эволюцию синтаксических основ фольклорного текста. Нелинейное соотношение компонентов частей ОП создается их функциональным и/или лексическим тождеством, как правило, в сочетании с тождеством их позиций в интегрируемых гипертемой частях.

Типовые способы-модели как матрицы структурообразования ОП дифференцируются на **две основные группы: универсальные и избирательные**. Синтаксический параллелизм является универсальной матрицей структурообразования ОП. Позиционный, концентрирующий, цепной повторы и межстиховая атрибуция являются избирательными матрицами: конституируются посредством

синтаксического параллелизма в его полной и неполной модификациях и сопровождаются лексическим тождеством одного или нескольких компонентов. Организованные лексическим повтором компоненты частей в избирательных матрицах функционируют в качестве сквозных лексических скреп и являются эволюционным показателем трансформации и формализации классического ОП.

На материале исследования фольклорных текстов разных жанров основные способы-модели построения синтаксического единства в качестве **матриц структурообразования** образного параллелизма дифференцированы по их первичному и вторичному (производному) **функциональному назначению**.

Первичное функциональное назначение проявляется в том, что в **синтаксическом плане** на основе способов-моделей как матриц структурообразования ОП осуществляется распространение синтаксической конструкции по нескольким строкам и реализация тенденции к их структурно-смысловой цельнооформленности. Способы-модели построения синтаксического единства как модифицированная форма синтаксического параллелизма общезыкового характера применяются для организации синтаксических конструкций в частях ОП. Тождественное построение создается использованием в частях одинакового способа-модели, нетождественное построение – локализацией способа-модели в одной из частей ОП.

Вторичное (производное) функциональное назначение проявляется в том, что в **композиционном плане** на основе способов-моделей как матриц структурообразования ОП осуществляется организация объединенных гипертемой макро- и микрокосмических частей ОП как целостного образования. Вторичная функция не отменяет первичную и в соответствии с кумулятивным эффектом наслаивается на нее.

Синтаксический параллелизм – способ-модель построения синтаксического единства, в котором стиховые структуры представляют собой функционально тождественные компоненты, расположенные в одинаковом порядке: в частушке символическая часть ОП конституируется на основе синтаксического параллелизма «*Ветерок заподувал, / Дождик запокрапывал, / Дролечка из-за народу / Скоса запоглядывал*» [Власова 1965, № 3851].

Синтаксический параллелизм как универсальная матрица структурообразования ОП – способ-модель построения синтаксического единства, в границах которого объединенные общей гипертемой части ОП представлены синтаксическими структурами с функционально тождественными компонентами, расположенными в одинаковом порядке. В фольклорных произведениях разных жанров синтаксический параллелизм как универсальная матрица структурообразования ОП используется для связи полипредикативных структур: в балладе «Светила звезда, она перед месяцем; / Валялась куница, она перед сободем; / Стояла девица, она перед молодцем» [Астахова 1963: 105]; для связи предикативных единиц: в песне «У молодца кудри вьются, / У девушки слезы льются» [Киреевский 1929: 115, № 2059]; для связи структур, организованных как группы членов предикативной единицы: в исторической песне «Не умела ты владеть правым крылышком – войском Донским!» [Игнатов 1970: 181, № 69].

Позиционный, концентрирующий, цепной повторы и межстиховая атрибуция как способы-модели распространения синтаксической конструкции по ряду строк, создавая между структурами связь «по вертикали», выполняют функцию обеспечения их конструктивно-смысловой цельнооформленности и имеют генетические разговорно-речевые основы [Артеменко 1977: 55–86].

Повторяемость представляет фундаментальную текстовую категорию, участвующую в организации фольклорного текста [Амроян 2005; Акимова 1966; Невская 1996], фундаментальный принцип народной эстетики, лежащий в основе формального и семантического воспроизведения компонентов в ОП [Доброва 2004].

Позиционный повтор – способ-модель построения синтаксического единства, в котором одинаково организуемые повтором части выступают в границах разных стихов при однофункциональных членах, обуславливая их синтаксически параллельное построение. Использование позиционного повтора с указанной функцией в обеих частях ОП в исследуемом материале не выявлено. Локализация позиционного повтора в одной из частей ОП обуславливает их нетождественное синтаксическое построение: в символической части частушки «Рожь, колосись, / И овес, колосись! / Расхорошая сударушка, / Красой не заносись» [Астафьева

1987, № 3612]; в реальной части частушки «*Сколько елок на угоре / И травинок во стогу, / **Столько** муки, **столько** горя / Пожелала я врагу*» [Астафьева 1987, № 1827].

Позиционный повтор как избирательная матрица структурообразования ОП – способ-модель построения синтаксического единства, в границах которого объединенные гипертемой части ОП представлены синтаксическими структурами с одинаково организуемыми повтором компонентами при **однофункциональных** членах, что объективирует композиционную соотнесенность частей ОП. Позиционный повтор является разновидностью синтаксического параллелизма с лексическим тождеством одного или нескольких компонентов.

Объединенные позиционным повтором параллели содержат повторяющиеся компоненты в инициальной позиции частей ОП: в обрядовой песне «*Уродися, горстка мачку, во садочку. / **Уродися**, да и Павлуша, в роду умный*» [Киреевский 1911: 172, № 606]; в медиальной позиции: в балладе «*Не ходить тебе, девушка, по белу свету, / Не носить тебе, девушка, платья цветного, / Не любить тебе, девушка, парня бравого!*» [Астахова 1963: 165–166]; в финальной позиции: в заговоре «*Как курушка легко приносит, так бы раба Божья (имя) легко принесла*» [Аникин 1998: 38, № 7]. Повторяющиеся компоненты располагаются не в контактной позиции: в частушке «*Чище мети, / **Чтобы** сору не было, / Семерых не люби, / **Чтобы** ссоры не было*» [Власова 1965, № 319]. Позиционный повтор сочетается с тавтологическим повтором: «*Скоро, скоро отсекут / У елочки вершиночку. / **Скоро, скоро** увезут / В солдаты ягодиночку*» [Власова 1965, № 1204].

Позиционный повтор манифестирует образование символической образной триады, объединяет образы трех параллельных миров – природного, артефактного и человеческого: «*Стали мостики валиться, / **Стало** лето проходить, / Стали молодые девушки / За дролей выходить*» [Власова 1965, № 2450].

Тождественные в частях ОП компоненты позиционного повтора выполняют роль сквозных лексических скреп: представляют вариант сближения образов параллельных миров, актуализируют условную или объективную основу сопоставления их признаков.

Позиционный повтор как избирательная матрица структурообразования ОП конституирует два ряда повторяющихся компонентов в чередующихся строках

текста: в частушке *«Кабы не было свиней, / Не было бы сала. / Кабы не было ребят, / Не было б скандала»* [Власова, Горелов 1965, № 707]; в исторической песне *«Что горче тебя, полынушка-травушка, во всем поле нет, / Что труднее тебя, служба царская, во всем свете нет»* [Исторические песни XVIII века 1971: 179, № 308].

Позиционный повтор одновременно реализует первичную и вторичную функции синтаксической и композиционной организации ОП: в причитании *«Уж будут дни-то несчастливые, / Будут дни-то покостливые, / Уж будут братица разбойники, / Будут родимы поддорожники»* [РПК 1940: 217]; в частушке *«Кум шел переулком, / Кума – улицей. / Кум пел петухом, / Кума – курицей»* [Власова 1965, № 1675].

Позиционный повтор конституирует два параллельных ряда повторяющихся компонентов в чередующихся строках фольклорного текста и одновременно реализует первичную и вторичную функции синтаксической и композиционной организации ОП: *«Кому лес, кому поляна, / Мне – чистое полюшко. / Кому радость и веселье, / Мне – большое горюшко»* [Власова 1965, № 1418].

Концентрирующий повтор – способ-модель построения синтаксического единства, в котором одинаково организуемые повтором части расположены не на стыке границ разных строк при разнофункциональных членах.

Использованием концентрирующего повтора в обеих частях ОП обеспечивается их тождественная синтаксическая организация: в песне *«Ты стой, моя рябинушка, / Ты стой, не шатайся, / Живи, моя сударушка, / Живи, не печалься»* [Киреевский 1911: 120, № 382]. В результате формируется синтаксический параллелизм конструкций, организуемых концентрирующим повтором. В ОП концентрирующий повтор по отношению к синтаксическому параллелизму ставится в иерархически подчиненное положение и принимает на себя роль структурной базы его реализации и знака содержательного соответствия частей.

Локализация концентрирующего повтора в одной из частей обуславливает их нетождественное синтаксическое построение: в частушках в символической части *«Пусть воробушки летают, / Пусть рябинушку клюют. / Отбивают паренька, / Но едва ли отобьют»* [Астафьева 1987, № 2640]; в реальной части *«У березки корешки / Глубоко во земелюшке. / Много девушке тоски / И много слез у*

девушки» [Власова 1965, № 3120]. ОП сопровождается тавтологическим повтором: «*Солнце низко, солнце низко, / Солнце за поле зашло. / До чего милого жалко – / Сердце болью изошло*» [Астафьева 1987, № 3007].

Концентрирующий повтор как избирательная матрица структурообразования ОП – способ-модель построения синтаксического единства, в границах которого объединенные гипертемой части ОП представлены синтаксическими структурами с одинаково организуемыми повтором компонентами, расположенными не на стыке границ разных частей при разнофункциональных членах и являющимися показателями композиционной соотнесенности частей ОП: в частушке «*Неужели снег растает, / С крыши закапает вода? / Неужели не одумается / Дроля никогда?*» [Астафьева 1987, № 3022]; в былине «*Я приехал не торги торговать, / Не места спроведывать, / Я приехал к вам посвататьце / На вашей племяненке любимой*» [Астахова 1961: 64]. Построение сопровождается тавтологическим повтором в одной из частей или в обеих частях ОП: в частушке «*Как охота, как охота / Чаю пить с малиною! / Как охота, как охота / Повидаться с милою!*» [Власова 1965, № 106], в ряде случаев – синонимическим повтором: в песне «*Зашаталась, замоталась в поле травушка, / Зашатался, замотался добрый молодец*» [Киреевский 1929: 70, № 1895]. Модификация концентрирующего повтора выявлена в звукосимволическом ОП: в частушке «*Черный ворон вылетает / Из частого лесуку. / Чернобровая милашка, / Спой на память песенку*» [Астафьева 1987, № 2948].

Концентрирующий повтор конституирует два параллельных ряда повторяющихся компонентов в чередующихся строках текста и сочетается с тавтологическим повтором в одной из частей ОП: в частушке «*Кто бы, кто бы покосил, / Тому бы я пожала. / Кто бы горюшко спросил, / Тому бы рассказала*» [Астафьева 1987, № 3034].

Концентрирующий повтор одновременно реализует первичную и вторичную функции синтаксической и композиционной организации ОП: в частушке «*Не одна в поле береза, / Не одна, унылая. / Не одна ли я такая, / Что жалею милого?*» [Астафьева 1987, № 3204].

Цепной повтор – способ-модель построения синтаксического единства, в котором одинаково организуемые повтором части занимают позицию на стыке объединяемых им стихов при разнофункциональных членах.

Использованием цепного повтора в обеих частях ОП обеспечивается их тождественная синтаксическая организация: в песне «*Да на ту траву **роса пала**, / **Роса-то пала** студеная <...> / Как на деушку **тоска пала**, / **Тоска пала** с кручиною*» [Киреевский 1929: 12, № 1652]. Формируется синтаксический параллелизм конструкций, организуемых цепным повтором. Тем самым в ОП цепной повтор по отношению к синтаксическому параллелизму ставится в иерархически подчиненное положение и принимает на себя роль структурной базы его реализации и знака содержательного соответствия частей.

Локализация цепного повтора в одной из частей ОП обуславливает их нетождественное синтаксическое построение: в символической части частушки «*У меня в кармане **роза**, / **Роза** не помятая. / Я девчонка молодая, / Никем не занятая*» [Воронежская частушка 2015, № 21]; в реальной части частушки «*Две то елки – не лесок, / Мой миленок **не высок**. / **Хоть не высок**, / кудрявенький. / В разговорах **бравенький***» [Астафьева 1987, № 2224].

Цепной повтор как избирательная матрица структурообразования ОП – способ-модель построения синтаксического единства, в котором объединенные гипертемой части ОП представлены синтаксическими структурами с одинаково организуемыми повтором компонентами, расположенными на стыке границ разных частей при разнофункциональных членах и являющимися показателями композиционной соотнесенности частей ОП: в частушке «*Не носите **желтого**, / **Желтое** – изменушка. / Только я одна ношу, / Да изменена девушка*» [Власова 1965, № 2909]; в балладе «*Сера кошечка скочила, **зеркальце разбила**, / Она **зеркальце разбила**, с дружкой **разлучила!***» [Русская баллада 1936: 27, № 23].

Цепной повтор, в отличие от позиционного и концентрирующего, не конституирует два параллельных ряда повторяющихся компонентов ОП.

Цепной повтор одновременно реализует первичную и вторичную функции синтаксической и композиционной организации ОП: в сказке «*Плеть идет **кузнеца***

бить, / Кузнец идет лом варить, / Лом идет камень дробить, / Камень идет топор точить, / Топор идет дубье рубить, / Дубье идет медведь бить, / Медведь идет волка драть, / Волк идет козу резать!» [Стекольников 2008: 198, № 10.5].

Позиционный, концентрирующий и цепной повторы не представляют собой однородного явления. В статье «К вопросу о типологии позиционных, концентрирующих и цепных повторов в фольклорном тексте» [Доброва 2018а: 169-175] автором диссертации впервые разработана многоаспектная типология указанных видов повторов с учетом пяти параметров: «типология воспроизводимых в рамках повтора компонентов; типология моделей связи воспроизводимых в рамках повтора компонентов и сопутствующих членов; типология моделей локализации в структуре строки воспроизводимых в рамках повтора компонентов; типология количественных моделей строк, участвующих в организации повтора; типология моделей сочетания повторов с другими композиционными приемами» [Доброва 2018а: 170].

Межстиховая атрибуция – способ-модель построения синтаксического единства, в котором повторяется предшествующая строка с заменой в ней существительного атрибутом-определением, то есть в последующей строке воспроизводится речевое наполнение предшествующей с заменой субстантивного члена атрибутом к нему.

Использованием межстиховой атрибуции в обеих частях ОП обеспечивается их тождественная синтаксическая организация: в песне «*В саду цветики цвели / В саду аленькие; / В саду мальчики гуляли, / В саду маленькие*» [Киреевский 1929: 21, № 1688]; в балладе «*Худо течь ведь реченьке, / Худо течь ей быстрой / Без крутых бережков, – / Худо жить-быть девушкам, / Худо жить-быть красным / Без миленьких дружков*» [Соболевский 1895: I, 378, № 290]. Формируется синтаксический параллелизм конструкций, организуемых межстиховой атрибуцией. Тем самым в ОП межстиховая атрибуция по отношению к синтаксическому параллелизму ставится в иерархически подчиненное положение и принимает на себя роль структурной базы его реализации и знака содержательного соответствия частей.

Локализация межстиховой атрибуции в одной из частей ОП обуславливает их нетождественное синтаксическое построение: в символической части частушки «*Село, село солнышко / За весело полюшко! / Село, село ясное – / Мое житье несчастное!*»

[Власова 1965, № 1845]; в реальной части баллады «У ворот сосна / Раскачалась, / Наша Дунюшка / Разыгралась, / Наша белая / Расшутилась» [Русская баллада 1936: 29, № 26].

Межстиховая атрибуция как избирательная матрица структурообразования ОП – способ-модель построения синтаксического единства, в котором объединенные гипертемой части ОП представлены синтаксическими структурами с повтором предшествующей строки и заменой в ней существительного атрибутом-определением как показателями соотнесенности частей ОП: в балладе «Срублена **кроваточка** из бесчестна древа, / Поставлена **тесовая** на разлучном месте» [Астахова 1963: 95]; модификация с приложением «Как вынимает вор Янька / Ножичек булатный, / Убивает **Устинью**, / Убивает **голубку**. / Приходят **подружки**, / Приходят **голубки** <...>» [Астахова 1963: 160].

Избирательные матрицы структурообразования ОП (позиционный, концентрирующий, цепной повторы и межстиховая атрибуция) сочетаются в ОП. В исследуемом корпусе текстов выявлены **варианты контаминации избирательных матриц структурообразования ОП**. Варианты дифференцируются по характеру локализации и функциональному назначению способов-моделей.

По функциональному назначению выявлены **бифункциональные варианты**, которые одновременно реализуют первичную и вторичную функции матриц структурообразования в плане синтаксической и композиционной организации ОП и характеризуются структурно-семантической многослойностью, и **монофункциональные варианты**, в которых матрицы структурообразования ОП реализуют функцию его композиционной организации. **По характеру локализации** способов-моделей в ОП дифференцированы последовательная локализация моделей в моно- или бифункциональных вариантах; локализация одной модели внутри другой в моно- или бифункциональных вариантах; чередование моделей в монофункциональных вариантах. Критерии разграничения вариантов контаминации **коррелируют** следующим образом. Последовательная локализация моделей и локализация одной модели внутри другой выявлены в моно- и бифункциональных вариантах. Чередование моделей в ОП зафиксировано

только в монофункциональном варианте. Монофункциональный вариант представлен вторичной функцией матриц структурообразования ОП.

Сочетание **позиционного и цепного повторов** характеризуется последовательной локализацией моделей в бифункциональном варианте: в былинне «Э да мы тебя *отдадим* замуж *лучше старого*, / *Лучше старого отдадим* замуж, *лучше прежнего*» [Астахова 1961: 474, № 152]; в частушке «*Не от* ветру ли рябина / *Кисти перевесила?* / *Не от* горя ли девица / *Голову повесила?* / *Оттого повесила* – / *Без милого невесело*» [Астафьева 1987, № 3274]; локализацией одной модели внутри другой в бифункциональном варианте, интралокализация свойственна цепному повтору: в балладе «*Ох и пропадай же* вы, мои три *корабличка*, / *Кораблики* не порожние, / *Ох и пропадай же* ты, силушка сильная, / *Волюшка* моя вольная!» [Астахова 1963: 95]; чередованием моделей в монофункциональном варианте: в частушке «*Нынче кофточки не в моде* – / *В моде* распашоночки. / *Нынче* девочки не в моде – / *В моде* разведеночки» [Власова 1965, № 1077].

Сочетание **концентрирующего и цепного повторов** характеризуется последовательной локализацией моделей в монофункциональном варианте: в балладе «*Заболел-то*, захворал молодой извозчик, / *Заболела* у него буйная *головаушка*, / *От головаушки* у него ретиво сердце» [Русская баллада 1936: 145, № 132]; локализацией одной модели внутри другой в монофункциональном варианте, интралокализация свойственна цепному повтору: в частушке «*Я* иду *тропиночкой*, / *Тропинка* изгибается, / *Я* его люблю давно, / *А он* не догадается» [Астафьева 1987, № 2145].

Сочетание **позиционного и концентрирующего повтора** характеризуется чередованием моделей в монофункциональном варианте: в частушке «*Не* залить *того* мне горяшка / *Ни* пивом, *ни* вином. / *Не* забыть *того* миленочка / *Ни* вечером, *ни* днем!» [Власова 1965, № 402]; последовательной локализацией моделей в бифункциональном варианте: в частушке «*Я* не папкин сын, / *Я* не мамкин сын, / *Я* на елке рос, / *Меня ветер снес*» [Власова 1965, № 1703].

Сочетание **концентрирующего повтора и межстиховой атрибуции** характеризуется локализацией одной модели внутри другой в бифункциональном варианте, интралокализация свойственна межстиховой атрибуции: в частушке «*Я*

по бережку иду / По самому сыпучему. / Я люблю, а ты не любишь, / Это, милый, почему?» [Астафьева 1987, № 3161].

Сочетание **позиционного повтора и межстиховой атрибуции** характеризуется локализацией одной модели внутри другой в бифункциональном варианте, интралокализация свойственна межстиховой атрибуции: в балладе *«Они все на пиру да напивались, / Они все на большом да наедались, / И все на пиру да прирасхвастались»* [Астахова 1963: 76]; в частушке *«Полно уточка купаться, / Полно, сероватая. / Полно, миленький, сердиться: / Я не виноватая»* [Астафьева 1987, № 3101].

Накопление в границах одного ОП способов-моделей его организации, расширение спектра их функциональной специализации свидетельствуют об эволюции синтаксических основ фольклорного текста.

4.2.4.4. Абстрактные модели связного текста как матрицы структурообразования образного параллелизма, отражающие эволюцию фольклорного текстообразования

ОП как универсальный композиционный принцип организации фольклорных текстов [Веселовский 1940; Лазутин 1989; 1960; 1962; 1976; 1981] впервые исследуется на основе выявленных чешским ученым Ф. Данешем тематических прогрессий. Абстрактные модели связного текста функционируют в качестве матриц структурообразования ОП на всех этапах его эволюции.

Актуальное членение предложения на тему и рему является одним из принципов организации текста. Глава пражской школы структурализма В. Матезиус [Матезиус 2003: 161; 1967] противопоставил его формальному членению предложения и определил, что актуальное членение обуславливает порядок слов. Логическим продолжением взглядов В. Матезиуса являются тематические прогрессии чешского ученого Ф. Данеша [Daneš 1978: 185–192] (в изложении на русском языке [Москальская 1981: 22–23]). Поскольку тематическая структура текста характеризуется сцеплением тем и рем и их связями не только с текстом в целом, но и с его отдельными частями, текст или

его фрагмент могут быть представлены в виде последовательности тем и рем, типизированный комплекс отношений которых в тексте Ф. Данеш назвал тема-рематической прогрессией. Ученый разработал типологию абстрактных моделей, составляющих основу построения связного текста, подвергнув анализу пять типов тема-рематической прогрессии в тексте [Daneš 1978: 185–192]: модели с последовательной тематизацией, со сквозной темой, с производными темами, с расщепленной темой и с разорванной темой. Закрепленное в языке типизированное соотношение темы и ремы представлено Ф. Данешем в виде линейно-динамических структур, моделей, объединенных однотипностью коммуникативной цели, грамматического строения, порядка слов и интонационного оформления. Анализ комплекса типизированных соотношений темы и ремы позволил лингвистам квалифицировать тема-рематические прогрессии как способы развития текста, что обуславливает их применение в качестве адекватного и действенного инструмента исследования языковой динамики фольклорного текста.

Релевантность метода анализа тема-рематической прогрессии подтверждается продуктивностью его применения для изучения синкретической природы фольклорного текста. Мелодический рисунок песни трактуется как вариационное развитие основного тезиса, звучащего, как правило, в начале песни [Чистов 1983; 1986]. Поэтому даже если бы словесный текст «представлял собой нечто статическое (чего в действительности не бывает), сочетание разных его отрезков с вариативно развивающейся мелодией уже дало бы в общем виде нечто похожее на рема-тематическую цепочку Ф. Данеша» [Чистов 1986: 169; Шафранов 1879]. На основе структурообразующих абстрактных моделей связного текста изучены принципы организации сказочных и заговорных текстов [Амроян 2004, 2005]. Абстрактные модели связной речи разработаны Ф. Данешем на материале предикативных единиц. И.Ф. Амроян подобные структуры выявлены на материале частей предикативных единиц и квалифицированы как абстрактные псевдомодели связной речи (термин И.Ф. Амроян) [Амроян 2004: 116].

Исследование эволюции ОП с применением метода анализа тема-рематической прогрессии развивает суждение К.В. Чистова, согласно которому «формально

трансформация ремы в тему и связь между отдельными звеньями логической цепочки, лежащей в основе структуры текста, могут быть выражены (актуализированы) через <...> повторы, параллелизмы и т. д.» [Чистов 1986: 168–169]. Бинарная природа актуального членения предикативной единицы соответствует бинарной природе ОП как композиционного принципа организации фольклорного текста. Актуальность заявленного исследования определяется тем фактом, что анализ ОП через призму заявленных подходов также позволяет определенным образом продвинуться в решении поставленной К.В. Чистовым проблемы разработки типологии «словесного воплощения «глубинной структуры», которая на максимально абстрагированном уровне аналогична логической предикативной цепочке Ф. Данеша» [Чистов 1986: 174].

Анализ текстов разных фольклорных жанров позволяет утверждать, что в качестве матриц структурообразования ОП функционируют абстрактные модели и псевдомодели связной речи. Тема-рематические прогрессии как матрицы структурообразования ОП встречаются в чистом виде или в составе комбинаций пяти основных типов. В границах моделей тема-рематической прогрессии параллелизм темы и ремы, гипертемы и производных тем формируется на основе их манифестации на материале образов макро- и микромиров. Структура ОП представлена цепью чередующихся макро- и микрокосмических тем и рем, звенья которой связывают компоненты ОП друг с другом и отражают их динамику. Тема-рематическая прогрессия в виде цепи взаимосвязанных макро- и микрокосмических тем и рем отражает не только эволюцию компонентного состава ОП, но и динамику языковых основ фольклорного текста.

Изучение эволюции ОП через призму моделей тема-рематической прогрессии имеет два направления. С одной стороны, анализу подвергаются абстрактные модели связного текста как матрицы структурообразования модификаций ОП. С другой стороны, исследуется реализация определенной модификации ОП на основе различных абстрактных моделей связного текста или их сочетания как матриц структурообразования (см. *раздел 3.2.5.2.7. Концентрический образный параллелизм*).

Классический ОП и его трансформированные ССМ как параллелизм моно- и полипредикативных конструкций организуются на основе **моделей** тема-рематических прогрессий. Формализованные ССМ как параллелизм части монопредикативной

конструкции организуются на основе **псевдомodelей** тема-рематических прогрессий. Составляющие основу построения связного текста или его фрагмента абстрактные модели и псевдомodelи тема-рематической прогрессии в аспекте выполнения ими функции матрицы структурообразования ОП дифференцируются на **три группы**: универсальный статус имеет параллелистическая модель с производными темами; избирательным статусом отличаются тема-рематические прогрессии с последовательной тематизацией, сквозной и расщепленной темой; не имеет выраженного статуса матрицы структурообразования тема-рематическая прогрессия с разорванной темой.

В статье «Типология матриц структурообразования образного параллелизма в фольклорном тексте» [Доброва 2023н: 289–305] разработана **типология матриц структурообразования ОП** и доказана ее обусловленность комплексными данными системогенеза ОП. Изучение организации ОП на основе абстрактных моделей и псевдомodelей связного текста дает основание для квалификации трех типов матриц его структурообразования: **универсальных, избирательных и латентных**.

Обобщенные данные представлены в *Таблице 2* «Типология матриц структурообразования образного параллелизма».

Таблица 2

Типология матриц структурообразования образного параллелизма

Матрицы структурообразования	Абстрактные модели связного текста, выявленные Ф. Данешем
Универсальная матрица	Параллелистическая модель тема-рематической прогрессии с гипертемой и производными темами
Избирательная матрица	Тема-рематические прогрессии с последовательной тематизацией, со сквозной темой и с расщепленной темой
Латентная матрица	Тема-рематическая прогрессия с тематическим прыжком или разорванной темой

Типологическая квалификация матрицы структурообразования ОП определяется данными системогенеза ОП с учетом показателей его семиогенеза и морфогенеза. Обобщенные данные представлены в *Таблице 3* «Данные системогенеза образного параллелизма как идентификатор типологических характеристик матрицы его структурообразования».

Таблица 3

Данные системогенеза образного параллелизма как идентификатор типологических характеристик матрицы его структурообразования

Матрица структурообразования / идентификатор	Универсальная матрица	Избирательная матрица	Латентная матрица
Семиогенез (по характеру реализации семиотической вертикали ОП)	Универсальная и доминирующая реализация семиотической вертикали ОП	Неполная реализация семиотической вертикали ОП	Разорванная реализация семиотической вертикали ОП
Морфогенез (по характеру реализации ССМ ОП)	Классические, трансформированные и формализованные ССМ ОП	Трансформированные и формализованные ССМ ОП	Формализованные ССМ ОП

Универсальной матрицей структурообразования ОП является параллелистическая модель тема-рематической прогрессии с гипертемой и производными темами. Матрица функционирует в двух проявлениях: в качестве тема-рематической прогрессии с эксплицитной или имплицитной гипертемой и производными темами как матрицы структурообразования ОП; в качестве универсальной матрицы структурообразования, которая на более высоком семиотическом уровне обобщает избирательные и латентные матрицы, нивелирует их различия и абстрагируется от их специфических черт.

Универсальный статус параллелистической модели с производными темами как матрицы структурообразования ОП определяется двумя положениями. Во-первых, тема-рематическая прогрессия с имплицитной или эксплицитной гипертемой и производными темами релевантным образом воплощает глубинную сущностную природу ОП на всех без исключения этапах его эволюции. Во-вторых, тема-рематическая прогрессия с гипертемой и производными темами на более высоком семиотическом уровне обобщает модели с избирательным статусом и абстрагируется от их специфики. Эти модели в семиотическом плане также сводятся к параллелистической модели, имеют гипертему и производные макро- и микрокосмические темы. Данные семиогенеза ОП показывают, что ОП в структурной инвариантной модели и вариантах текстовых реализаций сохраняет отличительные признаки тема-рематических прогрессий, а на уровне глубинной семантики

гипертемы и семантического инварианта утрачивает различия между этими моделями. Параллелистическая модель тема-рематической прогрессии с производными темами нивелирует дифференциальные признаки характеризующихся избирательным статусом тема-рематических прогрессий и интегрирует их в единую семиотическую вертикаль ОП.

Параллелистическая модель тема-рематической прогрессии с гипертемой и производными темами отличает построение текста, в котором каждое предложение реализует единую тематическую направленность целого текста или его фрагмента и не содержит элементов последовательной, сквозной или расщепленной тематизации. Общая тема текста или его фрагмента – в терминологии Ф. Данеша *гипертема* – эксплицируется в тексте или имеет имплицитное выражение и формулируется на основе производных тем. Гипертема находится за пределами эксплицированного параллельного построения.

[ГТ] (гипертема): $T_1 \rightarrow R_1 \quad T_2 \rightarrow R_2 \quad T_3 \rightarrow R_3 \dots$

(где T_1, T_2, T_3 – производные темы)

В эволюционно-генетическом аспекте анализ параллелистической модели тема-рематической прогрессии с производными темами отражает **три этапа** ее развития и соответствующие им **три звена эволюционной цепи развития ССМ ОП** (см. *раздел 4.1. Эволюционные цепи формирования образного параллелизма как отражение многослойности фольклорного текста*).

На первом этапе классическая разновидность параллелистической модели тема-рематической прогрессии является структурообразующей матрицей **параллелизма моно- и полипредикативных единиц** в классических, трансформированных и формализованных ССМ ОП с нивелированием на семиотическом уровне специфических черт моделей тема-рематической прогрессии с последовательной тематизацией, со сквозной темой и с расщепленной темой.

ОП с эксплицированной гипертемой и производными темами выявлен в разных фольклорных жанрах: в заговорной формуле отсылки болезни с гипертемой «*пустое место*»: «<...> пойдѣ, грыжа <...> **на пустое место, в темное место, где солнце не огревает, где люди не ходят и не бывают, где птицы не летают, где звери не заходят**» [Майков 1869: 57, № 128].

Тема-рематическая прогрессия с производными темами организует ОП, части которых характеризуются структурной и смысловой автономностью, не имеют внешних формальных признаков взаимозависимости, при этом в семиотическом плане воплощают единую гипертему. Отсутствие формальных средств выражения связности частей ОП при имплицитном выражении гипертемы создает эффект кажущейся автономности тема-рематических структур.

T1 → R1

T2 → R2 ...

ОП представлены во всех фольклорных жанрах. В причитаниях идея сопоставления душевного состояния персонажа с образом природы выражается в частях ОП лексемами, которые выполняют функцию макро- и микрокосмических производных тем «вода – слезы» и параллельно коррелируют с единой гипертемой «внутреннее состояние персонажа»: «*Вынь великая вода тутъ разливается, / Подъ окномъ сижу – слезами обливаюся*» [Барсов 1872: I, 42].

Гипертема означивания явления (ГТ–1) организует ОП в разных фольклорных жанрах. Гипертема эксплицируется в фольклорном тексте: в былине «У меня **доць Чавина Чусавицна** / *Во девках – красна девушка, / Во лебедушках – красна лебедушка*» [Астахова 1961: 62] или не получает в ОП эксплицитного выражения. 1) Параллелизм действий: ГТ «пусть произойдет определенное действие»; СИ «происходит А, происходит Б»; СИМ <как> происходит А, <так сходно> происходит Б; ВТР: в заговоре «*Нитка порвалась – кровь унялась*» [Аникин 1998: 41, № 1549]. 2) Параллелизм состояний: ГТ «пусть возникнет определенное состояние»; СИ «состояние А, состояние Б»; СИМ <каково> состояние А, <таково сходно> состояние Б; ВТР: в исторической песне «*Ах одной-то тебе, травоньке, в поле тошно, – / Еще нам, братцы, солдатам, жить несносно*» [Исторические песни XVIII века 1971: 172, № 291]. 3) Параллелизм качества: ГТ «пусть возникнет определенное качество»; СИ «качество А, качество Б»; СИМ <каково> качество А, <таково сходно> качество Б; ВТР: в частушке «*Лампа нова, лампа нова – / Дыроватые кружки. / Сама нарядная, фартова – / Ломоватые дружки*» [Власова 1965: 55, № 690]. 4) Параллелизм количества: ГТ «пусть возникнет

определенное количество»; СИ «количество А, количество Б»; СИМ <сколько> количество А, <столько сходно> количество Б; ВТР: в примете «Нельзя стряхивать воду с мокрых рук – черти плодятся: *сколько брызг упадет – столько чертей*» [Харченко 2008: 155]. 5) Параллелизм локусов: ГТ «пусть нечто произойдет в определенном локусе»; СИ «локус осуществления А, локус осуществления Б»; СИМ <где> локус осуществления А, <там сходно> локус осуществления Б; ВТР: в заговоре «*На поле урожай, на гумне обмолот, в квашне гущина, а на столе спорина*» [Пинежье 1994, № 175]. 6) Параллелизм условий: ГТ «пусть осуществляются определенные условия»; СИ «условия осуществления А, условия осуществления Б»; СИМ <когда/если> осуществляются условия А, <тогда/то сходно> осуществляются условия Б; ВТР: в частушке «*Кабы не было болота, / Не росли бы ягоды. / Кабы дружку не на фронт, / Горевать не надо бы*» [Астафьева 1987, № 1596]. 7) Параллелизм темпоральных параметров: ГТ «пусть нечто продлится определенное время»; СИ «время осуществления А, время осуществления Б»; СИМ <пока> длится время осуществления (происходит) А, <до тех пор сходно> длится время осуществления (происходит) Б; ВТР: в заговоре «*Сколь **скоро** полотенце на сосенку навью, столь **скоро** я дорожку найду*» [Аникин 1998: 370, № 2344].

Гипертема означивания связи явлений (ГТ–2) организует ОП в жанрах приметы и загадки. ГТ параллелизма в загадке «пусть будет определен (дешифрован) загадочный предмет: означивание **связи** предметов»; СИ «предмет одного мира как образная часть загадки является знаком предмета другого мира как ответа и толкования знака». В СИМ текст загадки и ответ различаются по макро- и микрокосмическому означаемому. СИМ «натурфакт/артефакт (макрокосм) – человек/соматизм (микрокосм)»; ВТР «орлы – евангелисты-апостолы»: «*Четыре орла одно яйцо снесли. – Четверо Евангелистов*» [Даль 2000: 31]. СИМ «человек/соматизм (микрокосм) – натурфакт/артефакт (макрокосм)»; ВТР «человек – блоха»: «*Маленька / Барынька / В полночь разбудила. – Блоха*» [Садовников 1995: 258, № 1678п].

На втором этапе организация ОП на материале **части монопредикативной единицы** свидетельствует о его формализации, при которой классическая разновидность параллелистической модели эволюционирует в переходную от

модели к псевдомодели веерную разновидность [Амроян 2004] и структурирует параллелизмы с акциональными перечнями [Доброва 2017б; 2018г; 2019а].

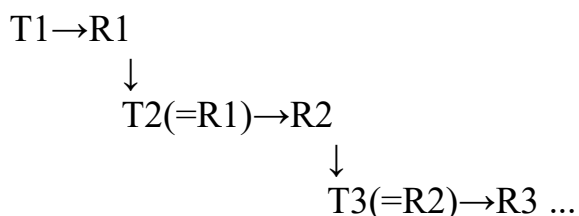
В заговорах гипертема *«тосковать, горевать»* представлена эксплицитно: *«<...> чтобы красная девица (имя рекъ) тосковала и горевала по (имя рек) <...> едой бы не заедала, питьем она не зативала, в гульбе бы она не загуливала, и во сне бы она не засыпывала, в теплой парусе калиновым щелоком не смывала, шелковым веником не спаривала, пошла, слезно плакала»* [Майков 1869: 10, № 3]. Имплицитная гипертема не объективируется в тексте [Майков 1869: 16, № 16].

На третьем этапе переходная веерная разновидность параллелистической модели эволюционирует в параллелистическую псевдомодель и структурирует ОП с номинативными перечнями (неполный параллелизм [Артеменко 1977], псевдонанизывание [Амроян 2004]): в заговоре терминальный (абсолютивный) перечень с гипертемой *«все недуги»* *«Пресвятая Богородица, <...> утѣши отъ огня и отъ пламя, отъ сибирки и отъ опуху, отъ бишихи и отъ бросу, отъ ломоты и отъ колотья, и отъ миритлицкѣ болѣзни, и отъ всѣхъ недуговъ»* [Майков 1869: 58, № 132].

Универсальный статус матрицы обеспечивается способностью тема-рематической прогрессии с гипертемой и производными темами релевантным образом воплотить сущностную природу ОП и универсальностью ее реализации по данным системогенеза ОП. В аспекте семиогенеза демонстрирует универсальную и доминирующую реализацию семиотической вертикали ОП: доминирует в ряду других матриц, на уровне глубинной семантики ГТ и СИ фактически нивелирует дифференциальные признаки избирательных и латентных матриц, интегрирует их в единую семиотическую вертикаль ОП. В аспекте морфогенеза универсальная матрица реализует все линии эволюции ОП.

Избирательными матрицами структурообразования ОП являются тема-рематические прогрессии с последовательной, сквозной и расщепленной тематизацией.

Простая линейная тема-рематическая прогрессия, или прогрессия с последовательной тематизацией, реализует последовательную тематизацию ремы предшествующего предложения. Последующие темы имеют глубинную рематическую природу и выражают сущность ОП, части которого восходят к единой гипертеме.

Тема-рематическая прогрессия с последовательной тематизацией, обеспечивая в фольклорном тексте реализацию принципа ассоциативно-цепочной связи картин [Лазутин 1989] и приема ступенчатого сужения образов [Соколов 1926], позволяет достичь «максимально медленного движения текста при его оптимальной ясности» [Чистов 1986: 170] и оказывается востребованной структурообразующей матрицей для организации трансформированных и формализованных ССМ. Основным языковым механизмом последовательной тематизации в ОП являются цепные повторы.

Образная ассоциация эволюционирует из устойчивой (символично-реальной) в свободную (реальную). Сопоставляемые на основе ассоциативно-цепочной связи картин макро- и микрокосмические образы эволюционируют один из другого. Каждый последующий становится развитием предшествующего. Образы выстраиваются в горизонтальном, вертикальном и горизонтально-вертикальном направлениях. Сильная конечная позиция является маркером доминантного по идейной и художественной значимости образа.

Модель тема-рематической прогрессии с последовательной тематизацией реализует в ОП ассоциативно-цепочную связь картин. Сопоставляемые образы выстраиваются по **горизонтали**: в сказке «*скалочка – гусочка – индюшечка – невесточка*»: «*За скалочку – гусочку, / За гусочку – индюшечку, / За индюшечку – невесточку!*» [Афанасьев 1958: I, 5, № 1]; по **вертикали**: в заговоре «*жилочки, вымечко, сисечки – подоенка*»: «*Бабушка Соломонидушка, христова повивалушка, отопри у рабы божьей Пеструшеньки молочко из жилочек – в вымечко, из вымечка – в сисечки, из сисечек – в подоенку*» [Вятский фольклор 1994, № 44]; в **горизонтально-вертикальном направлении** с привлечением образов православных святынь «*мост – куст, цвет, белый свет – будни, воскресные дни – Пасха*»: в загадке «*Мостится мост на семь верст, на мосту куст, на кусту цвет, на весь белый свет. – Будни, воскресные дни и Пасха*» [Даль 2000: 31]. Различие по объему и содержательной или иерархической емкости параллельных

образов при их «цепочном» соединении формирует ступенчатое сужение образов. В результате образуется концентрический ОП: в заговоре «*море, остров, камень – церковь, престол – Матерь Божья с сестрицами*» см. [Майков 1869: 64, № 150].

Тема-рематическая прогрессия со сквозной темой реализует распространение константной темы, повторяющейся в каждом из предложений, связанных параллельно [Артеменко 1977; 2000; Головкина 2006]; расподобление осуществляется через изменение ремы. Образуется тема-рематическая прогрессия с восходящими к гипертеме повторяющейся темой и разными ремами.

$T \rightarrow R1$

↓

$T \rightarrow R2$

↓

$T \rightarrow R3 \dots$

Выявлены следующие основные **варианты лексико-грамматического выражения сквозной темы**, вводимой в части ОП с помощью повторов.

1. В ОП тема-рематическая прогрессия основана на **повторе слова или нескольких слов**, репрезентирующих сквозную тему: в песне «Она приходила и пригуливала / *Свет ко кроватке тесовенькой, / Свет ко перине пуховенькой, / Свет ко подушке парчевинькой, / Свет к одеялу соболиному, / Свет к своему другу милому*» [Киреевский 1911: 34, № 84].

2. В ОП тема-рематическая прогрессия основана на **местоименном повторе**, при котором тематическое слово первой фразы в последующей заменяется личным местоимением: в причитании «*Не бушуют-то ветры съ четырехъ сторонъ, / Не ударят оны въ большой колоколь, / Не разбудят моей матушки*» [Барсов 1872: I, 68].

3. В ОП тема-рематическая прогрессия представлена **производными от темы перифразами, трансформами**: в частушке «*я, серые глазеночки, молодость моя*» «Задумчивая моя, / Любила дробечку не я, / Любили серые глазеночки / И молодость моя» [Власова 1965, № 3472].

4. В ОП тема-рематическая прогрессия представлена **однократным обозначением темы**, при семантическом развертывании параллелей приводятся только ремы, что формирует параллелизмы-перечни: в былине «*Князь по полу похаживат, тиху-смирну речь выговариват*» [Астахова 1961: 67]. В загадке тема

вынесена в отгадку: «**Что** царь видитъ редко, Богъ никогда, а ны завсегда. – **Ровню**, т. е. подобного себе» [Живая старина 1903: III, 483, № 28]. Отсутствие воспроизведения сквозной темы в последующих частях обуславливает модификацию абстрактной модели в абстрактную псевдомодель.

Основным языковым механизмом реализации сквозной темы являются позиционные и концентрирующие повторы. Повторы формируют сквозные лексические скрепы в трансформированных модификациях ОП. В эволюционном аспекте повторы подготавливают формализацию параллелизма части предикативных конструкций с их реализацией на основе абстрактных псевдомodelей.

Актуальное членение предложения на тему и рему, будучи языковой универсалией, демонстрирует реализацию темы и ремы на материале любых членов предложения. Развитие идеи И.Ф. Амроян о типологизации сквозного компонента позволило разработать **типологию языковых скреп ОП**, направленных на объективацию гипертемы. Разновидности тема-рематической прогрессии со сквозной темой дифференцируются на **простые** (субъектную, объектную (зафиксированы И.Ф. Амроян [Амроян 2004]), атрибутивную, разновидность, репрезентирующую состояние, акциональную, локативную, темпоральную и квантитативную) и **комплексные** (субъектно-объектную, субъектно-акциональную, объектно-акциональную).

В **простых** разновидностях сквозная тема репрезентируется отдельными словами: самостоятельными и/или служебными частями речи; в звуко-символических ОП актуализированными образными звукокомплексами, сегментами слов. В **субъектной разновидности** сквозным компонентом является субъект: в быличке «**Черт** не может на суше жить, **он** только в воде живет. <...> Вот утонет человек, дак **он** душу-то себе возьмет. **Черт** только в воде <...>. **Черт** тоже может всяко выглядеть» [Черепанова 1996: 45, № 261]. В **объектной разновидности** сквозным компонентом является объект: в заговоре «Стану я благословясь и пойду перекрестясь на Океан море, на немъ плавает гоголь морской, он не имеет ни синей, ни красной опухоли, ни хомута; там ползает рак морской, он не имеет ни синей, ни красной опухоли, ни хомута; там лежит мертвец, он не имеет ни синей, ни красной опухоли, ни хомута» [Майков 1869: 56,

№ 127]. В **атрибутивной разновидности** сквозным является атрибутивный компонент: в пословице «*Чужая шуба – не одежда, чужой мужъ – не надежда*» [Обнорский 1888: IX, 6, № 1], в том числе выраженный вопросительным местоимением *какой*: в былине «*Какой земли, какого городу, / Какого отца, какой матушки?*» [Астахова 1961: 63]. В **разновидности, репрезентирующей состояние**, сквозным является компонент с семантикой внешнего или внутреннего состояния представителей параллельных миров: в частушке «*Хорошо дрова рубить, / Которые осиновы. / Хорошо ребят любить, / Которые красивые*» [Селиванов 1990: IX, 333, № 2499]. В **акциональной разновидности** сквозным компонентом является акция: в примете «*Оставлять кусочки от ломтя, который ел за ужином, оставлять свое счастье*» [Харченко 2008: 25]. К акциональной разновидности примыкают построения со сквозным компонентом, выраженным лексемой *нет*: в частушке «*Нет подковы у коровы, / Нет зубов у червяка. / Нет хорошего колхоза / У плохого вожака*» [Викулов 1957: 7]; в былине «*Да не конному, не пешому проходу нетъ, / Да не ясному-ту соколу пролёту нетъ*» [Марков 1901: 502, № 98]. В **квантитативной разновидности** сквозным является компонент с квантитативным значением: в причитании «*Хотя много мы видимъ перелетныхъ соколовъ, / Хотя къ намъ много ездитъ добрыхъ молодцевъ*» [Барсов 1872, I: 269]. В **локативной разновидности** сквозным является компонент с локативным значением: в былине «*Добрый молодец туда не проезживал, / Ясен сокол туда не пролётывал*» [Астахова 1961: 48]. В **темпоральной разновидности** сквозным является компонент с темпоральным значением: в примете «*25 января – Татьянаин день. Проглянет солнышко на Татьяну – к раннему прилету птиц. Снег на Татьяну – лето будет дождливое*» [Селянгина 2005].

В **комплексных разновидностях** сквозная тема репрезентируется словесными комплексами (группами членов предикативной единицы). В **субъектно-объектной разновидности** сквозными компонентами являются субъект и объект: в причитании «*Я ведь мать беднодетинная, / Голова в меня обидная*» [РПК 1940: 102]. В **субъектно-акциональной разновидности** сквозными компонентами являются субъект и акция: в частушке «*Я не думала, что с елочки / Иголочки падут. / Я не думала, что дролечке / Винтовочку дадут*»

[Астафьева 1987, № 1486]. В **объектно-акциональной разновидности** сквозными являются объект и акция: в заговоре «Христос сын Божий, **заговори мое тело белое и закрепи *крепче* стали и булату**» [Майков 1869: 60–61, № 138].

Тема-рематическая прогрессия со сквозной темой является матрицей структурообразования **серии параллельных построений**: в примете «*Федор-житник, Федот-овсянник, Федор-колодезник*» [Харченко 2008: 101].

Выявлен ОП моделей тема-рематической прогрессии со сквозной темой в **каждой из частей**: в балладе [Соболевский 1895: I, 385, № 298].

Гипертема с помощью организуемых повторами сквозных скреп объективируется **двумя способами**: непосредственным и опосредованным.

Гипертема объективируется в ОП **непосредственным (демонстративным) способом**, когда сквозная лексическая скрепа непосредственно выражает гипертему: в заговоре «*Крест-креститель, крест-хранитель, крест-морска глубота, крест – небесна высота, крест – царев держав*» [Вятский фольклор 1994, № 576].

Гипертема объективируется в ОП **опосредованным (орнаментальным) способом**, когда сквозная лексическая скрепа опосредованно актуализирует гипертему путем нейтрализации в системе символических связей тех компонентов, которые являются орнаментом гипертемы и не входят в ее состав: в частушке «*лист – молодец*» «*Жалко листику зеленого – / На травку валится. / Жалко дроли сероглазого – / Кому достанется?*» [Астафьева 1987, № 3214].

Псевдомодель тема-рематической прогрессии со сквозной темой является матрицей структурообразования звукосимволического ОП: в заговоре «*Текёт река в КАМУ – дак унеси мою тоску в ЯМУ*» [Аникин 1998: 343, № 2233].

Тема-рематическая прогрессия с расщепленной темой реализует множественную рему, компоненты которой при тематизации образуют исходные точки для развития параллельных тематических прогрессий.

$$R1=R1'+R1''$$

↓

$$T2'=R1'$$

↓

$$T2''=R1''$$

Тема-рематическая прогрессия с расщепленной темой является матрицей структурообразования ОП в составе счетного ряда: в загадке «Есть у меня **три отрасли**: *первая отрасль – телу отчист, вторая отрасль – больным исцеленье, третья отрасль – языку молчанье*. – Береза и то, что из нее изготавливают» [Митрофанова 1968: 65, № 1752]. В примете выявлен высокий количественный показатель ОП «семь» [Рыженков 1992].

Избирательный статус матриц структурообразования ОП обеспечивается избирательным характером их реализации по комплексным данным системогенеза ОП. В аспекте семиогенеза избирательные матрицы демонстрируют неполную реализацию семиотической вертикали ОП: сохраняют отличительные признаки тема-рематических прогрессий с последовательной тематизацией, со сквозной темой и с расщепленной темой только в СИМ и ВТР, при этом утрачивают дифференциальные признаки на уровне глубинной семантики ГТ и СИ посредством интеграции с универсальной матрицей. В аспекте морфогенеза характеризуются избирательной способностью создавать трансформированные и формализованные ССМ ОП с узконаправленной и/или более широкой функциональной специализацией.

Латентной матрицей структурообразования образного параллелизма является тема-рематическая прогрессия с разорванной темой.

Тема-рематическая прогрессия с разорванной темой (с тематическим прыжком) реализует разрыв звеньев (компонентов) в тема-рематической цепи, который восстанавливается из контекста.

$$\begin{array}{l} T1 \rightarrow R1 \\ \downarrow \\ [T2 \rightarrow R2] \\ \downarrow \\ T3 \rightarrow R3... \end{array}$$

Латентная матрица организует четыре ССМ ОП. Одночленный ОП с имплицитной реальной частью: в примете «*Небо залысилось (очистилось от облаков, прояснело)*» [Рыженков 1992]. Последовательный параллелизм представляет не «строки-сироты», а искусство «непрерывных соответствий» [Якобсон 1987: 127]. Имплицитный ОП: в сказках «*Иван: царевич – дурак*» «*Иван-дурак*» [Афанасьев 1958: II, 3, № 179; Худяков 1860, № 24] – «*Иван-царевич и Марья – желтый цвет*» [Черноусова 2022: 36]. Затрудненный ОП: в загадке «человек – очки»: «*Сидит дядя*

Пахом / на коне верхом, / книжку читает, / ничего не знает. – Очки» [Рыбникова 1932: 99, № 404]. Дистантный ОП: в быличке «Пошли **сын да невестка** в новый дом. Я взяла хлеба, соли, крупки, зашла: «*Дедушко-домовеюшко, прими моих **детушек**, обогревай, обувай, одевай, на добры дела их наставляй*» – обошла по углам. / Покупают, заводят **корову** и приговаривают: «*Дедушко-домовеюшко,пусти нашу **Белонюшку** на подворьюшко*». Кусочек хлеба окружают над головой коровы и скормят» [Черепанова 1996: 27, № 101].

Отсутствие выраженного статуса матрицы структурообразования ОП обеспечивается имплицитным характером реализации латентной матрицы по данным системогенеза ОП. В аспекте семиогенеза латентная матрица демонстрирует разорванную реализацию семиотической вертикали ОП. В аспекте морфогенеза реализует только формализованные ССМ ОП.

Анализ устнопоэтического материала под углом зрения исследования системных свойств связной речи и определения тема-рематических моделей, осуществляющих связь предложений в составе речеобразующей (текстообразующей) единицы, отличается двунаправленным характером. Во-первых, выявлены структурообразующие матрицы ОП. Во-вторых, вскрыта генетическая обусловленность этих матриц моделями связной речи. При этом если последние регламентируют тема-рематическую связь на уровне предложений, то на уровне матриц структурообразования ОП указанная связь выходит за пределы предложенческих структур и распространяется на более объемные фрагменты текста, интегрированные композиционным принципом ОП. В результате понятие тема-рематической пары приобретает универсальный характер. В подвергнутом анализу материале границы тема-рематического образования приобрели признаки структуры, реализуемой не только отдельными лексемами в пределах предложения, но и блоками предложений в пределах фольклорного текста или его фрагмента, организованного на основе ОП. Анализ матриц структурообразования ОП под углом зрения их генетической обусловленности моделями связной речи позволяет в аспекте диахронической (генетической) интерпретации ОП исследовать вопрос о его речевых основах.

Словесная ткань фольклорных произведений различных жанров, тексты которых построены по принципу ОП, «демонстрирует в минимально усложненном варианте почти обнаженное и прямое воспроизведение абстрактной модели связного текста» [Чистов 1986: 175]. Выявление генетической связи матриц структурообразования ОП с моделями связной речи расширяет объем информации («банка данных») генетической обусловленности явлений фольклорной поэтики структурами языка, что играет ключевую роль в изучении механизмов становления и эволюции художественной системы народной словесности.

Выводы из четвертой главы

1. Системный характер эволюции ОП объективируется в данных его системогенеза и отражает динамику народного мировосприятия.

В лингвофольклористике термин **системогенез** в применении к ОП обозначает системные характеристики его формирования и эволюции, объективируемые структурно-типологическими пересечениями семиогенеза и морфогенеза ОП.

2. **Доминантными типологическими характеристиками системогенеза** ОП являются **эволюционные цепи** и **эволюционные эффекты** его формирования и функционирования, которые отражают многослойность фольклорного текста.

3. Эволюционные цепи реализованы в семиогенезе и морфогенезе ОП. Исследование **семиогенеза** объективирует эволюционные цепи поэтапного формирования семиотической вертикали как процесса порождения и восприятия ОП. Исследование **морфогенеза** отражает эволюционные цепи поэтапного формирования морфологических основ ТСО, ССМ и моделей соотношения формы и содержания ОП.

4. **Эволюционные эффекты** развития содержания, формы и функции ОП отражают интегрированные результаты динамических процессов, отличаются сферами их реализации, объективируют критерии многослойности фольклорного текста и имеют разнообразные проявления.

5. **Кумулятивный эффект эволюции** ОП обслуживает **сферу смыслового накопления** и проявляется в том, что в процессах семиогенеза и морфогенеза

каждый последующий этап эволюции не отменяет предшествующий. Накопление нивелирует в поздних модификациях дифференциальные признаки предшествующих этапов. Типология показателей кумуляции определяется накоплением содержательных и структурных признаков предшествующих этапов развития ОП в составе последующих.

6. **Кольцевой эффект эволюции** ОП обслуживает **формально-структурную сферу** и проявляется в том, что в семиогенезе и морфогенезе системно реализуется тенденция к сохранению структурной и содержательной симметрии частей ОП посредством структурно-смыслового сжатия каждой параллели до однословной конструкции с минимальным компонентным составом и спектром символических связей.

7. **Зеркальный эффект эволюции** ОП обслуживает его **функциональную сферу** и проявляется в том, что в семиогенезе и морфогенезе системные характеристики структурно-семантических преобразований линий развития ОП зеркально воспроизводятся в границах одной ССМ, одной тематической группы образов и т. д.

8. **Генеративно-порождающий эффект эволюции** ОП обслуживает его **образопорождающую сферу** и проявляется в том, что процессы семиогенеза и морфогенеза ОП демонстрируют его способность к продуцированию символических форм, отражающих развитие семиотических, семантических, синтаксических и композиционных основ фольклорного текста. Генеративно-порождающий эффект вскрывает сущностные характеристики **матриц структурообразования ОП**.

9. **Статус** матрицы структурообразования ОП и ее типологическая квалификация определяются данными системогенеза ОП.

10. Выявление генетической связи матриц структурообразования ОП с моделями связной речи расширяет объем «банка данных» генетической обусловленности явлений фольклорной поэтики структурами языка, что играет ключевую роль в изучении механизмов становления и эволюции художественной системы народной словесности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**.

Образный параллелизм является яркой чертой фольклорной семантики и фольклорного синтаксиса, а также организации языка русского фольклора в целом, обуславливает признанную в науке большую устойчивость фольклорно-языкового строя по сравнению с другими проявлениями общезыковой системы, обеспечивает устный и коллективный характер народного творчества, конституирует формы бытия фольклорного произведения, репрезентирует значимые факторы стабильности устно-поэтической традиции.

В свете интеграции классических научных подходов и новейших достижений теории языка, русистики и лингвофольклористики **образный параллелизм** определен как многослойный феномен, выражающий содержательное сходство субстанционально различных явлений, композиционный принцип сопоставления на основе содержательного сходства образов разных по субстанциональной природе явлений вселенского макрокосма и человеческого микрокосма, которое формируется в сознании человека на базе ассоциативных связей параллельных рядов образных представлений, объединенных общей гипертемой, и получает выражение в текстах с бинарной структурой, объективирующих сопоставление макро- и микрокосмических образов с целью умножения культурных смыслов.

Комплексный анализ мифологических и философских аспектов языковых основ ОП дает основание квалифицировать его как **универсальный феномен**: единицу оформленного фольклорного знания, универсальный прием фольклорного мышления, этнопоэтическую константу традиционной народной культуры и ведущую художественную форму фольклора. Эволюция ОП отражает системное преодоление хаотической гетерогенности макро- и микрокосмической среды: 1) мироустройство представляет собой целостный феномен; 2) мироустройство отличается свойством гетерогенности и в упрощенно формальном виде имеет бинарный характер: состоит из многослойных макро- и микромиров; 3) параллелизм снимает антиномичность присущих мироустройству свойств целостности и

гетерогенности; 4) единство мироустройства воплощается в общности гипертемы частей параллелизма макро- и микромиров; 5) гетерогенность бинарного мироустройства выражается в макро- и микрокосмических составляющих ОП.

Теория развития образного параллелизма как отражения динамики народного мировосприятия зиждется на теоретических основаниях исследования эволюции языка фольклорных памятников, динамические процессы в которых обусловлены природой и статусом языка русского фольклора в системе русского языка, в зеркале традиционной культуры и этнической ментальности.

Проведенный нами в указанном аспекте анализ выявил эволюционно-генетические основы образного параллелизма. Во-первых, параллелизм структуры циклических природных и производственных процессов обусловил параллелизм двух составных частей традиции: стабильного базового ядра, исходного повторяющегося образца-инварианта и его вариативного циклического воспроизведения в окружающем человека мире и в его социальной жизни. Во-вторых, фольклор преобразовал эту структурную модель традиции в модель продуцирования устно-поэтических текстов по принципу вариативного воспроизведения заранее заданного типизированного образца-инварианта. В-третьих, образный параллелизм на указанной основе реализовал свою семиотическую вертикаль через вариативное воспроизведение в макро- и микрокосмических образах инвариантной гипертемы.

Эволюция фольклорно-языковой субстанции имеет системный характер и определяется диалектикой соотношения синхронии и диахронии. Гетерохронность языка фольклора отражает полистадиальный, многослойный и кумулятивный характер его развития. Объективные основания квалификации языковых слоев фольклорного произведения, перехода от одного качественного состояния системы структурно-семантических преобразований ОП к другому базируется на выявленном Е.М. Мелетинским **критерии изоморфизма** частей ОП с соответствующим ему разграничением «точного» и «неточного» параллелизма и разработанном А.А. Кротовым разграничении жесткого, смягченного и мягкого (содержательного) тождества повторяющихся фольклорных единиц. Квалификация критериев разграничения многослойных структурно-семантических преобразований ОП зависит

от количественного определения меры старого качества с последующей дифференциацией сочетания модификаций ОП как проявления старого качества системы и образования новой модификации как проявления нового ее качества. Разграничение осуществлено в соответствии с идентификационными показателями этапов эволюции ОП. Исследование основано на интеграции *лингвокультурологического подхода*, объединяющего *структурно-стилистический и мировоззренческий аспекты*, и *эволюционно-генетического подхода*, сущность которого определяется изучением развития многослойной в синхронном состоянии языковой субстанции **не в строго хронологическом, а в качественно-субстанциональном аспекте**.

Теория развития ОП удовлетворяет **критериям, характеризующим научные теории**: 1) представляет комплексную систему взглядов, дающих целостное представление о системных закономерностях организации и эволюции образного параллелизма в жанрах русского фольклора; 2) базируется на четко сформулированных методологических принципах и методах научного исследования, интегрированных в авторской методике комплексного изучения динамических процессов в языке русского фольклора; имеет адекватные задачам исследования понятийно-терминологический аппарат и теоретико-методологический инструментарий; 3) имеет обширную эмпирическую основу, аккумулированную в репрезентативной коллекции ОП; 4) исследование фактов обосновывает выведение совокупности теоретических положений и создание теории развития ОП; 5) на основании выведенных положений создана теоретическая эволюционно-генетическая модель развития ОП. Теория объясняет сущностные признаки ОП и позволяет прогнозировать его развитие, что составляет ее экспланаторный и прогностический потенциал.

Эволюционно-генетическая теория развития ОП как отражения динамики народного мировосприятия представляет собой учение о **системном устройстве образного параллелизма** и включает **два взаимообусловленных компонента**: *эволюционную семиологию и эволюционную морфологию* образного параллелизма с учетом данных его *системогенеза*. ОП как системное образование представляет отграниченное множество взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов.

Выявлены **три аспекта эволюции ОП как системного образования**: системный, надсистемный и метасистемный. Определены элементы, структура (синтагматические, парадигматические и иерархические отношения элементов) и функции систем, закономерности их эволюции, внешние связи и роль среди других систем.

Системный аспект эволюции реализован в исследовании ОП как знаковой системы. Выявлен **общефольклорный** статус системы. **Надсистемный аспект эволюции** реализован в исследовании ОП как надсистемы его семиотических модификаций и надсистемы его морфологических модификаций. Дифференцированы **общежанровый, межжанровый и внутрижанровый** фольклорные статусы исследуемых надсистем. **Метасистемный аспект эволюции** реализован в изучении **общих** для исследуемых систем характеристик развития ОП по данным семиогенеза и морфогенеза ОП. Данные системогенеза ОП отражают эволюцию семиотических, семантических, синтаксических и композиционных основ фольклорного текста. Выявлен **общефольклорный** статус метасистемных характеристик эволюции ОП.

Многокомпонентный состав эволюционно-генетической теории развития ОП обусловлен его универсальной природой. Экспериментальная проверка созданной **методики комплексного изучения и описания динамических процессов в языке русского фольклора** на материале ОП объективировала многослойность фольклорно-языковой субстанции, сохранившей в синхронном срезе разные этапы постижения мира этносом. Комплекс общенаучных, общелингвистических и оригинальных методов системно применен на **четырёх этапах анализа**: на первом произведены отбор, систематизация и структурирование эмпирических данных; на втором установлены данные семиогенеза ОП; на третьем квалифицированы данные морфогенеза ОП; на четвертом выявлены данные системогенеза ОП.

Эволюционная семиология ОП изучает системный характер эволюции его семиотических основ, ментальный подтекст семиогенеза посредством реконструкции семиотической системы репрезентации культурных смыслов как в границах отдельной знаковой модификации, так и во взаимосвязанной цепи эволюционных преобразований знаковых модификаций ОП как единого целого. В лингвофольклористической науке термин **семиогенез** в применении к ОП

обозначает системную эволюцию его семиотических основ, которая отражает развитие символической знаковости, динамические характеристики этапов формирования семиотической вертикали, эволюцию формы и содержания ОП.

Сущностную основу ОП составляет процесс символизации микрокосма в образах макрокосма. Поскольку символ есть знак, динамика ОП раскрывается в процессах его *семиогенеза* (эволюции знаковости) и *семиозиса* (смыслового функционирования).

Культурно-семиотический анализ позволяет квалифицировать образный параллелизм как универсальное средство овеществления системы духовных стереотипов фольклора как вторичной моделирующей системы. Опора на традицию Тартуско-Московской семиотической школы дает основание определить образный параллелизм как **знак и технику вторичной моделирующей системы, то есть системы символов**. ОП объективирует в своей бинарной знаковой субстанции технику ВМС и отражает влияние культуры на ее языковые основы в области взаимоотношения фольклора с его языковой субстанцией. Соответствие диалектической природы ОП сущности вторичных моделирующих семиотических систем определяется построением с их помощью **модели мира или его фрагментов**. Системная реализация в фольклорном тексте ОП фактически формирует фольклор как вторичную моделирующую систему. ОП представляет механизм переходного от мифологического к метафорическому мышления и технику объективации его результатов. ОП отвечает на вопрос, как люди мыслят, и оказывается максимально семантически и структурно приспособленным к моделированию и передаче **сложных динамических смысловых структур**, которые посредством естественного языка непередаваемы. Типовые параллельные комбинации **отношения формы и значения ОП** объективируют **технику ВМС**. 1) Форма – значение природного означающего ОП. 2) Форма – значение человеческого означаемого ОП. 3) Форма природного означающего – форма человеческого означаемого ОП. 4) Значение природного означающего – значение человеческого означаемого ОП. С собственно лингвистической точки зрения актуальны первые три комбинации. Первые две представляют первичную моделирующую систему. Третья отражает варьирование формы. Сущностно важнее четвертая, выражающая сущность функционирования

ОП как знака ВМС, в котором означающим двучлена является означаемое природной параллели ОП, а означаемым – означаемое человеческого параллели ОП. Отношение значения природной параллели как означающего и значения человеческой параллели как означаемого формирует гипертему ОП. Синтаксический параллелизм объективирует связь природного означающего и человеческого означаемого ОП.

Как показал анализ разножанрового фольклорного материала, семиотическую природу и семиотическую вертикаль образного параллелизма как знака вторичной моделирующей системы, то есть семиотической системы символов, построенной на основе естественного языка, отличает **усложнение (удвоение) структуры знака**. ОП имеет означаемое как план содержания и означающее как план выражения, при этом план выражения также характеризуется бинарной организацией, две композиционные части которой соотносятся друг с другом как план содержания и план выражения. Поэтому с точки зрения **знакового статуса** ОП квалифицируется как *символический параллельный знак*, который представляет собой *бином в бинOME (двучлен в двучлене)*: имеет *означаемое* (гипертему) и *означающее*, также репрезентированное в двух гетерогенных по своему природному и человеческому содержанию параллельных рядах, каждый из которых симметрично связан с гипертемой. В ОП означаемое знака естественного языка, соотнесенного с миром природы, становится означающим, а означаемым – означаемое знаков естественного языка, соотнесенных с миром человека. ОП как знак ВМС является носителем значимых для русского сознания культурных смыслов, репрезентация которых имеет **системный характер**.

Семиотическая система репрезентации в ОП культурных смыслов представляет внутренне организованное и упорядоченное единство связанных устойчивыми отношениями элементов на разных этапах его порождения и восприятия с учетом формульных дифференциаций. Семиотическая система исследована с двух основных точек зрения: **структурной и функциональной**.

Со структурной точки зрения в семиотической системе разграничены два аналитических подхода: исследование структуры двустороннего символического знака ОП как системы и исследование ОП как надсистемы знаков разного типа.

Типологизированы этапы реализации и показатели дифференциации ОП.

Эволюционная цепь порождения ОП как знака ВМС представлена последовательными этапами формирования его семиотической вертикали: *гипертема* → *семантический инвариант* → *структурная инвариантная модель* → *варианты текстовых реализаций*. Прочтение эволюционной цепи в обратном порядке отражает процесс восприятия ОП. Этапы порождения и восприятия ОП отражают эволюционный аспект ОП и объективируют вертикаль традиции. Формульные жанрово-интенциональная, гендерная, актантная и др. дифференциации ОП на разных этапах его порождения и восприятия отражают статический, инструментальный аспект ОП и реализуют горизонталь традиции.

Новизна исследовательского подхода определяется изучением эволюции образного параллелизма как знаков разного типа в ее обусловленности **характером гипертем**. Выявлены два типа гипертем: генетически первичная и универсальная для всех фольклорных жанров **гипертема означивания явления** (ГТ–1) и генетически вторичная, являющаяся результатом развития художественной формы, жанрово обусловленная **гипертема означивания связи явлений** (ГТ–2). Сочетание гипертем двух типов обусловлено эволюцией ОП. **Гипертема интегрирует** все структурно-семантические модификации ОП и нивелирует различия между ними. Способы репрезентации лексических и грамматических средств сопоставления миров дифференцируют ССМ. Первичный имплицитный способ отличает классические и трансформированные. Вторичный эксплицитный – формализованные. Семиогенез ОП демонстрирует отсутствие противоречия между анализизмом формы и синкретизмом содержания. В семиотической вертикали восприятие осуществляется от первоначального анализизма бинарной формы к синкретизму, обусловленному единством гипертемы, от различия к тождеству и слиянию.

С функциональной точки зрения в семиотической системе определены **два механизма репрезентации культурных смыслов**, обеспечивающих целостность ОП как семиотического образования: гетерогенные и гомогенные. Семиотическая система отражает многослойную логику моделирования в ОП культурных смыслов.

Семиогенез объективирует эволюцию связи формы и значения с **усилением идеальной и ослаблением материальной стороны** символического знака ВМС.

Эволюционная морфология ОП изучает системный характер эволюции его морфологических основ, ментальный подтекст морфогенеза, закономерности формообразования и идентификационные показатели этапов развития модификаций. В лингвофольклористике термин **морфогенез** в применении к ОП обозначает эволюцию его морфологических основ, которая имеет системный характер и объективируется в развитии ТСО, ССМ, моделей соотношения формы и содержания ОП.

Исследование морфогенеза ОП через призму **типов символической образности** отражает систему видов символического замещения компонентов в частях ОП. На основе материала исследования дифференцированы три основных ТСО: **образ-символ, символическое действие и символическая картина**, которые выполняют структурообразующую функцию в организации ОП. Символический тип соотношения периферийных компонентов обслуживает функциональную сферу основных ТСО. Механизмы формирования ТСО определены посредством анализа *взаимосвязи* соотношения актантных и функциональных компонентов при определяющей роли последних. Описание указанных механизмов объективирует инвариантную модель строения и развитие семантических комплексов ТСО.

В результате разноаспектного анализа и типологизации ТСО образы-символы дифференцированы на **персонифицированные образы-символы; образы-символы, лишенные персонифицированного характера; абстрактные образы-символы**. Эволюция семантического комплекса образов-символов демонстрирует пошаговое абстрагирование от персонификации человека в образах макромира и развитие опосредованной символизации абстрактных сущностей как феноменов микрокосма. Разграничены **символические действия** с реализующим центростремительную тенденцию символических замещений **непосредственным** способом символизации действия, который определяет стабильность семантического комплекса ТСО, и реализующим центробежную тенденцию символических замещений **опосредованным** способом символизации действия, который определяет динамику семантического комплекса ТСО. Осуществлена дифференциация символических картин с **расчлененным и нерасчлененным семантическим комплексом**.

Развитие семантического комплекса всех ТСО демонстрирует **накопление** в их составе идентификационных показателей предыдущих звеньев эволюционной цепи, отражающей разнообразие миромоделирования. Интегрированный каталог представляет **общефольклорный фонд ТСО ОП**.

Исследование морфогенеза ОП через призму типологизации его **структурно-семантических модификаций** отражает этапы народного мировидения. **Критериями разграничения ССМ** являются в содержательном отношении тип репрезентации миров посредством выражения сопоставительных отношений в форме тождества, подобия, противопоставления и уподобления; в структурно-семантическом плане тип компонентного (функционального и/или актантного, периферийного) состава частей и объем (полнота или часть) синтаксической конструкции.

Материал исследования позволяет разграничить **три линии развития ОП: классические, трансформированные и формализованные ССМ**. Каждая ССМ имеет идентификационные показатели, жанровый и эволюционно-генетический статусы. **Четыре типа сопоставления миров** различают линии развития ОП. Сопоставление в форме подобия и противопоставления является универсальным и организует все ССМ. Сопоставление в форме тождества организует трансформированные и формализованные ССМ. Сопоставление в форме уподобления – формализованные ССМ.

Исходным является **классический тип ОП** как ССМ, которую характеризует содержательная и структурная автономия частей, представляющих самодостаточные макро- и микромиры в их объективно-природной ипостаси. Классическая ССМ ОП эволюционирует в направлениях ее **трансформации и формализации**, обусловленных действием **общефольклорной тенденции** к адаптации и сближению макро- и микромиров. Формируется тип их репрезентации, при котором содержательная и структурная автономия миров нивелируется.

Трансформация ОП на уровне формы и содержания выразилась во взаимопроникновении субстанциональных характеристик миров, которые сохраняют содержательную и структурную обособленность, но один наделяется признаками другого. Трансформация на уровне формы осуществляется в антропоморфизации макрообъектов и пластике образов миров. Трансформация на уровне содержания

представлена параллелизмом образов макро- и микрокосма с репрезентацией человека в обеих частях и формирующимися как следствие эволюции параллелизмом образов макрокосма, параллелизмом образов микрокосма и ОП в составе счетных рядов.

Формализация ОП иллюстрирует накопление в ССМ результатов основных этапов его развития и нарушение его содержательных и структурных основ. Репрезентация частей ОП в одной структурно-содержательной единице манифестирует его формализацию, которая **не свидетельствует о разрушении ОП**, поскольку порождает разнообразные ССМ, сохраняющие сущностные признаки ОП и имеющие **полевую организацию: ядро и периферию**. Формализация на основе классической и трансформированных модификаций составляет **ядро** формализованных ССМ. Формализация, аккумулирующая признаки всех линий развития, продуцирует разнообразную **периферию** формализованных ССМ.

Разножанровый фольклорный материал дает основание каталогизировать ССМ ОП с учетом классификационного и жанрового аспектов. **Общежанровые ССМ** выявлены во всех жанрах и составляют общефольклорный фонд – 19 ССМ, что составляет 52,8% от общего количества 36 ССМ. **Межжанровые ССМ** выявлены в нескольких жанрах – 15 ССМ, что составляет 41,6% от общего количества 36 ССМ. **Внутрижанровые ССМ** выявлены только в одном жанре – 2 ССМ, что составляет 5,6% от 36 ССМ. Интегрированный каталог представляет общефольклорный и межжанровый фонд ССМ ОП. **Диапазон количественных и процентных показателей** представленности 36 ССМ ОП в жанрах русского фольклора варьируется от максимального 33 (в обрядовых и необрядовых песнях, заговорах и заклинаниях) до минимального 27 (в загадках), соответственно от 91,7% до 75% общего количества ССМ и свидетельствует о широкой и разнообразной представленности ССМ во всех исследуемых фольклорных жанрах.

Изучение морфогенеза через призму **типологизации моделей соотношения синтаксической организации ОП с его содержательной стороной** позволяет разграничить **разновидности синтаксической организации** частей. Структурно-семантические преобразования компонентов и частей ОП осуществляются посредством их амплификации, редукции, варьирования и контаминации.

Типологизация моделей основана на **взаимосвязи двух факторов**: автономной и неавтономной; тождественной и нетождественной синтаксической организации частей ОП. В результате определены **четыре модели соотношения** синтаксической организации ОП с его содержательной стороной. Каждая из типизированных синтаксических структур отражает этапы развития ОП: 1) классические и трансформированные модификации, в которых содержательно и синтаксически автономные части имеют тождественную синтаксическую организацию; 2) формализованные модификации, в которых содержательно и синтаксически неавтономные части имеют тождественную синтаксическую организацию; 3) классические и трансформированные модификации, в которых содержательно и синтаксически автономные части имеют синтаксически различную организацию; 4) формализованные модификации, в которых содержательно и синтаксически неавтономные части имеют синтаксически различную организацию. Тожественная и нетождественная разновидности характеризуются единством номенклатуры синтаксических средств, а разнятся характером их применения. Тожественная и нетождественная разновидности в автономных и неавтономных частях ОП выполняют одинаковые функции: симметрия является знаком сопоставления образного содержания параллелей, асимметрия – знаком формирования свободно-поэтической символики.

Результаты анализа показывают, что эволюция морфологического статуса ОП, объединяющего структурную открытость и смысловую целостность, не влечет утраты традиционной семантики при многовариантности поля ее формальных репрезентаций.

Семиогенез и морфогенез ОП находятся в определенных системных отношениях. В лингвофольклористике термин **системогенез** в применении к ОП обозначает системные характеристики эволюции, объективируемые в границах структурно-типологических пересечений его семиогенеза и морфогенеза.

В результате анализа разножанрового фольклорного материала выявлены **структурно-типологические характеристики системогенеза ОП**: эволюционные цепи формирования и эволюционные эффекты функционирования ОП.

Эволюционные цепи формирования ОП манифестируют полистадиальный характер фольклорного текста. **Семиогенез** ОП объективирует эволюционные цепи

его поэтапного порождения и восприятия. **Морфогенез** ОП отражает эволюционные цепи поэтапного развития его ТСО, ССМ, моделей соотношения формы и содержания.

Эволюционные эффекты функционирования ОП отражают интегрированные **результаты** развития содержания, формы и функции ОП. **Кумулятивный эффект эволюции** ОП обслуживает сферу смыслового накопления. Каждый последующий этап развития не отменяет предшествующий, образуя многослойную субстанцию ОП; накопление нивелирует в поздних ССМ дифференциальные признаки предшествующих этапов развития. **Кольцевой эффект эволюции** ОП обслуживает его формально-структурную сферу. Системно реализуется тенденция к сохранению симметрии частей посредством структурно-смыслового сжатия каждой параллели до однословной конструкции с минимальным компонентным составом и спектром символических связей. **Зеркальный эффект эволюции** ОП обслуживает его функциональную сферу. Системные характеристики линий развития ОП зеркально воспроизводятся в границах одной ССМ, одной тематической группы образов. **Генеративно-порождающий эффект эволюции** ОП обслуживает его образопорождающую сферу и отражает развитие семиотических, семантических, синтаксических и композиционных основ многослойного фольклорного текста.

В результате проведенного анализа доказано, что генеративно-порождающий эффект эволюции объективирует универсальные сущностные характеристики **матриц структурообразования ОП**. Соотношение инварианта и образных вариантов как матрицы структурообразования ОП отражает **эволюцию семиотических основ** фольклорного текста. Устойчивые словесные комплексы как матрицы структурообразования ОП отражают **эволюцию семантических основ** фольклорного текста. Способы-модели построения синтаксического единства как матрицы структурообразования ОП отражают **эволюцию синтаксических основ** фольклорного текста. Абстрактные тема-рематические модели связного текста как матрицы структурообразования ОП отражают **эволюцию фольклорного текстообразования**.

Проведенное исследование свидетельствует, что анализ генетической обусловленности матриц структурообразования ОП моделями связной речи позволяет в аспекте **диахронической (генетической)** интерпретации ОП изучить вопрос о его

речевых основах. Выявление генетической связи матриц структурообразования ОП с моделями связной речи расширяет объем «банка данных» генетической обусловленности явлений фольклорной поэтики структурами языка, что играет ключевую роль в изучении эволюции художественной системы народной словесности.

В результате комплексного анализа установлено, что эволюция ОП как развитие **соотношения формы и содержания** реализуется в **трех направлениях**. **Содержание** упрочивается стабильностью гипертемы и интеграцией разных ее типов. **Форма** редуцируется до образного бинома или в своей вариативности выстраивается в бесконечность образного полинома-перечня. **Функционирование** объективирует стремление к симметрии посредством формирования синтаксических средств псевдопараллелизма. Свобода формы ОП при константной соотнесенности содержания параллелей с гипертемой является основой продуцирующей активности ведущего композиционного принципа организации фольклорных текстов разных жанров.

Функционирование ОП в границах каждого фольклорного жанра имеет характерные черты, но в целом результаты исследования свидетельствуют об **общности** формирования и развития ОП в разных жанрах русского фольклора.

Проведенный анализ фольклорного материала обосновал многогранность компонентного состава и структуры **теории** развития образного параллелизма, продемонстрировал ее обусловленность длительностью формирования языковых основ образного параллелизма, отражающих субстанциональную многослойность фольклорного текста, универсальностью природы композиционного принципа организации фольклорного текста, его системным характером, неразрывной связью с архаическими основами традиции и тенденциями ее развития, с историей русского народа, русского языка и русской ментальности. В результате констатируем, что выдвинутая гипотеза по итогам проведенного исследования полностью подтвердилась.

Перспективы исследования видятся в широких возможностях применения предлагаемой авторской методики комплексного изучения и описания динамических процессов в языке фольклора для анализа других сфер русского языка и русского языкового сознания в **экстенсивном направлении** расширения объекта исследования и в **интенсивном направлении** углубления интерпретации полученных результатов.

Список источников исследования

Русские народные лирические песни

1. Балакирев М.А. Русские народные песни / М.А. Балакирев ; редакция, предисловие, исследование и примечания Е.В. Гиппиуса. – Москва : Государственное музыкальное издательство, 1957. – 375 с.
2. Воронежские народные песни (в современной записи). – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1991. – 134 с. (ВНП 1991, в примерах указывается номер текста).
3. Воронежские народные песни : сборник фольклорных записей студентов / под редакцией С.Г. Лазутина. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1962. – 152 с. (ВНП 1962, в примерах указывается номер текста).
4. Воронежские народные песни в современной записи. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1978. – 87 с. (ВНП 1978, в примерах указывается номер текста).
5. Лирические песни / составление, предисловие, подготовка текстов и примечания П.С. Выходцева. – Москва : Современник, 1990. – 652 с.
6. Листопадов А.М. Песни донских казаков / А.М. Листопадов. – Москва : Музгиз, 1953. – Т. 4. – 488 с. – Песни бытовые скорые и обрядовые вешние.
7. Народные песни Воронежского края. Антология. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1993. – 280 с. (НПВК 1993, в примерах указывается номер страницы).
8. Народные песни Воронежской области. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1974. – 143 с. (НПВО 1974, в примерах указывается номер текста).
9. Песенный фольклор Мезени / издание подготовили: Н.П. Колпакова, Б.М. Добровольский, В.В. Митрофанова, В.В. Коргузалов ; вступительная статья Н. П. Колпаковой. – Ленинград : Наука, 1967. – 367 с. (Мезень 1967, в примерах указывается номер текста).

10. Песни Печоры / издание подготовили: Н.П. Колпакова [и др.]. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1963. – 459 с. (Печора 1963, в примерах указывается номер текста).

11. Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия / под редакцией: В.Ф. Миллера, М.Н. Сперанского. – Москва : Общество любителей российской словесности при Московском университете, 1911–1929. – Вып. I–II. – Москва, 1911. – Вып. I: Песни обрядовые (№ 1–1172). – 356 с. ; Москва, 1917. – Вып. II, ч. 1: Песни необрядовые (№ 1172–1611). – 125 с. ; Москва, 1929. – Вып. II, ч. 2: Песни необрядовые (№ 1612–2988). – 389 с. (Киреевский, в примерах указывается выпуск, страница и номер текста).

12. Русские народные песни Вологодской области / составление, вступительная статья, комментарии и предисловие М. Бонфельда ; научный редактор И. Земцовский. – Вологда : Северо-Западное книжное издательство, 1973. – 207 с. (Вологда 1973, в примерах указывается номер текста).

13. Русские народные песни Карельского Поморья. – Ленинград : Наука, 1971. – 452 с. (Поморье 1971, в примерах указывается номер текста).

14. Русские народные песни Поволжья. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1959. – Вып. 1. – 196 с. (Поволжье 1959, в примерах указывается номер текста).

15. Соболевский А.И. Великорусские народные песни : в 7 томах / А.И. Соболевский. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1895–1902. – 1895. – Т. 1. – 628 с. ; 1896. – Т. 2. – 588 с. ; 1897. – Т. 3. – 512 с. ; 1898. – Т. 4. – 722 с. ; 1899. – Т. 5. – 644 с. (Соболевский, в примерах указывается номер тома, страницы и номер текста).

16. Собрание народных песен П.В. Киреевского. – Тула : Приокское книжное издательство, 1986. – 462 с. (Киреевский 1986, в примерах указываются номера страницы и текста).

Плачи-причитания

17. Барсов Е.В. Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым / Е.В. Барсов. – Москва : Современные известия, 1872. – Ч. 1: Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. – 327 с.

18. Барсов Е.В. Причитания Северного края / Е.В. Барсов. – Москва : В университетской типографии (М. Катков), 1882. – Ч. 2: Плачи завоенные, рекрутские, солдатские. – 335 с.
19. Барсов Е.В. Причитания Северного края. Ч. 3: Плачи свадебные, заручные, гостибные, баенные и предвенечные / Е.В. Барсов. – Москва : В университетской типографии (М. Катков), 1886. – 256 с.
20. Барсов Е.В. Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым / Е.В. Барсов ; издание подготовили: Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. – Санкт-Петербург : Наука, 1997. – Т. 1: Похоронные причитанья. – 500 с.
21. Ефименкова Б.Б. Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологодская обл.) : [исследования и тексты] / Б.Б. Ефименкова. – Москва : Советский композитор, 1980. – 392 с.
22. Иваницкий Н. [Свадебные причитания и приговоры] / Н. Иваницкий // Москвитянин. – 1841. – Ч. 6, № 12. – С. 474–489.
23. Иванов В. Причитанья на рукобитье (записанные в Архангельской губернии Шенкурского уезда) / В. Иванов // Живая старина. – 1895. – № 2. – С. 214–217.
24. Малорусская народная песня, по списку XVI века. / текст и примечания А. Потебни. Отдельный оттиск из «Филологических записок». – Воронеж : В типографии В.И. Исаева, 1877. – 53 с. (Потебня 1877, а примерах указывается номер страницы).
25. Песенный фольклор Мезени / издание подготовили: Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. ; [вступительная статья Н. П. Колпаковой] . – Ленинград : Наука, 1967. – 367 с. – С. 248–251. (Мезень 1967)
26. Попов Н. Народные предания жителей Вологодской губернии Кадниковского уезда (этнографический материал собран в 1857 г.) / Н. Попов // Живая старина. – 1903. – № 1–2. – С. 188–224. Из содерж.: Причитания. – С. 210–214.
27. Потеряла я потерюшку... : похоронные и поминальные причитания Вологодской области. / [составитель, автор вступительной статьи и комментариев] Е.Ф. Югай. – Череповец : [Б. и.], 2016. – Вып. 2: Кадуйский район. – 127 с.

28. Русские плачи Карелии / под редакцией М.К. Азадовского. – Петрозаводск : ГИЗ Карело-Финской ССР, 1940. – 321 с. (РПК 1940, в примерах указывается номер страницы)

29. Русские плачи (причитания) / редактор текстов и примечаний Г.С. Виноградова. – Ленинград : Советский писатель, 1937. – 259 с.

Былины

30. Авенариус В.П. Книга былин: свод избранных образцов русской народной эпической поэзии : с портретом певца былин Рябинина, работы Л.А. Серякова и рисунками А. В. Прохорова и Н. Н. Карзина / В.П. Авенариус. – Изд. 3-е. – Санкт-Петербург : Типография С. Добродеева, 1885. – 288 с.

31. Беломорские былины, записанные А. Марковым / с предисловием В. Ф. Миллера. – Москва : Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. – 627 с.

32. Былины и песни южной Сибири / собрание С.И. Гуляева ; под редакцией В.И. Чичерова. – Новосибирск : Новосибирское областное государственное издательство, 1952. – 335 с. (Гуляев 1952, в примерах указываются номера страницы и текста)

33. Былины новой и недавней записи из разных местностей России / под редакцией В.Ф. Миллера. – Москва : Синодальная типография, 1908. – 325 с. (Миллер 1908, в примерах указывается страница и номер текста).

34. Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи) / издание подготовили: А.М. Астахова [и др.] ; вступительная статья А.М. Астаховой. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1961. – 608 с. (Астахова 1961, в примерах указывается номер страницы)

35. Былины Севера / записи, вступительная статья и комментарии А.М. Астаховой ; под редакцией М.К. Азадовского. – Москва : АН СССР, 1938. – Т. 1: Мезень и Печора. – 655 с.

36. Былины Севера / подготовка текста и комментарии А.М. Астаховой. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1951. – Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье. – 847 с.

37. Былины / под редакцией, с вводной статьей и примечаниями М. Сперанского. – Москва : Типо-литография И.Н. Кушнерев и К°, 1916. – 454 с. (Сперанский 1916, в примерах указываются номера страницы и текста).

38. Былины : сборник / [вступительная статья, составление, подготовка текста и примечаний Б.Н. Путилова]. – Ленинград : Советский писатель, 1986. – 551 с.
39. Григорьев А.Д. Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. / А.Д. Григорьев. – Москва : Императорская Академия наук, 1904. – Т. 1, ч. 1: Поморье ; ч. 2: Пинега. – 705 с.
40. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Второе дополненное издание подготовили: А.П. Евгеньева, Б.Н. Путилов. – Москва : Наука, 1977. – 489 с.
41. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / издание подготовили: А.П. Евгеньева, Б.Н. Путилов ; ответственный редактор Д.С. Лихачев ; редактор издательства В.С. Люблинский. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1958. – 665 с.
42. Крюкова М.С. Былины М.С. Крюковой / запись и комментарии.: Э. Бородина, Р. Липец ; редактор Ю. Соколов. – Москва : Издательство государственного литературного музея, 1939. – Т. 1. – 752 с.
43. Крюкова М.С. Былины М.С. Крюковой / запись и комментарии.: Э. Бородина, Р. Липец ; редактор Ю. Соколов. – Москва : Издательство государственного литературного музея, 1941. – Т. 2. – 795 с.
44. Листопадов А.М. Былинно-песенное творчество Дона / А.М. Листопадов. Ростов-на-Дону : Ростиздат, 1948. – 168 с.
45. Марков А.В. Беломорские былины / записано А. Марковым ; предисловие В.Ф. Миллера. – Москва : Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1901. – XXII, 618 с.
46. Онежские былины / подбор былин и научное редактирование текстов Ю.М. Соколова ; подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. – Москва : Государственный литературный музей, 1948. – 938 с. (Соколов 1948, в примерах указываются номера страницы и текста).
47. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года : с двумя портретами онежских рапсодов и

напевами былин. – Санкт-Петербург : [Типография Академии наук], 1873. – 1336 стб. (Гильфердинг 1873, в примерах указываются номера страницы и текста).

48. Ончуков Н.Е. Печорские былины / Н.Е. Ончуков. – Санкт-Петербург : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. – 424 с.

49. Русские былины старой и новой записи / под редакцией: Н.С. Тихонравова, В.Ф. Миллера. – Москва : Скоропечатня А.А. Левенсона, 1894. – 304 с. (Тихонравов 1894, в примерах указываются номера страницы и текста).

50. Русские эпические песни Карелии : [сборник] / издание подготовила Н.Г. Черняева ; научный редактор Б.Н. Путилов]. – Петрозаводск : Карелия, 1981. – 310 с. (Черняева 1981, в примерах указываются номера страницы и текста).

Баллады

51. Былины и песни южной Сибири / собрание С.И. Гуляева ; под редакцией В.И. Чичерова. – Новосибирск : Новосибирское областное государственное издательство, 1952. – 335 с. (Гуляев 1952, в примерах указываются номера страницы и текста)

52. Народные баллады / вступительная статья, подготовка текста и примечаний Д.М. Балашова ; общая редакция А.М. Астаховой. – Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1963. – 449 с. (Астахова 1963, в примерах указывается страница).

53. Песни старой Кежмы : фольклорные экспедиционные материалы / составитель Н.А. Новоселова. – Красноярск : ГЦНТ, 2015. – 233 с. (Кежма 2015, в примерах указывается номер страницы).

54. Русская баллада / предисловие, редакция и примечания В.И. Чернышева ; вступительная статья Н.П. Андреева. – Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1936. – 504 с.

55. Соболевский А.И. Великорусские народные песни : в 7 т. / А.И. Соболевский. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1895. – Т. 1. – 628 с.

Исторические песни

56. Игнатов В.И. Русские исторические песни : хрестоматия / В.И. Игнатов. – Москва : Высшая школа, 1970. – 255 с.

57. Исторические песни / составитель С.Н. Азбелев. – Москва : Русская книга, 2001. – 528 с. (Азбелев 2001, в примерах указываются номера страницы и текста).

58. Исторические песни XIII–XVI веков / издание подготовили: Б. Н. Путилов, Б.М. Добровольский. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1960. – 696 с.

59. Исторические песни XIX века / подготовили: Л.В. Домановский, О.Б. Алексеева, Э.С. Литвин ; ответственный редактор В.Г. Базанов. – Ленинград : Наука, 1973. – 283 с.

60. Исторические песни XVII века / издание подготовили: О.Б. Алексеева [и др.] ; [вступительная статья: Б. М. Добровольского, В. В. Коргузалова]. – Москва ; Ленинград : Наука, 1966. – 385 с.

61. Исторические песни XVIII века / издание подготовили: О.Б. Алексеева, Л.И. Емельянов. – Ленинград : Наука, 1971. – 357 с.

62. Селиванов Ф.М. Художественные сравнения русского песенного эпоса : систематический указатель / Ф.М. Селиванов. – Москва : Наука, 1990. – 223 с.

Частушки

63. Вологодские частушки, пословицы, поговорки / [составитель-редактор и автор вступительной статьи С.В. Викулов]. – Вологда : Областная книжная редакция, 1957. – 206 с. (Викулов 1957, в примерах указывается номер страницы).

64. Воронежская частушка : сборник, посвященный 100-летию со дня рождения М.Н. Мордасовой / [составление и комментарии: Т.Ф. Пуховой, Т.В. Мануковской, А.А. Чернобаевой]. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2015. – 359 с.

65. Коничев К.И. Северные частушки / К. Коничев. – Архангельск : Севкрайгиз, 1936. – 63 с.

66. Кулева С.Р. Неизвестная частушка / С.Р. Кулева ; [ответственный редактор А. Кулев]. – Вологда : ОНМЦК и ПК, 2008. – 247 с.

67. Сборник великорусских частушек / под редакцией Е.Н. Елеонской. – Москва : издание Комиссии по народной словесности при Этнографическом отделе И. О. Л. Е. А. и Э., 1914. – 540 с. (Елеонская 1914, в примерах указывается номер текста).

68. Симаков В.И. Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерний / В.И. Симаков. – Ярославль : Типография К.Ф. Некрасова, 1913. – 674 с.

69. Частушка / предисловие В.Ф. Бокова ; подготовка текста и примечания В.С. Бахтина. – Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1966. – 607 с. (Бахтин 1966, в примерах указываются номера страницы и текста).

70. Частушки / составление, подготовка текстов, предисловие и комментарии Л.А. Астафьевой. – Москва : Современник, 1987. – 492 с. (Астафьева 1987, в примерах указывается номер текста).

71. Частушки. Библиотека русского фольклора / составление, вступительная статья, подготовка текстов и комментарии Ф.М. Селиванова. – Т. 9. – Москва : Советская Россия, 1990. – 656 с.

72. Частушки в записях советского времени / подготовили: З.И. Власова, А.А. Горелов ; ответственный редактор Б.Н. Путилов. – Москва ; Ленинград : Наука, 1965. – 496 с. (Власова 1965, в примерах указывается номер текста)

Заговоры и заклинания

73. Вятский фольклор. Заговорное искусство / составитель А.А. Иванова. – Котельнич : Котельничская типография, 1994. – 112 с.

74. Заговоры и заклинания Пинежья / вступительная статья, подготовка текстов, комментарии А.А. Ивановой. – Карпогоры : Пинежская типография, 1994. – 59 с. (Пинежье 1994, в примерах указывается номер текста).

75. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и прочее : в 3 томах / [публикатор] Н. Виноградов. – Санкт-Петербург : Типография товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1909. – Вып. 2: [По старинным рукописям и современным записям]. – 94 с. (Виноградов 1909, в примерах указываются номера страницы и текста).

76. Заклинания, наговоры, обереги // Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии / собраны П.С. Ефименком. – Москва : Типо-литография С.П. Архипова и К°, 1878. – Ч. 2: Народная словесность. – С. 139–222. (Ефименко 1878, в примерах указываются номера страницы и текста).

77. Майков Л.Н. Великорусские заклинания / Л.Н. Майков. – Санкт-Петербург : Типография Л. Майкова, 1869. – 164 с.
78. Мансикка В. Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии / В. Мансикка // *Sborník filologický*. – Sv. VIII. – Č. I. – V Praze, 1926. – S. 185–233.
79. Мансикка В.Н. Заговоры Шенкурского уезда / В.Н. Мансикка // *Живая старина*. – 1912. – Вып. 1. – С. 125–136.
80. Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / [ответственные редакторы: А.Л. Топорков, А.А. Турилов]. – Москва : Индрик, 2002. – 583 с.
81. Полесские заговоры (в записях 1970–1990-х гг.) / составление, подготовка текстов и комментарии: Т.А. Агапкиной и др. – Москва : Индрик, 2003. – 751 с.
82. Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. – Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1903. – 404 с.
83. Проценко Б.Н. Заговоры, обереги, поверья, приметы: духовная культура донских казаков / Б.Н. Проценко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 283 с.
84. Русские заговоры / составление, предисловие и примечания Н.И. Савушкина. – Москва : Пресса, 1993. – 368 с. (Савушкина 1993, в примерах указывается номер текста).
85. Русские заговоры и заклинания : материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под редакцией В.П. Аникина. – Москва : МГУ, 1998. – 480 с. (Аникин 1998, в примерах указываются номера страницы и текста).
86. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А.Л. Топоркова. – Москва : Индрик, 2010. – 832 с. (Топорков 2010, в примерах указываются номера страницы и текста).
87. Савельев А.А. Лечебные «наговоры» : из собрания А.А. Савельева / составитель В.Л. Кляус. – Москва : Дом русской косметики, 1990. – URL: https://royallib.com/read/savelev_anton/lechebnie_nagovori_iz_sobraniya_a_a_savelev_a.html#0 (дата обращения: 28.04.2024)

88. Сахаров И.П. Русское народное чернокнижие / И.П. Сахаров. – Санкт-Петербург : Литера, 1997. – 414 с.

Пословицы и поговорки

89. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / В.П. Аникин. – Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. – 240 с.

90. Афанасьев А. Дополнения и прибавления к собранию русских народных пословиц и притчей, изданному И. Снегиревым / А. Афанасьев // Архив историко-юридических сведений, относящихся к России. – Москва, 1850. – Кн. 1, отд. 4. – С. 49–68.

91. Барсов А.А. Собрание 4291 древних российских пословиц / А.А. Барсов. – Москва : Императорский Московский университет, 1770. – 244 с.

92. Вологодские частушки, пословицы, поговорки / [составитель-редактор и автор вступительной статьи С.В. Викулов]. – Вологда : Областная книжная редакция, 1957. – 206 с. (Викулов 1957, в примерах указывается номер страницы).

93. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Даль. – Москва : Эксмо-Пресс, 2000. – 468 с.

94. Даль В.И. Пословицы русского народа : в 2 томах / В.И. Даль. – Москва ; Санкт-Петербург : Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1879. – Т. 1. – 685 с. – Т. 2. – 638 с.

95. Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах / А.С. Ермолов. В 4 томах. – Санкт-Петербург : Типография А.С. Суворина, 1905. – Т. 4: Народное погодоведение. – 468 с.

96. Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии / П.С. Ефименко. – Москва : Типо-литография С.П. Архипова и К°, 1878. – Ч. 2: Народная словесность. – 276 с.

97. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – Москва : Русский язык, 2000. – 544 с.

98. Иваницкий Н.А. Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иваницким в Вологодской губернии / [подготовка текстов, вступительная статья и примечания Н.В. Новикова]. – Вологда : Книжное

издательство, 1960. – 232 с.

99. Малые жанры русского фольклора: пословицы, поговорки, загадки: хрестоматия / составитель В.Н. Морохин. – Москва : Высшая школа, 1979. – 287 с. ; 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 1986. – 399 с. (Морохин 1979/1986, в примерах указывается номер страницы).

100. Мокиенко В.М. Большой словарь русских поговорок / Мокиенко В.М., Т.Г. Никитина. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/2048/> (дата обращения: 28.04.2024)

101. Обнорский П.А. Пословицы и поговорки Вологодского и Грязовецкого уездов / П.А. Обнорский // Вологодские губернские ведомости. – 1888. – № 9. – С. 6–7.

102. Попов Н. Народные предания жителей Вологодской губернии Кадниковского уезда: (этнографический материал собран в 1857 г.) / Н. Попов // Живая старина. – 1903. – № 1–2. – С. 188–224.

103. Русские пословицы и поговорки: [сборник] / под редакцией [и с предисловием] В.П. Аникина. – Москва : Художественная литература, 1988. – 431 с. (Аникин 1988, в примерах указывается номер страницы).

104. Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки / М.А. Рыбникова. – Москва : Издательство АН СССР, 1961. – 230 с.

105. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи / И.М. Снегирев. – Москва : Индрик, 1999. – 621 с.

106. Соболев А. И. Русские пословицы и поговорки / А. И. Соболев. – Москва : Советская Россия, 1983. – 304 с.

Загадки

107. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / В.П. Аникин. – Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. – 240 с.

108. Бартюкова И.Н. Методические рекомендации для студентов педвузов и фольклорного кружка в школе на тему «Методика собирания и изучения современного фольклора детей» / И.Н. Бартюкова. – Орехово-Зуево : Б. и., 1990. – 55 с.

109. Бурцев А.Е. Полное собрание этнографических трудов Александра Евгениевича Бурцева : с портретом автора материалов и некоторых художников. Народные присловия. Загадки русского народа. Народный календарь примет, обычаев и поверий на св. Руси / А.Е. Бурцев. – Санкт-Петербург : Б. и., 1911. – 309 с.

110. Где цветок, там и медок / составление, статья С.М. Лойтер. – Петрозаводск : КГПИ, 1993. – 112 с.

111. Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии / П.С. Ефименко. – Москва : Типо-литография С.П. Архипова и К°, 1878. – Ч. 2: Народная словесность. – 276 с.

112. Загадки / составитель В.В. Митрофанова. – Ленинград : Наука, 1968. – 256 с. (Митрофанова 1968, в примерах указываются номера страницы и текста).

113. Загадки в Кокшеньге Тотемского уезда / [вступительная статья М. Едемского] // Живая старина. – 1906. – Вып. 1. – С. 62–68. (Живая старина 1906, в примерах указываются номера выпуска и страницы).

114. Загадки русского народа : сборник загадок, вопросов, притч и задач. / составил Д. Садовников. – Москва : Современный писатель, 1995. – 400 с. (Садовников 1995, в примерах указываются номера страницы и текста).

115. Загадки, прибаутки и песни околгородных крестьян г. Тотьмы // Вологодские губернские ведомости. – 1864. – № 47. – С. 143–144. (Вологодские губернские ведомости 1864, в примерах указывается номер текста).

116. Загадки, приветствия при встрече, шутки и остроты крестьян Вологодской губернии // Живая Старина. – 1903. – Вып. 3. – С. 482–488. (Живая старина 1903, в примерах указываются номера выпуска, страницы и текста)

117. Иваницкий Н.А. Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иваницким в Вологодской губернии / [подготовка текстов, вступительная статья и примечания Н.В. Новикова]. – Вологда : Книжное издательство, 1960. – 232 с.

118. Малые жанры русского фольклора: пословицы, поговорки, загадки: хрестоматия / составитель В.Н. Морохин. – Москва : Высшая школа, 1979. – 287 с. ; 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 1986. – 399 с. (Морохин

1979/1986, в примерах указывается номер страницы).

119. Попов Н. Народные предания жителей Вологодской губернии Кадниковского уезда (этнографический материал собран в 1857 г.) / Н. Попов // Живая старина. – 1903. – № 1–2. – С. 188–224.

120. Рыбникова М.А. Загадки / М.А. Рыбникова. – Москва ; Ленинград : Академия, 1932. – 488 с.

121. Садовников Д.Н. Загадки русского народа : сборник загадок, вопросов, притч и задач / составитель Д. Садовников. – Санкт-Петербург : Типография Н.А. Лебедева, 1876. – 333 с.

122. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым : [кн. 1–2]. – Санкт-Петербург : издание А.С. Суворина, 1885. – Кн. 1: Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи. – 298 с. (Сахаров 1885).

123. Худяков И.А. Великорусские загадки / И.А. Худяков. – Москва : Типография Грачева и К°, 1861. – 116 с.

124. Чудеса в решете. Вся русская загадка / составитель Д.Н. Садовников. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2015. – 304 с. (Садовников 2015, в примерах указывается номер страницы).

Приметы

125. Бурцев А.Е. Полное собрание этнографических трудов Александра Евгениевича Бурцева: с портретом автора материалов и некоторых художников : иллюстрировано художниками: А. Альбрехт и др. Народные присловия. Загадки русского народа. Народный календарь примет, обычаев и поверий на св. Руси / А.Е. Бурцев. – Санкт-Петербург : Б. и., 1911. – 309 с.

126. Грушко Е.А. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. – Нижний Новгород : Русский купец, 1995. – 560 с.

127. Грушко Е.А. Энциклопедия русских примет / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. – Москва : Эксмо, 2003. – 384 с.

128. Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа : материалы по русской демонологии / В.И. Даль. – Санкт-Петербург : Литера, 1994. – 477 с.

129. Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах : в 4 томах / А.С. Ермолов. – Санкт-Петербург : Типография А.С. Суворина, 1905. – Т. 4: Народное погодоведение. 1905. – 468 с.
130. Жарков С.Н. Народные приметы и предсказания погоды / С.Н. Жарков. – Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1954. – 169 с.
131. Календарь народных примет погоды на все дни года / составитель К.Н. Селянгина. – Горно-Алтайск : Национальная библиотека Республики Алтай, 2005. – URL: https://royallib.com/read/selyangina_klara/kalendar_narodnih_primet_pogodi_na_vse_dni_goda.html#0 (дата обращения: 28.04.2024) (Селянгина 2005).
132. Касперски К. Энциклопедия примет погоды. Предсказание погоды по местным признакам / К. Касперски. – Москва : СОЛОН-Пресс, 2003. – 111 с.
133. Коринфский А.А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Издание книгопродавца М.В. Клюкина / А.А. Коринфский. – Москва : Моховая, домъ Бенкендорфъ, 1901. – 720 с.
134. Народный месяцеслов: пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / составитель Г.Д. Рыженков. – Москва : Современник, 1992. – URL: <https://libking.ru/books/adv-/adv-animal/1083975-5-georgij-ryzhenkov-narodnyj-mesyaceslov.html#book> (дата обращения 28.04.2024) (Рыженков 1992).
135. Полочанин Н. Времена года в народных пословицах, поговорках и приметах / Н. Полочанин. – Санкт-Петербург : Типография А.С. Суворина, 1911. – 61 с.
136. Стрижев А.Н. Календарь русской природы / А.Н. Стрижев. – Москва : Московский рабочий, 1972. – URL: <http://geoman.ru/books/item/f00/s00/z0000041/st000.shtml> (дата обращения 28.04.2024) (Стрижев 1972).
137. Энциклопедия суеверий / ответственный редактор А. Егазаров. – Москва : Миф : Локид, 1995. – 560 с.

Былички и бывальщины

138. Былички и бывальщины Воронежского края / составитель Пухова Т.Ф. – Воронеж : ВГУ, 2008. – 384 с. (Пухова 2008, в примерах указываются номера страницы и текста).

139. Легенды, предания, бывальщины / [составление, подготовка текстов, вступительная статья и примечания Н.А. Криничной]. – Москва : Современник, 1989. – 286 с. (Криничная 1989, в примерах указывается номер страницы).

140. Мифологические рассказы Архангельской области / составление, [вступительная статья, комментарии]: Н.В. Дранникова, И.А. Разумова; [подготовка текстов, указателя, словаря: Н.В. Дранникова]. – Москва : Фонд поддержки экономического развития стран СНГ, 2008. – 302 с. (Дранникова 2008, в примерах указывается номер страницы).

141. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / составитель и автор комментариев О.А. Черепанова. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. – 209 с. (Черепанова 1996, в примерах указываются номера страницы и текста).

142. Устьянские сказки, бывальщины и легенды (к 120-летию краеведа М.И. Романова) / предисловие и публикация В.И. Щипина // Живая старина. – 2007. – № 1. – С. 42–46. (Живая старина 2007, в примерах указываются номера выпуска и страницы).

Сказки

143. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева : в 3 томах / А.Н. Афанасьев ; [подготовка текста, предисловие и примечания В.Я. Проппа]. – Москва : Гослитиздат, 1958. – Т. 1. – 515 с.

144. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева : в 3 томах / А.Н. Афанасьев ; [подготовка текста, предисловие и примечания В.Я. Проппа]. – Москва : Гослитиздат, 1958. – Т. 2. – 510 с.

145. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева : в 3 томах / А.Н. Афанасьев ; [подготовка текста, предисловие и примечания В.Я. Проппа]. – Москва : Гослитиздат, 1958. – Т. 3. – 572 с.

146. Великорусские сказки в записях И.А. Худякова. – Москва : Типография Грачева и К°, 1860. – 150 с. (Худяков 1860, в примерах указываются номера страницы и текста).

147. Великорусские сказки Пермской губернии : сборник Д.К. Зеленина. – Москва : Правда, 1991. – 544 с. (Зеленин 1991, в примерах указывается номер текста).

148. Воронежские народные сказки и предания / подготовка текстов, составление, вступительная статья и примечания А.И. Кретьева // Афанасьевский сборник : материалы и исследования. – Воронеж : Типография ИП Алейникова, 2005. – Вып. 1. – 310 с. (Кретьев 2005, в примерах указываются номера страницы и текста).

149. Северные Сказки (Архангельская и Олонецкая гг.). Сборник Н.Е. Ончукова. – Санкт-Петербург : Типография А.С. Суворина, 1909. – 648 с. (Ончуков 1909, в примерах указываются номера страницы и текста).

150. Сказки и предания Самарского края / собраны и записаны Д.Н. Садовниковым. – Санкт-Петербург : Типография Министерства внутренних дел, 1884. – 390 с. (Садовников 1884, в примерах указываются номера страницы и текста).

151. Стекольников Н.В. «Колобок», «Теремок» и другие... : кумулятивные сказки в их вариантах / Н.В. Стекольников. – Воронеж : Издательство им. Е.А. Болховитинова, 2008. – 295 с.

Фонозный материал

152. Амроян И.Ф. Сборник болгарских народных заговоров / составление, предисловие и комментарии И.Ф. Амроян. – Тольятти : ТГУ, 2005. – 138 с.

153. Амроян И.Ф. Сборник болгарских народных лечебных заговоров / И.Ф. Амроян. – Москва : У Никитинских ворот, 2012. – 332 с.

154. Клюев Н.А. Стихотворения. Поэмы / Н.А. Клюев ; редколлегия: А. Дементьев, Е. Исаев, А. Кешоков и др. ; вступительная статья, составление и подготовка текста К. Азадовского. – Москва : Художественная литература, 1991. – 351 с.

155. Куприн А.И. Собрание сочинений : в 6 томах / А.И. Куприн. – Москва : ГИХЛ, 1957. – Т. 2. – 592 с.

156. Сборник за български народни умотворения и книжнина. – София, 1889–1983. – Т. 1–7, 9, 11, 12, 15–17, 30, 38, 57.

157. Тодорова-Пиргова И. Баяния и магия / И. Тодорова-Пиргова. – София, 2003. – 558 с.

Список использованной литературы

Словари и энциклопедии

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – Москва : УРСС, 2004. – 571 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / составитель и главный редактор С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Власова М.Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий : иллюстрированный словарь / М.Н. Власова. – Санкт-Петербург : Северо-Запад, 1995. – 382 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах / В. Даль. – Москва : Терра, 1995. – Т. 2. – 784 с.
5. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – Москва : Дрофа : Русский язык, 2000. – 1233 с.
6. Краткая философская энциклопедия / редакторы-составители: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – Москва : Прогресс, 1994. – 574 с.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина ; под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – Москва : Филологический факультет МГУ, 1996. – 245 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В.Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
9. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 томах / главный редактор С.А. Токарев. – Москва : Советская энциклопедия. – Т. 1. – 1980. – 671 с.
10. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 томах / главный редактор С.А. Токарев. – Москва : Советская энциклопедия. – Т. 2. – 1982. – 719 с.
11. Новейший философский словарь. – URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_new_philosophy/ (дата обращения: 28.04.2024).
12. Славянская мифология : энциклопедический словарь / [научные редакторы: В.Я. Петрухин и др.]. – Москва : Эллис Лак, 1995. – 414 с.
13. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей редакцией Н.И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 1995. – Т. 1. – 584 с.

14. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей редакцией Н.И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – 697 с.
15. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей редакцией Н.И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 2004. – Т. 3. – 704 с.
16. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей редакцией Н.И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 2009. – Т. 4. – 656 с.
17. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей редакцией Н.И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 2012. – Т. 5. – 736 с.
18. Словарь иностранных слов / под редакцией: И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. – Москва : ЮНВЕС, 1996. – 832 с.
19. Словарь терминов и понятий по обществознанию / [автор-составитель А.М. Лопухов]. – 7-е изд. переб. и доп. – Москва : Айрис-пресс, 2013. – 511 с.
20. Словарь философских терминов / научный редактор В.Г. Кузнецова. – Москва : ИНФРА-М, 2005. – 729 с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер ; под редакцией Б.А. Ларина ; перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. – 3-е изд., стер. – Санкт-Петербург : Азбука, 1996. – Т. II. – 672 с. ; Т. III. – 832 с.
22. Философский энциклопедический словарь / редакторы-составители: Е.Ф. Губский и др. – Москва : ИНФРА-М, 2007. – 576 с.
23. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / [редколлегия: И.Т. Касавин (главный редактор и составитель) и др.]. – Москва : Канон+, 2009. – 1247 с.

Литература

1. Абаев В.И. Параллелизм в осетинской речи / В.И. Абаев // Труды Института языкознания АН СССР. – Москва, 1956. – Т. 6. – С. 428–436.
2. Абилкаламова А.Б. Специфика философского языка С. Боэция : специальность 09.00.03 «История философии» : автореферат диссертации ... кандидата философских наук / Абилкаламова Алина Булатовна. – Томск, 2011. – 16 с.
3. Авдеенко О.Ю. Заговорные формулы в системоцентрическом и антропоцентрическом аспектах : специальность 10.02.19 «Теория языка» :

автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Авдеев Ольга Юрьевна. – Кемерово, 2005. – 19 с.

4. Аверинцев С.С. Символ художественный / С.С. Аверинцев // Краткая литературная энциклопедия. – Москва, 1968. – Т. 6. – С. 826–831.

5. Аверьянов А.Н. Системное познание мира: методологические проблемы / А.Н. Аверьянов. – Москва : Политиздат, 1985. – 263 с.

6. Агапкина Т.А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира / Т.А. Агапкина. – Москва : Индрик, 2010. – 823 с.

7. Агапкина Т.А. Сюжетный состав восточнославянских заговоров (мотив мифологического центра) / Т.А. Агапкина // Заговорный текст. Генезис и структура. – Москва, 2005. – С. 247–291.

8. Агапкина Т.А. Указатели заговоров: проблемы и перспективы / Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков // Традиционная культура. – 2007. – Т. 8, № 2 (26). – С. 59–73.

9. Агапкина Т.А. Эпитеты в белорусских лечебных заговорах: функции и семантика / Т.А. Агапкина // Признаковое пространство культуры. – Москва, 2002. – С. 301–337.

10. Агапова Н.А. Лингвокультурологический потенциал ключевого слова народной приметы : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Агапова Нина Александровна. – Томск, 2013. – 26 с.

11. Агеева Р.А. «Царица-водица» в заговорах восточных славян / Р.А. Агеева // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора : тезисы и предварительные материалы к симпозиуму / [редколлегия: В.В. Иванов и др.]. – Москва, 1988. – Ч. 1. – С. 38–39.

12. Адоньева С.Б. Конвенции магико-ритуальных актов / С.Б. Адоньева // Заговорный текст. Генезис и структура. – Москва, 2005. – С. 385–401.

13. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора / С.Б. Адоньева. – Санкт-Петербург : Амфора, 2004. – 312 с.

14. Адоньева С.Б. Причитание: ритуальный текст и посвятельная процедура / С.Б. Адоньева // Русский фольклор : [материалы и исследования] /

[ответственные редакторы: М. Н. Власова, В. И. Жекулина]. – Санкт-Петербург, 2004а. – Т. 32. – С. 130–145.

15. Акимова Е.Н. Параллельные алгоритмы решения задач гравимагнитометрии и упругости на многопроцессорных системах с распределенной памятью : специальность 05.13.18 «Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ» : автореферат диссертации ... доктора физико-математических наук / Акимова Елена Николаевна. – Челябинск, 2009. – 35 с.

16. Акимова Т.М. О поэтической природе народной лирической песни / Т.М. Акимова. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1966. – 172 с.

17. Алексеев П.В. Философия : учебник / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – Москва : ПБОЮЛ Грачев С.М., 2000. – 608 с.

18. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 283 с.

19. Амроян И.Ф. Абстрактные модели связной речи как структурообразующие модели заговорного текста / И.Ф. Амроян // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 11. – С. 113–117.

20. Амроян И.Ф. Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов) / И.Ф. Амроян. – Москва : ГРЦРФ, 2005. – 296 с.

21. Амроян И.Ф. Представления славян о болезнях (на материале русских, болгарских и чешских лечебных заговоров) / И.Ф. Амроян // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005а. – № 2. – С. 39–45.

22. Андреев И.Л. Происхождение человека и общества / И.Л. Андреев. – Москва : Мысль, 1988. – 415 с.

23. Аникин В.П. Былины: метод выяснения исторической хронологии вариантов / В.П. Аникин. – Москва : Издательство МГУ, 1984. – 288 с.

24. Аникин В.П. Генезис необрядовой лирики / В.П. Аникин // Русский фольклор. – Ленинград, 1971. – Вып. 12. – С. 3–24.

25. Аникин В.П. Творческая природа традиций и вопрос о своеобразии художественного метода в фольклоре / В.П. Аникин // Проблемы фольклора. Москва, 1975. – С. 30–40.
26. Аникин В.П. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин / В.П. Аникин. – Москва : Издательство МГУ, 1980. – 331 с.
27. Антипенко Л.Г. Единство микрокосма и макрокосма. Новый подход к решению старого мировоззренческого вопроса / Л.Г. Антипенко // Вестник РУДН. – Серия: Философия. – 2009. – № 3. – С. 16–22.
28. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю.Д. Апресян. – Москва : Просвещение, 1966. – 304 с.
29. Арапов М.В. Квантитативная лингвистика / М.В. Арапов. – Москва : Наука, 1988. – 183 с.
30. Арапов М.В. Употребительность и многозначность слова / М.В. Арапов // Ученые записки Тартуского университета. – 1987. – Вып. 774. – С. 15–28.
31. Артеменко Е.Б. Еще раз о диалектном / наддиалектном характере языка русского фольклора / Е.Б. Артеменко // Филологические записки. – Воронеж, 1994. – Вып. 3. – С. 106–116.
32. Артеменко Е.Б. Концепт. Образ. Язык / Е.Б. Артеменко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – Вып. 3. – С. 85–91.
33. Артеменко Е.Б. Концепт. Образ. Язык / Е.Б. Артеменко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015а. – Вып. 4, ч. 2. – С. 5–10.
34. Артеменко Е.Б. Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия / Е.Б. Артеменко // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения. – Воронеж, 2006. – С. 138–150.
35. Артеменко Е.Б. Миф – фольклор: аспект модальности и его концептуальный и языковой презентации / Е.Б. Артеменко // Афанасьевский сборник : материалы и исследования. – Воронеж, 2012. – Вып. 12: Народная

культура сегодня и проблемы ее изучения : материалы научной Региональной конференции 2012 г. – С. 262–280.

36. Артеменко Е.Б. Миф. Фольклор. Эстетика тождества (к постановке проблемы) / Е.Б. Артеменко // Этнопоэтика и традиция. – Москва, 2004. – С. 57–67.

37. Артеменко Е.Б. О некоторых направлениях междисциплинарных исследований на оси миф – фольклор – язык / Е.Б. Артеменко // Традиционная культура. – 2006а. – № 2. – С. 11–21.

38. Артеменко Е.Б. Образный параллелизм в его концептуальном и языковом воплощении / Е.Б. Артеменко, С.И. Доброва // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж, 2000. – Вып. 14. – С. 132–147.

39. Артеменко Е.Б. Пословица как знак / Е.Б. Артеменко // Лингвофольклористика на рубеже XX–XXI вв.: итоги и перспективы : сборник докладов на Международном научном семинаре, 10–12 сентября 2007 г. – Петрозаводск, 2007. – С. 90–98.

40. Артеменко Е.Б. Принципы народно-песенного текстообразования. Монография / Е.Б. Артеменко. – Воронеж : ВГУ, 1988. – 174 с.

41. Артеменко Е.Б. Психолингвистический аспект порождения фольклорного текста / Е.Б. Артеменко // Психолого-педагогическая коррекция и психотерапия девиантного поведения и дисгармонии в развитии личности детей и подростков : тезисы докладов Международной научно-практической конференции. – Воронеж, 1993. – С. 210.

42. Артеменко Е.Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации / Е.Б. Артеменко. – Воронеж : ВГУ, 1977. – 160 с.

43. Артеменко Е.Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни (монопредикативные и полипредикативные конструкции) : специальность 10.02.01 «Русский язык» диссертация ... доктора филологических наук / Артеменко Евгения Борисовна. – Воронеж, 1977а. – 367 с.

44. Артеменко Е.Б. Структура фольклорного текста в ее отношении к языку и речи // Язык и этнический менталитет : сборник научных трудов. – Петрозаводск, 1995. – С. 95–105.
45. Артеменко Е.Б. Структурные и содержательные разновидности поэтического параллелизма в русской народной лирической песне / Е.Б. Артеменко // Язык и стиль произведений фольклора и литературы. – Воронеж, 1986. – С. 31–39.
46. Артеменко Е.Б. Традиция в мифологической и фольклорной репрезентации. Опыт структурно-когнитивного анализа / Е.Б. Артеменко // Первый Всероссийский конгресс фольклористов : сборник докладов. – Москва, 2006б. – Т. 2. – С. 6–23.
47. Артеменко Е.Б. Фольклорная категоризация действительности и мифологическое мышление / Е.Б. Артеменко // Традиционная культура. – 2004а. – № 3. – С. 3–12.
48. Артеменко Е.Б. Фольклорная формула в аспекте ее функционирования и генезиса / Е.Б. Артеменко // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Воронеж, 2003. – Ч. 2. – С. 63–73.
49. Артеменко Е.Б. Фольклорное текстообразование и этнический менталитет / Е.Б. Артеменко // Традиционная культура. – 2001. – № 2. – С. 9–16.
50. Артеменко Е.Б. Фольклорный текст в аспекте его порождения / Е.Б. Артеменко // Сборник статей по языкознанию. К 70-летию профессора В.В. Щеулина. – Липецк, 1997. – Ч. 2. – С. 44–55.
51. Артеменко Е.Б. Эстетические обусловленные модификации структурных схем предикативных единиц в стихотворном фольклоре (на материале русской народной лирической песни) / Е.Б. Артеменко, Л.В. Писарева // Синтагматика и парадигматика фольклорного слова : сборник научных трудов. – Курск, 1992. – С. 20–37.
52. Артеменко Е.Б. Язык русского фольклора: пути становления / Е.Б. Артеменко // Материалы по славянской письменности и культуре. – Липецк, 1990. – Вып. 5. – С. 37–54.

53. Артеменко Е.Б. Язык фольклора как наддиалектный феномен / Е.Б. Артеменко // Человек в славянской культуре : тезисы выступлений Межвузовской научной конференции, Курск, 3–5 апреля 1992 г. – Курск, 1992а. – С. 79–81.
54. Артемова О.Г. Языковые ключи к английской литературе от Шекспира до Фаулза / О.Г. Артемова ; под редакцией А.А. Кретьева. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2020. – 596 с.
55. Арутюнова Н. Д. Метафора / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва, 1990а. – С. 296–298.
56. Арутюнова Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Человека в культуре и языке. – Москва, 1999. – С. 3–11.
57. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры : [сборник]. – Москва, 1990б. – С. 5–32.
58. Арутюнова Н.Д. Тождество и подобие (заметки о взаимодействии концептов) / Н.Д. Арутюнова // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация : [сборник статей]. – Москва, 1990. – С. 7–32.
59. Арчимачева М.Ю. Картина мира в традиционном мировоззрении коренного населения Хакасско-Минусинской котловины / М.Ю. Арчимачева // Вестник Башкирского университета. – 2010. – Т. 15, № 2. – С. 473–476.
60. Астафьева Л.А. Параллелизм в лирических песнях / Л.А. Астафьева // Фольклор как искусство слова : сборник статей. – Москва, 1981. – Вып. 5: Художественные средства русского народного поэтического творчества: символ, метафора, параллелизм. – С. 87–101.
61. Астафьева Л.А. Символическая образность как средство психологического изображения / Л.А. Астафьева // Русский фольклор : материалы и исследования. – Москва ; Ленинград, 1974. – Вып. 14: Проблемы художественной формы. – С. 109–118.
62. Астафьева Л.А. Сравнение в частушках / Л.А. Астафьева // Фольклор как искусство слова : сборник статей. – Москва, 1975. – Вып. 3: Художественные средства русского народного поэтического творчества. – С. 142–156.

63. Астафьева Л.А. Эстетические функции символики в народной лирической песне / Л.А. Астафьева // Проблемы фольклора : [сборник статей]. – Москва, 1975а. – С.163–169.
64. Астафьева-Скалбергс Л.А. Передача переживаний героев в частушке / Л.А. Астафьева-Скалбергс // Фольклор как искусство слова : сборник статей. – Москва, 1969. – Вып. 2: Психологическое изображение в русском народном поэтическом творчестве. – С. 123–141.
65. Астафьева-Скалбергс Л.А. Символика в русской народной лирической любовной песне : специальность 10.00.00 «Филология» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Л.А. Астафьева-Скалбергс. – Москва, 1971. – 20 с.
66. Афанасьев А.Н. Живая вода и вещее слово : сборник статей / А.Н. Афанасьев. – Москва : Советская Россия, 1988. – 510 с.
67. Афанасьев А.Н. Мифическая связь понятий: света, зрения, огня, металла, оружия и жолчи / А.Н. Афанасьев // Происхождение мифа. – Москва, 1996. – С. 234–252.
68. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : в 3 томах / А.Н. Афанасьев. – 1-е изд. – Москва : Издатель К. Солдатенкова, 1865. – Т. 1. – 804 с. ; 1868. – Т. 2. – 784 с. ; 1869. – Т. 3. – 842 с. ; Москва : Современный писатель, 1995. – Т. 1. – 412 с. ; Т. 2. – 397 с. ; Т. 3. – 415 с.
69. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж : ВГУ, 2001. – 86 с.
70. Бабушкин А.П. «Реальный мир» и «возможные миры» в анекдоте с фоновыми знаниями / А.П. Бабушкин // Вестник ВГУ. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. – № 1. – С. 17–21.
71. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж : ВГУ, 1996. – 104 с.
72. Байбурин А.К. Восточнославянские гадания, связанные с выбором места для нового жилища / А.К. Байбурин // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. – Ленинград, 1977. – С. 123–130.

73. Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период (к проблеме соотношения языка и диалекта) / Л.И. Баранникова. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1967. – 206 с.
74. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Барт Р. ; перевод с французского ; составление, общая редакция и вступительная статья Г.К. Косикова. – Москва : Прогресс, 1989. – 616 с.
75. Баянова А.Т. Лингвокультурологические особенности фольклорного текста (на примере калмыцких сказок в записи Г.Й. Рамстедта) : специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи)» : диссертация ... кандидата филологических наук / Баянова Александра Тагировна. – Элиста, 2020. – 243 с.
76. Бекасова Е.Н. Механизмы гетерогенной организации системы русского языка (на материале рефлексов праславянских сочетаний) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Бекасова Елена Николаевна. – Екатеринбург, 2008. – 46 с.
77. Бекасова Е.Н. Трансплантация текста в истории русского языка / Е.Н. Бекасова // Текст. Структура и семантика : доклады VIII Международной конференции. – Москва, 2001. – С. 278–283.
78. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. / В.А. Белошапкова. – Москва : Высшая школа, 1977. – 248 с.
79. Белый А. Символизм как миропонимание : [сборник] / А. Белый ; [автор вступительной статьи и примечаний Л. Сугай]. – Москва : Республика, 1994. – 528 с.
80. Берзигияров П.К. Теория проблемно-ориентированных типовых алгоритмических структур с массивным параллелизмом : специальность 05.13.11 «Математическое и программное обеспечение вычислительных машин, комплексов и компьютерных сетей» : автореферат диссертации ... доктора физико-математических наук / Берзигияров Парваз Куламович. – Черноголовка, 2001. – 31 с.
81. Бичакджян Б.Х. Эволюция языка: развитие в свете теории Дарвина / Б.Х. Бичакджян // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 123–134.

82. Бланшу К. Концепт внешней души в зеркале русского фольклора / К. Бланшу // Заговорный текст. Генезис и структура. – Москва, 2005. – С. 482–508.
83. Бобунова М.А. Динамика народно-песенной речи (на материале фитонимической лексики в необрядовой русской народной лирической песне) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Бобунова Мария Александровна. – Воронеж, 1990. – 22 с.
84. Бобунова М.А. Концепт «СТАРЫЙ» в русском эпосе / М.А. Бобунова, И.С. Климас // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 2 (33). – С. 17–28.
85. Бобунова М.А. Лексикографический комплекс как источник изучения языка фольклора / М.А. Бобунова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 3 (22). – С. 13–18.
86. Бобунова М.А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические основания, практические результаты и перспективы : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Бобунова Мария Александровна. – Орел, 2004. – 38 с.
87. Бобунова М. А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические основания, практические результаты и перспективы : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация ... доктора филологических наук / Бобунова Мария Александровна. – Курск, 2004а. – 443 с.
88. Богатырев П.Г. Фольклор как особая форма творчества / П.Г. Богатырев, Р.О. Якобсон // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. – Москва, 1971. – С. 369–383.
89. Богатырев П.Г. Язык фольклора / П.Г. Богатырев // Вопросы языкознания. – 1973. – № 5 – С. 106–116.
90. Богословская О.И. Язык фольклора и диалект : учебное пособие по спецкурсу / О.И. Богословская. – Пермь : ПГУ, 1985. – 71 с.
91. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию : [в 2 томах] / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – Москва : Издательство АН СССР, 1963. – Т. 1: Избранные труды по общему языкознанию. – 384 с.
92. Бондарко А.В. К анализу категориальных ситуаций в сфере

модальности / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Ленинград, 1990. – С. 80–89.

93. Бондарко А.В. Реальность/ирреальность и потенциальность / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Ленинград, 1990а. – С. 72–79.

94. Борлыкова Б.Х. Образные параллелизмы в сарт-калмыцких пословицах / Б.Х. Борлыкова, Б.В. Меняев, Т.В. Басанова // Традиционная культура. – 2022. – Т. 23, № 3. – С. 124–134.

95. Бронштейн Я.И. Между двух миров: традиционная культура и цивилизация XX века в жанре индейской автобиографии / Я.И. Бронштейн // Традиционная культура : научный альманах. – 2009. – № 4 (36). – С. 30–36.

96. Брысина Е.В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Брысина Евгения Валентиновна. – Волгоград, 2003. – 44 с.

97. Брысина Е.В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация ... доктора филологических наук / Брысина Евгения Валентиновна. – Волгоград, 2003а. – 543 с.

98. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? / Р.А. Будагов. – Москва : Наука, 1977. – 264 с.

99. Буров А.А. Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации). Филологические этюды / А.А. Буров. – Пятигорск : Издательство ПГЛУ, 2008. – 319 с.

100. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 томах / Ф.И. Буслаев. – Санкт-Петербург : Общественная польза, 1861. – Т. 1. – 643 с.

101. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка / Ф.И. Буслаев ; вступительная статья, редактирование и комментарии Е.Н. Петровой. – Ленинград : Учпедгиз, 1941. – 248 с.

102. Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос. Русский народный эпос / Ф.И.

Буслаев. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1987. – 253 с.

103. Вагнер К.Р. Семантика и синтаксис русских народных примет с компонентом «зооним» (в зеркале английских примет) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Вагнер Кира Рустемовна. – Казань, 2008. – 23 с.

104. Вакула Е.А. Языковые и речевые экспрессивные средства, их эмотемный анализ и количественный подход / Е.А. Вакула // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 2. – С. 122–125.

105. Василенко Ю.А. Параллелизм изменений дерматоглифики, эндокринного и психического статуса в популяции детского населения, проживающего в районах с высокой антропогенной нагрузкой : специальность : 19.00.02 «Психофизиология» : автореферат диссертации ... кандидата биологических наук / Василенко Юлия Александровна. – Ставрополь, 2005. – 20 с.

106. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; [перевод с английского] ; ответственный редактор и составитель М.А. Кронгауз ; вступительная статья Е.В. Падучевой. – Москва : Русские словари, 1996. – 411 с.

107. Вельмезова Е.В. Семантика пространства лечебного заговора: к типологии формул отсылки болезни (на примере восточнославянских, чешских и французских текстов) / Е.В. Вельмезова // Вестник МГУ. – Серия 9: Филология. – № 4. – 1999. – С. 50–60.

108. Вельмезова Е.В. Семантика пространства чешского лечебного заговора: формулы отсылки болезни / Е.В. Вельмезова // Живая старина. – 2000. – № 1. – С. 35–36.

109. Вельмезова Е.В. Текст человека и болезни: чешский лечебный заговор (Опыт исследования семантической структуры) : специальность 10.02.03 «Славянские языки» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Вельмезова Екатерина Валерьевна. – Москва, 1999а. – 25 с.

110. Вельмезова Е.В. Чешские заговоры: исследования и тексты / Е.В. Вельмезова. – Москва : Индрик, 2004. – 280 с.

111. Венгранович М.А. Восприятие фольклорного текста как проблема фоносемантики / М.А. Венгранович, Л.П. Прокофьева // Проблемы фоносемантики :

материалы Международного научного семинара, Орехово-Зуево, 23–25 ноября 2016 г.). – Орехово-Зуево, 2016. – С. 15–17.

112. Венгранович М.А. Риторический потенциал фольклорного слова / М.А. Венгранович // Неофилология. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 249–256.

113. Венгранович М.А. Стилистика фольклорного текста : учебное пособие / М.А. Венгранович. – Тольятти : ТГУ, 2011. – 266 с.

114. Венгранович М.А. Традиционность как базовая стилевая черта фольклорного текста / М.А. Венгранович // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 2004. – Вып. 7. – С. 96–110.

115. Венгранович М.А. Фольклорный текст: проблемы обусловленности лингвостилевой специфики / М.А. Венгранович // Вестник МГУ. – Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 2. – С. 18–31.

116. Венгранович М.А. Экстралингвистическая обусловленность лингвостилевой специфики фольклорного текста / М.А. Венгранович. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2004а. – 197 с.

117. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – Ленинград : Художественная литература, 1940. – 648 с.

118. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Дж. Вико ; перевод с итальянского А.А. Губера. – Москва ; Киев : REFL-book. ИСА, 1994. – 656 с.

119. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – Москва : Наука, 1977. – 312 с.

120. Виноградов В.В. О поэзии Анны Ахматовой (стилистические наброски) / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы : избранные труды. – Москва, 1976. – С. 367–459.

121. Виноградов В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – Москва : Гослитиздат, 1959. – 656 с.

122. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – Москва : Издательство АН СССР, 1963. – 256 с.

123. Виноградова Л.Н. Глаза и зрение в народной магии и мифологических верованиях / Л.Н. Виноградова // Славяноведение. – 2015. – № 5. – С. 59–64.
124. Виноградова Л.Н. Заговорные формулы от детской бессонницы как тексты коммуникативного типа / Л.Н. Виноградова // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – Москва, 1993. – С. 153–164.
125. Виноградова Л.Н. Заклинательные формулы в календарной поэзии славян и их обрядовые истоки / Л.Н. Виноградова // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. – Москва, 1978. – С. 7–26.
126. Виноградова Л.Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции / Л.Н. Виноградова. – Москва : Индрик, 2016. – 384 с.
127. Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян / Л.Н. Виноградова. – Москва : Индрик, 2000. – 432 с.
128. Виноградова Л.Н. Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах / Л.Н. Виноградова // Заговорный текст. Генезис и структура. – Москва, 2005. – С. 425–440.
129. Виноградова Л.Н. Человек/не человек в народных представлениях / Л.Н. Виноградова // Человек в контексте культуры. Славянский мир. – Москва, 1995. – С. 17–26.
130. Вирбицкайте И.Б. Формальные модели и анализ корректности параллельных систем и систем реального времени : специальность 05.13.11 «Математическое и программное обеспечение вычислительных машин, комплексов и компьютерных сетей» : автореферат диссертации ... доктора физико-математических наук / Вирбицкайте Ирина Бонавентуровна. – Новосибирск, 2001. – 30 с.
131. Власова З.И. Частушка и песня (к вопросу о сходстве и различии) / З.И. Власова // Русский фольклор : материалы и исследования. – Москва ; Ленинград, 1971. – Т. 12 : Из истории русской народной поэзии. – С. 102–122.
132. Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка / Ю.Д. Дешериев, М.В. Панов, Э.Г. Туманян и др.] ; ответственные редакторы: Ю.Д. Дешериев, Л.П. Крысин. – Москва : Наука, 1988. – 198 с.
133. Воробьев А.В. Сравнительно-культурологический анализ эсхатологических представлений в древнеегипетской и раннехристианской

духовных культурах : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореферат диссертации ... кандидата культурологии / Воробьев Александр Викторович. – Москва, 2012. – 31 с.

134. Восточнославянские заговоры : аннотированный библиографический указатель / составители: Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков. – Москва : ПРОБЕЛ-2000, 2011. – 172 с.

135. Восточнославянские заговоры : материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов. Аннотированная библиография / авторы-составители: Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков. – Москва : Индрик, 2014. – 320 с.

136. Головкина С.Х. Лингвистический анализ текста : материалы в помощь учителю-словеснику / С.Х. Головкина, С.Н. Смольников. – Вологда : ВИРО, 2006. – 119 с.

137. Голосовкер Я.Э. Логика мифа / Я.Э. Голосовкер. – Москва : Наука, 1987. – 218 с.

138. Гамкрелидзе Т.В. Праязыковая реконструкция и предпосылки сравнительно-генетического языкознания / Т.В. Гамкрелидзе // Вопросы языкознания. – 1998. – № 4. – С. 29–34.

139. Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект / Б.М. Гаспаров // Слово устное и слово книжное : [сборник статей]. – Москва, 2009. – С. 469–538.

140. Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект / Б.М. Гаспаров // Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1978. – Вып. 442: Семантика номинации и семиотика устной речи. – С. 63–112.

141. Гегель Г.В.Ф. Эстетика / Г.В.Ф. Гегель. – Москва : Искусство, 1969. – Т. 2: Символическая форма искусства. – 326 с.

142. Глушак Т.С. Конструкция перечисления в создании структуры художественного текста / Т.С. Глушак // Известия Смоленского государственного университета. – 2008. – № 4. – С. 5–11.

143. Голованева Т.А. Особенности референции в мифологическом рассказе / Т.А. Голованева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 7 (73), ч. 3. – С. 93–95.

144. Головачева А.В. Некоторые аспекты отражения картины мира в текстах загадок / А.В. Головачева // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. – Москва, 1988. – Т. 1: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. – С. 121–124.

145. Горбунова Е.О. Кинетическая модель мелкозернистого параллелизма : специальность : 05.13.17 «Теоретические основы информатики» : автореферат диссертации ... кандидата физико-математических наук / Горбунова Екатерина Олеговна. – Красноярск, 2001. – 19 с.

146. Грамматика современного русского литературного языка / [С. Н. Дмитренко и др. ; ответственный редактор Н.Ю. Шведова]. – Москва : Наука, 1970. – 767 с.

147. Григорьева А.Д. Поэтическая фразеология Пушкина : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация ... доктора филологических наук / Григорьева Александра Дмитриевна. – Москва, 1969. – 387 с.

148. Громогласова Т.И. Повтор в системно-структурном и антропоцентрическом аспектах : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Громогласова Татьяна Игоревна. – Кемерово, 2011. – 19 с.

149. Гулыга А. Диалектика жизни / А. Гулыга // Родина. – 1989. – № 10. – С. 93–95.

150. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт ; перевод с немецкого языка под редакцией и с предисловием Г.В. Рамишвили. – 2-е изд. – Москва : Прогресс, 2000. – 396 с.

151. Гура А.В. Еще о некоторых параллелях к гоголевскому Вию / А.В. Гура // Н.В. Гоголь и традиционная славянская культура : XII Гоголевские чтения : сборник статей по материалам Международной научной конференции, Москва, 30 марта – 1 апреля 2012 г. – Новосибирск, 2012. – С. 133–142.

152. Данькова Т.Н. Русская терминология растениеводства: история становления и современное состояние / Т.Н. Данькова. – Воронеж : ВГУ, 2010. – 279 с.

153. Двинятин Ф.Н. Заговор, модель мира, повествование / Ф.Н. Двинятин // Заговорный текст. Генезис и структура. – Москва, 2005. – С. 466–481.

154. Денисова Е.А. Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов) специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Денисова Екатерина Алексеевна. – Москва, 2008. – 26 с.
155. Десницкая А.В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка / А.В. Десницкая. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1970. – 97 с.
156. Десницкий А.С. Поэтика библейского параллелизма / А.С. Десницкий. – Москва : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – 554 с.
157. Десницкий А.С. Характер и функции параллелизма в библейских текстах : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)» : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Десницкий Андрей Сергеевич. – Москва, 2010. – 29 с.
158. Доброва С.И. «...нечто, относящееся к образованию и мудрости»: типология и функции параллелистических формул в библейском тексте / С.И. Доброва // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : материалы VII Международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2013. – С. 207–215.
159. Доброва С.И. Абстрактные модели связного текста как матрицы структурообразования образного параллелизма макро- и микромиров в фольклорном тексте / С.И. Доброва // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 2 (38). – С. 1–7.
160. Доброва С.И. Амбивалентный характер и эволюция феномена детализации образа-символа в фольклорном тексте / С.И. Доброва // Materiały VIII Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Aktualne problemy nowoczesnych nauk – 2012». – Przemyśl, 2012. – Vol. 23: Filologiczne nauki. – S. 43–53.
161. Доброва С.И. Амплификация образного параллелизма как инструмент концептуальной и языковой эволюции художественной формы в фольклорном тексте / С.И. Доброва // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2023а. – № 2 (49). – С. 99–122.
162. Доброва С.И. Антропоморфизация природных объектов на материале образного параллелизма в русских народных приметах / С.И. Доброва // Донецкие

чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VII Международной научной конференции, посвященной 85-летию Донецкого национального университета, Донецк, 27–28 октября 2022 г. – Донецк, 2022. – Т. 4: Филологические науки, ч. 1. – С. 103–106.

163. Доброва С.И. Внутриуровневые семиотические механизмы репрезентации культурных смыслов в фольклорных формулах / С.И. Доброва // Лингвофольклористика. – 2018. – № 28, ч. 1. – С. 14–22.

164. Доброва С.И. Два сценария реализации заговорной формулы отсылки болезни / С.И. Доброва // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике : материалы VIII Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 8 мая 2016 г. – Чебоксары, 2016. – Т. 2. – С. 99–102.

165. Доброва С.И. Диалектика миров и специфика мироустройства в заговорной формуле отсылки болезни / С.И. Доброва // Лингвофольклористика. – 2016а. – № 24. – С. 3–17.

166. Доброва С.И. Звукосимволический образный параллелизм в фольклорном тексте / С.И. Доброва // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. – 2023б. – Т. 16, вып. 8. – С. 2648–2655.

167. Доброва С.И. К вопросу о специфике фоносемантического анализа компонентов фольклорных формул (на материале заговорных текстов) / С.И. Доброва, М.В. Татаринцева // Гуманитарный научный журнал. – 2021. – № 1. – С. 179–184.

168. Доброва С.И. К вопросу о типологии позиционных, концентрирующих и цепных повторов в фольклорном тексте (на материале частушки) / С.И. Доброва // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2018а. – № 1 (278). – С. 169–175.

169. Доброва С.И. К вопросу о типологии словников номинаций бытовых реалий (артефактов) в фольклорном тексте: структура, содержание, функциональное назначение (на материале сказок А.Н. Корольковой) / С.И. Доброва, Д.Х. Халилова // Известия ВГПУ. – 2019. – № 2 (283). – С. 238–244.

170. Доброва С.И. Концентрический образный параллелизм в фольклорном тексте / С.И. Доброва // Актуальные вопросы современной

филологии и журналистики / Actual Issues of Modern Philology and Journalism. – 2023в. – № 2 (49). – С. 16–21.

171. Доброва С.И. Концептуальные основы формул параллелизма сравнений в заговорном тексте / С.И. Доброва // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : материалы VI Международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2011. – С. 112–120.

172. Доброва С.И. Кросскультурная специфика заговорного мироустройства (на материале параллелистической формулы отсылки болезни в русских и болгарских заговорах) / С.И. Доброва // Лингвофольклористика. – 2017а. – № 26. – С. 70–90.

173. Доброва С.И. Кросскультурный аспект характеристики места отсылки болезни в русских и болгарских лечебных заговорах / С.И. Доброва // Материалы по русско-славянскому языкознанию : международный сборник научных трудов. – Воронеж, 2018б. – С. 230–241.

174. Доброва С.И. Кросскультурный аспект характеристики места отсылки болезни в русских и болгарских лечебных заговорах (на материале параллелистических формул) / С.И. Доброва // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – № 3. – С. 44–50.

175. Доброва С.И. Морфогенез образного параллелизма макро- и микрокосма в русских народных загадках / С.И. Доброва // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. – 2023г. – Т. 16, вып. 3. – С. 780–788.

176. Доброва С.И. Национальная специфика параллелизма локусов в формуле отсылки болезни (на материале русских и болгарских заговоров) / С.И. Доброва // Афанасьевский сборник : материалы и исследования. – Воронеж, 2016б. – Вып. 14: Народная культура сегодня и проблемы ее изучения : сборник статей : материалы научной Региональной конференции 2016 г. – С. 280–290.

177. Доброва С.И. Номинации людей со сверхъестественными свойствами в быличках Воронежского края / С.И. Доброва // Афанасьевский сборник : материалы и исследования. – Воронеж, 2020. – Вып. 16: Народная культура и проблемы ее изучения : сборник статей : материалы XI научной Региональной конференции, 20–22 мая 2020 г. – С. 223–249.

178. Доброва С.И. Образный параллелизм в его структурно-семантических модификациях : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Доброва Светлана Ивановна. – Воронеж, 1998. – 23 с.

179. Доброва С.И. Особенности параллелизма константных и переменных компонентов в заговорной формуле отсылки болезни // Фольклорный текст в современном культурном контексте: традиция и ее переосмысление : сборник статей по материалам Международной научной конференции. – Орел, 2016в. – С. 5–17.

180. Доброва С.И. Параллелизм в сфере человеческого микрокосма (на материале любовных заговоров) / С.И. Доброва // Лингвофольклористика. – 2018в. – № 27. – С. 37–54.

181. Доброва С.И. Параллелизм мира природы и мира человека в свете философской теории познания / С.И. Доброва // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике : материалы V Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 26 июня 2015 г. – Чебоксары, 2015. – № 3 (5). – С. 307–311.

182. Доброва С.И. Параллелизм топографии человеческого тела в лечебных заговорах / С.И. Доброва // Афанасьевский сборник : материалы и исследования Воронеж, 2020а. – Вып. 16: Народная культура и проблемы ее изучения : сборник статей : материалы XI научной Региональной конференции 20–22 мая 2020 г. – С. 196–211.

183. Доброва С.И. Параллелизмы с акциональными перечнями в любовных заговорах / С.И. Доброва // Славянские чтения – 2017 : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Стерлитамак, 16–18 мая 2017 г. – Стерлитамак, 2017б. – С. 163–167.

184. Доброва С.И. Параллелизмы с образным уподоблением макро- и микромиров в фольклорном тексте / С.И. Доброва // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2023д. – № 2 (49). – С. 73–98.

185. Доброва С.И. Поэтическая фразеология русской народной частушки / С.И. Доброва, Ю.В. Полкова // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и методики их преподавания : материалы Всероссийского научно-практического

Форума, Воронеж, 11–23 апреля 2022 г. – Воронеж, 2022а. – С. 42–48.

186. Доброва С.И. Репрезентация гендера в фольклорном тексте (на материале пословиц) / С.И. Доброва, М.В. Мудрая // Известия ВГПУ. – 2017в. – № 2 (275). – С. 175–181.

187. Доброва С.И. Риторика : учебное пособие / С.И. Доброва. – Воронеж : ВГПУ, 2008. – 238 с.

188. Доброва С.И. Семантика субъектного плана и типология формул параллелизмов-биномов (на материале заговорных текстов) / С.И. Доброва // Известия ВГПУ. – 2013а. – № 1 (260). – С. 192–198.

189. Доброва С.И. Семиотические основы параллелизмов-перечней в фольклорном тексте (на материале любовных заговоров) / С.И. Доброва // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2018г. – № 4. – С. 34–37.

190. Доброва С.И. Система гендерно маркированных номинаций, репрезентирующих мужское, женское и метагендерное начала в былинных текстах / С.И. Доброва, Е.С. Гончарова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : сборник научных статей. – Воронеж, 2023е. – Вып. 1 (11). – С. 338–348.

191. Доброва С.И. Система гендерного маркирования параллелизмов-перечней в фольклорном тексте (на материале любовных заговоров) / С.И. Доброва // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : материалы X Международной научной конференции. – Воронеж, 2019а. – С.194–203.

192. Доброва С.И. Система номинаций, репрезентирующих колоративный аспект признакового мира в русской народной примете / С.И. Доброва, С.С. Дутова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : сборник научных статей. – Воронеж, 2023ж. – Вып. 1 (11). – С. 430–443.

193. Доброва С.И. Система номинаций, репрезентирующих перцептивную картину мира, на материале недифференцированного канала восприятия в текстах быличек и бывальщин / С.И. Доброва, А.А. Хмырова // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и методики их преподавания : материалы Всероссийского научно-практического форума, Воронеж, 6–22 апреля 2023 г. – Воронеж, 2023з. – С. 167–175.

194. Доброва С.И. Система номинаций, репрезентирующих признаковый

мир в русских народных загадках / С.И. Доброва, А.Е. Тюрина // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : сборник научных статей. – Воронеж, 2023и. – Вып. 1 (11). – С. 363–379.

195. Доброва С.И. Система номинаций, репрезентирующих признаковый мир в русских пословицах и поговорках / С.И. Доброва, Е.Н. Трунова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : сборник научных статей. – Воронеж, 2023к. – Вып. 1 (11). – С. 416–429.

196. Доброва С.И. Система номинаций, репрезентирующих процессуальный мир в русской народной частушке / С.И. Доброва, Ю.В. Остапова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : сборник научных статей. – Воронеж, 2023л. – Вып. 1 (11). – С. 385–404.

197. Доброва С.И. Содержательная трансформация образного параллелизма в заговорном тексте / С.И. Доброва // Перспективы развития высшей школы: материалы III Международной научно-практической конференции. 2022 : сборник научных трудов : в 2 томах. – Тюмень, 2022б. – Т. 2. – С. 330–336.

198. Доброва С.И. Содержательная трансформация образного параллелизма макро- и микрокосма в русских народных приметах / С.И. Доброва // Лингвофольклористика. – Курск, 2023м. – Вып. 37. – С. 14–30.

199. Доброва С.И. Технология параллелистического анализа как инструмент кросскультурной лингвофольклористики (на материале формулы отсылки болезни в русских и болгарских заговорах) / С.И. Доброва // Филология и человек. – 2018д. – № 1. – С. 97–108.

200. Доброва С.И. Типология и репрезентация функций глаз и взгляда в текстах быличек и бывальщин / С.И. Доброва, А.А. Матыцына // Известия ВГПУ. – 2020б. – № 3. – С. 146–151.

201. Доброва С.И. Типология матриц структурообразования образного параллелизма в фольклорном тексте / С.И. Доброва // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : сборник научных статей. – Воронеж, 2023н. – Вып. 1 (11). – С. 289–305.

202. Доброва С.И. Типология образных параллелизмов в составе счетных

рядов (на материале русских народных лирических песен) / С.И. Доброва // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2021а. – № 3 (42). – С. 42–59.

203. Доброва С.И. Троичный образный параллелизм в фольклорном тексте / С.И. Доброва // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2023о. – № 2. – С. 15–19.

204. Доброва С.И. Феномен символической стереоскопии фольклорного текста» / С.И. Доброва // Русское национальное сознание в его языковом воплощении: прошлое, настоящее, будущее. XXX Распоповские чтения : материалы Международной конференции, Воронеж, 2–4 марта 2012 г. – Воронеж, 2012а. – С. 58–64.

205. Доброва С.И. Формирование личностного начала в фольклорном тексте / С.И. Доброва // Славянская традиционная культура и современный мир : сборник научных статей. – Москва, 2008а. – Вып. 11: Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь. – С. 56–73.

206. Доброва С.И. Эволюция семиотических основ образного параллелизма макро- и микрокосма в фольклорном тексте / С.И. Доброва // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2022в. – № 2 (45). – С. 94–113.

207. Доброва С.И. Эволюция структурно-семантических модификаций образного параллелизма макро- и микрокосма в болгарских народных лечебных заговорах / С.И. Доброва // Материалы по русско-славянскому языкознанию : международный сборник научных трудов. – Воронеж, 2023п. – Вып. 36. – С. 112–143.

208. Доброва С.И. Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия / С.И. Доброва. – Воронеж : ВГПУ, 2004. – 175 с.

209. Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. / А.П. Евгеньева. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1963. – 348 с.

210. Елизаренкова Т.Я. О ведийской загадке типа brahmodya / Т.Я. Елизаренкова, В.Н. Топоров // Паремнологические исследования : сборник статей. – Москва, 1984. – С.14–46.

211. Елизаренкова Т.Я. Об особенностях функционирования местоимений в Ригведе и Атхарваведе / Т.Я. Елизаренкова // Заговорный текст. Генезис и структура. – Москва, 2005. – С. 11–22.

212. Еремина В.И. Поэтический строй русской народной лирики / В.И. Еремина. – Ленинград : Наука, 1978. – 184 с.
213. Еремина В.И. Ритуал и фольклор / В.И. Еремина ; ответственный редактор А.А. Горелов. – Ленинград : Наука, 1991. – 207 с.
214. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен ; перевод с английского: В.В. Пассек, С.П. Сафронова ; под редакцией и с предисловием Б.А. Ильиша. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1958. – 404 с.
215. Жинкин Н.И. Психологические основы развития мышления и речи / Н.И. Жинкин // Русский язык в школе. – 1985. – № 1. – С.47–54.
216. Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество: исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике : избранные труды / Н.И. Жинкин. – Москва : Лабиринт, 1998. – 366 с.
217. Жирмунский В.М. Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха. / В.М. Жирмунский // Вопросы языкознания. – 1964. – № 4. – С. 3–24.
218. Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции / В.К. Журавлев – Москва : Наука, 1982. – 327 с.
219. Заварзин А.А. Труды по теории параллелизма и эволюционной динамике тканей (к 100-летию со дня рождения) / А.А. Заварзин. – Ленинград : Наука, 1986. – 194 с.
220. Заварзина Г.А. Концептосфера государственного управления в современной лингвоментальной картине политического мира: структурная организация и векторы динамического развития / Г.А. Заварзина. – Воронеж : Научная книга, 2019. – 266 с.
221. Заварзина Г.А. Русская лексика государственного управления : история формирования и современные процессы развития : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Заварзина Галина Анатольевна. – Воронеж, 2015. – 42 с.

222. Завьялова Е.Е. Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации / Е.Е. Завьялова // Проблемы филологии, культурологии и искусствознания. – 2013. – № 2. – С.186–192.

223. Завьялова М.В. Балто-славянский заговорный текст: лингвистический анализ и картина мира (на материале литовских и белорусских лечебных заговоров) : специальность 10.02.03 «Славянские языки» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Завьялова Мария Вячеславовна. – Москва, 1999. – 24 с.

224. Завьялова М.В. Модель мира в литовских и русских заговорах «от змеи» (сопоставительный анализ) / М.В. Завьялова // Балто-славянские исследования 1998–1999 : сборник научных трудов. – Москва, 2000. – Т. 14. – С. 197–238.

225. Завьялова М.В. Отражение некоторых особенностей построения заговорной картины мира в структурной организации текста (на материале литовских заговоров) / М.В. Завьялова // *Studia mythologica Slavica*. – Ljubljana, 2000a. – III. – S. 173–186.

226. Завьялова М.В. Проблема миграции заговорных сюжетов эпического типа в балто-славянском ареале / М.В. Завьялова // Заговорный текст. Генезис и структура. – Москва, 2005. – С. 355–374.

227. Загоровская О.В. Системно-структурные изменения в русском языке начала XXI века и проблемы культуры русской речи / О.В. Загоровская // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников : материалы X Международной научно-методической конференции : [сборник]. – Воронеж, 2014. – Ч. 1. – С. 3–10.

228. Зайцева О.В. Организация сенсорных систем брюхоногих моллюсков: Принцип структурно-функционального параллелизма развития : специальность 03.00.13 «Физиология человека и животных» : автореферат диссертации ... доктора биологических наук / Зайцева Ольга Викторовна. – Санкт-Петербург, 2000. – 32 с.

229. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : [сборник]. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 36–44.

230. Зализняк А.А. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем / А.А. Зализняк, В.В. Иванов, В.Н. Топоров // Структурно-типологические исследования. – Москва, 1962. – С. 134–143.

231. Заручевская Г.В. Применение мелкозернистого локально-параллельного программирования при решении задач математической физики методом сеток : специальность 05.13.18 «Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ» : автореферат диссертации ... кандидата технических наук / Заручевская Галина Васильевна. – Петрозаводск 2008. – 23 с.

232. Зеленина Е.С. Культурный параллелизм фольклорной сказки и современной рекламной коммуникации: на материале телевизионной рекламы : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / Зеленина Елена Сергеевна. – Улан-Удэ, 2013. – 22 с.

233. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – С. 15–36.

234. Зинченко В.П. Посох Осипа Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии / В.П. Зинченко. – Москва : Новая школа, 1997. – 336 с.

235. Зуева Т.В. Мифологическое сознание в сказке (полисемантизм образов) / Т.В. Зуева // Традиционная культура. – 2007. – № 2. – С. 16–24.

236. Ибрагимова С.К. Конструкции перечисления как средство экспрессивного синтаксиса в художественной прозе А.В. Амфитеатрова / С.К. Ибрагимова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Языкознание. – № 86. – 2008. – С. 203–207.

237. Иванов В.В. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах / В.В. Иванов, В.Н. Топоров // Типологические исследования по фольклору : сборник статей памяти В.Я. Проппа. – Москва : Наука, 1975. – С. 44–76.

238. Иванов В.В. Низшая мифология / В.В. Иванов // Мифы народов мира : энциклопедия. – Москва, 1988. – Т. 2. – С. 215–217.

239. Иванов В.В. О некоторых принципах современной науки и их приложении к семиотике малых (коротких) текстов / В.В. Иванов //

Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора : тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. – Москва, 1988а. – Т. 1. – С. 5–9.

240. Иванов В.В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы : (древний период) / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – Москва : Наука, 1965. – 246 с.

241. Иванов Н.В. Диалектика знака в речи и в языке (лингвофилософский анализ) / Н.В. Иванов // Военно-гуманитарный альманах. Серия : Лингвистика. – Вып. 2, т. 1: Язык. Коммуникация. Перевод : материалы XI Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации, Москва, 30 июня 2017 г. – Москва, 2017. – С. 26–36.

242. Иванов Н.В. К проблеме построения общей модели семиогенеза символических форм (по материалам русской фольклорно-филологической традиции XIX века) / Н.В. Иванов // Материалы IV Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации, 2 июля 2010 г. – Москва, 2010. – Т. 1. – С. 25–46.

243. Иванов Н.В. Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семиозиса : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация ... доктора филологических наук / Иванов Николай Викторович. – Москва, 2002. – 377 с.

244. Иванов Н.В. Факторы семиогенеза (лингвофилософский анализ) / Н.В. Иванов // Филологические науки в МГИМО. – 2020. – Т. 6, № 4 (24). – С. 5–13.

245. Иванова И.П. История английского языка / И.П. Иванова, Л.П. Чахоян. – Москва : Высшая школа, 1976. – 320 с.

246. Ильенко С.Г. Об одном из синтаксических парадоксов: коммуникативное превосходство неполного предложения как следствие его структурной ущербности / С.Г. Ильенко // Проблемы лингвистической семантики. – Череповец, 1996. – С. 12–22.

247. Ильенко С.Г. Русистика : избранные труды / С. Г. Ильенко. – Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 674 с.

248. Инютин С.А. Теория и методы моделирования вычислительных структур с параллелизмом машинных операций : специальность 05.13.01 «Системный анализ, управление и обработка информации (по отраслям)» :

диссертация ... доктора технических наук / Инютин Сергей Арнольдович. – Москва, 2001. – 270 с.

249. Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. – Москва : Индрик, 1994. – Т. 1. – 270 с. ; 1999. – Т. 2. – 184 с.

250. Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – Москва : Наука, 1993. – 239 с.

251. Калашникова Е.А. Синтаксический параллелизм как средство организации эпического текста: на материале былин киевского цикла и рун «Калевалы» : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Калашникова Елена Александровна. – Санкт-Петербург, 1998. – 22 с.

252. Калецкий П.И. О поэтике частушек / П.И. Калецкий // Литературный критик. – 1936. – № 9. – С. 186–201.

253. Капица Ф.С. О книге Н.Ф. Познанского / Ф.С. Капица // Познанский Н. Заговоры: опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. – Москва, 1995. – С. 328–332.

254. Каплина Н.В. Прием ступенчатого сужения образов: художественно-текстовые основы / Н.В. Каплина // Афанасьевский сборник : материалы и исследования. – Воронеж, 2010. – Вып. 9: Народная культура сегодня и проблемы ее изучения : сборник статей : материалы научной региональной конференции 2010 г. – С. 187–198.

255. Каплина Н.В. Типология приема ступенчатого сужения образов в русской народной лирической песне / Н.В. Каплина // Афанасьевский сборник : материалы и исследования. – Воронеж, 2008. – Вып. 7: Народная культура сегодня и проблемы ее изучения : сборник статей : материалы научной Региональной конференции 2008 г. – С. 255–261.

256. Карасев Л.В. Мифология смеха / Л.В. Карасев // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 68–86.

257. Караулов Ю.Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов, Е.В. Красильникова // Язык и личность : [сборник

статей]. – Москва, 1989. – С. 3–10.

258. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов; ответственный редактор Д.Н. Шмелев. – Москва : Наука, 1987. – 263 с.

259. Касавин И.Т. Знание / И.Т. Касавин // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – Москва : Канон+ ; Реабилитация, 2009. – URL: http://enc-dic.com/enc_epist/Znanie-116.html (дата обращения 28.04.2024).

260. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер ; редколлегия: С.Я. Левит, Л.В. Скворцов ; перевод: Б. Вимер и др. – Москва : Гардарика, 1998. – 779 с.

261. Кассирер Э. Понятие символической формы в структуре наук о духе / Э. Кассирер // Кассирер Э. Избранное. Индивид и космос. – Москва ; Санкт-Петербург, 2000. – С. 391–413.

262. Кассирер Э. Понятийная форма в мифическом мышлении духе / Э. Кассирер // Кассирер Э. Избранное. Индивид и космос. – Москва ; Санкт-Петербург, 2000а. – С. 272–326.

263. Кафка Ф. Превращение : рассказы / Ф. Кафка ; [перевод с немецкого]. – Москва : АСТ, 2010. – 287 с.

264. Кашкина А.В. Маркемный анализ языка русской поэзии : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Кашкина Александра Вячеславовна. – Воронеж, 2013. – 22 с.

265. Квилинкова Е.Н. Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов / Е.Н. Квилинкова. – Кишинев : Elan, 2010. – 389 с.

266. Квятковский А.П. Поэтический словарь / А.П. Квятковский ; научный редактор И. Роднянская. – Москва : Советская энциклопедия, 1966. – 376 с.

267. Кёнгэс-Маранда Э. Логика загадок / Э. Кёнгэс-Маранда // Паремнологический сборник: пословица, загадка: структура, смысл, текст. – Москва, 1978. – С. 249–282.

268. Климас И.С. Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Климас Ирина Сергеевна. – Орел, 2005. – 39 с.

269. Климас И.С. Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация ... доктора филологических наук / Климас Ирина Сергеевна. – Курск, 2005а. – 408 с.
270. Климас И.С. Ядро фольклорного лексикона / И.С. Климас. – Курск : КГПУ, 2000. – 94 с.
271. Клишин А.И. Конкретные и абстрактно-метафорические значения в структуре глагола: проблемы семантики. На материале английского языка : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация ... доктора филологических наук / Клишин Александр Иванович. – Санкт-Петербург, 2000. – 284 с.
272. Кляус В.Л. Заговоры и рушники Ветковского региона: опыт сопоставления и выявления фольклорной «модели мира» / В.Л. Кляус, Г.А. Лопатин, Г.Г. Нечаева // Заговорный текст. Генезис и структура. – Москва, 2005. – С. 452–465.
273. Ковалев Г.Ф. О восприятии современниками литературных сказок А.С. Пушкина и В.И. Даля / Г.Ф. Ковалев // Наследие В.И. Даля в контексте современности : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Воронеж, 2022. – С. 47–57.
274. Ковалев Г.Ф. Хронотопное отражение в анекдотах сюжетов и героев русских народных сказок / Г.Ф. Ковалев // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : сборник научных статей. – Воронеж, 2023. – Вып. 1 (11). – С. 257–264.
275. Ковалев П.К. Категориальное и функциональное значение частицы *не* / П.К. Ковалев // Русский язык в школе. – 1941. – № 1. – С. 30–35.
276. Ковалева Р. Образный параллелизм как форма мифоритуального текста / Р. Ковалева // Актуальныя праблемы тэорыі літаратуры і фальклору : працы членаў кафедры тэорыі літаратуры. – Вып. 2. – Мінск, 2009. – С. 105–115.
277. Колпакова Н.П. Песни и люди: о русской народной песне / Н.П. Колпакова. – Ленинград : Наука, 1977. – 135 с.

278. Колпакова Н.П. Русская народная бытовая песня / Н.П. Колпакова. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1962. – 284 с.
279. Кольцова Л.М. Художественный текст через призму авторской пунктуации : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация ... доктора филологических наук / Кольцова Людмила Михайловна. – Воронеж, 2007. – 377 с.
280. Комаров А.А. Перечисление и его текстовые функции (на материале немецкой художественной литературы) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Комаров Александр Алексеевич. – Алма-Ата, 1992. – 24 с.
281. Конрад Н.И. Японская литература от «Кодзики» до Токутоми / Н.И. Конрад. – Москва : Наука, 1974. – 565 с.
282. Копысов С.П. Методы декомпозиции и параллельные распределенные технологии для адаптивных версий метода конечных элементов : специальность 05.13.18 «Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ» : автореферат диссертации ... доктора физико-математических наук / Копысов Сергей Петрович. – Москва, 2006. – 40 с.
283. Коростелева Л.В. Высокочастотные имена существительные, прилагательные и числительные в современном русском языке (по материалам лексикографии) / Л.В. Коростелева. – Нижневартовск : Издательство Нижневартовского государственного университета, 2013. – 115 с.
284. Костомаров В.Г. Жизнь языка. От вятичей до москвичей / В.Г. Костомаров. – Москва : Педагогика-пресс, 1994. – 238 с.
285. Коськина Е.В. Внутренний человек в русской языковой картине мира: образно-ассоциативный и прагмастилистический потенциал семантических категорий «пространство», «субъект», «объект», «инструмент» : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Коськина Елена Владимировна. – Омск, 2004. – 26 с.
286. Кошарная С.А. Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «Человек – Природа» в русской языковой картине мира : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация ... доктора

филологических наук / Кошарная Светлана Алексеевна. – Белгород, 2002. – 452 с.

287. Кошарная С.А. Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «Человек – Природа» в русской языковой картине мира : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Кошарная Светлана Алексеевна. – Белгород, 2002а. – 45 с.

288. Кошарная С.А. Языковая личность в контексте этнокультуры / С.А. Кошарная. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 219 с.

289. Кравченко А.А. Обоснование Э. Кассирером гуманитарного знания : специальность 09.00.03 «История философии» : автореферат диссертации ... доктора философских наук / Кравченко Адель Анатольевна. – Москва, 2000. – 47 с.

290. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей. – Москва, 1997. – Вып. 2. – С. 5–12.

291. Крейдлин Г.Е. Концептуализация частей тела в русском языке и в невербальных семиотических кодах / Г.Е. Крейдлин, А.Б. Летучий // Русский язык в научном освещении. – 2006. – № 2 (12). – С. 80–116.

292. Крейдлин Г.Е. Семиотическая концептуализация тела и его частей. Классификационные и структурные характеристики соматических объектов / Г.Е. Крейдлин, С.И. Переверзева // Вопросы филологии. – 2010. – № 2 (35). – С. 42–52.

293. Кретов А.А. Аксиологемы греческой ментальности по данным словаря / А.А. Кретов // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж, 2011. – С. 23–31.

294. Кретов А.А. Деривационная история существительных на *-ница* и проблема «вторичных формантов» / А.А. Кретов // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : сборник научных статей. – Вып. 1 (11). – Воронеж, 2023. – С. 3–31.

295. Кретов А.А. Коммуникативный такт и бифункциональная сущность языка как средства общения / А.А. Кретов // Фундаментальная лингвистика. – 2023а. – Номер 1 (1). – С. 12–22. – URL: <https://linguistica-fundamentalis.ru/s0025627-9-1/> (дата обращения 30.06.2024).

296. Кретов А.А. Маркемный анализ сказок А.К. Барышниковой / А.А. Кретов // Афанасьевский сборник : материалы и исследования – Воронеж, 2020. – Вып. 16: Народная культура и проблемы ее изучения : сборник статей : материалы XI научной Региональной конференции, 20–22 мая 2020 г. – С. 177–195.
297. Кретов А.А. Маркемы и ключевые слова в научных текстах / А.А. Кретов // Мир лингвистики и коммуникации. – 2012. – № 28. – С. 1–13.
298. Кретов А.А. Метод формального выделения тематически нейтральной лексики (на примере старославянских текстов) / А.А. Кретов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. – 2007. – № 1. – С. 81–90.
299. Кретов А.А. Опыт выявления архетипов поэзии А.В. Кольцова / А.А. Кретов // Лінгвістичні студії : збірник наукових праць. – Донецьк, 2008. – Вып. 16. – С. 353–366.
300. Кретов А.А. Понятие маркемы : методика выявления и практика использования / А.А. Кретов // Универсалии русской литературы : сборник статей. – Воронеж, 2010. – С. 138–153.
301. Кретов А.А. Системная русская графемология / А.А. Кретов, М.А. Марийская. – Воронеж : ВГУ, 2023б. – 230 с.
302. Кретов А.А. Системная русская силлабология / А.А. Кретов. – Воронеж : ВГУ, 2022. – 144 с.
303. Кретов А.А. Системная русская фонемология / А.А. Кретов. – Воронеж : ВГУ, 2020а. – 198 с.
304. Кретов А.А. Сказки рекурсивной структуры / А.А. Кретов // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. I. (Новая серия). – Тарту, 1994. – С. 204–214.
305. Кретов А.А. Типология и генезис рекурсивных текстов / А.И. Кретов // Филологические записки. – Воронеж, 2013. – Вып. 31. – С. 219–245. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Kretov4.pdf> (дата обращения: 30.06.2024).
306. Кретов А.И. К вопросу о символике в современных частушках / А.И. Кретов // Известия ВГПИ. – 1956. – Т. 21. – С. 131–140.

307. Кривенко А.Б. К вопросу об энигматическом инварианте анафорического текста (АТ) / А.Б. Кривенко // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: загадка как текст. – Москва, 1999. – Т. 2. – С. 128–147.
308. Кротевич Е.В. Синтаксические отношения между членами словосочетания и членами предложения : пособие для студентов-заочников / Е.В. Кротевич. – Львов : Издательство Львовского университета, 1956. – 18 с.
309. Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни : [учебное пособие по спецкурсу для педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература»] / Ю.Г. Круглов. – Москва : Высшая школа, 1982. – 272 с.
310. Крушевский Н.В. Заговоры, как вид русской народной [1876] / Н.В. Крушевский // Крушевский Н.В. Избранные статьи и работы по языкознанию. – Москва, 1998. – С. 25–47.
311. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л.П. Крысин ; ответственный редактор Ю.Д. Дешериев. – Москва : Наука, 1989. – 186 с.
312. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 5–12.
313. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века : сборник статей. – Москва, 1995. – С. 144–238.
314. Кузнецова А.А. Синтаксические фигуры, построенные по принципу синтаксического параллелизма, в современном русском языке : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Кузнецова Алена Александровна. – Красноярск, 2003. – 33 с.
315. Кузнецова В.П. Причитания в северно-русском свадебном обряде / В.П. Кузнецова. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 1993. – 180 с.
316. Кулагина А.В. Поэтический мир частушки / А.В. Кулагина. – Москва : Наука, 2000. – 303 с.
317. Кулаковский А.Е. Научные труды / А.Е. Кулаковский. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1979. – 483 с.

318. Кулькова М.А. Герменевтика народной приметы: когнитивно-прагматический аспект изучения / М.А. Кулькова. – Казань : Издательство МОиН РТ, 2011. – 220 с.

319. Кулькова М.А. Семантика и прагматика немецких и русских народных примет: лингвокультурологический подход : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация ... кандидата филологических наук / Кулькова Мария Александровна. – Москва, 2006. – 216 с.

320. Кулькова М.А. Язык и природа: лингвистика немецких и русских народных примет / М.А. Кулькова. – Казань : Школа, 2006а. – 192 с.

321. Лазутин С.Г. Изучение частушки и вопросы историографии русской фольклористики / С.Г. Лазутин // Русский фольклор : материалы и исследования / АН СССР, ИРЛИ. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1962. – Т. 7. – 405 с.

322. Лазутин С.Г. Метафоры в загадках (принципы их создания, виды и идейно-эстетические функции) / С.Г. Лазутин // Вопросы поэтики литературы и фольклора. – Воронеж, 1976. – С. 34–49.

323. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора : учебное пособие / С.Г. Лазутин. – Москва : Высшая школа, 1981. – 221 с. ; 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 1989. – 208 с.

324. Лазутин С.Г. Русская частушка: вопросы происхождения и формирования жанра / С.Г. Лазутин. – Воронеж : ВГУ, 1960. – 262 с.

325. Лаптева О.А. Литературная и диалектная разновидности устно-разговорного синтаксиса и перспективы их сопоставительного изучения / О.А. Лаптева // Вопросы языкознания. – 1969. – № 1. – С. 22–41.

326. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис / О.А. Лаптева. – Москва : Наука, 1976. – 397 с.

327. Ларина Л.И. Еще раз о региональной самобытности былинной лексики / Л.И. Ларина, Т.М. Малыхина, С.П. Праведников // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1 (28). – URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/028-007.pdf> (дата обращения: 28.04.24).

328. Лебедев А.В. Микрокосмос и макрокосмос / А.В. Лебедев //

Философский энциклопедический словарь. – Москва, 1989. – С. 362.

329. Лебедева С.В. Конвенциональная синонимия в ментальном лексиконе / С.В. Лебедева, В.В. Денисова, Е.А. Стародубцева // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 3 (26). – С. 78–84.

330. Лебедева С.В. Метафора как лингвосемиотическая модель: семиогенез и интеракционные возможности / С.В. Лебедева, О.С. Зубкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 3 (028). – С. 112–120.

331. Лебедева С.В. Психолингвистические аспекты семантического сходства / С.В. Лебедева, В.В. Денисова, Е.А. Стародубцева // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2017а. – № 4 (27). – С. 68–76.

332. Левашова В.А. Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема перечисления (на материале английского языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Левашова Валентина Андреевна. – Москва, 1977. – 26 с.

333. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. мышления / Л. Леви-Брюль. – Москва : Терра-Книжный клуб ; Республика, 2000. – 402 с.

334. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – Москва : Педагогика-пресс, 1994. – 602 с.

335. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю.И. Левин. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 822 с.

336. Левин Ю.И. Русские загадки: синтез, структура, отгадывание / Ю.И. Левин // Тезисы докладов IV летней школы по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1970. – С. 36–39.

337. Левин Ю.И. Семантическая структура русской загадки / Ю.И. Левин // Труды по семиотике. 1964–1989 : указатели содержания. – Тарту, 1990. – Вып. 308. – С. 166–190.

338. Леви-Строс К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – Москва : Терра-Книжный клуб ; Республика, 1999. – 392 с.

339. Леви-Строс К. Структурная антропология / К. Леви-Строс ; [перевод с французского ; под редакцией и с примечаниями В. В. Иванова]. – Москва : Наука, 1985. – 535 с.

340. Лемяскина Н.А. Развитие языковой личности и ее коммуникативного сознания : на материале речевого поведения младшего школьника : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Лемяскина Наталия Александровна. – Воронеж, 2004. – 38 с.
341. Лихачев Д.С. Литература – Реальность – Литература : [сборник] / Д.С. Лихачев. – Ленинград : Советский писатель, 1984. – 271 с.
342. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – Ленинград : Художественная литература, 1971. – 414 с.
343. Логинов К.К. Этнокультурная группа русских Водлозерья / К.К. Логинов ; ответственный редактор А.К. Байбурин. – Москва : Наука, 2006 – 276 с.
344. Лопатин Л.М. Параллелистическая теория душевной жизни / Л.М. Лопатин // Вопросы философии и психологии. – 1895. – № 28 (3). – С. 358–389.
345. Лоргус А.В. Православная антропология : курс лекций / А.В. Лоргус. – Москва : Граф-Пресс, 2003. – Вып. 1. – 216 с.
346. Лосев А.Ф. Дерзание духа / А.Ф. Лосев. – Москва : Политиздат, 1988. – 364 с.
347. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф / А.Ф. Лосев. – Москва : МГУ, 1982. – 479 с.
348. Лосев А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика) / А.Ф. Лосев. – Москва : Искусство, 1963. – 583 с.
349. Лосев А.Ф. О пределах применимости математических методов в языкознании / А.Ф. Лосев // Лосев А.Ф. Языковая структура : учебное пособие / А.Ф. Лосев. – Москва : МГПИ, 1983. – 374 с.
350. Лосев А.Ф. Символ и художественное творчество / А.Ф. Лосев // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – Москва, 1971. – Т. 30, вып. 1. – С. 3–14.
351. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура / А.Ф. Лосев. – Москва : Политиздат, 1991. – 524 с.
352. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

353. Лотман Ю.М. Вступительное слово / Ю.М. Лотман // Программа и тезисы докладов в летней школе по вторичным моделирующим системам, 19–29 августа 1964 г. – Тарту, 1964. – С. 3–5.
354. Лотман Ю.М. К проблеме типологии культуры / Ю.М. Лотман // Труды по семиотике. 1964–1989 : указатели содержания. – Тарту, 1967. – Вып. 198. – С. 30–38.
355. Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс / Ю.М. Лотман // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки : сборник статей. – Москва, 1973. – С. 16–22.
356. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике [1964] // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа : [сборник] / Ю.М. Лотман. – Москва : Гнозис, 1994. – 547 с.
357. Лотман Ю.М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект / Ю.М. Лотман // Семиотика и информатика. – Москва, 1981. – Вып. 17. – С. 3–17.
358. Лотман Ю.М. Об искусстве / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 1998. – 702 с.
359. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 1996а. – 848 с.
360. Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман. Семиосфера. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 485–503.
361. Лотман Ю.М. Переписка / Ю.М. Лотман, Б.А.Успенский. – Москва : Новое литературное обозрение, 2008. – 544 с.
362. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – Москва : Искусство, 1970. – 384 с.
363. Маклакова Н.В. «Параллелизм» и «поэтическая функция» Р. Якобсона в теории повтора / Н.В. Маклакова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2010. – № 120. – С. 145–153.
364. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и мир образов. / М.М. Маковский. – Москва : Владос, 1996. – 415 с.
365. Малахов А.С. Виды грамматической связи в аппозитивных сочетаниях :

специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Малахов Александр Сергеевич. – Владимир, 2009. – 25 с.

366. Малахов А.С. О связи компонентов в аппозитивных сочетаниях / А.С. Малахов // Русский язык в школе. – 2008. – № 5. – С. 68–74.

367. Малиновский Б. Миф о примитивной психологии / Б. Малиновский // Малиновский Б. Магия, наука и религия. – Москва, 1998. – С. 94–145.

368. Мальцев В.А. Параллелизм, его связи с повтором и роль в организации художественного текста / В.А. Мальцев // Романское и германское языкознание. – Минск, 1976 – Вып. 6. – С. 128–140.

369. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики / Г.И. Мальцев. – Ленинград : Наука, 1989. – 165 с.

370. Маркина С.В. Параллелизм как вид синтаксической связи : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Маркина Светлана Вячеславовна. – Иваново, 2010. – 21 с.

371. Мартысюк П.Г. Феномен метаморфозы в контексте культурной динамики / П.Г. Мартысюк // Человек. Культура. Образование. – 2023. – № 2. – С. 92–106.

372. Маслова В. А. Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.А. Маслова. – Москва : Академия, 2001. – 208 с.

373. Матезиус В. Избранные труды по языкознанию / В. Матезиус. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 232 с.

374. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок : сборник статей. – Москва, 1967. – С. 239–245.

375. Медведева Г.В. Колдун, знахарь в русских мифологических рассказах, представлениях Восточной Сибири (структура и содержание образов. Ареалы и семантика именовании) : специальность 10.01.09 «Фольклористика» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Медведева Галина Витальевна. – Улан-Удэ, 1997. – 27 с.

376. Мелетинский Е.М. Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов / Е.М. Мелетинский // Вопросы

философии. – 1991. – № 10. – С. 41–48.

377. Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа / Е.М. Мелетинский. – Москва : Наука, 1986. – 320 с.

378. Мелетинский Е.М. Вопросы семантического анализа волшебной сказки / Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик, Д.М. Сегал // Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам, 17–24 августа 1970 г. – Тарту, 1970. – С. 9–10.

379. Мелетинский Е.М. Мифология и фольклор в трудах К. Леви-Строса / Е.М. Мелетинский // Леви-Строс К. Структурная антропология. – Москва, 1983. – С. 467–522.

380. Мелетинский Е.М. Статус слова и понятие жанра в фольклоре / Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – Москва, 1994. – С. 39–104.

381. Мелетинский Е.М. Эдда и ранние формы эпоса / Е.М. Мелетинский. – Москва : Наука, 1968. – 364 с.

382. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики / Г.П. Мельников ; под редакцией Ю.С. Косарева. – Москва : Советское радио, 1978. – 368 с.

383. Мельниченко Г.Г. Хрестоматия по русской диалектологии : учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / Г.Г. Мельниченко. – Москва : Просвещение, 1984. – 192 с.

384. Меркулова И.А. Лексическая нуклеология славянских языков : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация ... доктора филологических наук / Меркулова Инна Александровна. – Воронеж, 2017. – 540 с.

385. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура : курс лекций / Н.Б. Мечковская. – Москва : Академия, 2004. – 432 с.

386. Милюкова О.Ю. Параллельные итерационные методы с факторизованной матрицей предобуславливания для решения эллиптических уравнений : специальность 01.01.07 «Вычислительная математика» : автореферат диссертации ... доктора физико-математических наук / Милюкова Ольга Юрьевна. – Москва, 2004. – 32 с.

387. Мимоход С.П. Образы макро- и микрокосма в процессе познания : специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания» : автореферат диссертации ... кандидата философских наук / Мимоход Сергей Павлович. – Омск, 2003. – 20 с.
388. Митрофанова В.В. Русские народные загадки / В.В. Митрофанова. – Ленинград : Наука, 1978. – 179 с.
389. Мифы в искусстве старом и новом. Историко-художественная монография : (по Рене Менару) – Санкт-Петербург: Лениздат, 1993. – 384 с.
390. Морозова М.Н. Антропонимия русских народных сказок / М.Н. Морозова // Фольклор. Поэтическая система. – Москва, 1977. – С. 231–241.
391. Москальская О.И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков) : учебное пособие / О.И. Москальская. – Москва : Высшая школа, 1981. – 183 с.
392. Мудрая М.В. Репрезентация гендера в «Пословицах и поговорках русского народа» В.И. Даля : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Мудрая Мария Вадимовна. – Воронеж, 2021. – 24 с.
393. Муллаянов А.Ш. Европейский союз в кипрской проблеме (1987–2015) : специальность 07.00.03 «Всеобщая история (соответствующего периода)» : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / Муллаянов Айдар Шамильевич. – Казань, 2017. – 22 с.
394. Мухамедьяров Д.А. Феномен параллелизма органогенезов на этапах витального цикла первичной почки птицы и первичной почки человека : специальность 03.03.04 «Клеточная биология, цитология, гистология» : автореферат диссертации ... кандидата медицинских наук / Мухамедьяров Денис Альбертович. – Тюмень, 2020. – 24 с.
395. Мухин А.М. Аппозитивная связь в структуре предложений (на материале русского языка) / А.М. Мухин // Исследование по славянской филологии : сборник, посвященный памяти академика В.В. Виноградова. – Москва, 1974. – С. 240–247.
396. Народная демонология Полесья : публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века : [в 4 томах] / составители: Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. –

Москва : Языки славянских культур, 2016. – Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний. – 829 с.

397. Небжеговская-Бартминская С. Шла болячка с болентина... Концептуализация болезни в польском языке и в польских народных заговорах / С. Небжеговская-Бартминская // Заговорный текст : генезис и структура. – Москва, 2005. – С. 309–325.

398. Невская Л.Г. Печь в фольклорной картине мира / Л.Г. Невская // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. – Т. 2. – Москва, 1999. – С. 101–109.

399. Невская Л.Г. Повтор как имманентное свойство фольклорного текста / Л.Г. Невская // Славянский стих: стиховедение, лингвистика и поэтика. – Москва, 1996. – С. 210–215.

400. Неклюдов С.Ю. Время и пространство в былине / С.Ю. Неклюдов // Славянский фольклор : [сборник статей]. – Москва, 1972. – С. 18–45.

401. Неклюдов С.Ю. О кривом обороте (к исследованию мифологической семантики фольклорного мотива) / С.Ю. Неклюдов // Проблемы славянской этнографии : к 100-летию со дня рождения Д.К. Зеленина : [сборник статей]. – Ленинград, 1979. – С. 133–141.

402. Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности / С.Ю. Неклюдов // Восточная демонология. От народных верований к литературе. – Москва, 1998. – С. 6–43.

403. Неклюдов С.Ю. Российская фольклористика и структурно-семиотические исследования / С.Ю. Неклюдов // Славянская традиционная культура и современный мир : сборник материалов научно-практической конференции. – Вып. 3. – Москва, 1999. – С. 54–62.

404. Неретина С.С. Загадки как способ преобразования чудесного / С.С. Неретина // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора : тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. – Москва, 1988. – Ч. 1. – С. 124–127.

405. Нечитайлов Ю.В. Проблема формализации концепций параллелизма и ограниченной рациональности средствами динамической логики игр : специальность 09.00.07 «Логика» : автореферат диссертации ... кандидата философских наук /

Нечитайлов Юрий Вячеславович. – Санкт-Петербург, 2003. – 36 с.

406. Никитина С.Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании : на материале фольклорных и научных текстов : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Никитина Серафима Евгеньевна. – Москва, 1999. – 54 с.

407. Никитина С.Е. О заговорах в культуре духоборцев и молокан / С.Е. Никитина // Заговорный текст. Генезис и структура. – Москва, 2005. – С. 401–412.

408. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание / С.Е. Никитина. – Москва : Наука, 1993. – 187 с.

409. Николаева Т.М. Диахрония или эволюция? (об одной тенденции развития языка) / Т.М. Николаева // Вопросы языкознания. – 1991. – № 2. – С. 12–16.

410. Никольский А.А. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / А.А. Никольский. – Душанбе : Издательство Таджикского государственного университета им. В.И. Ленина, 1964. – 73 с.

411. Новикова Т.В. Синтаксический параллелизм как фигура экспрессивного синтаксиса (на материале современной французской литературы) : специальность 10.02.05 «Романские языки» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Новикова Татьяна Вадимовна. – Смоленск, 1992. – 21 с.

412. Новичкова Т.А. Два мира – земной и космический – в современных народных легендах / Т.А. Новичкова // Русская литература. – 1990. – № 1. – С. 132–144.

413. Общее языкознание : методы лингвистических исследований / [ответственный редактор Б. А. Серебренников]. – Москва : Наука, 1973. – 318 с.

414. Овидий Назон П. Метаморфозы / П. Овидий Назон ; [перевод с латинского С. Шервинского]. – Санкт-Петербург : Азбука, 2017. – 395 с.

415. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка / Д.Н. Овсяннико-Куликовский. – Санкт-Петербург : Изд. И.Л. Овсяннико-Куликовской, 1912. – 322 с.

416. Ожегова С.С. Композиция и типы севернорусских заговоров / С.С. Ожегова ; публикация Р.А. Агеевой // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора : тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. – Москва, 1988. – Ч. 1. – С. 44–47.

417. Ойноткинова Н.Р. Функциональная специфика образного параллелизма в алтайских пословицах / Н.Р. Ойноткинова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 4. – С. 134–137.
418. Олуpe Э. Формула уничтожения в латышских заговорах / Э. Олуpe // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор : [сборник статей]. – Москва, 1993. – С. 128–139.
419. Осокина Е.А. Альфа и Омега русской литературы / Е.А. Осокина // Культура и текст. – № 1 (14). – 2013. – С. 60–73.
420. Осокина Е.А. Параллелизм: риторика или поэтика, проза или стих, особый прием или система? / Е.А. Осокина. – URL: <http://lenazar.narod.ru/strussa08.htm> (дата обращения: 28.04.2024).
421. Осокина С.А. Основания лингвистической теории тезауруса : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация ... доктора филологических наук / Осокина Светлана Анатольевна. – Барнаул, 2015. – 467 с.
422. Осовецкий И.А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора / И.А. Осовецкий // Очерки по стилистике художественной речи. – Москва, 1979. – С. 199–252.
423. Осовецкий И.А. О языке русского традиционного фольклора / И.А. Осовецкий // Вопросы языкознания. – 1975. – № 5. – С. 66–77.
424. Осовецкий И.А. Стилистические функции некоторых суффиксов имен существительных в русской народной лирической песне / И.А. Осовецкий // Труды Института языкознания АН СССР. – Москва, 1957. – Т. 7. – С. 468–505.
425. От слова к смыслу. Проблемы тропогенеза / С.С. Аверинцев, И.Г. Франк-Каменецкий, О.М. Фрейденберг. – Москва : УРСС, 2001. – 122 с.
426. Пак А.Е. Некоторые разновидности бессоюзных сложных предложений с противопоставлением частей в современном русском языке / А.Е. Пак // Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои. – 1973. – Вып. 248: Исследования по русскому и славянскому языкознанию, [Т.] 4. – 434 с.
427. Панина Т.И. Магия слова в народной медицине удмуртов : специальность 10.01.09 «Фольклористика» : автореферат диссертации ... кандидата

филологических наук / Панина Татьяна Игоревна. – Ульяновск, 2012. – 27 с.

428. Патроева Н.В. К вопросу об осложненном предложении в фольклорном тексте (на материале русских народных песен) / Н.В. Патроева // Лингвофольклористика. – 2018. – № 28, ч. 1. – С. 23–38.

429. Патроева Н.В. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах (о новой книге М. Л. Ковшовой) / Н.В. Патроева. – Русская речь. – 2022. – № 4. – С. 118–128.

430. Патроева Н.В. Фольклоризм *гой еси* в русской поэзии / Н.В. Патроева // Лингвофольклористика. – 2023. – № 37. – С. 139–147.

431. Патроева Н.В. Функционирование некоторых фольклорных формул в русской поэзии / Н.В. Патроева // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : сборник научных статей. – Воронеж, 2023а. – Вып. 1 (11). – С. 232–236.

432. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. – Москва : Наука, 1988. – 236 с.

433. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише / Г.Л. Пермяков. – Москва : Восточная литература, 1970. – 240 с.

434. Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов / Г.Л. Пермяков. – Москва : Наука, 1979. – 671 с.

435. Петров В.П. Заговоры / В.П. Петров // Из истории русской советской фольклористики / В.П. Петров. – Ленинград, 1981. – Вып. 2. – С. 77–142.

436. Пиотровский Р.Г. Математическая лингвистика / Р.Г. Пиотровский, К.Б. Бектаев, А.А. Пиотровская. – Москва : Высшая школа, 1977. – 383 с.

437. Писарева Л.Е. Структура предикативной единицы в русской народной лирической песне : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация ... кандидата филологических наук / Писарева Людмила Емельяновна. – Курск, 1992. – 190 с.

438. Плисецкий М.М. Историзм русских былин : учебное пособие / М.М. Плисецкий. – Москва : Высшая школа, 1962. – 240 с.

439. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира : учебное пособие / В.А. Плунгян. – Москва : РГГУ, 2011. – 670 с.
440. Подковырин Ю.В. Феномен художественной инкарнации смысла (на материале рассказа А. П. Чехова «Актёрская гибель») / Ю.В. Подковырин // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 16. – С. 138–144.
441. Подлесская В. И. «Лицом к лицу» / В.И. Подлесская, Е.В. Рахилина // Логический анализ языка. Язык пространства. – Москва, 2000. – С. 98–107.
442. Познанский Н. Заговоры: опыт исследования происхождения и развития заговорных формул / Н. Познанский ; [примечания Ф.С. Капицы]. – [Репринт издания 1917 г.]. – Москва : Индрик, 1995. – 352 с.
443. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : ВГУ, 2003. – 191 с.
444. Попова З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : ВГУ, 1999. – 30 с.
445. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : ВГУ, 2003а. – 60 с.
446. Попова И.А. Сложносочиненное предложение в современном русском языке / И.А. Попова // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – Москва, 1950. – С. 355–396.
447. Пospelов Н.С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений / Н.С. Пospelов // Вопросы синтаксиса современного русского языка : [сборник статей]. – Москва, 1950. – С. 338–354.
448. Постовалова В.И. О лингвофилософской концепции А.Ф. Лосева / В.И. Постовалова // Античная культура и современная наука. – Москва, 1985. – С. 320–325.
449. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев : СИНТО, 1993. – 192 с.
450. Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии / А.А. Потебня. – Харьков : М.В. Потебня, 1914. – 244 с.
451. Потебня А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – Москва : Правда, 1989. – 623 с.

452. Праведников С.П. Основы фольклорной диалектологии / С.П. Праведников. – Курск : Курский государственный университет, 2010. – 230 с.
453. Праведников С.П. Семантико-функциональная характеристика имени числительного в фольклорном тексте (на материале различных фольклорных жанров) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Праведников Сергей Павлович. – Орел, 1994. – 16 с.
454. Пригожин И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – Москва : Прогресс, 1986. – 432 с.
455. Признаковое пространство культуры / ответственный редактор С.М. Толстая. – Москва : Индрик, 2002. – 432 с.
456. Примак В.В. Структурные формы и функции перечисления в текстовой реализации современного немецкого языка : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Примак Виктория Валерьевна. – Минск, 2003. – 21 с.
457. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Ленинград : Лениздат, 1986. – 415 с.
458. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Москва : Лабиринт, 2003. – 144 с.
459. Пропп В.Я. Русская сказка / В.Я. Пропп ; научная редакция, комментарии Ю.С. Рассказова. – Москва : Лабиринт, 2000. – 416 с.
460. Пропп В.Я. Русский героический эпос / В.Я. Пропп. – Москва : Издательство Ленинградского университета, 1955. – 552 с.
461. Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора / Б.Н. Путилов. – Ленинград : Наука, 1976. – 242 с.
462. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура / Б.Н. Путилов. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 1994. – 464 с.
463. Раджабов У.А. От мифов к современным космогоническим концепциям / У.А. Раджабов // Философские науки. – 1991. – № 7. – С. 31–44.
464. Райкова И.Н. Живое и мертвое, человек, природа и вещный мир в танатологических образах загадки / И.Н. Райкова // История и современность

филологических наук : сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XVI Виноградовские чтения : в 2 томах, Москва, 5–6 марта 2020 года. – Москва, 2021. – Т. 2. – С. 24–34.

465. Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы / Б. Рассел. – Киев : Вист-С ; Ника-Центр, 1997. – 556 с.

466. Родионов О.А. Византийские жития святых-исихастов и древнерусская агиография конца XIV – начала XV в.: характер и истоки параллелизма : специальность 07.00.03 «Всеобщая история (соответствующего периода)» : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / Родионов Олег Алексеевич. – Москва, 1998. – 21 с.

467. Розенталь Д.Э. Справочник по стилистике русского языка / Д.Э. Розенталь. – Москва : Айрис-Пресс, 2013. – 496 с.

468. Розенталь М.М. Принципы диалектической логики / М.М. Розенталь. – Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1960. – 480 с.

469. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / [Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др.] ; ответственный редактор Б.А. Серебренников. – Москва : Наука, 1988. – 212 с.

470. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А.В. Рудакова. – Воронеж : Истоки, 2004. – 80 с.

471. Рудакова А.В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической семасиологии и лексикографии : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / А.В. Рудакова. – Воронеж, 2022. – 51 с.

472. Русская грамматика : [в 2 томах] / редколлегия: Н.Ю. Шведова (главный редактор) и др.]. – Москва : Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с. ; Т. 2: Синтаксис. – 709 с.

473. Русское народное поэтическое творчество : пособие для вузов / под общей редакцией [и с введением] П.Г. Богатырева. – 2-е изд., доп. и испр. – Москва : Учпедгиз, 1956. – 620 с.

474. Савватеева Т.С. Субъективно-модальные значения в египетском диалекте / Т.С. Савватеева // Вестник Московского университета. – Серия 13: Востоковедение. – 2023. – Т. 67, № 4. – С. 117–129.
475. Савчук В.В. Новации и архаические элементы сознания / В.В. Савчук // Философские науки. – 1991. – № 10. – С. 21–33.
476. Садова Т.С. Народная примета как текст и проблемы лингвистики фольклорного текста : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Садова Татьяна Семеновна. – Санкт-Петербург, 2004. – 43 с.
477. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В.З. Санников. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – 624 с.
478. Свешникова Т.Н. О некоторых типах заговорных формул / Т.Н. Свешникова // Малые формы фольклора : сборник статей памяти Г.Л. Пермякова. – Москва, 1995. – С. 121–129.
479. Свешникова Т.Н. Структура восточнороманского заговора в сопоставлении с восточнославянским (формула отсылки болезни) / Т.Н. Свешникова // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – Москва, 1993. – С. 139–149.
480. Селиванов Ф.М. Художественные сравнения русского песенного эпоса : систематический указатель / Ф.М. Селиванов. – Москва : Наука, 1990. – 223 с.
481. Селиверстова Е.И. Глаза как зеркало души: лексико-фразеологический аспект / Е.И. Селиверстова // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9, № 2. – С. 388–402.
482. Сепир Э. Положение лингвистики как науки / Э. Сепир // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – Москва, 1960а. – Ч. 2. – С.175–181.
483. Сепир Э. Язык / Э. Сепир // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Москва, 1960. – Ч. 2. – С.182–197.
484. Сергеева О.А. Библийский параллелизм в поэме Ф.Н. Глинки

«Таинственная капля» (слово-образ *свет*) / О.А. Сергеева // Проблемы исторической поэтики. – 2012. – Вып. 10. – С. 77–85.

485. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике / Б.А. Серебренников. – Москва : Наука, 1974. – 352 с.

486. Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка / Б.А. Серебренников. – Москва : Наука, 1968. – 127 с.

487. Силаева О.Л. Социально-экологические и биолингвистические аспекты звуковых имитаций птиц : специальность 03.00.08 «Зоология» : диссертация ... доктора биологических наук / Силаева Ольга Леонидовна. – Москва, 1998. – 275 с.

488. Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин / А. Скафтымов // Статьи о русской литературе. – Саратов, 1958. – С. 3–76.

489. Сковородников А.П. Асиндетон как стилистическая фигура / А.П. Сковородников // Русская речь. – 2004. – № 4. – С. 56–64.

490. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г.Г. Слышкин. – Москва : Academia, 2000. – 141 с.

491. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – Москва : Academia, 2000а. – 128 с.

492. Смирнов И.П. На пути к теории литературы / И.П. Смирнов. – Амстердам : Родопы, 1987. – 127 с.

493. Собинникова В.И. Конструкции с однородными членами, лексическим тождеством и параллелизмом в народных говорах / В.И. Собинникова. – Воронеж : ВГУ, 1969. – 104 с.

494. Соболева М.Е. Философия символических форм Э. Кассирера. Генезис. Основные понятия. Контекст / М.Е. Соболева. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. – 152 с.

495. Соколов Б.М. Экскурсы в область поэтики русского фольклора / Б.М. Соколов // Художественный фольклор. – Москва, 1926. – Вып. 1. – С. 38–40.

496. Соколов В.В. Философия как история философии / В.В. Соколов. –

Москва : Академический Проект, 2010. – 843 с.

497. Соколов Ю.М. Русский фольклор : учебник для высших учебных заведений / Ю.М. Соколов. – Москва : Учпедгиз, 1938. – 566 с.

498. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика / Г.Я. Солганик. – Москва : Высшая школа, 1973. – 213 с.

499. Солодова И.А. Синтаксический параллелизм в акте коммуникации : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Солодова Ирина Анатольевна – Москва, 1993. – 16 с.

500. Сорокин Ю.А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания / Ю.А. Сорокин, И.М. Михалева // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – Москва, 1993. – С. 98–117.

501. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – Москва : Прогресс, 1977. – 696 с.

502. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание / А.Г. Спиркин. – Москва : Политиздат, 1972. – 303 с.

503. Сравнительно-исторический синтаксис восточно-славянских языков / под редакцией В.И. Борковского. – Москва : Наука, 1972. – [Ч. 2, кн. 2]: Сложноподчиненные предложения. – 356 с.

504. Срезневский И.И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте : из бесед И.И. Срезневского / И.И. Срезневский. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1899. – 185 с.

505. Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика / Г.В. Степанов ; ответственный редактор Д.С. Лихачев. – Москва : Наука, 1988. – 380 с.

506. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 2 изд., испр. и доп. – Москва : Академический проект, 2001. – 989 с.

507. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов. – 4-е изд., стереотип. – Москва : УРСС, 2003. – 312 с.

508. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка : очерк изменений в русском языке конца XX – начала XXI века / И.А. Стернин. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 77 с.

509. Страсти – болезни души. Печаль. Избранные места из творений святых отцов. Как определить Божию волю и иметь упование на Бога / составление, предисловие и приложения С.М. Масленникова. – Москва : Сибирская Благовонница, 2011. – 599 с.

510. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А.Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29.

511. Супряга С.В. К вопросу о лексикологическом и хронологическом анализе лексики казачьих песен / С.В. Супряга // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2 (41). – С. 229–241.

512. Тарланов З.К. Очерки по синтаксису русских пословиц / З.К. Тарланов. – Ленинград : ЛГУ, 1982. – 36 с.

513. Тарланов З.К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии / З.К. Тарланов. – Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 1999. – 208 с.

514. Тарланов З.К. Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора / З.К. Тарланов. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского университета, 1981. – 104 с.

515. Тахтеев В.В. Бокоплавы озера Байкал, их систематика, филогения, эволюция, распределение и экология : специальность 03.00.08 «Зоология» : автореферат диссертации ... доктора биологических наук / Тахтеев Вадим Викторович. – Санкт-Петербург, 2001. – 48 с.

516. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В.Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – Москва, 1988. – С. 26–51.

517. Терехов А.В. Параллельный алгоритм дихотомии для решения трехдиагональных систем линейных алгебраических уравнений и его приложение к задачам геофизики и физики плазмы : специальность 05.13.18 «Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ» : автореферат диссертации ... кандидата физико-математических наук / Терехов Андрей Валерьевич. – Новосибирск, 2010. – 16 с.

518. Терещенко А.В. Стилистический прием «метаморфоза» и особенности его репрезентации в селькупских сказках и мифах народов мира / А.В. Терещенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – Ч. 1, № 10 (40). – С. 180–186.

519. Тиандер К. Заметки по сравнительному изучению народно-эпического стиля : о повторениях в народном эпосе / К. Тиандер // Живая старина. – 1896. – Вып. 2. – С. 202–225.

520. Тихонов А.В. Проблема микро- и макрокосмоса в философии Платона : специальность 09.00.03 «История философии» : автореферат диссертации ... кандидата философских наук / Тихонов Андрей Владимирович. – Ростов-на-Дону, 2003. – 18 с.

521. Толстая С.М. Между двумя мирами: магические способы распознавания ведьмы / С.М. Толстая // Миф и культура: человек-не-человек : тезисы конференции, ноябрь 1994 г. – Москва, 1994. – С. 9–13.

522. Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале / С.М. Толстая. – Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 528 с.

523. Толстая С.М. Ритм и инерция в структуре заговорного текста / С.М. Толстая // Заговорный текст. Генезис и структура. – Москва, 2005. – С. 292–308.

524. Толстой Н.И. Глаза / Н.И. Толстой // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – Москва, 1995. – Т. 1. – С. 500–502.

525. Толстой Н.И. Язык и народная культура : очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – Москва : Индрик, 1995а. – 509 с.

526. Топорков А.Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика / А.Л. Топорков. – Москва : Индрик, 2005. – С. 480 с.

527. Топорков А.Л. Мотив «чудесного одевания» в русских заговорах XVII–XVIII вв. // Заговорный текст. Генезис и структура. – Москва, 2005а. – С. 143–174.

528. Топорков А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века / А.Л. Топорков. – Москва : Индрик, 1997. – 456 с.

529. Топоров В.Н. Об одном латинском заговоре (Tabella defixionis in Plotium). К реконструкции архаичного ритуального «анатомического» протекста /

В.Н. Топоров // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора : тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. – Москва, 1988. – Ч. 1. – С. 26–31.

530. Топоров В.Н. Заговоры и мифы / В.Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 томах. – Москва, 1997. – Т. 1. – С. 450–452.

531. Топоров В.Н. К реконструкции «загадочного» прототекста (о языке загадки) / В.Н. Топоров // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: загадка как текст. – Москва, 1999. – Т. 2. – С. 54–68.

532. Топоров В.Н. К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров) / В.Н. Топоров // Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1969. – Вып. 236. – С. 9–43.

533. Топоров В.Н. К семантике троичности (слав. *trizna и др.) / В.Н. Топоров // Этимология, 1977. – Москва, 1979. – С. 3–21.

534. Топоров В.Н. О древнеиндийской заговорной традиции / В.Н. Топоров // Малые формы фольклора : сборник статей памяти Г.Л. Пермякова. – Москва, 1995. – С. 8–120.

535. Топоров В.Н. О статусе и природе заговора (теоретический аспект) / В.Н. Топоров // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора : тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. – Москва, 1988а. – Ч. 1. – С. 22–24.

536. Топоров В.Н. О числовых моделях в архаических текстах / В.Н. Топоров // Структура текста. – Москва, 1980. – С. 3–58.

537. Топоров В.Н. Числовой код в заговорах. По материалам сборника Л.Н. Майкова «Великорусские заклинания» / В.Н. Топоров // Заговорный текст. Генезис и структура. – Москва, 2005. – С. 194–246.

538. Топоров В.Н. Эней – человек судьбы. К средиземноморской персонологии : [в 2 частях] / В.Н. Топоров. – Москва : Радикс, 1993. – Ч. 1. – 208 с.

539. Топорова Т.В. Др.-англ. *Erce, eorþan modor* – русск. *мать сыра земля* / Т.В. Топорова // Заговорный текст. Генезис и структура. – Москва, 2005. – С. 102–111.

540. Топорова Т.В. О «заговорном» источнике эддических «Речей Сигрдривы» / Т.В. Топорова // Заговорный текст. Генезис и структура. – Москва, 2005а. – С. 93–101.

541. Трофимова У.М. Пространственная концептуализация соматизмов: типологический взгляд / У.М. Трофимова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 10 (4). – С. 74–78.
542. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования / О.Н. Трубачев. – Москва : Наука, 2003. – 495 с.
543. Тулдава Ю.А. Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики / Ю.А. Тулдава. – Тарту : ТГУ, 1987. – 203 с.
544. Туровский М.Б. Мифология и философия как формы знания / М.Б. Туровский, С.В. Туровская // Философские науки. – 1991. – № 10. – С. 3–20.
545. Тэрнер В. Символ и ритуал / В. Тэрнер ; [перевод с английского] ; [вступительная статья В.А. Бейлиса]. – Москва : Наука, 1983. – 277 с.
546. Уемов А.И. Аналогия в практике научного исследования / А.И. Уемов. – Москва : Наука, 1970. – 264 с.
547. Улуханов И.С. Презреть – презирать / И.С. Улуханов // Русская речь. – 2014. – № 6. – С. 102–109.
548. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Москва, 1960. – Ч. 2. – С.198–224.
549. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 3–16.
550. Успенский Б.А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. / Б.А. Успенский. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – Т. 1. – 608 с.
551. Успенский Б.А. О семиотике искусства / Б.А. Успенский // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем : тезисы докладов. – Москва, 1962. – С. 125–128.
552. Успенский В.А. Прогулки с Лотманом и вторичное моделирование / В. А. Успенский // Лотмановский сборник. – Москва, 1995. – Вып. 1. – С. 99–127.
553. Ушинский К.Д. Избранные педагогические произведения / К.Д. Ушинский. – Москва : Просвещение, 1968. – 557 с.

554. Фаттахова Н. Концептосфера лексемы *глаз* в разноструктурных языках : на материале паремий / Н. Фаттахова, А. Нурутдинова // Филология и культура. Philology and Culture. – 2024. – № 1 (75). – С. 53–59.

555. Фаттахова Н. Стратегия понимания суеверных примет в телевизионном дискурсе / Н. Фаттахова // Филология и культура. Philology and Culture. – 2022. – № 1 (67). – С. 116–120.

556. Фаттахова Н.Н. Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках : сопоставительный аспект : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание», 10.02.01 «Русский язык» диссертация ... доктора филологических наук / Фаттахова Наиля Нурийхановна. – Казань, 2002. – 401 с.

557. Фаустов А.А. Понятие маркемы и предварительные итоги маркемного анализа русской литературы / А.А. Фаустов, А.А. Кретов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 4. – С. 16–31.

558. Федорова М.С. Забытый поэт П.А. Квашнин-Самарин / М.С. Федорова // Вестник славянских культур. Вопросы филологии. – 2011. – № 1 (19) – С. 60–67.

559. Федотова М.Г. Понятие «означивание» в семиотических теориях Ф. де Соссюра и Ч.С. Пирса / М.Г. Федотова // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 417–421.

560. Федяев Д.М. О философском инварианте / Д.М. Федяев // Гуманитарное знание. Серия: Преемственность. – Омск, 1997. – Вып. 1. – С. 15–20.

561. Флоренский П. Оправдание Космоса : [сборник] / П.А. Флоренский ; издание подготовил [вступительную статью и примечания написал]. – Санкт-Петербург : Издательство Высших гуманитарных курсов. – 1994. – 217 с.

562. Флоренский П.А. Микрокосм и макрокосм / П.А. Флоренский // Сочинения : в 4 томах. – Москва : Мысль. – Т. 3 (1). – 1999. – 622 с.

563. Фольклор как искусство слова : сборник статей. – Москва : Издательство Московского университета. – Вып. 5: Художественные средства русского народного поэтического творчества: символ, метафора, параллелизм. – 1981. – 127 с.

564. Франк-Каменецкий И.Г. К вопросу о развитии поэтической метафоры / И.Г. Франк-Каменецкий // От слова к смыслу. Проблемы тропогенеза. – Москва, 2001. – С. 28–80.
565. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности (исследования по фольклору и мифологии Востока) / О.М. Фрейденберг. – Москва : Наука, 1978. – 605 с.
566. Фрейденберг О.М. Что такое эсхатология? / О.М. Фрейденберг ; публикация Ю.М. Лотмана // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1973. – Т. 6. – С. 512–514.
567. Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии : в 2 томах. / Дж.Дж. Фрэзер; перевод с английского. – Москва : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. – Т. 1. – 528 с. ; Т. 2. – 496 с.
568. Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления / М. Хайдеггер ; перевод с немецкого ; составление, перевод, вступительная статья, комментарии и указания В.В. Библихина. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 621 с.
569. Харитонова В.И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований / В.И. Харитонова. – Москва : ИЭА РАН, 1999. – Ч. 1. – 292 с. ; Ч. 2. – 310 с.
570. Харченко В.К. Лингвистика народной приметы / В.К. Харченко, А.А. Тонкова. – Белгород : Белгородская областная типография, 2008. – 224 с.
571. Христофорова О.Б. К вопросу о структуре приметы / О.Б. Христофорова // *Arbor mundi*. – 1998. – № 6. – С. 30–47.
572. Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику / А.Т. Хроленко. – Москва : Флинта, 2010. – 152 с.
573. Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение : пособие к спецкурсу по проблеме «Язык и культура» / А.Т. Хроленко. – Курск : ГУИПП «Курск», 2000. – 167 с.
574. Хроленко А.Т. Наддиалектен ли язык русского фольклора? / А.Т. Хроленко // Фольклор в современном мире. Аспекты и пути исследования : [сборник статей]. – Москва, 1991. – С. 59–69.
575. Хроленко А.Т. Основы современной филологии : учебное пособие / А.Т. Хроленко ; научный редактор О.В. Никитин. – Москва : Флинта, 2013. – 344 с.

576. Хроленко А.Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни / А.Т. Хроленко. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1981. – 164 с.
577. Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова / А.Т. Хроленко. – Воронеж : ВГУ, 1992. – 140 с.
578. Хроленко А.Т. Сопоставительная и кросскультурная лингвофольклористика / А.Т. Хроленко, М.А. Бобунова, К.Г. Завалишина // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2004. – № 2. – С. 47–52.
579. Хроленко А.Т. Теория языка : учебное пособие / А.Т. Хроленко, В.Д. Бондалетов. – Москва : Флинта: Наука, 2004а. – 512 с.
580. Черванева В.А. Семантика недостоверности в достоверной прозе: оценка рассказчиком ситуации восприятия мифологического явления / В.А. Черванева // Иллюзорные миры и медиумические практики в пространстве культуры : тезисы и материалы Всероссийской конференции с международным участием, Москва, 1–2 декабря 2017 г. – Москва, 2017. – С. 185–188.
581. Червинский П.П. Семантический язык фольклорной традиции / П.П. Червинский ; ответственный редактор Т.В. Цивьян. – Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского университета, 1989. – 224 с.
582. Черноусова И.П. Фольклорно-языковая картина мира в призме лингвокультурных кодов (на материале русских волшебных сказок и былин) / И.П. Черноусова. – Липецк : ЛГПУ, 2022. – 151 с.
583. Черноусова И.П. Язык фольклора как отражение этнической ментальности : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Черноусова Ирина Петровна. – Елец, 2015. – 52 с.
584. Чистов К.В. Вариативность и поэтика фольклорного текста / К.В. Чистов // История, культура, этнография и фольклор славянских народов : IX Международный съезд славистов. – Москва, 1983. – С. 143–170.
585. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории / К.В. Чистов. – Ленинград : Наука, 1986. – 304 с.

586. Чистов К.В. Современные проблемы текстологии русского фольклора : доклад на заседании Эдиционно-текстологической комиссии, V Международный съезда славистов, София, сентябрь 1963 г. / К.В. Чистов. – Москва : [Б. и.], 1963. – 46 с.
587. Чурганова В.Г. Очерк русской морфонологии / В.Г. Чурганова. – Москва : Наука, 1973. – 239 с.
588. Шапиро А.Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров: строение предложения / А.Б. Шапиро. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1953. – 317 с.
589. Шатин Ю.В. Семиотика VS семиология: к вопросу о полноте знаковой теории / Ю.В. Шатин // Критика и семиотика. – 2015. – № 2. – С. 10–17.
590. Шафранов С.Н. О складе народно-русской речи, рассматриваемой в связи с напевами / С.Н. Шафранов. – Санкт-Петербург : Тип. В.С. Балашева, 1879. – 223 с.
591. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов ; редакция и комментарии Е.С. Истриной. – 2-е изд. – Ленинград : Учпедгиз, 1941. – 620 с.
592. Шахнович М.И. Первобытная мифология и философия. Предыстория философии / М.И. Шахнович. – Ленинград : Наука, 1971. – 240 с.
593. Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа (обзор литературы) / Е.В. Шелестюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 125–143.
594. Шестак Л.А. Славянские картины мира: рефлексy исторических судеб и художественная интерпретация концептосфер / Л.А. Шестак // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград ; Архангельск, 1996. – С. 110–128.
595. Шиндин С.Г. Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира / С.Г. Шиндин // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – Москва, 1993. – С. 108–127.
596. Широкова Н.А. Синтаксические конструкции, вводимые сравнительными союзами, в составе простого и сложного предложения (в современном русском языке и в плане истории языка) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Широкова Наталья Александровна. – Саратов, 1968. – 42 с.
597. Широкова Н.А. Типы синтаксических конструкций с сравнительным союзом в составе простого предложения / Н.А. Широкова. – Казань : Издательство

Казанского университета, 1960. – 155 с.

598. Шляхова С.С. Фоносемантическая звуковая картина мира / С.С. Шляхова, М.Г. Вершинина. – Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2016. – 423 с.

599. Шляхова С.С. Фоносемантическая структура текста былички / С.С. Шляхова // Фольклорный текст. 2002. – Пермь, 2003. – С. 34–43.

600. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер ; перевод Н.Ф. Гарелина. – Новосибирск : Наука, 1993. – Т. 1: Образ и действительность. – 584 с.

601. Шуплецова Ю.А. Поэтическая фразеология: к вопросу разграничения понятий «фольклорная фразеология» и «фразеология фольклора» / Ю.А. Шуплецова // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2014. – 2 (22). – С.141–146.

602. Элиаде М. Космос и История. Избранные работы / М. Элиаде. – Москва : Прогресс, 1987. – 312 с.

603. Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора : тезисы и предварительные материалы к симпозиуму / [редколлегия: В.В. Иванов и др.]. – Москва : Институт славяноведения АН СССР, 1988. – Ч. 1. – 204 с.

604. Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. II. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму / [редколлегия: В.В. Иванов и др.]. – Москва : Институт славяноведения АН СССР, 1988а. – Ч. 2. – 88 с.

605. Этнопоэтика и традиция : к 70-летию член-корреспондента РАН В.М. Гацака. – Москва : Наука, 2004. – 432 с.

606. Юдин А.В. Антропонимические номинации первоэлементов мира (стихий) в восточнославянских заговорах / А.В. Юдин // Заговорный текст. Генезис и структура. – Москва, 2005. – С. 413–424.

607. Язык фольклора : хрестоматия / составитель А.Т. Хроленко. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 224 с.

608. Язык, сознание, коммуникация : сборник статей / редакторы: В.В. Красных, А.И. Изотов. – Москва : Филология, 1997. – Вып. 2. – 124 с.

609. Якобсон Р.О. О соотношении между песенной и разговорной речью / Р.О. Якобсон // Вопросы языкознания. – 1962. – № 3. – С. 87–90.
610. Якобсон Р.О. Работы по поэтике : переводы / Р.О. Якобсон ; составление и общая редакция М.Л. Гаспарова. – Москва : Прогресс, 1987. – 464 с.
611. Ясинская М.В. Мифологические представления о глазах и зрении у славян / М.В. Ясинская // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2015. – № 1. – С. 115–123.
612. Ясинская М.В. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян : специальность 10.02.03 «Славянские языки» : диссертация ... кандидата филологических наук / Ясинская Мария Владимировна. – Москва, 2016. – 278 с.
613. Boys T. Key to the Book of Psalms / T. Boys. – London : Seely, 1825. – 252 p.
614. Boys T. Tactica Sacra / T. Boys. – London : Seely, 1824. – 94 p.
615. Daneš F. Zur linguistischen Analyse der Textstruktur / F. Daneš // Textlinguistik. – Darmstadt : Wiss. Buchgesellschaft, 1978. – S. 185–192.
616. Meyer R.M. Die altgermanische Poesie nach ihren formelhaften Elementen beschrieben / R.M. Meyer. – Berlin : W. Hertz, 1889. – 549 s.
617. Peirce Ch.S. Elements of Logic / Ch.S. Peirce // Collected papers. – Vol. II: Cambridge (Mass) : Harv. Univ. Press, 1965. – 535 p.
618. Steinitz Von W. Der Parallelismus in der Finnisch-Karelischen Volksdichtung : Untersucht an den Liedern des karelischen sängers Arhippa Perttunen / W. Von Steinitz. – Helsinki : Suomalainen Tiedekatemia, 1934. – 219 s.

Приложение 1. Типология структурных инвариантных моделей образного параллелизма по характеру соотношения модальных планов его частей

Первый тип: симметричная репрезентация параллельных миров средствами реальной модальности.

1) Параллелизм действий: ГТ «пусть произойдет определенное *действие*»; СИ «происходит А, происходит Б»; СИМ <как> происходит А, <так сходно> происходит Б.

2) Параллелизм состояний: ГТ «пусть возникнет определенное *состояние*»; СИ «состояние А, состояние Б»; СИМ <каково> состояние А, <таково сходно> состояние Б.

3) Параллелизм качества: ГТ «пусть возникнет определенное *качество*»; СИ «качество А, качество Б»; СИМ <каково> качество А, <таково сходно> качество Б.

4) Параллелизм количества: ГТ «пусть возникнет определенное *количество*»; СИ «количество А, количество Б»; СИМ <сколько> количество А, <столько сходно> количество Б.

5) Параллелизм локусов: ГТ «пусть нечто произойдет в определенном локусе; пусть спасет/защитит определенный локус»; СИ «локус осуществления А, локус осуществления Б»; СИМ <где> локус осуществления А, <там сходно> локус осуществления Б.

6) Параллелизм условий: ГТ «пусть осуществляются определенные *условия*»; СИ «условия осуществления А, условия осуществления Б»; СИМ <когда/если> осуществляются условия А, <тогда сходно> осуществляются условия Б.

7) Параллелизм темпоральных параметров: ГТ «пусть нечто продлится определенное *время*»; СИ «время осуществления А, время осуществления Б»; СИМ <пока> длится время осуществления А, <до тех пор сходно> длится время осуществления Б.

Второй тип: симметричная репрезентация параллельных миров средствами ирреальной модальности.

1) Параллелизм действий: ГТ «пусть произойдет определенное *действие*»; СИ «происходит А, происходит Б»; СИМ <как> пусть происходит А, <так сходно> пусть происходит и Б.

2) Параллелизм состояний: ГТ «пусть возникнет определенное *состояние*»; СИ «состояние А, состояние Б»; СИМ <каково> пусть будет состояние А, <таково сходно> пусть будет и состояние Б.

3) Параллелизм качества: ГТ «пусть возникнет определенное *качество*»; СИ «качество А, качество Б»; СИМ <каково> пусть будет качество А, <таким сходным> пусть будет и качество Б.

4) Параллелизм количества: ГТ «пусть возникнет определенное *количество*»; СИ «количество А, количество Б»; СИМ <сколько> пусть будет количество А, <столько сходным> пусть будет и количество Б.

5) Параллелизм локусов: ГТ «пусть нечто произойдет в определенном *локусе*»; пусть спасет/защитит *локус*»; СИ «локус осуществления А, локус осуществления Б»; СИМ <где> пусть будет локус осуществления А, <там сходно> пусть будет и локус осуществления Б.

6) Параллелизм условий: ГТ «пусть осуществляются определенные *условия*»; СИ «условия осуществления А, условия осуществления Б»; СИМ <когда/если> пусть осуществляются условия А, <тогда сходно> пусть осуществляются и условия Б.

7) Параллелизм темпоральных: ГТ «пусть нечто продлится определенное *время*»; СИ «время осуществления А, время осуществления Б»; СИМ <пока> пусть длится время осуществления А, <до тех пор сходно> пусть длится время осуществления Б.

Третий тип: асимметричная репрезентация миров средствами реальной модальности в символической части и ирреальной модальности в реальной части. Различие модальных планов частей приема исключает возможность их параллельной организации [Артеменко 1977: 307].

1) Параллелизм действий: ГТ «пусть произойдет определенное *действие*»; СИ «происходит А, происходит Б»; СИМ <как> происходит А, <так сходно> пусть происходит и Б.

2) Параллелизм состояний: ГТ «пусть возникнет определенное *состояние*»; СИ «состояние А, состояние Б»; СИМ <каково> состояние А, <таково сходно> пусть будет и состояние Б.

3) Параллелизм качества: ГТ «пусть возникнет определенное *качество*»; СИ «качество А, качество Б»; СИМ <каково> есть качество А, <таким сходным> пусть будет и качество Б.

4) Параллелизм количества: ГТ «пусть возникнет определенное *количество*»; СИ «количество А, количество Б»; СИМ <сколько> количество А, <столько сходным> пусть будет и количество Б.

5) Параллелизм локусов: ГТ «пусть нечто произойдет в определенном *локусе*»; пусть спасет/защитит определенный *локус*»; СИ «локус осуществления А, локус осуществления Б»; СИМ <где> локус осуществления А, <там сходно> пусть будет и локус осуществления Б.

6) Параллелизм условий: ГТ «пусть осуществляются определенные *условия*»; СИ «условия осуществления А, условия осуществления Б»; СИМ <когда/если> осуществляются условия А, <тогда сходно> пусть осуществляются и условия Б.

7) Параллелизм темпоральных параметров: ГТ «пусть нечто продлится определенное *время*»; СИ «время осуществления А, время осуществления Б»; СИМ <пока> длится время осуществления А, <до тех пор сходно> пусть длится и время осуществления Б.

Приложение 2. Образные параллелизмы как знаки разных типов в жанрах русского фольклора

ОП как знаки ВМС	Песни	Плачи	Былины	Баллады	Исторические песни	Частушки	Заговоры	Пословицы	Загадки	Приметы	Былички	Сказки
ОП с ГТ–1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОП с ГТ–2	–	–	–	–	–	–	–	–	+	+	–	–
ОП с ГТ–1 + ГТ–2	–	–	–	–	–	–	–	–	+	+	–	–

Приложение 3. Типы символической образности образного параллелизма

Буквенный код (аббревиатура)	Цифровой код	ТСО ОП
Первый аспект классификации: три основных ТСО ОП		
ОС	I.	Образ-символ
СД	II.	Символическое действие
СК	III.	Символическая картина
Второй аспект классификации: разновидности основных ТСО ОП		
ОСП	I.1.	Образ-символ персонифицированный
ОСПП	I.2.	Образ-символ, лишенный персонифицированного характера
ОСА	I.3.	Образ-символ абстрактный
СДН	II.1.	Символическое действие с непосредственным способом символизации
СДО	II.2.	Символическое действие с опосредованным способом символизации
СКР	III.1.	Символическая картина с расчлененным семантическим комплексом
СКНР	III.2.	Символическая картина с нерасчлененным семантическим комплексом
Третий аспект классификации: подвиды разновидностей основных ТСО ОП		
ОСПО	I.1.1.	Образ-символ персонифицированный: одиночный
ОСПП	I.1.2.	Образ-символ персонифицированный: парный

ОСПМн	I.1.3.	Образ-символ персонифицированный: многокомпонентный
ОСПД	I.1.4.	Образ-символ персонифицированный: детализированный
ОСПНД	I.1.5.	Образ-символ персонифицированный: недетализированный
ОСПК	I.1.6.	Образ-символ персонифицированный: конкретный
ОСПОб	I.1.7.	Образ-символ персонифицированный: обобщенный
ОСПС	I.1.8.	Образ-символ персонифицированный: симметричный
ОСПАс	I.1.9.	Образ-символ персонифицированный: асимметричный
ОСПНМ	I.1.10.	Образ-символ персонифицированный: немультиплицированный
ОСПМ	I.1.11.	Образ-символ персонифицированный: мультиплицированный
ОСЛПО	I.2.1.	Образ-символ , лишенный персонифицированного характера: ослабление персонифицированного характера
ОСЛПН	I.2.2.	Образ-символ , лишенный персонифицированного характера: нивелирование персонифицированного характера
ОСЛПУ	I.2.3.	Образ-символ , лишенный персонифицированного характера: утрата персонифицированного характера
ОСАЧ	I.3.1.	Образ-символ абстрактный: чувств и эмоций фольклорных персонажей
ОСАО	I.3.2.	Образ-символ абстрактный: обобщенных сущностей как результатов духовной деятельности человека
ОСАЧО	I.3.3.	Образ-символ абстрактный: чувств фольклорных персонажей и обобщенных сущностей
ОСАК	I.3.4.	Образ-символ абстрактный: кумулятивный (одиночный/парный/многокомпонентный, детализированный/недетализированный, симметричный/асимметричный)
СДНОД	II.1.1.	Символическое действие с непосредственным способом символизации: обрядового действия
СДНЭС	II.1.2.	Символическое действие с непосредственным способом символизации: эмоционального состояния
СДООД	II.2.1.	Символическое действие с опосредованным способом символизации: обрядового действия
СДОЭС	II.2.2.	Символическое действие с опосредованным способом символизации: эмоционального состояния
СКРП	III.1.1.	Символическая картина с расчлененным семантическим комплексом: персонифицированный образ-символ и непосредственный/опосредованный способы символизации действия
СКРА	III.1.2.	Символическая картина с расчлененным семантическим комплексом: абстрактный образ-символ и непосредственный/опосредованный способы символизации действия
СКРК	III.1.3.	Символическая картина с расчлененным семантическим комплексом: кумулятивный
СКНРО	III.2.1.	Символическая картина с нерасчлененным семантическим комплексом: ослабление персонифицированного характера образа-символа и непосредственный/опосредованный способы символизации действия
СКНРН	III.2.2.	Символическая картина с нерасчлененным семантическим комплексом: нивелирование

		персонифицированного характера образа-символа и непосредственный/опосредованный способы символизации действия
СКНРУ	III.2.3.	Символическая картина с нерасчлененным семантическим комплексом: утрата персонифицированного характера образа-символа и непосредственный/опосредованный способы символизации действия

Приложение 4. Типы символической образности образного параллелизма в жанрах русского фольклора

ТСО ОП		Песни	Плачи	Былины	Баллады	Исторические песни	Частушки	Заговоры	Пословицы	Загадки	Приметы	Былички	Сказки
Буквенный код	Цифровой код	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
ОСПО	I.1.1.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОСПП	I.1.2.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОСПМн	I.1.3.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОСПД	I.1.4.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОСПНД	I.1.5.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОСПК	I.1.6.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОСПОб	I.1.7.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОСПС	I.1.8.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОСПАс	I.1.9.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОСПНМ	I.1.10.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОСПМ	I.1.11.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОСЛПО	I.2.1.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОСЛПН	I.2.2.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОСЛПУ	I.2.3.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОСАЧ	I.3.1.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОСаО	I.3.2.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

ОСАЧО	I.3.3.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ОСАК	I.3.4.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
СДНОД	II.1.1.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
СДНЭС	II.1.2.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
СДООД	II.2.1.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
СДОЭС	II.2.2.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
СКРП	III.1.1.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
СКРА	III.1.2.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
СКРК	III.1.3.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
СКНРО	III.2.1.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
СКНРН	III.2.2.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
СКНРУ	III.2.3.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Приложение 5. Типология структурно-семантических модификаций образного параллелизма

Буквенный код	Цифровой код	Типология ССМ ОП
Первый аспект классификации: три линии развития ССМ ОП		
К	I.	Классический ОП
Т	II.	Трансформированный ОП
Ф	III.	Формализованный ОП
Второй аспект классификации: разновидности основных типов ССМ ОП		
К	I.	Классический ОП
ТФ	II.1.	Трансформированный на уровне формы ОП
ТС	II.2.	Трансформированный на уровне содержания ОП
ФК	III.I.	Формализованный ОП на основе классического типа
ФТФ	III.II.1.	Формализованный ОП на основе трансформации его формы

ФТС	III.П.2.	Формализованный ОП на основе трансформации его содержания
Третий аспект классификации: подвиды разновидностей основных типов ССМ ОП		
К	I.	Классический тип ОП
ТФАн	II.1.1.	Трансформированный на уровне формы ОП: анимизация макрокосмических объектов
ТФАнтр	II.1.2.	Трансформированный на уровне формы ОП: антропоморфизация макрокосмических объектов
ТФПСП	II.1.3	Трансформированный на уровне формы ОП: пластика образов символической параллели
ТФПРП	II.1.4	Трансформированный на уровне формы ОП: пластика образов реальной параллели
ТСМАМИ	II.2.1.	Трансформированный на уровне содержания ОП: параллелизм образов макро- и микромиров
ТСМА	II.2.2.	Трансформированный на уровне содержания ОП: параллелизм образов макромиров
ТСМИ	II.2.3.	Трансформированный на уровне содержания ОП: параллелизм образов микромира
ТССЧ	II.2.4.	Трансформированный на уровне содержания ОП: параллелизм в составе счетных рядов
Ядро формализованного ОП, основанного на классическом и трансформированных типах ОП		
ФК	III.I.	Формализованный ОП на основе классического типа
ФТФАн	III.П.1.1.	Формализованный ОП на основе трансформации его формы: анимизация макрокосмических объектов
ФТФАнтр	III.П.1.2.	Формализованный ОП на основе трансформации его формы: антропоморфизация макрокосмических объектов
ФТФПСП	III.П.1.3.	Формализованный ОП на основе трансформации его формы: пластика образов символической параллели
ФТФПРП	III.П.1.4.	Формализованный ОП на основе трансформации его формы: пластика образов реальной параллели
ФТСМАМИ	III.П.2.1.	Формализованный ОП на основе трансформации его содержания: параллелизм образов макро- и микромиров
ФТСМА	III.П.2.2.	Формализованный ОП на основе трансформации его содержания: параллелизм образов макромиров
ФТСМИ	III.П.2.3.	Формализованный ОП на основе трансформации его содержания: параллелизм образов микромира
ФТССЧ	III.П.2.4.	Формализованный ОП на основе трансформации его содержания: образный параллелизм в составе счетных рядов
Периферия формализованного ОП: векторы трех линий развития ОП		
ФПСр	III.1.	Формализованный ОП: образный параллелизм сравнений
ФПОтс	III.2.	Формализованный ОП: образный параллелизм в формуле отсылки болезни
ФПОбмАЗ	III.3.1.	Формализованный ОП: образный параллелизм в формуле акционального замещения
ФПОбмОО	III.3.2.	Формализованный ОП: образный параллелизм в формуле обмена объектами
ФПОбмЗОО	III.3.3.	Формализованный ОП: образный параллелизм в формуле заместительного обмена объектами

ФТрП	III.4.	Формализованный ОП: троичный образный параллелизм
ФПАкП	III.5.1.	Формализованный ОП: образный параллелизм с акциональными перечнями (полином)
ФПНП	III.5.2.	Формализованный ОП: образный параллелизм с номинативными перечнями (полином)
ФПОбр	III.6	Формализованный ОП: образный параллелизм обращений
ФКцП	III.7	Формализованный ОП: концентрический образный параллелизм
ФП-Б	III.8.	Формализованный ОП: образный параллелизм-бином
ФПОУ	III.9.	Формализованный ОП: параллелизмы с образным уподоблением
ФЗП	III.10.	Формализованный ОП: затрудненный образный параллелизм
ФКомпП	III.11.	Формализованный ОП: композитный образный параллелизм
ФЗСП	III.12.	Формализованный ОП: звукосимволический образный параллелизм
ФПМ-Р	III.13.	Формализованный ОП: образный параллелизм метаморфоз-репрезентаций
ФИмпП	III.14.	Формализованный ОП: имплицитный образный параллелизм
ФДистП	III.15.	Формализованный ОП: дистантный образный параллелизм

Приложение 6. Структурно-семантические модификации образного параллелизма в жанрах русского фольклора

ССМ ОП		Песни	Плачи	Былины	Баллады	Исторические песни	Частушки	Заговоры	Пословицы	Загадки	Приметы	Былички	Сказки
Буквенный код	Цифровой код	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
К	I.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ТФАН	II.1.1.	+	—	+	+	+	+	+	—	—	+	—	—
ТФАНтр	II.1.2.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ТФПСП	II.1.3	+	+	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+
ТФПРП	II.1.4	+	+	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+

ТСМАМИ	II.2.1.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ТСМА	II.2.2.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ТСМИ	II.2.3.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ТССЧ	II.2.4.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—	+
ФК	III.1.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФТФАН	III.II.1.1.	+	—	—	+	—	—	+	—	—	—	—	+
ФТФАНтр	III.II.1.2.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФТФПСИ	III.II.1.3.	+	—	—	+	—	+	—	+	—	—	—	+
ФТФПРП	III.II.1.4.	+	+	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+
ФТСМАМИ	III.II.2.1.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФТСМА	III.II.2.2.	+	+	+	+	+	—	+	+	+	+	+	+
ФТСМИ	III.II.2.3.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФТССЧ	III.II.2.4.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—	+
ФПСр	III.1.	+	+	+	—	+	+	+	+	+	—	+	+
ФПОтс	III.2.	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—
ФПОбмАЗ	III.3.1.	+	+	+	+	+	+	+	+	—	—	+	+
ФПОбмОО	III.3.2.	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	+	+
ФПОбмЗОО	III.3.3.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФТрП	III.4.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФПАкП	III.5.1.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФПНП	III.5.2.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФПОбр	III.6	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФКцП	III.7	+	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+	+
ФП-Б	III.8.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФПОУ	III.9.	—	—	—	—	—	+	—	+	+	+	—	—
ФЗП	III.10.	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—
ФКомпП	III.11.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФЗСП	III.12.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

ФПМ-Р	III.13.	+	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+	+
ФИмпП	III.14.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФДистП	III.15.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Приложение 7. Общежанровые структурно-семантические модификации образного параллелизма

Общежанровые (общефольклорные) ССМ													
ССМ ОП		Песни	Плачи	Былины	Баллады	Исторические песни	Частушки	Заговоры	Пословицы	Загадки	Приметы	Былички	Сказки
Буквенный код	Цифровой код	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
К	I.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ТФАнтр	II.1.2.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ТСМАМИ	II.2.1.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ТСМА	II.2.2.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ТСМИ	II.2.3.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФК	III.1.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФТФАнтр	III.П.1.2.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФТСМАМИ	III.П.2.1.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФТСМИ	III.П.2.3.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФПОбмЗОО	III.3.3.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФТрП	III.4.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФПАкП	III.5.1.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФПНП	III.5.2.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФПОбр	III.6	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФП-Б	III.8.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФКомпП	III.11.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

ФЗСП	III.12.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФИмпП	III.14.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ФДистП	III.15.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Приложение 8. Межжанровые структурно-семантические модификации образного параллелизма

Межжанровые ССМ													
ССМ ОП		Песни	Плачи	Былины	Баллады	Исторические песни	Частушки	Заговоры	Пословицы	Загадки	Приметы	Былички	Сказки
Буквенный код	Цифровой код	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
ТФАН	II.1.1.	+	—	+	+	+	+	+	—	—	+	—	—
ТФПСП	II.1.3	+	+	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+
ТФПРП	II.1.4	+	+	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+
ТССЧ	II.2.4.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—	+
ФТФАН	III.II.1.1.	+	—	—	+	—	—	+	—	—	—	—	+
ФТФПСП	III.II.1.3.	+	—	—	+	—	+	—	+	—	—	—	+
ФТФПРП	III.II.1.4.	+	+	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+
ФТСМА	III.II.2.2.	+	+	+	+	+	—	+	+	+	+	+	+
ФТССЧ	III.II.2.4.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—	+
ФПСр	III.1.	+	+	+	—	+	+	+	+	+	—	+	+
ФПОбмАЗ	III.3.1.	+	+	+	+	+	+	+	+	—	—	+	+
ФПОбмОО	III.3.2.	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	+	+
ФКцП	III.7	+	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+	+
ФПОУ	III.9.	—	—	—	—	—	+	—	+	+	+	—	—
ФПМ-Р	III.13.	+	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+	+

Приложение 9. Внутрижанровые структурно-семантические модификации образного параллелизма

Внутрижанровые ССМ													
ССМ ОП		Песни	Плачи	Былины	Баллады	Исторические песни	Частушки	Заговоры	Пословицы	Загадки	Приметы	Былички	Сказки
Буквенный код	Цифровой код	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
ФПО _{тс}	III.2.	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–
ФЗП	III.10.	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–

Приложение 10. Статус структурно-семантических модификаций образного параллелизма в жанрах русского фольклора

Статус ССМ	Количественный показатель	Процентный показатель
Общежанровые (общефольклорные) ССМ	19	52,8%
Межжанровые ССМ	15	41,6%
Внутрижанровые ССМ	2	5,6%
Сводные данные ССМ	36	100%

**Приложение 11. Количественные и процентные показатели структурно-семантических модификаций
образного параллелизма в жанрах русского фольклора**

Количественные показатели (КП) и процентные показатели (ПП)	КП	ПП	КП	ПП	КП	ПП	КП	ПП
Жанры русского фольклора	Сводные данные ССМ		Общежанровые ССМ		Межжанровые ССМ		Внутрижанровые ССМ	
Обрядовые и необрядовые песни	33	91,7%	19	52,8%	14	38,9%	–	–
Заговоры и заклинания	33	91,7%	19	52,8%	13	36,1%	1	2,8%
Баллады	32	88,9%	19	52,8%	13	36,1%	–	–
Частушки	32	88,9%	19	52,8%	13	36,1%	–	–
Сказки	32	88,9%	19	52,8%	13	36,1%	–	–
Исторические песни	31	86,1%	19	52,8%	12	33,3%	–	–
Былины	31	86,1%	19	52,8%	12	33,3%	–	–
Плачи-причитания	30	83,3%	19	52,8%	11	30,5%	–	–
Пословицы и поговорки	29	80,6%	19	52,8%	10	27,8%	–	–
Приметы	29	80,6%	19	52,8%	10	27,8%	–	–
Былички и бывальщины	28	77,8%	19	52,8%	9	25%	–	–
Загадки	27	75%	19	52,8%	7	19,4%	1	2,8%

**Приложение 12. Модели соотношения синтаксической организации образного параллелизма с его
содержательной стороной в жанрах русского фольклора**

Базовые модели соотношения	Песни	Плачи	Былины	Баллады	Исторические песни	Частушки	Заговоры	Пословицы	Загадки	Приметы	Былички	Сказки
Первая модель	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Вторая модель	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Третья модель	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Четвертая модель	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+